

Администрация г. Дубны Московской области
Дубненский городской Совет общественной организации
пенсионеров, ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил
и правоохранительных органов
Кафедра государственного и муниципального управления
факультета экономики Международного университета «Дубна»

Нам дороги эти позабывать нельзя

**Сборник воспоминаний дубненцев
о Великой Отечественной войне**

Часть I

Составитель и редактор Н.Н. Прислонов

Тверь

Издательство Волга
2015

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622
Н24

*Посвящается всем дубненцам, кто 70 лет назад
в жестоких боях с фашизмом отстоял свободу
и независимость нашей Родины!*

В оформлении обложки использована фотография Илларионова А.И.

Н24 Нам дороги эти позабыть нельзя: Сборник воспоминаний дубненцев о Великой Отечественной войне. – Часть I /Сост. и ред. Н.Н. Прислонов. – Тверь: Издательство Волга, 2015. – 496 с.

ISBN 978-5-904518-58-5

Сборник воспоминаний жителей города Дубны о Великой Отечественной войне издан к 70-летию великой Победы над фашизмом и содержит в себе полный объем воспоминаний, опубликованных в различные годы в отдельных изданиях и местной периодической печати, а также записанных со слов участников войны студентами Международного университета природы, общества и человека «Дубна» в рамках поисковой работы. Книга является хорошим источником по изучению истории нашей Родины и родного края в 1941–1945 гг., дает широкое представление о подвиге, совершенном нашим народом в этот героический период. Знакомство с ее материалами позволяет по-новому посмотреть на историю Великой Отечественной войны.

Для широкого круга читателей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-904518-58-5 © Прислонов Н.Н., составление, 2015.
© ООО «Издательство Волга», 2015.

От составителя

Идея собрать воедино воспоминания жителей о Великой Отечественной войне пришла дубненским историкам довольно давно. Во-первых, когда стало очевидным, что военное поколение довольно быстро стало уходить в мир иной. Во-вторых, когда в 90-е годы теперь уже прошлого столетия история этой войны начала изощренно подвергаться лживым нападкам, перечеркивавшим ту героическую эпоху.

Воплощение этой идеи было осуществлено доктором исторических наук, профессором университета «Дубна» И.Я. Шимоном, под руководством которого студенты в 1998–2000 гг. записали большой объем воспоминаний участников и очевидцев Великой Отечественной войны, вошедших в несколько тематических сборников: «О путях-дорогах фронтовых», «Переключка грозных лет», «Святая проза войны». Данные издания позволили расширить и уточнить представления о масштабах участия дубненцев в войне, их личном вкладе в победу над врагом, выявить ранее неизвестные факты и примеры истории нашего края в те грозные годы.

Новый импульс исследовательского интереса к дубненской военной мемуаристике был придан подготовкой к празднованию 65-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Студенты кафедры государственного и муниципального управления под руководством доцента Прислонова Н.Н. продолжили запись воспоминаний ветеранов, а также, исследовав материалы периодической печати, восстановили значительное число мемуаров, опубликованных в 1957–2010 гг. в дубненских средствах массовой информации. Эта работа была продолжена и в 2015 году, и к ней подключился доцент этой кафедры Башкин А.А. Некоторые воспоминания были переданы родственниками участников войны.

Именно все эти материалы и вошли в настоящий сборник, впервые вобравший в себя огромный массив мемуаров дубненских ветеранов войны. Среди них есть уже известные воспоминания, но большинство из них ранее нигде не публиковались или печатались фрагментарно в местных газетах, в некоторых специальных, не известных широкому кругу читателей, изданиях. Так что эта книга на настоящий момент наиболее полная антология мемуаров дубненцев – участников и очевидцев Великой войны.

Появление этой книги в свет стало возможным, в первую очередь, благодаря той большой работе по сбору материалов для нее, которую провели под руководством своих преподавателей студенты Международного университета природы, общества и человека «Дубна». И в этом отношении её можно считать коллективным трудом молодого поколения, отдающего дань памяти тем, кто отстоял свободу и независимость нашей Родины. Одновременно сборник воспоминаний стоит рассматривать и как своеобразный подарок студенчества всем тем, кому не безразлична наша Победа, пришедшая 70 лет назад, а также детям, внукам и правнукам авторов воспоминаний, для которых хотелось бы и таким образом сохранить память о своих родных и близких, прошедших горнила войны.

Не могу не отметить и большой вклад в создание книги ныне покойной З.А. Поповой, участницы войны, долгие годы возглавлявшей ветеранскую организацию в институтской части города, сумевшей в 2009–2010 гг. собрать у ряда ветеранов вошедшие в сборник мемуарные записи. Особая благодарность И.Я. Шимону, давшему согласие на публикацию материалов из изданных им сборников воспоминаний. Особая признательность и бывшему Главе г. Дубны Проху В.Э., поддержавшему идею издания мемуаров.

Данный сборник по праву можно считать народным изданием, так как он является результатом коллективного бескорыстного труда людей многих поколений. Более того, он издается на благотворительные средства, перечисленные предприятиями, организациями, учреждениями и отдельными гражданами г. Дубны в фонд празднования 70-летия Победы.

*Пока память жива!
Отгремели давно залпы наших орудий,
А в воронке от бомбы трава-мурава...
Но войну не забыли суровые люди
И смеются сквозь слезы,
Ведь память жива!*

*Они помнят походы и дальние страны,
И простые, от сердца, народа слова.
Помнят лица друзей, уходивших так рано.
Их слова и улыбки –
Ведь память жива!*

*Они помнят весну 45-го года...
Закружилась от счастья тогда голова!
Не узнали её те, что гибли в походах,
Но всё помнят друзья их,
Ведь память жива!*

*Эта память с корнями уходит всё глубже,
И шумит на ветвях, зеленея, листва...
Ее времени бег никогда не заглушит!
Ведь душа молода,
Пока память жива!*

З. Чеботарёва

Свидетельства Великой эпохи и Великого подвига народа

*Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память – наша совесть.
Она, как сила, нам нужна...*

Ю. Воронов

У каждой эпохи есть свидетели, способные передавать свое восприятие тех событий, что выпали на их долю в тот период. У Великой Отечественной войны таких свидетелей десятки миллионов. И сегодня как никогда крайне важно сохранить их восприятие этого масштабного события.

Важно не только из-за того, что все меньше становится ее очевидцев, но и для понимания всего того, что удалось свершить, и сделать нашему народу, познавшему горькие уроки поражений, выстоявшему в горнилах военных испытаний и победившему ненавистного врага.

Война была многомерным явлением, осознание которого в каких-то его чертах пришло и приходит только по истечению какого-то исторического промежутка. Событие, как иногда говорят историки, должно «отлежаться», быть осознанным и понятным, и отложиться в исторической памяти нескольких поколений народа.

Вот сейчас, как мне кажется, и наступил тот самый момент истины, когда на события 70-летней давности стоит посмотреть не столько глазами политиков, полководцев и «тех, кто командовал ротами», но и осмысленным взором простых людей, кто, собственно, и вынес на своих плечах все военные тяготы и принес Победу. И не важно кто они были, эти рядовые Великой Отечественной – бойцы дивизий и армий или пехотинцы армии труда, мальчишки и девчонки, ставшие взрослыми 22 июня 1941 года. Войны хватило на всех. Она словно покрывалом всех накрыла, заставила жить по-иному, стремиться к иным ценностям, подчинять личное и мелочное высоким устремлениям к жизни. Жить не только для себя, и для своих родных и близких, но жить во имя интересов Родины, светлых нравственных идеалов.

Именно этого то и не хватает сегодня нашему обществу, попавшему в исторический капкан и не сумевшему за четверть века из него выкарабкаться. Где найти нам те силы, способные вдохновить нынешнее поколение на преодоление нравственных издержек «проклятых 90-х»? Как прийти к победе над собой и добиваться успехов? На эти и другие вопросы исторического выбора дают ответы нам те, кто уже свершил свой гражданский нравственный выбор более семи десятилетий назад, сломавшие хребет фашизму и уничтожившие его. Поэтому их свидетельства, выраженные в воспоминаниях, становятся еще более актуальными.

Много о войне написано, много рассказано. И, все-таки, у каждого ветерана есть свои личные воспоминания, которые время не в состоянии стереть из памяти. Война прошла по их жизни, пропахав мощную борозду в их судьбах, оставив зарубцевавшиеся раны от всего, что пришлось им пережить. Зарубцевавшиеся, но не зажившие. Они их мучили и мучили всю жизнь, что пришлось им преодолеть. У каждого из них была своя война, она оставила свои зарубки в душе, сердце и памяти: у кого-то чередой героических поступков, своих и товарищей, а у кого-то она сохранилась мелкими, обыденными и, казалось бы, не интересными эпизодами военного быта, ранений, госпиталей, страха и радости. Но все это и создает ту картину массового подвига, венцом которого и стала в 1945 году Победа над врагом. Именно к такому выводу приходишь когда страницу за страницей читаешь эти незатейливые мемуары.

Воспоминания не писались «на заказ», поэтому они еще больше служат живительным источником формирования патриотических чувств современного молодого поколения. Ведь любые документы той или иной эпохи всегда из прошлого и настоящего обращены в будущее. А воспоминания – тем более. Они предназначены не только для того, чтобы кто-то и когда-то выяснил детали произошедшего, но и для того, чтобы прочитавшие эти воспоминания поняли эпоху Великой войны.

Более того, они сегодня являются и основательной аргументацией тем, кто в начале XXI века взялся переписывать историю, всячески стремясь принизить подвиг нашей страны, советского народа, победивших фашизм. Стоит только бегло прочитать свидетельства очевидцев, чтобы понять одну истину, лежавшую в основе его – «не до ордена, была бы Родина, с ежедневным Бородино».

Так тогда жила вся страна от мала до велика. Потому-то и одолели врага...

Эти воспоминания не простое чтение. Может они не отличаются литературными изысками, но они искренние и сказанные от души мысли и оценки той войны, что стала частью жизни и судеб этих людей, их молодости. Читать их стоит медленно и вдумчиво, сравнивая прочитанное с тем, что когда-то приходилось знать, и слышать о войне, выделяя общее и отличное. Вот именно такое синтезированное чтение и даст ответы на те многие вопросы, на которые не всегда найдешь ответ в серьезной литературе и научных трудах.

Этими воспоминаниями дышит жизнь войны как многопланового и многомерного явления. Пройдут еще годы и будущие поколения дубненцев, обращаясь к её истории, прочитав эти воспоминания, сумеют глубже понять и по достоинству оценить свершенное их предками.

Н.Н. Прислонов

Мне этот бой не забыть нипочём...

*Когда от неба и до земли
Летели клочья седого дыма,
И только люди сносить могли
Всё, что для камней невыносимо,
Когда, одетый в огонь и дым,
Мир накренился, как в бурю судно,
И было трудно лежать живым,
А мертвым было уже нетрудно,
Когда под скрежет весенних льдин,
Прощаясь с миром последним взглядом,
Я оставался в снегу один,
А немцы были почти что рядом,
Когда, разбужен ночной стрельбой,
Весь лес был полон предсмертной дрожи,
Я не прельщался другой судьбой,
Я повторял лишь одно и то же:
Жить не украдкой, жить не ползком,
Подобно горной лететь лавине.
Мне нужно счастье все, целиком,
Мы не сойдемся на половине.*

М. Матусовский

Герой Советского Союза Кравченко Владимир Ильич

Родился в 1920 г. в селе Ново-Николаевка Новгородковского района Кировоградской обл. на Украине. Служил в рядах Советской Армии с 1941 г. по декабрь 1970 г. Прошел путь от рядового до полковника. Воевал на Украине, Северном Кавказе, освобождал Белоруссию, Польшу, Германию. Закончил войну в 1945 г. в составе 47-й танковой армии 1-го Белорусского фронта. Звание Героя Советского Союза присвоено 27 февраля 1945 г. за мужество и героизм, проявленные в боях по освобождению Польши. Награжден медалью «Золотая Звезда», орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I ст., Красной Звезды и юбилейными медалями. После Великой Отечественной войны с 1945 года по 1970 год занимал различные командные должности в Советской Армии. В 1954 году окончил Академию им. М.В. Фрунзе, служил в Группе советских войск в Германии, Кантемировской дивизии, заместителем начальника высших курсов Сухопутных войск «Выстрел». С 1971 года работал в г. Дубне начальником ЖКУ ОИЯИ, военруком в школе №4, директором Станции технического обслуживания автомобилей. Ушел на пенсию с должности начальника «Дома рыбаков Министерства обороны СССР». Активно участвовал в военно-патриотическом воспитании молодежи города. Почетный гражданин г. Дубны. Умер в 2010 г.

Быть всегда впереди

На войну, будучи уже молодым учителем, как и многие тысячи сверстников, я пошел добровольцем. Волею военных судеб повоевать пришлось и в пехоте, в связи, в артиллерии, танкистом. Героем Советского Союза стал танкистом. Но этому предшествовали трудные и долгие фронтовые дороги, тяжелые бои под Одессой, на Кавказе, под Новороссийском.

Боевое крещение принял под Одессой, у населенного пункта Аккерман. С группой добровольцев присоединился к пехотной роте. Немцы превосходящими силами окружили нас, начался тяжелый бой. Ситуация складывалась так, что необходимо было любым способом прорываться, иначе все полягут. Так и сказал я ко-

мандиру. И когда офицер согласился со мной, пошел в контратаку, увлекая за собой остальных. Пока опешившие от такой «наглости» немцы приходили в себя, вся группа бойцов успела проскочить опасный участок и раствориться в соседнем лесу.

Об этом эпизоде из доклада командира стрелковой роты узнал маршал Кулик. И, подчеркнув в донесении фамилии отличившихся, в том числе добровольца меня, распорядился: «Редактору армейской газеты: обязательно написать об этих бойцах!»

В следующем, особенно запомнившемся бою участвовал уже будучи сержантом и командиром отделения. Было это под Армавиром, где гитлеровские войска упорно прорывались к нефтяным вышкам. Оборонявшему важный район стрелковому полку приказали контратаковать противника. Задача была выполнена. Здесь снова отличился. Получив «добро» командира роты, вместе с русским Одинцом, казахом Тайлибаевым и украинцем Петренко мы прорвались к трем нефтяным вышкам и закрепились там, дав возможность своим продвинуться дальше.

...К сожалению, в этом бою погиб командир нашего взвода – лейтенант Белуничев. Это был исключительно храбрый офицер. Умный, веселый, он прекрасно пел и играл на гитаре. Мне доверили принять командование его взводом на себя. А в память об этом человеке достались его пистолет ТТ и, чуть позднее, вторая по счету боевая награда...

А наград много, и за каждой конкретный и непростой эпизод. Вот орден Красной Звезды за тяжелые бои под Новороссийском, в частях 18-й армии, той самой, где начальником политотдела был Л.И. Брежнев. Тогда полковник, а впоследствии Генсек ЦК КПСС и Маршал Советского Союза. Не без его участия я был назначен командиром взвода. Вот как это было. В один из дней меня вызвали в штаб полка: «Вам поручается ответственная задача. Подберите пятерых надежных бойцов». Вскоре приезжает начальник разведотдела 18-й армии. Развернул карту, уточнил: «Крайне важны свежие данные о противнике в центре Новороссийска. Вот, обратите внимание, где лучше можно преодолеть линию фронта. Возможность безопасного прохода обеспечат уже назначенные силы и средства...»

Но что это значит – перейти линию фронта? Разведчики тут чаще всего оказываются в роли преследуемых. Сначала немцы по-

везят над головой пару ракет и высветят вас на каком-нибудь открытом поле. Потом пустят с флангов скрещивающиеся трассеры, да еще подключат пару ротных минометов – вот тогда почувствуешь, что значит убежать от охотников! Правда, в тот раз нам повезло – «нейтралку» мы преодолели благополучно. В тыл к немцам пробирались по подземным коммуникациям. Повезло нам и тогда, когда поднялись наверх, потому что к этому моменту стемнело.

Приходилось, правда, передвигаться в основном по-пластунски, но в центр города пробрались, обстановку изучили, особенно систему укреплений, расположение артбатарей и других огневых точек. Возвращаемся обратно и... натываемся на каменоломню, а там два румына и немец доят корову. «Что будем делать?» – спрашивает Бухонец. «Как что, – говорю. – У фрица, видишь, фельдьегерский портфель? Надо брать». Бесшумно подбираемся к ним со всех сторон, кляпы в рот каждому, связываем им руки и, указывая дорогу, подгоняем: «Шнель, шнель!». Кстати, заодно прихватили и корову. Нельзя же было такое добро бросать, тем более что до наших уже недалеко.

Когда приблизились к нашей передовой, я пустил сигнальную ракету, чтобы обеспечили свободный проход. И вот мы у своих. Как только в штабе узнали, что мы захватили фельдьегерский портфель, оттуда сразу прибыли офицеры. Просмотрели документы и говорят: «Ну, товарищ Кравченко, не ожидали! Здесь же исключительно ценные сведения о противнике, о планах его действий. Спасибо! Мы этого вам не забудем». Кстати, за корову тоже поблагодарили. О том, как в штабе «вспомнили», я узнал уже в госпитале, потому что меня при переходе ранило сразу в трех местах. Мне присвоили звание лейтенанта, а во-вторых, представили к ордену...

После боев за Новороссийск Кравченко снова вызвали в политотдел 18-й армии. Начальник политотдела, полковник Л. Брежнев говорит: «Мы уже знаем вас как опытного командира, но вы знакомы и с партийно-политической работой. Хотим назначить комиссаром в штрафную роту...». Пришлось согласиться, а куда денешься. К тому же, познакомившись со штрафниками, а их в роте оказалось 150 человек, я изменил свое мнение о них. Да, эти люди по тем или иным причинам, часто даже не зависящим от них, нарушили устав и присягу. Но все они, во что бы то ни стало, стремились кровью искупить свою вину. Лица многих из них до сих пор перед моими глазами, как живые.

Первый бой мы приняли под станцией Гривенская. Наступать приходилось порой по пояс в воде, под нестихающим огнем немцев. Хотя здесь нас постигла неудача, я воочию убедился, как мужественно, героически сражались штрафники. Презируя опасность, они шли на врага, поднявшись в полный рост. Только огромное превосходство немцев помешало нам тогда выполнить задачу. Когда я понял, что атака захлебнулась, то приказал отойти и начал лихорадочно обдумывать новый замысел. Совместно с ротным и взводными было принято решение попробовать обходной маневр с использованием ложных фланговых перемещений и соблюдением всевозможных предосторожностей для избежания ненужных потерь. Потом я довел решение до всего личного состава и почувствовал, что они его одобряют.

Надо было видеть этих бойцов, когда в воздух взвилась сигнальная ракета! Они поднялись в едином порыве, причем не восклицали «Ура!» или «За Родину, за Сталина!», а крыли на все поле забористым русским матом, и это действовало необычайно. На сей раз каждый знал, как говорится, свой маневр, действовал обдуманно. Конечно, и в этом бою были потери. Но свою задачу мы выполнили. А когда все закончилось, я распорядился каждому бойцу выдать не по 100 граммов «наркомовских», а по 200. Через некоторое время рота получила благодарность от Брежнева, а я – очередную боевую награду...

А потом поступил учиться в танковое училище, которое закончил с отличием. Шел 1944 год, война во всю катилась на Запад. Впереди была Висло-Одерская операция (один из десяти сталинских ударов). Вот к ней-то и поспел. Меня назначили командиром машины 3-го батальона 3-го корпуса 51-й танковой бригады.

...И вот назначен срок наступления. После прорыва первой линии обороны врага бригаду назначили в передовой отряд, а танковую роту капитана Петроченко, где командиром танка был я, – в головную походную заставу (ГПЗ). У ГПЗ задача, в общем-то, простая: с разведывательными целями двигаться впереди ударной группы на удалении 12–15 километров. Если встретятся мелкие части противника, то уничтожать их и следовать дальше, а вот с крупными в бой не ввязываться, только сообщать о них в штаб бригады, занимать оборону и сдерживать натиск немцев до подхода основных сил.

К счастью, серьезные части противника нам не попадались до самого Жирардува. Было всего несколько стычек, но в одной из них мы потеряли капитана Петроченко, и командование ГПЗ поручили мне. Как сейчас помню, приказ об этом поступил от Героя Советского Союза, капитана Михаила Санычева, будущего командира нашего полка.

Затем нам поставили очередную задачу – двигаться в обход Варшавы в направлении города Сукачева. Уже вечерело, когда мы оказались чуть западнее окраины Сукачева и расположились в густо заросшей лощине. Впереди темнел густой лес. Не успел я по карте оценить обстановку, чтобы принять очередное решение, как возвратились отправленные на разведку бойцы из взвода лейтенанта Остахова. И у всех во-от такие глаза! В чем дело, спрашиваю. Остахов почему-то тихим голосом докладывает: «В километре отсюда крупный немецкий аэродром! Я насчитал больше тридцати самолетов-истребителей и истребителей-бомбардировщиков! Все в полной боевой готовности».

У меня сердце забилося, думал, выскочит из груди. Ведь такая добыча! Разве можно ее упустить? Это какой же поддержки с воздуха мы лишим немцев, если выведем из строя целый авиаполк!.. Правда, я помнил, что свои аэродромы гитлеровцы охраняют очень надежно, наверняка нас ждут превосходящие силы, да еще с бронетехникой. А что мы имеем? Десять танков, батарею САУ, артиллерийский взвод да взвод автоматчиков. Не густо...

И все же размышлял недолго. Эх, думаю, была не была! Либо грудь в крестах, либо голова в кустах. Собрал офицеров и прямо говорю: «Не знаю, как вы, а я, если мы обойдем аэродром стороной, никогда себе этого не прощу! Его нужно уничтожить!» И довожу замысел. Во-первых, по опыту наших танкистов на Курской дуге пехоту посадить на броню. Во-вторых, перед решающим моментом включить все фары и сирены. В-третьих, батарее САУ поддерживать нас с левого фланга, а артиллеристам лейтенанта Козырева – с правого.

«Вопросы есть?» – спрашиваю. «Вопросов нет», – ответили все, хотя определенный мандраж в голосах чувствовался. Еще бы!

На войне, как известно, многое решает фактор внезапности. И нам удалось его использовать. Хотя немцы обнаружили нас метров где-то за двести, сделать они ничего не успели, потому что

мы внезапно ослепили их фарами и на предельной скорости, под жуткий аккомпанемент включенных сирен, развернулись в атаку на летное поле. Здесь никому не нужно было ничего подсказывать: развернули стволы пушек назад, как моряки бескозырки, и пошли крошить хвосты «Юнкерсов» и «Фокке-Вульфов». Тем временем автоматчики и артиллеристы дружным огнем отсекали от самолетов охрану аэродрома, причем, как я и предполагал, немцев оказалось много. Сопrotивлялись они ожесточенно. Но что нам еще помогло, кроме внезапности? Мы своевременно подожгли склады с топливом, после чего стало светло, как днем, а ветер погнал пламя от разлившегося бензина прямо на фрицев.

Не могу точно сказать, сколько продолжался этот разгром, но в конце концов все самолеты были уничтожены. А еще автоматчики захватили в плен оставшийся обслуживающий персонал аэродрома вместе с зенитчиками и заперли их в ангар.

К утру появился наш передовой отряд. Когда командир бригады, полковник Копылов увидел, что мы тут натворили, то сперва глазам своим не поверил. А вскоре появился генерал-лейтенант Веденеев. Вместе они внимательно осмотрели покоренную немецкую авиатехнику. Потом генерал приказал всем нам построиться. «Спасибо, товарищи! – сказал Веденеев. – Всех представим к наградам. А вас, лейтенант Кравченко, лейтенант Корсаков и старший сержант Чапаев, с учетом героических действий в предыдущих боях, к званию Героя Советского Союза».

В общем, получилось что-то вроде небольшого митинга. А сразу после него моей ГПЗ ставят новую задачу: совершить марш к крупному железнодорожному узлу и перерезать сообщение между Варшавой и Берлином, чтобы не допустить вывоза ценностей из польской столицы.

Но, по-видимому, немцы каким-то образом предугадали наш замысел и выслали навстречу танковую колонну. Пришлось вступать в бой. Нужно отдать должное фрицам: дрались они отчаянно, умело, уже через несколько минут вывели из строя два наших танка и одну САУ. Но и мои ребята оказались не лыком шиты. Первым открыл боевой счет лейтенант Гнедаш, который максимально сблизился с немецким танком и подбил его. Затем лейтенант Корсаков, хотя был уже ранен, вывел из строя «Фердинанд». Смело дрались расчеты сержантов Сергеева и Пожидаева. А тут и глав-

ные силы подоспели. Сообща нам удалось наголову разгромить крупное формирование врага и спасти от угона на запад два эшелона с ценностями, после чего наша ГПЗ получает новую задачу...

...Пришлось совершить одиночный рейд в тыл противника с задачей разведать обстановку у небольшого польского городка. Наш Т-34 при лунном свете на большой скорости благополучно проскочил к населенному пункту, выдвинулся на опушку леса, и... экипажу предстала такая картина: на шоссе мирно «отдыхает» немецкий обоз. По всей видимости, гитлеровцы считали, что передовая далеко и опасаться нечего. «Ага! Значит, гостей не ждете? – Подумал я. – Ну, тогда получайте!» И начал уютить никем не охраняемые повозки, грузовые автомобили, мотоциклы. Затем, полив остатки обоза свинцовым ливнем из пулемета, так же быстро исчез, как и появился.

Теперь надо было связаться с командованием полка, доложить обстановку. Но сделать это не успел – в лесопосадке, куда направил свой Т-34, он обнаружил еще несколько бронированных машин с крестами на бортах. Интересная образовалась ситуация. С одной стороны, для немцев появление нашего танка явилось полной неожиданностью, и они с перепугу решили, что это авангард больших сил советских войск. С другой, отступить сейчас – верная гибель. И тогда, подтверждая версию немцев, я вывел боевую машину на позицию для стрельбы и приказал лупить по танкам врага. Уже первым выстрелом наводчик – ефрейтор Н. Дубровин разворотил башню одного танка, затем загорелась вторая машина. В возникшей суматохе немцы не нашли лучшего варианта, кроме как разбежаться – кто куда. А мы, сделав дело, вновь скрылись в лесу, откуда срочно попросили у своих подмоги.

Отступление немцев в то время нередко приобретало характер беспорядочного бегства. Они двигались напропалую, части разных родов войск смешивались в кучу. Поэтому мы частенько оказывались у них в тылу, и с ними нашим войскам было легко справиться, поскольку фактор внезапности действовал на них ошеломляюще. Зато и сопротивлялись они отчаянно. Помню, вышли мы к старой немецкой границе в районе Шенланна. Все вроде было тихо. И вдруг с окраины городка нас встретил мощный огонь. Моя рота сразу потеряла два танка. К счастью, стреляли безусые мальчишки из «гитлерюгенда», вооруженные фаустпатронами. Нам удалось

быстро сковать их инициативу и поднять к центру городка, где мы всех «фаустников» и уничтожили.

А вот под Бромбергом пришлось туго. Наша ГПЗ прорвала первую линию слабо оборонявшихся немцев и должна была занять мостовую переправу, но противник успел взорвать ее. Мы оказались окруженными на площади города. Пришлось принять бой. Я приказал занять круговую оборону. Мы продержались до подхода главных сил, но потеряли лейтенантов Крашенникова и Смирнова, а еще несколько танкистов погибли от огня засевших где-то снайперов...

Чем ближе становился Берлин, тем упорнее было сопротивление врага. В районе Нагеля несколько подразделений 50-й танковой бригады попали в окружение. Моя ГПЗ в составе ударной группы была брошена им на помощь. Бой шел всю ночь, но вражескую оборону прорвали и выручили своих. Особенно отличился тогда механик-водитель Просолуков, мастерски выведший боевую машину к немецкой батарее на расстояние прямого выстрела...

А потом вновь бои. После успешного взятия города Тамзель я оказался в госпитале – меня в очередной раз зацепило осколком мины. И вдруг в палату приходят мои ребята с поздравлением: мне присвоили звание Героя Советского Союза!

В городе Камин мы впервые увидели Балтийское море. И кому-то из бойцов пришла в голову мысль: «Товарищи, неплохо было бы отправить термос с морской водой командиру бригады, полковнику Копылову!» Сказано – сделано. Доставили подарок с мотоциклистом прямо в штаб. Но Копылов, в свою очередь, приказал передать термос командиру корпуса, а тот – командиру 2-й танковой армии генерал-полковнику Богданову. В конце концов сосуд с балтийской водой передали лично маршалу Г.К. Жукову, который поблагодарил всех танкистов и за взятие города Камина, и за воду Балтики.

...После семисуточных тяжелейших боев за Зееловские высоты наш корпус ворвался в город Бернау. Здесь вновь ранение. Но, пробыв в госпитале всего пять дней, я догнал свою часть и участвовал во взятии Берлина. За успешные боевые действия я получил четыре благодарности от Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза Сталина:

- За прорыв обороны немцев на западном берегу Одера и вторжение в Берлин – приказ №339 от 23 апреля 1945 года;

- За участие в завершении полного окружения Берлина – приказ №342 от 25 апреля 1945 года;

- За овладение городами Ратенов, Шпандау и Потсдам – важными узлами дорог и мощными опорными пунктами обороны немцев в центральной Германии – приказ №347 от 27 апреля 1945 года;

- За взятия города Бранденбурга – приказ от 1 мая 1945 года.

...Участвовал я и в историческом Параде Победы 24 июня 1945 г. В июне 45-го меня вызвал командир нашей танковой бригады. Вместе с еще одним Героем Советского Союза, старшиной С. Мацапуру, он отправил нас к командарму, а от него мы поехали к Г. Жукову – представляться по случаю поездки в Москву... Всего я участвовал более чем в 40 Парадах Победы... [1]

Герой Советского Союза Стрельченко Владимир Игнатьевич

Родился в 1917 году в г.Саранске. Служил в Советской Армии с 1935 г. по 1957 г. Полковник в отставке. Окончил Ульяновскую объединенную школу лётчиков и авиационных техников в 1937 г., Волчанскую военную авиационную школу пилотов в 1940 г. На фронтах Великой Отечественной войны – с июля 1941 г. по май 1945 г. Штурман 948-го штурмового авиационного полка (308-я штурмовая авиационная дивизия, 3-й штурмовой авиационный корпус, 15-я воздушная армия, Брянский фронт). Совершил 240 боевых вылетов, участвовал в 75 воздушных боях, сбил лично 1 и в группе 12 самолётов противника. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1944 года за отвагу и героизм, проявленные при нанесении штурмовых ударов по врагу, было присвоено звание Героя Советского Союза. Награжден медалью «Золотая Звезда», орденами Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны I и II ст., 2 орденами Красной Звезды, медалями. В числе немногих военных летчиков СССР в 1944 г. награжден знаком Ордена Британской Империи 5 степени – самой престижной наградой Соединённого Королевства, которой удостоиваются только граждане страны или иностранцы, внесшие весомый вклад в дело сохранения демократии и государственности Британии. В послевоенные годы до 1957 г. служил на различных командных и инструкторских должностях в составе бомбардировоч-

ной авиации и Воздушно-десантных войск СССР в Московском, Белорусском, Закарпатском, Забайкальском военных округах. В 1957–1966 гг. жил в Брянске, где работал на предприятиях города. С 1966 г. по 1976 г. жил в г. Дубне и активно участвовал в военно-патриотическом воспитании молодежи города. По состоянию здоровья в 1976 г. переехал в г. Саратов. Умер в 1981 г.

Сквозь огненное кольцо

В 1941–1942 наш 135-й авиаполк, где я служил, принимал участие в тяжелых оборонительных боях на Днепре за города Гомель, Могилев, Жлобин, наносил бомбовые удары по противнику под Харьковом, Москвой, Воронежем, Сталинградом.

Летом 1942 года разгорелись жаркие бои в излучине Дона. Немецко-фашистские войска рвались к волжской твердыне – Сталинграду. Большую роль в этом сражении сыграла наша авиация. Несмотря на численное превосходство врага, советские летчики наносили мощные удары по наземным целям, ведя тяжелые воздушные бои.

В одном разведывательном полете летчики обнаружили большое скопление немецкой техники в районе гор. Калача. Группе в составе 12 самолетов бомбардировщиков, под прикрытием 4-х истребителей была поставлена задача нанести бомбовой удар и уничтожить танки и технику противника в месте ее сосредоточения.

Полет проходил в сложной обстановке, на подходе к Дону группу атаковали немецкие истребители. Ведя тяжелый оборонительный бой, мы продолжали полет к цели. Когда мы пересекали линию фронта, нас встретил ураганный огонь зенитной артиллерии, снаряды рвались рядом, в кабине пахло гарью, моторы захлебывались от разрывных волн, казалось, что развязка близка. Но нервы наших летчиков оказались крепкими, организованный огонь стрелков отгонял немецкие истребители. Группа прорвалась сквозь огненное кольцо, легла на боевой курс и сбросила бомбы по цели. Мощный взрыв, клубы дыма и огня говорили о том, что цель накрыта.

Фашистские истребители с еще большим остервенением набросились на нас, образовалась карусель, огненные трассы прорезали воздух. Увеличив скорость, со снижением наша группа

уходила от цели. По данным наземных войск пашей группой была взорвана крупная база, на которой заправлялись топливом и пополняли боезапас немецкие танки и автомобили.

Двое суток бушевало пламя на месте фашистского логова. Наши войска получили возможность перегруппироваться и встретить фашистов на более удобных позициях. Все летные экипажи за образцовое выполнение задания были представлены к правительственным наградам.

В составе Брянского фронта летчики полка дрались за Орел; в составе I и II Прибалтийских фронтов, II и III Белорусских фронтов полк активно участвовал в боях за города Ригу, Великие Луки, Витебск, Оршу, Минск, Сандомир; в составе войск I Украинского фронта вели бои в Польше, Восточной Пруссии и Германии. Боевые действия полк закончил в Чехословакии.

Летом 1944 года войска III Белорусского фронта вели успешные наступательные бои, второй гвардейский танковый корпус, с которым мы взаимодействовали, подошел к границе Восточной Пруссии. Разведка установила, что по железной дороге Кенигсберг–Гумбиен–Шталлупенен происходит переброска танковых частей противника; на станцию Шталлупенен прибыло четыре эшелона с танками дивизии «Великая Германия» и производится их выгрузка. Командир полка приказал мне с группой, состоящей из 18 самолётов ИЛ-2, под прикрытием восьми истребителей ЯК-7 нанести бомбовой удар по станции Шталлупенен. Было известно, что станция прикрыта сильным огнём артиллерии, патрулируется истребителями. Чтобы перехватить противника наша группа на бреющем полёте пересекла линию фронта севернее станции Шталлупенен, углубившись на территорию противника, левым разворотом вышла на железную дорогу Гумбиен–Шталлупенен и атаковала станцию с запада. Удар был внезапным, бомбы, сброшенные по эшелонам, достигли цели: горели танки, рвались боеприпасы, огонь охватил всю станцию. Когда мы выходили из атаки, противник открыл ураганный огонь по самолетам. Боевая задача была выполнена, группа без потерь вернулась на свой аэродром. Противник потерял большое число танков и боеприпасов к ним, станция была выведена из строя на продолжительное время. Наземное командование объявило благодарность всем экипажам, участвовавшим в боевом вылете.

За время Великой Отечественной войны я провел 240 успешных боевых вылетов, сбросил по врагу 320 тысяч боевых бомб, расстрелял 300 тысяч снарядов и патронов. Участвовал в 75 воздушных боях, уничтожил лично и в группе 17 самолетов противника, разбомбил переправу через реку Дон, уничтожил более 50 танков, несколько десятков орудий, минометов и автоматов, большое количество живой силы [2].

Герой Советского Союза Толстов Василий Никанорович

Родился 1923 году в станице Лысогогорская Георгиевского района Ставропольского края. Работал с 1938 по 1942 год на опытной мелиоративной станции в поселке Горячеводск Пятигорского района Ставропольского края. Служил в рядах Красной Армии с 1942 г. по 1947 г. Сержант. Участвовал в боях за освобождение городов Ростова, Новороссийска в составе 56-й армии Северо-Кавказского фронта, за что был награжден медалью «За отвагу» и орденом «Боевого Красного Знамени». Будучи командиром отделения 1339-го стрелкового полка (318-я стрелковая дивизия, 18-я армия Северо-Кавказского фронта) младший сержант Толстов В.Н. отличился 1-6 ноября 1943 года в боях за плацдарм на Керченском полуострове в районе поселка Эльтиген. Высадившись под огнем противника на берег, отделение под его руководством захватило небольшой плацдарм и занимающую господствующее положение высоту «+3» и удерживало ее в течение пяти дней до подхода основных сил дивизии, отбило 62 контратаки противника, уничтожило большое количество живой силы и техники врага. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1943 года за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом мужество и героизм, Толстову В.Н. было присвоено звание Героя Советского Союза. Участвовал в освобождении Крыма, Украины, Румынии, Болгарии. Награжден медалью «Золотая Звезда», орденами Ленина, «Боевого Красного Знамени», медалями «За отвагу», «За оборону Кавказа» и юбилейными медалями. В 1947 году Василий Никанорович демобилизовался из рядов Красной армии и с 1950 г. по 1984 г. жил в г. Дубне и работал на Дубненском машиностроительном заводе. Активно участвовал в военно-патриотическом воспитании молодежи города. Умер в 1984 г.

Высота отважных

...Плыл наш мотобот на освобождение советского Крыма, и я, устроившись на носу со своим ПТР, многое передумал. У меня был свой счет к врагу. Отец и брат Николай погибли на фронте. Дома – разрушенная станица, осиротевшая мать... Но – ничего! Разгромим врага. Встретимся—оставшиеся в живых. Мысль прервала ракета, взлетевшая над морем. Немцы осветили десант, чтобы лучше нас просматривать с берега.

Но ракета кое в чем и мне помогла: прицелившись, выстрелил по огневой точке, откуда бил пулемет, и прыгнул в воду.

На берегу проволочное ограждение. Как пройти? Наверняка мины! Отбежал метров на двадцать назад, бросил на проволоку две противотанковые гранаты, а сам укрылся за камнем. Взрыв улегся, и мы со вторым номером Фуниковым кинулись стремглав по месту разрыва гранат вперед, к Эльтигену. За нами и рядом бежали другие солдаты. Кругом пошла стрельба. «Молодец, сержант! – крикнул подбежавший командир роты. – Возьми тот пулемет!» Он указал на дом, откуда лилась пулеметная очередь. Наш расчет укрылся за стенкой. Я увидел, как капитан Мирошник, прижимаясь к стене, втокнул гранату в амбразуру дота, но дальше некогда было смотреть.

Когда рассвело, немцы пошли в атаку. Ужасен был огонь их артиллерии и танков. Вокруг не осталось ни одного метра живой земли. Все изрыто снарядами. Но не мы, а противник должен был найти здесь свою гибель. Такая была мысль. Мы с Фуниковым стояли в окопе. Недалеко находился расчет ручного пулемета. По склону ползли два вражеских танка, а следом за ними шла пехота. Подсчитали свои резервы. Фуников говорит: «Патронов мало, нет смысла, Василий, вести огонь с такого расстояния». Слышна команда комвзвода: «Подпускай ближе!» Метрах в пятидесяти были немцы, когда с высоты открыли огонь.

Первый выстрел из ПТР не достиг цели. Подумал: «Все одно не уйдешь!» Вторым выстрелом, загнал пулю в бензобак. Танк загорелся. Экипаж бросился в бегство. Но далеко не ушли. Соседи пулеметчики положили всех на землю

Показались еще танки. Мы перебежали на другое место, откуда удобнее вести огонь. Выстрел! Выстрел! И второй танк за-

горелся. Но третий идет. Он наше место заметил и шлет снаряд за снарядом. Осколком ранило боевого напарника Фуникова. Перестал стрелять его автомат. Подпускаю танк ближе и ближе. «Сколько патронов, Василий?» Отвечаю: «Лежи, Сережа, еще два есть». Удалось этими патронами подбить третий танк. Справа замолк расчет пулемета. Нет огня по пехоте. Фунников застонал, срывая с пояса гранату. Трудно ему было двигаться. Я бросился к пулеметчикам: оба солдата ранены.

Затихла наша высота. Немецкие автоматчики, должно быть, посчитали, что кончено ее защитниками. Идут в рост.

Диск заменен. Отирал кровь, заливавшую глаза, пулеметчик повел огонь. Из окопа, где лежал Фуников, полетела граната. Но слабая уже была рука у Сергея, и граната разорвалась, не причинив урона врагу. Приготовил я свою РГД. Нас двое осталось на высоте. Подал пулеметчику новый диск и вдруг услышал за спиной крик «ура». Наши подымались на высоту от поселка... [3].

Герой Советского Союза Травкин Иван Михайлович

Родился в 1922 году в деревне Поповка Максатихинского сельского совета Калининской области. После окончания школы работал в колхозе бригадиром. Служил в рядах Красной Армии с 1941 г. по 1945 г. Старший сержант. Воевал в 41-й армии Калининского фронта в 619 артиллерийском полку. Участвовал в Торопецко-Холмской наступательной операции в январе 1942-го, брал город Нелидово, а затем участвовал в ожесточенных боях под Белым, в Смоленской операции в августе 1943 г.. Был назначен командиром взвода. В составе 43 армии 306 дивизии в 259 стрелкового полка Первого Прибалтийского фронта участвовал оборонительных боях в Витебской области, а затем в 1944 г. освобождении Витебска. При форсировании реки Западная Двина проявил инициативу и используя подручные средства переправился на другую сторону реки. где вместе со своими бойцами закрепились на небольшом плацдарме, удержали его до подхода основных сил, обеспечив тем самым преодолению водной преграды всем полком. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 года за мужество

и воинскую доблесть, проявленные на фронте борьбы с немецкими захватчиками был удостоен звания Героя Советского Союза. В начале 1945 г. по состоянию здоровью был демобилизован из рядов Красной Армии. Награжден медалью «Золотая Звезда», орденами Ленина, Красной Звезды, медалями. После демобилизации жил и работал сначала в Максатихе, а затем в Дубне. Почетный гражданин города. Активно участвовал в военно-патриотическом воспитании молодежи города. Умер в 1974 г.

Огненная переправа

22 июня 1944 года, участвуя в прорыве вражеской обороны, взвод Травкина первым подошел к реке Западная Двина в районе станции Тушилино под Витебском. «... срочно требовалось захватить плацдарм на ее южном берегу. Старший сержант Травкин вызвался переплыть Западную Двину и выполнить задание по выявлению огневых точек врага. Наверное, здесь ему пригодился опыт, приобретенный в детстве и юности на родной Мологе, которая немногим уступала Западной Двине. Добавим, что, по воспоминаниям его двоюродного брата Ильи Зайцева, Иван Михайлович был очень крепким парнем, занимался спортом и по физической подготовке всегда был в числе лучших.

Травкин набил плащ-палатку сеном и быстро поплыл через реку. Немцы заметили его и открыли огонь. На середине реки плащ-палатка затонула, но Иван Михайлович спас автомат и доплыл до берега. Когда он расстрелял все патроны, то продолжал бить по фашистам из трофейной винтовки. Немцы отвечали плотным огнем.

И тогда наша полковая артиллерия ударила по выявленным огневым точкам противника. А Травкин, привлекая вражеский огонь на себя, дал тем самым возможность через короткое время переправиться на левый берег еще шестерым бойцам со станковым пулеметом. Группа заняла оборону и отбила три контратаки противника. На удерживаемый ею крохотный плацдарм стали переправляться подразделения полка, сумевшего в результате продолжить бросок на запад. Все семеро смелых были награждены орденами Красной Звезды...» [4].

Кавалер орденов «Славы» Кукушкин Александр Филиппович

Родился в 1920 году в деревне Чублово Конаковского района Калининской области. До 1930 года жил и работал в родной деревне, затем переехал в Ленинград. Служил в рядах Советской Армии с 1941 по 1945. Сержант. Воевал наводчиком семидесятишести миллиметрового орудия. В составе триста семьдесят третьей стрелковой дивизии участвовал в боях за Клин, под Старицей и Ржевом. Дважды был ранен контужен. Отличился в боях по освобождению Белоруссии, Литвы и штурме Кенигсберга. Награжден тремя орденами Славы, орденом Красной Звезды, многочисленными медалями, в том числе “За отвагу”. После демобилизации из Советской Армии вернулся в родную деревню, работал в колхозе “Коминтерн”. 1951 году переехал в Дубну. С 1951 по 1980 г. работал на дубненском авиапредприятии слесарем-ремонтником. Активно участвовал в военно-патриотическом воспитании молодежи города. Почетный гражданин города Дубны. Умер в 1998 г.

Три подвига – три «Славы»

В первый год войны – бои под Москвой, у Клина, первая контузия. Второй год, уже в расчете 76-миллиметровой пушки, – затяжные, вязкие, изнурительные бои подо Ржевом: никак не удавалось нашим срезать вражеский выступ. В поисках бреши в обороне противника дивизион, в котором воевал, находился в постоянном движении. Передвигаться приходилось чаще по бездорожью. Пушка вязла, лошади выбивались из скит. Солдаты помогали лошадям, а то и заменяли их, чтобы вовремя занять указанную огневую позицию. А новая позиция – это новые земляные укрепления для пушки, для снарядов, для командиров, для лошадей, и если останется время – для себя.

Места болотистые. Ботинки с обмотками не просыхают. Окопались, обстреляли энный квадрат – и снова на очередную огневую позицию. Снова тащить, снова копать. Невозможно даже примерно прикинуть, сколько же пришлось за войну каждому артиллеристу перекопать земли! Но в этом была их сила и спасение.

Враг сопротивлялся упорно, стоял стеной, сломить его никак не удавалось. Получил ранение. К счастью, скоро санитары с собаками подобрали раненого. Потом снова бои, но теперь уже пушка была на много серьезнее – 122-миллиметровая гаубица. С товарищами обеспечивал наступление на Смоленском направлении.

С августа 1943 года судьба снова свела с 76-миллиметровой артиллерией, в которой воевал до самой Победы. Фронтвые дороги проходили по Белоруссии, Псковщине. Противник не хотел уступать. Пушку то и дело приходилось выводить на прямую наводку. Расчет дрался героически.

В бою обстановка меняется очень быстро, и в зависимости от нее надо стрелять фугасным, осколочным, шрапнельным, подкалиберным, термитным или дымовым снарядами. Сам снаряд весит 12 килограммов – вроде немного, но во время острого боя при максимальном напряжении нервов все надо делать с придельной скоростью, расторопно, обязательно при неполном расчете (кого-то убивает), и каждая такая схватка выматывает изрядно. А потом наступает такая слабость, будто пропустили человека через жернова. Так что в бою подсчитывать вражеские потери некогда. Результат работы каждого расчета лучше видит и оценивает командир. Он же представляет отличившихся к награде.

Дело было под Оршей. Наша пехота ушла вперед, и фашисты хотели ее отрезать. Помочь нечем: бездорожье, подкреплений нет. Тогда артиллеристы решили протащить пушку по узкоколейке. Так и сделали. Заняли оборону и не дали врагу замкнуть кольцо. За все бои, особенно за этот последний, и был награжден первым орденом Славы III степени.

Ко второму ордену Славы был представлен на литовской земле. После упорных боев вышли на Неман. Преодолели его, освободили город Алитус. Но фашисты не торопились уходить. Более того, контратаковали солидными силами. А наши силы иссякали, пополнения нет. И тут пришлось еще раз расчету отличиться. Артиллеристы удачно выбрали позицию, окопались и около двух недель сдерживали натиск врага. Боеприпасов было вдоволь, потерь расчет не понес, только командир получил ранение. Это и помогло продержаться до подхода своих.

После Литвы был крупнейший укрепрайон – Кенигсберг, практически неприступная крепость. Даже после того, как враг был

сломлен и разбит, трудно было поверить, что все это преодолели. Вокруг города располагались кольцом глубокие противотанковые рвы, бункера, в которых находились мощные пушки, пулеметы. Бетонные стены, перекрытия толщиной 1,5 метра даже при богатой фантазии нельзя представить, что они уязвимы. Но саперные войска, артиллерия, авиация, танки и пехота сделали свое дело.

В тяжелых боях досталась эта победа. О напряженности обстановки говорит такой факт: пушки вели огонь прямой наводкой, почти в упор. Здесь от прямого попадания потерял три орудия вместе с боевыми товарищами.

В боях за Кенигсберг получил еще одно ранение. Подлечился в медсанбате – и снова не менее тяжелые бои за Пиллау, огромный склад фашистской армии. Здесь была военная техника, имущество, продовольствие. Мощные, как в Кенигсберге, оборонительные сооружения защищали город. Но натиск наших войск был настолько стремителен, что все досталось нам почти в неповрежденном состоянии. Даже новые самолеты в капонирах не смогли использовать немцы против нас.

Сопротивлялись они отчаянно. Но, зажатые с берега, не имея поддержки с моря – наша авиация блокировала морские подходы – они оказались в безвыходном положении. И какая же неопишуемая, рвущаяся из глубин души радость была от такой картины: сначала прикатил немецкий офицер на бронетранспортере, на котором развевался белый капитулянтский флаг (значит прижаты надежно!), а потом повалили толпами сдаваться недобитые вояки, образуя курган из сдаваемого личного оружия.

Дивизион был тоже сильно потрепан. Незначительные остатки его были отведены с передовой для реформирования и пополнения новыми бойцами. Тут и встретил долгожданную Победу.

За эти последние в Восточной Пруссии бои я был удостоен третьего боевого ордена Славы. Но случилось так, что награда, как говорят в подобных случаях, нашла героя только в 1971 году, и получил ее из рук космонавта Г. Берегового, когда тот приезжал к нам на открытие памятника землякам, погибших в годы Великой Отечественной войны [5].

Военачальник Великой Отечественной войны, генерал-лейтенант Терентьев Гурий Никитич

Родился в 1898 г. в деревне Ивановское Корчевского уезда Тверской губернии (ныне территория г. Дубна Московской области). Советский военный деятель. Генерал-лейтенант. Был призван в русскую армию в 1917 г. В Красной Армии с 1918 г. по 1953 г. Участник Гражданской войны. С 1918 г. на командной, штабной и учебной работе. В 1932 г. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. Прошел путь от командира взвода до командира стрелкового корпуса, заместителя начальника Управления вузов Сухопутных войск. В годы Великой Отечественной войны командовал воинскими соединениями во время боев под Москвой, в Воронежско-Касторненской и Харьковской, Белгородско-Харьковской, Уманско-Ботошанской, Корсунь-Шевченковской, Яско-Кишиневской, Братиславско-Брновской наступательных операциях Красной Армии. Был заместителем командующего 10-й армией Резервного фронта и 38-й армией Воронежского фронта, командиром 322-й стрелковой дивизии и командиром 49-го стрелкового корпуса 53-й армии, освобождавшем Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию и Чехословакию, громившем в составе Забайкальского фронта японских самураев в Маньчжурии. В послевоенные годы на командной и научно-педагогической работе. Награжден орденом Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 1-й и 2-й степени, 2 орденами Суворова 2-й степени, орденом Красной Звезды, медалями. Умер в 1964 г.

Трудные дороги войны

Резервы вступают в бой

Памятный день 22 июня 1941 года застал меня в Хабаровске в должности заместителя по тылу командующего 25-й армией. Части Дальнего Востока вели напряженную боевую подготовку и повысили бдительность на границе. Много поступало рапортов, особенно от офицеров, с просьбой отправить в действующую армию на запад. Обычно отказывались, мне тоже вначале отказали. Затем командующий Дальневосточным фронтом генерал армии Апанасович

сенко разрешает мне убыть в действующую армию. График движения пассажирских поездов сбит воинскими эшелонами, и только 17-е сутки хабаровский поезд пришел в Москву. В столице – беспрерывные воздушные тревоги.

Получаю назначение заместителем командующего по тылу 10-й резервной армии, место гор. Кузнецк, Пензенской области. Пять дней в пути – и вот представляюсь командующему армией генералу Ф. И. Голикову и К.В. Ворошилову, который был у командующего армией. Узнаю, что погрузка управления армии в эшелон должна производиться ночью, в ту же ночь эшелон уходит на запад, чтобы принять участие в подмосковном сражении.

Управление 10-й резервной армии сосредоточилось на станции Шилово. Командующий и штаб армии изучают обстановку и контролируют сосредоточение частей армии. Отдаются дополнительные распоряжения, уточняется план операций. Главный удар в направлении Михайлов – Серебряные пруды, вспомогательный – из района Коломна – Зарайск в направлении Венев, Куракино.

Подготовка армейского тыла к контрнаступлению проходила в трудных условиях. Армейская база не сформирована. Армия имеет длинные пути подвоза, но автотранспорта очень мало. На чем и откуда подвозить горючее, боеприпасы, продовольствие, фураж – эти вопросы волновали командование. Аппарат начальника тыла армии учился работать на ходу, все понимали ответственность боевой задачи.

Морозное и снежное утро 6 декабря 1941 года. На полях Подмосковья развертывалось грандиозное сражение. Двинулись в контрнаступление резервы и в их составе 10-я резервная армия генерала Ф.И. Голикова.

Серебряные Пруды и гор. Михайлов были первыми населенными пунктами, возвращенными Родине на направлении 10-й резервной армии, а затем, развивая наступление, армия освобождает Епифань, Плавск, Богородск, Козельск, другие города и населенные пункты. Удар советских войск был такой мощной силы и проведен так стремительно, что фашисты оказались не в состоянии противостоять ему и, бросая оружие и технику, бежали от столицы.

И тогда, в декабре 1941 года, и позднее радостно было сознавать, что пришлось быть участником первого крупного разгрома фашистов во второй мировой войне. Предстояли новые сражения,

но было ясно, что от стен Кремля начался путь к нашей победе.

А для фашистских войск битва под Москвой стала началом крушения. Это понимали многие офицеры и солдаты противника. В захваченной советскими частями немецкой полевой почте были обнаружены письма, задержанные немецкой цензурой при 8-й пехотной дивизии германской армии. Вот одно из таких писем. Ефрейтор Конрад Думлер – старшему брату: «...четыре года я в армии, два года на войне, но мне начинает казаться, что настоящая война началась только сейчас. Все, что было до сих пор, – это учебные маневры, не больше. Русские – отчаянные смельчаки, они дерутся, как дьяволы. В роте уже почти не осталось никого из старых товарищей. Кругом новички, но и они не задерживаются. Каждый день составляются длинные списки убитых и раненых. Командование убаюкивает нас, как маленьких детей, уверяя, что мы близки к победе. Эта самонадеянность опротивела, ибо собственными глазами солдаты видят, что делается...»

22 января 1942 года я получил приказ вступить в командование 322-й стрелковой дивизией. Район расположения дивизии – дер. Лутовия, село Чернышино. Положение не из легких. Свежая, только что прибывшая из Франции, 211-я дивизия противника при сильной поддержке авиации выбила ослабленную наступательными боями 322-ю дивизию из деревень Зикеево, Петровня, Речицы.

Два стрелковых, артиллерийский полки и штаб дивизии сбились в маленькую из 14 домов деревню Лутовня. Один стрелковый полк ведет бой в окружении в Думичи.

Артиллерийский полк – наиболее полная и организованная единица. Поэтому было решено артполком поправить дело и перейти в наступление двумя полками, чтобы освободить третий. Короткий, но сильный артналет ошеломляет противника, оба полка имеют успех, положение восстанавливается.

Принимаются все возможные меры по стабилизации положения на участке 322-й дивизии. Вскоре дивизия передается из состава 10-й армии в 16-ю армию. Вместе с сообщением об этом получили боевую задачу на оборону занимаемого рубежа. Весь остаток зимы дивизия в обороне.

Весной уточняется полоса обороны, организуются инженерные работы и боевая подготовка со вторым эшелоном обороны. Не менее сложная задача встала перед 322-й дивизией в

августе 1942 года. Ранним утром после сильного артиллерийского огня общей продолжительностью до 3 часов противник перешел в наступление. В 8 часов утра в воздух поднялось до 70 самолетов. Дивизия вступила в тяжелый оборонительный бой с двумя пехотными и одной механизированной дивизиями фашистов. В первый день авиация противника делала до 1000 самолетов-вылетов.

В итоге семидневных напряженных боев на реке Ресета во взаимодействии с кавалерийским корпусом генерала Баранова и батальоном танков 322-я дивизия выполнила свою боевую задачу [6].

49-й ведет наступление

В январе 1943 года мне было присвоено звание «генерал-майор», а в июне того же года я был назначен командиром 49-го стрелкового корпуса. Мог ли я знать тогда, что с этим корпусом мне предстоит участвовать в целом ряде боевых операций и пройти с ним длинной дорогой войны до Победы.

В начале июля 1943 года развернулась одна из крупнейших битв Великой Отечественной войны – Курская битва. В результате ее советские войска в оборонительном сражении измотали противника, а затем перешли в контрнаступление. 49-й корпус в составе войск левого крыла Воронежского фронта занял оборону на рубеже ст. Батрацкая – дача совхоза Поляна и вел упорные бои с противником, прорвавшим главную оборонительную полосу. Отразив настойчивые атаки, корпус, усиленный артиллерийскими орудиями, развернул подготовку к контрнаступлению.

Все понимали огромную важность предстоящей операции и готовились к ней тщательно. Контрнаступление началось 18 июля и в течение нескольких дней наши войска вышли на рубежи, которые они занимали до перехода немецко-фашистских войск в наступление. Затем последовал мощный внезапный удар на направлении главного удара, и 5 августа был освобожден Белгород. 49-й корпус принимал участие в этой операции на линии Разумное – Белгород. Затем, развивая наступление, корпус участвует в освобождении Харькова, форсирует Северный Донец, Днепр, развивает наступление за Днепром.

Намечалось окружение противника в районе Корсунь-Шевченковский. Управление корпуса было выведено из состава 57-й армии и направлено в район Шпола в состав 5-й танковой армии генерала Ротмистрова.

49-й корпус в составе шести стрелковых дивизий и девяти противотанковых полков занял рубежи на линии Шпола – Звенигородок, образовав внешнее полукольцо окружения фашистов в Корсунь-Шевченковской операции.

Оборонительные бои на внешнем обводе окруженной немецкой группировки отличались особой жестокостью и упорством. Начиная с 5 февраля 1944, года немецкое командование принимало отчаянные попытки ударами южнее Звенигородка прорваться к окруженным войскам и вывести их. Для выполнения этой задачи фашисты стянули в район западнее и юго-западнее Звенигородка до 8 танковых дивизий, на вооружении которых были, главным образом, танки типа «Тигр», «Пантера» и самоходные орудия «Фердинанд». Кроме того, было несколько пехотных дивизий, пополненных из резервов.

С каждым днем противник наращивал удары на земле и в воздухе. Его атаки в первые дни были почти непрерывными. Временами положение было угрожающим, особенно на участке 357-й дивизии. Положение на этом участке спасли танкисты 5-й танковой армии.

Предложение советского командования частям окруженной фашистской группировки сдать было отклонено. Оставалось одно: уничтожить окруженную группировку.

На эту операцию вместе с другими частями ушли и танки 5-й танковой армии генерала Ротмистрова. В трех километрах юго-восточнее Звенигородка в небольшой роще была оставлена часть автотранспорта и 8 танков, которые не могли следовать за своими частями из-за неисправности ходовой части. За 4 дня до описываемого случая на участке 357-й стрелковой дивизии мне пришлось быть у командира оставленных танков и машин. С ним было договорено о временном оставлении танков на месте и их готовности, в случае необходимости, вести огонь с места.

Уход танковой армии с участка 49-го корпуса скрыть было нелегко. Фашисты, по-видимому, узнали об этом и решили еще раз попытаться прорваться к окруженной группировке.

Собрав кулак, фашистские войска узкими клином ринулись к полосе обороны 357-й стрелковой дивизии, смяли батальон первого эшелона и устремились к роще, где стояли 8 танков. Сделав выдержку и подпустив фашистские танки и пехоту на 400-500 метров, советские танки открыли огонь и подбили одновременно 5 вражеских танков. С работающими на месте моторами, наши танки продолжали вести огонь. Картина получилась потрясающая. Весь фашистский клин завернул обратно и побежал. Захваченные в плен немцы потом говорили: «Мы шли в наступление в полной уверенности, что ваших танков на этом участке нет» [7].

Вперед река Дунай...

Ломая отчаянное сопротивление противника на промежуточных рубежах, дивизии 49-го стрелкового корпуса весной 1944 года вышли к р. Реут на территории Молдавии. Предстояло закрепиться а занятых рубежах и перейти к обороне. Началась активная подготовка к Яско-Кишиневской операции. Маршал Р.Я. Малиновский, уточняя роль 53-й армии в этой операции, сказал: «Сила армии – в высокой подвижности».

Опрокидывая резервы обороны, 53-я армия, в состав которой входил и 49-й корпус, закончила освобождение Молдавии и вышла на границу с Румынией. Наступательный марш корпуса был стремителен. Немецкие части, выходящие из окружения, спешили вывести остатки потрепанных частей из-под удара войск 2-го и 3-го Украинского фронтов. В воздухе немецкие самолеты от простого наблюдения за движением колонн 49-го корпуса перешли к налетам на колонны. С каждым разом число налетающих самолетов увеличивалось.

Надо было отказаться от марша днем. Но ночью скорость наступательного марша снизиться, а этого в данной обстановке допускать нельзя. Чем глубже выйдем мы в тылы противника, тем меньше будет рубежей, которые надо рвать и перед которыми надо будет снова накапливать силы. Но как сохранить, а еще лучше – увеличить скорость наступательного марша ночью? В первую империалистическую войну Румыния получила от России, как своего союзника, большое количество конского состава. «Интересно было бы посмотреть на потомков бывших

русских коней. Может, сохранили они донскую, кубанскую, тамбовскую и орловскую резвость, может, не разучились еще понимать русскую речь?» – подумал я, и решение задачи было найдено.

На следующую ночь дивизии корпуса уже мчались по асфальтированному шоссе на запряженных в повозки конях. Маршировали по 70-90 километров в ночь. Ломая и нарушая управление армии противника, захватывали его тыловые базы, громили подходящие немецкие резервы. 49-й корпус, выполняя поставленную задачу, продолжал стремительно наступать вперед. Днем немецкие самолеты-разведчики искали 49-й корпус, исходя из темпов движения в 35-40 километров в сутки, и не находили его. След 49-го стрелкового корпуса определился сначала на восточных, а потом на западных окраинах Бухареста.

31 августа 1944 года наше радио передало приказ Верховного Главнокомандующего, в котором говорилось, что войска ПУкраинского фронта в результате стремительного наступления освободили Бухарест.

В ознаменование одержанной победы, говорилось в приказе, соединения и части, наиболее отличившиеся в боях с фашистскими захватчиками на подступах к Бухаресту, представить к присвоению наименования бухарестских и к награждению...

Развивая удар, 49-й стрелковый, теперь Бухарестский, корпус продолжал стремительное наступление по румынской долине Валахии в направлении Турно-Северин к знаменитым Железным Воротам. Справа – отвесные скалы Трансильванских гор, слева – многоводный Дунай, а между отвесными скалами Альп и Дунаем, на протяжении 20 километров, узкая (8-10 метров ширины) лета дороги. По берегу Дуная оборона противника. Огонь прямой наводкой и пулеметный огонь прочно закрыли движение по единственной дороге к Железным Воротам. Что делать?

Темной ночью по узкой ленте дороги, прижимаясь к отвесным скалам Трансильванских Альп, воздушно-десантная дивизия корпуса проскочила к Железным Воротам и на рассвете внезапной атакой захватила их. Огонь батарей по югославскому берегу Дуная завершил операцию. Дорога свободна. Корпус продолжал наступление в направлении города Лугож, а после овладения им повернул на запад. Тяжелые бои развернулись за город Тимишо-

ара. Ни ничто уже не могло остановить наступательного порыва наших войск.

Дальнейший путь корпуса – Венгрия. Перед нами открылась Венгерская равнина с густой сетью подготовленных противником траншей, заграждений из колючей проволоки.

Особенно упорное сопротивление части корпуса встретили на рубежах Орошхаза, Корцаг, Хайдудорог, Шальготарьян, в горах Матра. В период боев за Корцаг 49-й корпус взаимодействовал с кавалерийским корпусом генерала Плиева, снова встретились мы с ним в боях за переправу на р. Тис. Кавалерийский корпус Плиева ночной атакой ворвался в Дьендьеш и открыл нам дорогу на Пасто.

Тяжелые бои за Пасто с применением обходного маневра, и вот – Шальготарьян, в непосредственной близости от которого – граница Чехословакии [8].

В боях завоеванная свобода

Ломая сопротивление фашистских войск, 49-й Бухарестский стрелковый корпус в конце марта 1945 года вступил на территорию Чехословакии в направлении города Банска-Штявница. Фашистские генералы предпринимали отчаянные попытки сдержать продвижение наших войск, используя горную местность Чехословакии. Но ничто уже не могло остановить нашего наступления.

После упорных боев 49-й корпус освобождает Банску-Штявницу, впереди словацкие рудные горы. В их направлении успешно вели операции войска 4-го Украинского фронта. А 49-й корпус поворачивает в направлении городов Нитра, Трнава. Операции по освобождению этих городов корпус проводил в намеченные командованием сроки. Население повсюду радушно встречает советских воинов. Пройдены Малые и Белые Карпаты, 11 апреля был освобожден город Годонин, впереди – Брно, важный административный, промышленный и культурный центр.

Вся мощь 53-й армии при сильной поддержке авиации и танков была направлена на освобождение Брно. 26 апреля город был полностью освобожден от фашистов. Трудно передать словами царящую в те дни атмосферу ликования на улицах города. Советских воинов повсюду встречали сердечно, по-братски.

Однако в западном от города направлении фашистские войска продолжали ожесточенное сопротивление. Несмотря на совершенно очевидную безнадежность своего положения, гитлеровцы отвергали все предложения о капитуляции.

Наступил радостный день 9 мая 1945 года. По радио мы слушали обращение Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина к народу:

«Товарищи соотечественники и соотечественницы. Наступил великий день победы»... Далее в выступлении говорилось: «Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии все еще уклоняется от капитуляции, но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести ее в чувство...»

Да нам пришлось вести бои и после 9 мая. Это было нелегко – терять своих боевых товарищей, когда весь мир уже праздновал великую победу. Мы приводили в чувство отчаявшихся фашистов. Случилось так, что 49-й Бухарестский стрелковый корпус вел бои с 49-м горно-стрелковым корпусом фашистов. После упорных боев на подступах к Праге около 20 тысяч солдат противника были взяты в плен. Сдался и командир корпуса генерал-лейтенант Лесгоир со своим штабом, а также представитель гитлеровского генерального штаба генерал-майор Гернах.

Трудные дороги войны остались позади. На землю пришел мир [9].

В Великой Отечественной войне я шёл только вперёд... (из автобиографии)

...Хабаровск

Памятный день 22 июня 1941 года застал меня в городе Хабаровске в должности заместителя по тылу командующего 25 армией. О начале войны на Западе узнал из выступления по радио В. М. Молотова, а 3 июля слушал обращение товарища Сталина к Советскому народу, к бойцам Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Дальний Восток поверял свою боевую готовность. «Третье колесо оси – Токио» вело себя подозрительно. Часть Дальнего

Востока вели напряженную боевую подготовку и повысили бдительность на границе. Много рапортов, особенно от офицеров, с просьбой направить в Действующую Армию на запад. Обычно отказывали, мне тоже отказали. Много работы с обеспечением дивизии, перебрасываемых на запад: обеспечить продовольствием от 15 до 20 суток, горючим – 2 заправки, фуражом на 5 – 10 суток, все это в разных местах, сроки отправки эшелонов жесткие. Работаем день и ночь. На копку картофеля привлекаются воинские части.

Хабаровск–Москва–Кузнецк

Командующий Дальневосточным фронтом, генерал армии товарищ Апанасенко разрешает мне убыть в Действующую армию. График движения пассажирских поездов сбит воинскими эшелонами, на 17 –тые сутки хабаровский поезд пришел в Москву, в Москве бесперывные воздушные тревоги.

Представляюсь товарищу Хрулеву. Получаю назначение заместителем командующего по тылу 10-й Резервной армии – город Кузнецк Пензенской области. Первоначальное предложение – вылет на самолете в город Кузнецк, отпадает. Дают автомашину и двух шоферов, с которыми я должен доехать от Москвы до Кузнецка.

В пути за Рязанью автомашина выходит из строя. Заморозки, на полях – мелкий снежок. Пользуясь попутными автомашинами, вечером на 5–тый день в Кузнецке. Дисциплина светомаскировки в Кузнецке выполняется строго. С трудом удается найти штаб армии.

Представляюсь командующему 10-й Резервной армии генералу Голикову Ф. И. и Ворошилову К.Е., который был у командующего армией. Узнаю, что погрузка управления армии в эшелон – сегодня ночью и в эту же ночь эшелон уходит на запад. Так и не пришлось ознакомиться с санитарным состоянием бань в городе Кузнецке, о чем мечтал от Москвы до Кузнецка.

Железнодорожная станция Шилово

Без особых приключений управление 10 Резервной армии сосредоточилось на станции Шилово. Командующий и штаб армии изучают обстановку и контролируют сосредоточение частей армии. Отдаются дополнительные распоряжения, уточняется план операций. Главный удар в направлении Михайлов – Сталиногорск, вспомогательный – из района Коломна, Зарайска в направлении Венев, Куракино.

Подготовка армейского тыла к контрнаступлению проходит в трудных условиях. Армейская база не сформирована. Армия имеет длинные пути подвоза по грунту и мало, очень мало автотранспорта. Зима обещает быть суровой и с глубоким снегом. На чем и откуда подвозить горючее, боеприпасы, продовольствие, фураж? Все эти вопросы уточняются на – ходу. Не прибыл назначенный армейский интендант. Аппарат начальника тыла армии учится работать на – ходу. Все понимают ответственность боевой задачи.

Контрнаступление 6 декабря 1941 года

Морозное и снежное утро. Двинулись Сталинские резервы в контрнаступление и в их составе 10-я Резервная армия генерала Голикова. Серебряные Пруды и город Михайлов были первыми населенными пунктами, возвращенными Родине на направлении 10 Резервной армии. Контрнаступление развивается. Вслед за Серебряными Прудами и городом Михайлов занимается город Епифань, Плавск, Богородск, Козельск, другие города и населенные пункты.

...И тогда в декабре 1941 года и теперь, как радостно сознавать себя участником первого крупного поражения немцев во второй мировой войне. Прибыл новый заместитель по тылу, командующего 10 Резервной армией. Сдал должность и получаю приказ на листке полевой книжки

Серия «Г». Полковнику тов. Терентьеву.

7:00. 22.01.42 года.

Приказываю с получением сего немедленно отправиться в район расположения 322 Стрелковой дивизии и вступить в командование 322 СД. Полковнику товарищу Филимонову после сдачи дивизии прибыть в штаб армии – Охотное.

Командир – 10 (Голиков).

Член Военного совета (Николаев)

Начальник штаба армии – Любарский.

Боевые действия 322 стрелковой дивизии 10 армии Западного фронта (январь–февраль 1942 года)

Лошадка, запряженная в сани, к утру следующего дня довезла меня до района дивизии – деревни Лутовня, село Чернышино. Положение дивизии не из легких. Свежая, прибывшая из Фран-

ции 211 пехотная дивизия немцев при сильной поддержке авиации выбила значительно ослабленную наступательными боями 322 стрелковую дивизию из Зикеево, Петровни, Речицы.

Два стрелковых, артиллерийский полк и штаб дивизии сбились в маленькую из 14 домов деревню Лутовня. Один стрелковый полк ведет бой в окружении в Думиничи, по непроверенным данным убит командир стрелкового полка. За период наступательных боев в стрелковых полках большая убыль в личном составе.

Артиллерийский полк дивизии – полнокровная единица, материальная часть артиллерии – полностью, боеприпасов – один боевой комплект. В хорошем состоянии саперный батальон дивизии. Несмотря на приличный возраст – 50 лет, энергичен дивизионный инженер, майор тов. Куренков. Хуже – батальон связи дивизии.

Связи с соседями нет. Немецкие автоматчики, пользуясь лесом, вплотную подходят к деревне Лутовня и обстреливают дома, огневые позиции батарей артполка. Искусство командира Фрунзе видел «в умении из многообразия средств, находящихся в его распоряжении, выбирать те, которые дадут наилучшие результаты в данной обстановке и в данное время».

Доношу о приеме 322 стрелковой дивизии. Артиллерийский полк – наиболее полная и организованная единица. Решаю артполком поправить дела и перейти в наступление двумя полками, чтобы освободить третий полк. Саперный батальон – резерв.

Короткий, но сильный артолет ошеломляет противника. Оба полка имеют успех. Положение восстанавливается. Подтверждаются данные о гибели командира полка в Думиничи. Попытка 322 СД продолжить наступление встречает ожесточенное сопротивление 211 пехотной дивизии немцев.

Движение возможно только по дорогам. Глубокий снег. Лыж дивизия не имеет, да если бы и имела, воспользоваться ими не смогли бы из-за неподготовленности личного состава, ходить на лыжах. Лыжный батальон, позже подошедший на участок 322 СД, убедил меня в этом. Командир этого батальона охотнее брался выполнять боевую задачу, не связанную с использованием лыж, и на мой вопрос о причинах этого, отвечал: «Личный состав не научен, ходить на лыжах, лыжи у нас не средство ускорения марша и маневра (лыжник не связан с дорогами), а обуза на ногах. Много лыж у батальона поломано.

Боевые действия 322 стрелковой дивизии (СД) 16 армии Западного фронта (март–декабрь 1942 года)

Получаю шифрограмму о переходе в состав 16 армии и боевую задачу на оборону занимаемого рубежа. Весь остаток зимы – дивизия в обороне. Получены лыжи: вторые эшелоны тренируются ходьбе на лыжах. Дивизионный инженер майор Куренков классически осуществляет минирование местности.

Несколько попыток немцев наступать отбиваются хорошо организованным огнем обороны в сочетании с минными полями Куренкова. На минных полях часто находили подорвавшихся немецких разведчиков. Весной уточняется полоса обороны, организуются инженерные работы и боевая подготовка вторыми эшелонами обороны.

Август 1942 года. В лесу недалеко от деревни Вяльцево КП 322 СД. В 5 часов утра – сильный артиллерийский огонь противника общей продолжительностью до 3 часов. В 8 часов утра в воздухе до 70 самолетов. Ясно, что предварительные данные о возможности перехода противника в наступление подтверждаются. 322 СД ведет тяжелый оборонительный бой с двумя пехотными и одной механизированной дивизией немцев.

В первый день авиация противника делает до 1000 самолетовылетов. Левый фланг 322 СД оголен, остатки полка левого соседа (61 армии) – на моем КП. Убит командир, и заместитель по политической части левофлангового полка 322 СД Положение осложняется. Армейские резервы – конница на подходе. Приказ командарма – держаться!

В итоге семидневных, напряженных, августовских боев на реке Рессета во взаимодействии с кавалерийским корпусом генерала Баранова и батальона танков, – дивизия выполнила свою боевую задачу. Решающее звено, способствовавшее 322 СД выполнить оборонительную задачу на реке Рессета, безусловно, остается за армейским резервом: танковым батальоном и кавалерийским корпусом генерала Баранова. Вовремя введенный Командармом –16 генералом Баграмяном к армейскому стыку, он же был и стыком фронта, (Западного с Брянским), армейский резерв резко изменил обстановку в пользу обороны не только на левом фланге, но стабилизировал ее в центре и на правом фланге дивизии.

Попытка немцев возобновить наступление успеха не имела, и противник вынужден был перейти к обороне. Подавляющее превосходство в воздухе на этом участке все дни было на стороне немцев и, все-таки, на этот раз превосходство в воздухе не обеспечило немцам успеха на земле. Правильно решенные вопросы взаимодействия на земле обеспечили нашей обороне успех, без наличия господства в воздухе нашей авиации. Но в то же время отсутствие господства в воздухе нашей авиации не дало возможности армейским резервам и частям обороны использовать успех контратаки наших резервов и самим перейти от обороны к наступлению. Задача такая армейскому резерву и обороне ставилась, но она была не выполнена. Для перегруппировки и маневра армейскому резерву нужна была поддержка с воздуха. Все попытки произвести такую перегруппировку нарушались сильными авианалетами немецкой авиации. Контратака резервов обороны лишена была, возможности перерасти в наступление. Обе стороны перешли к обороне.

Получив пополнение и задачу на оборону несколько сокращенного по фронту рубежа, 322 СД укрепляла его в инженерном отношении. Через месяц – дивизия в армейском резерве, устраивается в лесу под Сухиничи в землянки, готовит второй рубеж обороны и занимается боевой подготовкой. Некоторые затруднения в обеспечении ручным оружием в дивизии устраняются присылкой в адрес дивизии автоматов товарищем Булганиным Н.А. (член Военного Совета Западного фронта). По приказу командующего армией генерала Баграмяна, для офицеров управления армии, командиров дивизий и полков провожу показательные занятия:

- а) Новые боевые порядки;
- б) Место командира отделения, взвода, роты, батальона в бою.
- в) Значение организованного залпового огня.

Переброска 322 СД на Воронежский фронт и боевые действия в составе 60 армии генерала Черняховского (январь–февраль 1943 года)

Командующий 16-ой армией генерал Баграмян вызывает в штаб. В штабе знакомит с шифрограммой о срочной погрузке дивизии в эшелоны. Погрузка в районе станции Сухиничи, мне ехать в головном эшелоне. На подготовку к погрузке – два дня, устные указания командующего и, первый эшелон в ночь на 1 января 1943

года в пути. Встречаем новый 1943 год в теплушке эшелона, а через несколько дней эшелон проходит Москву и идет на юг....

Воронежским фронтом командует генерал Голиков Ф. И. 322 СД – резерв фронта. Двигаемся за 40 армией генерала Москаленко. В процессе наступления дивизия передается в состав армии генерала Черняховского и ведет успешные наступательные бои в направлении станции Касторное.

В газете «Правда» за 28 января 1943 года объявлено Постановление Совета Народных Комиссаров Союза СССР за подписью товарища Сталина о присвоении мне воинского звания генерал-майор.

Заместитель командующего по строевой части 38 армии у генерала Чибисова (Воронежский фронт, март–июнь 1943 года)

Получаю вызов генерала Голикова. Назначен заместителем командующего 38 армии по строевой части к генералу Чибисову. Его армия ведет наступательные бои. Основное направление – Тим, Обоянь, Конотоп. Получаю задачу – согласовать действия двух дивизий, наступающих в направлении Тим, Обоянь и далее на запад.

Дивизия 38 армии выходят на фронт западнее Суджа и вплотную подходят к Сумам. Попытка взять с ходу не удалась. На участке 40 и 64 армии – встречный удар противника. 40 и 64 армии отходят, оголяя левый фланг 38 армии. Получен приказ на оборону: Воронежский фронт – южный участок Курской дуги, 38 армия – правый фланг фронта. Уточняются оборонительные рубежи.

Плановую подготовку на своих рубежах Курского выступа, 38 армия начала в апреле 1943 года и продолжила развивать и совершенствовать ее вплоть до 5 июня, то есть до начала немецкого наступления. В начале июня на участке 240 СД 38 армии оборону поверяли командующий фронтом генерал Ватутин и Член Военного Совета генерал Хрущев.

27 июня 1943 года получил:

Генерал-майору Терентьеву Гурию Никитичу.

Предписание.

С получением сего предлагаю Вам убыть в распоряжение командующего Воронежским фронтом для назначения на должность командира 49 стрелкового корпуса.

Командующий 38 армией генерал-лейтенант Чибисов
Член Военного Совета Армии, полковник Олейник.

В штабе жду командующего фронтом задерживается, принимает начштабфронта, генерал Иванов, знакомый по академии имени М.В. Фрунзе. Управление 49 стрелкового корпуса сформировано в Москве и сегодня, говорит генерал Иванов, к исходу дня прибыть в пункт. Советую Вам, не ожидая командующего фронтом, выехать к месту сосредоточения управления корпусом.

Управление корпусом принято. Получил две стрелковые дивизии 69 армии и вхожу в ее состав.

Боевая деятельность 49 стрелкового корпуса (СК) в составе 7 гвардейской армии (июль–декабрь 1943 года)

Приказ на смену корпуса 7-й гвардейской армии – генерала Шумилова. Провожу рекогносцировку оборонительного рубежа западнее Щебикино и на следующую ночь готовлюсь сменить части 24 гвардейского стрелкового корпуса 7-й гвардейской армии.

Впереди еще ночь и день светлого времени для рекогносцировки путей выхода частей в свои районы обороны. Рекогносцировка сорвана: в 5-00 5 июля 1943 года после сильной артиллерийской подготовки, части 24 стрелкового корпуса атакованы противником и ведут тяжелые бои. Одна из дивизий этого корпуса ведет бои в окружении, связь с ней – только по радио.

Началось знаменитое Курское сражение, в результате которого Советские войска, измотав и обескровив отборные фашистские дивизии, прорвали фронт противника и сами перешли в контрнаступление. 49 стрелковый корпус выведен из состава 69 армии и передан в состав 7 гвардейской армии. В составе 73, 270 и 111 стрелковых дивизией 49 стрелковый корпус по приказу командарма –7 занял оборону на рубеже свх. Батрацкая дача, свх. Поляна – вторая полоса обороны – вел упорные бои с противником, прорвавшим главную оборонительную полосу. Рубеж остался за 49 СК.

Контрнаступление 49 стрелкового корпуса (СК) в составе 7 гвардейской армии (июль–декабрь 1943 года)

Боевая задача корпуса – наступать на Разумное и Белгород. Тщательно готовлю дивизии корпуса к выполнению боевой задачи. Корпус усилен армейской артиллерией. Все в корпусе понимают, что от результата выполнения боевой задачи на наступление – зависит будущая судьба корпуса.

День атаки – противник упорно сопротивлялся. Он вводит в бой танки и самоходные орудия «Фердинанд». Во второй половине дня 270 СД 49 СК прогрызает оборону противника. Корпус имеет успех, усиливается, танковой бригадой и во взаимодействии с частями соседней армии 5 августа занимает Белгород.

...В составе 7 гвардейской армии 49 СК провел много наступательных боев, участвовал в освобождении городов Белгород, Харьков и других населенных пунктов нашей Родины. Форсировал реки: Северный Донец, Днепр, участвовал в развитии наступления за Днепром. В боях за Днепр количественный и качественный рост нашей техники – авиации, артиллерии и танков во взаимодействии с пехотой решил успех сражений на этом историческом рубеже в нашу пользу.

49 Стрелковый Корпус в Корсунь-Шевченковской операции, 2-ой Украинский фронт (январь–февраль 1944 года)

Несколько дней 49 СК в составе 57 армии. В связи с наметившимся окружением противника в районе Корсунь-Шевченковской управление 49 СК 29 января было выведено из состава 57 армии и направлено в район Шпола в состав 5-й гвардейской танковой армии генерала Ротмистрова. Чего стоило управлению корпуса перейти в район Шпоты – 220 километров украинских весенних дорог – это требует особого описания.

Управление 49 СК в Шполе. Задача:

- а) Принимая дивизии по мере их подхода, образовать внешнее кольцо окружения Корсунь-Шевченковской группировки.
- б) Освободить с внешнего обвода танковые корпуса армии.
- в) Не допускать прорыва танковых дивизий немцев к окруженным немецким частям.

49 СК в составе шести стрелковых дивизий, получаемых последовательно с подхода, и десяти противотанковых полков, образовал на рубеже Шпола – Звеногородка внешнее полукольцо окружения немцев в Корсунь-Шевченковской операции. К правому флангу полукольца 49 СК примыкали части 1 Украинского фронта, образуя вторую половину внешнего кольца окружения.

Оборонительные бои на внешнем обводе окруженной немецкой группировки отличались особой жестокостью и упорством. Начиная, с 5 февраля 1944 года немецкое командование принимает отчаянные

попытки ударами южнее Звенигородки прорваться к окруженным немецким войскам и вывести их из окружения. Для выполнения этой задачи немцы стянули в район западнее и юго-западнее Звенигородки до 8 танковых дивизий, на вооружении которых, главным образом, были танки типа «Тигр», «Пантера» и самоходные орудия «Фердинанд». Кроме того, было несколько пехотных дивизий, пополненных из резерва.

С каждым днем немцы наращивали удары на земле и в воздухе. Их атаки в первые дни были почти непрерывными. Временами положение было угрожающим, особенно на участке 357 СД корпуса. Положение на участке этой дивизии спасли 8 танков 5-й танковой армии генерала Ротмистрова.

В подтверждение тезиса о большом значении случайностей на войне и насколько важно во время воспользоваться этими случайностями для дела победы, позволю себе остановиться на этом случае несколько подробнее. Прорвав фронт и установив взаимодействие с танками 1 Украинского фронта, танковая армия генерала Ротмистрова до выхода дивизий 49 СК на внешний обвод, вела сдерживающие бои с танковыми дивизиями немцев на рубеже Звенигородка – Шпола. С выходом на внешний обвод дивизий 49 СК, танковая армия генерала Ротмистрова была собрана в кулак и готовилась наращивать удар по окруженной группировке немцев на Корсунь-Шевченковской.

Отчаявшись прорвать внешний обвод 49 СК 2 Украинский фронт, немцы перенесли нажим на внешний обвод частей 1 Украинского фронта и его прорвали, стремясь развить успех в сторону окруженной группировки. Резервами армии 1 Украинского фронта позже положение было восстановлено. Предложение Советского командования частям окруженной немецкой группировки сдаться, было немцами отклонено. Оставалось одно, чтобы убедить немцев в безнадежности их попыток освободить окруженную группировку – эту окруженную группировку уничтожить. На уничтожение окруженной группировки немцев вместе с другими частями ушли и танки генерала Ротмистрова.

В 3 километрах юго-восточнее Звенигородки в не большой роще была оставлена часть автотранспорта и 8 танков, которые не могли следовать со своими частями из-за неисправности ходовой части. За 4 дня до описываемого случая, на участке 375 СД мне пришлось

быть у командира всех оставленных танков и машин 5 танковой армии. Таковым оказался заместитель по тылу 24танкового корпуса. С ним было договорено о временном оставлении танков на месте их готовности, в случае необходимости, вести огонь с места по прорвавшимся немцам на участке 373 стрелковой дивизии.

Уход танковой армии Ротмистрова с моего участка скрыть было нелегко. Немцы об этом, по-видимому, как-то узнали и решили этот случай использовать и еще раз попытаться прорваться своей окруженной группировке. Собрав кулак, немцы ринулись узким клином к полосе обороны 375 СД, смяли батальон первого эшелона и развили успех к роще, где стояло 8 танков.

Сделав выдержку, и подпустив немецкие танки и пехоту на 400-500 метров, танки открыли огонь и подбили одновременно 5 немецких танков. С работающими на месте моторами, наши 8 танков продолжали вести огонь. Картина получилась потрясающая. Весь немецкий клин завернул обратно и побежал. Захваченные в плен немцы потом показали: «Мы шли в наступление в полной уверенности, что ваших танков на этом участке нет».

В приказе Верховного Главнокомандующего от 23 февраля 1944 года № 16 об этой операции сказано так: «Советские войска устроили немцам «новый Сталинград» на правом берегу Днепра, окружив в районе Корсунь-Шевченковский 10 немецких дивизий и одну бригаду». Корсунь-Шевченковская операция закончена. 49 СК передан в состав 53 армии генерала Манганова, в котором и был до конца войны на западе и востоке без перерыва.

Боевые действия 49 стрелкового корпуса (СК) в составе 53 армии 2 Украинского фронта (март 1944, июнь 1945 года)

Март 1944 года. Перегруппировав дивизии, 49 СК готовится к прорыву оборонительного рубежа немцев юго-западнее Звенигородки. Весна в этот год была дружной. Дороги Украины превратились в безбрежные хляби раскисшего, истолченного колесами и гусеницами чернозема. Трудности подвоза из-за дорог ограничили лимит боеприпасов. Достаточно сказать, что когда на отдельных направлениях подвоз был вовсе невозможен, тогда на выручку приходило местное население. Сотни граждан, составив цепочку на расстоянии несколько километров, передавали по цепи снаряды и мины от Арт. ДОП к огненным позициям батарей.

Фронт противника прорван. Отступая, немцы бросали на каждом своем оборонительном рубеже массы боевой техники, которую они судорожно подвозили из глубоких тылов, стремясь любой ценой задержать наше новое наступление. Немецкая техника оказалась парализованной, бросая ее, немцы убегали пешком, оставляя на дорогах даже конские фуры. И, действительно, казалось невозможным двигаться по этим дорогам, где танки вязли по башню, а нога пехотинца уходила в грязь по колено. А между тем, наше наступление развертывалось с каждым днем все быстрее, все шире и могущественнее. Были случаи, когда немцы не успевали занимать своими тыловыми резервами оборудованные в инженерном отношении рубежи.

При подходе к этим рубежам немецкие части атаковывались нашими частями, вышедшими на эти рубежи раньше немцев. Такие случаи имели место севернее города Балта при подходе к реке Днестр. Ломая отчаянное сопротивление немцев на промежуточных рубежах, дивизии 49 СК вышли к рубежу реки Реут (район Оргеев) на территории Молдавской ССР с большим некомплектом личного состава в дивизиях.

Попытки прорвать оборонительный рубеж немцев на реке Реут с ходу успеха не имели. Армии фронта получили приказ на оборону. Организация обороны перед готовым оборонительным рубежом противника, под непосредственным воздействием огня его организованной обороны, требует от офицерского состава особого подхода к решению задач обороны и организации системы всех видов огня.

Как только становилось известно о переходе к обороне, большинство огневых средств пехоты сразу выдвигалось в первую линию боевого порядка. В первую очередь решались вопросы организации противотанкового, артиллерийско-минометного и ружейно-пулеметного огня. Решались вопросы управления вышеперечисленными видами огней и системы артиллерийского наблюдения.

Отделения, взводы, роты, батальоны и полки, остановленные на случайных рубежах, немедленно зарывались, чтобы не нести напрасных потерь от огня организованной обороны противника и его авиации. Уточнение переднего края обороны и огневых точек производилось на офицерской рекогносцировке, когда были точно

определены границы районов обороны батальонов, участки обороны полков и полосы обороны дивизии.

Отрытые в период остановки щели, окопы и т. д., включали потом в общую систему инженерных сооружений в обороне. Оборона, как правило, к этому времени всегда оборудовалась системой траншей. Особое внимание уделялось выбору «НП» связи между ними и организации службы на них. Корпус, как правило, имел в обороне не менее 2-3 «НП», выбором которых занимался я сам, дивизия, полк и батальон – не менее двух. Командиры рот и командиры взводов оборудовали «НП» в траншее. Большое внимание уделялось схеме вызова огня артиллерии и минометов, как по заранее определенным участкам, так и участкам по обстановке.

Наступательные бои 49 стрелкового корпуса в составе 53 армии в Румынии

Маршал Малиновский, уточняя роль 53 армии в Яссо-Кишиневской операции, сказал генералу Манагарову: «Сила твоей армии в высокой подвижности». Снятая с оборонительного рубежа реки Реут (район Оргеев) и сосредоточенная ночными маршами к месту прорыва, армия генерала Манагарова, опрокидывая резервы обороны, бурным потоком устремилась к Бухаресту.

49 СК получил одну, но хорошую дорогу. Кроме того, нам была известна одна важная деталь. В первую мировую войну Россия, как своему союзнику, передала Румынии много конского состава. Решили, что признают нас потомки русских коней, что сохранили они донскую, кубанскую, орловскую и тамбовскую резвость, что не разучились еще понимать русскую речь. Спросили молодых хозяев бывших русских коней, поговорить с ними, понимают ли те русскую речь, а насчет резвости, надо было проверить практически. Не успел еще командир 49 СК определить форму практической проверки, а дивизии его корпуса уже мчались по асфальтированному шоссе на славных потомках орловских, тамбовских, донских и кубанских, запряженных в полозья коней, к Бухаресту.

Маршировали по 70-80-90 километров в ночь. Ломая и нарушая управление немецкой армии, захватывали его тыловые базы, громили подходившие немецкие резервы. В тылу корпуса шли бои. Справа и слева тянулись отходящие на Запад колонны частей румынской армии. Брать, их в плен нет времени, да к тому же они

почтительно уступают дорогу, когда какая-либо из наших колонн догоняет румынскую часть. Мчимся вперед, не обращая внимания на остающиеся позади части румынской армии.

Вот большая колонна частей румынского фокшанского укрепленного района с большим числом крытых по-цыгански повозок. Доношу командарму генералу Манаганову. Получаю приказ: «Встречающиеся части румынской армии подчиняйте себе и, соответственно обстановке, ставьте задачи». Выполняю. Всем встречающимся командирам частей румынской армии ставлю задачи: «дорогами, параллельно движению 49 СК двигаться на Запад к Бухаресту».

Назначаю рубежи, время и оставляю у себя от штабов румынских частей, офицеров связи для контроля за выходом частей на указанные мною рубежи. Командиры частей румынской армии чем-то взволнованы и просят разрешения доложить в части заданных им рубежей. Оказывается, они такими темпами двигаться не могут, их темпы движения – 20-25 километров в сутки и просят дать им другие расчеты по времени выхода на рубежи. Я понимаю, что мне нужно, это то, чтобы части румынской армии имели цель куда двигаться и не мешали мне на дорогах.

Конечно, на указанные мною рубежи и в указанные сроки им не выйти, но я все же предлагаю им попытаться счастья и организовать движение с расчетом вывода своих частей на указанные рубежи в указанные мною сроки. Обычно, на третий день движения румынские части были, от колонн движения моего корпуса, в 150-180 километрах позади и я терял с ними всякую связь.

Позже, я узнал, что, двигаясь в указанном мною направлении, колонны на марше таяли. Солдаты частей румынской армии, не получив надлежащего разъяснения от своих командиров об обстановке и, проходя мимо своих деревень, ручейками растекались по домам, оставляя оружие в населенных пунктах, а 49 СК, выполняя задачу командарма, продолжал стремительно наступать вперед.

Днем немецкие самолеты – разведчики ищут 49 СК, исходя из темпов его движения в 35-40 км. в сутки и не находят его. Определился след 49 СК сначала на восточных, а потом на западных окраинах румынской столицы Бухареста.

...Развивая удар, 49 Стрелковый, теперь Бухарестский корпус, продолжал стремительно наступление по румынской долине Ва-

лахии в направлении Турну-Северин к Железным Воротам Трансильванских Альп: Крову, Драганешты, Александрии, Рошиорий-де-Веде, Крайова, Бутоештии, наконец, Турну-Северин. Справа – отвесные скалы Трансильванских Альп, слева – многоводный Дунай, а между отвесными скалами Альп и Дунаем, на протяжении 20 километров, узкая (18-20 метров ширины) лента дороги. По берегу Дуная – немецкая оборона. Огонь прямой наводкой орудий обороны немцев и пулеметный огонь прочно закрыли движение по единственной дороге к Железным Воротам. Что делать?

Вспоминаю слова детской песни школьного периода:

*« От Алтая до Амура,
от Дуная до Днепра,
Прогрети до грани света,
Слово русское – Ура!!!»*

Попытка прорваться на Ура!.. Ночью отдельными автомашинами с большими интервалами не удалось. Две головных автомашины подбиты и закрыли дорогу. Вторая мировая война – классическая война машинного периода, а вот машина тоже не помогает, а при определенных условиях даже мешает. Подбитые автомашины загродили дорогу.

...Итак, в чем же своеобразие обстановки? Где ключ к решению вставшей на пути корпуса задачи? Каким должен быть план, чтобы по узкому коридору вырваться к румынской провинции Банат?

В Турну-Северин – небольшой гарнизон румынской части. Начальник его гарнизона, румынский полковник рассказывает: «Других путей, по которым можно было бы пройти в провинцию Банат, в этом районе нет. По тропинкам Альп, в колонне по одному трудно, но может быть, возможно, пройти пехоте. Между прочим, мои части по этим тропам не ходили... Как Вы думаете, господин генерал, пройти, когда и как начнете эту операцию? – интересуется полковник румынской армии.- «Что Вы можете, господин полковник, сказать мне о немецкой обороне по тому берегу Дуная? – в свою очередь спрашиваю я любопытного румынского полковника. – «Ничего особенного, обороняются. Два часа тому назад перед Вашим приходом, моя разведка пыталась проникнуть на тот берег, но успеха не имела, веду наблюдение».

– Я тоже веду наблюдение, – отвечаю я румынскому полковнику, только я буду вести наблюдение несколько шире. Я организовал наблюдение за югославским и румынским берегами Дуная, за хребтом Трансильванских Альп, а сегодня ночью одна из моих частей. – «Вы слушали стрельбу сегодня ночью? – прорвалась к Железным Воротам, захватила их и ведет наблюдение и разведку на Запад» (В действительности, как сказано выше, мои две автомашины были подбиты и закупили дорогу). Прошу вас, господин полковник, вести наблюдение за обороной немцев на том берегу Дуная с румынского берега. Разведку югославского берега Дуная беру на себя. Обеспечение порядка внутри города остается за Вами. Все, что касается вопросов вне города, я беру на себя, с божьей помощью одолеем немца и в этом месте». (Румынский полковник, как я успел заметить, был православным).

Признаюсь, для большей убедительности, я перекрестился. После моего крестного знамения лицо румынского полковника одновременно с просветлением, выразило удивление, и он стал еще добродушнее рассказывать о трудности моей задачи. Весь разговор происходил на высоте, за стеной какой-то каменной постройки, на северной окраине Турну-Северин. Переводчиком был русский офицер – бессарабский молдаванин, хорошо знавший румынский язык. На обратном пути румынский полковник пригласил меня и спросил разрешения пригласить всех бывших со мной моих офицеров на завтрак к нему.

Свежее, прохладное и одновременно теплое румынское утро хорошо действует на желудок. Мы приняли приглашение румынского полковника на завтрак. Нечего греха таить. На завтраке румынский полковник вынужден был удивиться во второй раз, когда стало известно, что я не пью ни спиртного, ни виноградного. Изрядно захмелевший к концу завтрака, он много говорил о русской армии, которая помогла обрести румынам свою государственную самостоятельность. Мы согласились с этим. Он хорошо знал, этот полковник румынской армии, историю своего народа.

Темной румынской ночью по узкой ленте дороги, прижимаясь к отвесным скалам, Трансильванских Альп, 1-я воздушно-десантная дивизия 49 БСК прорвалась, к Железным Воротам и на рассвете внезапной атакой захватили их. Огонь батарей по югославскому берегу Дуная завершил операцию. Дорога свободна.

На другой день мне рассказывали, что около 10 часов следующего дня гостеприимный полковник румынской армии, начальник гарнизона Турну-Северин, снова прислал приглашение к нему на завтрак. И, тогда румынский офицер доложил своему полковнику, что русский генерал завтракал в Железных Воротам, а обедать, наверно, будет значительно западнее. Румынский полковник немедленно прибыл к оперативному офицеру моего штаба, который остался в Турну-Северин для передачи донесения в Штаб о занятии головной дивизией 49 БСК Железных Ворот, чтобы лично удостовериться в доложенных ему румынским офицером, сведениях. Когда эти сведения были ему подтверждены, полковник румынской армии был очень «обрадован» и предложил для ведения разведки взять у него единственный кавалерийский эскадрон. Остальные эскадроны его кавалерийского полка почему-то были без лошадей.

Естественно, что на этот раз мы от румынского эскадрона отказались любезно, но зато позже в развернувшихся ожесточенных боях на полях Венгрии, правее меня вела бои румынская королевская армия, а в состав 49 Бухарестского стрелкового корпуса восточнее Шальготарьян (Венгрия) вошла первая румынская добровольческая Дебреценская имени Тудор Владимиреску пехотная дивизия.

...Боевой путь воинской части определяется боевым приказом. Путь 49 Бухарестского стрелкового корпуса от Железных Ворот определен на север к румынскому городу Лугож, а западнее Лугож – Тимишоара – главный город провинции Банат. Тяжелые бои Тимишоара с немецкими вновь подошедшими резервами. Воздух насыщен немецкой авиацией, но мы уже научились побеждать. Взята Тимишоара, в госпиталях, которой много больных и раненых офицеров немецкой армии. Проверяем. Больные порой оказываются, здоровыми и часто под снятой повязкой не обнаруживалось никаких ран. О внимании и бдительности не надо забывать и при победах.

Наступательные бои 49 БСК в составе 53 армии 2-го Украинского фронта в Венгрии

...В Венгрии особенно упорное сопротивление наступавшие части корпуса встречали на рубежах Орошхаза, Карцаг, Хайдудорог, при форсирование реки Тисса, в районе Тиссафюред и в горах Матра, Дендьеш, Пасто, Шалготарьян.

За период боев в Венгрии с кавалерийским корпусом генерала Плиева мне пришлось взаимодействовать дважды: первый раз у Карцаг, где, вырвавшись вперед, кавалерийский корпус вел бой в окружении, имея недостаток в боеприпасах. Мне была поставлена задача разорвать кольцо окружения и вернуть кавалерийскому корпусу свободу действий.

В книге И.В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза», стр. 83, сказано: «Десятки тысяч командиров Красной Армии стали мастерами вождения войск. Они научились сочетать личную отвагу, мужество, с умением руководить войсками на поле боя, отрешившись, от глупой и вредной линейной тактики и стали прочно на почву тактики маневрирования». Эту истинную правду могут свидетельствовать многие части и соединения Советской Армии, участвовавшие в Великой Отечественной войне.

Март – маневр 49 БСК от Орошхаза на север к Корцаг был стремительным, дивизии корпуса не отставали от танков, а кое – где шли впереди. Мы имели опыт стремительного наступления к Бухаресту. Не было у немцев расчета на такую нашу тактику маневрирования. Кольцо разорвано. Кавалерийский корпус Плиева получил свободу действия. «До новой встречи», – говорит мне генерал Плиев, и уходит куда-то вперед. И это была правда, вскоре мы снова встретились – бои за переправу на реке Тисса, ее форсирование и упорные наступательные бои на подступах к воротам в горы Матра, городе Дендьеш. Авиация немцев днем ведет себя очень активно. Трудно генералу Плиеву в безлесной венгерской равнине днем. Но кроме дня есть ночь. Кавалерийский корпус генерала Плиева ночной атакой врывается в Дендьеш и открывает нам дорогу на Пасто.

«До свиданья», – снова говорит мне генерал Плиев и уходит куда-то на северо-запад. Тяжелые бои за Пасто с применением обходного маневра стрелковой дивизии генерала Огородова, и вот – Шалготарьян, севернее которого в непосредственной близости – граница Чехословакии. В боях за Шалготарьян активно участвует переданная в состав 49 БСК 1-я румынская добровольческая дивизия имени Тудор Владимиреску.

Боевые действия 49 БСК в Чехословакии

Ломая сопротивление врага, 49 Бухарестский стрелковый корпус ведет бои в словацких Рудных горах. После упорных и же-

стоких горных боев 49 Бухарестским стрелковым корпусом взята Банска-Штавница. Английская «Матильда» плохо себя зарекомендовала в горах, скользят гусеницы на горных дорогах при заморозках (несколько таких танков было в танковой бригаде, приданной 49 БСК). Бои за Нитра, Триава, Годонии.

Все эти города, как и Банска-Штавница, корпус берет один. Пройдены Малые и Белые Карпаты и вот Брно. В газете «Правда» от 21 апреля 1945 года объявлено Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР за подписью товарища Сталина о присвоении мне воинского звания «генерал-лейтенант».

Вся 53 армия при сильной поддержке авиации и танков ведет бои за Брно. Брно взяты. Западнее немцы продолжают ожесточенно сопротивляться, бои продолжаются. 9 мая 1945 года слушаем по радио обращение товарища Сталина к народу: «Товарищи соотечественники и соотечественницы! Наступил Великий день победы над Германией... Правда одна группа немецких войск в районе Чехословакии все еще уклоняется от капитуляции, но я надеюсь, что Красной Армии удастся принести ее в чувство».

Мы вели бои и после 9 мая 1945 года. Это было нелегко. Мы приводили в чувство отчаявшихся фашистов. И вот случай: 49 Бухарестский стрелковый корпус ведет бои 49 горно-стрелковым немецким корпусом на подступах к Праге. Итог-около 20 тысяч солдат 49 немецкого горно-стрелкового корпуса пленены со всей его техникой 49 Бухарестским стрелковым корпусом Советской армии. Взят в плен командир немецкого горного корпуса – генерал-лейтенант Лесгоир и весь его штаб вместе с представителем генерального штаба немецкой армии генерал-майором Гернах. Прага взята войсками 1 Украинского фронта – Маршала СССР Конева И.С.

Дивизии 49 БСК 53 армии 2 Украинского фронта расположены биваком в 20-30 километрах восточнее Праги. Итак, война на Западе окончена, победа за нами! Что с Востоком? «Горит Восток зарею новой»...

Переброска 49 БСК в составе 53 армии на восток. Июль 1945 года

Получено предварительное распоряжение штаба 53 армии о подготовке дивизий 49 БСК к погрузке в железнодорожные эшелоны. Управлению корпуса следовать за головной дивизией. Эшелон

в пути на Восток: Прага, Дрезден, Варшава, Брест, – граница нашей родины СССР. Эшелон управления корпуса медленно подходит к пограничному столбу и, миновав его, хвостовым вагоном, останавливается. Офицеры и солдаты выходят из вагонов. Быстро собираются на месте, чтобы организованно на митинге засвидетельствовать свою радость возвращения на землю своей Родины. Митинг затягивается. Многим хочется поделиться чувством радости возвращения на свою Родину и гордостью победы. Эшелон идет дальше на Восток Минск – Москва. Москва празднует день встречи победителей.

Из эшелона мы приветствуем ликующую Москву и продолжаем двигаться на восток: Свердловск, Омск, Новосибирск и вот Ачинск. В Ачинске, эвакуированная с Дальнего Востока весь период войны, живет моя семья: жена и два сына, которых не видел со дня эвакуации – с августа 1941 года.

Мне удается вызвать их к эшелону. Пришли все трое, выглядят неважно. Оба сына просят ехать со мной, мне хочется взять обоих, но мы не знаем, куда едем. Обоим братьям не решаюсь, беру старшего Вову, ему 14 лет, он окончил 7-летку. Младший – Витя обижен, но держится молодцевато.

Эшелон продолжает свое движение на Восток. Жалоб на железнодорожных станциях на эшелон головной дивизии нет. Чувствуется общий подъем. Предлагаю Вове вести дневник. На третий день пути Вова заболел, сильный жар. Его тетрадка – дневник на полу. Читаю первую запись: «Июля, 15 – 1945 года, стучат колеса, сижу в вагоне военного эшелона, вернее не сижу, а лежу, потому что на третий день после своей посадки в вагон свалился в гриппе... А еще собираюсь воевать! Грипп перешел в ангину, но, кажется, дело идет на поправку. Едем уже восьмые сутки. Проезжая станцию Байкал, купили и съели омуля. Спели знаменитую:

«Славное море, – священный Байкал,
Славный корабль – омулевая бочка».

Сегодня ночью перевалили Яблонувый хребет. Подъезжаем к Чите. Кажется, наше путешествие кончается. Скорее бы, надоело уже находиться в эшелоне. Куда едем, не знаю, да и что могу знать я четырнадцатилетний пацан. Кроме того, я уже «показал» себя: только сел в эшелон и сразу заболел, вот валяюсь и до сих пор. Про меня, наверно, так и говорят: «Вот взял отец сына воевать на свою шею». Терентьев Вова.

Как относиться к этой записи? Что можно сказать о ней? Что думает, каким стал и каким будет Вова? Правильно – ли я поступил, взяв Вову с собой?

Эшелон на станции Чайболсан дружественной нам Монгольской Народной Республики. Головная дивизия расположена биваком в 5-6 километрах от станции. Управление корпуса также располагается биваком. Предупреждают, что в нашем распоряжении считанные дни. Знакомимся с топокартами и изучаем военно-географическое описание:

а) Однообразный рельеф, большие открытые пространства, отсутствие ориентиров, все это сильно затрудняет ориентировку.

б) Нужно иметь виду организацию сети маяков, ориентиров и указателей, тем более что карты не отражают полной действительности местности.

...На восток

Дивизии Стрелкового корпуса с повышенной скоростью продолжали марш бросок. Основная часть грузов – вооружение, снаряжение, продовольствие, вода и, частично, люди были размещены на верблюдах. Кое-где японские кавалерийские заставы не успевали уходить от наших передовых частей, марширующих на верблюдах. Скорость наступательного марша главных сил корпуса также поднялась. Мы получили возможность двигаться без дорог. Там, где не шла автомашина и повозка, проходил верблюд, неся на себе груз, а иногда и людей.

Автомашины приходили потом, позже, к указанному им населенному пункту основными грунтовыми дорогами, несовпадающим с нашими маршрутами. Корпус шел вперед к берегам Тихого океана. Тысячекилометровый марш-маневр был тяжел. Но разве бывает легкой солдатская служба? Да, бывает..., когда запеваётся песня:

«И на Тихом океане свой закончили поход», перекликаясь с историей гражданской войны, пели дивизии 49 БСК 2 – 9-го сентября 1945 года у берегов Тихого океана на Дальнем Востоке. Это был день безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил».

В Москву

Победа за нами. Веду корпус в родные края, в СССР. На обратном пути в СССР, в Маньчжурском городе Кайлу сдаю корпус,

которым командовал непрерывно с первого дня его боевой жизни, в течение двух лет и 3 месяцев, до Бухареста 49 стрелковый корпусом, а после Бухареста – 49 –м получившим наименование Бухарестского стрелкового корпуса.

Пишу рапорт:

Командарму-53 Генерал-полковнику Манагарову.

Должность командира 49 Бухарестского стрелкового корпуса 19.9 1945 года сдал начальнику штаба корпуса полковнику Ханину и 20.9 1945 года убыл из района Кайлу в город Москва. Основание: Ваша телеграмма от 18.9 1945 года № 3200/ ш.

Краткий перечень наиболее важных боевых операций на фронтах Великой Отечественной войны, участником которых мне довелось быть

1. Контрнаступление на Московском стратегическом направлении в составе Западного фронта, разгром центральной группы немецких войск. Ноябрь – декабрь 1941 года – январь 1942 года (около трех месяцев). Должности: Зам командующего по тылу 10 армии. Командир 32 Стрелковой дивизии.

2. Упорная оборона 322 СД в составе 16 армии Западного фронта. Февраль 1942 года, январь 1943 года (около года). Должности: командир 322 Стрелковой дивизии.

3. Воронежская – Касторненская операция во взаимодействии Воронежского и Брянского фронтов. Январь – март 1943 года. (Три месяца). Должности: Командир 322 Стрелковой дивизии.

4. Упорная оборона 38 Армии на правом фланге Воронежского фронта. Южной половины Курской дуги. Март – июнь 1943 года (четыре месяца). Должности: Зам командующего 38 Армии по строевой части Воронежского фронта.

5. Курская битва и последующее контрнаступление: бои за Белград, Харьков, р. Днепр и бои западнее р. Днепра в составе 7-й Гвардейской армии Воронежского, переименованного в ходе операции – Степной, 2-го Украинского фронта. Июнь 1943г, январь 1944 г. Около восьми месяцев. Должности: Командир 49 Стрелкового корпуса.

6. Внешнее кольцо Корсунь-шевченковской операции и последующие наступательные операции в Кишиневском направлении в составе 5 Танковой Армии генерала Ротмистрова и 53 армии гене-

рала Манагарова. Январь – март 1944 года, три месяца. Должности: Командир 49 Стрелкового корпуса.

7. Упорная оборона на реке Реут, в районе Оргеев в составе 53 армии 2-го Украинского фронта. Март – июль 1944 года (около 5 месяцев). Должности: Командир 49 Стрелкового корпуса.

8. Яссо-Кишиневская операция и наступательные бои в Румынии. (Седьмой удар): Бухарест, Турну-Северин, Железные Ворота, Тимишоара в составе 53 армии 2 Украинского фронта. Август – сентябрь 1944 года (около двух месяцев). Должности: Командир 49 Стрелкового корпуса.

9. Наступательные бои в Венгрии. Форсирование реки Тисса, бои в горах Матра в составе 53 армии 2 Украинского фронта. Сентябрь – ноябрь 1944 года. Должности: Командир 49 Бухарестского Стрелкового корпуса.

10. Упорная оборона на реке Грон перед словацкими рудными горами в составе 53 армии 2 Украинского фронта. Декабрь 1944 года. Февраль 1945 года. Должности: Командир 49 Бухарестского Стрелкового корпуса.

11. Наступательные бои в Чехословакии. Бои за Банска-Штавница, в словацких рудных горах Нитра, Трнава, Годонии, Бро. Форсирование рек Нитра, Ваг, Морава в составе 53 армии 2 Украинского фронта. Февраль – май 1945 года (четыре месяца). Должности: Командир 49 Бухарестского Стрелкового корпуса.

12. Переброска Корпуса в составе 53 армии в Чайболсан МНР по железной дороге (июнь – июль 1945 года). Должности: Командир 49 Бухарестского Стрелкового корпуса.

13. Наступательный марш-маневр по безводным и бездорожным степям МНР, китайской провинции «Чахар», перевал «Шарахота» хребта Большого Хингана, Линцун, Кайлу, Сиилунди, Баоготу, Чаоян, к берегам Ляодунского Залива Тихого океана в составе 53 армии, Забайкальского фронта. (9 августа – 3 сентября 1945 года). Должности: Командир 49 Бухарестского Стрелкового корпуса.

14. Обратный марш на Родину в СССР: через Чаоян, Кайлу на Чайболсан (3 – 20 сентября 1945 года). Должности: Командир 49 Бухарестского Стрелкового корпуса.

15. В Кайлу получил шифрограмму об откомандировании мене в Москву, в Главное Управление Кадров Советской Армии. Полу-

чаю назначение зам начальника УВУЗ сухопутных войск, где работал до мая 1947 года. В мае 1947 года назначен командиром 31 Стрелкового корпуса – город Мурманск.

**«Защита Отечества, есть священный долг
каждого гражданина СССР»**

Из схемы моего непрерывного боевого пути в Великую Отечественную войну видно, что этот путь не мал, это большой путь побед. Мое участие в войне началось с контрнаступления под Москвой. В дальнейшем ходе войны я участвовал в прочной обороне, наступлении, контрнаступлении и стремительных марш-маневрах на полях Румынии, Венгрии, Чехословакии, Манчжурии.

Мне приходилось организовывать и проводить наступательные и оборонительные бои, марш-маневры во все времена года – весной, летом, осенью и зимой на различной местности. На полях Европейской равнины, на полях родной Украины, в Трансильванских Альпах Румынии, в горах Матра Венгрии, в рудных горах и Карпатах Чехословакии, в безводных монгольских равнинах, на перевалах хребта Большого Хингана и на полях Манчжурии.

В Великой Отечественной войне я шел только вперед. Я – участник битв, где было применено большое количество современной техники – артиллерии, танков, авиации. Был свидетелем количественного перехода Советской Военной техники в качество результатов наших побед. Был свидетелем и участником войны машинного периода – войны моторов. На этом памятном и большом боевом пути Великой Отечественной войны, проходил по полям сражений прошлых войн, вспоминая своих славных предков. Видал много на этом пути... [10].

Мы землю вертели на запад назад

*...Я ступни свои сзади оставил,
Мимоходом по мертвым скорбя,
Шар земной я вращаю локтями –
От себя, от себя.
Кто-то встал в полный рост и, отвесив поклон,
Принял пулю на вдохе,
Но на Запад, на Запад ползет батальон,
Чтобы солнце взошло на Востоке.
Животом – по грязи, дышим смрадом болот,
Но глаза закрываем на запах.
Нынче по небу солнце нормально идет,
Потому что мы рвемся на Запад!*

В. Высоцкий

*А мы такую книгу прочитали...
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.
Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли.
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы все сложили в жизни, что могли.
Как самое великое творенье
Пойдет в века, переживет века
Информбюро скупое сообщенье
О путь-дороге нашего полка.*

Б. Окуджава

Абросимов Владимир Никитич Народ нельзя поставить на колени

Меня, еще безусым юношей, 24 июня 1941 года по мобилизации от Коммунистического РК ВЛКСМ отправляют на трудовой фронт, отправка в эшелонах происходит в городе Дмитрове. По дороге от Москвы до Смоленска иногда встречались сгоревшие села, деревни, поля пшеницы, ржи. Прибыли под Смоленск ночью. Высадившись из вагонов, получив не винтовки, а лопаты, пройдя где-то 40 км, на рассвете приступили рыть противотанковые рвы. Строили доты, дзоты, бетонировали штабные землянки, рыли траншеи для пехоты. Работали в очень тяжелых условиях, спали прямо на земле или в землянках, работу начинали с рассвета. Каждый день обстреливали, бомбили нас немецкие стервятники, сначала было жутковато.

Приходилось хоронить своих товарищей прямо рядом с противотанковыми рвами, потом привыкли, научились спасаться от бомбежек и обстрелов. Беженцы, женщины, старики, дети двигались на Восток группами на повозках и в одиночку, гнали скот, везли раненых солдат. Лето было жаркое, в небе постоянно десятками летали фашистские самолеты, обычно утром взлетали наши «ястребки»: шли бои в воздухе – зрелище красивое, но до боли в сердце неприятное, когда героически наши летчики сражались и вдруг, подбитые, падали. Сжималось сердце от злобы и ненависти к лютому врагу. Была у нас, юношей, досада, что я не могу летать и стрелять. Мне тогда казалось, испытав на себе силу духа, упорства, любовь к Родине, великую двужильную выносливость, большую смелость, храбрость и преданность нашей священной русской земле, такой народ нельзя поставить на колени, победить его, ибо он носитель любви и счастья, свободы и мира на земле.

После прибытия с трудового фронта, в 1942 году, в начале апреля, был призван в ряды Красной Армии в сформированный 6-ой истребительный батальон бойцом-минером с задачей; защита Москвы. Главной задачей 6-го истребительного батальона было: выявление и задержание дезертиров, уничтожение немецких Десантников, наблюдение за вражеской авиацией, минирование и разминирование местности после отхода немцев.

Первое мое боевое крещение произошло в районе г. Клина, где был выброшен вражеский десант; был получен приказ о его уничтожении. В ходе этой операции потеряли несколько бойцов. Продвигаясь дальше на Яхромском и Можайском направлениях производили разминирование населенных пунктов, полей, дорог. В 1943 году, в январе, 6 Истребительный батальон был расформирован и меня отправили на защиту Дальневосточных рубежей, в район Хабаровска... [1].

Авдеев Владимир Николаевич

Не было ни капли страха от этого ада

В начале июня 1941 года я закончил 7 классов, а через несколько дней началась Великая Отечественная война. В сентябре вместо школы я пошел работать на завод. Работал токарем-операционщиком, точил корпуса для снарядов 76 мм пушки.

23 марта 1943 года меня призывают в Красную Армию, в Тамбовское пулеметное училище, но учиться не пришлось. Назревала Курская Дуга, и всё училище было расформировано, всех курсантов, в том числе и меня, отправляют на фронт. Под духовой оркестр мы шли на вокзал. Поезд тронулся, оркестр продолжал исполнять марш. Несколько дней мы ехали в грузовых вагонах с нарами. Где-то нас высадили и мы пошли пешком. На следующий день в поход шли ночью. Устал, очень хотелось пить, воды не было и пил из какой-то лужи. Пришли в гвардейскую часть – это был Украинский фронт. Пришли на передовую, которая проходила на окраине деревушки. Она была разбита, жителей не было. Стояли в обороне дня 3-4.

Первое боевое крещение я получил на Курской дуге в 1943 году, будучи красноармейцем-пулеметчиком, в наступлении поддерживал пулеметным огнем продвижение роты. Утром нам выдали сухой паек, позавтракали и приказ в наступление. Шли по ржи или пшенице, вскоре немец открыл ужесточенный огонь, свистели пули, рвались снаряды, мины.

И сейчас вспоминаю, у меня не было ни капли страха от этого ада. Получили приказ наступать короткими перебежками по 3-4 шага залегая. Не помню, сколько я сделал перебежек, залег – и тут же удар в спину, с трудом передохнул и думаю, осколком снаряда.

Лежу, подбегает санинструктор, перевязал меня прямо по гимнастерке. Санрота была недалеко. Разбинтовали, снял гимнастерку и спрашиваю – осколком? А мне говорят, нет, пуля прошла под кожей на 2-3 мм 20 см длиной рядом с позвоночником, но его не задела. Впоследствии мне говорили врачи, что родился в рубашке, мне повезло. Привезли меня в полевой госпиталь, врач-хирург посмотрел и сказал: «Сейчас мое дело – разрезать, а твое – кричать». Сделали мне операцию – выдержал, не кричал. Вышел из операционной палатки, смотрю, медсестра разговаривает с ранеными и говорит, сейчас пойдет санитарный поезд на Мичуринск. Я тут же пошел пешком на станцию, 500 метров примерно. Сел в вагон, раздали сухой паек, и поезд тронулся. Я еду в мой родной город, где я провел свое детство.

В Мичуринске все школы были госпиталями. Полежал я, может, 2 или 3 недели. Повезли меня в Башкирию, станция Раевка. Пробыл я в госпитале до 25 октября, а ранило меня 13 июля 1943 года. Прибыл я в запасной полк ненадолго, снова на фронт – 1-й Белорусский. В 12 км от Витебска меня снова ранило в плечо и ногу в атаке на деревушку (названия не помню). Ранение было легкое, через 3 недели я был в запасном полку, и меня направляют на курсы младших лейтенантов 33 армии 1 Белорусского фронта. Располагались они в деревне Белоруссия. Потом переехал в Польшу.

Закончил курсы в конце октября 1944 г. Начальник курсов организовывал банкет, скромный конечно. Сидя за столом с товарищами, я иногда посматривал на офицерские погоны, это был мой счастливый день в моей армейской жизни.

Направляют меня в 183 запасной полк командиром стрелкового взвода. И уже находясь в Германии, меня направляют в 212 стр. полк 49 стр. дивизии 33 армии, располагались на дамбе Одера. В феврале 1945 г. направлен в 49-ю стрелковую дивизию, 212 строевой полк, первый батальон, вторая рота, командиром взвода. Рота занимала оборону на окраине деревни Визинау в Германии. В обороне было относительно спокойно, периодически немцы вели пулеметный огонь, иногда обстреливали из минометов, орудий.

14 апреля 1-му батальону было приказано провести разведку боем. Немцы занимали позиции на опушке леса, от нас метров 200-300. Пошли в атаку, выбили немцев из 1й траншеи, но через несколько минут немцы открыли ураганный огонь, работала их

артиллерия, минометы, и немцы пошли в атаку, сколько отбили атак – не помню, но в этом бою потери были большие, вышел из строя расчет станкового пулемета. Немцы опять стали проводить одну атаку за другой. Отбив несколько атак немцев, мой помощник, младший сержант доложил, что погиб пулеметный расчет. Я со своим помком взвода сержантом Иваном Солодухиным залегли за станковым пулеметом и вели огонь длинными очередями. Немцы отошли, наступила тишина, и командир батальона приказал отойти на свои позиции на окраину деревни. Разведка боем была выполнена. На следующий день 15 апреля была тишина. Вечером был получен приказ: 16 апреля 1945 года идем в генеральное наступление по всему фронту.

16 апреля 1945 г. в 4 часа утра начала работу артиллерия всех калибров. После двухчасовой артподготовки мы пошли в генеральное наступление по всему фронту, я боями передвигались на Берлин. Я исполнял обязанности командира роты, когда мы вели бои в пригороде Берлина. Приближаясь к Берлину, немцы усиленно сопротивлялись, ведя огонь разрывными пулями. В населенных пунктах работали снайперы.

Во взятии Берлина 49 стр. див. не участвовала: она понесла большие потери, и командующий 33 армии отозвал ее в резерв. На марше мы узнали о взятии Берлина. Продолжая идти в резерв, мы сталкивались с разрозненными немецкими частями, вели бои с ними, они еще яростно сопротивлялись. Проходя лесами, неоднократно встречали небольшие группы разрозненных частей немцев, завязывались бои по уничтожению этих групп.

И вот мы пришли в один из лесочков Германии. Это был вечер 8 мая, поужинали и легли спать, еще было темно. Вдруг раздается телефонный звонок, замком батальона спрашивает меня: «Лейтенант, ты ничего не знаешь – ведь война кончилась!». Это было в 4 ч. Утра 9 мая. Я сказал об этом старшине роты, он спал со мной вместе в палатке. Он из палатки выскочил как пуля и сообщил об этом всем солдатам, сержантам. Через пару минут об окончании войны узнали все. Началась стрельба вверх из пулеметов, автоматов, карабинов.

То же самое было сделано и в других батальонах, ротах. Что здесь творилось! Лес освещался ракетами, которые не умолкали, светились одна за другой, стреляли из всех видов оружия: из ка-

рабинов, автоматов, ручных пулеметов, – конечно, вверх. Обнимались, целовались. Радости не было границ.

Наступило утро 9 мая 1945 г. Как помню, был солнечный день. Полк был построен на большой поляне. Начальник штаба полка объявил о дне победы и зачитал приказ о награждении орденами, медалями. Многие солдаты, сержанты, офицеры были награждены. В том числе и я был награжден орденом «Красной звезды» за разведку боем [2].

Акимкин Николай Сергеевич
**Взаимовыручка, дружба и братство среди солдат
навсегда остались в памяти**

21 июня 1941г. окончил 7 классов, и вместе с ребятами из класса проходил практику на плавучей будке. Готовились к армии – обучались плаванию на катерах, пересаживались в шлюпки, учились плавать (переплывали Оку), управляли яхтами, погрузочными катерами, плавали на лодках, ночевали на берегу реки. Начались налёты на город Горький, большая часть населения работала на заводах, когда неприятель всеми силами пытался довести город до разрухи. Для борьбы с врагом в городе были установлены зенитные пушки. Затем началась эвакуация населения.

Трудиться приходилось не покладая рук на торфоразработках. Добывали торф, просушивали, грузили в вагоны. Жили в бараках по 6 человек в комнатах по 16 кв. м. Чтобы согреться и приготовить еду топили не торфом, а выкорчеванными пеньками. Одолевал голод – полагалось всего 600гр. хлеба. Утром не завтракали, на обед приходилось два первых (суп вермишелевый или щи), на второе картофельное пюре, а на ужин хлеб с кипятком. Окончил курсы крановщиков, затем работал на погрузочном кране.

Через полтора года поступил в эвакуированное из Риги военно-морское училище. Проучился там 8 месяцев, затем его закрыли и весь личный состав отправили на фронт. 23-го февраля 1943 г. принял присягу и стал морским пехотинцем. Светлое пятно в то непростое время-это служба. Взаимовыручка, дружба и братство, которые возникли среди солдат навсегда остались в памяти. Морская пехота прежде всего требовала: абсолютной спаянности, му-

дрости, храбрости и расчетливости. Воевали на юге, прошли путь до Севастополя. 7-го мая 1944г. штурмовали Сапун гору. Много наших ребят погибло при штурме горы. Здесь получил ранение в ногу, 12 дней пролежал в санбате. Затем направили в Латвию на 2-ой балтийский фронт. Здесь освободили Ригу, ликвидировали «Курляндскую группировку». Сражения преодолевались тяжело: болота, мхи, леса преграждали путь. Получил ранение в плечо. Пуля пробила легкое. Был госпитализирован. День победы встретил в санитарном поезде, еще не мог ходить. Как только поправился, поступил на учебу в промышленно-экономический колледж в Риге [3].

Акимов Алексей Семёнович **Фронтовые дороги**

В 1939 году 20-летним начал свой боевой путь в районе Халхин-Гола в составе 11-ой танковой бригады. В то время японская Квантунская армия, нарушив государственную границу, вторглась в пределы Монголии и повела наступательные операции. На помощь братскому монгольскому народу были направлены регулярные советские войска. Принял бой вместе с первыми советскими танкистами. Бой был тяжелый и жестокий. За свободу и независимость монгольского народа советские воины не жалели своей крови и жизни.

В 1940 году с отличием окончил курсы механиков-водителей танков. Война с немецкими фашистами застала на одном из заводов, где готовил боевую технику для борьбы с врагом. Затем на этой технике в составе танковой дивизии попал в район Сталинграда. Все помнят трудные годы воины, когда враг подошел к Волге, когда развернулось невиданное в истории героическое сражение под стенами города-героя. Сколько радости и ликования вызвало у советского народа и всех его друзей окружение огромной группировки немцев-армии фельдмаршала Паулюса и их пленение.

В окружении фашистских войск под Сталинградом принимал участие и я, за что был награжден медалью «За отвагу». Закончил войну на Дальнем Востоке, в Маньчжурии... [4]

Алексеев Леонид Романович **Бой после Победы**

Радио у нас не было, телефона тоже. На другой день уже повестки принесли. Через несколько дней деревня опустела. Одни пацаны остались 14-15 лет. Председатель колхоза собрал нас, объявил, что мы теперь остались старшими, нам и работать. Дали каждому по лошади и стали мы работать.

В 1943 году исполнилось мне 17 лет и призвали в армию. Попал в Гороховецкие лагеря, в полковую школу. Шесть месяцев учили на артиллериста. Освоил 45 мм и 76 мм пушки. Попал на фронт и стал танкистом. Воевал на Т-34 в 3-й гвардейской танковой армии. Участвовал во взятии Сандомирского плацдарма на реке Висле. Нашему полку за эти бои присвоили почетное наименование Висленский. Брели город Ченстохов, дальше в Германию – форсировали реки Одер, Нейсе, Шпрее, канал Тельтов под Берлином. Брели с боем города Бунцлау, Бреслау, Лигниц, Лаубан. Под Лаубаном, оторвавшись от своих, попали в окружение, когда выходили с боями, погиб командир бригады дважды Герой Советского Союза Головачев А.А. Его танк подожгли, прямой наводкой попали.

Участвовал в штурме Берлина. Имею благодарность от Сталина за штурм Берлина. 2 мая в Берлине нас построили в 2 часа дня, и новый приказ – на Прагу. Праздник, веселье, два дня праздновали со славянами. Знакомый чех возил меня на своей машине, показывал Прагу. Все радовались, смеялись. Написали письма домой – остались живы, скоро приедем домой, ждите, война закончилась. 12 мая нас опять собирают по тревоге – новый приказ. В горах засели 2 дивизии отборных войск СС. Необходимо срочно уничтожить их. И вот мы на танках полезли в горы, поддержать пехоту. Выкуривали немцев, не считаясь с потерями. Много погибло хороших ребят. И мой друг, земляк из соседней деревни Якшино погиб, Саша Лаврентьев. Всю войну вместе прошли – Гороховецкие лагеря, Украину, Польшу, Германию, Чехословакию. Он тоже домой написал, чтобы ждали. И погиб. Потом, когда я уже вернулся, приходили ко мне его родители. Все не верили, как же так, ведь написал Саша, что война кончилась и скоро приедет, ждите. Рассказал я им, как было дело, как погиб их сын. Отец поверил, а мать нет. Так до смерти и не верила, все ждала, что вернется ее Саша [5].

Антошин Василий Степанович
Шли на таран

Служил на границе в 110 километрах от Владивостока. Началась война, перебросили под Сталинград, потом Москва. Был водителем танка в 3 гвардейской бронетанковой части. Держали оборону Москвы. Когда кончались снаряды, приходилось выводить фашистские танки из строя, идя на таран. Били немецкий танк с боку своим, нанося повреждения. Свои танки часто выходили из строя, ремонтировали. Приходилось и менять боевые машины. Видел, как горели наши танки, меня эта беда обошла стороной. Имею 21 награду. Освобождал Харьков, Варшаву, Берлин [6].

Анцунов Павел Сергеевич
Линию обороны фашисты не перешли

Рожден 20 сент. 1924 г. Шел 1940 год. Поступил в техникум. Два года проучился, приобрел и вторую специальность – артиллериста, и летом 1941-го присвоили звание сержанта, командира орудия (76-миллиметровой пушки). Начало Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., 22 июня 1941 г., застало меня в г. Ленинграде, где я уже закончил 2 курс Авиационного техникума. Так как я был еще не призывного возраста, то я написал заявление, что иду в армию добровольцем и я уже имею военную специальность. 22 июня 1941 г. призывная комиссия при Московском военном комиссариате г. Ленинграда признал меня годным к строевой службе и призвала меня на действительную службу по 4 направлениям. Так я оказался в действующей армии в должности командира орудия 76 мм 2го арт. полка. Началась жестокая кровопролитная война с фашистами на дальних подступах к Ленинграду.

...23 июня 1941-го ночью нас погрузили в эшелон и отправили на запад. В это время Ленинград еще не бомбили, но только стоило выехать за город – начались бомбовые налеты. Помню, как горели деревянные дома пригорода. Ехали ночь, на рассвете их предупредили, что впереди, в трех километрах, немцы. Последовала команда разгружаться и окапываться. Едва успели принять боевую позицию, как встретились с фашистскими захватчиками, которые шли тогда на нас,

практически не встречая сопротивления. Тут их и встретили, дали бой, причем, снарядов не жалели. Немцы движение прекратили...

С того момента шли ежедневные бои с продвижением на запад, к Ленинграду, который поставлял и живую силу, и технику, и боеприпасы (были и болванки без начинки, которые металл плавил, фугасные и осколочные снаряды). Фронтом командовал К.Е.Ворошилов, он несколько раз приезжал в его полк, который состоял из 4 батарей, по 4 орудия в каждой.

Мы первые танковые бои прикрывали. Выяснилось, что наши орудия могут брать танки прямой наводкой, а гаубицы для этих целей не годятся: открыты со всех сторон. Тогда сделали так: когда гаубицы бьют издалека, мы охраняем подступы, когда подходят танки – тогда сами выступаем на первый план. В августе докатились почти до стен Ленинграда, а враг бешено рвался сюда, и совсем недалеко было здание техникума, в котором учился – это примерно район Стрельни.

Когда сами не могли управиться, помогал Балтийский флот, который оставался зажатым в Кронштадте. Там и береговая, и корабельная артиллерия – все прикрывали. Это жуткое дело: не знаю, кому было страшнее – немцам или нам. Мы за несколько минут до начала работы береговой и корабельной артиллерии, получив сообщение, как можно быстрее зарывались в землю, натягивали на себя все, что только можно. Что там стекла в домах, которые разбивались! Бывало, если не успеешь закрыться, глаза из орбит выскакивали... Но эта линия обороны осталась неприкасаемая – не перешли ее фашисты. Был пожалуй, самым молодым в полку. Чего только не пережили: по нам и бронебойными снарядами били, и «Мессершмиты» огнем поливали, и «Юнкерсы» бомбили! В первые дни потери были непомерные...

...2 августа 1941 года в тяжелейших боях при форсировании фашистами р. Луга в районе г.Кингисепа я был тяжело ранен и эвакуирован в госпиталь, в г. Надеждинск (севернее Свердловска), где пролежал четыре месяца. В декабре 1941 г. был выписан из госпиталя 431 и направлена на службу в Воронежское областное направление НКВД делопроизводителем. Когда наступил перелом в войне в нашу сторону – был уволен в марте 1943 г. со службы на основании ст. 11а приказа НКО СССР №336-1942 как негоден к военной службе... [7].

Байков Николай Егорович
Некоторые стали молиться и даже плакать

Был призван в армию в 1942 году перед новым 1943 годом. Кормили очень плохо, хотя обижаться было не на что, гражданское население тоже было полуголодное. Но это полбеда, беда в том, что нас не учили стрелять, не было даже винтовок. За две недели ни разу не ходили в тир стрелять, нас учили строевой и гоняли целый день. В марте с маршевой ротой был отправлен в Тулу на пересыльный пункт. Потом прибыли в город Алексин Тульской области. Здесь и кормили лучше, и самое главное, получили матчасть, т.е. ружья: ПТР, дегтяревские и симоновские, карабины и автоматы. Мне достался карабин. Здесь действительно учили военному делу. В конце мая подняли по тревоге и мы пошли на фронт. После Южного сразу попали на передовую. Когда утром нас обстреливал шестиствольный пулемет, некоторые стали молиться и даже плакать. Но потом привыкли... [8].

Бананов Владимир Иванович
Солдатский путь

Родился 7 ноября 1925 года в Московской области в городе Богородск (сейчас Ногинск). В 1940 году окончил 7 классов начальной школы в поселке Верея (Орехово-Зуевский район). После учился в техникуме, но проучился всего лишь 1 год, так как началась война. Отца, Ивана Михайловича, призвали на фронт и мы с матерью Клавдией Михайловной остались одни. Поэтому в 1941 году устроился работать в механические мастерские Орехово – Зуевского торфопредприятия., где и проработал до сентября 1943 года. В сентябре 1943 года был призван в армию. Часть формировалась в Дмитрове. Здесь проходили и военную подготовку. Попал в батарею управления командующего артиллерией корпуса. Служил в качестве радио-телеграфиста. В ноябре 1943 года нас погрузили и повезли в район Ржева. В конце декабря 1943 года перебросили под г.Невль, так началась моя фронтовая служба.

В марте 1944 года наша часть участвовала в операции под Псковом. За эту операцию награжден медалью «За боевые за-

слуги». В апреле 1944 года перебросили на отдых в Ленинград. В июне – июле часть принимала участие в наступление на Карельском перешейке. Операция длилась до сентября 1944 года, в этом году был заключен мир с Финляндией. После этого нас перебросили в Эстонию, где преследовали немцев, но не догнали. Из Эстонии нас направили в Польшу в состав II Белорусского фронта. Там началось наступление севернее Варшавы, а мы попали в Восточную Пруссию. В феврале 1945 года мы заняли Эльблонг, где и отмечали день Красной Армии. Затем часть перебросили на юг Польши в город Грауденц. Фронт ушел на запад, а немцы остались в крепости этого города. Велась артподготовка, немцы сдались, и всех их взяли в плен. После этой операции нас перебросили на западный берег реки Вислы, и мы наступали на город Данциг (Гданьск). В апреле 1945 года город был взят. Здесь и узнали об окончании войны.

Считаю, что в годы войны очень ярко проявились такие качества наших солдат и офицеров, как стойкость и несгибаемость воли при исполнении воинского долга, составляющие важный элемент подлинного героизма. Даже в труднейших условиях начального периода войны основная масса наших воинов не впала в уныние, не потеряла присутствие духа, сохранила твердую уверенность в победе. Я часто сам наблюдал как мужественно преодолевая «танкобоязнь», «самолётобоязнь», неопытные солдаты становились закалёнными бойцами.

Дальше его служба продолжалась в Польше, в Северной группе войск. Имел звание – ефрейтор. Только 1948 году был демобилизован [9].

Басов Иосиф Николаевич
В окружении

Учился в Казани. На фронте был под Ленинградом и Новгородом. Первый бой. Остался жив. Нас окружили. С питанием было плохо. Приходилось ходить к немцам. В первый раз пошли втроем и принесли два чемодана, в котором была пареная свекла. За две недели я ходил туда только один раз, а другие приносили хлеб. Потом пришли русские. Потерял сознание. Опомнился, передо мной

стоит русский. Нас потащили в госпиталь. Там ногу отрезали. Сам себе перетягивал ногу. Затем опомнился в какой-то церкви. Там было много раненых. Меня положили у входа. Сказали, что машина ходит часто. Отвезли меня в госпиталь в Иванове. Там пролежал целый год [10].

Башилов Владимир Яковлевич
Первый бой

Мне исполнилось 17 лет, когда в ноябре 1944 года меня призвали в армию. Еще шла война, я попал в 25 полк НКВД, который находился в Литве в городе Паневежис. Привезли нас в казарму, которая обстреливалась. Обучение длилось 7 дней. И все началось как на войне. Мне поручили пулемет. Я помню, как повезли на первое боевое крещение. Приехали на место, и началась пальба. Какое было чувство – первый раз, первый бой! Я сидел в засаде, была ночь, и казалось, будто каждое темное пятно ползет на тебя, вот и палишь в него. Так прошло мое боевое крещение [11].

Белл Давид Натанович
Минёр ошибается только один раз

Во время войны я был командиром взвода 28-го отдельного саперного батальона 73 стрелковой дивизии 48 армии. Наверное, сем знакома фраза «Минер ошибается только один раз». Минировать опасно, но еще опаснее разминировать, в особенности если мина пролежала в земле некоторое время. Чека от сырости ржавеет и даже от небольшого прикосновения ломается.

Во время войны я был командиром взвода 28-го отдельного саперного батальона 73 стрелковой дивизии 48 армии. Наверное, всем знакома фраза «Минер ошибается только один раз». Минировать опасно, но еще опаснее разминировать, в особенности если мина пролежала в земле некоторое время. Чека от сырости ржавеет и даже от небольшого прикосновения ломается и срабатывает боек. Но чтобы разминировать мины, надо сначала найти минное поле. Достаточно обнаружить одну мину и тогда нетрудно найти

другую, так как все мины располагаются в определенном порядке.

Мы стояли в Польше. Как всегда бывало в случаях затишья в боевых действиях, мы разминировали минные поля, оставшиеся в нашем тылу. Минирование проходило поспешно. Некоторые мины вмерзли в землю, и вытащить их было невозможно. Их взрывали по отдельности. После окончания войны нашу часть перебросили в г. Новороссийск. Мы разминировали минные поля на Малой земле. При разминировании погиб молодой солдат моего взвода... [12].

Беляков Анатолий Александрович
Ленинград жил и боролся

Нелегко был путь к Победе... Я с первого дня и до конца войны был в Ленинграде. Мы делали одну «шаршку», там и работали в лаборатории, в институте, где учились. В 1941 году я закончил Ленинградский институт инженеров связи имени Бонч-Бруевича. В январе защитил диплом и остался работать в научно-исследовательской лаборатории этого же института. Но работать пришлось не долго.

...Включили 22-го приемник – немцы по всем частотам передают наши старые русские марши. Мы удивляемся: что такое? А в этот день наши сотрудники отправились на пароходе на экскурсию в Выборг. Ночью, конечно, был налет, но не на Ленинград, а немцы пытались «закрыть» минами Финский залив, чтобы наши корабли не могли выйти. Ну и нашим сотрудникам тоже досталось, попали они в перепалку...

А мы работали весь день. В 12 часов выступил по радио Молотов, объявил о войне. А у нас рядом в лаборатории был передатчик, который в финскую войну использовался для глушения финских радиостанций. Мы позвонили в штаб НПВО и сказали, что можем этот передатчик включить, только не знаем, на какую частоту его настроить. Они отвечают: «У вас приемник есть? Ну, слушайте, на какой частоте поймаете, на ту и настраивайтесь, а модуляцию мы вам дадим». Настроили, включили – «глушили» немецкую пропаганду.

Все, кто прошел в институте военную подготовку, были мобилизованы. Остальные пришли в понедельник в военкомат с просьбой взять на фронт добровольцами. Мы к тому времени на

военной кафедре получили звание младших сержантов. Нам говорят: «Идет мобилизация, нам не до вас, подождите». Потом начали формировать ополчение, мы в это ополчение записались. Получили повестки «явиться 5 июля» и пошли на сборный пункт, где записались радистами в артиллерию. Нас уже выстроили, чтобы отвезти в часть, и в это время (наверное, на наше счастье) приходят майор и инженер-капитан в авиационной форме. Этот инженер-капитан и говорит: «Давайте к нам в авиацию, у нас вся техника на машинах, пешком не придется ходить». Так я и мой товарищ попали в авиацию в отдельную роту связи для обслуживания штаба ВВС Ленинградского фронта. Радиотелеграфисты должны были держать бесперебойную связь штаба армии с дивизиями фронта, с Москвой. Начали нас готовить, где-то в июле – августе получили технику: мощные новые станции. Оказалось, кадровые офицеры не знают этой техники, а мы только что в институте осваивали, для нас это не сложно было. Ленинград бомбили, не раз была повреждена наша радиостанция, которую восстанавливали прямо под вражеским огнем. Наша рота размещалась в бывшем училище, здесь же был военный госпиталь, куда в первые дни войны начали поступать раненные...

...В начале июля фашистское командование объявило, что немецкие танки прорвались к Ленинграду, уже был назначен гитлеровский комендант города. Но замысел врага не осуществился. Атаки фашистов разбивались о негибаемую волю защитников города Ленина. Жители вступили в народное ополчение, день и ночь строили оборонительные сооружения, в несколько смен работали на заводах и фабриках. И вот 28 августа немцы захватили станцию Мга и закрыли все дороги, осталась дорога только через Ладожское озеро, а ни катеров, ни барж – ничего... В сентябре Ленинград был полностью отрезан от «Большой земли». К осени уменьшили продовольственную норму – начался голод, наряду с голодом не было воды, электроэнергии, и каждый день – бомбежки и обстрелы. Когда бомбежка, хотя бы виден самолет, а когда обстрел, предугадать ничего невозможно: разорвался снаряд – и все...

Я ходил на работу мимо Смоленского кладбища, умерших людей не хоронили, а завернутых в простыни складывали как дрова в огромные поленницы – это было что-то страшное... Но ни смотря ни на что город жил и боролся. Люди дежурили в поездах и на кры-

шах домов во время вражеских авианалетов, оберегали от бомбежек многочисленные памятники искусства, истощенные голодом ленинградцы последний кусок хлеба отдавали старикам и детям.

В январе 1943 года, после прорыва вражеской блокады, наша радиотехника была установлена на машинах, и с того времени мы продвигались только вперед, освобождая разоренные гитлеровцами советские города и деревни.

В Прибалтике, в Талине, я видел необычное кладбище. Кресты, выпущенные одной из германских фирм, были пронумерованы, и цифры перевалили далеко за десятки тысяч. Фашисты, изготовили их еще в 1939 году, заранее знали, что это война не будет для них, как прежде, победным шествием. Немцы, оставшиеся в нашем тылу, большими вооруженными группами выходили из лесов сдаваться. По дорогам Эстонии тянулись вереницы вояк с опущенными головами – война для них была окончена. Здесь же встретил я своих земляков, ленинградцев, угнанных фашистами ближе к границе. Люди бросались к нам, обнимали, целовали... и слезы на глазах, но это уже были слезы радости. Этот год памятен для меня еще одним важным событием: перед началом наступления я был принят в ряды коммунистов.

29 апреля 1945 года я ехал в главный штаб ВВС в Москву. Ехал поездом от Риги до самой столицы, и за всю дорогу не видел ни одной полной станции – все было разрушено. Но народ не падал духом: была весна, солдаты разминировали поля, и люди начинали пахать землю, эта весна несла жизнь. 1 мая в 10 часов утра поезд прибыл в Москву. Настроение у москвичей было праздничным, казалось, вся Москва вышла на улицу, по всему чувствовалось, что это были последние дни войны... [13].

Бирюков Валерий Александрович **Возвращение домой отложилось еще на год**

...Родился я 17 февраля 1925 г. и вырос в Москве. В 1941 году закончил снайперскую школу Осоавиахима, в лагерях которой меня и застало начало войны. Как отличника 9-го класса меня пригласили в московскую специальную артиллерийскую школу. По окончании ее я был направлен в Томское артиллерийское учили-

ще. Учеба завершилась в начале 1943 года. Эшелон с выпускниками училища шел на фронт, и как раз в пути мне исполнилось 18 лет. Как командир взвода артиллерийской батареи участвовал во многих наступательных операциях в Белоруссии, в том числе и в Минской операции 1944 года.

Бои здесь были тяжелыми. В феврале начали готовиться к очередному наступлению. В одной из разведывательных операций я был ранен, но благополучно вывезен из-под обстрела. После госпиталя вернулся в строй. В январе 45-го наша часть пересекла границу с Германией и продолжала бои на территории Восточной Пруссии и Польши. Мы участвовали во взятии города-крепости Кенигсберга и освобождении ряда польских городов. Окончание войны мы встретили на побережье Балтийского моря: рано утром все были разбужены радостными криками «Победа!»

Я был уверен, что сразу вернусь домой – армейская жизнь была не по мне, хотелось учиться, но мне сказали: «Ты молодой и грамотный – должен служить в армии!» Возвращение домой отложилось еще на год [14].

Богданов Валентин Амвросиевич **Как молоды мы были!..**

Весна 1942 года в Крыму была теплая и солнечная. Уже в начале марта быстро подсохла и растрескалась грязь на дорогах, вся окрестность как-то незаметно покрылась нежной зеленью и множеством цветов. Перед самыми окопами расцветали маленькие тюльпанчики и маки. А ведь всего три недели назад наш батальон был в наступлении. Мокрые от дождя, вымазанные грязью, мы выбили, у противника деревню и несколько высоток за нею. где сейчас и расположились с ком- Фортотом. Сухо, тепло и тихо. Сегодня весь день погода солнечная, даже жаркая. Стрельбы нет. Видно, она надоела уже и нам, и противнику. Лежишь на травке за окопами, глядишь в голубое небо и блаженствуешь.

...К вечеру над нами разыгрался воздушный бой. До десятка истребителей с каждой стороны кружились в какой-то смертельной карусели. Временами слышна была пулеметная стрельба там, наверху. Вдруг один из немецких истребителей начал быстро сни-

жаться в направлении наших окопов и не то чтобы сел. а просто плюхнулся, разбрасывая во все стороны комья грязи. Полоса нейтральная. До нас от самолета метров 250, до противника столько же. Было хорошо видно, как голова летчика то запрокидывалась, то беспомощно падала на грудь. Наконец все замерло. Хоть и велик был соблазн побывать у самолета, но днем это было невозможно. Пуля снайпера снимет любого смельчака.

Наступила темнота. Два матроса из нашего взвода принесли планшетку и документы летчика, который. по их выражению, «оказался бабой». Такого не ожидал никто. С молчаливого согласия командира взвода, пятеро матросов отправились в ночную тьму к самолету. Спустя несколько минут там разыгрался настоящий бой. Слышны были частые автоматные очереди, разрывы гранат.

С немецкой стороны взлетело несколько осветительных ракет. Потом все стихло. Наступила тревожная и томительная тишина. Через некоторое время мы услышали родную речь со всеми ее тонкостями. Спотыкаясь в темноте и чертыхаясь на всю округу, матросы притащили мертвую летчицу. Прежде чем вынуть ее из самолета, им пришлось выдержать короткую, но жаркую схватку с подошедшими к самолету фашистами. Враг бежал, а летчица досталась нам.

Ее положили на склоне высотки за окопами, а когда рассвело, вокруг собрался почти весь взвод. Решили посмотреть на неё «в натуре», как выразился один матрос, а потом уже похоронить. Раздели догола, положили на старенькую плащ-палатку и долго разглядывали, время от времени выражая свои мысли вслух. А она красивая и стройная, лежала с белоснежным оскалом зубов. Пуля прошила правую половину грудной клетки, но, оставаясь еще живой, она сумела посадить свой истребитель.

Подошел наш помкомвзвода. Призванный из запаса, этот тридцатилетний архитектор всегда готов был дать нам, мальчишкам, дельный и своевременный совет. Оглядев мертвую немку, он вдруг разразился хвалебной тирадой. «Ребята – сказал он, – вы посмотрите, какая прекрасная фигура, какие совершенные формы, какие линии шеи, груди, бедер. А она ведь еще и герой. Никогда не думал, что в истребителе может сидеть женщина. Мы же все мужчины, надо быть рыцарями. Давайте ее похороним с почестями». И ведь уговорил!

Вырыли яму, завернули ее в плащ-палатку, закопали. Наш архитектор и еще несколько матросов выложили из крымского камня-плиточника фигуру на ее могиле, напоминающую птицу с распростертыми крыльями.

Днем в окопах у нас появился комбат. Увидев свежую могилу, спросил, кто убит. Сказали, что нашли а кустах нашего и похоронили. А через два дня командира взвода вызвал и хорошо отчитал комиссар нашей морской бригады за похороны немки и за «памятник». Пришлось оправдываться, что похоронить ее надо было обязательно, ведь жара, а памятника никакого не ставили, просто навалили груды плиточника на могилу. Донесли на нас – на рыцарей. Мы знали, кто это делал в нашем взводе. Ну, да ладно, царство ему небесное. Он погиб на наших глазах [15].

Богомаз Владимир Данилович **Во время войны было очень трудно**

До ухода на фронт учился в ФЗУ – фабрично заводское училище. А потом война началась, начали бомбить, и нас распустили и сказали, если у кого родители в деревне, идите в деревню. И мы кто куда. Когда меня призывали, мне не было 2-х месяцев до 20 лет. 8 октября меня забрали, а 27 нас уже в бой. Был рядовым. Было много среди бойцов с оккупированной территории: не обученных, без подготовки. Нас направили на немецкие траншеи, ну они и подпустили нас примерно метров на 100, а потом как открыли огонь с карабинов. Я смотрю, справа и слева от меня падают товарищи, я тоже упал на землю, на земле все-таки не так попадут. Внезапно почувствовал такой сильный удар, я сначала не понял что это такое. Только потом заметил кровь, началась сильная боль. Одна пуля прошла под ребрами, а вторая попала в ногу.

В госпитале я пролежал 104 дня. Ребро долго не заживало. На ноге мягкая ткань зажила быстро, а ребро это очень долго, все сочилось-сочилось. Когда ранило, я был в 916 стрелковом полку 250 дивизии. После госпиталя 1944 году я уже попал в другую дивизию – 399. Это было за Днепром. Днепр уже был форсирован, и за ним была оборона. Мы в обороне месяца 2 были. Там очень сильно подготовились к наступлению. В 399 дивизии направили в ба-

тальон разведки. Задача была узнавать места укрепления немцев. Если полк шел в наступление, то нас отправляли вперед. Это было в Белоруссии, кругом леса были. В Бобруйске военная операция «Багратион». Бобруйск был сожжен, а за ним лес и болота. И была только одна дорога. У немцев там были склады, и они загрузили грузовые машины продуктами. И вот там, сколько мы вывели немцев, несколько тысяч. Потому что им не куда было деваться.

Во время войны, конечно, было очень трудно. Особенно зимой в траншеях. Метель, мороз, а приходилось сидеть. Кормили как: перловый суп заправлен тушенкой, и каша перловая тоже с тушенкой. За два месяца эта еда нам так надоела, что мы скорее хотели в наступление пойти, там у немцев захватить трофеи (немцев хорошо кормили).

О Победе узнал уже в Восточной Пруссии. Мы дошли до реки Висла. В боях дошли. Весной эта река разливалась и затапливала. Поэтому домики были на холмиках. Чтобы не было затоплений, жители насыпали дамбу. На дамбе укрепились немцы и поэтому они никак не могли пройти дальше. У них там был дом двухэтажный. Было совершенно множество бросков, но безуспешно. Немцы начали раскапывать дамбу, хотели подорвать её и затопить нас. Все-таки они взорвали эту дамбу, и затопила она. На лодках мы плавали. И вот так на этих островках мы воевали. На каком-то островке немцы, а рядом наши войска. Так и воевали. У нас уже не хватало сил. Собрали всех и решили ещё раз рвануть в наступление. Патронов уже почти не было. С миномета началась стрельба по дамбе, и дом загорелся. Мы рванули к этой дамбе, немцы побежали сначала, наверно испугались. Но тут наверно офицеры закричали, и остановили их. Они как открыли огонь с автоматов по нам. Попадали мы. Был март месяц, солнышко пригревало уже, я упал. Сверху земля подтаивала немного, и мы делали, что – то вроде окопов, мягкую землю по краям раскладывали. Тут немцы открыли артиллерийский огонь. И вот я лежу и слышу, снаряд свистит, и чувствую, что он сейчас по мне ударит. Я прижался головой к земле и вот он около головы моей разорвался. Снаряд вроде небольшой был, но меня оглушило ...несколько дней в ушах звенело. К вечеру уже не осталось народу в батальоне, и нас вывели в деревню. Сказали нам «Отдыхайте». Двухэтажные домики были ну и мы на втором этаже легли и ус-

нули. Утром слышим стрельбу с гранатометов, минометов, пулеметов. Мы спускаемся спросить что такое, а нам говорят: «Всё! война кончилась!».

Но потом война кончилась и нас соединили с 75 гвардейским полком, который находился в Восточной Пруссии в городе Гумбинянах (в последствии переименован в г.Гусев). Там меня взяли на курсы младших командиров. Не хотел я. Там набирали на курсы шоферов, я хотел туда. В 1947 году демобилизовался, хотя вообще по приказу день был осенью 1946 года. Наверно в армии не хватало бойцов, и нас задержали на 6 месяцев. И только в марте 1947 нас распустили. А в военном билете все равно записали 1946 год... [16].

Борисов Иван Васильевич

Очень трудно было, когда преодолевали барханы

Родился в 1926 году, 5 мая. Служил в армии с 23 ноября 1943 года в Забайкальском военном округе радиотелеграфистом, с 9 августа по 2 сентября 1945 года участвовал в войне с Японией в составе 892 стрелкового полка радиотелеграфистом. Во время войны я обеспечивал связью штаб полка со штабом батальона. Техника была: радиостанция РБМ, состоящая из двух упаковок. Упаковка питания 16 кг и сама упаковка 11 кг, соединялись они шнуром – кабель 1 м дойны. Я носил упаковку питания. А сержант радиостанцию. Приходилось по несколько километров в день. Давать, связь на ходу, с упаковками на плечах. Очень трудно было, когда преодолевали барханы, преследуя японцев. Приходилось сутками не пить, а жара была невыносимая. За что нас товарищ Сталин И. В. наградил грамотой. Большие трудности были при взятии «большого Хингана». Эта гора была очень крутая, подъем и спуск около 60 градусов, что затрудняло подъем и спуск техники и лошадей. Подниматься помогали солдаты, а при спуске приходилось вставлять в колеса, что попадалось по пути: доски, деревья, бревна. Особенно был труден спуск лошадям, которые везли оружие и технику. Их приходилось выпрягать, они падали, садились на ноги. Но эту трудность мы преодолели [17].

Боровиков Николай Михайлович

Ни шагу назад...

Отступали до Дмитрова. Яхромский мост был подорван. Перешли канал (вода была спущена). Помню, как защищали одну из Дмитровских высот. Рядом все в развалинах, одна лечебница осталась...

В октябре 1941 года в составе 47-го запасного полка я прибыл в Москву. Шла подготовка к параду. Атмосфера напряженная: фашистская армия под Москвой. Многие части прибыли на парад на Красную площадь уже вооруженные – прямо с парада шли в бой. Мы вооружились позже и на следующий день получили приказ отправиться в район Рогачево-Клин. Прошли этот путь за три недели. Я был комсоргом батареи.

В Рогачёве подбили три танка, в Яхроме – два. Моя пушка размещалась в одном из сараев, в центре Рогачева. Я обстреливал немецкую пехоту. Дрались двое суток. На третьи пришлось отступить. Под деревней Воронино (между Дмитровом и Яхромой) приняли новый бой. Укрепились в березовой роще. Немецких танков было 17. Удалось подбить три. Наша часть понесла большие потери. Когда снарядов больше не осталось, побежал к второй пушке. Там все были убиты. Один мой командир Николай Белов, был жив, но тяжело ранен. Я пытался его унести на себе. «Не трожь! – закричал Белов. Видишь танк на меня идет. Взорвусь вместе с ним». В зубах у Белова был шнур от гранаты... О Белове я только знаю, что он из Бологого и от роду ему было 19 лет.

В Клину подожгли семь машин. Шли несколько колонн. Вдруг гаубица начала стрелять по задней колонне, легли. Мы открыли беглый огонь. Завязался бой. Снаряды жалели, стреляли из винтовок по серым шинелям, их хорошо на снегу было видно. Давали по 70 снарядов на пушку и по 150 патронов на винтовку.. Плохо бы всем нам пришлось, если бы не подмога. Два юнкерса все летали, бомбили. Из 450 человек в живых осталось только 30.

После боя нас отправили в Лефортовские казармы на переформировку. После переформирования я в составе уже нового полка прибыл 7 декабря в район Крестов на Волоколамском шоссе. Здесь 6-го декабря началось наступление. Под Новый год получили подарки от Дмитровской фабрики. Воевать было трудно. Днём спали

прямо в снегу, ночью наступали. Снег был выше колен, сильные морозы. Очень помогало население, кто, чем мог (в основном удовольствием). На войне 18 марта 1942 года вступил в партию. Дошёл до Берлина, где и встретил победу [18].

Братолюбов Виктор Аркадьевич **В операции «Багратион»**

22 июня 1944 года, в день моего рождения (мне исполнилось 18 лет) 1-й Белорусский фронт перешел в наступление по плану под кодовым названием «Багратион». Этот план ставил задачу – освобождение всей территории Белоруссии. В полосе наступления 65-й армии под командованием Батова был прорван участок фронта.

В прорыв был введен наш танковый корпус и конница под командованием Плиева. Наше взаимодействие с конницей происходило в глубоком тылу немцев в 40-50 км от фронта. Командованием фронта была поставлена задача танкистам и конникам уничтожить инженерные коммуникации противника в направлении наступления первого этапа городов: Бобруйск-Барановичи-Минск.

Своими непрерывными маневрами вдоль фронта полосы наступления 65-й армии мы упреждали наступательные действия противника, одновременно помогали отсекал немецкие группировки. Поставленная перед нами задача была успешно выполнена. За короткий срок, буквально в считанные дни, с опережением намеченного плана, были освобождены Бобруйск, Барановичи, Глущи, Пуховичи, Минск и сотни населенных пунктов Белоруссии, а в течение июля была освобождена вся территория республики [19].

Буздавин Пётр Александрович **Песня на фронте**

Я служил на Северном Флоте, в 350-м отдельном батальоне радистом. В победном 1944-м советские войска уже уверенно шли на Запад, освобождая от фашистских захватчиков города Украины, Белоруссии, Польши. Торжествующие, высокие нотки приближа-

ющейся победы над врагом чувствовались во всем: в настроении людей, сообщениях Совинформбюро, стихах и песнях, звучавших в то время.

И сегодня не могу оставаться равнодушным, когда слушаю военные песни. А тогда хорошая душевная песня ценилась вдвойне. В нашем батальоне был создан небольшой ансамбль: аккордеон, две гитары, двое солистов. Я играл на гитаре. Наша часть стояла в Мурманске, где шло переформирование войск. Мы выступали и перед бойцами, недавно вернувшимися из боя, – в 50 километрах через маленький северный городок Петсамо проходила линия фронта, и перед уходящими в рейд моряками, и перед готовящимися к боевым вылетам летчиками.

Многим самодеятельным артистам, как и мне, было в то время по 17 лет, и мы очень волновались перед каждым выступлением, ведь те, кто сидели в зале, были для нас настоящими героями. Они прошли через все трудности войны, видели смерть, сами не жалели своей жизни. Стихи, песни, конечно же, помогали выстоять, пережить суровые испытания.

В солдатских окопах, в землянках в редкие минуты отдыха солдаты-фронтовики пели свои любимые песни. И мы, составляя свои программы, старались, чтобы это были дорогие, родные солдатскому сердцу песни. И звучали «Землянка», «Темная ночь», «Катюша», «Синий платочек»... И в наши дни эти песни можно часто услышать на концертной эстраде и по радио. Они помогали советским солдатам побеждать, они любимы и сейчас и будут популярны еще долгие годы, они будут звучать повсюду завтра, в светлый праздник Победы [20].

Бузавин Николай Иванович **Под Будапештом тяжело было...**

Я учился в ремесленном училище в городе Воронеж. Когда война началась Воронеж начали бомбить. Мужчин и ребят стали забирать в армию, на фронт, а нас мальчишек на завод. Мы уже могли работать за токарным станком. Когда к Воронежу близко подошли немцы, я уехал домой. Жил я в Шушенском районе, село Степановка. Там были и родители, сестры, братья. К нам враг не дошел.

Потом врага отогнали, Воронеж освободили. Мне исполнилось 18 лет и меня в 1943 году забрали в армию. Начиная, с 1943 года служил я, и до самого конца войны. Было страшно, когда попал на фронт. Это большое несчастье – война, особенно для молодежи. Служил я на 3-ем Украинском фронте, был командиром минометного расчета – сержантом. У нас в расчете пять человек было: я – командир, сержант, наводчик, заряжающий и два подносчика. Вот с этим расчетом я и воевал.

Боевые действия шли у оз. Балатон в направлении к столице Венгрии – Будапешт. 3-й Украинский фронт, (командующий – маршал Талбухин). Под оз. Балатон обстановка сложилась сложная. Наступления наших войск были приостановлены. Для усиления наших войск бросили нашу дивизию. Я в это время командовал расчетом 82-х мм минометов. Расчет состоял из 5 чел. Я, наводчик, заряжающий и 2 подносчиков мин.

Большое сопротивление враг оказал под Будапештом. Тяжело было... Очень тяжело... Бои были исключительно упорными и жесточенными, они проходили днем и ночью. Советские войска, солдаты и офицеры, проявляли героизм, в том числе и наш минометный расчет. Своим огнем уничтожали противника. Дошли мы до Будапешта, взяли его, ну мы побыли немного в этом городе, порядок навели... Всех немцев ловили, в плен брали.

После Будапешта 3-й Украинский фронт пошел на австрийскую столицу Вены. Там тоже борьба была очень сильной. Перед Веной мы сопровождали пехоту своими выстрелами. Продовольствием были нормально обеспечены, так же как и оружием. У меня, как у командира, пистолет, у расчетных – автоматы. Много было трудностей на пути... Товарищи гибли, на такое смотреть было не возможно! Очень плохо смотреть на войну! Никого не найдешь, кто мог радоваться этому.

Когда под Будапешт подходили, мы один населенный пункт освобождали. Сначала пошла пехота, но сразу под огнем противника залегла. Командир роты (расчета) позвал меня и сказал: «Давай, из миномета». А это же сложно, пехота лежит уже, а пока этот агрегат установишь, пока зарядишь, можешь и сам погибнуть. Надо было вести огонь только из укрытия, так как на открытом месте было опасно, пулемет мог нас расстрелять. Недалеко от места атаки мы увидели место для укрытия – каменный сарайчик. В сарае никого

не было, мы зашли в него, проломили шиферную крышу, сделали большое отверстие, чтоб мины пролетали. Рассчитали цель попадания. Я командую, прицел такой-то, одной миной огонь, и наблюдаю за разрывом. Получился недолет. Прицелы увеличили, и дал я приказ «3-мя минами огонь!», и сам наблюдаю в бинокль за разрывом мин. Мины разорвались в районе пулемета, пулемет замолк. Наша пехота поднялась и побежала в атаку. Населенный пункт был взят. После мы подошли и увидели свою работу: пулемет был разбит, фашист лежал убитым. За нашу храбрость меня и моего наводчика Цыпленкова наградили медалью «За боевые заслуги». Через несколько дней напряженных боев Будапешт был освобожден.

Подошли мы к границе Венгрии и Австрии, остановились, чтоб подготовится, Вена уже была недалеко. Там населенный пункт был, там граница и забор такой большой. Командир роты вызвал меня и посылает, чтоб мы сходили на разведку, проверили, может немцы, какие либо другие войска. А было темно уже. Ну, мы с Цыпленковым взяли автоматы, фонарик и пошли. Мы прорвали проволочное ограждение, сделали проход. Прошли где метров сто, заходим в один дом, закрыт, никого нет, света нет. Второй дом, туда зашли, опять закрыт. Перешли на другую улицу, туда зашли. Открываем, он открыт. Посветили – прихожая. Всего было три комнаты, мы в одну из них зашли, смотрим на столе, бутылки, стаканы, закуска... Значит кто то здесь был... Во вторую комнату зашли, никого, в третью заходим, смотрим на диване кто то лежит. Мы, значит, подходим, посветили фонариком, лежит человек в военной форме, Цыпленков крикнул «Руки вверх». Тот сразу за пистолетом полез. Он что-то ворчит и ворчит, мы ему опять «Руки вверх», глядим, замолчал. Мы его подняли, а он пьяный. Смотрим немецкая форма, офицер. Мы его в охапку. Цыпленков впереди, я сзади, автоматы на изготовке, если вдруг решил бы убежать. Привели его в свою часть, командир взвода позвонил в дивизию, там были офицеры контрразведчики, которые обычно таких допрашивали. Через некоторое время, подъехала машина, вышли два офицера и его забрали. Наградили нас за храбрость медалью «За отвагу».

После Вены, сразу на Берлин. Нас перебросили в зону наступления в горах Альпах. Там меня постигла неудача – я был ранен. Мы заняли оборону. Поставили минометы. Пехота впереди. Через некоторое время, командир взвода меня вызвал. Я прошел где-то

метров двадцать и передо мной разорвалась мина. Ранило меня в ногу, перепугался я. Упал, лежу, и соображаю, жив или не жив. Начал шевелиться в правой ноге боль, кость раздробило осколком мины. Я уже конечно ходить не мог, ну кое-как пополз до госпиталя, где оказывали первую помощь. Прополз где-то метров 100, гляжу, старшина роты идет, несет обед солдатам. Два ведра у него, сумка на плече, ну хлеб там, ну все для обеда. Я обрадовался, увидев его, я так и так товарищ старшина, ранен я, а он мне ну давай ползи, там тебе окажут помощь. Я говорю, старшина так пить хочется, есть у тебя чего-нибудь. А он – нет воды, только вино, давай я тебя им напою. И давай меня из ведра им поить. Напоил меня этим вином, ну я и пополз дальше. Дополз я до госпиталя, женщины мне перевязали рану, сказали, что бы ждал машину, чтоб в госпиталь отвезли. Пришла машина, начали грузить раненых, там их много было. Рана была тяжелая, с повреждением кости. И повезли нас в госпиталь, который находился в одном из городков в Венгрии, названия не помню. Привезли. Потом врачи осмотрели меня, и сразу на стол – операцию делать. Привезли меня на койку, дали костыли. Потом пришли врачи, осматривали, осматривали меня и между собой начали обсуждать. Я краем уха слушаю, и один говорит, что надо ногу ампутировать до колена. Я как услышал, давай кричать: «Что же вы делать то собираетесь, мне только 18 лет, без ноги оставаться это же ужас.» После другой врач сказал ”Нет, отнимать ногу не будем, я буду его лечить!” Доктор, который делал мне операцию, подарил мне осколок от мины, один осколок от моей правой ноги. Полгода я пролежал в госпитале, потихоньку начал ходить с костылями, а потом уже начал ходить и без помощи. Потом меня отправили в госпиталь, для выздоравливающих, ну где солдаты могли уже в состоянии ходить, что-либо делать.

Победу я встретил в госпитале! Пришел начальник госпиталя, врач, две женщины с ним и он говорит “Товарищи солдаты, товарищи офицеры, Война закончилась!” Мы как все подскочили, забыли то и про раны, к врачам бросились, целуем их, обнимаем. На обед смотрим, стоят рюмочки, по сто грамм каждому, за обедом как говорится! Потом меня в часть забрали. На фронт уже я и не попал.

После войны служил я в части, а потом пришел приказ, что набирают сержантов в военные училища, на офицеров учатся. И направили меня в Киев. Там у меня как раз дядя жил. Через год

окончил я училище и мне присвоили звание лейтенант. Наградили меня потом за то, что взяли Вену Орденом славы 3-ей степени. А потом я служил в армии 30 лет [21].

Буланов Василий Иванович **Попали в самое пекло**

Во времена войны попал служить на защиту Севастополя, защищал Крым, Керчь, Новороссийск. В 1942 году нам очень сильно досталось на обороне Севастополя, а в 1944 году его взяли обратно. Мы «отрезали» армию немцев и оттеснили к Ленинграду. Севастополь защищала 51-я армия, командующий – генерал Крейзер. После освобождения Крыма в 1944 году, попал в Прибалтику. Воевал у Черняховского, Говорова, Баграмяна (командующие фронтами). В Прибалтике и закончил в 1945 году войну. Боев было ужасно много, страшные бои, почти до рукопашной доходило.

Однажды был в разведке, мы попали в самое пекло. Началась бомбежка. Перебегаю через дорогу, сморю – женщина лежит мертвая, а возле нее двое ребятишек. Я их в охапку, и к домам. Там их приютила одна женщина. Я сам единственный сын в семье. Сколько моих товарищей погибло во время войны и в послевоенные годы!

Приблизительно в середине войны я был контужен. В одном из боев попал под завал; еле вытащили. Руки были переломаны, нога сильно пострадала, но главное сам в живых остался. После ранения служил в другой части – в 25-ой погранкомендатуре, а закончил войну в 1020-м авиаполку [22].

Васильев Александр Фёдорович **Сколько раз смерть была рядом**

Я прошел всю войну с 22-го июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. За это время пережито столько тяжелого и страшного, что сказать обо всем невозможно, поэтому описываю некоторые события, особо памятные для меня.

Первое боевое крещение я получил на западной границе в районе города Бреста. Перед войной окончил военное училище и

в звании лейтенанта был направлен в 75 стрелковую дивизию. В штаб дивизии прибыл 21-го июня, а на рассвете 22-го июня дивизия была поднята по тревоге и заняла боевые позиции. Командиром дивизии был генерал-майор Невигин, меня он назначил своим адъютантом. Начало войны явилось неожиданным, хотя все были уверены в неизбежности военного конфликта с Германией. Ночь на 22 июня была тихой, изредка слышался шум моторов немецких самолетов, пролетающих вдоль границы. И вдруг ту тишину нарушила канонада мощного обстрела наших позиций. Всюду рвались снаряды, одновременно с этим со стороны немцев появились стаи бомбардировщиков. От взрыва авиабомб колыхалась земля, все кругом горело и рвалось. В первое время чувствовалась растерянность, связь с подразделениями и «верхами» была прервана. Было страшно. Наша артиллерия открыла ответный огонь.

В первые дни солдаты дивизии неоднократно переходили в контратаку, но мы несли потери, кончились боеприпасы. Командованием было принято решение занять вторую линию обороны. В последующие дни дивизия с боями отступала на восток, через Пинские болота вышли к населенному пункту Калинковичи. Здесь во встречном бою 12 июля меня подстрелил немецкий снайпер. Я был ранен в голову. Видимо подвела форма одежды, так как немецкие снайперы охотились за комсоставом. Раненый я был эвакуирован в госпиталь в г. Воронеж. По окончании лечения я был направлен в 1-ю Московскую мотострелковую дивизию, которая вела бои на дальних подступах к Москве, в районе г. Вязьма. Несмотря на то, что я по специальности военный химик, здесь получил в командование взвод пехоты. Первая моя боевая награда медаль «За отвагу» была вручена за выполнение задания по выводу с передовой минометной батареи. А было это так: во время боя наша минометная батарея оказалась в критическом положении, нужно было спасти матчасть. Потребовали добровольца. Я рискнул. Среди дня, мы на полutorке с шофером, на виду у противника, двинулись к позиции минометной батареи. Со стороны противника не последовало ни единого выстрела. Подъехали к батарее, боевой расчет мгновенно погрузил матчасть в кузов, и мы на большой скорости рванули в тыл. Вот тогда немцы и опомнились, открыли по нам страшный огонь. Но счастье было на нашей стороне. Все обошлось благополучно.

В дальнейшем дивизия отошла на защиту Москвы на рубеж по реке Нара, где и держала оборону вплоть до 5-го декабря 1941 г. В ночь на 5-ое декабря нашей роте было приказано незаметно просочиться в тыл немецкой обороны и по условному сигналу нанести удар с тыла. Задание было выполнено с небольшими потерями. С этого момента дивизия далеко продвинулась вперед. Не раз приходилось участвовать в боевых стычках. Многих боевых друзей пришлось оставить на поле боя. До сих пор снится так называемая «долина смерти», страшно было смотреть.

В марте 1943 г. я был отозван в Москву на учебу в военно-химическую академию. После окончания ускоренного курса в мае 1944 г. был направлен на 3-й Украинский фронт. Вот здесь пригодилась специальность химика. Командованием было принято решение переправить через реку Днестр и ввести в прорыв армейский корпус под прикрытием дымовой завесы. Прикрытие осуществляла наша часть. Заранее несколько машин, нагруженных дымовыми шашками, находились в укрытии. Начался бой. Немецкими снарядами было разбито несколько машин, нагруженных шашками. Машины загорелись, загорелись и шашки, и такая получилась дымовая завеса, что на расстоянии нескольких километров по фронту все было покрыто сплошным дымом. Корпус успешно форсировал р. Днестр. За эту операцию я был награжден орденом «Отечественной войны» 2-ой степени. Впереди было еще много тяжелых сражений. Живы в памяти бои в районе озера Балатон, бои за Будапешт и Вену. Сколько раз смерть была рядом, но видимо судьбой было суждено выйти живым из этого горнила... [23].

Васильев Николай Павлович **Пришлось переплыть Днепр**

Был призван в РККА в 1939 г. Службу проходил в Новгородской области в 4-м запасном артполку. В 1940 г. отправлен в Ленинград на формирование, оттуда отправлен на финскую войну. По окончании войны отправлен на отдых в лагерь. По боевой тревоге полк покинул лагерь и отправился на освобождение Прибалтийских государств.

Затем освобождали Бессарабию. Держали оборону в Минске. Бои длились 2 суток, были большие потери. Пришлось отступить до Немыкенской переправы. Переправа была разбита, пришлось переплывать Днепр. 14 августа был контужен и ранен.

После лечения был направлен в 369 противотанковый истребительный дивизион. Штурмом брали Кенигсберг, за что был награжден орденом Красного Знамени и получил благодарность от главнокомандующего тов. Сталина. Войну закончил 9 мая 1945 г. [24].

Величко Иван Иванович
Вой сирен и прощальные залпы орудий
долго не смолкали в воздухе

В тот день как гром прогремел: «Война!». Меня зачисляют в 122 ПРБ (подвижная ремонтная база). Мы отправляли с боевым снаряжением корабли из Новороссийска в Одессу, а затем в Симферополь и Керчь, где проходили ужасные сражения, а оттуда возвращались корабли, пострадавшие от бомбежек с горсточкой раненых бойцов. Порт Новороссийска судорожно переживал боевые дни, с Украины, Крыма и Тамани отступали беженцы в глубь страны.

Днем и ночью взрывы бомб и артиллерийская канонада не прекращались. На моих глазах был потоплен крейсер «Ташкент», оторвало нос «Безупречному». За молом, при выходе в открытое море, утонул теплоход «Днепр» с эвакуированным населением на борту. Город систематически переживал налеты вражеской авиации. И вот в августе 1942 года город покинула эскадра кораблей под флагманским линейным кораблем «Севастополь». Вой сирен и прощальные залпы орудий долго не смолкали в воздухе. 4 октября между заводами «Октябрь» и «Пролетарий» я был ранен фашистской гранатой, а Новороссийск наши войска оставили 10 октября.

После излечения в феврале 1943 года я был направлен в 343 стрелковый полк 38 стрелковой дивизии 47 армии Степного фронта, где был зачислен ассистентом знаменосца и прошел через Орловско-Курскую дугу, освобождая Алексеевку, Прохоровку, а также Сумы и Гадяч. В боях за освобождение города Гадяч Полтавской области я был ранен вторично. По окончании 29 учебно-танкового

полка в 1944 году я был направлен на 1-й Белорусский фронт в танковую бригаду радистом-пулеметчиком. В августе мы начали освобождение польских городов Пухачев, Люблин, где в 6 км находился лагерь смертников «Майданек». 17 января 1945 года при освобождении Варшавы, я был третий раз ранен... [25].

Вельможин Владимир Егорович
В первые дни было страшновато,
но потом привыкли

Помню начало объявления войны фашистской Германии, которая напала на наш нерушимый Советский Союз. В то время я особого значения не предавал, был молодой. Мне было всего то 16 лет, но очень были озабочены родители. Ведь мой старший брат служил в Черноморском флоте и в 1941 г. должен был демобилизоваться, но началась война...

Нас у родителей было шесть братьев и три сестры, так что защищать Родину было кому. В августе 1941 г призывают второго брата, 1923 г. рождения, а в сентябре взяли и отца, ему к тому времени было 45 лет. Остался я в семье за старшего. В 1942 г., в декабре 13 числа, четвертым из семьи и я был призван на защиту страны. Мне было дано предписание явиться на железнодорожную станцию в г. Кирсанов, а он от нашего села был на расстоянии 25км. Село наше большое – 250 домов и нас допризывников было пятеро. Колхоз выделил трактор с прицепом, в прицеп набросали соломы и отправились в путь на войну. Зима была снежная и морозная, дорогу занесло сугробами. Трактор буксовал и мы лопатами расчищали след для него, толкали прицеп. Так с большим трудом добрались до города.

На станции нас встретил военный представитель и объяснил нам дальнейший путь движения. На железнодорожном пути стоял товарный вагон, оборудованный нарами, в нем стояла чугунная печь, которая топилась углем, что и создавало тепло в вагоне. Сели мы в этот вагон, называемый теплушка, расположились и в путь, в сторону Тамбова.

За Тамбовом и дальше на каждой станции подсаживали таких парнишек как я. Это продолжалось 12 суток, а 25 декабря в 24 часа

ночи нас привезли на станцию Ртищево Саратовской области, в 25 градусный мороз. Дали команду разгружаться, построили в колонну и шагом марш по темным улочкам города. Мы идем и мечтаем, что в казарме отогреемся, но получилось все наоборот. На территории, обгороженной колючей проволокой, стояли два двухэтажных кирпичных здания, в которых нам и пришлось располагаться. Они были не отапливаемы до нашего приезда, окна побиты, помещения совершенно пустые, голые кирпичные стены, полы цементные, двери обморожены.

Все нас односельчан зачислили в шестую роту, которую расположили на втором этаже, где была такая же удручающая картина. К нам был представлен старшина-фронтовик. Он построил нас, сделал перекичку и скомандовал «Отбой». По поводу холода сказал, что обогреем своим телом и бодрым духом, ведь бывает и ещё хуже. Спать укладывались на голом полу, не раздеваясь, не разуваясь, и так продолжалось почти весь январь. С первых дней сами начали строить трехэтажные нары. Нам выдали матрацы. Их мы набили соломой, зашили и жизнь улучшилась.

И только в начале марта была командировка за обмундированием в г. Саратов. В командировку послали и меня. Ехали с ребятами на открытых платформах попутного товарного поезда примерно 150 км. Когда прибыли в Саратов то на железнодорожной станции попали под бомбежку немецких самолетов. Пришлось спасаться под платформами. Мы получили через два дня упакованное в мешки обмундирование и вернулись в Ртищев в свои казармы.

Обмундирование, которое нам выдали было всё бывшее в употреблении, кроме ботинок и обмоток. Одели армейскую форму. Зданиям, в которых мы были присвоили статус снайперской школы, а нас стали называть «Товарищи красноармейцы». Начались серьезные, с большой нагрузкой, занятия. Изучали все виды оружия, которые были в то время. Разбирали и собирали винтовку, автомат, пулемет. Особое внимание уделялось физической подготовке и стрельбе.

Один раз в неделю проводились походы на 25- 30 км в полной боевой форме с выходом на полигон, стрельбой из снайперской винтовки и другого оружия. Я лично стрелял хорошо, всегда цель уничтожал. Полигон мы оборудовали сами. Выкопали траншею, окопы, землянку, которая мне очень не понравилась. В конце июня

1943 г. после очередного боевого похода с заходом на полигон и стрельбы из снайперской винтовки и хорошей физической подготовки мне дали увольнительную на три дня с поездкой домой, а в конце июля нас четыре роты – 3, 4, 5 и 6 отправили на пополнение 2-ой гвардейской воздушно-десантной дивизии Второго Украинского фронта в Черниговскую область Басанский район.

Но для того, чтобы выйти на передовую линию фронта нам надо было преодолеть расстояние примерно в 160-180км. Первый марш в полной боевой форме был самый трудный: шли ровно сутки (в 22 часа вышли и в 22 часа прибыли в пункт назначения) и прошли 70 км. В 24 часа ужин, короткий отдых и в 3 часа ночи снова в марш, но уже по 40-45 км. На четвертые сутки ночью пришли на вторую линию фронта, где и почувствовали запах пороха. С рассветом нас обстреливали с дальнотбойных пушек. Снаряды летели с визгом, падали и взрывались: то не долетят, то перелетят. В общем было очень страшно. В первые дни было страшновато, но потом привыкли. Вот так и началась фронтовая жизнь.

Участвовал в освобождении Заднепровской части Украины. Очень напряженная боевая обстановка была в районе городов Белая Церковь и Винница, Винницкой области, г.Умани, Толстого Рова, Виноградовки и других населенных пунктов. Особенно тяжелый бой был на Южном Буге, где я был ранен. Ранение было легкое, осколочное, под левую лопатку, с рассечением кожи. 5 дней пролежал в полевом медсанбате, а потом был на долечивании в 147 запасном полку. Из запасного полка был направлен в 3-й Украинский фронт в 155 дивизию 786 стрелкового полка 76 миллиметровой батареи, где я в звании младшего сержанта был назначен командиром отделения кабельной связи. Ответственность большая ведь от связи на передовой линии фронта зависит очень многое. Поэтому связь должна всегда быть в исправном рабочем состоянии в любое время боя или затишья, ночью или в непогоду. Часто приходилось восстанавливать связь во время боя, ликвидируя порывы кабеля от разрывов снарядов.

Командующим фронтом был маршал Советского Союза Толбухин Федор Иванович. В 786 полку 76 миллиметровой батареи участвовал в освобождении Румынии. Мы с боями захватили города Бузево, Сарат, Буду, Шергельеш и прилегающие населенные пун-

кты и вышли на румыно-венгерскую границу, которая была укреплена немецко-венгерскими войсками. С первой попытки прервать и уничтожить оборону противника не удалось, были значительные потери в живой силе, и только со второй попытки при мощном артиллерийском минометным, почти часовым обстрелом, оборона была уничтожена.

Мы вышли на территории Венгрии и перед нами была поставлена задача занять всю Северо-восточную часть страны, вплоть до города Будапешта. С северо-восточной стороны Будапешт был обнесен противотанковым рвом, шириной и глубиной около двух метров, который предал дополнительные трудности для наступления и взятия города. 22 декабря 1944 г. после трех часовой артиллерийской подготовки начался бой за Будапешт, который продолжался до 13 февраля уже 1945 г. После взятия Будапешта под прикрытием ночи переправились через Дунай, вышли к озеру Балатон, который был укреплен венгерскими войсками и немецкой 6 армией, оснащенной танками и всеми видами оружия. Сыграв на опережение, 25 февраля 1945г. в 4 часа утра, в день моего рождения (мне исполнилось ровно 20 лет) немецко-венгерские оборонительные войска открыли мощный артиллерийский обстрел по нашим огневым позициям. Срочно нужно было спасти коней и выкатывать пушки с огневой позиции. Пушки выкатывали своими силами, на себе. В этот день нам пришлось отступить от Балатона на 8 км. Была разбита пушка и погиб лейтенант, командир взвода и расчет пушки – три красноармейца, окопавшиеся на новой огневой позиции. Ждали подкрепления. Через два дня оно подошло и при поддержке авиации и танковой роты мы вышли в район озера Балатон. В жестоком бою под натиском наших войск противник был сломлен и разбит и Балатон был взят.

После этого мы вышли на австрийскую границу, где так же был тяжелый бой с австро-немецкими войсками. За два месяца с боем мы вышли под столицу Австрии в 15 км до Вены, где и закончилась война. Германия капитулировала. Вот так и закончилась моя фронтовая боевая служба. За время войны имел три военные специальности: снайпера, связиста, артиллериста-наводчика. Воинское звание – сержант. Армейская служба продолжалась до марта 1951года в г. Иркутске [26].

Веселов Павел Александрович **Корабельная жизнь, на катерах-охотниках была яркой**

В 1939 году только что окончил школу и был направлен служить военно-морском флоте. Перед войной перешли со своим флотом в Таллин и Ригу, там служили на кораблях, на минных заградителях, где и застала война. Большого страха не было, было желание скорее войти в бой, защищать свою страну. В Таллине уже начались боевые действия и мы начали ставить минные заграждения на Финском заливе, в Балтийском море, отстреливались от самолётов на море, нас начали бомбить. После Таллина перешли в Крондштад, где многих сняли на сухопутный фронт, чтобы помочь пехоте в обороне, когда немцы были очень близко.

Первой большой трудностью в войне стала блокада Ленинграда. Был большой голод. Ещё трудностью было то, что когда на сухопутный фронт брали бригаду с корабля, обратно отзывали уже не всех, некоторых бойцов так и оставляли в пехоте. Два месяца был на сухопутном фронте, под Ленинградом, в с. Невская Дубровка, поддерживал там переправу. Там же был впервые ранен, к счастью несильно. Затем отозвали обратно на флот.

После Ленинграда отправили на Волгу, под Сталинград. Наступила зима. Волга встала. Нас переправили на кораблестроительный завод, там мы помогли построить несколько катеров-охотников, затем нас отправили на Черное море.

Корабельная жизнь, на катерах-охотниках была яркой. Выбрасывали диверсантов (к тому времени Новороссийск был сдан). День и ночь наши бойцы были в море, работы было хоть отбавляй. Под Новороссийском меня ранило в голову, осколком от гранаты. Чудом выжил. Об окончании войны узнал в Севастополе. Вест о победе конечно вызвала чувства радости, но со слезами на глазах, от боли потери многих моих друзей и сослуживцев. Демобилизовался в 1947 году, так как пришлось после войны разминировать Чёрное море начиная от Туапсе, заканчивая Одессой [27].

Викторов Юрий Петрович
Каждый день был как подвиг

Меня призвали на фронт, когда я учился в 9 классе средней школы г. Дмитрова. Был комсомольский призыв, и я добровольно пошел в армию. Попал я в школу спецприборов, Школа спецприборов это не что иное, как радиолокация. Как окончил эту школу, направили на Северный флот на корабли. Воевал я на торпедных катерах. Наше подразделение так и называлось «Бригада торпедных катеров»... «Ещенское... Краснознаменное имени Нахимова».

Как такового, боевого пути у меня не было, только путь на судах, на торпедном катере, я же был не в поле, не в лесу. Ходили в походы, на боевые задания, в основном занимались высадкой десанта, перебрасывали его с одного места на другое, ближе к фронту, ну и занимались боевым хранением караванов, которые шли из Америки в Архангельск. В торпедных атаках не участвовал. Сверстники мои участвовали, а я нет. Но не смотря на это все равно было страшно, что убьют. И каждый день был как подвиг: в тебя стреляют, а ты никуда не спрячешься, кругом одно море. Я так всегда говорю: кто моря не видал, тот горя не видал. Вот так всю войну, от начала и до конца.

Помню, нам Америка передавала торпедные катера, как в помощь, мы тогда всем дивизионом ушли в Архангельск. И вот в порту мы, принимая эти катера, узнали об окончании войны. Тогда сняв винты, потому что Северная Двина довольно – таки мелкая речушка, мы пошли в Прибалтику, нас тащили на буксирах... Архангельск, Беломорск, Мариинская система, Онежское озеро и т.д., и оказались в Неве, в Крандштате. По окончании войны был награжден медалью Нахимова за высадку десанта. Прослужил я довольно – таки долго, с 1943 по 1950 год [28].

Виноградов Николай Петрович
Держался за ведущего

Летное училище закончил в августе 1942 года. После формирования авиаполка в районе города Куйбышева, весной 1943 года полк прибыл в район города Мценска. Первый боевой вылет со-

вершил 12 июля 1943 года в районе города Белов. Наши войска форсировали р. Оку – началось Орловско-Курское наступление. Первое впечатление – день был жаркий, на земле все горело – дым поднимался до 2 тысяч метров. Действовала наша и немецкая авиация, в основном держался за ведущего. Вижу, когда у него полетели бомбы, тогда и я сбросил. Так началась боевая работа [29].

Власов Константин Михайлович
Третья мина моя

Воевать я начал только на Дальнем Востоке. Под Хайларом был сильный укрепрайон. На вторые сутки боев меня вызвали в штаб полка и сказали: «Меняй профессию». В то время я был сильным стрелком, стрелял только на отлично. Получив снайперскую винтовку, до конца дня мы ее изучали. Таких нас оказалось семь человек.

На третий день боев, рано утром, я занял огневой рубеж со снайперской винтовкой. Оборудовал необходимые огневые точки и ждал рассвета. Враг укрепился на сопке, а мы были внизу, на ровном месте. Вдруг началось то, что я ожидал. Заработали огневые точки врага. Через некоторое время я заставил замолчать одну, вторую, третью огневую точку, но они заработали вновь через некоторое время. Забыв о смене огневой позиции, враг засек меня. Когда первая мина легла недалеко от меня, я не обратил внимания. Вскоре последовала вторая. Тут я вспомнил минометную роту и сказал себе: «Третья моя». Не успел полностью опуститься на дно окопа, как произошел взрыв. Через некоторое время я опомнился, на дне окопа лежал от винтовки только один приклад. На четвертые сутки я вернулся в свою часть [30].

Власов Николай Петрович
Снайперов расстреляли

Родился 19 декабря 1923 года. Третьего октября 1941 г. был призван в армию. Как секретарь комсомольской организации был назначен сопровождающим группы призывников. Первым пун-

ктом назначения были Гороховецкие лагеря. Там дали отделение, состоящее из 24 человек. И до декабря 1941 года мы находились в лагерях, где проходили учения. Потом было выдано обмундирование, но оружия никакого не дали. После этого в качестве подкрепления со своим отделением был привезен в Москву.

Нас выстроили на Ленинградском шоссе по Окружной и стали распределять по полкам. Я попал в 8 Гвардейскую дивизию имени Панфилова, 1075 полк. Под Москвой пробыл не более недели. Дело в том, что к моменту прибытия в Москву, уже отступали. Затем полк повели на осажденный Ленинград, пробивать блокаду. Шли деревнями. В одном из селений под Москвой Меня с двумя товарищами отправили в дозор. У врага был порядок – «кукушки». Дозорных и половину полка пропустили, а затем был открытый прицельный огонь. Снайперов вычислили и расстреляли [31].

Воеводо Евгений Андреевич

И я пошёл воевать вместе с отцом

Как только началась война моего отца призвали, а через полтора года его ранило. В нашем районе тогда находился госпиталь, и мой отец попал туда с ранением ноги. А после госпиталя он долечивался дома. Тогда у нас стояла воинская часть, и, когда отец подлечился и ему надо было опять идти на фронт, его назначили в часть, которая находилась тогда в нашей деревне. А меня тоже тогда должны были призвать, не сегодня-завтра пришла бы повестка. Я родился в 1926 году, а тогда шел 1944 год. Вот отец и предложил мне пойти служить с ним в одну часть. Все как-то спокойнее будет и ему и мне.

И я пошел воевать вместе с отцом. Он стал служить ездовым, возил миномет, а меня взяли заряжающим этого миномета. Это была очень тяжелая работа, ведь одна мина весила пуд (около 16 кг). В июле, в Польше, моего отца ранило, он попал в госпиталь в тыл, а я пошел дальше. А через несколько месяцев, 14 января и меня ранило (в Пруссии). После того, как вылечился, опять пошел на фронт и служил до демобилизации. В конце войны стал командиром миномета. А до этого кем только не приходилось быть: и оружейно-пулеметным мастером, и наводчиком, и командиром. Война была просто ужасна!

А с отцом так и не сошлись после его ранения в Польше. Отец долго лежал в госпитале под Москвой, а я был в госпитале в Аленштейне, в Польше, а потом опять попал в свою батарею, где служил до ранения.

Боев было очень много, и каждый из них был очень важен, и нас «лупило» и мы «лупили», и нам доставалось. А отдельно об ужасах боев и войны в целом писать не стоит. Еще когда служили с отцом вместе, спали по ночам в одной ямке. Прямо выроем на передовой и ляжем; и зимой, и летом. Сверху накрывались плащ-палаткой. Но это мелочь. Всем было трудно во время войны, и мы не были исключением [32].

Волков Вадим Васильевич

Солдат каждую секунду жил между жизнью и смертью

...Я прошёл боевой путь от Москвы до Кёнигсберга. Участвовал в Орловско-Курской битве, освобождении Белоруссии, в боях в Восточной Пруссии, закончил его на сопках Манчжурии – Приморский фронт. Воевал рядовым в пехоте, командиром минометного взвода, миномётной роты стрелкового батальона. Два раза был тяжело ранен: под Москвой и в Белоруссии. Мой фронтовой опыт свидетельствует, что эта война потребовала от каждого из её участников колоссального напряжения духовных и физических сил – на грани возможного. А во время боевых действий солдат каждую секунду живет между жизнью и смертью!

Мне было 18 лет, когда началась Великая Отечественная война. Я учился в Московском Государственном университете, был студентом первого курса физического факультета. Экзамены мы сдали досрочно, и нас целый эшелон московских студентов направили в Смоленскую область, где вдоль реки Десны создавался мощный оборонительный рубеж. Мы работали землекопами: рыли противотанковые рвы, создавали противотанковые препятствия. К концу сентября фронт приблизился к нашему району, и студенческий строительный отряд вернули обратно в Москву.

По путевке Краснопресненского райкома комсомола 5 октября 1941 года я был направлен в лыжные войска Красной армии. Так

началась моя фронтовая жизнь. Боевое крещение я принял в составе 109 отдельного лыжного батальона. Батальон действовал на северо-западном направлении от Москвы, в районе города Волоколамска. Стояли очень сильные морозы, за -300. Руки примерзали к оружию. Фашисты закреплялись в деревнях. Мы стремились их уничтожить, освобождая захваченные деревни. За каждую из них шли ожесточенные бои, 14 января в ночном бою за одну из таких деревушек я был тяжело ранен: одна пуля вошла в бок, другая прострелила левую руку. Было очень тяжело. Утром приехали сани с санитарями и меня, еле живого, повезли в полевой госпиталь.

Бои в сражении за Москву остались в моей памяти навсегда. Может быть потому, что были мои первые бои: пепелища сгоревших и разрушенных деревень, брошенная отступающим врагом разбитая техника – танки, тягачи, орудия, замершие трупы погибших, ночные зарева горящих деревень и первые залпы наших замечательных «Катюш».

В госпитале, куда меня привезли, я пролечился месяца два. Не могу не отдать дань глубокого уважения нашим женщинам – врачам, медсёстрам, которые лечили меня с материнской заботой, облегчая страдания. Именно их усилиями я был поставлен на ноги, направлен в медсанбат и вернулся в строй.

После ранения сменилась моя военная специальность. Пройдя учёбу в 175 запасном полку и на курсах младших лейтенантов 5-й армии Западного фронта, я стал миномётчиком – командиром взвода 82 мм миномётов, стрелкового батальона с воинским званием младшего лейтенанта. Я был направлен в 407 полк 108 стрелкового дивизии, которая стояла тогда в обороне на дальних подступах к Москве, в районе города Гжатска.

Ранняя весна 1943 года. Нашу 108 стрелковую дивизию перебрасывают из Подмосковья в Орловскую область. Там ожидалось контрнаступление немцев. За неделю мы прошли почти триста километров. Шли ночами и большей частью дня, одни сутки шли круглосуточно. Дороги были занесены глубоким снегом, и мы местили его валенками (на нас была зимняя форма). Каждый солдат нес своё личное оружие – винтовку или карабин, а миномётный расчет тащил ещё сани с уложенным на них 82 мм миномётом. Меня поразило, какой запас прочности заложила природа в человека. Кратковременный привал, казалось, упадет солдат в снег и

больше не поднимется. Но вот раздаётся команда: «Встать!» солдат с огромным трудом отрывается от земли, поднимается и идёт дальше.

На Орловщине наш полк занял боевые рубежи недалеко от города Жиздра. Немцы вели контрнаступление, и бои были очень тяжелыми. Когда по их завершению, наш полк (около тысячи солдат) выводили на пополнение, от полка осталось не больше сотни бойцов. Вспоминаю один эпизод. Земля за зиму основательно промёрзла, и если пробить эту мерзлоту, то окоп под мерзлым слоем можно значительно расширить, а если подстелить соломки, то получается даже уютно. Вот из такого окопа я вел корректировку огня нашей миномётной роты. По-видимому, немцы нас заметили и решили подавить артиллерийским огнем наш наблюдательный пункт. Я вижу разрыв снаряда перед нашим окопом, следующий снаряд разрывается недалеко за нашими окопом. Как говорят артиллеристы, нас «взяли в вилку». В окопе нас трое, и мы понимаем, что на время нужно укрыться под сводами мерзлой земли. Я с надеждой вспоминаю учебник артиллерии, где было сказано, что для того, чтобы попасть в окоп, нужно израсходовать сотню снарядов. Однако, буквально через несколько секунд, почти над нашим окопом раздаётся мощный взрыв снаряда. Замёршие глыбы земли заваливают меня по грудь, товарища заваливают целиком, а бойца лежащего в противоположной стороне, осколки снаряда поражают насмерть. Контуженный я прихожу в себя минут через двадцать, освобождаюсь от завалившей меня мерзлой земли, с трудом разгребаю землю, завалившую товарища, вытаскиваю его и жду, когда он придёт в себя. Третий лежит недвижим – осколок снаряда попал ему в голову. Потом мы с напарником, поддерживая друг друга, медленно возвращаемся на боевую позицию нашей миномётной роты. Мы не уходим в медсанбат. Отлежавшись и придя в себя окончательно, продолжаем делать своё дело.

Перед Орловско-Курской битвой наш полк располагался на северной части орловского выступа фронта. Именно здесь на Орловско-Курской дуге готовится главное сражение лета 1943 года. С мая месяца и почти до начала сражения – 6 июля, мы интенсивно занимались строительством полевых укреплений. Каждую ночь почти весь состав роты выходил в поле и рыл боевые окопы. Норма была железной: пять погонных метров

окопа полного профиля, так чтобы солдат в полный рост мог проходить, незамеченным неприятелем. Грунт был глинистым, тяжелым, и работа выматывала до предела, тем более, что она проходила ночью, когда сон буквально валил с ног, но усилием воли солдаты преодолевали себя и выполнили приказ. В результате: каждый стрелковый взвод, рота и батальон, опираясь на наши траншеи, могли успешно вести круговую оборону. Траншея полного профиля была прокопана к штабу полка, который находился, примерно, в километре от боевых позиций.

Началась Орловско-Курская битва. В первые дни наш полк находился во втором эшелоне и шел маршем за передовыми частями. Было лето, тепло, над нами голубое в белых облаках небо. И вдруг из облаков вываливается три десятка пикирующих бомбардировщиков Ю-87. Шасси с колесами у них убираются, и в пике такой бомбардировщик напоминает огромную хищную птицу. Я на картофельном поле – укрыться негде. Бомбардировщики, включив сирены, с воем пикируют, и я вижу, как от их крыльев отделяются подвешенные бомбы и со свистом летят прямо на мою бедную голову. Я ложусь пластом в картофельные грядки и обнимаю голову руками. Мощные стегаяющие звуки взрывов бомб. Меня слегка подбрасывает над землёй, на этот раз обошлось – смерть проходит мимо. Несколько минут я лежу неподвижно, потом поднимаюсь. Кругом разрушения и воронки, стоны раненых, десятки убитых. Пережитый мощный стресс научил меня: каждое мгновение быть начеку, держать в поле зрения небо и автоматически просматривать местность, по которой идёшь, в поисках возможного укрытия.

Однажды, во время Орловско-Курской битвы в боевых порядках нашего батальона расположился танк – наша знаменитая тридцатьчетверка. Она хорошо замаскировалась, а расположение на холме открывало экипажу хороший обзор. Через некоторое время со стороны немцев выползло несколько средних танков. И буквально за считанные минуты наводчик тридцатьчетверки поджег сразу три вражеских танка. Остальные танки ретировались. Мы горячо поздравили командира тридцатьчетверки, а наш комбат засвидетельствовал этот подвиг письменно, что было необходимо для получения боевых наград. Этот эпизод наглядно продемонстрировал, насколько выросло мастерство наших бойцов.

Как минометчику мне хотелось бы также рассказать и о наших боевых действиях. У 82 мм миномета крутая, навесная траектория выстрелянных мин, поэтому, как правило, огневые позиции минометов располагаются за каким-либо укрытием. Однако, мы командиры, ведущие огонь, понимали, что с началом наступления, после артиллерийской подготовки и продвижением вперед нашей пехоты, наблюдательные пункты противника уничтожены, и его артиллерия ведет огонь вслепую, преимущественно по старым целям. Можно было действовать более решительно и открыто. Вспоминаю, как в одном из таких боёв, я поставил три миномета прямо на вершину холма, с которого открывался хороший обзор окрестностей. К этому времени мы могли четко отличать звуки ведущего огонь немецкого пулемета от очередей нашего пулемета. Обычно немецкие пулеметы были хорошо замаскированы, и засечь их визуально было напросто. Ориентируясь на звук немецкого пулемета, я посылаю в нужном направлении несколько мин с небольшим рассеянием. Немецкие пулемётчики чувствуют, что их «засекли» и спешно меняют свою огневую позицию, а это открывает нашей пехоте путь для продвижения вперед.

Завершая свои воспоминания, я еще раз бы хотел сказать, что Великая Отечественная война была для нас всенародной войной. Мужчины, которые могли держать в руках оружие, уходили на фронт. Мой отец, всю жизнь работавший счётным работником, добровольцем ушел в Московское ополчение, и в его рядах воевал с фашистами на дальних подступах к Москве. Он погиб в районе города Осташков. Моя мать – бухгалтер по профессии, при приближении немцев к Москве, стала к токарному станку и обтачивала мины для миномётов. Любимая мною девушка сражалась в зенитных частях Заполярья, участвуя в обороне стратегически важного для нас порта Мурманск.

Победа в Великой Отечественной войне – это великий памятник в истории СССР и России тем поколениям, которые вынесли на своих плечах все тяготы этой тяжелой, кровопролитной войны [33].

Воробьев Евгений Дмитриевич
**Не было у нас лучшей школы, чем та,
которую мы прошли**

У меня сохранился комсомольский билет, полученный в 1939 году. Вот она – эта серая книжечка с изображением В.И. Ленина на обложке и двумя орденами Красного Знамени на титульной страничке. Смотришь на этот билет – и вспоминается очень многое. Вспоминаются друзья, дела наши комсомольские, и постепенно складывается портрет поколения, встретившего войну. ... В комсомол меня принимали летом. Было жарко, и собрание проводили прямо на ступеньках перед школой. Задавали много вопросов. Тогда только была принята Конституция СССР, и прием молодежи в союз был расширен. Первым нашим комсомольским поручением была агитационно-пропагандистская работа накануне первых выборов в Верховный Совет СССР.

Заветной мечтой каждого из нас было получить значок «Ворошиловский стрелок». Еще когда я учился в школе, страшно хотелось попасть в авиацию. В Пятигорске открылся аэроклуб. С замиранием сердца шел я на медкомиссию. И – отказ: что-то такое нашли с сердцем, да и цветоощущение нарушено. Но через некоторое время собралась другая медкомиссия – та была «послабее», и мечта моя исполнилась. После планерной подготовки доверили пилотирование «У-2». Самостоятельные полеты, исполнение фигур высшего пилотажа – что еще надо шестнадцатилетнему мальчишке, каким я был тогда? Но это счастье продолжалось недолго. В аэроклубе подошли к концу запасы бензина, полеты прекратились...

Окончив школ с отличными оценками, я получил право поступать в вуз без экзаменов. Так в 1938 году я стал студентом физико-математического факультета Воронежского университета. Учеба пошла трудно – самодисциплины, как я сейчас понимаю, у меня тогда не хватало. Правда, и здесь смог удовлетворить я свою тягу к авиации – факультет был с уклоном в аэродинамику. А когда началась война, нас, студентов физико-математических факультетов университетов, направили на учебу в Военно-воздушную академию имени Жуковского. Обрадовался. А когда прибыли в Свердловск (туда была эвакуирована академия), нам сказали: «Академия инженерная. Самолеты водить не будете»...

Собралось нас 400 человек. И получилось так, что я стал старшиной этого студенческого курса, образованного в роту. Надо было привыкать к дисциплине самому и требовать этого от товарищей. Правда, привыкать – это не то слово. Привыкать было некогда, ведь шла война. Надо было принять все требования военной дисциплины сразу, без оговорок, как новый образ жизни, продиктованный военной необходимостью. Повышенная требовательность к себе сказалась сразу – первую сессию сдал на «отлично», и все пошло бы нормально, если б не болезнь, на 10 месяцев упрятавшая меня в госпиталь...

После госпиталя подал рапорт об отправке меня на фронт, но начальник инженерного факультета академии генерал-лейтенант Оглоблин предложил продолжать учебу в академии самостоятельно. Это было еще труднее. В 44-м, наконец, отправили нас на фронт. Вот где пригодилась наша инженерная академическая подготовка! Обслуживали тяжелые бомбардировщики Б-25. Инструкциями не предусматривались боевые вылеты техников, но мы летали, и это очень хорошо действовало на летный состав. Это было легче, чем томительное ожидание возвращения твоего самолета с очередного задания, и летчики в полете были спокойны за техническое состояние машин.

... Вспоминается один рейс. Сбросили оружие партизанам и возвращались на базу. Попали под зенитный обстрел. Совершенно случайно увидел капли красной жидкости. Стало ясно: где-то пробита гидросистема, а это грозит большими бедами. Уровень жидкости в резервном бачке приближался к отметке «0». Посоветовал летчику срочно выпустить шасси, пока не вытекла вся жидкость. Совет оказался своевременным – самолет смог благополучно приземлиться...

Сейчас, оглядываясь назад, я думаю: всегда у комсомольцев была и будет зависть к подвигам и делам старших поколений. И только спустя много лет понимаешь, что твое поколение сделало очень много, что не было у нас лучшей школы, чем та, которую мы прошли в комсомоле [34].

Ворона Андрей Гордеевич
Дежурили почти круглосуточно, отдыхали мало

В 1940 году призвали в армию. Служил в Челябинске в 15 роте НКВД по охране Челябинской ГЭС. Когда началась война уже был

ефрейтором, поэтому меня направили в Москву в училище на курсы младших лейтенантов. Стал курсантом. Помогали рыть окопы, дежурили по Москве, чаще на вокзалах.

Когда враг подошёл к Москве, из нас, курсантов, сформировали пулемётный полк и отправили за Серпухов. Оборону держали весь месяц октябрь. Приходилось очень тяжело, часто голодали. Под Тулой выходили из окружения. Потом Москва, сутки на отдых и 27 октября пешком до станции Муром. А оттуда в Алма-Ату, где была открыта школа офицерского состава. 23 февраля присвоили звание младшего лейтенанта и снова отправили в Москву. Создали 71 отдельный батальон по охране Москвы.

Обеспечивали охрану Монетного двора, Центрального телеграфа, контролировали железную дорогу по ленинградскому направлению. Москву сильно бомбили. Дежурили почти круглосуточно, отдыхали мало. Патрулировали поезда, проверяли документы, ловили дезертиров.

В 1942 -1943 годах был командиром роты. Дошёл до Бухареста и там встретил Победу. В память о войне имею снайперскую книжку, в которой отмечено 17 убитых фашистов. Сохранил газету своей части от 1 августа 1944 года под названием «Боевая чекистская», в которой сообщается о моём награждении Орденом Отечественной войны 1 степени [35].

Воронин Алексей Борисович **Дисциплина была строгая**

41-й год. Лето. Июль. Встретил я войну на севере, на границе между Германией и Советским Союзом. Сначала я был простым солдатом. Было мне в годы войны 16 лет. Летал я на учебных самолетах УТ-2. Перевозил командиров, также учился летать. Но летали мы по темноте, выбирали специальное время. Это была и разведка, и точные бомбежки. Мы сбрасывали бомбы туда, где были немцы. Но бывало и так, что нас пытались обстрелять, но мы укрывались, помогала темнота. Ходили на разведку пешком, по канавам, перелезали через железную проволоку. Как-то нас взяли под арест за то, что мы не захотели идти в другую часть. Но мы все-таки вернулись в свою часть после ареста. Дисциплина была

строгая. Были мы молодыми. Хотелось мне сделать что-то хорошее. Настроение в годы войны было такое, что не страшны наступления и немцы [36].

Востриков Пётр Дмитриевич **Подарок старого Матиаша**

В составе третьего Украинского фронта под командованием маршала Ф.И. Толбухина бригада, в который я служил освобождала Будапешт. Дошли мы до Дуная, и переправа была, несмотря на холодную погоду, жаркой. Саперы навели временный мост, под обстрелом фашистских орудий, под бомбами нам предстояло переправить на другой берег 152-миллиметровые орудия. Трудными были бои за Будапешт – многие фронтовики до сих пор произносят длинное и непонятное название Секешфехервар, за которым ожидают яростные громы артиллерийской и авиационной канонады, вспоминаются затянутые сизым дымом узкие улицы и дома, которые переходили по несколько раз из рук в руки. А сколько здесь погибло наших товарищей! На четвертый день этот узел немецкой обороны пал.

Казалось, сопротивление врага сломлено. Но он огрызнулся из каждого дома, бои шли за каждую улицу города. Несколько раз отборные эсэсовские дивизии пытались пробиться на помощь осажденным. Порой положение было настолько критическим, что наша дальнобойная батарея, стоявшая на окраине города, получила приказ стрелять прямой наводкой по прорвавшимся фашистским «тиграм». И под ударами наших 152-миллиметровых снарядов взлетели кверху башни хваленых гитлеровских тяжелых танков. А однажды, когда артиллерийская бригада передислоцировалась на другие позиции, в результате внезапного налета вражеских бомбардировщиков на наших глазах погибло около двухсот бойцов. Дорогой ценой платили мы за то, чтобы народы Европы жили в мире.

Многие пожилые венгры, воевавшие в первую мировую войну, немного знали немного русский язык, и по соседству с домом, где нас расселили под Будапеште, жил как раз такой бывший русский военнопленный. Был он совсем бедняком, и когда однажды

мы снабдили его провиантом, дядя Митиаш решил нас отблагодарить. Он пришел ко мне и велел взять с собой спички, топор, стакан и флягу. Привел к дому, где раньше размещался магазин, хозяева которого эвакуировались, спустился в подвал, а когда мы зажгли свет, пробил топором брешь в дальней стене. За тонкой стенкой, скрывавшей потайное помещение, стояли на солидном фундаменте три необъятных размеров цистерны с выдержанным виноградным вином. Это был замечательный напиток, способствовавший, кроме того, установлению теплых контактов с местным населением. Этот эпизод почему-то запомнился мне – наверное, потому что простые люди на всей земле никогда не стремятся к войнам, им хочется нормального человеческого общения, хочется испытывать радость дарить и получать подарки, а не пули и снарядные осколки.

Чаще всего воспоминания о войне приходят, когда слышишь песни того далекого времени. «Темная ночь», «Землянка» близки и дороги людям моего поколения. Близки и дороги нам песни, сочиненные уже после войны, музыкальным символом всенародного праздника 9 Мая стал «День Победы». Из всех этих песен особенно волнует меня песня о солдате, который возвращается после Победы домой и видит на месте своей хаты «травой засохший бугорок». Сколько их было после войны, таких солдат, на груди которых светились медали и за Будапешт, и за Прагу, и за Берлин, и надо было заново начинать жизнь, потому что война отняла все самое дорогое. И то, что они сделали за эти сорок лет, – это еще один подвиг [37].

ВСПОМИНАЮТ СТРОИТЕЛИ-ФРОНТОВИКИ

Мы для Победы ни чего не пожалели

...В строительно-монтажном управлении работало около 100 фронтовиков. Эти люди разных строительных профессий. Инженеры Н.И. Савичев, В.Н. Лобко, В.И. Асанкин, прараб А.И. Порешков, нач. строительства А.И. Родников, столяр Н.А. Беляков и многие другие. Эти люди после войны избрали себе самую мирную, самую нужную профессию – строителя. Города и села нашей Родины лежали в развалинах. Нужно было строить дома, школы, заводы... И они строили, трудясь так же самоотверженно, как во-

евали на фронте. И росли дома, улицы, города. Радовались вместе с новоселами строители. Ведь нет больше награды для них, чем радостная улыбка новосела.

По дорогам на Берлин

Гвардии подполковник запаса Н.Н. Савичев ныне начальник сметного отдела СМУ, вместе с войсками Советской Армии прошел до Берлина. Инженерная часть, в котором он был начальником штаба, участвовал в боевых операциях на Калининском и Северо-Западном фронтах. Калинин, Ржев, Зубцов, Сычевка, Карманово и сколько еще других городов пришлось защищать и освобождать. Сколько установлено мин и разминировано минных полей. Сколько сооружено километров дорог, мостов, переправ! Часть, в которой служил Н.Н. Савичев освобождал города и села Украины, Молдавии и дошла до Берлина.

– Подойдя к реке Прут, – рассказывает Н.И. Савичев, – наша армия переправила танки вброд, а для колесных машин приказано было построить мостовую переправу. Прут. Хотя и не глубокий, но течение его быстрое, и переправлять детали при помощи лодок, и ставить их на место, было нелегко. Тогда один из офицеров, кажется, капитан Золотухин, а за ним и другие офицеры и солдаты, взяв детали на плечи, вошли в одежде в реку и стали перетаскивать и ставить их на место. Вода была холодная, а сверху шел снег. Но ничто не могло оставить смельчаков. Мост быстро был построен.

В тылу врага

Великая Отечественная война застала Марию Федоровну Муравицкую, нормировщицу строительно-монтажного управления, на семинаре комсомольских работников в городе Калинин. А уже 4 июля 1941 года с группой комсомольцев она отправилась на оборонительные работы в город Селижарово, Калининской области.

Были тревожные дни, немцы стремительно наступали. И комсомолка Мария Муравицкая подала заявление в военкомат с просьбой направить на фронт. В марте 1942 года ее направили в распоряжение ЦК ВЛКСМ для прохождения специальной подготовки. А после этих курсов она была назначена секретарем Опоченского подпольного райкома комсомола.

Приходилось вести трудную, но очень важную работу по руководству мелкими подпольными комсомольскими группами, вести разведку, сообщать населению оккупированных городов об успехах Советской Армии на фронтах.

Скупно рассказывает Мария Федоровна о себе, больше говоря о тех, кто сражался вместе с ней, кто погиб в боях. В 1944 году, отряду, которым руководила Муравицкая, было поручено разведать о гарнизоне в Аненском. Разведав силы противника, партизанский отряд напал на гарнизон, уничтожил его. У фашистов партизаны отняли много скота, хлеба, награбленного у колхозников. Все это они готовили отправить в Германию. За эту операцию Марию Федоровну командование наградило орденом Красной Звезды.

Мария Федоровна – мать двоих детей – мальчишек. Она желает всем женщинам земли мира. Она призывает их всеми силами крепить мир, не допустить того, чтобы сыновей провозжать на войну.

В гвардейском корпусе

Окончив училище шоферов в январе 1942 года Н. Евсеев был направлен в гвардейский корпус, в составе которого участвовал в оборонительных боях под Старой Руссой. После первого ранения он попал в гвардейский танковый полк, который в декабре 1942 года участвовал в боях по окружению фашистских войск под Сталинградом. Н. Евсеев был водителем броневедомобиля, на котором выполнял задания по моторазведке.

А в декабре 1942 года он был тяжело ранен. Ему ампутировали ногу выше колена. До 15 сентября 1943 года Евсеев находился в госпитале на излечении, после чего был демобилизован...

Награда нашла героя

Рядовой танковой бригады, ныне каменщик строительного управления, Борис Федорович Литанов начал свой боевой путь в Малоярославце и закончил войну в Праге. Вместе с войсками Советской Армии участвовал в освобождении городов Белоруссии, Польши и Чехословакии. В столице Чехословакии Праге праздновал победу.

20 лет назад был представлен к награде орденом Красной Звезды. В те дни шли жесткие бои и, как видно, это помешало тогда

вручить награду воину. И вот в прошлом, 1964 году, в День Победы, спустя 19 лет ему был вручен орден Красной Звезды.

От Волги до Берлина

Когда комиссар санпоезда объявил нам, что фашистская Германия капитулировала, раненые ликовали, радости не было предела, – вспоминает В.Деревякин, начальник железнодорожного участка. – До чего же стало хорошо. Ведь войны-то теперь нет! Хотя мы еще и были прикованы к койкам, но все-таки остались живыми после войны.

Война застала 16-летнего юношу В.Деревякина в городе Котовске на массовом гулянии. Тогда он еще не понимал всей опасности, которая нависла над Родиной, над жизнью его родных и близких, их судьбой. И когда в 1942 году стоял насмерть у стен Сталинграда, когда на его глазах гибли друзья, он понял, какое страшное горе пришло на землю. В этом бою и он был ранен. А после ранения – Орловско-Курская дуга, Висла, Шпрее, потом Берлин. И снова ранение. И радость – победа!

Тяжелый, но боевой путь

День Победы инженер В.Н. Лобко встретил в госпитале под Читой, куда был направлен после ранения в бою под Гульбинэ (Латвия). Уже, будучи ходячим раненым проводил в отделениях госпиталя читку газет, рассказывал о сообщениях Информбюро, беседовал с лежащими ранеными. Известие о долгожданной победе раненые встретили дружным «Ура!», бурными аплодисментами, у многих на глазах появились слезы радости. Все раненые в этот день вспоминали трудный путь в рядах защитников нашей Родины. Каждый знал, что он пролил свою кровь за великое дело победы над гитлеровскими захватчиками.

Тяжелым, но гордым был путь советских воинов к победе. До сих пор вспоминается разрушенный до основания отступавшими немцами старинный русский город Старую Руссу. Ненавистью наполнились сердца воинов полка когда они освобождали от гитлеровцев Пушкинские горы и село Михайловское, увидели оскверненную и заминированную могилу великого русского поэта А.С. Пушкина.

Вспоминаются и школьников, которые шефствовали над ранеными в госпитале в Ленинграде. Тяжело было слушать рассказы детей о блокаде, о смерти их родных и близких от голода, бомбежке и артобстрелов в осажденном Ленинграде... [38]

Вутто Григорий Афанасьевич
По началу было, конечно, страшно

В 1940 году приехал в Дубну, откуда и был направлен на фронт с самого начала войны, с 1941 года. Попал я в пехоту. На станции Студенка принял первое боевое крещение. По началу было, конечно, страшно: совсем рядом разрывались снаряды, стрельба не прекращалась ни на минуту. Стоны раненых, крики о помощи, – мне от этого становилось не по себе. Мне хотелось, чтобы это все побыстрее закончилось и чтобы этого не было бы никогда. Хотелось забыть это как страшный сон. Но увы, бои продолжались, и это не было сном.

Под Витебском был сильно ранен в руку, началась гангрена и руку пришлось ампутировать [39].

Гаврилов Краснослав Александрович
Первая попытка уйти на фронт закончилась безуспешно

Что такое война – испытал на собственной шкуре в 1942 году, когда наш промышленный район дважды бомбили. В первом налете участвовало около 12 самолетов, во втором – около 80. Тогда чудом осталась в живых наша семья.

Первая попытка уйти на фронт закончилась безуспешно – сняли с танкового эшелона, идущего на Сталинград. Летом 1943 г. из Ленинграда в Ярославль был эвакуирован Военно-Морской отряд специального назначения. По рекомендации райкома комсомола пошел добровольцем и был принят. В задачу этого отряда входило обучение курсантов методам владения танковыми, фронтальными и ранцевыми огнеметами, владение химическими боевыми отравляющими веществами, управление системами «Ястреб» и «Волна».

Осенью 1943 г. принял присягу. Зимой 1943 г. отряд переправился в Углич, откуда был отправлен на Северный Флот. В ноябре 1943 г. был отправлен в главный полуэкипаж флота. В конце 1944 г. был переведен в Отдельный дивизион Кольского Морского Оборонительного района, в котором и встретил Победу [40].

Ганкин Михаил Наумович
**Никто под пулеметы нас не таскал,
мы сами шли в бой**

Я воевал в дивизии, которая формировалась в Кимрах. Никто не думал о смерти. А у нас ее и не было до Восточной Пруссии, там из нашей дивизии очень много погибло, в основном артиллеристы и разведчики.

Мы же в окружении 9 дней дрались. Горы наших раненых, а танки их утюжили.

Мы ничего не могли сделать, у нас снарядов не было в конце войны. Мне было только 18 лет.

Жалко было даже коней, нас на конную тягу перевели, ведь они никуда не спрячутся. Чтобы лошадь не мучилась (а она у нас была с Казахстана, ей глаз выбило) надо ее пристрелить. А кто? Все говорят: «Я не могу». Кто-то вызвался, чтобы облегчить ей страдания.

Очень сильный бой под Оршей. Наша дивизия брала Оршу, а от Витебской дивизии мы отвлекли на себя силы трех дивизий. Первый раз я видел столько самолетов, неба не было видно.

В конце войны нас бросили в бой без авиации, без танков.

Когда мы брали Восточную Пруссию, жителей мы не видели, потому что немцы их угнали. У нас не было ни насилия, ни расстрелов, ни грабежей [41].

Гертман Яков Матвеевич
Я чудом остался жив

Я был командиром огневого взвода артиллерийско-зенитного полка на Первом Белорусском фронте. Однажды, после трех суток без сна, я и мой друг пошли спать в землянку. Я проснулся от того, что услышал как кто-то роет землю под моей головой. Оказывается, что пока мы спали, в землянку попал снаряд, и она обвалилась. Друга убило упавшей на него балкой, а я чудом остался жив.

Как-то раз мы стояли в небольшой деревушке в Польше. Мы с другом зашли в дом, хотели осмотреть его изнутри. Я иду и вдруг вижу передо мной в трех шагах стоит человек в немецкой форме. А на мне была шинель, свет падал так, что немец не сразу распознал, кто перед ним: свой или враг, а я видел его хорошо. Оружие русские носили сзади, а немцы спереди, поэтому он мог быстрее вынуть свой автомат, чем я свое оружие. Я бросился на него и обхватил его за плечи. Он стал сопротивляться. И получилось так, что его палец попал мне в рот. Я укусил его, он закричал. Тогда прибежал мой друг и помог с ним справиться. Потом враг пытался бежать, но мы его застрелили.

Участвовал в окружении на р. Торн в 1942 г. Участвовал во взятии Берлина. Помогал водружать знамя на Рейхстаге [42].

Гоголев Александр Яковлевич
Меня спас простой бронешиток

Я 1920 года рождения. Окончил 7 классов, а затем в июле 1941 года – автодорожный техникум в г. Петрозаводске (Карелия). Война. Я иду в военкомат с заявлением направить на фронт. Отказали по той причине, что положен запрет направлять в действующую армию молодых специалистов. Пишу письмо в Москву – в Комитет обороны с той же просьбой – отказали. Вторично пишу лично Ворошилову. Получил ответ из военкомата – дано согласие направить в любое военное училище. Я дал согласие в летную школу, т.к. учась в техникуме, я окончил аэроклуб и уже имел небольшие навыки в полетах на учебных самолетах ПО-2 и УТ-1.

Немцы бомбят город. Я принимаю активное участие в тушении пожаров и спасении еще спящих людей, особенно детей, т.к. налет был рано утром. Многие еще спали. При этом я получил много ожогов, и прибывшие врачи скорой помощи оказали мне первую помощь. От госпитализации я отказался, т.к. боялся, что сорвется с трудом полученное мое направление в летную школу. Я прибыл в Ижевскую летную школу, но вскоре меня поместили в госпиталь г. Ижевска. Пришлось залечивать ожоговые раны. Одновременно появились сильные боли в правом боку. Сделали операцию по удалению аппендикса. Имея уже некоторую подготовку в аэроклубе, мне удалось успешно досрочно закончить учебу. Однако вскоре из Москвы пришел приказ – школу расформировать (закрыть), а курсантов перевести в училище танков авиавооружения. По пути следования на одной остановке мы вместе с моим другом Федором Кузьменко попытались отстать от поезда и с другой частью удрать на фронт, но это нам не удалось и окончилось 10 сутками ареста.

После окончания училища я был направлен в звено связи 202 гвардейской Дальнебомбардировочной дивизии 4-й Краснознаменной воздушной армии, в качестве пилота звена связи и механика авиавооружения. Дивизия участвовала в боях за освобождение Австрии, Венгрии и взятие Берлина.

Кончилась война, но мою демобилизацию задержали и направили меня для работы в СКК (Союзно-контрольная комиссия), а затем в Управление по репарации из Венгрии. И только в декабре 1946 года я был демобилизован и выехал на свою Родину – СССР. К сожалению, при отъезде с Будапештского вокзала «Нючаты» у меня украли чемодан. Правда, там была обнаружена кража чемоданов еще у 5 человек. Но для меня это было очень тяжелой утратой – в чемодане хранилась вся история шестилетней службы, в т.ч. письма, адреса, документы, фотографии и многое другое.

Приехал в Россию, но война кончилась, оказалось, не для меня. В 1947 году мне вновь пришлось надеть погоны в системах МВД и КГБ СССР и уже начать борьбу с не менее опасными и коварными врагами на территории Прибалтики (Латвии, Эстонии, Литвы), так называемыми «лесными братьями». Это продолжалось еще не менее 5 лет, и говорить об этом можно долго и много.

В памяти об этой борьбе я долгое время возил с собой свою старую шинель с двумя полевыми дырками на груди. Тогда дважд-

ды от тяжелого ранения, а возможно и от смерти, меня спас простой бронешиток, который я одевал на грудь под шинель при выезде на опасные операции. Нынче такие щитки усовершенствовали и обзывают бронежилетами.

Вскоре после войны на территории Прибалтики был образован лагерь военнопленных № 286. Управление лагеря находилось в городе Таллин Эстонской ССР, где я также проходил службу. Впоследствии я проходил службу и работал по обслуживанию особо режимных объектов в течение около 40 лет [43].

Голговский Владимир Петрович

Надо быть человеком в любой обстановке

Родился я в семье шахтеров на Донбассе в 1924 году. Чуть позже, в 1929 году, мы переехали в Белоруссию. Отец стал занимать здесь должность директора животноводческого совхоза, однако по отношению к нему вскоре начались политически не оправданные гонения как со стороны местных властей, так и от прочих «активистов». Возможно, дело дошло бы до убийства, если б не наш переезд в Ленинград в 1932 году. В Питере я закончил школу-семилетку и встретил здесь начало Великой Отечественной войны, оказавшись, как и многие ленинградцы, в кольце блокады.

Перед самым началом войны, 6 июня 1941 года, меня приняли во вторую спецшколу ВВС, готовившую из молодых парней высококлассных специалистов-авиаторов. В 1942 году нас переправили на Урал, а затем – в Алтайский край. Именно оттуда меня, так и не успевшего (не по своей вине) закончить спецшколу, призвали в действующую армию, поскольку страна очень нуждалась тогда в свежем пополнении на Сталинградском направлении...

Великая Отечественная в качестве действительной военной службы началась для меня с Барнаульского пехотного училища. Это воинское учреждение в ускоренном режиме готовило молодых офицеров для фронта. По правде сказать, офицерского звания я так и не получил, потому что нас, курсантов, срочно направили из училища под Воронеж, а затем и на Курскую дугу. Здесь в 43-м я получил свое первое боевое ранение. Забегая вперед, отмечу, что всего за время участия в боевых действиях на Отечественной войне я

получил пять ранений и две контузии. А повоевать пришлось в основном в пехоте: это третий батальон 780-го стрелкового полка, где я был командиром взвода противотанковой артиллерии. На вооружении у нас была довольно слабая пушка-сорокопятка, но она успешно справлялась в борьбе с пулеметными и прочими огневыми точками. За время военных действий я, как командир, потерял шесть боевых расчетов и вообще увидел тысячи смертей молодых, жизнерадостных ребят, которым бы только жить да жить...

Бок о бок воевал со мной москвич Саша Лысиков, его фразу «Надо быть человеком в любой обстановке» я вспоминаю всю свою жизнь. Это был прекрасный учитель для нас, молодых солдат. Он учился в Московском институте инженеров транспорта, мечтал изобрести универсальный международный вагон, однако, не доучившись, пошел на фронт, в пехоту. Для нас, 18-19-летних мальчишек, Александр стал образцом человечности и душевности. Когда мы вошли в Германию, многие солдаты, насмотревшись смертей однополчан, порывались истреблять фашистов, что называется, на каждом шагу. Пытались и в гражданском населении непременно увидеть только врагов. Однако Саша постоянно внушал нам, что обыкновенные жители не виновны в случившейся войне. И когда к нам в подразделение стали приходиться голодные немецкие дети, он делился с ними последней краюхой хлеба, а повару полевой кухни советовал не обижать беспризорников, а подкармливать чем можно. Прибежал как-то мальчишка-немчонок и попытался перед Сашей услужливо крикнуть «Хайль!». А тот засмеялся и говорит: «Да какой тут тебе «Хайль»? Живи ты нормально и свободно. Вот тебе буханка хлеба, ешь на здоровье и забудь про войну». Мальчишка бросился целовать ему руки, но тот вежливо отстранился и по-отечески потрепал пацана за вихры...

Последний раз меня ранило и контузило 7 мая 1945 года. Наша пехотная танкетка подорвалась в Праге на фугасе, и этот подрыв стал для меня очень и очень тяжелым. Все праздновали победу и кричали «ура», а я лежал на госпитальном операционном столе. Причем нашли меня под обломками кирпичей (среди трупов танкистов, также подорвавшихся вместе со мной) не сразу. Во время взрыва меня сильно контузило и завалило ноги обломками кирпичной стены, так что я некоторое время находился без сознания. Нашли меня только к вечеру.

Привезли в госпиталь, где военный хирург жестко констатировал: «Ноги у тебя, парень, перебиты. Все, отвоевался ты...» Я очень испугался, что сейчас ампутировать мне обе ноги, однако хирург, держа в руках скальпель, внимательно осмотрел нижние конечности, но... оперировать их не стал. Через две недели я почувствовал, что пальцы на ногах стали слабо шевелиться, а потом и начал двигать ими. В конце концов через определенный период поднялся я на свои израненные ноги, но еще долгое время в голове стоял изматывающий гул от контузии. По-настоящему слышать я стал только через несколько месяцев... [44]

Голованов Василий Егорович
Вперед за Родину, за Сталина!

С сентября 1943 года по сентябрь 1944 года был курсантом Рязанского военного пулеметно-минометного училища. По окончании его сразу отправили непосредственно для участия в боях на третий Белорусский фронт командиром стрелкового взвода.

Сразу началось мое боевое крещение. Моему взводу было дано задание провести разведку и захватить «языка» и выявить, где расположены огневые точки врага, но я за разведкой выслал прикрытие, чтобы, в случае засады, отвлечь огонь на себя, что и произошло, удалось захватить «языка» благодаря тому, что прикрытие приняло бой на себя. Задание было выполнено при минимальных потерях. За эту операцию меня наградили орденом «Красной звезды» и всех, выполнявших это задание, тоже наградили орденами и медалями.

Я воевал в первом гвардейском стрелковом полку второй гвардейской стрелковой дивизии. При освобождении города Кенигсберга наш первый гвардейский полк прорвался вперед и выбил немцев из их траншей, но оказалось, что наш полк оказался впереди, а справа и слева наши войска отстали и наш командир батальона дал приказ идти вперед, гнать немцев. Но нужно было поднять дух у красноармейцев, и я решил это сделать: выскочил из траншей и закричал «Вперед за Родину, за Сталина!» Поднял свой взвод и тогда за нами поднялись все и пошли в атаку, потом подоспели наши войска с флангов и в этом бою я был тяжело ранен в голову.

Четыре месяца лечился в госпитале города Котельнич с января 1945 по апрель 1945. За это меня наградили орденом «Отечественной войны» 1 степени. Награда искала меня 50 лет. Орден вручали в Москве в Колонном зале в день 50-летия Победы.

После излечения направили в город Свердловск в резерв, затем направили на Дальневосточный фронт на войну с японцами с 9 августа 1945 года по 23 августа 1945 года.

Награжден орденами: «Красной звезды» «Орден Отечественной войны» I и II степеней. Был награжден медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией» и личной благодарностью Сталина [45].

Горбань Анатолий Васильевич
Тяжёлая утрата

Был в нашей штурмовой авиаэскадрилье летчик, старший лейтенант Аверкин. Ко времени прибытия в полк нового пополнения летчиков, молодых, необстрелянных, Аверкин, изрядно повоевавший, имел уже достаточный боевой опыт. Пользовался заслуженным авторитетом не только у нас, молодых, но и у равных себе. Немногословный, не выдающийся особой внешностью, он всегда был в центре внимания.

К нам, «новоиспеченным», был доброжелателен, короткими, но четкими фразами, легко запоминающимися, вводил нас в курс дела боевой работы.

В тот злополучный теплый солнечный день группа штурмовиков, состоящая из восьми экипажей, вылетела на штурмовку железнодорожного узла, где скопились эшелоны с военным имуществом. Обычно такие объекты имели хорошо организованное зенитно-артиллерийское прикрытие. Еще на подлете в воздухе появились, как грибы, разрывы артиллерийских снарядов. Группа, имея опыт применения противозенитного маневра (изменение полета по высоте и направлению) казалось, уже миновали этот рубеж. Однако один снаряд угодил в центроплан (где размещены кабины экипажа). Мощнейшим взрывом были убиты Аверкин и его воздушный стрелок мл. сержант Кужлевкин. Самолет клюнул носом, и, виляя, повалился навстречу с землей.

Когда линия фронта продвинулась дальше, на место падения была направлена поисковая группа из полка. Самолет нашли легко. Рядом уже был сделан погребальный холмик. Проявляя солидарность, наземные войска извлекли экипаж, похоронили и на фанерной доске начертали фамилии. В полку был траур.

Мне до сих пор не понятно, почему на войнах смерть не выбирает менее достойных. Что ей стоило выбрать кого-нибудь из нас, молодых, хотя к тому времени уже и приобретших определенный опыт. И хотя эта смерть была не первой в полку, гибель Аверкина меня потрясла, Я слишком уважал его как человека и воздушного бойца [46].

Горшков Николай Иванович
**Подвигов не совершал, а служил,
как все воины нашей армии**

16 августа 1942 года я был призван в ряды Красной Армии. В сентябре был направлен на Волховский фронт. Там в это время проходили жаркие бои. Служил я в войсках грозного оружия, так называемых «Катюш». Был разведчиком дивизионный разведки. Мы, артиллеристские разведчики, наблюдали и вели разведку за скоплением войск противника.

Затем нас перевели на Ленинградский фронт для защиты города Ленинграда. В январе 1943 года кольцо блокады было прорвано двумя фронтами, Волховским и Ленинградским. Был освобожден Ленинград и вся Ленинградская область, где я принимал участие. Принимал участие на Карельском фронте, реке Свирь. Мы, артиллеристские разведчики, первыми переправились на другой берег занятый, противником. За что был награжден второй медалью «За отвагу». В конце 1944 года был нанесен удар по освобождению незамерзающего порта на севере Печенга. Дошли до границы Норвегии и был дан приказ перейти границу, подать братскую руку помощи северному народу Норвегии. Там, 8 мая, было объявлено об окончании войны и победе Советского Союза над фашистской Германией. Подвигов, как видно, я никаких не совершал, а служил как все воины нашей армии [47]

Гошев Александр Алексеевич
Видеть стал через полмесяца

Служил в морфлоте. Прибыл в Ленинград, в экипаж, откуда комплектуют корабельные команды. Дали мне 36 человек, я был старшина. Отправили в Кронштадт, а оттуда в Таллин. Шли на корабле датской постройки. В 3 часа ночи торпедировала нас подводная лодка. Торпеда попала в кормовой люк. Корабль начал тонуть. Много наших утонуло. Я мало чего помню, только очутился в госпитале в Таллине. Я ничего не видел – ослеп. Был без сознания суток 5. Видеть стал через полмесяца [48].

Гребеннюк Григорий Фёдорович
Минеры всегда впереди

Родился я в 1924 г. в семье крестьянина села Чайковки Волчанского района Харьковской области Украины. В 1938 г. окончил 7-ой класс школы и поступил на зоотехническое отделение Верхне-Тиссаревского сельскохозяйственного техникума. Готовился растить хлеб и животных. Окончить техникум мне не удалось. 22 июня 1941 г. фашистская Германия напала на нашу страну. Война по-своему распорядилась нашими судьбами, сломала все наши планы. Уже в августе 41-го года я оказался на строительстве оборонительного рубежа по реке Северный Донец в 7-ми километрах от нашего районного центра г. Волчанска.

Фронт быстро приближался. Началась эвакуация колхозного скота. Среди гонщиков скота оказался и я. 13 октября мы погнали скот на Восток. Зимовали в колхозе «Новая жизнь» на окраине г. Ровеньки. В апреле 1942 г. пригнали скот обратно в свой колхоз.

12 июня 1942 г. немецко-фашистская армия начала наступление из района Харькова на Сталинград. В этот же день мы снова погнали скот к Дону. В июле в г. Белогорье при попытке переправить скот через реку я со своим другом Ваней Голубовым был захвачен немецкими солдатами. Мне удалось бежать. Мы погнали скот домой, но в пути немецкие каратели схватили меня с Сашей Ляшенко и Ваней Лебеденко и водворили в лагерь на окраине г. Валуйки. Из лагеря нам тоже удалось бежать и добраться домой.

С августа 1942 г. до февраля 1943 г. находился на оккупированной территории. Жил у матери, участвовал в оказании помощи подпольщикам и беженцам. В феврале 1943 г. наш район был освобожден советскими войсками.

16 марта 1943 меня призвали в Красную армию и после короткой подготовки в конце апреля в составе взвода инженерной разведки 382 особого стрелкового батальона 219 стрелковой дивизии прибыл на Воронежский фронт, под Белгород. 11 мая вступил в бой Искусство минирования – разминирования постигал сразу на практике, когда любая ошибка могла быть оплачена одной ценой – жизнью... Участвовал в боях на Курской дуге до освобождения г. Белгорода 5 августа 1943г. О том времени писалось во фронтовой газете: «В шуме сражения, гитлеровцы не заметили, как комсомолец Гребенюк подполз к проволочному заграждению. Минута промедления – и враг откроет огонь. Быстрым и сильным ударом лопаты Гребенюк перерубил проволоку. Потом ударил еще и еще раз. Так под носом у фрицев отважный сапер расчистил путь для наших разведчиков». Перед взводом разведчиков, к которому нас придали была поставлена тогда задача: напасть на дот противника, блокировать его и опять «языка». Но они не знали, что эта задача была не единственной и даже не главной. Дот, о котором шла речь, был «пристрелян» немецкой артиллерией, и командованию было важно вызвать на него огонь, чтобы засечь место расположения вражеских орудий. Речь шла по существу о разведке боем, люди шли на смерть и поэтому взвод получивший задание взять дот, был взводом штрафников... Нашей задачей было не просто расчистить путь в проволочных заграждениях, но разминировать проход к доту, затащить на его крышу взрывчатку и взорвать дот. Шансов уцелеть практически не оставалось – ну, разве что один из ста, и это много. Задание было выполнено, да и мы остались в живых. Сделали все, что надо и взорвали дот, и взяли не одного, троих «языков», и еще 16 гитлеровцев было убито. Из взвода ранило шестерых. В руку был ранен и я. За этот бой получил свою первую медаль «За отвагу». На Курской дуге довелось ставить сплошные минные поля перед передним краем. Чтобы дело шло быстрее, саперы разделились: одни доставляли ящики с зарядами, другие устанавливали мины, третьи их снаряжали – ставили взрыватели. В формуляре минного поля указывалась фамилия последних. Это

было как личное клеймо: пойдут вражеские танки по минному полю и не взорвутся – вся ответственность ляжет на снаряжавшего. Я и был тогда снаряжавшим.

После короткого отдыха (10 суток) и пополнения наша 219-я дивизия оказалась на Калининском фронте (впоследствии Первый Прибалтийский фронт). ...В начале сентября дивизия была введена в сражение по освобождению Смоленской области. 14 сентября она прорвала оборону немцев и успешно наступала к границам Белоруссии. Но в полосе наступления дивизии оказался важный, хорошо укрепленный, опорный пункт немцев Микулино. К тому времени дивизия понесла значительные потери и взять Микулино с ходу не смогла. Командир дивизии полковник Коваленко принял решение укомплектовать отряд примерно из 120 человек под командованием капитана Долматова, которому необходимо было войти в тыл Микулино и перерезать единственную дорогу на запад, отрезать путь отступления фашистам. В состав отряда вошло и отделение инженерной разведки, которым я командовал в звании сержанта.

6 октября 1943 года отряд перешел линию фронта, вышел в тыл немцам. ... Микулино – важный опорный пункт, от которого на запад шла единственная дорога, а кругом болота. И нужно было перерезать эту дорогу, отрезать фашистам единственный путь к отступлению. «Оседлали» дорогу – все, как задумано. Не могли предусмотреть одного: что немцы обнаружат их очень рано, когда наступление на Микулино еще не началось.

На отряд со стороны Микулина двинулись четыре танка, за ними автоматчики: хотели смять бойцов с ходу. А у нас против бронированных машин лишь противотанковые ружья да гранаты, пушку за собой по болотам не протащишь... Пэтээровцы стреляют – танки идут. Тогда майор Долматов взял ружье сам, поставил прямо среди дороги и открыл огонь по танкам. Буквально на втором или третьем выстреле поджег первый танк. А автоматчики уже начали забрасывать нас гранатами. Второй, пытаясь объехать горящий, завалился в болото. Два остальных повернули назад, за ними и оставшиеся без защиты брони автоматчики. Тогда майор отдал приказ перейти в наступление. В сумерках уже соединились со своими, наступавшими на Микулино с востока. Были захвачены богатые трофеи: одних автомашин около 250.

За этот бой я был награжден второй медалью «За отвагу». В наградном листе было записано: «б.10.43 г. сержант Гребенюк участвовал в боевой операции в группе капитана Долматова по освобождению местечка Микулино. Противник контратаковал группу капитана Долматова. При отражении 2-х контратак противника сержант Гребенюк уничтожил 6 гитлеровцев. Продвигаясь за отступающим противником Гребенюк был атакован двумя гитлеровцами. Отважный боец не растерялся, очередью из автомата сразил обоих фашистов...» (Основание: оп. 686044, д. 1253, л. 151 в центр, архиве МО). Но дорожке всяких наград, а их у меня 29 орденов и медалей, были и сейчас еще звучащие слова капитана Долматова. «Там минеры впереди!» – кричал он, подбадривая своих солдат.

С марта по сентябрь 1944г. учился и окончил ускоренный курс Мичуринского военно-инженерного училища в г. Новосибирске. Мне было присвоено воинское звание «младший лейтенант». В сентябре 1944г. был командирован на военную службу во 2-ю Польскую армию на должность командира взвода инженерной разведки, а затем и командира роты. Участвовал в боях по освобождению Варшавы, Лодзи, Познани, западных земель Польши, в штурме Берлина. Участвовал в форсировании рек Вислы, Одера, Нейсы и других.

Польской армии нужна была помощь советских офицеров, нужен был их боевой опыт. И стояла задача за очень короткое время подготовить только что призванную польскую молодежь к участию в боях, сделать из неопытных, необстрелянных парней настоящих бойцов. В 20-х числах сентября 44-го прибыл к месту своего назначения, а уже в начале января 45-го взвод в составе II Польской армии участвовал в боях за освобождение Варшавы. В 11 утра 17 января они вступили в когда-то прекрасный, а теперь почти полностью разрушенный гитлеровцами город. Все, что не успели взорвать, фашисты заминировали. И мой взвод, не теряя ни минуты, приступил к поиску и обезвреживанию хитро замаскированной смерти. Разминировали улицы Варшавы, в том числе центральную – Маршалаковскую, разминировали уцелевшие жилые дома, предприятия. Везде, где работал со своими саперами появлялась табличка с короткой надписью «Мин нет».

Уже через десять дней взвод освобождал и разминировал Лодзь, затем Познань. И был впереди Берлин. Здесь, на южных

окраинах немецкой столицы и закончил я – был тяжело ранен и попал в прифронтовую госпиталь. Когда в ночь на 9 мая поднялась со всех сторон стрельба, первой мыслью было: немцы прорвались. А оказалось – Победа! Та самая, долгожданная, к которой шли все эти годы... В едином порыве восторга и радости встречали ее салютом из всех видов оружия, из всего, что только было под рукой и могло стрелять, советские и польские бойцы. Долечивался после ранения в госпитале под Варшавой, потом продолжал службу в составе Польской армии на землях, вошедших в состав польского государства... Был комендантом местечка Требу в и его окрестностей в Германии. В декабре 1945г. был откомандирован в Москву, получил назначение в инженерный отдел Тихоокеанского флота. Служил в Советской Армии до 1984 года, уйдя на заслуженный отдых в звании полковника, с должности заместителя начальника военного училища в Дубне – ВВВСКУ [49].

Грибков Николай Николаевич **Служили два друга**

В деревне Нечаево Кимрского района Тверской области в 1926 году родились два будущих друга – Соловьев Иван Дмитриевич и Грибков Николай Николаевич. Детские годы прошли в деревне. По окончании начальной школы с 12 лет начали работать в колхозе наравне с взрослыми: косили, пахали, боронили, убирали урожай. 22 июня 1941 года на нашу страну напала фашистская Германия. Началась Великая Отечественная война. К осени 1941 года враг смертельно близко подошел к Москве и Калинин.

Пятнадцатилетними подростками мы участвовали в оборонительных работах. Под Калинин (ныне Тверь) мне пришлось строить военный аэродром в Змеевке, затем эвакуировал колхозный скот в Восточные районы страны. Иван работал на лесозаготовках под Конаково. А когда немцев отогнали от Москвы и Калинина, мы оба продолжали работать в колхозе. Землю обрабатывали на лошадях и бычках, последних мы обучали сами. Весь собранный урожай сдавали государству под лозунгом: «Все для фронта, все для победы».

Мы не были комсомольцами, но патриотизм в нас присутствовал. На службу в армию стремились пойти досрочно. Любовь к Родине проявлялась во всех делах и помыслах. Мы не искали иной судьбы – нам нравилось жить в деревне, где было много девушек нашего возраста. Мы нравились им, они нравились нам. А нашим любимым танцем тогда была кадрили.

6 ноября 1943 года, едва нам исполнилось по 17 лет, нас призвали на службу в Советскую Армию. Первоначальную военную подготовку проходили в 1-й Московской снайперской школе в поселке Свердловка под Москвой.

В августе 1944 года нас направили на фронт. Первый бой приняли на Сандомирском плацдарме в составе 9-го танкового корпуса прорыва, 1-го Белорусского фронта. С боями прошли в Польшу и закончили войну в Берлине. Участвовать в боях нам пришлось в разных бригадах, но однажды в Цоссене у нас произошла короткая случайная встреча – Иван выходил из боя, а я шел в бой.

По окончании войны более 5 лет мы продолжали служить в Германии. В 1949 году на учениях на танкодроме Цейтхайн у нас произошла вторая встреча. Мы провели вместе целый день, даже успели сфотографироваться. В подтверждение нашей встречи выслали родителям по фотокарточке. Учения закончились, и расстались, чтобы продолжить службу в своих частях. 26 октября 1950 года после семилетней службы нас демобилизовали, и из Германии мы ехали домой в одном вагоне.

Очень долгой была наша служба. Родители не дождались, умерли. Нам ничего не оставалось, как начать жить с нуля. Судьба привела нас в поселок Иваньково. Иван поступил работать на машиностроительный завод, а я на работу в милицию. Мы обзавелись семьями, а Иваньково стало Дубной. Иван до пенсии работал на ДМЗ и в ОКБ «Радуга»: маляром, контролером, контрольным мастером. Я начал работать участковым инспектором, и отработал в одном отделе 23 года. Закончил работу в должности заместителя начальника ОВД. Затем 16 лет работал в ОИЯИ в АХО и ОМС. 13 раз избирался заместителем и председателем Совета ветеранов войны и труда Управления ОИЯИ. Вся наша жизнь прошла в труде и службе на благо народа... [50

За время четырех лет войны было много запоминающихся историй. В армию я ушел добровольцем в сентябре 1941 года в г. Красноармейске, Сталинской области. Мне тогда еще не было 18 лет, и меня и моего одноклассника и друга, Володю Рябокина, направили в армейскую разведку. После школы я сносно знал немецкий язык. В нашу задачу входили рейды в глубокий немецкий тыл, и запоминание, где располагаются немецкие склады, танки, артиллерия. Откуда, куда и какие движутся части.

В октябре 1941 года настроение у немцев было очень приподнятое. Они с пафосом рассказывали, что Москва «капут», «Сталин сбежал и Сталин капут». Отпускали плоские шутки «Русское пиво – германская вода; русская техника примитивна» и т. д. Конечно, все это действовало удручающе.

Но вот мы перешли линию фронта и услышали из репродуктора торжественный голос Левитана: «Вы слышите гул. Это идет бой за нашу столицу, за нашу Москву!» Как радостно было это услышать! Москва стоит. Бесстыжие враги, не видать вам Москвы! Через пару месяцев я вновь возвращался с задания и попросился на ночлег в деревне. Хозяйка разрешила мне переночевать. В то время много людей бродило по занятой территории. В доме было четверо немецких солдат и офицеров. Когда я начал устраиваться на ночлег один из них проворчал: «Не хватало еще вшей». Я разозлился и ответил: «У меня нет вшей». Потом солдаты удалились в свою комнату, я остался ужинать на кухне. Офицер курил на кухне и стал со мной заговаривать о погоде, что война дерьмо, что немцы уже проиграли войну. Я был изумлен таким откровением. Мне ничего не оставалось другого как, пожать плечами. «Да, да», – настаивал офицер. Раз мы до этого времени (был уже декабрь месяц 1941 года) не захватили Москву, значит война проиграна.

Представьте себе, фашисты зашли в глубь нашей территории на тысячи километров, нанесли нам тяжелые потери и вдруг такое признание! Это произвело на меня впечатление. Да еще из уст немецкого офицера. Да и немецкие солдаты к тому времени утратили свое бахвальство и свою спесь. Поражение под Москвой повергло

их в уныние. У всех на устах было слово Жуков! Это утвердило во мне уверенность в нашей победе!

В октябре или ноябре 1944 года, после госпиталя, я попал в третью по счету за войну армию – в 1-ю гвардейскую танковую армию, 27 мотострелковую бригаду. Задачами 1 ГТА было проникновение в глубокие тылы немцев, разрушение коммуникаций и окружение немецких соединений. В январе 1945 года фронт с Сандомирского плацдарма был прорван и нас бросили в этот прорыв на окружение Варшавы, через Лодзь на Франкфурт-на-Одере. Мы не должны были ввязываться в бои, просачиваться через оборону и как можно скорее выходить на заданные рубежи. Но избежать полностью стычек с немецкими войсками не удалось, поэтому приходилось с боями рваться на Запад.

11 января 1945 года к вечеру в нашу часть пришел приказ готовиться к наступлению. И вот получен сухой паек, полный комплект боеприпасов и еще столько, сколько каждый мог уложить в карманы и вещмешки – боеприпасов брали побольше: По напутственным призывом замполита чувствовалось, что назревает большая и длительная операция.

Всю ночь наша 27-я мотострелковая бригада 1-й гвардейской танковой армии двигалась к исходному рубежу на плацдарме за Вислой. На рассвете загрохотала артиллерия. Только к полудню мы двинулись вперед – стоявшая впереди нас 5-я ударная армия прорвала оборону гитлеровцев. В нашу задачу входило как можно быстрее пройти укрепления полосы противника, не ввязываясь в бой, и вырваться на оперативный простор.

Задача не из легких. Первые двое суток мы непрерывно меняли направления движения, как только натыкались на вражеские укрепления. Дважды пришлось идти под непрерывным обстрелом. К счастью, в первом случае линия обороны была достаточно далеко и фашисты не могли вести прицельный огонь, поэтому на максимальной скорости мы прошли этот участок. В аналогичной ситуации оказались мы и следующей ночью. Здесь нам на помощь пришли танкисты, которые прикрыли наш отход и огнем танковых пушек подавили доты, державшие под кинжальным огнем дорогу.

К исходу вторых суток скорость продвижения резко возросла. Мы вышли западнее Варшавы в глубокий тыл вражеской обороны. Первая задача была выполнена – коммуникации гитлеровской

армии, оборонявшей столицу Польши, были в наших руках. Дальнейшее наступление было еще более стремительным. Вражеские тыловые части и гарнизоны, которые попадались нам на пути, были, буквально, сметены. Бои шли скоротечные и жестокие.

Не останавливаясь ни днем ни ночью, мы продолжали свое победное продвижение на запад. Короткие задержки произошли только под городом Познань и на старой польско-немецкой границе, где сосредоточились крупные силы врага и были мощные старые укрепления. В конце января 1945 года мы наткнулись в районе г. Познань на немецкий гарнизон и вступили в бой. Пытались схватить какую-то польскую деревню, но это нам не удалось. Пришлось вести уличные бои. Я с несколькими солдатами перебежал по шоссе в дом (проход по улице был только здесь. С обеих сторон к этому месту подходил глубокий противотанковый ров). Я залез на чердак. Торец чердака был выложен в тон кирпича.

Металлической скобой я выковырял один кирпич и из этой амбразуры стал оглядывать соседние дома. Немцы прекратили огонь. В это время я решил добавить несколько патронов в мои автоматические рожки. В каждый из семи рожков удалось вставить по три патрона. Рожок рассчитан на 32 патрона. Не успел я закончить эту работу, как из соседнего дома вышел немец и, полусогнувшись, прошел мимо меня. Расстояние до следующего дома и немца было метров 20. Я прицелился через амбразуру и нажал на спусковой крючок. Щелк! Осечка! Я вытащил патрон из патронника и вновь осечка. Я в третий раз прицелился, нажал на спусковой крючок и вновь осечка! Пока я возился с автоматом, немец успел скрыться за зданием. И тут я наконец понял, что те три дополнительных патрона сыграли со мной злую шутку. Пружина автомата не смогла туго забитые патроны дослат в патронник, и автомат не стрелял. Я тут же повытаскивал дополнительные патроны из рожков. И стал вести огонь короткими очередями по местам, где могли укрываться фашисты.

Через некоторое время пришел связной, передал, что пора собираться и двигаться дальше. Я собрался уходить, но вдруг увидел, что в нашу сторону выдвигается немецкий пулеметный расчет. Я выскочил из дома, впрыгнул в буртовую яму и побежал им наперез. Потом залег в яме и стал ждать. Была зима, снег. Я был в маскхалате и немцы меня не видели. Я подпустил их на расстояние

примерно 5-6 метров и дал очередь. Оба они упали. Я выскочил из ямы и вдруг вижу, что второй немец стоит на коленях и кричит: «Не стреляй, я поляк. У меня дети!» Не знаю почему, но у меня не хватило злости застрелить его и я оставил его. Спросил только нет ли у него пистолета, забрал пулемет и побежал к своему батальону. В это время начался сильный минометный обстрел и я думал только о том, как поскорее выскочить.

С боями мы стремительно двигались к Одеру – конечной цели наступления. Враг не ожидал столь молниеносного наступления, и электростанция во Франкфурте-на-Одере продолжала давать ток в населенные пункты Польши, где по расчетам гитлеровцев были их части. Поэтому в течении трех суток мы шли по освященным городам. Зрелище в то время – необыкновенное.

Но не только электричество освещало нашу дорогу. Горели города и села Польши отступая, фашисты уничтожали архитектурные и исторические памятники, созданные и как реликвии века хранимые польским народом. И все-таки лица встречавшие нас людей светились радостью. Запомнилось много коротких, но теплых встреч с местным населением. Это были встречи с друзьями. Мы угощали их консервами и шоколадом, а они нас горячей пищей, по которой мы очень соскучились, и хлебом.

...За три недели наступления мы потеряли много товарищей и только в конце этого трудного пути вдруг ощутили, как смертельно устали. Особенно хотелось спать. Нам представилась такая возможность, когда мы вышли к Одеру. Сон свалил всех. Когда я проснулся от холода, то увидел, что на мне лежит оконная рама, а рядом догорает какой-то дом. Даже налет вражеской авиации мы не слышали... После достижения реки Одер, короткого отдыха мы двинулись в Померанию на Кельберг, Гдыню. Практически во все времена наших рейдов в глубокие тылы немцев, горел электрический свет в городах и деревнях, т.к. мы далеко в их тылу. В эти времена мы чувствовали себя полными хозяевами положения.

Я вспомнил их шутки в 1941 году и однажды тоже решил пошутить. После длительного ночного марша в Померании нам дали пару часов отдыха и мы зашли перед рассветом в деревню. Я подошел к дому и постучал в дверь. Через некоторое время мужской голос спросил: «Кто там?» «Государственная тайная полиция», – ответил я. Дверь отворилась и нужно было увидеть выражение лица

этого человека, когда он вместо гестапо увидел советских солдат. Он долго стоял обалдевший и не понимавший происходящего.

...Мы отдохнули пару часов в теплой квартире и двинулись дальше на Гдыню. Навстречу нам попадались колонны беженцев, которые устремились из Восточной Пруссии в Центральную Германию. Заблокировав Гдыню и передав ее осаду другим частям, мы затем повернули к Одеру, откуда 16 апреля 1945 года началось наше окончательное наступление на Берлин.

...В конце войны я служил в роте автоматчиков при штабе полка. Стояли мы в самом Берлине, в районе Кройцберг. Утром 9 мая тревожно захлопали выстрелы. Выскочили во двор, типичный берлинский двор – колодец, стиснутый громадными зданиями, подняли головы и увидели голубой кусок неба, исчерченный трассами автоматных и пулеметных очередей. Холодок недоумения, закрывшийся было в сердце, развеял дежурный офицер штаба: «Германия подписала капитуляцию! Конец войне!». Тогда и мы повыскакивали на улицу, чтобы разрядить диски своих автоматов. Надо городом стояла оглушительная пальба. Только спустя год начал я осознавать цену той радости, которая переполняла всех в далекий День Победы. Особенно понятными стали восторг, воодушевление, которые испытывал каждый солдат, прошедший дорогами войны и доживший до заветного мига победы. Это было настоящее счастье!

Потом наступили обыкновенные мирные будни: строевые занятия, тактическая подготовка, просто армейская служба. Когда мы строевым шагом проходили по мощным улицам небольших немецких городков, следом за нами, старательно размахивая руками, маршировали мальчишки, большие наши друзья. Приехали офицерские семьи, и надо было видеть, как мгновенно понимали друг друга русские и немецкие дети, через какое-то время мамы водили своих детей в качестве переводчиков [51].

Григорьев Е.Д.
**Первые восемь месяцев блокады Ленинграда,
забыть невозможно**

...Студеный воздух, от которого захватывало дыхание, и голод были главными врагами ленинградцев. Во фронтовом городе мож-

но привыкнуть к ежеминутному обстрелу и налетам вражеской авиации. Но как привыкнуть к постоянному голоду и холоду?! Вой сирен, трупы на улицах (потом их складывали во дворах), много-часовое стояние в очереди за кусочком хлеба – переносились ленинградцами настолько стойчески и, мне сейчас кажется, даже с гордостью, что этому нет названия. Их поддерживала любовь к Родине, к родному городу.

В первые же дни подготовки к отражению наступления фашистов было создано народное ополчение. Я бы сказал, возникло, а не создано, так как массы людей всех возрастов, не дожидаясь призыва в армию, вступали добровольцами в ряды ополчения. Я видел, как известный профессор пришел в университет для приема экзаменов наголо остриженным (по своей воле!) и чуть ли не плакал, объясняя нам, что его не зачисляют в; ополчение, хотя он сделал все, что для этого нужно. Наконец, он добился своего и его поставили на пост – открывать и закрывать ворота. Он был убит на этом посту осколком фашистской бомбы.

Я видел рабочих, и среди них было много подростков, идущих рано утром на заводы. В засаленных стеганках и ватных брюках, в валенках и ушанках, они закрывали от ветра лицо, оставляя открытыми только глаза. В этих глазах не было страха – в них была вера, надежда и ненависть.

В те дни мне часто приходилось патрулировать по городу, но я обратил внимание на то, что почти ни разу не видел плачущих женщин. Для них все стало обычным – голод, стужа, смерть близких. Уж очень большая тяжесть легла па их плечи, им нужно было бороться за жизнь. Они работали наравне с мужчинами, стояли в очередях, а дома незаметно отламывали для ребенка или для мужа от своей пайки кусочек хлеба. Женщина, символ жизни, утверждала в Ленинграде Жизнь.

Однажды я зашел к знакомым, увидел пианино и стал одним пальцем что-то наигрывать. Меня попросили не играть, так как рядом в комнате лежало пять человек, умерших от голода...

Несмотря на невероятные тяготы, город жил, город работал, город защищался и выстоял [52].

Губарев Михаил Андреевич **От Сталинграда до Берлина**

В 1941 году закончил среднюю школу в Загорске и добровольно ушел на защиту нашей Родины от врага. Загорским военкоматом был отправлен в Киевское танковое училище им. С.К. Тимошенко. После окончания указанного училища в июле 1942 года был направлен в город Сталинград в 21 отдельный танковый батальон на должность заместителя командира танковой роты.

В период формирования воинской части, 23 августа 1942 года немецко-фашистские войска вышли к р. Волге на сев. окраине Сталинградского танкового завода. Мы встали на борьбу с фашистским захватчиком с ополчениями и рабочими с СТЗ, заняв оборону по берегу р. Волги. При очередной бомбежке нашей обороны, я был тяжело контужен 28 августа 1942 года в районе деревни Рынок.

После излечения был направлен в 18 танковый полк 47 мех. бригады 5-ой гвардейской танковой армии на должность заместителя командира танковой роты. Вышеуказанное танковое соединение участвовало в знаменитом Прохоровском танковом сражении в июле 1943 года. В составе 5-ой танковой Краснознаменной Армии по дорогам войны я прошел большой и нелегкий путь, принимая участие в боевых операциях Калининского, 1 и 2-го Прибалтийского, 1-го и 2-го Украинского фронтов. Закончил войну в поверженном Берлине [53].

Гусишный Иван Михайлович **Немцы охотились за каждой нашей «Катюшей»**

До 1941 года я жил в Архангельской области, занимался заготовкой леса и был мастером в своем деле. 22 июня объявили о том, что началась война, но поначалу на фронт меня не призывали, потому что тогда требовались специалисты в лесной промышленности. До 1942 года я был на «брони», это значит, что нас не призывали, а просто оставляли работать. В 1942 году с меня ее сняли и призвали в армию. И я сразу попал под Сталинград. Воевал до 1944 года в 266 гвардейском минометном полку. Мы тогда разгромили

армию Паулюса под Сталинградом и за участие в Сталинградской битве нашему корпусу присвоили звание 3-й Гвардейский Котельниковский корпус.

Уже в 1943 году нашу часть направили на фронт на Курскую дугу. Это были очень тяжелые летние бои. Все горело, даже железо горело. Немцы за нами охотились. Если в 1941 году немцы охотились за каждым солдатом, с самолета гоняли, то в 1942-1943 году они охотились буквально за каждой нашей «Катюшей». Их целью был захват и уничтожение нашей техники. Случалось и так, что им это удавалось. Самое главное для них это был захват техники именно со снарядами, ведь техника без снарядов приносит мало пользы. И нам было приказано не оставлять ни одного снаряда даже если мы попадем в окружение. У нас был только один случай, когда мы попали в окружение, но уже через три дня противник был повержен, и мы всем отрядом пошли дальше. Ну, как вы знаете, битва на Курской дуге закончилась успешно для наших войск. В этой битве было много раненых и убитых как с одной, так и с другой стороны, но советская армия выжила и пошла дальше: Курск – Орел – Белгород – Харьков – Киев и т.д.

В 1943 году, в ноябре месяце, меня контузило. Я был две недели без памяти, а когда пришел в себя, оказался в госпитале в Туле. Там я пробыл с октября и до января 1944 года. В 1944 году меня выписали, но на фронт больше отправить не могли. После этого меня направили в промышленность все в той же Туле. Потом приехали из Конаково вербовщики, набирали всех, кого только могли взять в промышленность, а так как я имел специальность мастера леса, то меня тоже взяли. И вот с 1944 года я проживал в Тверской области и работал в Домкино, где располагался лесной пункт. 9 мая 1945 года, когда я находился в деревне Федоровской, объявили о том, что война закончилась. Естественно эта новость сопровождалась всеобщим ликованием народа... [54]

Дегтярев Борис Васильевич

Немцы сражались яростно и фанатично

О войне говорили много, и что она будет, никто не сомневался, но когда она начнется никто знать не мог. Говорили, что, если нач-

нется, то будет недолгой, что наша армия разобьет любого врага как в песне «Если завтра война». Но, все же, началась война как-то неожиданно. Узнали мы уже часа в два дня 22 июня 1941 года в воскресенье. Узнали в сельском Совете. Им по телефону передали из районного центра, ведь радиоточек никаких не было. Буквально на следующий день начали приходить повестки. Так началась общая мобилизация. Сначала призывали мужчин средних лет, а в июле и августе начали призывать уже и молодых, 1920-23 годов рождения. В начале осени в небе начали появляться немецкие истребители со свастикой на крыльях. Они просто пролетали над деревнями и огня не вели.

Потянулись бесконечные потоки людей. Среди них были и беженцы из западных районов и много мужчин, по-видимому, нестроевых частей. Они были плохо одеты и голодали, стучали в окна домов с просьбой дать им поесть. А мобилизация в армию продолжалась, и в армию ушел мой брат 1924 года рождения. После короткого обучения в «Песочных лагерях» (Песочное Ярославской области – ред.) он был направлен подо Ржев, где был ранен и позднее умер в госпитале.

В деревнях не осталось мужчин, остались женщины, старики и мы, почти мальчишки. С точки зрения настоящего времени, может сложиться картина хаоса, грабежей, убийств и т.п., но ничего подобного не было. Люди были голодны, но не воровали и не грабили, а просили. Нынешнему поколению необходимо усвоить, как с достоинством могут вести себя люди в таких тяжелых условиях.

В начале 1943 года наш 1926 год рождения прошел приписку и медицинскую комиссию, которая проводилась «на глазок». Руки есть, ноги есть – годен к строевой. После начались сборы. Мы обязаны были являться в назначенный пункт сбора и проходить обучение. Пункт этот находился в деревне в девяти километрах от нашей деревни. Я пишу во множественном числе, поскольку я ходил не один, нас было трое. На этом пункте нас обучали строевой подготовке, владению винтовкой. Мы ходили строем и пели песни «По долинам и по взгорьям» и другие с деревянными ружьями на плечах. Ружья мы делали сами из дерева. Нам сказали, что по весу оно должно соответствовать настоящей винтовке. Для этого годилась только береза. Вот и все обучение на сборах, а являться надо было в любую погоду как военнообязанному, но не принявшему присягу.

В 1943 году подошла моя очередь. В августе мне исполнилось 17 лет, а начале ноября меня призвали в армию. В районный военкомат г. Кашин Калининской области явилось довольно много таких как я. Продержав несколько часов, нас построили в колонну, и мы двинулись к железнодорожной станции. Что творилось словами трудно передать. Ведь нам было по 17 лет, еще подростки, а нас увозили не на какую-то там стройку, а на войну, на смерть, поэтому нас провожало много родных, и все навзрыд плакали, что-то кричали. Я сам лично перенес все это, я бы сказал «нормально». Шагам себе и шагал в колонне с большим «сидором» (вещевой мешок – ред.) сухарей за плечами. Погрузили нас в товарные вагоны с двумя ярусами нар и через какое-то время мы уже направлялись к Москве.

В Москву на товарную станцию мы прибыли затемно. Покрутили наш эшелон порядком и, наконец, привезли в Щелковский район, поселок Свердловск и на станции Осеевская нас высадили. Пройдя лесом километра два, мы оказались в районе подмосковных дач, в которых мы и жили, и обучались снайперскому делу в училище младшего командного состава. А уже летом 1944 года пешком пришли в город Дмитров Московской области, где находились до августа месяца. В августе нас начали срочно готовить к отправке на фронт, занятия прекратили, а так как мы не прошли положенного срока обучения нам были присвоены звания ефрейторов. Так в звании ефрейтора я прибыл в войсковую часть, которая на Западной Украине вела борьбу с бандами под предводительством Бандеры. Мы заходили в селения, в дома жителей, ходили цепью по лесам Западной Украины. Устраивали ночные засады в домах и в поле, лежа на земле. Ночи уже были довольно холодные. Борьба с бандами была успешной. В сентябре нас перебросили в Белоруссию во фронтную часть, которая пополнялась людскими резервами и техникой. За какие-то два дня соорудили землянки вместимостью 200-250 человек каждая. У входа в землянку стояла печка (железная бочка, в которой горели дрова). В землянке было довольно тепло.

...Шел 1945 год. Последние месяцы войны с ордами немецко-фашистских захватчиков. Наша 37-я танковая бригада шла с боями по земле, на которой выросли палачи, начавшие кровавую и жестокую войну за господство над всем миром. Но это были уже не те оголтелые фашисты, какими они были в начале войны. Конечно,

в боях они ожесточенно сопротивлялись, но уже чувствовали, что близок их конец. ...В Висло-Одерской наступательной операции 37-ая механизированная бригада 1-го механизированного корпуса, 2-ой танковой армии 1-го Белорусского фронта вступила в бой 13 января 1945 года. Наши танки и мы, танковые десанты, разрушая оборону немцев, стремительно подобно урагану, входили в бой. С хода брали города и населенные пункты. Внезапное появление наших танков в расположении немцев, и сокрушительные удары, ставили немцев в положение, при котором, они не смогли должным образом сопротивляться, поэтому во время боя были уничтожены, были и пленные.

В польских городах и населенных пунктах население встречало нас с восторгом и радостью, бросая угощенья на наши танки, в котором, порою, мы нуждались, т.к. армейская кухня с супом и кашей ехала где-то далеко позади. А питались мы тем, что находили в магазинах или в домах граждан.

Наша бригада пересекла границу с Германией ночью. И обстановка резко поменялась, я имею в виду то, как встречало нас немецкое население. Большинство людей отсиживалось в укрытиях, никак встреч. Они, конечно, должны были знать какие зверства чинили их доблестные воины на нашей земле, и ждали возмездия за все те издевательства, но лично я с нашей стороны этого возмездия не видел.

В конце января мы форсировали Одер по льду севернее г. Кюстрина. На льду было довольно много воды. При обстреле немецкой артиллерией из самолетов нам бывало, случалось и падать (ложиться) на лед, принимая холодные ванны, а ведь сушиться было негде, да и время на это не было.

После переправы снова в путь и в бой. Приходилось передвигаться и по лесным дорогам, где встречались группы солдат, но в плен их брать нам не позволяло наше положение, ведь на броню танков их не посадишь. И мы слышали, как по радиации командир танка сообщал координаты нахождения этих групп, а танки мчались дальше.

Наступил февраль месяц. Нам сообщили, что будет длительный марш, командирование перебрасывает нас на другой участок фронта, где предстояло участие в боях в ходе Восточно-Померанской операции.

С каждым днем мы приближались к Берлину. Бесконечные веницы беженцев тянулись по направлению к городу. Помню, как наши три танка ушли в разведку в тыл врага. На одном из танков был и я. В пути мы наткнулись на колонну беженцев. Большинство из них шло пешком, другие ехали в легковых автомобилях, которые тащили лошади (весь бензин шел только на фронт). Если смотреть со стороны, то казалось, что ничего подозрительного нет, но проверив несколько повозок, мы вытащили из них переодетых немецких офицеров. Узнав о силе противника, мы с боями вышли к своим.

...Был светлый весенний день 15 апреля 1945 г. Наша 37-я Слуцко-Померанская, орденов Суворова и Кутузова механизированная бригада 1-го Красноградского механизированного корпуса 2-й гвардейской танковой 1-го Белорусского фронта армии в этот день выходила на исходные позиции, чтобы на следующий день 16 апреля начать наступление на Берлин. Чувствовалось приближение конца войны, и у всех было приподнятое настроение.

Воевал я в роте автоматчиков танкового десанта. Ехали мы, стоя на броне танков, наша бригада была оснащена американскими танками «Шерман». Как в предыдущую наступательную Висло-Одерскую операцию в январе-феврале 1945г., так и эту Берлинскую операцию нашей роте предстояло постоянно и днем, и ночью, находясь на танках, вести боевые действия. С самого начала Берлинской операции нашу 37-ю мехбригаду перебрасывали с одного участка фронта на другой, она с хода вступала в бой, стремительно занимала города и населенные пункты. Были потери в людях и технике, но бригада все ближе и ближе подходила к Берлину.

Наконец настал день, когда бои уже разгорелись на окраине Берлина. В ночь с 22 на 23 апреля наша бригада в составе 1-го мехкорпуса вышла на окраины города и завязала уличные бои в самом Берлине. Они были ожесточенными. Наши солдаты и командиры знали, что близок час победы, и горячо рвались в бой, а фашисты понимая, что пришел час расплаты, бились остервенело. Девять суток ни днем, ни ночью не прекращались уличные бои. Каждый дом, каждый этаж брали с большими усилиями и большой кровью. Немцы сражались яростно и фанатично, порой было трудно определить, где наши, а где немцы. Шел несмолкаемый грохот залпов наших танков, которые шли по улице, просматривая, откуда ведут

огонь артиллерия и фаустники немцев, вынуждая их замолчать своим огнем. Город, с приходом темноты, немного притихал, освещаемый световыми ракетами, а с рассветом снова начиналась бойня. Приходилось несколько раз бывать в тылу у немцев, т.к. тогда просто невозможно было понять, где проходит линия фронта.

Часто во время боя случалось и так: вдруг тебя обнимают и целуют наши люди, которые насильно были угнаны в Германию. Опишу один эпизод из моей фронтовой жизни этого периода, т.е. в Берлине. В одной из таких ночей наше отделение автоматчиков зачищали дома от засевших там немцев, мы попали в общежитие какой-то фабрики, на которой работали наши русские девчата, привезенные из нашей страны – их было довольно много. Получилась неожиданно интересная встреча: ночью, в чужой стране в такой обстановке – и вот тебе, ниши родные девчата. Они были безмерно рады этой встрече. Встречу, как сумели, отметили: все, что было съестного у нас в вещмешках и что было у девчат – все оказалось на столе. Вот так мы повстречались со своими на чужбине.

Небольшой перерыв, и снова в бой и кровь. Это продолжалось до 2-го мая. И вот пришел, наконец, этот долгожданный день 2-го мая. Много горьких и радостных минут пришлось пережить нам в это время, во время, когда вот-вот должен был наступить час победы. И он пришел этот долгожданный час. Еще вчера, т.е. 1 мая, шли грозные бои на улицах Берлин, а сегодня 2 мая, все стихло. Он встретил нас настороженной тишиной. Было непривычно тихо. Мы еще не знали, что в этот день Берлин сдался. Почувствовали это только тогда, когда из подвалов и дверей домов выходили немцы без оружия с поднятыми вверх руками. Видя это, мы поняли, что бои в Берлине кончились. Были отдельные выстрелы фанатов, засевших на чердаках и пристройках домов. Отовсюду шли колонны пленных немцев, лежали груды оружия, и около них стояли немцы с поднятыми руками. В этот день фашистская Германия приняла безоговорочную капитуляцию.

Нашему счастью и радости не было границ. На большой площади города собралось очень много наших воинов, радости и ликование не было конца. Было много и гражданских немцев, у которых на груди были приколоты значки с изображением Ленина. Они нам, как умели, доказывали, что они были антифашисты и они за мир всех народов. Чему, я лично, был крайне удивлен. Мощным

салютом из орудий, винтовок и автоматов встретили мы этот прекрасный и великий день – День Победы.

Через какое-то время командованию нашей части было приказано покинуть Берлин. На окраине города, сидя на броне танков, мы видели как из-за кустов или углов домов, играя, вели по нашим танкам «огонь» немецкие ребятишки из игрушечных автоматов. Вот такой круговорот нашей жизни получается... [55]

Деднев Павел Алексеевич **По барханам и безводью – к Победе**

8 августа 1945 года советское правительство объявило войну Японии. После артподготовки в 5 часов утра мы перешли границу. С боями мы продвигались вглубь Манчжурии. 12 августа подошли к сильно укрепленному району противника, где завязались ожесточенные бои.

Мы несли потери. Спасение было одно: железнодорожная насыпь, где мы продержались до вечера 13 августа, когда подошли наши огнеметчики (так называли мы «Катюши»). Во время залпа впечатление было такое, как будто горела земля. Дальше – барханы, безводье. Небольшими группами японцы из засады открывали сильный огонь.

Преодолев барханы, мы подошли к Большому Хингану. Сопротивление Японии было к этому времени уже не таким значительным. Когда мы преодолели Большой Хинган, нам объявили, что Квантунская армия капитулировала. Сколько было радости и гордости за нашу Родину, за нашу победу... [56]

Дементьев Александр Данилович **Солдатские откровения**

Начало войны

Родился 30 августа 1925 года в дер. Максимцево Тверской обл. 1941 год – окончание 7-ми классов и начало Великой Отечественной Войны. В сентябре открыли школу в Стоянках. Я начал учиться в 8 классе. Учились с перерывами на копку картошки в

колхозе. В середине октября школьники разбежались по домам: немцы заняли г. Калинин (правую сторону р. Волги).

Жители бежали, сея панику, из города в легкой одежде, захватив узелки с кое-какими пожитками. Позже вызывали повесткой в школу снова, но время было тяжелое, мы, 16 летние, остались в семьях за старших вместо ушедших на фронт отцов, братьев. Работали в колхозе вместе с женщинами, стариками, инвалидами.

30 октября был дан приказ эвакуировать в восточные районы колхозный скот. Старший гуртовщик Романов Иван (65-70 лет), мой брат Иван (1923 г. р.), две девушки (17 лет и 19 лет) и я (самый младший) погнали скот. Осень была морозная, вода и земля замерзли. Страшная картина стояла тогда. Для скота не было воды, корма. Приходилось доставать еду животным где попало, воруя ночью в стогах, сараях. Проходили в день 10-15 км. Трудно было людям и животным. Коровы еле волочили ноги. Поначалу издавали мычание, позже не было слышно «коровьих концертов»: многие падали на ходу и больше не вставали. На долю бессловесной скотины выпало столько мук. Лучше было их не трогать с колхозного двора.

Проклятые фашисты не перешли Волгу (от нее до нашей деревни 60 км). Кто мог знать что ждет впереди?.. Пригнали стадо до районного городка Петровское Ярославской области. Коров и овец недоставало. 12 овец съели сами во время пути, из 41 коровы половина погибла. Старший гуртовщик, без согласия, «сдал дела» Ивану, а сам уехал домой. Нас, молодых сопровождающих скот, забрали в КПЗ. После допросов и дознаний меня и девчонок отпустили. Брата оставили в милиции до суда. Мы с девушками вернулись домой в начале декабря. Потом Иван прислал письмо, что его осудили на 3 года. Больше от него вестей не было. По слухам он якобы заболел дизентерией и умер.

В нашей деревне в течение недели стояли советские воинские части, танки. Бои велись под Калинином, Кашином. Фашисты подошли к Москве. Меня поставили на воинский учет, готовили к службе в армии. Лето и осень 1942 г. проходил воинское обучение. В январе 1943 г. я был призван в армию. Повестка гласила: явиться в Кимрский РВК 24 января к 6.00 с пропитанием на 3 дня, кружкой, ложкой и прочими солдатскими пожитками. Вечером 23 января родные, соседи собрались проводить меня. После ужина все вышли на улицу. Мороз 25-27 градусов. Ждала меня запряженная в

сани лошадь, приготовленная сестрой Валею. В доме оставался я с 4-х летним братом Толей и соседка тетя Тоня Зайцева.

Когда я переступал порог, держа в руках братика, в дверях встала соседка с керосиновой коптилкой в руках. «Угаси коптилку через порог — вернешься домой живой», – говорит она.

Комсомольцем я не был еще, но и суеверным тоже. Возразил: «Тетя Тоня, мороз. Братишка замерзнет». Но она настояла, чтобы я угасил коптилку. «Ну вот и хорошо», – сказала женщина, – теперь будем ждать тебя живым с войны». Я, конечно, забыл этот случай. Во время службы много пережито трудностей, но мыслей о том, что убьют, не было. То, что жив, считаю счастливой случайностью.

Из нашей деревни уходил на военную службу вместе со мной Миша Румянцев, у которого на фронте уже были три брата. Все четверо на войне погибли.

Служба

Началась моя служба в Чебоксарах Чувашской АССР. Туда прибыл сформированный в Кашине эшелон допризывников 1925 г.р. Кимрского, Калязинского, Кашинского районов. Город Чебоксары был расположен на правом берегу Волги, наш военный лагерь – на противоположном. Строем переправили нас по льду через Волгу. Мороз стоял сильный. Поселили нас в деревянно-земляной барак 160 человек.

Меня определили в учебную батарею 45 мм пушек. Распорядок жизни армейский. До марта месяца ходили в своем гражданском, на ногах валенки. Обувь сушить негде (имеющаяся сушилка не помещала 160 пар). Затем выдали старые шинели и ботинки с обмотками. До мая месяца нас учили теории, тактике огневой подготовки. Никуда не разрешалось ходить одному, только строем (редко виделся с земляком Мишей Румянцевым, хотя были в одном полку, – он попал в пехоту). На День Советской Армии 23 февраля водили в городской театр на концерт.

Гороховецкие лагеря

В начале мая нас отправили в Гороховецкие лагеря, расположенные в 60 км от Горького вдоль автострады Москва – Горький. Там готовили бойцов и командиров (сержантский состав) для действующей армии. Учебный взвод (40 чел.) разместили в землянку,

покрытую накатом бревен и заваленную землей толщиной около метра. Нары (постели) из песка. Мы сами из прутьев кустарника связали «маты» шириной 60-70 см и толщиной 4-5 см. Маты укладывались на нары, покрывались простыней. Были еще простынь верхняя, байковое одеяло и подушка, набитая травой.

Через три дня при оттаивании земли подгнившие бревна не выдержали. Обвал случился ночью. Трое солдат погибли под рухнувшими бревнами. Многих откопали из-под бревен и земли, отправили в госпиталь. Землю с крыши землянки сняли, заменили гнилые чураки, заделали дерном бревна. В таких условиях спали лето. Когда шел дождь, на спящих текла грязная вода с песком. Накроемся одеялом с головой, только пар идет от «живых трупов».

Были мы изнурены: кожа да кости. Распорядок дня таков:

4.00 – подъем. Шли в лес за дровами для кухни, где кормились несколько тысяч человек. Носили бревна для строительства новых землянок взамен гнилых, провалившихся. После «лесной прогулки» завтрак. Далее 4 часа занятий. Обед. Затем еще 4 часа обучения. После ужина снова в лес за 4-4,5 км на добычу бревен. Одно бревно несем 10-15 человек. Тащить бревна не было сил, еле тянули ноги. Работали до 23 -23.30. Если успевали до 23.00, весь полк выстраивали на плацу на вечернюю проверку и 10 минутный строевой марш с песнями. Мы ухитрялись опаздывать. Бросив бревна в определенном месте, шли свободно «без строя» в землянку и падали замертво до следующего утра. И так 9 месяцев гороховецкой закалки. После окончания курсов мне присвоили звание сержанта. А далее фронт.

Фронт

Утром 1 февраля 1944 года мы прибыли в город Павлоград Днепропетровской области, только-что освобожденный от врага. Я был назначен командиром отделения разведки 751 зенитного дивизиона 85 мм пушек, подчинявшегося штабу Первого Красноградского механизированного корпуса 2ой танковой армии Семена Ильича Богданова. Через месяц оказался в 219 танковой бригаде полковника Михаила Григорьевича Хлюпина (дивизион был расформирован) на Т-34 стрелком-радистом. Мы ждали технику. Вместо Т-34 пришли американские танки «Шерман», полностью укомплектованные экипажем. Отправили меня в роту десантни-

ков-автоматчиков. Наши ребята из батареи 76мм пушек рассказали командиру истребительной противотанковой артиллерийской батареи капитану Сакара, что я артиллерист, а «ползаю» в пехоте, и он взял меня к себе.

Первые впечатления о войне

В тылу нас готовили к боям: учили стрелять, строевой подготовке, тактике, уставам, караульной службе. Как будет на деле никто нам не говорил, и мы об этом не думали. Не предполагали в какой боевой обстановке окажемся. Ум-то у нас был ребяческий. Впервые налетели на нас самолеты, когда колонна шла в лесу. Летели они, правда, на высоте 1,5-2 км и, возможно нас и не заметили. Были, конечно, команды «Воздух», приходилось выпрыгивать из машины и рассредоточиваться по командам. Второй раз колонна шла в чистом поле. Ровная местность, травка зеленая, ни ям, ни канавок на поле да и кювета у дороги не было. Внезапно навстречу колонне вылетели на бреющем полете «Мессершмиты» и с хода начали обстрел из пулеметов. Колонна остановилась. По команде все разбежались кто куда.

Старики, выдавшие войну, искали укрытия. Я, увидев красивый полет самолетов — из крыльев летят огоньки, стою у машины и любуюсь зрелищем, которое наблюдал впервые. Один старый солдат матом закричал на меня: «Что рот разинул? Прячься в ровик!». Я сел на дороге у колеса машины. На меня еще сильнее закричали: «Бьют по машинам! Уходи скорее!». Я отбежал от дороги в сторону метров на десять. Встал на землю на колени и таким образом любовался «красотой обстановки». Самолеты делали круг за кругом, обстреливая колонну. Около меня в 2-3 метрах разрывались пули из крупнокалиберного пулемета, в воздух поднимались клочья черной земли. Я так увлекся этим зрелищем, что забыл обо всем на свете.

К счастью, видимо, у немцев не было больше боеприпасов, они, сделав еще круг без выстрелов, улетели. Колонне особого вреда не причинили. После, когда попадали в такие переделки, поступал уже по-другому. Слушал старших товарищей, выдавших войну. Сам себе удивлялся: какой же был глупый, дурачок. Война быстро научила делать то, что должен каждый солдат в боевой обстановке.

Бои в Белоруссии

Наш корпус освобождал Орел, Курск, Днепропетровск. Мы думали, что будем двигаться дальше по Украине. Однако после пополнения частей живой силой и техникой Первый Красногвардейский механизированный корпус двинулся в обратном направлении. Первая остановка с горячим обедом была в Смоленске. Город был полностью разрушен. Кругом груды красного кирпича. Прибыв на место дислокации, наша бригада встала в лесу под Гомелем. В июне (точно число не помню) наша артиллерия начала артподготовку, которая длилась 2-2,5 часа. Затем пошла авиация — штурмовики ИЛ-2. День стоял солнечный, но от дыма и гари солнца не было видно. Кругом слышен сплошной гул. Наша армия вступила в решающий бой.

Четыре дня в наступлении, без пищи, без горячего. Нас нашел комбриг полковник Хлюпин М.Г., привез ящик консервов и 20 буханок хлеба на батарею. Наступление было стремительным. Мы с боями продвигались на запад. Полевая кухня не могла нас найти. Командир бригады сказал, чтобы мы стояли на месте, ждали кухню. Вечером был доставлен горячий обед, и мы смогли подкрепиться.

Движение «на запад» было условным. Наступали во все стороны. Заходили на 70-80 км в тыл врага на помощь партизанам. Направление наступления поступало от командования. Ночью без света проезжали через деревни, где находились немцы. Двигались бесшумно, не вызывая подозрений у врага. Занимали в определенном пункте круговую оборону. На рассвете завязывали бой. Держались до подхода основных сил бригады. В состав нашей разведгруппы входила артиллерийская батарея, два «Шермана», иногда две машины с пулеметчиками и 82-мм минометы БМ-37. Враг в панике отступал, не зная, откуда могут появиться русские. Получалось так: нас окружили немцы, и в то же время они уже были в кольце у советских войск. Много горя пережили жители освобождаемых белорусских деревень.

Узники

В июле при непрерывном наступлении по пятам врага ворвались в деревню и, развернув орудие в саду между яблонями, вели огонь по отступающему противнику. При разворачивании пушки

не заметили, как раздавили бутылку самогона литров на 30. По всему саду распространялся алкогольный запах. Обнаружили раздавленную бутылку лишь когда по команде «отбой» стали прицеплять пушку к машине.

Немцы отступили в лес, расположенный метрах в шестистах от деревни. На околице колонна дивизиона остановилась до выяснения обстановки и разведки. Я стоял около машины. Вдруг ко мне подбегает немой мужчина лет сорока и, взяв меня за руку, предлагает идти с ним. Командир орудия разрешил пойти и узнать, что там у него случилось. Я шел сзади незнакомца. Через сто метров немой куда-то исчез. Я удивился его быстрому исчезновению, побежал вперед. Через несколько секунд он появился, вылезая из люка сделанного в земле убежища. Люк был так сделан из дерна, что незаметно закрывал лаз в убежище. Немой выбрался из ямы, держа в руках бутылку самогона. За ним быстро выбрались две симпатичные девушки. Бросились мне на шею, плачут, целуют, говоря, что за все четыре года видят первого солдата-красноармейца. Четыре года оккупации сестры (17-ти и 19-ти лет) скрывались в яме от немцев, чтобы их не угнали в Германию.

В колонне уже была слышна команда «по машинам». Разговаривать о их жизни при немцах времени не было, но встреча потрясла меня. Сколько горя и страданий причинили проклятые фашисты нашему народу. Я побежал к машине. Колонна двинулась дальше за отступающим противником. Наша задача — вперед на Запад!

Война без жертв не бывает

Продвигались по Белоруссии. Обстановка не предвещала осложнений. 219 Танковая бригада (наша артиллерийская батарея в ее составе) остановилась в белорусской деревне. Въехали без сопротивления, так как противника не было. Впереди шла разведка. Выехав на перекресток шоссе Гомель-Минск, разведчики установили пост наблюдения во ржи. Наша разведка знала, что остатки разбитого 41-го танкового корпуса немецкой армии (внутренняя единица) оказались в тылу советских войск.

Разведчики находилась на перекрестке дорог в густой высокой ржи. С восточной стороны показался передовой немецкий авангард в составе двух мотоциклистов и грузовой машины с немецким автоматчиками. За ними по шоссе шла колонна немецких танков.

Они были окружены нашими частями. Разведчики из засады дали команду «Хэнде Хох». Командир разведчиков, лейтенант, на ответ немцев «Мадьяр, мадьяр» (что означало «венгры») дал очередь из автомата. В итоге пять убитых немцев, мотоцикл и грузовая машина – наши трофеи.

Основной задачи мы не знали и этим печально поплатились. Проехав по шоссе 500 метров, остановились в другой деревушке. По русской беспечности забыли, что идет война стояли в этой деревне два часа. Пробовали «на зуб» шофера трофейную машину. Всем хотелось испытать немецкую технику. Через четыре часа приказ: «Отступить за перекресток до оставленной деревни. Ждать дальнейших указаний».

Во второй половине дня немцы, пользуясь нашей беспечностью, окружили деревню, в которой мы находились, со стороны возвышенности, с другой стороны деревни – болото. Было уже поздно что-либо предпринимать для обороны, нужно срочно действовать. Немецкие танки открыли огонь по деревне. Наша артиллерийская батарея, стоявшая на окраине деревни, стала вести огонь по танкам. Неожиданность нападения фрицев была результатом нашей беспечности. Оставшиеся живыми после встречи с нашими разведчиками немцы, видимо, доложили остановку основным силам. Те завязали с нами бой.

На подмогу немецким танкам подоспели «Мессершмиты». За пять часов боя мы потеряли всю батарею 76 мм пушек, 22 танка и 900 десантников-пехотинцев. Сгорели все машины с боеприпасами. Пушки остались без снарядов. Вся деревня в огне. В огне-пекле ходил вокруг стоявшего на отшибе небольшого, обитого тесом синего домика старик с иконой в руках до тех пор, пока не прекратился этот ад.

Сгорела дотла деревня (домов 80-90). Уцелел один синий домик. Нам нужно было выходить из немецкого окружения. Ситуация сложная: стрельба немецких танков, самолетов, сплошной дым. Когда стали гореть машины, подожженные «Мессершмиты», нам стало опасно оставаться рядом. Немецкие летчики стреляли по людям (летали на высоте 20-30 м, хорошо просматривали все, что происходило на земле).

По какой-то причине я остался у орудия вдвоем с дядей Васей Сидоровым (сибиряк из Омска). Ему было 52 года, звали солдаты его батя. Разобрав у пушки замок, завернули его в тряпку и зако-

пали в землю. Ствол орудия забили землей. Таким образом спасали орудие. Нам нужно было перебежать между горящими домами. Батя объяснил мне, как нужно действовать при перебежках: «Летит самолет над тобой. Не долетев сто метров до земли, он уже не может из пулемета поразить цель. В это время и нужно бежать». Он перебежал первым, показав не пример. Самолеты пролетали друг за другом, обстреливая нас. Выбрав нужный момент, я побежал через дорогу. Под пули первого «Мессершмита», а другой, летевший за ним (я его не ожидал), дал неожиданно очередь по мне. Передо мной полметра правее прошла трасса крупнокалиберных разрывных пуль. Вероятно, родился я «в рубашке».

Прибежал в дом. Меня в дверях встречал дядя Вася. Похвалил за правильные действия. «Мессершмиты» все еще кружили над нами. Я встал около открытой двери, придерживая ее руками. Наблюдал за самолетами. Батя отстранил меня от двери, сказав, что немец все видит и даст очередь. Я послушался, отошел, а дядя Вася занял мое место. Не успел я сделать три шага, взрывной пулей старому солдату перебило пальцы правой руки. Мне горько и смешно. Разорвал свою рубаху, перевязал ему руку. Говорю: «Меня оттолкнул, а сам подставил руку под пули». В ответ услышал: «Ты молод, тебе еще жить». Ответить мне ему было нечего.

После налета вражеских самолетов мы отправились искать свою батарею. В огородных грядках я нашел краюху хлеба и литровый горшочек русского масла. Этот «паек» пригодился: трое суток были без еды. Первого встретил командира батареи капитана Сакара. Немцы с пригорка обстреливали из танков. Мы перебежали по полю ржи, где по-пластунски, где полу согнувшись. Через полчаса встретили 20 наших танкистов, покинувших свои сгоревшие машины. Вдруг навстречу движется немецкий «Тигр». Все разбежались во ржи кто куда. К счастью немцы нас не заметили.

После «перекура» двинулись дальше. Опять на нас идут два танка. Эти оказались уцелевшие наши. На танках мы доехали до деревни, где остановилась на ночлег, выставив кругом охрану. Подтянулись другие бойцы батареи. Раненный дядя Вася лег на танк, укрывшись брезентом. С ним расположился еще один боец.

Ночью неожиданно в наше расположение вклинился немецкий бронетранспортер. Увидев советский танк, стоявший у моста (протекала речка шириной пять метров), он со всего хода въехал в бо-

лото, почти весь ушел под воду. Немцы успели бросить гранату на танк, где лежали наши солдаты. Граната разорвалась между ними. Батю ранило в руку. У другого взрывом вырвало грудь. Через полчаса он умер. Когда стало светать, танкисты стали цеплять трос, чтобы вытащить бронетранспортер. Увидели стоящих по шею в воде немцев. Их сразу же расстреляли.

Днем комбат отправил меня сопровождать раненого Сидорова в госпиталь. Выйдя из окружения, через 15 км мы обнаружили госпиталь, расположившийся в барском поместье. (Через месяц дядя Вася прислал письмо уже из дома. Писал, что демобилизован, остался без руки.) Я вернулся в свою артиллерийскую батарею. Нам дали другие машины взамен сгоревших. Пушки мы нашли свои (там, где прятали в землю замки орудий). Продолжали освобождать земли Белоруссии. Наши войска разбили немцев, и был взят в плен командир немецкого танкового корпуса.

Гибель командира 219 танковой бригады

13 июля 1944 года в районе границы с Польшей в низменной болотистой местности подполковник Хлюпин М.Г. руководил переправой. Накопилось очень много наших войск, техники. Немецкие самолеты периодически налетали на скопление наших войск, жестоко бомбили и обстреливали из пулеметов. Около нашей машины с пушкой стоял бронетранспортер с зенитным счетверенным пулеметом. На борту было нарисовано много звездочек – количество сбитых вражеских самолетов.

Во время одного налета наши зенитки били по немецким «Мессершмитам», летающим на высоте 1,5-2 км. Снаряды рвались вокруг истребителей, но вреда им не причиняли. Лейтенант – командир бронетранспортера стоя рядом с машиной и наблюдал. Затем влез в машину, сел за ручку пулемета, сделал пристрелочную очередь трассирующими пулями по самолету. Снаряды прошли рядом. Потом выпустил по фрицу длинную очередь. Один «Мессершмит» загорелся и пошел с пламенем к земле. Лейтенант, как ни в чем не бывало, спустился с машины и опять встал рядом с ней. Прибавилась на борту еще одна звездочка.

Вдруг разнесся слух, что погиб командир бригады Хлюпин М.Г. Слух подтвердился. Случилось это так: немецкий самолет, пикируя, бросил на скопление наших войск бомбы. При падении

бомбы издают воющий звук, и, примерно, знаешь, где они упадут. Подполковник Хлюпин стоял у небольшой насыпи (бруствера) окопа, в котором находился солдат. Чувствуя неминуемый разрыв рядом, солдат сказал командиру, чтобы он падал в окоп. А командир бригады толкнул солдата в окоп, а сам находился рядом с бруствером. В это время в 5-6 метрах от него разорвалась бомба, и ему осколком или взрывной волной вырвало правую сторону грудной клетки. Вскоре он скончался.

Героя Советского Союза подполковника Хлюпина Михаила Григорьевича похоронили в г. Слоним Барановичской области Белоруссии. Я принимал участие в похоронах от нашей батареи. Салют давали партизаны, которые тоже присоединились к похоронам. Позже на могиле был установлен танк Т-34. В конце июля Белоруссия была полностью освобождена советскими войсками. Командовал в летом 1944 года 1-ым Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Рокоссовский Константин Константинович.

Будучи на территории Польши нашу 219 танковую бригаду сняли с фронта и направили обратно на юго-запад. Ничего о этом не разъяснялось. Мы недоумевали зачем нас отправляют с фронта в тыл. Переехали границу, и выяснилось, что едем в леса Украины под Львов. Там на дорогах, в лесах и селах бандеровцы вели бои с тыловыми частями, терроризировали население, уничтожая представителей власти, коммунистов, активистов. Боролись против советской власти за «самостоятельную Украину без Советов». Пришлось нам принимать участие в разгроме этих банд. Можно даже сказать не банды, а настоящие воинские части, хорошо вооруженные. Через 10-12 дней нас сняли с этой операции. Мы возвратились в Польшу.

В Польше

Еще не доходя до Бреста, оставшиеся от батареи два орудия передали в артдивизион 35-ой механизированной бригады, так как их сильно потрепали немцы. Пушки были одинаковые. Нас окончательно перевели из 219 танковой бригады в 35-ую мех. бригаду под командованием полковника Петрова Ивана Петровича, в составе которой я дошел до Берлина.

С боями дошли до реки Вислы. В октябре-декабре 1944 года бригаду вывели на формировку. Нужно было восполнять потери

во время боев живой силой и техникой. Стояли в лесу в 3 км от небольшого городка Сточек в Польше. Отдыхом это время нельзя было назвать. Сами делали себе жилье (землянки). Рыли котлован метр-полтора глубиной, стены и перекрытия из бревен (благо лес рядом). Всю эту конструкцию заваливали землей. Вход в такое жилище закрывали плащпалатками. Для солдат и сержантского состава землянки были общими. Офицеры располагались по 4 человека в маленьких землянках, отапливаемых дровами в железных печурках. Для техники — пушек и машин — копали капониры (земляная постройка, открытая сверху).

Поступило пополнение – ребята 1926 года рождения. Время проходило в занятиях артиллеристов, связи, разведчиков. Велась подготовка к дальнейшим боям. На одном из занятий был ранен пулей из карабина командир дивизиона капитан Баско. Находясь на командном пункте, он подавал данные и команды дивизиону для ведения огня с закрытых позиций. Из рук у него выпал дневник записей. Капитан нагнулся, поднял дневник, не успев выпрямиться во весь рост, как пуля пробилла ему ягодицу, не повредив кость. Виною ранения оказались наши солдаты, охотившиеся на зайцев. В то время в лесах и полях зайцев было много. Так вот одна шальная пуля и угодила капитану в ногу.

У командира батареи Чистякова болел желудок. Врачи ему советовали пить молоко. В километре от лагеря была небольшая деревенька. Комбат договорился с одним польским крестьянином брать молоко в обмен на сахар и мыло, которых не было у населения. Посылал он меня каждый день после завтрака. Я выполнял этот приказ. В доме жили мужчина 55 лет с женой и 16-летняя дочка красивая, застенчивая. Когда я приходил в дом, в первую очередь меня усаживали завтракать. Я отказывался, говоря, что сыт. Хозяин грозил отказом дать молоко и наказанием капитана за невыполнение поручения. Приходилось подчиняться.

Отец и мать садились на скамейку рядом, дочь одна напротив. Скамья посредине служила столом. Меня сажали отдельно за столик, на котором лежала целая краюха деревенского хлеба, нож, ложка. Хозяин говорил, чтобы я отрезал хлеба сколько не нужно. Вся семья хорошо разговаривала по-русски. Поляк когда-то служил в царской армии в Сибири. Царство польское в то время находилась в составе России. Мои походы за молоком продолжались

два месяца. Напоследок хозяин сказал: «Разобьете Гитлера, по пути домой заезжай к нам. Отдам за тебя замуж дочку. Увезешь ее в Россию».

Конечно, у меня с девушкой ничего близкого не было. Я и разговаривать не смел с ней, стыдился. А слова хозяина растрогали меня, помню до сих пор. После неожиданного приказа о наступлении мы ночью по тревоге покинули место своего расположения, двинулись на Запад. Через три недели, 17 января 1945 года, форсировали реку Вислу. Столица Польши была освобождена.

Сахар принес жертвы

Стремительное наступление советских войск вело к тому, что немцы, удирая, не успевали снимать своих часовых на постах. Так случилось в польском городе Познань в феврале 1945 года. Заняв город внезапно ночью, мы остановились на одной улице и увидели немецкого часового у склада. Он даже не уходил с поста без разводящего, не понимая в чем дело. Часового, конечно, «убрали». Поляки сказали, что в складе сахар (песок).

Сбив замок, вошли в склад и увидели бумажные мешки по 50-60 кг, уложенные до верха склада (высотой 5-6 метров). Солдаты стали вытаскивать мешки снизу из штабеля. Каждый расчет набирал в машину 5-7 мешков. Когда мешки внизу были выбраны, под тяжестью верхних весь штабель рухнул. Кто из солдат не успел отбежать, был завален десятками тонн сахара. Позже оказалось, что наш дивизион тоже не досчитался солдата. Откапывать его из развалин лопнувших мешков времени не оставалось. Наступление продвигалось на Запад. И такие вот случаи бывали на войне.

Бои в Германии

Фашисты упорно сопротивлялись, но советские войска шли на запад, освобождая Польшу, Прибалтику. В конце февраля 1945 года мы вышли на границу Польши с Германией. Немецкое командование мобилизовало все людские и материальные ресурсы на сопротивление Советской Армии. Были задействованы 14 летние дети, мужчины до 70 лет. Враги шли на разные провокации даже со своим народом, обвиняя советских солдат в мародерстве и насилии.

Проехав по территории Германии 30-40 км, мы увидели старуху в легкой одежде в лесу около дерева. Мороз был 20-25 градусов, и она, вероятно, замерзла. Мы же не могли ей помочь – приказ наступать. В другом месте на снегу лежала мертвая женщина. Платье задрано к груди, в живот воткнут кол. И эти злодеяния геббельсовская пропаганда приписывала нашей армии. Правда, наши солдаты, у которых были расстреляны, угнаны в Германию близкие, родные, тоже не щадили врагов. В газетах печатали антифашистские статьи писателя Ильи Эренбурга. Его лозунгу «Убей немца!» следовали советские солдаты. Нашим воинам было строжайше запрещено чинить какое-либо насилие по отношению к народу освобождаемых стран. Сталин говорил: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается».

Мародерство, насилие грозили убийством на месте. Любой командир имел на это право. Советская Армия несла освобождение народам Европы от фашизма. Солдаты делились с немцами едой, махоркой. В немецких городах, где было голодным население, кормили с солдатской кухни горячим обедом, раздавали хлеб.

Фашистская армия с ожесточенным сопротивлением отступала к Берлину. 21 апреля 1945 года недалеко от Берлина на подступах к Бернау погиб наш командир 35 механизированного корпуса генерал-майор Амаяк Григорьевич Бабаян. Он ехал впереди, на первом танке. Из окопа в танк в упор ударили из фаустпатрона. Когда генерал-майор выпрыгнул в кювет из горевшего танка, его из пистолета застрелил немец.

Наш артиллерийский дивизион подошел к городу. Выезжая на главную улицу, мы увидели много немцев, бежавших на нас. Развертывать пушки к бою не было смысла: не было времени да и стрелять в упор нельзя – впереди заборы из провололочной сетки. Командир дивизиона капитан Баско командовал стрелять из личного оружия. Мы разбежались вдоль забора к домам, открыли огонь из автоматов и карабинов. Немцы стали бросать оружие и с криками «Гитлер капут», «Сибирь», «Плен» и шли в нашу сторону. Стрельба была прекращена. Немцев (человек 150–200) построили в колонну. Наша задача – вперед. Капитан приказал старшему по званию немцу самому вести колонну. Он строем вел своих пленных солдат в сторону наших основных частей. Мы продолжали «разведку с боем» в центр Бернау.

На Балтику

После взятия Бернау нашу бригаду перебросили на север. С боями прошли западнее реки Одер до устья, где Одер впадает в Балтийское море. Заняли прусский город Альтдамм, тем самым отрезав немцам в Восточной Пруссии отход на запад. У нас в артиллерийской батарее осталось одно орудие. Его передали в другую батарею, а мы на машинах, вооружившись фаустпатронами, воевали как пехота. Нашу 2-ую батарею так и прозвали – «батарея фаустников». После выполнения задачи выхода на Балтику нас снова перебросили под Берлин.

Штурм Берлина

В середине апреля 1945 года 1-ый Белорусский фронт (командовал Маршал Советского Союза Жуков Георгий Константинович), соединившись с войсками 1-го Украинского фронта, начал с запада штурм Берлина. Бои за Берлин были сложными и тяжелыми. Каждый дом, квартал, перекресток – крепость. Стрелял каждый оставшийся в окруженном городе немец, кто мог. Гитлер приказал драться до последнего человека. Но были среди немцев и ненавидящие фашизм – честные рабочие, коммунисты.

Советские войска занимали каждый дом, квартал города с большим сопротивлением врага. В упор по нашим танкам били из автоматов, фаустпатронов из окон домов, с балконов. Нам приходилось переезжать на машинах с пушками по эстакадам железнодорожных линий, расположенных на высоте 15-20 метров.

Внизу проходили тоже железнодорожные пути или автомагистрали улиц. Немцы не могли ожидать появления советской техники (танков, машин с пушками) из мест, где невозможно проехать. Наши солдаты, офицеры применяли русскую смекалку, чтобы обмануть врага. Были случаи, когда артиллеристы разбирали пушки, втаскивали их на 4,5 этажи, собирали и вели огонь по видимым целям, которые невозможно уничтожить с земли. С балконов, крыш домов стреляли наши минометчики. На перекрестках центральных улиц фашисты закапывали танки «Тигр». Была видна одна башня. Таки образом они могли вести огонь на 360 градусов. Такую огневую точку трудно взять и уничтожить. Башня не горит (в танке нет горючего). Выехать из такой ямы они не могли. Спротивлялись до тех пор, пока не закончится боезапас снарядов.

На Фридрихштрассе

На одном таком перекрестке по улице Фридрихштрассе был закопан «Тигр». Наша батарея получила задание: занять два перекрестка, на одном из которых закопанный немецкий танк. Расчет командира орудия старшего сержанта Лалетина незаметно подкатил 76-мм пушку к сваленной снарядом липе с густой кроной листьев. Неожиданно для немцев дали два бронебойных снаряда по башне «ТИГРА». Ошеломленные и оглушенные от разрывов фрицы выскочили из своего «гнезда» и побежали в противоположный дом. В это время расчет в составе шести человек с автоматами и гранатами побежали к танку. Немцы из окон открыли огонь. Погиб рядовой Буслаев (1927г.р.). Расчет вынужден был вернуться к пушке. Огневая точка немцев обезврежена, и вскоре перекресток был взят.

Второй перекресток приказали взять моему расчету. Передвигались по тротуару на 20-25 м., ведя огонь. Подошли к перекрестку. Я отправил связного доложить, что закончились фугасно-осколочные снаряды, командиру батареи капитану Гончарову. (Отчаянный мужик. Имел много орденов, которые у него отбирали, посылая в «штрафники» – был за войну в штрафбате 7 раз. Звания и награды снова восстанавливали.) У нас оставались только 40 штук бронебойных снарядов. Стреляли по большому количеству бегущих по улице немецких солдат. Капитан приказал держаться на перекрестке бронебойными снарядами до прихода наших танков. Все снаряды израсходовали. Подошли на помощь три Т-34. Подошедший справа танк близко к другому дал очередь из пулемета. Не учел расстояние, и пули рикошетом летели от брони соседнего танка на солдат моего расчета. Был убит пулей в затылок связной Якшин (1928 г.р.). Я командовал бойцам: « В укрытие!»

Танкисты, видя свою оплошность, прекратили огонь и отъехали назад. Стреляли только два передних танка. Мы выкатили пушку на угол улицы Фридрихштрассе, и перекресток был в наших руках. Задание выполнено. За успешное выполнение операций старший сержант Лалетин (родом с Дальнего Востока) и я были представлены к орденам «Красной звезды». Привезли боекомплект снарядов, и мы, окопавшись, вели наблюдение по всем улицам, уходившим в сторону немецких войск. Это происходило 28 апреля 1945 года.

29 апреля 1945 года – последний день войны.

Настал и мой черед...

На перекрестке окончательно был установлен контроль за всей обстановкой. Подбили фаустпатроном один немецкий танк. Взрыв фаустпатрона детонирует все снаряды в танке, танк загорается, гибнет весь экипаж. Вдоль улицы немцы простреливали все пространство из пулемета. Гибли люди, горели машины. Перемещаясь на другую сторону улицы, натывались на пулеметную очередь.

Мне было дано задание засечь пулемет и уничтожить. Около дома на тротуаре была большая куча шлака. Я залег со своей стороны для наблюдения. 30-40 минут я прослеживал с биноклем сторону, откуда велась стрельба. Пулемет молчал. Неожиданно почувствовал удар по ноге. Вроде бы как камнем, летевшим с большой скоростью. Несколько секунд был шок. Очнувшись, сообразил, что ранен (была автоматная очередь из противоположного дома). Вернулся в помещение, где на первом этаже размещался весь мой расчет.

Валентин Верещагин (второй номер расчета, москвич) снял с меня брюки, перевязал пробитую ногу. Пуля не прошла насквозь, осталась на выходе. Нога сразу сильно распухла, рана запеклась кровью, так как пуля была еще горячая (били с расстояния 15-20 метров). Через 3 часа машина скорой помощи отвезла меня в санчасть бригады. Сделали операцию: удалили пулю от немецкого автомата. Отправили в медсанбат корпуса, а затем в армейский полевой госпиталь. В госпиталь прибыл утром 30 апреля в 3.30. Так закончилась для меня война.

Гибель моего наводчика Степана Дмитриева

Я ожидал санитарную машину в слесарной мастерской нижнего этажа дома. В это время мой наводчик Степан Дмитриев (из Вологодской области) и Валентин Верещагин (москвич) ушли на «промысел». На прощанье решили достать мне хорошего рома или коньяка. Направились в кварталы, где были немцы. Отсутствовали они в течение двух, а ,может, и более часов.

Я забеспокоился: « Видимо где-то немцы их убили». Вернувшись, они рассказали приключившуюся с ними историю. Вошли в подъезд противоположного дома, спустились в под-

вал. Не заметили, что кто-то закрыл за ними дверь на ключ. В подвале нашли полбутылки хорошего вина и... встретили немцев с оружием. Фашисты, выходя из «трубы», бросали оружие. «Трубы» – это ходы сообщения между кварталами под землей. Через них немцы могли переходить в кварталы, занятые нашими войсками. «Трубы» были диаметром 1,5-2 метра. В стенах они закрывались деревянными крышками. Мы этой хитрости сначала не знали.

Степка приказал немцам идти к своим и передать им, чтобы все сдавались в плен, все равно погибнут. Фрицы ушли в «трубу». Ребята вернулись к входной двери подвала и обнаружили, что она закрыта. Пришлось выйти во двор квартала. Дома тянулись во весь квартал, посередине — обширный двор площадью с гектар. При выходе во двор снова закрылась на ключ дверь, будто кто следил за ними. У Степки был мой мажарский автомат с разрывными пулями. Из окон домов в них стреляли из автоматов. Пришлось прятаться за широкими дверными проемами. Решили пробиваться через окна, разбивая стекла. Степан стрелял из автомата по окнам. Немцы притаились, и Валентин, выбив стекла, проник в комнату. Потом Валентин давал очередь по окнам пока Степа перебирался в комнату. Так, выбивая двери и стекла, они выбрались на свою сторону. Все завершилось благополучно, но могла ценой жизни обойтись эта прогулка. Меня отправили в госпиталь, а Степан вместо меня стал командиром орудия.

На другой день, 30 апреля, он решил перебежать через перекресток на другую сторону. Побежал. Командир взвода лейтенант Пилюгин крикнул ему: « Степка, нельзя туда, вернись!». На середине перекрестка Степан остановился, повернувшись в сторону лейтенанта, произнес: «Ничего не случится». В это время пулеметная очередь прошла ему грудь разрывной пулей. Степа упал за смертью. Забрать его тело смогли, только когда стемнело. Валентин ползком добрался до него и, привязав его веревкой, вернулся обратно. Так погиб мой наводчик Дмитриев Степан Дмитриевич 1924 года рождения (Вологодская обл., Кирилловский р-он, дер. Садилово). Добровольцем ушел на фронт в 1942 году. Дошел до Берлина и остался там, в чужой земле, навсегда. Был ему 21 год. Какие погибали ребята. Орлы!

На волосок от смерти

В госпиталь меня привезли в первом часу ночи. Медсестра, проверив документы, сказала, чтобы я принял ванну, потом меня определяют в палату. Раздевшись до гола, я отправился по коридору в указанном направлении. Пройдя метров двадцать, услышал: кричит меня сестра. Я подошел к ней. Было велено одевать свое обмундирование и ждать на веранде.

Медсестра сказала, что меня отправят в другой госпиталь в двадцати километрах от этого (местечко Розенталь). Оделся и пошел на веранду. Там ждали машину еще двое легко раненных солдат. Один из них младший сержант Иван Буртасов, разведчик из нашей батареи. Мы разговорились. Выяснилось, что в этом госпитале уже две недели лежит наш командир батареи капитан Чистяков, тяжело раненный. Он был ранен 18 апреля на окраине Берлина. Иван виделся с ним, разговаривал. Ранение тяжелое, но не безнадежное.

В 2 часа ночи подошла санитарная машина, и мы трое отбыли в госпиталь легко раненных. Через час из осажденного Берлина прорвались двадцать немецких танков с десантом на броне. Обстреляв из пушек госпиталь, который мы покинули, окружили здание. Прочесали все палаты, расстреливая спящих раненых. Разгромили весь госпиталь, уничтожили врачей, больных. Здание подожгли. Документов, разумеется, никаких не осталось. Чудом остались живы два старых солдата из охраны, зарывшись в грязном белье.

Погиб там и наш командир батареи капитан Чистяков (родом из Рыбинска). Там же могла постичь и меня такая участь. Спасла отправка в другой госпиталь. Спустя несколько лет на имя командира дивизиона пришло письмо от жены Чистякова. Она писала во все инстанции, пытаясь узнать о судьбе мужа (последнее его письмо было из госпиталя). Я тогда в течение месяца заменял писаря штаба батальона. Подробно сообщил ей о гибели капитана. Кому какая судьба – не угадаешь...

Послевоенная служба в группе Советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ)

День Победы над фашистской Германией – 9 мая 1945 года застал меня в госпитале (полевая почта 245558), где я находился до 15 мая. Госпиталь располагался в 20 км от окраины Берлина. Этот

госпиталь переводили в Россию. Нас должны были вместе с госпиталем отправить на Родину.

Мы с Иваном Буртасовым попросились направить нас в свою часть на долечивание. Получив документы, своим ходом пошли искать свою часть. В Берлине встретили наши машины, готовые к вывозу оборудования с оружейного завода «Маузер» в Советский Союз. Пробыли мы в Берлине неделю, работая поварами. Затем нас отвезли в нашу часть, стоящую в лесу. До августа месяца я ходил в санчасть на перевязки. Потом началась моя служба в артиллерии.

После войны положение в ГСОВГ было тревожным, можно сказать военным. Группа советских войск в Германии была создана после победы СССР и антигитлеровской коалиции в Великой Отечественной войне и безоговорочной капитуляции Германии, на основании Директивы Ставки Верховного Главнокомандования от 29 мая 1945 года. В состав группы вошли войска нашего 1-го Белорусского, 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. 10 июня 1945 года Группа советских оккупационных войск приступила к своей деятельности. Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков стал ее Главнокомандующим. США бомбардировали японские города Хиросиму и Нагасаки. Планировали бросить атомные бомбы на российские крупные промышленные центры, надеясь силой запугать весь мир, в том числе и Советский Союз, чтобы диктовать свою волю. Но СССР создал свое атомное оружие, несмотря на невероятные послевоенные трудности.

Наша страна помогала и немецкому народу в восстановлении разрушенного войной. Прослужил в армии 3,5 года. Получил известие из дома о смерти отца (24 февраля 1946 года). Отпустили на побывку только в мае 1946 года. Вернувшись из отпуска в Германию, служил еще 3 года и 6 месяцев. 7 декабря 1949 года побывал в отпуске на Родине. Был демобилизован из рядов Советской Армии в июне 1950 года, прослужив в общей сложности 7 с половиной лет.

Вернувшись на Родину, оформил временные документы, взамен пропавших за годы войны в военкомате. Пока оформлял временный паспорт питался у матери в деревне. Затем устроился в

ВПЧ-49 (пожарная часть) города Иваново Тверской области. Через 2 года уволился из органов МВД и устроился на завод №1 МАП, где проработал 33 года на станке расточником. Будучи на пенсии, работал в Дуненском ПТО городского хозяйства до мая 2000 года.

(Записано Дементьевой Т.А., дочерью ветерана.)

Демин Борис Николаевич **Чудесное спасение**

В армию я призван 9 июня 1943 года. И был направлен в школу авиационных механиков, которую закончил в декабре 1943 года. В январе 1944 года нас, выпускников 4 школы в количестве 89 человек, посадили в вагоны-теплушки и направили в Москву. В Москву мы прибыли 22 января 1944 года, где нас распределили по воинским фронтовым частям, также посадили в вагоны и мы поехали на Западный фронт, в район г. Смоленска. Мы прибыли в 130 гвардейский штурмовой авиационный полк, который находился в настоящее время на деформировании. Меня распределили во 2-ую авиаэскадрилью и вручили мне новый самолет под №26.

В конце марта наш полк, а вернее, вся авиационная дивизия, в составе 3-х полков, была переброшена на Украину в район г. Харьков, где наша дивизия вошла в состав 17-ой воздушной армии 2-го Украинского фронта, и какое-то время были в резерве.

Потом нас увезли в Молдавию, в район станции Унгены – это уже на румынской границе. На следующий день нас привезли на аэродром, где уже стояли наши самолеты. Это была уже середина июля месяца 1944 года.

Наступило утро 19 августа 1944 года. Нас разбудили рано и сказали быть у самолетов и ждать. Где-то в половине 5-го послышался гул, он шел с высоты. Мы все устремились в небо и увидели сотни летящих самолетов бомбардировщиков, которые летели бомбить немецкие передовые позиции. Началась Яско-Кишиневская операция. Через некоторое время мы услышали удаленные взрывы и эти взрывы превратились в сплошной гул.

Так продолжалось около полутора часов. Одни самолеты прилетали, другие улетали. Наш полк стоял в ожидании приказа о вы-

лете. Приказ о вылете на боевое задание поступил в 11 часов и наш полк в количестве 45 самолетов поднялся в воздух и полетел. Мы спрашивали у своего летчика, кого они штурмовали и бомбили, и как там идет наступление. Сказал, что немецко-румынская оборона прорвана и наши войска начали продвигаться вперед. Мы бомбили и штурмовали отступающие немецко-румынские войска, которые потоком откатывались на юг Румынии. Через 2 дня наш полк перешел на другой аэродром, где-то около города Ботошаци – уже в Румынии.

Каждый день по 2-3 раза наши самолеты вылетали на боевые задания, но потерь пока не было. Наступление наших войск пошло так быстро, что в один из дней нам сказали, что все самолеты летят на боевое задание и обратно не прилетят, а сядут на другой аэродром ближе к фронту. Нас, весь технический состав, посадили на грузовики и мы поехали догонять полк.

Проехав приблизительно час с лишним, наша колонна вдруг остановилась. Нам сообщили, что остановка продлится 20-30 минут, можно выйти из машины. Мы все повискакивали из машин и смотрим, что рядом с дорогой окопы, воронки от взрывов бомб и снарядов, валяется все, что можно бросить во время боя. Мы забрали патроны, гранаты, автоматы в машины и поехали.

Проехали километров 15. Вдруг слышим выстрелы и колонна наша остановилась и слышали канонаду, все из машин выскочили и заняли оборону с правой стороны дороги. Мы выскочили и залегли в дорожной канаве, где кто как мог. Смотрим, на нас со стороны леса, метров 150, движется цепь солдат, что-то орут и стреляют. Пули засвистели над головами. Слышим команду, открыть прицельный огонь из винтовок, а когда подойдут ближе – из автоматов. Быстро разобрали гранаты и открыли огонь. Я стрелял из винтовки и первые мои выстрелы были неточны, но немного успокоившись я увидел: после моего 3-го выстрела солдат упал, а цепь приблизилась уже метров на 70-80 и стрельба с нашей стороны усилилась и немецкая цепь стала быстро редеть, кто подбежал ближе их забросали гранатами. Через 15 минут все было кончено. Их было около 50 человек, а нас – 170. В этом бою было ранено 7 наших ребят.

После окончания этого боя нас всех построили, сделали переключку, проверили – снова сели в машины и уехали. Больше нас

в машинах не перевозили, мы перелетали с одного аэродрома на другой или в кабине воздушного стрелка или в бомболоках, поскольку технический состав полка был на вес золота, без которого полк не боеспособен.

В начале октября мы уже были в Венгрии под городом Сольнок, где разгорелись ожесточенные бои. Наш полк понес потери 8 самолетов. Из подбитых самолетов вернулось обратно в полк 6 человек, 4 летчика и 2 воздушных стрелка, которым мы были очень и очень рады.

Наши войска окружили г. Будапешт. И наш полк перебазировался на аэродром Вечеш под самым Будапештом. Это было уже в декабре месяце. Боевые действия здесь несколько стихли, шла подготовка к штурму и взятию Будапешта. Здесь наш полк простоял весь январь 1945 года и где-то в начале февраля начались боевые действия по взятию Будапешта и 13 февраля 1945 года Будапешт был взят.

На этом аэродроме со мной произошел интересный случай. Мой самолет, прилетев с боевого задания, и я его осмотрев, сел в кабину летчика и стал заправлять специальный баллон воздухом, которым убирали и выпускали шасси. Только закончил заправку, как слышу мне кричит техник звена – «сержант Демин, ко мне». Я выскочил из кабины и бегом побежал к нему как вдруг раздался взрыв. Мы оглянулись и видим, что мой самолет взорвался и начал гореть. Потушить его, конечно, не смогли, ибо он уже был заправлен 700 литрами бензина. Как потом выяснилось, что в этот момент над аэродромом пролетел немецкий самолет и сбросил всего одну бомбу, которая угодила прямо в кабину самолета, в которой я сидел. Зачем меня звал техник звена я так и не знаю и он мне ничего не сказал. Так я был спасен от неминуемой гибели. Так я остался без самолета. С этого аэродрома мы перелетели уже в Австрию, где участвовали во взятии столицы Австрии Вены в апреле 1945 года. В конце апреля 1945 года наш полк перелетел на последний аэродром уже 80 км западнее Вены местечко Абздорф.

Когда мы расставили самолеты, меня и еще двоих, с техником звена направили в эту деревню, чтобы мы подобрали жилье для летчиков. Пришли, заходим в дома – никого нет. Стали осматривать двор, садовые участки и нечаянно натолкнулись на подвал. Заглянули туда, а там хозяйева дома. Мы их оттуда с великим тру-

дом выманили, техник звена немного говорил по-немецки, вышли оттуда две пожилые женщины, старик и двое детей. При разговоре потом выяснили, им объявили, что придут русские, всех женщин изнасилуют и поубивают. Спасайтесь и уходите. Кто ушел, а многие остались. Им объяснили, что насиловать и убивать вас никто не собирается, а вот у вас некоторое время поживут наши офицеры.

При общении с населением они рассказывали, что русские все с рогами на лбу и бородатые и страшные. Но когда увидели нас, то сказали, что мы такие же, как и они и притом очень красивые ребята, что не грех в вас и влюбиться.

Наступил май 1945 года и на нашем направлении почувствовалось какое-то ослабление военных действий, с 6 мая наш полк никуда не вылетал.

8 мая прошел тоже спокойно и все улеглись спать. Спим. И вдруг часа в 4 утра, зенитная батарея, которая охраняла наш аэродром, открыла стрельбу. Мы все повыскакивали из своих укрытий и стали прислушиваться. Вроде на нас никто не нападает, в воздухе самолетов противника не слышно, а зенитчики все стреляют. Мы решили к ним сбегать и узнать, в кого они стреляют, прибегаем, смотрим, а они там пьют вино и кричат «Ура, Победа!!!» Они нам сказали, что по радио передали, что немцы капитулировали, наши взяли Берлин и подписали акт о безоговорочной капитуляции.

Мы прибежали обратно и тоже закричали «Ура, Победа!!!», схватили свое оружие и тоже стали стрелять вверх. Пока не кончились патроны... [57]

Диденко Александр Иванович **В спецназе**

В армию призвался в е январе 1942 года (призыв юношей 1925, 1926 гг.р.). Немец в это время вплотную подступал к Пятигорску. Тогда вокруг Баку выкопали широкий ров, каждую буровую вышку заминировали, и если бы враг прорвался в город – ров наполнили бы нефтью и подожгли...

...Шел февраль 1942 года. Нас собрали примерно 60 человек, – делится фронтовик, – из них 20 русских, остальные азербайджанцы, привезли в казарму, где ночь призывники проспали на со-

ломенных матрасах. Утром в расположение прибыло командование сплошь из генералов. Один маленький такой, невзрачный, в очках, спрашивает: «Куда вы детей привели?» Только потом узнали, что это был Лаврентий Берия, а мы, дети, все поголовно хотели на фронт. Помню, как обратился он к нам: «Сынки, ребята, мы не можем допустить, чтобы Баку взяли немцы». Подошел к одному из комсомольцев в строю, а тот настолько мал и худ, что ему больше чем 15 лет на вид и не дашь, сказал: «Уберите, это совсем ребенок».

Вот из нашего строя знаменитый генерал Колпакчи (Герой Советского Союза) отобрал 38 самых рослых ребят, в том числе и меня (парень я тогда был на загляденье, и вес соответствующий – 90 килограммов). Сначала отправили в Тифлис (Тбилиси – ред.), на базу горного артиллерийского училища, где в течение месяца прошли боевую подготовку. Потом в числе отобранных восемнадцати человек оказался на борту самолета Ан-2, приземлившегося в Махачкале. Здесь нам предложили стать специальной командой, типа нашего современного спецназа. Оттуда переправили в Буйнакск и начали готовить.

А враг тем временем занял Приэльбрусье, там, где мы должны были воевать, стояла дивизия «Эдельвейс» (1-я горнострелковая дивизия вермахта – ред.). Мне присвоили звание старшины, сделали старшим, потому что хорошо знал горную местность, дали сопровождающего. Первым заданием было в округе Эльбруса провести на мулах (это полуосёл, полулошадь) 120-миллиметровые минометы. Первый бой, в котором чудом остался жив встретил там, в Приэльбрусье – бездарное командование Северокавказского военного округа приказало с равнины штурмовать горную высоту, где главенствовал «Эдельвейс». С одной стороны – равнина, которую постепенно заполняли молодые, практически необстрелянные бойцы в белых маскхалатах на лыжах, с другой – отвесные скалы. Их, как гусей, немцы сверху постреляли, причем хитро стреляли: подпускали поближе, затем били в снежные отвалы и спускали лавину, которая сметала все на своем пути. Все эти молодые парни кричали: «Мама, мамочка!» Страшное зрелище: до сих пор перед глазами красная кровь на белоснежном искрящемся снегу, и до сих пор в тех местах, когда тают ледники, находят останки воинов.

Четыре месяца в пекле, никто столько не потерял молодых ре-

бят, как этот генерал, его, кстати, потом судили. В том бою был ранен, попал в госпиталь, откуда эвакуировали в другую медсанчасть, а этот госпиталь, кстати, полностью был вырезан: не пощадили ни раненых, ни сестер – никого...

Дальше военные тропы проходили через Тегеран, Баку, Тбилиси, Урал, Германию. Работал шифровальщиком, а последняя должность – начальник секретного отдела инженерных войск Уральского военного округа... [58]

Дидык Юрий Константинович **Это было в разведке**

Служил в 541 отдельном гвардейском минометном дивизионе. Было мне 17 лет. Выполнял я обязанности начальника разведки. И послали меня разведывать передний край, где находятся немцы и русские.

И вот я иду и передо мной маленькая речушка. И я уже хочу перейти ее, как слышу мне кричат: «Не ходи туда, там немцы». И я тогда пошел вправо к маленькому домику. Около этого домика я стоял и разговаривал с одним лейтенантом. Вдруг услышал, как бомбят. А бомбят-то русские, т.к. они не знали, где немцы, а где русские. И вот слышу как падает бомба. Я присел. И вышло так, что бомба упала недалеко от меня и разбомбила домик. И меня завалило бревнами и землей. А лейтенанта отбросило аж на крышу. Также я попал и под разрывы немецких минометов.

Самые страшные моменты были, когда я ходил один ночью по болотистым дорогам. Страшно было, т.к. на деревьях сидели немцы, разведчики-кукушки, и стреляли. Еще я участвовал, вернее, я был организатором этого дела, в захвате немецких машин. Я захватил 10 машин, за что получил орден Красной Звезды [59].

Добрынин Александр Михайлович **На фронте работал на радиостанции**

Я был в командировке в Сталиногорске на химкомбинате. Туда и пришла повестка о призыве на фронт. О начале войны услышал

по радио. 15 августа 1941 ушёл на фронт в Ульяновск в училище связи (электро-монтёр). Сам родом из Тулы. В Туле на фронт провозжали мать и соседи. Когда ехал на войну, настроение было просто ужасным, чувствовал и осознавал, что еду воевать...

Когда учились и проходили подготовку в Ульяновске, было очень холодно и голодно. Учился там в 225-ом запасном полку до апреля 1942 года и стал радистом (радио-телеграфистом). Затем на фронте работал на радиостанции, держал связь в Рижской штурмовой авиационной дивизии, обслуживал 75-ую роту связи.

Были страшные случаи на войне. В апреле 1944 года ночью бомбили аэропорт, в этот момент я дежурил на станции. Слышу свист пролетающей бомбы, лёг на пол, вдруг взрыв, темно... Я стал ощупывать себя, взрыв бомбы выбил стекла, мне порезало руки. Я встал, открыл дверь, услышал стоны раненых, крики вокруг. Зашёл на радиостанцию, там всё было разбито, я спрятал микросхему и вновь вышел на улицу, помогать раненым. От того взрыва меня контузило.

И ещё один случай. Ближе к концу войны тренировали молодых лётчиков. Для них делали машины и самолёты из брёвен. Однажды, на очередных учениях, мы с товарищем сидели в окопе с радиостанцией, вдруг заметили, что один самолёт идёт прямо на нас. Окоп был глубоким, по самое горло, нам бы понадобилось много времени, чтобы выбраться из него. Мы очень напугались и даже уже закрыли глаза от страха, но к счастью в последний момент лётчик смог увести самолёт, и он пролетел мимо нас. За этот момент вся жизнь пролетела перед глазами...

Об окончании войны узнал в Литве, в посёлке Вегеряй. 5 мая 1945 года нам позвонили и пока неофициально сообщили, что война закончилась. Все вокруг кричали, радовались. В честь победы открыли клуб и все там отмечали Победу. Демобилизовался в 1947 году, приехал домой в Тулу [60].

Дубовенко Андрей Афанасьевич **Как мы всё это выдержали**

Перед фронтом нас отправили на обучение в Монголию в школу снайперов. Ведь на войне нужно уметь стрелять без промаха по

любой цели. А после её окончания отправили на фронт, где я сначала служил в запасных войсках, а потом был направлен в боевую часть – 43 Гвардейский стрелковый полк, 16 дивизия, 11 армия. Воевал в Белоруссии (Витебск, Орша). Потом войска наши пошли в наступление, и мы вошли в Восточную Пруссию. Участвовал в освобождении Кенигсберга (Прибалтийского Калининграда). Сначала был снайпером на передовой. Приходилось много стрелять, в том числе и из пулемёта. Затем служил телефонистом – тоже опасное дело: война идёт, снаряды падают, провода рвутся... Моей задачей было их соединять, восстанавливать связь. Как я остался жив под артобстрелом, до сих пор сам удивляюсь. Судьба, видимо. Мама потом говорила: «Я за тебя молилась». Да ведь какая же мать не молится за сына...

Теперь и сам удивляюсь, как мы все это выдержали? Откуда только у армейских связистов бралась такая энергия? В любое время, года днем и ночью, в стужу и под палящим солнцем, по пояс в снегу или по колено в грязи, когда сапоги не удерживаются на ногах, связисты работали- восстанавливали телефонные линии, а в критические минуты боя сами брались за оружие и отбивались от врага. Особенно тяжело было связистам стрелковых рот и батальонов, тащавших на себе, кроме личного оружия, тяжелые телефонные катушки или барабаны с кабелем аппараты или радиостанции...

Помню, как однажды в 1944 году под Невелем Псковской области вражеским минометным огнем была перебита линия связи. Один за другим на восстановление связи были посланы трое наших связистов, но двое погибли от пуль немецкого снайпера, а третий попал под минометный обстрел и был ранен. Следующим послали меня. Проверив часть линии, я где бегом, где ползком добрался до лощинки, израненной воронками мин и снарядов. Чтобы отдышаться, заскочил в первую попавшуюся воронку и ... увидел ствол наведенного на меня карабина. В воронке сидел наш связист Соколов и, убедившись, что прибыл свой, обрадовался и отпустил карабин. Он был ранен в правую ногу. Ногу ему я быстро перевязал, и стали мы думать, как выполнить задание. Решили обойти опасный участок стороной и проложить линию связи в новом направлении, по лесу. Мой раненый товарищ помогал мне в этом, «травил» кабель из воронки. А потом мы вместе добрались до расположения батальона...

Немало моих боевых товарищей полегло на высоте 160,1. Из двенадцать связистов нашего взвода в живых остались после боев за эту высоту только четверо. Меня судьба почему то щадила. Сберегла и в этом адском пекле. И так было почти во всех боях за эти полгода. Несколько раз оглушался, контузило, сколько раз пулями и осколками разрывало обмундирование, пробивало насквозь рукавицы, висевшие на веревочке.

Вместе со многими связистами, погибшими геройской смертью, был тяжело ранен и наш командир взвода гвардии лейтенант Глухин. Раненого и контуженного вынесли с поля боя и отважно-го комбата гвардии капитана Юлина. Да и силу батальона с каждым часом боев заметно таяли. Но уцелевшая горсточка бойцов и командиров все еще успешно отбивалась от яростных вражеских атак. И мы уже понимали, что разведка боем удалась, и «высота дьявола» навсегда наша...

Наш путь по освобожденной Белоруссии хотя и не был усыпан розами, но население всюду нас встречало радостно, как освободителей. Девушки дарили нам цветы. Я был тогда почти мальчишкой, шагал с перебинтованной головой, и мой вид почему-то вызывал в женских сердцах особую жалость. Глядя на меня, пожилые женщины приговаривали: «Вот и мой сыночек сейчас тоже где-то воюет и так же страдает...» Нас старались угостить всем, что было, но есть не хотелось, а вот молоко, квас или колодезную воду в жарком июне 44-го принимали с удовольствием...

Позади у нас были ожесточенные бои под Витебском и Псковом, взятие Орши и других городов. А сколько еще смертельных боев было впереди- в Литве, Польше и в самом логове фашистского зверя в Восточной Пруссии!

...На фронте всякое бывало. Приходилось в невероятно трудной сложной фронтовой обстановке сразу с марша вступать в бой и с боями форсировать широкие реки. И всё это делалось в спешке, под свист мин и снарядов. Да и форсировать эти многоводные реки приходилось на чём попало, из-за нехватки средств переправы либо её полного отсутствия. А на чужом берегу затаился враг, подпускал к середине реки, а потом накрывал на плаву миномётным огнём или же расстреливал наших смельчаков из пулемётов у всех на виду. Видимо, так уж водится на войне, где жизнь и смерть ходят рядом, но не всем суждено одновременно умереть, исчезнуть

или затеряться. Так было и у нас во взводе при форсировании реки Неман 26 июня 1944 года.

Первая попытка натянуть телефонную связь через Неман не удалась. Плотик, сделанный на скорую руку (времени-то не было, наступление шло молниеносно), на котором трое моих однополчан-связистов попытались навести связь, не успел доплыть до середины реки, был обстрелян немцами из миномётов и перевернулся. Раненые ребята погибли, имущество связи утонуло. А связь была нужна как воздух, как надежда на победу, как спасение. Следом новый приказ: «Взводу связи навести через Неман телефонную связь любой ценой!». Что такое военный приказ, да ещё на войне, объяснять не надо. Это дело чести и обсуждению не подлежит. Приказ был дан, а плыть было не на чем, все подручные средства (даже двери) уплыли вместе с пехотой, которая ведёт на другом берегу бой за захват плацдарма. Решили наводить связь вплавь. Выбор пал на меня и моего друга Смахтина: мы были всех моложе из оставшихся живых и хорошо плавали. Каждый из нас закрепил на спине по телефонному аппарату, сделал петли на телефонном кабеле, снял сапоги и бросился в Неман. А в голове единственная мысль: доплыть во что бы то ни стало, а если вдруг ранят или убьют, успеть сбросить с себя телефонный кабель, чтобы не стать якорем и не помешать уцелевшему прокладывать дальше за собой эту линию – ниточку связи. Третий наш товарищ на берегу разматывал и отпускал кабель с телефонной бухты.

Немцы в начале или не видели нас, или делали вид, что не видят, чтобы перехватить живыми, когда заплывём не участок реки. Как только они поняли, что достать нас живыми не смогут, принялись расстреливать нас на плаву. Немецкие пули свистели над нашими головами, ровными смертельными пунктирами чертили по воде, падали неподалёку от нас и уходили в воду, поднимая брызги. Их невысокие водяные столбики тут же оседали, образуя лёгкую рябь на воде. А в это время наш десант, та первая героическая горсточка ребят, захватившая у немцев полоску берега, спасая нас, обрушила огонь на пулемёт, бивший по нам, и заставила его замолчать. Благодаря защите, мы благополучно добрались до чужого берега и натянули через Неман устойчивую телефонную связь.

Приказ командования был выполнен, связь налажена, и теперь, по ней командование руководило боем. По ней десант просил по-

мощи, но оказать её было нечем. Откуда было ждать спасительно-го шквального огня нашей артиллерии, если у артиллеристов и миномётчиков на каждый ствол их пушек и миномётов оставалось по 3-5 снарядов и почти столько же мин. Поэтому в самый разгар боя наша артиллерия сэкономила боеприпасы, была по немцам, лишь при большом их скоплении, больше для устрашения. Было предпринято несколько попыток, чтобы переправить ещё часть пехоты на плотках и помочь десанту, но все попытки пока не удавались. Немцы срезали наших людей с плотов из пулемётов, разбивали плоты из миномётов и топили пехоту вместе с вооружением. А подавить немецкие батареи миномётов у нас пока было нечем. Наши тылы с боепитанием из-за стремительных темпов нашего наступления и продвижения вперёд отстали. А на захваченном у врага берегу, малочисленная горсточка бойцов, всего 27 человек, испытывала крайнюю нужду в патронах и гранатах. Каждый стрелял экономно и только наверняка.

Две попытки доставить нам столь необходимые патроны и гранаты закончилась трагически. Направленные к нам две лодки с боеприпасами цели не достигли, немцы потопили их вместе с грузом и людьми. Тяжело и обидно было чувствовать себя беспомощным, почти обречённым – и оружие есть, а стрелять из него нечем... Прижатые к Неману и отбиваясь от немцев на кромке его берега, мы уже ждали последнего для нас боя. С мрачными мыслями и злой решительностью выстоять или погибнуть, мы продолжали отбиваться от полупьяных немецких автоматчиков и, несмотря ни на что, удерживали плацдарм. Был наш плацдарм совсем небольшим, всего лишь узкой полоской берега, отвоёванной у немцев, но каким бы он маленьким не был, его надо было удержать, во что бы то ни стало.

Очень важно было то, что плацдарм находился уже в немецкой обороне и был для них как воткнутый нож в их собственном теле, и он теперь связывал немцам руки. Да и пути назад для нас уже не было. Надежды на помощь – тоже, а поэтому мы били оккупантов всем, чем было можно, и стояли насмерть, до конца! Влепишь в бегущего ближайшего немца пулю-другую и чувствуешь, что он уже убит. А он хотя и не стреляет больше, но всё ещё бежит по инерции и в предсмертном хрипе, истекая кровью, валится, как мешок, рядом. Выхватываешь у этого уже убитого немца его авто-

мат, гранаты и из такого трофея отбиваешься от других бегущих, словно озверевших немцев. А тот, наш берег был совсем рядом, манил своим спокойствием, будто звал к себе, как зовёт близкий и дорогой человек, как зовёт сама жизнь.

Лишь в сумерках наступающей ночи, морозящей мелким дождём, удалось третьему нашему смельчаку проскочить через реку Неман, доставить автоматные патроны, ручные гранаты, продукты. Вместе с ним добралась к нам медсестра Вера Пущеровская. Мы будто заново родились, почувствовали новую силу, и ещё большую ненависть к врагам: «Ну, держитесь, фашисты! Теперь попробуйте столкнуть нас в реку, нате-ка выкусите!» наш маленький отрядик словно воскрес из мёртвых и ещё злее ощетинился.

Ночью на плотках к нам переплыли ещё 12 храбрецов, наших автоматчиков. У них было два ручных пулемёта. Наши боевые дела пошли успешнее, и мы получили новый приказ – попытаться расширить захваченный плацдарм, отогнав врага дальше от берега, чтобы обеспечить возможность высадиться основным силам. Мы развернулись в цепь и пошли через лес вперёд, на запад. Немцы поняли наш маневр и принялись обходить нас и отрезать с флангов реки. Нам грозила западня.

Прекратив движение вперёд, мы снова с боем стали пробиваться к спасительному берегу. Поступи мы иначе, были бы легко окружены и перебиты. И снова та же печальная картина: впереди и на флангах немцы, а позади река и редкая помощь огнём с того берега. Несмотря на это, наша десантная группа в 39 стволов держалась цепко на плацдарме и дерзко отбивалась от набегавших на нас с цепью и в одиночку хорошо подготовленных и словно взбесившихся фрицев. Немцы понимали, что, если им не удастся ликвидировать, захваченный плацдарм до завтра, когда подойдут наши основные силы и боеприпасы, это обернётся для них смертью. Вот почему они всякий раз настойчиво пытались сбить нас с захваченного плацдарма. Они с немецкой аккуратностью делали для себя зачем-то небольшие паузы, перерывы, а потом снова продолжали нас яростно атаковать.

За сутки почти непрерывных боёв, без отдыха все мы были крайне измотаны, мучили голод и жажда. Наша медсестра Вера Пущеровская, рискуя жизнью, носила нам с реки воду в касках, перевязывала раненых. Лица товарищей осунулись, стали какими-

то другими, мало похожими на себя. Глаза у многих потускнели, стали злыми и решительными. Чувствовалось, что в них поселилась смертельная усталость, нервозность и настороженность. Казалось, вот-вот случится то, чего каждый из нас внутренне боялся, ведь каждому хотелось жить. Но никакой растерянности не было, все бились смело, с отчаянием обречённых, у которых нет другого выхода, кроме победы или смерти.

Всего страшнее было осознавать, как быстро расходуются боеприпасы. Тревожная мысль жила в нас: что будет, если опять кончатся патроны и гранаты, а враг поднажмёт. И эта ещё слабая ниточка обороны может быть перекушена железными зубами очередной немецкой атаки и оборвётся навсегда. А наше командование с другого берега Немана всё так же настойчиво и властно учило нас, что и как делать, требовало и приказывало продержаться ещё хотя бы до сумерек, снова и снова обещало нам «золотые горы» помощи. От их обещаний нам не становилось легче. Мы сами хорошо понимали всю сложность обстановки и осознавали, что надо держаться до последнего, до конца. Да и за нашими спинами только ширь многоводного Немана с ожидающими нас немецкими пулями. Каждая повторная атака немцев выводила из строя кого-нибудь из нас. Но раненые люди, наскоро перевязав свои раны, те, кто мог ещё держать оружие, снова вступали в бой и не покидали поле до конца.

Большой кровью заплатили тогда наши ребята за дерзкий бросок на Запад. Позднее очевидцы рассказывали мне про человеческие трупы, наши и немецкие, чёрными точками плывшие по Неману ещё долгое время после боёв. Были среди них и наши связисты. Многих драгоценных жизней стоил нам Неманский плацдарм, немало моих товарищей погибло там, 26 июня 1944 года в одной из повторных немецких атак и мне довелось пролить кровь за нашу Родину, получить «на память» осколок от немецкой гранаты.

...В памятном 1945 году 16-я гвардейская стрелковая дивизия вместе с другими воинскими частями очистила от врага почти всю территорию Восточной Пруссии, вплотную приблизилась к Кенигсбергу в ожидании общего наступления на город. Кенигсберг был хорошо укреплен: доты, дзоты, множество старинных крепостей, бункеры, минные и т.д. Кроме того, город был опоясан шестью мощными железобетонными фортами с 3-4-метровыми

стенами, охраняемый специальными частями, умевшими воевать в крепостях. А под землей находился еще город со складами оружия, боеприпасов. По мнению военных специалистов, город считался неприступной и несокрушимой военной крепостью. Они в один голос утверждали, что Кенигсберг укреплен сильнее Берлина, что русские его никогда не возьмут. Но остановить наши наступающие войска немцы так и не смогли. В январе 1945 года Восточно-прусская группировка была разделена на 3 части, ликвидировали их одна за другой. Во всех этих трех операциях мне довелось участвовать.

...6 апреля 1945 года внезапно, но дружно заговорили наши «Катюши», а вслед за ними, словно подпевая им, заговорила и вся артиллерия и минометы двух фронтов: 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского. На вражескую оборону обрушился удар огромной силы. Казалось, что сама земля тряслась и вздрагивала от разрывов. 300 стволов орудий и минометов били по каждому квадратному километру вражеской обороны. Два часа длился непрерывный огонь нашей артподготовки.

...Немцы пытались отвечать своим артогнем. Но он был кратковременным и быстро подавлен. Прозвучал сигнал общего наступления на Кенигсберг. Русская гвардия пошла вперед, разрушая его многочисленные бастионы.

Шел первый день войны за Кенигсберг. С каждым часом русские войска сжимали кольцо окружений кенигсбергской группировки и теснили немцев к центру города. Но далеко не каждой нашей воинской части сходу удавалось продвинуться вперед. Помню, как приходилось отбиваться от немцев и держать радиосвязь, то на ходу, то в случайно подвернувшейся воронке либо в каком-нибудь подвале, а то и просто на улице ночного горящего города. Да и не зря же говорят, что связь – нерв армии, ее глаза и уши.

Наступила глубокая ночь вторых суток нашего наступления на город. Батальон, неся тяжелые потери в живой силе и технике, с боями продвигался все дальше в глубь немецкой территории. В эту памятную ночь, с 7-го на 8-е апреля 1945 года, мы первыми из дивизии прорвались к реке Прегель. Ни справа, ни слева от нас русских частей еще не было. Да и немцы, видимо, еще не ждали нашего появления в этом районе. Разведка прощупала весь берег и доложила, что немцев здесь нет, но прямо у берега стоят на воде

лодки. Комбат доложил обстановку командиру полка Иванникуму, тот – командиру дивизии... Начальство наверху, посоветовавшись, решило немедленно воспользоваться ситуацией, и нам было приказано до рассвета форсировать р. Прегель и бескровно зацепиться за плацдарм, удерживать его и ждать подхода соседних батальонов.

Как только первая группа нашего десанта доплыла до середины реки, ее обстреляли немцы из зенитного пулемета. Но чувствовать, что пулемет бил откуда-то издалека и его огонь был неприцельным. Множество трассирующих пуль летели на нас ровными цепочками светящихся нитей, прошивая ночь. Но справа и слева, теперь уже в нашем тылу, непрерывно шла перестрелка. В ночной темноте гулко бухала наша артиллерия, ее вспышки сверкали, как зарницы, на мгновения освещая горизонт. В ответ нашей артиллерии били немецкие шестиствольные минометы, которые мы называли скрипачами за своеобразный звук. Временами раздавался и «кашель» немецких крупнокалиберных пушек. Бесшумными искрами в ночном небе летели трассирующие пули, взрывали немецкие и русские ракеты, освещая поле боя. С обеих сторон не стихали пулеметно-автоматные очереди.

Когда чуть-чуть рассвело, мы увидели, что по дороге, ведущей из города, медленно идет какая-то старушка. Она почему-то часто останавливалась и пристально смотрела в нашу сторону. Мы решили остановить ее и узнать, какая обстановка в городе. Но только двое наших молодцов бросились к ней, «старушка», бросив посох, метнулась к забору и исчезла в проеме. Нам стало ясно, что это был немецкий разведчик. После бегства «старушки» на наши головы полетели немецкие снаряды, подскочившие на двух грузовиках, и сходу попытались выбить нас с захваченного плацдарма. Схватка с немецкими автоматчиками была недолгой, но яростной и кровопролитной с обеих сторон. Меня судьба уберегла, но оставила на память свои отметины.

Перебив немецких автоматчиков, наш батальон продолжал удерживать занятый плацдарм. Тут снова заговорила моя рация. В ее трубке был слышан ровный напутствующий голос нашего командира полка подполковника Иванникова. Комбат Демахин снова доложил обстановку, уточнил координаты нашего нахождения, соседних батальонов и т.д. Немцы скоро поняли, что совершили большую ошибку, когда не смогли помешать высадке русских на

их берег. Теперь они решили спасти положение: подтянули свежие силы и ожесточили атаки, но было уже поздно. Сюда подошли все батальоны нашего полка, и мы с боями начали продвигаться вперед, брать дом за домом, квартал за кварталом, очищая город от немцев.

Наши непрерывные наземные и воздушные атаки по врагу слились в один бешеный штурм, длившийся четверо суток. Железное, роковое для немцев кольцо советских фронтов неумолимо сжималось и сжималось вокруг центра города. Танковые и пехотные войска Советской Армии стремительно окружали кенигсбергскую группировку немецкого гарнизона. А в центральной части города-крепости немцы все еще упорно сопротивлялись, пытались удержать каждый свой рубеж: дом, улицу и даже подвал.

Но прошло еще какое-то время напряженных боев, и немцы поняли, что война проиграна и их дальнейшее сопротивление бесполезно. На четвертые сутки нашего стремительного наступления пала и капитулировала вся центральная часть города, этот последний оплот и несбыточная надежда немцев. После крошечного ада войны город затих, казался каким-то усталым, словно покойник, был одет в белый «сарафан»: там, где уцелели городские здания, почти из каждого окна свисали белые флаги-простыни. Теперь Кенигсберг напоминал пленного немецкого вояку, сникшего, покорного и жалкого.

9 апреля 1945 года город-крепость Кенигсберг оказался полностью в наших руках. Немецкий гарнизон города (более 130 тысяч отборных войск) прекратил свое существование. А в то время, когда Кенигсберг гремел последними боями, наш 43 гвардейский полк прорыва был отведен на отдых и пополнение. Вместе с полком отошла и его рота связи, в составе которой воевал и я.

За штурм и взятие города-крепости Кенигсберга 200 человек получили звание Героев Советского Союза, многие были награждены орденами, все участники штурма – памятной медалью за взятие Кенигсберга. Горят эти награды и на моей груди.

...День Победы мне довелось встретить на последнем рубеже, в самом логове врага – Восточной Пруссии, близ поверженного немецкого города – крепости Кенигсберга. Сюда после нашего наступления и боев по ликвидации власовской группировки нашу 16-ю гвардейскую стрелковую дивизию прорыва отвели на новое

формирование и пополнение. А наш 43-й гвардейский стрелковый полк и роту связи, в составе которой воевал и я, разместили в немецком поселке Бланкинау. Здесь я впервые услышал радостную весть о безоговорочной капитуляции Германии, о нашей Победе! Весть об окончании войны с быстротой молнии облетела весь фронт. Спустя 55 лет после войны мне очень сложно передать словами радость, охватившую всех нас! Для того чтобы понять меня, надо пережить весь ад войны и лично все прочувствовать.

Нашей радости в час Победы не было предела. Четыре долгих года войны мы мечтали о счастье будущей встречи с родными и близкими. Война это сегодня и всегда – общее, большое горе всех людей мира. Тот, кто воевал и видел костлявое и опустошенное лицо войны, никогда ее не забудет, потому что война – это необычно емкое и жестокое слово... Мы давно были готовы услышать сообщение об окончании войны, потому что Советская Армия на всех фронтах громила и гнала врага уже по его собственной территории. И все ждали – фашизм вот-вот рухнет. И вот наконец-то 9 мая 1945 года сбылось то, чего весь мир, затаив дыхание, с нетерпением и радостью ожидал. Мы ликовали, каждый что-то радостно кричал, и все поздравляли друг друга. У каждого в душе вставало что-то свое, пережитое, горькое и радостное, потому что за плечами у всех нас был нелегкий путь к Победе.

День Победы – первый день без грохота орудий – был встречен нами неописуемым торжеством, весельем и шумной радостью. Кто-то уже отплясывал, где-то пели и играли на трофейных аккордеонах, всюду стреляли... Ночное майское небо по всему горизонту горело и светилось огнями радостного победного салюта!

Ночное небо было исчерчено трассирующими пулями и цветными ракетами, а между ними словно молнии сверкали и пересекались лучи прожекторов. Гул от победного салюта нарастал, все вокруг гремело и гудело, как в часы сражений! Мы молча любовались победным салютом. Все были полны нахлынувшим чувством счастья за себя и щемящей боли за товарищей, которые погибли в последнем бою и не дожили до Победы. Но мы знали, что долгожданный мир наконец-то пришел, что войне конец, конец кошмарам и смертям, что жить людям на свете – великое благо и счастье!

Много было радостей, ликования и слез, потому что к Победе шел наш солдат долгими и нелегкими военными дорогами. И он

знал, что в любой миг мог погибнуть, потому что шел он из боя в бой и видел столько горя, столько людской крови, что до сих пор сердца бывших фронтовиков больно сжимаются, и забыть этого они не в силах.

После ада непрерывных боев наступил счастливый день мирной тишины... Советские люди радовались и плакали, и это были слезы великой радости, слезы гордости за нашу Родину и Великую Победу! В то незабываемое утро 9 мая 1945 года все знали, что наш народ выстоял, выдержал жестокое нашествие врага и победил, потому что в дни жестоких испытаний нашему народу и армии давала силу вера в победу, в наше правое дело...

...Много дней и ночей минуло с того времени. Но забыть эти годы невозможно. Пусть наша молодежь не знает, что такое война. Но пусть не забывают наши дети и внуки о подвигах отцов и дедов, о нравственном долге и благородной обязанности служить Родине.

Вспоминая лица однополчан, юных героев тех дней Великой Отечественной, невольно возникают в памяти кем-то сказанные слова: «Велик и непобедим тот народ, сыновья которого с малых лет готовы грудью встать на защиту своей земли, своей матери Родины!»

...В Красной Армии я воевал и служил 7 лет. Военную службу закончил в роте связи, был техником-радиом. Так получилось, в сороковые годы – я, 1925 года рождения, был самый молодой. Сначала демобилизовали 16 более старших возрастов, а моя очередь подошла только через 7 лет [61].

Епимахов Николай Никифорович **Перед нами была река Свирь**

Каждый участник войны, вероятно, хранит воспоминания о каких-то событиях, моментах. В них нет порой нечего героического, но, видимо суровая действительность оставила где-то в дальнем углу памяти детали таких событий. Об одном из них мне и хочется рассказать.

Было это в июле 1944 года, когда наши войска били врага по всему фронту войны. Наш отдельный 35 Гвардейский воздушно – десантный корпус прибыл в район Ладейного поля, что на Ка-

рельском фронте. Здесь готовился прорыв обороны, державшейся в течение двух лет. Можно представить, какую прочную оборону создал враг за этот период. Перед нами была река Свирь, и нам предстояло форсировать ее. Помню, как рано утром наша артиллерия открыла ураганный огонь по врагу. После получасовой артподготовки мы быстро стали подтаскивать лодки, плоты, понтоны, готовясь к форсированию, открыл по нашим рядам огонь. Мы были вынуждены прекратить подготовку средств для переправы.

Когда часть огневых точек враг была подавлена, мы быстро стали спускать лодки на воду. Два с половиной часа продолжался артиллерийский огонь. Глядя в бинокль на противоположный берег, было видно, что там не осталось места где не бушевал бы огонь и не стлался дым. Но когда наши первые бойцы переправились на тот берег и бросились в атаку, они были вынуждены отступить. Враг не сдавался. Мне вместе с другими бойцами пришлось вести бой находясь наполовину в воде. Отступать было нельзя, и мы держались до подхода остальных лодок. Новую нашу атаку враг не выдержал и начал отходить. Когда мы стали продвигаться дальше, я был удивлен: все вокруг было перепахано, как на хорошем поле. Да, сломить такую оборону, где все было бетонировано, потребовалось большого труда. За этот бой в числе других бойцов я был награжден орденом Славы III степени [62].

Ерусалимцев Пётр Михайлович

Мы не испытывали к раненым немцам неприязни

В августе 1943 г. 9-ая гвардейская дивизия генерал-майора Белобородова А.П. была подтянута под Смоленск, где шли жестокие бои. Грунтовые дороги были так разбиты танками и артиллерией, что по ним трудно было передвигаться даже пехоте.

Наш батальон был направлен на ремонт дороги. Испытывая острый недостаток в инструменте и средствах малой механизации, мы выравнивали полотно дороги. В это время к нам подъехал верхом на лошади с группой всадников командир дивизии Белобородов. Я доложил генералам. «У вас получается, как у саперов», – похвалил он. «Без дорог нам невозможно продвигаться вперед, а впереди бои. Спасибо вам ребята». Это была моя первая встреча с генералом.

14 августа дивизия вступила в бой за городок Ярцево под Смоленском на реке Царевич. Под огнем противника и под дождем мы продвигались вперед. Еще до встречи с противником мы несли потери от артогня. В один станковый пулемет попал снаряд, взрывом его подбросило высоко вверх, а на землю он упал уже грудой искореженного металла. Убило первый номер расчета солдата Семенова, боец Некрасов был тяжело ранен – ему оторвало ступню. Мы сближались с противником, немцы в касках скрытые в глубокой траншее, вели огонь из стрелкового оружия. Сильный минометный огонь преградил нам путь к броску. Я был ранен. Позвав своего помощника старшего сержанта Глыбина и поручив ему командовать взводом, отказавшись от сопровождения, я под огнем пополз по колее в глиняном грунте. На перевязочном пункте фельдшер обработал мою грудную клетку бинтами. Здесь меня ждало еще одно испытание. Я сидел на табуретке, а по тропинке к нам шел с винтовкой в руке гвардеец. Он был тяжело ранен в лицо – нижней части челюсти у него не было, осколок раздробил ее. Я встал с табуретки и сказал санинструктору: «Перевязывай его».

Дальше – полевой госпиталь, где среди раненных были и немцы. Мы, раненные советские солдаты не испытывали к раненым немцам неприязни, а тем более ненависти. Я видел, как раненый русский солдат и немецкий танкист ели из одного котелка, а в прохладные в ту пору ночи они укрывались одним одеялом, т.к. немецким солдатам одеял не давали, но не из неприязни – на огромное количество раненных в полевом госпитале не хватало не только одеял. Дальше – эвакогоспиталь. Потом опять фронт, опять бои. Наша армия занимала оборону на главном Витебском участке фронта.

Как-то поздно вечером меня вызвал командир корпуса. Герой Советского Союза генерал Дьяконов Н. Часто сопровождая его по передовым участкам фронта я убедился, что он был смелым и настойчивым. Звание героя он заслужил во время Финской войны. Генерала я запомнил сидящим за столом в гимнастерке. «Лейтенант, слушай внимательно...» – он кратко изложил боевое задание. Операция, разведка боем, назначалась на утро следующего дня. За гребнем высоты послышался шум моторов. На заросшей просеке мелколесья стояла санитарная палатка. Я заглянул в нее. В ней уже были первые раненные, молчаливые, с сырыми лицами. Медсестра перевязывала голову одному из них. Взволнованного,

озабоченного капитана в расстегнутой телогрейке и без шапки я встретил недалеко от его землянки. Со стороны немцев усилился форсированный шум мотора, и два-три артвыстрела разорвали пространство и покрыли общий шум боя. «Самоходка, немецкая самоходка». Я не успел отойти от капитана, как послышался топот десятка солдатских ног.

Мы невольно обернулись в сторону этого шума. С небольшого склона буквально на нас бежала, гулко ступая ногами, группа солдат, некоторые были без оружия, с широко открытыми, испуганными глазами. Новые шинели светло-серого цвета выдавали их. Это были новички их пополнения. «Паника» – прыгнул капитан, хватывая пистолет, побежал навстречу паникерам. «Назад, назад!» – кричал капитан, не выбирая выражений. Как после оказалось, это была единственная самоходка у немцев на этом направлении, она двигалась за высоткой то вправо, то влево, ревя форсированными моторами, выползала на гребень высотки, делала пару бесприцельных выстрелов и пятилась назад, появлялась уже в другом месте.

Немцы любили применять моральное давление. В шуме боя я все же услышал два-три выстрела из пистолета, и передо мной, как бы споткнувшись, грузно упал на землю один из бежавших. Бежавшие стали обтекать капитана, и их фигуры в мелколесье уже виднелись нам спинами. Это было несколько секунд, а в эти минуты сестра выглянула из палатки и тут же, в слезах выскочила из нее уже с ручным пулеметом. «Мерзавцы, раненых бросаете, буду стрелять!» – кричала она в слезах, и, как истый пулеметчик, она бросилась на землю и раскинула ножки пулемета. Новый топот, теперь уже тяжелый с железным лязгом, нарастал из тыла. Я оглянулся. Прямо по заросшей просеке неслась аллюром упряжка лошадей с расчетом и пушкой сорокапяткой. Это самое маленькое орудие в нашей армии. Послышалась команда, упряжка круто развернулась, и теперь ствол пушки смотрел в сторону фронта. С передка соскочил в длинной шинели сержант с биноклем на шее посыпались команды. Командир, встав на колени, и приложив к глазам бинокль, не переставал давать команды, получал короткие доклады. Расчет все время быстро двигался, загремели ящики со снарядами, наводчик чуть поводил стволом, и все затихло. Командир высоко поднял правую руку. Моторы немецкой

самоходки не утихали, и, взревев самоходка медленно стала вылезать на гребень высотки. Она не успела произвести и выстрела, как рука командира орудия резко опустилась и, одновременно прозвучала громкая, ожидаемая расходом, команда: «Огонь!» От выстрела пушка как-то вздрогнула, а рука командира снова была вверху. «Огонь!» Оба снаряда легли в цель, самоходка задымила и поползла назад. Снова зазвучали команды, и орудийный расчет пушки так же мгновенно исчез, как и появился. Я даже не успел подойти и позвать руку сержанту и узнать, кто он и из какой части. Зато я подошел к медсестре. Небольшого роста, с круглым лицом и заплаканными глазами, она все время от волнения поправляла прядь русых волос, выбивавшихся из-под солдатской шапки-ушанки. Сделав кое-какие пометки в блокноте, я подошел к капитану. Паника погасла так же, как и возникла. Я знал, что за ходом этой операции с наблюдательных пунктов следили командир корпуса, начальник артиллерии корпуса, командир разведки, командир подручной батареи и офицеры штаба. Операция прошла нормально, если бы не короткая локальная паника. Главная задача операции была выполнена – была вскрыта огневая система немцев, но на войне, как на войне, были и потери. Буквально через день я уже ранним утром сопровождал комкора в этот батальон. Группа бойцов была уже построена, и в начале шеренги я увидел медсестру. Командир корпуса лично вручил ей награду – орден Отечественной войны. Награды получили комбат и несколько солдат. Командир сорокапятки и весь его расчет получили награды позже в штабе корпуса. Снова потянулись фронтовые будни... [63]

Жарков Василий Дмитриевич **Всю войну прошёл на танке**

Всю войну я прошел на танке. Меня определили в танковый корпус в начале войны. Поэтому я хочу рассказать два случая из своей армейской жизни.

Под конец войны мы должны были встретиться с союзниками. Нам дали указание поменяться с ними чем-либо в знак дружбы. Место встречи было назначено в двух километрах от города, названия я уже не помню. И вот мы пошли на нее и когда уже оста-

валось около полкилометра, по нам открыли огонь. Как мы выяснили, это были американцы, они зашли на нашу территорию, то ли ошиблись, то ли специально, и стреляли по нам. Поэтому мы дали несколько залпов из «Катюш» и они больше не лезли.

Второй случай произошел, когда немцы уже капитулировали. Нам дали задание отнести один важный пакет, а мы на самоходной установке. Мы проехали речку и стали въезжать в лес, когда заметили впереди роту немцев. Сначала мы опешили, ведь у нас только одно орудие и нас пять человек, а у них была целая рота, вооруженная до зубов. Мы свернули с дороги и заехали в канаву. После мы решили послать одного из нас к немцам. Когда мы к ним подошли, они стали говорить: «Гитлер капут!». Оказывается, они шли сдаваться, и поэтому мы им приказали сложить оружие. Когда они его сдали, мы им дали указания идти в нашу часть. После того, как они чуть-чуть отошли, мы облили все оружие бензином и подожгли и продолжили наш путь [64].

Жданов Владимир Михайлович **Из штрафбата в разведку**

Я был призван в армию 19 декабря 1942 года. Нас послали обучаться в снайперское училище под город Казань. В течение 6 месяцев, я освоил снайперское дело и был направлен на передовую. Ехали через Москву и здесь нас затормозили и отобрали обучаться в г. Ногинск парашютному делу. В 1943 году с Ногинска направили в город Тейков Ивановской области, где продолжалась десантная подготовка. К маю 1944 года на моём счету было уже 16 прыжков. В мае мы получили новое обмундирование, но на гимнастике не было кармашков, куда бы можно было положить документы. Мне подсказали, что недалеко от нашей части есть деревушка и там живет женщина- швея, которая может пришить карманы. Я самовольно, без разрешения командира, пошел в деревню. Женщина пришила кармашки, и на это на все я затратил всего 20 минут. Когда прибыл в расположение части, то командир потребовал доложить о причине отсутствия.

Я доложил, но он посчитал это самовольной отлучкой и объявил мне трое суток ареста на гауптвахте. Я выполнил приказ и

всего то не досидел до окончания срока 2 часа, как на гауптвахте появился комендант и с ним генерал. Все арестанты были построены и комендант доложил генералу кто за что сидит. Когда он узнал, что я сидел за самовольную отлучку, а самовольная отлучка в условиях военного времени считалась дезертирством, генерал объявил мне 2 месяца отбытия на передовой для искупления вины кровью. Это был приказ Сталина. Так я попал в штрафной батальон. Нас таких собралось 12 человек и все мы под конвоем, как заключенные, были отправлены в лагерь во Владимирскую область где формировалось из числа заключенных воинское подразделение.

Нас было там 3000 человек. Кормили плохо, маленькую пайку отнимали у нас заключенные. Некоторые теряли силы, опухали и умирали. Я уцелел. Нас десантников было 12 человек и мы не давали себя в обиду. Пайку хлеба не отдавали зэкам. Через месяц поступила команда об отправке на фронт. Всех нас конвоировали на железнодорожный вокзал, затолкали по 120 человек в пульмановские (грузовые) вагоны и под охраной с собаками безостановочно, без еды, повезли на Первый Прибалтийский фронт. Так как железная дорога была разбита, то за 80 км. до города Каунас, нас высадили и загнали в лощину. Сюда прибыло с передовой военное начальство и интересуется: «Как дела?» В ответ мат и другие выкрики. Спрашивают: «В чем дело?» В ответ: «Жрать хотим». Командиры успокоили. Попросили взять себя в руки. Сообщили, что будет снят конвой и все будут накормлены. Всё так и было. Нас 400 человек назначили в 177 полк. По распоряжению командира полка подъехали американские машины «Студбекеры» и мы прибыли в этот полк.

Из числа нас были назначены командиры взводов, командиры отделений. Я был назначен «первым номером» станкового пулемета. В моё распоряжение дали еще двоих бойцов. Прибыли на передовую кругом сплошные воронки снарядов. Деревья были на опушке леса, обломаны снарядами. Траншеи осыпались: воронка на воронке. Стоял приторный запах трупов убитых наших солдат. Чувствовалось – здесь был большой и жаркий бой. Встретили четырех солдат, которые сообщили, что находятся тут 6 дней. Их в боевом подразделении было 300 человек. Осталось 6, а остальные все убиты. Сказали, что днем немцы не стреляют. Ведут себя «как у тещи в гостях». В 12 часу ночи каждый день делают минометные обстрелы и бомбят нашу передовую.

Днем мы поправляли блиндажи. В 12 ночи фашисты открыли минометный огонь по нашей обороне. Ввели его минут 10, а потом перенесли его тыл и начали вылазку. Я запустил на нейтральную полосу ракету, и было видно там скопление немцев. Я открыл пулеметный огонь, а в ответ в ответ в наш блиндаж полетели снаряды. Блиндаж рассыпался.

На следующую ночь была тишина, но они взяли у нас 3 человека в плен. И видимо узнали от пленных, что штрафники. Рано утром с их стороны по рупору началась агитация: «Переходите на нашу сторону, вам остается мало жить».

Я на третьи сутки получил ранение в руку. Был направлен в госпиталь, подлечился. Дни шли к выписке, когда однажды ко мне подошёл офицер в звании в звании старшего лейтенанта и представился командиром дивизионной разведки. Стал мне говорить, что ты парень обстрелянный и предложил послужить в разведке: «Не пожалеешь, тебе лучше будет, чем в пехоте». Я согласился, хотя было страшно, но надо. Так я стал разведчиком.

Запомнилась первая вылазка. Поступил приказ командира взять языка. Два дня готовились и наметили напасть на один немецкий блиндаж. Честно скажу, что было страшно. Место, не доходя блиндажа, было заминировано, поэтому саперам пришлось его разминировать. В 2 часа ночи стали подбираться к блиндажу. Нас было 6 человек, было видно, что немцы находились в траншеи и где-то бросали ракеты. Были видны на голове каски 5 человек. Мы расположились метров в 20 от них. Командир приказал слева и справа открыть отвлекающий огонь, не по ним, а в сторону. Мы сделали четвертый бросок. Командир дал автоматную очередь по траншеи и убил их всех. Он побежал по траншее. Я недалеко бежал за ним и вдруг вижу, немец душит его. Я приблизился, ударил немца молоточком и он потерял сознание. Мы вытолкали его из траншеи и быстро потащили. Вдруг он приходит в себя и начал лупить руками, ногами и кусаться зубами. Не хотел даваться живым. Потом утихомирился, и мы его привели в штаб дивизии. Медсестра привела его в порядок, у него не было глаза и зубов. При допросе он сообщил, что был командир взвода, и ему не хотелось сдаваться живым. Когда мы подбирались к ним, он ставил задачу своим подчиненным схватить или уничтожить нас, когда мы приблизимся.

Все получилось не так, как им хотелось. За этот подвиг я награжден орденом «Славы» третьей степени.

Второй подвиг. Мы вчетвером, в ночное время перебрались через немецкую оборону взяли в плен двух офицеров. На улице была непогода, ноябрь месяц, ветер с дождем, но нам удалось выбраться оттуда невредимыми. И я был награжден орденом «Славы» второй степени [65].

Жохов Михаил Сергеевич
Я верил и твердил – я буду жить!

Начальную школу я закончил в своей деревне, а с 5 по 7 класс учился в Капшинской Н.С.Ш., которая находилась в 10 км от нас. Это были тридцатые годы XX столетия. В возрасте 14 лет я вступил в комсомол. После окончания семилетки я устроился на учебу в Московский областной библиотечный техникум, который находился в городе Малоярославце. Окончил его в 1941 году, когда началась Великая Отечественная война. До ее начала я был уже зачислен в Тульское артиллерийское военное училище. Но учиться в него не попал, поскольку шла война и немцы приближались к Москве, училище эвакуировали в город Ашхабад.

Меня мобилизовали в армию только в начале ноября 1941 года и направили в Гороховецкие лагеря. Это было чудное место: сосновые боры, изрытые землянками, в которых располагались военнослужащие. Здесь концентрировались резервы Верховного Главнокомандующего. Сюда стекались сотни тысяч молодых мужчин, которые были мобилизованы в центральной части России.

Спустя полтора месяца моего пребывания в Гороховецких лагерях, я добровольно записался в лыжный батальон и был отправлен в город Горький в военный лагерь Марьино Роцца, откуда попал в десятый запасной полк, в котором готовились маршевые роты для отправки на фронт. Как только завершилась трехмесячная военная подготовка, как только тебя обучат маршировать и петь песню в строю, как только ты изучишь винтовку и кое-как поймешь, как из нее стрелять, научишься одевать противогаз и рыть окопчик саперной лопаткой, то тебя тут же оденут и обуют во все новенькое. Это означает, что подразделение готово воевать.

Но в марте месяце 1942 года меня, как солдата, имеющего среднее образование, откомандировали на учебу в Горьковское зенитно-артиллерийское училище. Осуществилась моя мечта. Но офицера их меня все равно не получилось, хотя я очень хотел быть им. За месяц до окончания курсов, училище было поднято по тревоге и отправлено на железнодорожный вокзал, откуда поездом нес доставили в Москву, а затем в Звенигород. Здесь формировалась вторая гвардейская парашютно-десантная дивизия. Нам присвоили звание гвардии сержанта и распределили по полкам. Я попал в седьмой полк, вторую роту пулеметного взвода. Стал я командиром расчета станкового пулемета. Так, в августе 1942 года я стал пехотинцем-пулеметчиком. Три месяца подготовки. Это и учебные прыжки с аэростата, стрельба из пулемета, тактические и другие учения. Завершились они в октябре месяце.

Затем отправка на фронт. Путь шел через Москву, Калинин, Торжок и Осташково. Везли нас на автомобилях, пока была дорога. Но когда она закончилась, начался пеший поход вдоль линии фронта. Шли ночью почти месяц. Это была маскировка, чтобы разведывательная авиация немцев не знала о концентрации войск. С ноября 1942 года началась окопная жизнь. Спустя год после призыва я попал в действующую армию на Северо-Западном фронте в составе 1 ударной армии. Мне шел двадцатый год, судьба складывалась удачно, я был готов вступить в бой осторожно и разумно.

Окончилась спокойная жизнь. Она сопровождалась ружейной, пулеметной и артиллерийской стрельбой. Изредка бывали полеты авиации. Больше всех беспокоили минометные обстрелы. Сначала их побаивались, а потом привыкли. По свисту пролетающей мины ориентировались, что делать: или надо ложиться, или можно продолжать движение. На это время приходились взвешенные и дерзкие разведывательные операции. Доставать «языка» надо было обязательно. Не каждая вылазка была удачной. Я, как пулеметчик, в разведку не ходил. Для этих целей в полку было особое подразделение.

Активная наступательная работа у бойцов состоялась только в феврале 1943 года. Перед войсками была поставлена задача уничтожить далеко вклинившуюся, почти на 100 км вглубь нашего тыла, группировку неприятеля. Этот марш начинался от Старой Руссы и простирался за Спас-Демьянск. С участием парашютно-

десантных войск эта задача была решена быстро и без больших потерь. Наш полк в десантных операциях не участвовал. Противник с боями откатывался к Старой Руссе, где у него была глубоко эшелонированная оборона. Наш полк подошел к реке Ловати 20 февраля, а в праздник Дня Красной Армии начался штурм обороны противника с целью захвата плацдарма на противоположном берегу реки и развитие наступления на Псков. Сражение было крупномасштабным, с участием всех видов войск кроме авиации.

С утра заработала крупнокалиберная дальнобойная артиллерия, зарядка которой длилась час, полтора, два. После короткой передышки немецкую оборону начали обрабатывать залпы гвардейских минометов «Катюша». Это было красивое и устрашающее зрелище. Видел я его единожды. Незабываемое от него впечатление. Потом в поход пошли танки, а за ними пехота. Наш полк, неся потери в живой силе и технике, сумел опрокинуть противню и овладеть обширным плацдармом на другой берегу реки, закрепиться и создать за ночь систему обороны. Развить наступление дальше не хватало сил. Немцы пытались контратаковать и сбросить нас с захваченной территории. На этом плацдарме я пробыл более пяти суток. Постоянный минометный обстрел, бомбардировки с воздуха, контратаки с танками не прекращались в течение всего светового дня, а с утра начиналось снова. Солдаты и офицеры полка, теряя своих товарищей, держались стойко. Все глубже и глубже зарывались в землю создавая все новые и новые дзоты. Примером для всех нас была стойкость солдат офицеров, показанная нам при обороне Москвы и в Сталинграде. Мы учились воевать овладевая мужеством и храбростью.

В начале шестых суток я лежал на бруствере окопа и вместе с бывальными товарищами вел оружейный огонь по противнику, пытавшегося идти в атаку. Во время массированного минометного обстрела я был ранен в ногу. Когда я сполз в окоп, то друзья разрежали кирзовый сапог и увидели осколочное ранение в область голеностопного сустава. Сделали перевязку и переправили через реку по канатной дороге на противоположный берег. Когда я остался один, немощный и неспособный двигаться, мне сразу стало страшно, даже ужаснее того момента, когда шли в атаку под пулеметным и минометным огнем. Я лежал на снегу и размышлял: как быть и что делать? Решение созрело скоро. Надо двигаться в тыл, искать

санитаров и попасть в медсанбат.

Когда я перевалил возвышение берега, то увидел по снежному полю дорогу, оставленные танками. Решил по ней двигаться попластунски. К вечеру я был у леса, там я встретил санитаров. Они доставили меня в полевой госпиталь.

И вот здесь обнаружилась самая абсурдная черта войны, которая открыто проявлялась в страданиях людей. Любуйтесь в санбатах на трагедию войны, на ее похабство, на изысканное унижение человека и особенно в тот момент, когда он тяжело ранен, тогда он цепляется по праву совести за спасение собственной жизни. Тогда ущемленному самолюбию не останется ничего другого, как отбросить мораль как старое ненужное барахло, развесить повсюду, как мерзкую дрянь, слушать лишь один голос, идущий из глубины эгоистических устремлений, но спасающего одичавшего от мучений неудачника.

Страшно вспомнить ту ночь, когда я, раненый, лежал на снегу возле медсанбата, ожидая очереди, когда тебя возьмут на перевязку. Врачи-хирурги, работавшие в палатке, которая светилась изнутри, а из крыши струился дым, падали от усталости, а раненые все шли и шли. Так хотелось попасть к теплой печке, отогреться и уснуть.

Судьба мне подарила две жизни. Одну я провел на войне, другую после. Ненароком, совсем случайно, я остался жить. Повезло, судьба такая. Смерть во время атаки кружила вокруг меня, но как мне помнится, представлялось невероятным, что меня убьют. Я верил и твердил, – я буду жить! Пусть меня ранят, даже тяжело, пусть свалится страшно печальная боль, я выдержу, перенесу. Я еще молодой. Почти не жил. Не знаю и не понимаю жизнь. Вера моя спасла меня, и мне выпало счастье жить, пройдя смерти.

На следующий день, утром, к санбату подошли две грузовые автомашины и стали забирать раненых с улицы и куда-то увозить. На первый и второй заезд я не попал, а вот с третьего уехал. Дорога была недалней. Нас привезли к колхозному скотному двору. Деревню сожгли, а двор остался. Меня перенесли на носилках. Оказалось, внутри большая казарма с нарами в два яруса и с печками, которые топились. В помещении было тепло, пахло раем.

Укоротим рассказ и перечислим лишь госпитали. Меня перевезли в Осташкове, госпиталь был в кожевенном заводе. Лежали на полу на ватных матрацах. Далее перевезли в Калинин, оттуда попал в Дзержинск, и, наконец, в Кемерово. Это было начало вес-

ны. Была капель и лужи. Лежачих раненых на носилках сразу отправляли в госпиталь, который находился в помещении школы. Кирпичное трехэтажное здание. После бани меня определили в спортзал. Раненых в нем лежало десятка два. В этом госпитале я пробыл на лечении девять месяцев, после чего инвалидом второй группы меня отправили к матери в родную деревню. Ехал я поездом через всю Западную Сибирь. Свердловск, а потом в Москву, от которой до деревни рукой подать.

После госпиталя был списан с воинского учета по инвалидности. Встал вопрос, как жить? Где работать? Выручил случай. В моей деревне жил мой старший товарищ Сергей Новожилов. Он был инвалид первой группы, слепой. До войны он окончил Рязанский педагогический институт. В мае месяце он мне сказал: пойдём работать в школу. Я буду работать учителем, а ты моим поводырем. Заработную плату будем делить пополам, а может в школе тебе найдется какая-то работа.

С этого так все и началось. Написали письмо в Талдомский РОНО. Оттуда пришло приглашение. Мы явились на переговоры. Там мне сразу предложили должность военрука с преподаванием физкультуры и физики, а Сергея, как учителя с высшим образованием, для назначения на работу направили в Мособлоно. Начальник кадров заупрямился и назначить слепого в массовую школу отказался. Мы пытались их уговорить, но безуспешно. Сергей обратился во Всероссийское общество слепых и там ему дали работу. Так наши судьбы с Сергеем разошлись... [66]

Жуков Николай Васильевич **В отступлении**

22 июня в 4 часа утра начал войну. Служил в г. Шауляй в 122 батальоне аэродромного обслуживания. Я служил в полеходной команде. В команде 5 человек и командира. В первый же день были обстрелы.

Был наблюдателем за воздухом. Всех обмундировали. И подорвали склад. Много шоколада с собой брали. И поехали в часть. Ехали в тыл. Бронепоезд ехал – предательский поезд (работали на немцев) обстреляли. Было жарко.

Встретились с бронемашинами немцев. Были частые бомбардировки. Дошли до Риги. Через реку Даугаву хотели перейти, но началась бомбардировка. Вся река была бела от рыбы.

Не было карты. Отходили на Псков. (Старик показал). По направлению Калинина отходили. Когда подъехали под Торжок, на город выбросили немецкий десант. Недалеко был гражданский аэродром и мы его обслуживали [67].

Задорожный Михаил Григорьевич **Бой на кукурузном поле**

В мае 1942 года был призван в армию и начал обучение в школе младших командиров. В августе школу эвакуировали, курсанты надели скатки, противогазы, вещмешки и отправились пешком по Военно-Грузинской дороге в Баку. В конце сентября 1942 года курс обучения был пройден, и в звании лейтенанта артиллерии я был направлен в истребительную противотанковую часть. Технически она была оснащена неплохо, благодаря этому часть постоянно перебрасывали с места на место.

Однажды нас выставили в одной из деревенок Северной Осетии. Командованию было известно, что готовится прорыв, и оно правильно предугадало на каком именно направлении. Несколько дней мы отрывали окопы, готовились. У каждого был свой сектор обстрела. Я – наводчик, первый номер расчета. Прорыв начался на участке нашей батареи. Две пушки оказались на пути танков, а наше орудие несколько в стороне, так что из того боя мы вышли без потерь.

Запомнился мне бой в начале ноября. Наша пехота наступала по неубранному кукурузному полю. Задача артиллеристов – поддерживать ее огнем. Видимость была очень плохая: кукуруза мешала, но мы все же вели стрельбу по целям, которые нам указывал командир пехоты. Убило командира орудия, а я по штату первый номер, значит должен его заменить. Впечатлений в этом бою было много. Я впервые увидел, как возле меня погиб человек. И он был всего лишь на 2 года старше меня. Когда 19 ноября в Сталинграде началось наступление, нам был дан приказ вести активные действия. Мы начали преследовать гитлеровцев.

Нальчик, Моздок, Туапсе... В день, когда Цезарь Куников высадился на Малую землю, я получил ранение. Потом – пехотное училище. А когда началась Курская битва, училище в полном составе было переброшено в район боевых действий [68].

Звара Иво **Была своя война и своя победа**

У миллионов людей многих стран была своя война и своя победа. На примере нашей семьи и села, в котором мы тогда жили, я могу рассказать о, скорее всего, малоизвестной читателям стороне войны. Я был даже свидетелем некоторых событий, хотя мне и было всего одиннадцать лет. Но о самом главном я узнал только после 9 мая 1945 года.

Наше село находится в 120 км восточнее Праги. В 1930-1940-х годах мой отец Йозеф Звара был директором школы. Война для родителей началась уже осенью 1938 года, в период заключения мюнхенского договора. Отца мобилизовали в армию, и он даже участвовал в Словакии в коротком бою с венграми. В марте следующего года лишённая оборонительной линии Чехия была оккупирована фашистской Германией. Перед родителями, которым было около 30 лет, появилась перспектива жить до конца своих дней под протекторатом «тысячелетнего рейха». Что всех нас ожидали, можно было проследить на судьбах евреев. Им сразу приказали нашить на одежду желтые шестиконечные звезды, а на трактирах должны были вывешиваться таблички «Еврейам вход запрещен». Вскоре их вообще не стало.

Многие в стране тогда связывали надежды с Советским Союзом. Но после заключения пакта Молотова-Рибентропа дошло и до случаев самоубийства от отчаяния. Надежда возродилась после нападения Гитлера на СССР. Постепенно в стране разворачивалось сопротивление, велась подпольная работа. Малейшие проявления сопротивления жестоко подавлялись. Террор многократно усилился после покушения на «Рейхспротектора» Гейдриха в мае 1942 г. Тогда у нас дома прятались подпольщики, которые уцелели при разгроме ячеек в Праге. Благодаря помощи сельского старосты удавалось их обеспечивать продовольственными карточками и

фальшивыми документами. За такие дела грозила смертная казнь, как и за многое другое: за установку в радиоприемнике катушки для приема вещания из Лондона на коротких волнах или даже за заботу свиньи и неуплату полагающегося большого налога натурой – все это считали саботажем. Наказание выносилось «по суду», но с «судебными делами» управлялись в течение 24 часов после «преступления».

Мой дядя также работал учителем в нашей области, и его школу посещали дети из маленькой деревеньки Лежаки. В ней действовала подпольная радиостанция, для которой отец в числе других собирал сведения о передвижении войск и грузов. Однажды летом 1942 г. ни один ребенок из Лежак не пришел в школу. А на следующий день в газете появилось сообщение, что за содействие партизанам «...все мужчины деревни были казнены, женщины отправлены в концлагерь, дети – на перевоспитание в Германию, а название деревни было навсегда стерто с карт». Так Лежаки разделили судьбу Лидице. После войны смогли отыскать только ребенка.

Наше село находилось на окраинах сравнительно большого леса в холмистой местности. В глубину массива авиацией забросили группу подготовленных партизан-«профессионалов», которые образовали штаб чешско-советской Партизанской бригады им. Яна Гуса. Основной партизанской силой в ней становились советские военнопленные, бежавшие из лагерей чешские подпольщики и добровольцы. В последние месяцы войны вокруг нашего села с 700 жителями обосновался отряд капитана Коровина-Уральского численностью около 100 бойцов. Он действовал самостоятельно, занимаясь диверсией на железных дорогах и разведывательной работой.

Едой, одеждой и медикаментами партизан большей частью обеспечивали жители села. Это при том, что в городе, в пяти километрах от нас, находился небольшой немецкий войсковой гарнизон, а в 20 км, в областном городе, – отделение гестапо. У них там был даже свой расстрельный полигон на окраине города. Начиная с 1941-го, там было казнено около 200 человек.

Большая помощь беглым пленным и партизанам была спонтанной и всеобщей. В феврале через село гнали военнопленных, в большинстве своем это были русские. Их перемещали из Польши на запад, так как с востока продвигался фронт. Как правило, это было несколько сот человек с небольшим числом конвоиров. О

прибытии пленных оккупационные власти сообщали за сутки: требовали приготовить места для ночевки (сеновалы, амбары и т.п.). Пленные были полураздеты, очень голодны. Население испытывало к русским, в которых верило, симпатию и человеческое сострадание. В первую очередь пленных кормили. Конвоиры не возражали, опасаясь давать лишний повод к отчаянному голодному бунту. В каждом втором доме села варили в самых больших кастрюлях супы и похлебки, пекли лепешки. Когда после нескольких таких колонн в деревне кончилась мука, снаряжали подводы в соседние деревни и собирали деньги на пополнение продовольствия.

Пленные оттаивали на глазах, говорили, что нигде на предыдущих этапах к ним так не относились. Один из них сделал отцу удивительный подарок, если учесть условия, в которых они находились. Это была русская народная игрушка – птица с распростертыми крыльями, собранными из десятков тончайших крошечных берестяных пластинок. Непостижимо, как он ее сделал, ведь ни кожа, ни чего-нибудь подобного у него не было. Как он ее сохранил? Мы и позже не нашли ответа. Птица хранилась у нас дома на протяжении десятилетий, пока, к сожалению, не рассыпалась. Пленным во время ночлега нередко удавалось бежать и поодиночке, и даже группами. Их иногда переправляли в распоряжение партизан на грузовике, спрятав под всяким хламом. Без опасных инцидентов не обходилось.

Несколько недель в селе стояла немецкая артиллерийская рота: проходила переподготовку перед отправкой на фронт. Партизаны ее не трогали, это могло бы привести к гибели поселка. Солдаты и офицеры были в основном австрийцами, им особенно не хотелось снова отправляться на войну. С населением себя вели корректно, иногда заходили в дома попросить попить или даже поесть. Однажды партизан-чех, который лечился деревенском доме, и зашедший туда вражеский солдат оказались за одним столом. Ничего не подозревая, солдат с ним поел, побеседовал и ушел. В другой раз пуля из оружия, которое чистил партизан, ранила в руку хозяйку дома. К счастью, ее удалось вылечить без обращения в больницу.

Однажды партизаны недалеко от села ликвидировали людей, сопровождавших простую на вид повозку, на которой находилась замаскированная аппаратура для пеленгования подпольных и партизанских радиостанций. После этого в село нагрянули гестаповцы.

Они взяли себе в помощь чешских полицейских из городка и мужчин деревни, чтобы цепью пройти по лесу. Сведущие жители провели цепи только по тем местам, где партизан не было. Один из селян все же провалился в замаскированный вход «неучтенной» земляки, но по счастливой случайности никого из немцев рядом не оказалось.

Однажды пойманный русский пленный не выдержал издевательств на допросе в гестапо и рассказал, что его «на воле» приютит в нашем селе сапожник. Он не запомнил ни хозяина, ни дома. В то время сапожным ремеслом занимались во многих семьях. В результате немцы арестовали жителя, который как раз никогда партизанам не помогал и действительно ничего не знал. Его в гестапо били, но в итоге все же отпустили. В другой раз пришло предупреждение, что к нам выезжает с проверкой гестапо. Стариков, укрывавших серьезно больного партизана, охватила паника. Тогда их дочь погрузила бойца на большую деревянную тачку, прикрыла сеном и в разгар дня провезла по деревне к себе домой, чтобы спрятать. Обошлось.

Эти простые сельские люди были бесстрашны, они боялись, но делали то, что считали своим естественным человеческим долгом. Чаще всего беглецы стучались по ночам в самый бедный дом на конце деревни. Там жила семья рабочего с лесоповала. Как потом стало известно, этот рабочий доставал и на деньги из своей мизерной зарплаты систематически покупал для них еду и даже кое-какую одежду. В последнее военное Рождество в семье рабочего случилась трагедия: ребенок нечаянно облился керосином и заживо сгорел. И все же, когда через несколько дней ночью поступался очередной беглец, здесь о нем снова позаботились.

Не все были так самоотверженны. Если кто оставался в стороне, его не упрекали ни тогда, ни после войны. Но предателей не было. Даже среди чешских полицейских, курирующих село. Большая часть людей помогала, чем могла. Все было на добровольных началах. После войны практически никто не получил награды. Просто тот, кто больше всех помогал и рисковал, тот больше всех радовался, что остался жив и теперь свободен.

5 мая 1945 года фронт был еще в 150 км восточнее нашего села. Когда в тот день началось восстание в Праге, наши партизаны вышли из леса, к ним присоединились скрывающиеся подпольщики, бежавшие из плена три летчика, несколько жителей села,

имевших военный опыт еще с 1-й Мировой. Вместе они напали на гарнизон в городке. К сожалению, в близких более крупных городах, которые оккупационная власть крепко держала в руках, открытые выступления не последовали. Это дало немцам возможность бросить на городок 2000 солдат с техникой, включая даже два самолета с пулеметами и бомбами.

Восставшие потерпели поражение, погибли 60 бойцов и намного больше были ранены. Еще 8 мая целый день по улице курсировали бронетранспортеры с пулеметами, направленными в окна домов, с предупреждением, что село будет уничтожено, если раздастся хоть один выстрел. Вечером они исчезли, и 9 мая у нас не было никакой власти, только соседние деревни сообщали о прохождении Красной Армии. 10 мая появились первые советские отряды, они остановились на время в нашем селе. Бойцы были очень уставшими. Встретили их так, как только можно встречать освободителей и победителей. Когда один солдат погиб в дорожной аварии, сельчане переживали его гибель как личное горе.

Но последняя жертва была еще впереди. Две недели спустя, когда в городке чтить память погибших и праздновали освобождение (проходил и парад партизан), два советских офицера на глазах у прохожих застрелили капитана Коровина-Уральского, который на улице беседовал со своим знакомым, сели в машину и уехали. Так был исполнен смертный приговор, вынесенный капитану заочно еще зимой трибуналом партизанской бригады за самоуправство в отряде – самоличные необоснованные расстрелы бойцов.

У отца всегда было внутреннее ощущение, что окружающая жизнь и есть история и ее нужно засвидетельствовать. Поэтому сразу после войны, по горячим следам, он записал, как себя вели и боролись люди нашего села. Он почти не упоминал о себе, хотя был одним из наиболее активных организаторов. Он написал так подробно о том, что делали многие другие, как мог написать только человек, который был вместе с ними. Мне он признался, что, конечно, боялся за жизнь и за семью, особенно когда его ночью звали в дом на край деревни, куда стучался очередной беглый русский пленный, который, однако, вызывал некоторые сомнения. Отец считался лучшим знатоком русского языка, поскольку в 1937 году провел две недели в СССР и немного знал русский, и знатоком человеческой психологии, так как был учителем. Он должен

был в разговоре определить, действительно ли этот беглец, которому можно выдать листовку от капитана Коровина и направить по маршруту в лес, или же это провокатор из гестапо. Так повторялось десятки раз. Моя мать, которая все знала (временами прямо в нашей квартире в здании школы скрывались подпольщики), постоянно жила в большом напряжении: ведь на фронте непрерывных «обычных» невзгод военного времени на протяжении нескольких лет в любой момент все могло обернуться катастрофой и гибелью, об этом невозможно было забыть [69].

Иванцов Степан Фёдорович

Огонь был страшный – головы не поднять

Война для меня началась 22 июня 1941 года. В это время я служил на границе в районе Западной Белоруссии. Во время войны служил в 29 армии на Западном фронте в отделе контрразведки в звании сержанта.

В 1941 году был такой эпизод. Находились мы в районе города Неволя, деревня Усая. Разведка доложила о нахождении немецкой группировки. Нашему отряду была поставлена задача – уничтожить. Когда вступили в бой, то оказалось, здесь собрано около двух немецких дивизий. Огонь был страшный. Головы не поднять. Нашей группе, в которой находилось около 70 человек, это было не по силам. После больших потерь комендант участка отдал приказ: «Отступать!» Трудно было вести бой и отступить было не легче. Но при отступлении старались спасти оружие. Я был приставлен вторым номером к станковому пулемету. Весил он 66 кг. То толкая, то неся на себе, вынес я этот пулемет! Группа наша вернулась в часть. За сохранение боевого орудия мне командир объявил благодарность [70].

Игнатъев Сергей Михайлович

Война измерялась километрами проложенного кабеля

«Вы направляетесь в 134-ю кабельно-шестовую роту 10-го отдельного полка» – сказали мне и я отправился к связистам. Был молод, но уже закалён работой в тылу. Как и все юноши, в начале

войны трудился в колхозе, затем в Федоровском заливе на заготовке дров для Москвы. Призыв совпал с продолжением боевых действий Советской Армии на Украине, в Белоруссии и далее – до самого Берлина.

Так и служил до 1947 года в войсках связи, да не простой части, а в той, что обеспечивала правительственную связь. ...Нетрудно представить и ту ответственность, с которой должны были служить солдаты.

Однажды, прокладывая правительственную связь от Сарн до Ковеля на 1-м Украинском фронте, рота вынуждена была тянуть кабель по болотам, холодной ледяной воде. Объединились в группы: двоё шли вперёд, разбивая лёд, следующие тянули кабель: проходили по 3 километра в час. Холодными мартовскими ночами сушились у костра, а утром надеваю сырую обувь, снова окунались по пояс в холод, грязь одолевали бойцов; половина из них кашляла, вторая половина уже болела туберкулёзом. Построив обходные линии, возводили кабельно-шестовые. Не успев завершить и закрепить связь, снимались и уходили вперёд и вперёд – на другой участок. И так каждые 6-10 километров ради приказов командования и нескольких слов переговоров.

Особенно накалённая обстановка складывалась во время приезда командующего армией: до Вислы К.К. Рокоссовского, потом Г.К. Жукова, лично которому как представителю Ставки Верховного Главнокомандования приходилось не раз обеспечивать скоростную связь.

... Там же в районе Ковеля бойцам 134-роты крупно повезло: они набрали на брошенную фашистами мастерскую с инструментами. Поскольку техническое оснащение связистов нашей армии было намного хуже, солдаты запаслись необходимым, кое-что припрятали. Но вдруг приехал командир и заставил их буквально всё выбросить: «Что вы позарились на немецкое барахло? Своего не хватает?» – кричал он, наблюдая, как солдаты выбрасывали катушки, ножницы, пассатижи. Но то, что припрятали, и затем заботливо укрыли в повозке (в распоряжении связистов были и лошади), ещё долго помогало делать «вставки», менять провода, ремонтировать линию.

Освобождение Варшавы, Лодзи, Кутно, Гостынича, Ленчица и Познани связано с неслыханными километрами проложенного

кабеля под залпы гвардейских минометов, канонаду пулемётов и автоматов, взрывы бомб.

...Накануне штурма Берлина рота получила приказ обеспечить кабельно-шестовую связь южнее Франкфурта. Здесь было сложнее: вокруг вода. Решили протянуть кабель от берега к берегу Одера. А для того, чтобы связь не оборвалась, инспектировали её на лодках. Тут же помогали санинструктору перевозить раненых.

...В мае 45-го шагали мы в обход в Берлина на Бранденбург, Магдебург. Выполнив задание, рота, так и не дождавшись машин, погрузила имущество в повозки и... День шли в тишине, ночью, когда повернули на запад, вдруг слышали стрельбу. Рассредоточились, приготовились к бою. (Никто не помнил, какое было число, не знал, где расположены «свои» и «чужие»). По крикам всадников (а это была своя конница) поняли: война закончилась! [71]

Иконников Сергей Николаевич
Написал строчек пять
на имя Верховного Главнокомандующего

Война застала наш курс во время завершения обучения в академии. Дипломные проекты были защищены, сдан госэкзамен по иностранному языку. До сдачи второго госэкзамена оставалось 2-3 дня. Все рвались на фронт. Но перед нами была поставлена задача – в кратчайший срок изучить досконально вооружение новых самолетов, запущенных в последние месяцы в серийное производство и только что начавших поступать в части: Як-1, МиГ-1, ЛаГГ-3. Су-2, Ил-2, Пе-2. До этого большинство новых самолетов мы видели только в воздухе во время тренировок К парадом на Центральном аэродроме. В классах, лабораториях, учебном ангаре работали допоздна. Вечером слушали сводки Совинформбюро. Немецкая авиация уже совершила первые налеты на Москву.

Считали дни и часы, когда же нас, наконец, направят на фронт. Но не всем довелось принять участие в боевых действиях. Инженеры требовались на самые различные должности. Некоторым повезло сразу попасть в действующую армию. Путь других в боевые части проходил через запасные полки, учебные полки летных учи-

лищ, военную приемку оборонных заводов. Рапорты по команде, обращения к наркому обороны, письма в цк БКП (б) Лично для меня ввод в строй в определенной степени был облегчен тем, что после окончания академии около месяца я проходил службу на самолетостроительном заводе по приемке боевой техники. Получить назначение в действующую армию из военной приемки было не просто, мне помог случай. На одном из подмосковных аэродромов нии ВВС срочно понадобилось собрать группу инженеров и техников по вооружению для изучения и освоения самолета ЛаГГ-3 с 37 мм пушками. Вот и вспомнили обо мне – служу рядом, разыскивать и вызывать откуда-то издалека не надо. На аэродроме нии мы детально изучали конструкцию 37 мм пушки Ш-3, установив ее на самолете, возможные отказы, методы их предотвращения и устранения, ремонт в условиях части.

Самолеты с новым вооружением, включенные в боевой ПВО, готовили к вылетам на перехват бомбардировщиков противника, прорывавшихся к Москве. А это налагало особую ответственность на весь личный состав части.

Через две недели после освоения новой техники и сдачи я получил назначение на должность инженера полка по вооружению, но не конкретной части, а одного из полков, который был укомплектован самолетами с новым вооружением.

Во время войны многие авиационные полки формировались переформировывались, получали новые самолеты в запасных авиационных полках. В один из таких полков был направлен и я. В полк из штаба ВВС пришла телеграмма: «Воентехник 1 ранга Иконников С.Н подлежит назначению инженером по вооружению полка истребителей ЛаГГ-3 с 37 мм пушками, с ним два техника, имеющие опыт». Вот мы и ждем день, два, неделю, две недели. С надеждой смотрим на каждый приземляющийся самолет. Но издалека видно, что это «не наши» – стволы, пушек не выступают за контур носовой части самолета. В ЗАП прибывают из частей, школ, госпиталей, летчики, техники, другие специалисты. Заводские летчики-испытатели перегоняют на аэродром самолеты. Укомплектованные полки убывают.

Выполняю отдельные поручения – провожу занятия по технике, воздушной стрельбе, бомбометанию, выступаю с политинформациями. Ежедневно по нескольку раз захожу в штаб с одним и

тем же вопросом – когда прилетят самолеты с чудом вооружения? Наконец, разрешили поехать на завод и выяснить у военпреда причины задержки. Оказалось, что мотор самолета не выдерживает силы отдачи пушки, установленной в развале двигателя. Несколько десятков выстрелов и из-под всех прокладок начинает бить моторное масло. Такие самолеты принимать и отправлять на фронт было бы преступлением. На скорое устранение дефекта рассчитывать не приходится.

Возвратившись в ЗАП с безрадостными вестями, продолжал выполнять отдельные поручения, помогал инженеру-практику в проведении различных расчетов, старался анализировать боевой опыт, о котором узнавал от прибывающих с фронта летчиков, инженеров, техников. Как-то, находясь на командном пункте, услышал распоряжение: полеты прекратить, все самолеты, находящиеся в воздухе вернуть на аэродром. У нас совершит посадку «особо важный». Через полчаса приземлился транспортный «Дуглас».

Вскоре стало известно, что одним из пассажиров был капитан В.Сталин. Время было уже позднее. Выяснилось, что самолет продолжит полет в Москву завтра. Сразу возникла мысль – вот случай передать практически напрямую мою просьбу об отправке на фронт. Бегом в общежитие. Написал строчек пять на имя Верховного Главнокомандующего, заклеил конверт и скорей к самолету. Но на месте был только летный экипаж. Выяснилось, что пассажиры будут ночевать в штабе части. А возле штаба выставлены часовые и кроме командования полка туда никого не пускают. Ну что ж, встану пораньше, буду ждать, пока капитан пойдет к самолету.

Встал до рассвета. Время ожидания тянулось долго. Но вот из штаба выходят не ожидаемый военный, а три гражданских лица в сопровождении охранника. Одного из них встречал в Москве и знал, что, несомненно, доступ в секретариат Верховного Главнокомандующего он имел. Письмо мне у далось передать. А что будет дальше...

На другой день во время обеда в столовую влетает по полку и кричит: Иконникова немедленно к начальнику штаба. Бросаю обед, на ходу застегиваю шинель, скорее в штаб.

– Товарищ майор, по вашему приказанию прибыл...

– Иконников, вот из Москвы пришла телеграмма назначить тебя в боевую часть. Говори, в какой полк хочешь?

– В тот, который раньше других будет улетать.

– Хорошо, назначим в 721 ИАП, он через три дня на Западный фронт [72].

Ильинов Сергей Николаевич **Наступала грозная броня...**

Война застала меня в Ташкенте в танковом учебном полку. Было мне тогда 20 лет. Шел первый год моей службы в Красной Армии. Так и не успев доучиться, мы были отправлены под Полтаву. Сразу же в бой, первый порох... Первое ранение под Москвой. Госпитали. И снова – в часть.

Два с половиной года я воевал в составе 15-й бригады Донского танкового корпуса. Воевали мы вместе с земляком Василием Селезневым. Я был водителем танка, а он – стрелком – радистом. Еще с учебного полка с ним вместе, в одном экипаже. В битве под Курском танк подбили. Загорелась броня. Нужно было выпрыгивать, а передний люк механика заклинило. Решили выходить через башню. Сами понимаете, что на поле боя это делалось опасно. Мы сидели на скамье в центре города. Торопясь, мимо нас проходили люди. Ветер легонько шелестел в ветвях стройных сосен. А они, как молчаливые солдаты, подслушивали рассказ о войне.

Я вел дневник. В этом бою он сгорел, а снимок, на котором было снято, как мы с Василием стоим у нашего танка, каким-то чудом сохранился. Уже будучи в госпитале, я отправил письмо и фотографию его родителям. Два месяца пролежали мы тогда в госпитале. Из нашего экипажа в живых осталось четверо танкистов, у всех ожоги лица и рук I степени. Подлечились мы и снова в свою танковую часть. После успешного проведения наступательной операции под Курском был награжден орденом Красного Знамени, а Василий Селезнев – орденом Отечественной войны I степени (посмертно).

Дальнейшая фронтовая судьба такая: участие в боях за города Орел и Севск. Второе ранение и кисть правой руки. Госпиталь. Ампутация безымянного пальца. И в свой третий и последний раз выпрыгивал раненным в ногу из горящего танка под Бобруйском, во время переправы через речку Березина. Это было в конце 1943

года. Снова госпиталь, на этот раз уже надолго. День Победы застал в Румынии. По состоянию здоровья он уже не воевал, а обучал молодых воинов вождению танка Т-34. Награжден орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями [73].

Исаев Пётр Степанович

На Днестре нас оставалось в живых слишком мало

За давностью лет могли позабыться очень важные факты и впечатления. Но многое я вижу, слышу, ощущаю и теперь так ясно, как будто это происходило совсем недавно: голоса и тембры голосов людей, шелест снарядов и визг приближающейся мины, звуки разрядов и сернистый запах пороха, краски и прелый запах осеннего леса, краски вчерашней зари, температуру воздуха, ощущение тепла от костра, разложенного на снегу в еловом лесу... Я вижу упирающееся в меня дуло фашистского «фердинанда» в бою под Лебединым, вижу блеск, вспышку огня от выстрела, слышу звенящий звук направленной в меня, приближающейся ко мне «болванки», ощущаю град осыпавшихся на меня комьев земли, и снова переживаю свое возвращение к жизни!..

Часто сантиметры отделяли жизнь от смерти, сотни, тысячи солдат рядом со мной или в окрестности, которую я мог окинуть взглядом, погибали или оставались на поле боя искалеченными. Кто они? Я не знал их имени и фамилии, но я помню их застывшие навек неестественные позы! Это позы героев и мучеников, погибших во имя счастья людей на Земле!

...Наш стрелковый полк с боями подходил к Днестру. Всем хотелось быстрее выйти к его берегам. Но фашистские бомбардировщики «висели» над нами ежедневно с утра до вечера и мешали идти вперед. Я помню, что когда до Днестра осталось 15-20 километров, мы думали, что пройдем это расстояние за день. Однако в этот день мы прошли не более 5-7 километров – так нам мешала вражеская авиация.

Погода была изумительная: все дни были тёплыми и безоблачными. И все дни были похожи один на другой. Около 7 часов утра, после завтрака, полк строился в походную колонну: солдаты-

пехотинцы, полковая артиллерия, хозяйственные повозки вытягивались в длину, достигающую 2 километров. Не успевали мы пройти 1-2 километра, как с запада на высоте, примерно километр, появлялись немецкие бомбардировщики в количестве 150-200 штук. Это было потрясающее зрелище: равномерный гул тяжело нагруженных бомбардировщиков под охраной десятков самолётов – истребителей надвигался на нашу пехотную ленту неотвратно и страшно. Раздавалась команда «Воздух» и всё, что было на дороге разбегалось в стороны от неё на 200-300 метров и более – кто на сколько успевал. Кто успевал вытянуться в деревни, разбегались по огородам, прятал повозки и лошадей в укрытия под сараями, под деревьями... А в это время вражеские самолёты, начиная с головы нашей колонны до её хвоста, сбрасывали бомбы на разбежавшихся по сторонам от дороги колонны.

Мы только что втянулись в небольшую деревню, и я отбежал от дороги метров на 30 и улёгся вместе с другими солдатами поодаль друг от друга в борозде на огороде. Я слышал как бомбовый вал, раздававшийся с громадной скоростью, приближается ко мне, ну вот меня накрывает. Земля сотрясается подо мною от мощных взрывов, комья земли ударяют мне по спине, пыль и запах пороха лезут в нос, но уже через минуту гул удаляется в хвост колонны, а я с незнакомыми мне солдатами, ибо все перемешалось в эти минуты, отряхиваем с себя пыль и землю, приводим в порядок одежду, кто-то зовет к колодцу умываться. Слышны стоны раненых, молчат убитые, пристреливают раненых лошадей, слышится команда строиться. Полк постепенно собирается в походную колонну (на это уходит полтора-два часа) и начинает движение на Запад, к берегу Днестра.

В течение дня немецкая авиация совершала 4-5 налетов, и полк почти топтался на месте. Вечером шли донесения от рот и батальонов в штаб о потерях за день. Убитых в полку было мало: 5-10 человек на 3-4 тысячи, раненых – около 20-25 человек. Страдали лошади, которым прятаться было некуда. Во время одного из таких налётов я лежал в нескольких метрах от небольшого холмика высотой около метра и видел скатывающуюся с него как арбуз, голову солдата...

Мы вышли к Днестру южнее г. Канева около 15 километров. Это случилось либо 18, либо 19 сентября – я не помню сейчас точ-

ной даты. Наш берег – низкий, песчаный, усеянный мелким красноталом, Фашисты находились на высоком лесистом правом берегу. Теперь начались другие муки – немцы просматривали наш берег на 5-10 километров в глубину и с утра и до позднего вечера обстреливали из пушек и минометов каждую цель, даже отдельного человека.

С рассвета до наступления темноты жизнь на нашем берегу замирала, но ежедневно с наступлением сумерек мы начинали подготовку к форсированию реки. Готовили подручные средства для переправы минометов, легких орудий и боеприпасов. Каждую ночь мы смотрели на противоположный берег. Ежеминутно на фашистском берегу десятками взлетали ракеты, раздавались пулеметные очереди – простые и трассирующие, изредка раздавались выстрелы орудий и минометов. К 2-3 часам утра беспокойство немцев затихало, реже взлетали ракеты, реже стреляли пулеметы. С рассвета до темноты жизнь на нашем берегу замирала. Но с наступлением сумерек начинали подготовку к форсированию реки.

В ночь с 23-го на 24-е сентября мы приготовились к форсированию Днепра. Немцы вели себя по привычной схеме. К трем часам утра реже стали взлетать ракеты. В этот момент шепотом была передана команда – «Приготовиться к переправе» и мы подошли вплотную к воде. Через некоторое время – новая команда – «Вперед» и мы устремились вперед. Теперь – быстрее, быстрее, пока не взвились новые немецкие ракеты.

Ночь была звездная, было тепло. Мы спешили изо всех сил, переправлялись как можно тише. И когда до вражеского берега оставалось 50-70 метров в небе повисли ракеты, а через мгновение – раздались пулеметные очереди, затем начали рваться в воде глины и снаряды... Кажется, что на земле все это не так страшно, как на воде. Можно прижаться к земле – а здесь на поверхности воды, под ракетами ты виден как на ладони, медленно, медленно копошишься...

Солдаты прыгали с плотов и лодок в воду, плыли к вражескому берегу. С нашего берега заговорила артиллерия и «Катюши». Стало веселее. А мы, как только вылезли из воды, так и устремились вперед: надо было занять высокий берег, отогнать немцев от воды подальше. К 6-7 часам утра положение стабилизировалось. Нам удалось отвоевать полоску шириной в 400-500 метров и глубиной

50-70 метров. У нас была телефонная связь с нашим берегом. Наша артиллерия немедленно прикрыла нас мощным огненным заслоном. Местность перед нами была овражистая и лесистая – танки противника не могли нас атаковать.

Я не помню сейчас, какой день был самым трудным для нас. Вероятно, первый... Нас оставалось совсем мало. Я видел вправо и влево несколько солдат. Где-то время от времени раздавались пулеметные очереди. Мы только что отбили очередную атаку немцев, в голове гудело от стрельбы и разрывов гранат. Но немцы впереди, в небольшом, заросшем кустами и деревьями овраге, снова готовились к атаке. Сколько их там было – не знаю, но этот раз их было много, и мы понимали, что для нас эта атака будет последней, нас оставалось в живых слишком мало. Видимо так понимал обстановку и наш командир, который по телефону (кабель проходил по дну Днепра) сообщил координаты очередного скопления немецкой пехоты в 100-150 метрах впереди нас.

Было около 6 часов вечера. Буквально через 3-4 минуты после телефонного звонка с нашего берега «заиграла» «Катюша» и мы услышали приближающийся шелест ракетных снарядов. И вдруг мы почувствовали, что этот шелест приближается к нам, и каждый из нас втягивал голову в плечи, вжимался до предела в своих наспех вырытых окопчика. Мы понимали, что от этого залпа «Катюши» нам спасенья нет – он накрывает нас – все длится доли секунды. Но в эти же страшные доли секунд залп снарядов пролетел в метрах над нами и точно попал в скопление немецкой пехоты. Это был потрясающий грохот... земля качалась под нами, а впереди было видно пламя, дым поднялся высоко в небо, были слышны вопли, крики, стоны раненных немцев...

Вскоре все стихло... ни в этот вечер, ни в эту ночь нас более не атаковали. В первый день, отбив около 10 атак немецкой пехоты, нам удалось закрепиться на берегу. Всю ночь с захваченного нами плацдарма под яростным обстрелом противника вывозили раненых на противоположный берег, а к нам под такими же яростным обстрелом везли пополнение боеприпасы, подвозили на плотках еду и более тяжелую артиллерию. Все следующие дни были похожи на первый – непрерывные бои за расширение плацдарма, атаки и контратаки, борьба с пехотой и танками противника, сплошные налеты вражеской авиации.

Через неделю наш плацдарм стал большим – до пяти километров вдоль берега и до десяти километров в глубину. За форсирование Днепра мне была вручена первая боевая награда – медаль «За боевые заслуги» [74].

Кайнов Геннадий Ксенофонович **Лесная война**

В 1943 году в 17 возрасте работал на авиационном заводе (ДМЗ), так как не хватало рабочих. В 1944 году был призван на фронт и был определен радистом в 25 стрелковый полк МВД, который вел боевые операции по борьбе с бандитизмом на территории Литовской ССР. В этом полку я провоевал до 1951 г.

Приходилось по болотам, по лесам и полям таскать на себе 20-тикилограммовую аппаратуру. Зорко следил за воздухом и за опустевшими местами, и едва намечалась опасность, включал рацию и сообщал о приближении врага. Не раз во время боя засыпало землей, не раз осколки ложились рядом, но, отряхнувшись, прежде всего осматривал: исправна ли рация, а уж потом искал убежище для себя. Затихал налёт и я снова появлялся у аппаратуры, молчаливый и невозмутимый, и снова продолжал своё маленькое и нужное дело, в котором воинский долг трудно отличить от геройства.

Когда война закончилась войскам государственной безопасности пришлось вести бои в Литве, так как литовские банды националистов боролись против Советской власти. Поэтому и служить не год, а 7 лет. Они убивали всех, кто стоял на высоких постах, и вместо них ставили своих.

В бой с бандитами приходилось вступать часто, редко выпадали дни, когда нас не поднимали по тревоге, т.к. налет банд был неожиданным и в разных местах. Бои велись в лесах и на болотах. Бандиты были вооружены до зубов, а у нас порой не хватало боеприпасов, чтобы преследовать их. Не было дня, чтобы в полку не убили 2-3 человек. Много унесла молодежи эта лесная война. В период с 1944 г. по 1945 г. много ребят погибло в борьбе с бандитизмом. Мне посчастливилось выжить.

Так как, я был радистом, то однажды узнал о местоположении об одной из банд и сообщил об этом. Тогда командир дал распоря-

жение о ее ликвидации. Они высадились в месте назначения, солдаты встали цепью и начали прочесывать лес. Первый раз банда не была обнаружена, когда пошли обратно, то один из солдат споткнулся о кочку. Он осмотрелся и увидел люк. В подземный бункер кинули гранату. Так была ликвидирована одна из банд.

На войне приходилось встречаться с большими трудностями – не хватало патронов, обмундирования, но всех трудней было бороться против литовских националистов, так как невозможно было предугадать, где свой, а где чужой. Все они шли на проло: или мы их убьем, или они нас [75].

Калёнов Михаил Николаевич **В танковом полку**

Зимой 1942 года началась моя жизнь в Великую Отечественную войну. Отец принес повестку о призыве в армию. Нас повезли в санях в горвоенкомат. Мать держалась за вожжи, не хотела отпускать меня – единственного сына – ее везло по снегу и когда она отпустила вожжи, я долго смотрел, пока сани не скрылись за лесом, и все думал о матери. По приказу военкомата нас с односельчанином поместили в бывшем Артиллерийском училище за Волгой. Затем нас направили в Выползово на аэродром, где я нес караульную службу. Нас бомбили каждый вечер и регулярно приходилось заделывать воронки.

Охрану самолетов вели ночью, а жили в землянке в лесу, где днем изучали оружие и занимались практикой. В апреле 1943 года к нам приехал капитан танкового полка, который привез нас в Тулу, где в Тесницких лагерях в лесу недалеко от танкового полигона формировался наш. После практического обучения, наш полк получил новые танки ИС-2.

После формирования 49-го отдельного тяжелого танкового полка, нас привезли в Молдавию, где мы ощутили запах фронта, где была окружена Яссо-Кишеневская группировка немцев. Мы прибыли участвовать в уничтожении этой группировки. Затем наш полк направили к реке Прут, форсировав которую по тонкому мосту, отправились в Румынию. Трудно, с боями продвигались по территории Румынии по направлению к Бухаресту. Затем нас по-

вернули к границе Венгрии. После сильных боев под озером Балатон, наша часть с боями вышла к границе Австрии, затем дошли до предместья Вены с жестокими боями и направились к Зееловским высотам, где были мощные укрепления немцев, и 21 апреля 1945 года в тяжелых боях я был ранен разрывной пулей в ногу... [76]

Калинин Михаил Иванович **Так сражались танкисты** **под Сталинградом и Курском**

В боях под Песковаткой

В начале декабря 1942 года нашему 512-му отдельному танковому батальону совместно с подразделениями пехоты была поставлена задача овладеть большим сельским населенным пунктом Песковатка, расположенным в Сталинградских степях. Песковатка была превращена немецко-фашистскими захватчиками в сильно укрепленный опорный пункт. Крестьянские дома и подсобные строения были использованы немцами для установки орудий и пулеметов, а подходы к самому населенному пункту и некоторые улицы в нем были заминированы противотанковыми и противопехотными минами, обнаружить которые в зимних условиях было очень трудно, а порой просто невозможно.

Ранним декабрьским утром, а зима в тот год была очень холодная, наш танк в составе первого эшелона батальона устремился в атаку на Песковатку, ведя огонь с ходу из пушки и пулемета по обнаруженным огневым точкам противника, а при подходе непосредственно к населенному пункту командир танка лейтенант Михаил Круглов открыл огонь из огнемета. В баках нашего танка, тяжелого КВ, размещалось 600 литров специальной огнесмеси, а в башне установлен огнемет, который при каждом выстреле выбрасывал на 120 метров по 10 литров огнесмеси, поджигаемой на вылете специальным устройством. Кроме устрашающего эффекта, эта горящая струя жидкости создавала высокую температуру и помогала эффективно уничтожать огневые точки противников вместе с их расчетами.

Механик-водитель нашего танка лейтенант-инженер Николай Андреев, маневрируя в глубоком снегу, умело вел танк в

заданном направлении, однако на окраине Песковатки мы попали на минное поле, хотя и видели, что в нескольких десятках метров справа от нас танк другой роты подорвался на mine, нам тоже не удалось избежать наезда на мину. Наезд на противотанковую мину тех времен для жизни экипажа тяжелого танка опасности не представлял, но ходовую часть танка выводило из строя. У нашего танка оторвало направляющее колесо и лопнула гусеничная цепь, дальнейшее движение вперед было невозможно. Командир танка после личного осмотра ходовой части в условиях боя, принял решение собственными силами заменить поврежденные звенья гусеничной цепи запасными, натянуть ее, минуя направляющее колесо, и продолжать выполнять поставленную задачу. В ходе наступления и ведения боя в населенном пункте, когда наше продвижение вперед проходило медленно, это была довольно сложная и рискованная задача. Выйдя из танка, механик-водитель, заряжающий А. Драчев и я часа через два соединили гусеничную цепь, и танк наш, хотя и плохо, но мог двигаться. Командир танка в это время находился в машине и, наблюдая за ходом боя, вел огонь по противнику, прикрывая нашу работу. Наше продвижение вперед было медленным и тяжелым. Кругом рвались вражеские снаряды и мины, горели крестьянские хаты и постройки, на снегу были видны кровавые следы, лежали убитые солдаты противника и наши, стонали раненые, горели танки обеих сторон, однако к полудню все стихло. Наши подразделения полностью овладели этим населенным пунктом.

Фашисты в бою за Песковатку потеряли много живой силы и боевой техники, а около двухсот немецких солдат и офицеров сдались в плен. Ощутимые потери понесли и наши подразделения. В нашем экипаже погиб заряжающий Алексей Драчев, ранен был командир танка лейтенант М. Круглов.

После короткого отдыха, пополнения личного состава, боеприпасов, ремонта боевой техники и дозаправки горючим наш батальон продолжал выполнять новые боевые задачи по уничтожению немецко-фашистских войск, окруженных под Сталинградом.

2 февраля 1943 года трехсот тридцатитысячная группировка немцев, окруженная под Сталинградом, была полностью ликвидирована.

Т-34 принимает бой

В июле 1943 года мы получили новенькие танки Т-34, в лагерьх прошли короткую подготовку по тактическому сколачиванию подразделений и провели боевые стрельбы, что позволило всем экипажам нашей роты тщательно и всесторонне проверить состояние вооружения и материальной части танков.

В конце июля нас подняли по тревоге, погрузили на платформы, и железнодорожники дали нашему эшелону «зеленую улицу» на Курскую дугу, где в это время шли ожесточенные бои по отражению крупнейшего в 1943 году наступления немецко-фашистских войск.

Наша танковая рота по прибытии в действующую армию была включена в состав 2-го танкового батальона 1-й танковой бригады, которая вела активные боевые действия и нуждалась в пополнении. Мне довелось участвовать в боях, когда наши войска перешли в контрнаступление.

В составе экипажа танка я был наводчиком, командир танка – малоразговорчивый, но добрый и решительный сибиряк Иван Прасолов, механик-водитель – лихой украинский тракторист Петя Кравченко, а заряжающий – вятский плотник и весельчак Георгий Блинов.

В начале августа, уже в ходе нашего наступления, роте была поставлена задача совместно с пехотой обладатель деревней Гнездилово, которая располагалась на удобной для обороны гитлеровцев местности и представляла серьезное препятствие для нашей пехоты на этом направлении.

Сложность выполнения этой боевой задачи заключалась в том, что перед подходом к деревне лежал тактический гребень, который был хорошо пристрелян фашистскими противотанковыми орудиями и самоходными пушками, установленными на «Фердинандах».

Против нашей пехоты фашисты вели плотный минометный и автоматный огонь. Попытки взять деревню Гнездилово с ходу успеха не имели, и наши подразделения остановились на обратных окатах гребня.

О задаче, полученной нашей ротой, экипажи танков узнали накануне дня наступления. У нас еще было 3-4 часа светлого времени, которое мы использовали на уточнение маршрутов выдвижения в атаку и расположения некоторых уже разведанных огневых

средств противника, особенно противотанковых. Ночь ушла на пополнение боеприпасов, дозаправку, осмотр техники и короткий поочередный отдых.

На рассвете после артиллерийской подготовки рота вышла в атаку. Механик-водитель Петя Кравченко, искусно маневрируя между воронками и нашими окопами, вел танк в западном направлении. Мы сидели в танке с заряженной пушкой и пулеметом, однако до выхода на гребень были лишены возможности наблюдать за противником. Задача состояла в том, чтобы на максимальной возможной скорости преодолеть гребень и, используя складки местности, открыть прицельный огонь с остановки, так как огонь из танков с ходу в то время был не очень эффективен, особенно бронбойными снарядами.

Уже при спуске с гребня мы наблюдали как справа, слева и впереди нас рвались снаряды, два танка роты горели. Наверное, трудно пришлось бы нам, если бы не подоспели вовремя наши штурмовики, которые нанесли удар по огневым позициям фашистов и заставили их орудия на какое-то время замолчать, а некоторые и навсегда.

Наши танки немедленно воспользовались этой короткой паузой и стремительно двинулись вперед, а когда оставшиеся фашисты опомнились и вновь открыли огонь, то было уже поздно: танковая рота вышла на удобный рубеж, а дальность до целей с этого рубежа позволила нам вести огонь, не изменяя прицела.

Командир роты приказал нашему взводу сосредоточить огонь по окопанному противотанковому орудию, которое представляло главную опасность для правого фланга роты. С помощью экипажа я быстро определил исходные установки для стрельбы, навел пушку на цель и произвел два выстрела, почти одновременно с нами открыли огонь и остальные танки взвода.

Наблюдая в прицел, после того как рассеялся дым от разрывов снарядов, я увидел покореженное и отброшенное в сторону от окопа фашистское орудие. Успешно вели огонь и остальные танки роты, которые заставили замолчать уцелевшие орудия противника, однако фашистские автоматчики продолжали вести огонь и отсекали нашу пехоту от танков, кроме того у противника было немало «фаустников», которые на близких дистанциях представляли большую опасность для танков.

Дальнейшее наше продвижение без пехоты могло привести к излишним потерям, поэтому лейтенант Прасолов приказал мне и остальным танкам взвода вести огонь по пехоте противника, а механику водителю указал направление движения вперед. Кравченко немедленно рванул наш танк вперед. Ведя огонь с ходу из пушек и пулеметов, все танки роты пошли вперед, вслед за, танками продвигалась и наша пехота.

Прошло немного времени, и мы оказались в траншеях противника, к которым еще с утра, казалось, невозможно было подступиться, а сейчас они зияли воронками, пахли гарью и всюду была видна работа войны – разбитые и изуродованные пушки и самоходки, минометы и автоматы. Еще одна наша советская деревня Гнездилово была освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Таков небольшой эпизод войны, из таких вот эпизодов складывались подвиги наших людей в борьбе с врагом [77].

Качалов Михаил Макарович **Встречали нас как освободителей**

После окончания весенне-летней наступательной операции наша 4-я гвардейская танковая армия в числе других подразделений заняла оборону на Сандомирском плацдарме. Гитлеровское командование стремилось любой ценой очистить плацдарм и бросало в наступление все новые и новые резервы. Но наши части прочно закрепились на своих рубежах.

В течение июля и августа 1944 года шли жестокие бои. Видимо, используя все резервы, гитлеровцы прекратили наступления и перешли к обороне. На фронте наступило затишье.

В начале сентября нашу армию отвели в тыл. Для нас наступили дни напряженной боевой учебы мы осваивали новую технику, обучали молодых солдат ведению боя, оттачивали знания боевой техники и качество стрельбы на полигонах

Большую воспитательную работу проводили в те дни работники полигонов и армейской печати. Они ориентировали нас на установление дружеских взаимоотношений с населением Польши, с которыми нас объединяло ненависть к общему врагу – фашизму. Для нас был только один путь к победе – через освобождение этой

страны. Мы сознавали, что не всем удастся дойти до Берлина, но тем не менее настроение у всех было приподнятое, даже немного торжественное, понимали, какая ответственность ложится на наши плечи.

С таким настроением мы ждали начала операции. И вот 12 января в 10.00 началась артподготовка: сотни орудий всех калибров и систем открыли огонь по переднему краю противника, уничтожая его живую силу и технику, сея панику в рядах фашистов. В 12:00 по всем видам связи и ракетами была дана команда «Вперед! В наступление!» И колонны танков, которые были заранее выдвинуты на исходные позиции, обрушили всю свою мощь на оборону противника.

В течение первого дня наступления были освобождены многие населенные пункты Польши и среди них небольшой город Ракув, вернее, уже не город, а развалины. Собравшиеся на центральной площади жители рассказали, что здания, которые были не тронуты войной, фашисты взорвали, а в подвалах разместили узлы сопротивления и огневые точки. Нашим частям пришлось продвигаться по улицам города под огненным, свинцовым «дождем», очищая от фашистов каждый подвал.

Население очень дружелюбно относилось к нам, встречали нас с любовью и благодарностью, как освободителей. Мне вспоминается такой случай. После освобождения города Сулеюв разбитые гитлеровские части разбрелись по окрестным лесам, объединяясь в бродячие отряды. Один из таких фашистских отрядов напал однажды ночью на деревню, которую охранял наш малочисленный гарнизон. Мы приняли бой, но силы были слишком не равными, и пришлось отступить. Только когда заметили, что нет двоих солдат, во время перестрелки они были ранены. Но к фашистам в руки наши ребята не попали: их спрятали у себя поляки, несмотря на угрозу смерти, они не выдали раненых.

А когда на другой день советские части восстановили обстановку, разгромив и частью пленив гитлеровский отряд, к нашему командованию обратились поляки, скрывавшие у себя советских солдат, с просьбой оказать им квалифицированную медицинскую помощь!

Для выполнения боевой задачи я и несколько моих товарищей по службе были оставлены в городе Петраков, недалеко от Лодзи.

Здесь нам довелось быть участниками торжественного митинга. В этот день пришло радостное сообщение – советские войска с хода форсировали Одер и вступили на территорию гитлеровской Германии. Мы были переполнены радостью и гордостью, с нами – новые друзья – поляки [78].

Киселёв Фёдор Матвеевич **Всегда на переднем крае**

22 июня 1944 года началась артподготовка. Я – связист. Держали связь с пунктом командира полка. Началось наступление. Связь должна быть четкая, ведь немец тоже стреляет. При наступлении связь оборвалась, я пошел ее восстанавливать. Взял телефонный аппарат и автомат и пошел под интенсивным обстрелом. Когда я нашел порыв, вокруг рвались снаряды. Командир не разрешал возвращаться, чтоб связь была под охраной. Я находился там, около часа под обстрелом артиллерии и танков. За этот бой я получил медаль «За отвагу». Я был ранен в этом бою, после лежал в госпитале. Потом я попал в артиллерию. Мы обслуживали противотанковую пушку. Как-то нас привезли ночью на лошадях, замаскировали. Начался бой. После окончания обстрела я попал в медсанбат. А затем меня отправили в пехоту. Где я и прослужил до конца войны.

...В нашей роте было всего 23 человека, один взвод вместо положенных трех. Из командиров – комроты и два сержанта, в том числе и я. Стояли примерно с неделю на переднем крае. Моя обязанность состояла в том, чтобы развести людей ночью по постам, а к утру снять и отвести в землянку, где они день отдыхали. Я же в это время дежурил в траншее, смотрел за поведением немцев и в случае чего должен был поднять роту. Надо признать, что фашисты эту неделю вели себя тихо. Через неделю роту с переднего края вывели во второй эшелон, на передовой ее заменила другая, полностью укомплектованная людьми. Наша армия усиленно готовилась к наступлению...

Наступали днем, шли по дороге по немецкой территории. Вдруг впереди началась стрельба, сразу последовала команда лечь. Залегли. Командир поднял роту командой «За мной!». Солдаты пе-

ребежали через дорогу, спустились в лесочек, прошли вглубь до открытой поляны и получили задание идти дальше вперед. Мой взвод – справа, второй – слева. Нас мало, поэтому расстояние между бойцами больше 12 метров. Я пополз по-пластунски, выполз на поляну и увидел в 300 – 400 метрах впереди фашистов. По заданию должен был взять немного правее и продвинуться еще глубже. Если бы немцы пошли в контратаку, моя задача: любой ценой их остановить. Кстати, мы в основном были вооружены карабинами, а у них – автоматы. В роте только у меня одного был автомат (я его изучил в сержантской школе), остальные солдаты не умели пользоваться этим оружием.

Выбрал хорошую позицию за валуном, пристроил автомат. Врага видно отлично, обнаружил я и два танка. Соображаю: если немцы пойдут в контратаку, значит, и танки пустят на нашу роту, а у меня противотанковых гранат нет (за поясом четыре противопехотные лимонки и запасной диск с патронами к автомату). Ну, думаю, не разгуляешься, здесь и положат. Стал думать, куда буду отступать. Однако танки с места не тронулись, тогда я выпустил по ним две коротких очереди из автомата, немцы сперва не поняли, откуда стреляю (был одет в белый маскхалат, в марте еще снег лежал), да и с другой стороны ребята огнем поддерживали. Гляжу – немцы к танкам подползают, еще две очереди дал по ним, больше стрелять не стал, чтобы не обнаружили... А потом услышал русскую речь: «Ты что, ранен?» Оказалось, после его второй автоматной очереди, немцы развернулись и стали уходить. Да еще на помощь нашей малочисленной роте подоспела одна полностью укомплектованная.

Когда возвращался, то немного отстал и решил выйти там, где входили в лес: пошел вдоль канавы, натолкнулся на дом бауэра (немецкого фермера), и вдруг прямо перед ним из-за угла дома выскочила машина: за рулем немецкий солдат-водитель, рядом сидел офицер. Я только успел отскочить в кювет. А фрицы, как увидели русских, остановились, водитель сиганул в кювет по другую сторону дороги, офицер перебрался в кузов, где лежала какая-то желтая сумка и стоял автомат. Он попытался снять его с предохранителя, но не смог: его достала русская пуля. Водителя солдаты тоже не оставили в живых: вытащили из кювета и расстреляли. Через пять минут месту событий прибежал наш полковник в папаше

и начал командира роты отчитывать: «Что же вы не могли двух фрицев взять живыми?». А ведь у меня, в принципе, такая возможность была, если бы не шквальный огонь наших, при котором и головы-то из укрытия было не поднять. Кстати, в той желтой объемистой немецкой сумке оказались довольно важные документы... [79]

Ключев Александр Иванович **Первое боевое крещение**

В ночь с 13 на 14 октября 1942 года никто из моряков, свободных от вахты, не спал: наш корабль после трехмесячного похода от берегов Дальнего Востока входил в Кольский залив. Нам дали короткий отдых, а на четвертый день – боевая тревога. Приказ: «экстренно сняться с якоря и под покровом ночи разгромить у берегов Норвегии немецкий караван в составе трех транспортов и шести конвойных кораблей эсминцев, идущих к полуострову Рыбачий, который со стороны материка был захвачен фашистами». Две предпринятые попытки перехватить караван успеха не принесли: на месте предполагаемой встречи караван исчезал в фиордах норвежского берега. Очевидно, «срабатывала» разведка врага. На третью ночь мы слышали голос сигнальщика: «Прямо по курсу зеленые огни!». Поступила команда – «Самый полный вперед!». В ту на редкость лунную, светлую ночь были отчетливо видны корабли врага. Мы стремились сократить расстояние, необходимое нам для торпедной атаки. Находясь с очередным зарядом в руках у второго орудия главного калибра, я нетерпеливо ждал команды: «Огонь». Наконец, эта команда поступила. Одновременно с залпами из всех орудий с шумом плюхнулись в воду и понеслись на врага 8 торпед, две из которых нашли себе цель – взорвали один из транспортов, а снарядом прицельной наводкой нашего орудия был подорван конвойный эсминец, который стоял на нашем пути и вел непрерывный огонь. Шквал огня обрушился со стороны береговой батареи противника, с конвойных и транспортных кораблей, взмывали вверх водяные столбы от рвущихся снарядов, цветастые хвосты трассирующих пуль от пулеметных очередей прочерчивали небо.

Боевое крещение нашего корабля оказалось успешным. Благодаря внезапности операции, смелости моряков противник получил чувствительный удар и потерял два корабля. Нашему кораблю были нанесены незначительные повреждения – пробоины дымовых труб и надстроек. Вернувшись на свою базу, мы по традиции просалютовали двумя выстрелами.

Первая победа воодушевила моряков на дальнейшие подвиги, на счету нашего боевого подразделения их было немало, за что кораблю присвоено высокое звание краснознаменный лидер «Баку». Славные боевые традиции тихоокеанского флота наши моряки приумножали, они дрались с врагом самоотверженно, проявляя героизм и бесстрашие [80].

Кнотек Олдржих **Сражались в одном строю**

В пятнадцать лет встал в строй чехословацких партизан – это было в 1943 году. Тяжело ранен, воевал в составе корпуса генерала Свободы. Боевой путь отмечен Партизанской звездой и медалями ЧССР, советской медалью «За победу над Германией». В 1945 году исполнилось восемнадцать лет..

Сразу хочу предупредить: все, чем мне приходилось заниматься на войне, далеко от героизма. Я не люблю об этом рассказывать. Даже дети узнали от меня о войне, когда повзрослели и стали подробно расспрашивать об этом.

Я попал в партизанский отряд, потому что так сложились обстоятельства. Родители были в концлагере. Я со старшими братьями жил у сестры отца. Однажды поздно вечером к нам пришел подпольщик, бывший советский военнопленный, и сообщил, что нам надо уходить, откуда-то стало известно, что нас собираются отправить в концлагерь.

Для моих братьев партизанский отряд стал вторым домом – они были в том возрасте, когда силы бьют через край и хочется искать опасности, чтобы самоутвердиться. А я был еще совсем мальчишкой и сильно тосковал по родителям, в начале 1944 года меня включили в специальный разведывательный отряд первой партизанской бригады имени Яна Жижки, и надо было выполнять

боевые задачи: добывать трофейное оружие, взрывать мосты, выводить из строя электрооборудование в шахтах.

Во время одной из операций я получил тяжелое ранение, потом наш отряд из Южной Моравии перебазировался в Словакию, где начиналось национальное восстание против фашистов. В составе корпуса Людника Свободы участвовали мы к разгроме гитлеровских войск в Чехословакии.

Многих товарищей потерял я на военных дорогах и партизанских тропах. Многие умерли уже после войны. Вся наша семья принимала участие в антифашистском сопротивлении, и я горжусь этим. В борьбе с фашистами погибли мои двоюродные братья, в память об одном из них я назвал дочь Ладиславой. А старшие братья, которые много сил отдали победе, дожили только до сорока лет... [81]

Кобачев Николай Титович **На счастье почувствовал ноги**

В начале апреля 1941 года полк переехал в г. Стрый. Там же находился штаб дивизии, второй танковый полк и арtpолк.

Примерно в 5 часов 15 минут 22 июня связной на мотоцикле привез пакет с сообщением о нападении фашистов на нашу страну. Наш комбат произнес: «Война! По машинам!» С трудом добрались до города. Его было не узнать: кругом все горело, фашистские самолеты громили дома. Поздно вечером комбат принял по радиации приказ командира полка двигаться на Львов, но в город не входить, т.к. с чердаков улицы обстреливают «бендеровцы».

Двигались мы всю ночь, несколько танков встало: кончилось горючее. Только 24 июня мы достигли города Броды. В километрах десяти за Бродами собралась наша 12 танковая дивизия. Комбат получил задание преодолеть еще 70 км. и выбить фашистов с приграничного пункта. При появлении наших танков немец побежал. При отходе фашисты ставили какие-то, как нам показалось сковородки, на дорогу. Мы даже не подозревали, что это мины. Преследовать фашистов отправился один наш танк, остальные остались в городе. Поддержки ни со стороны артиллерии, ни со стороны авиации не было. В то время радиации устанавливались только на танке командира батальона и выше.

Команды подавались флажками. Нам дали задание: овладеть высотой, которая находилась в трех километрах от города. Завязался горячий бой. На танке находились два бака с горючим, танковый бензин, вещмешки и шинели. Все это загорелось, пушка вышла из строя. Броня раскалилась, дышать было нечем. Мы сняли с себя гимнастерки. Помню, немец ведет по нам шквальный огонь, но прошибить броню не может. Видно произвольно открылся люк башни, осколки посыпались в танк. Вдруг из-под боеукладки показался огонь. Мотор заглох. Мы повыскакивали из танка. Я отполз метров десять, не чувствуя ног. Оглянулся назад, ноги на месте, но такое ощущение, что их нет. В метрах трестах от танка стоят на высоте пять фашистов с автоматами, а впереди, метрах в десяти, высокая рожь – мое спасение. Я что есть силы, на руках, пытаюсь дотянуться до ржи. На счастье почувствовал ноги.

Не обращая внимания на руку, ползу, временами теряя сознание, главное – быстрее до ржи, до своих. На полпути меня подобрали свои. Взятый городишко снова оставили. Лежу в лесу, откуда утром вышли в наступление, вдруг бегут ребята и кричат: «Братцы, нашего лейтенанта разорвало на куски штукой, которая летит с самолета и воеет». Так познакомились с бомбами.

На следующий день привезли меня в Тернополь на аэродром. Обступили меня молодые ребята – летчики с истребителей, расспрашивают. Рассказал им, в каком аду побывал: один танк без подкрепления, без авиации. Сделали мне перевязку, отвели в госпиталь. В госпитале – ночной кошмар: на койках голые доски. На досках – раненые, некоторые в чем мать родила. Медперсонал смотрит косо. Всего не описать.

А дальше бои за Днепр, за Киев. Пришлось повоевать и в пехоте, и в артиллерии. Весной 1943 года получил танк Т-34 в Сормове. Погрузились на платформы – и под Прохоровку. Дальше – Белгород в составе 4-й Гвардейской танковой бригады второго отдельного танкового корпуса. В августе 1943 года двинулись под Смоленск, потом в Белоруссию.

В конце декабря 1943 года попытались ночью ворваться в Витебск. Продвинулись километров на семь к немцам в тыл. Но с одной из вышек по нам открыли шквальный огонь. Я вел свой танк крайним с фланга. Раздав пулемет и уничтожил огневую точку, но был подбит. Погиб командир и башнер, разбились оптику и пуш-

ку, мотор правда не повредили. Меня контузило, но мне удалось затушить огонь в танке и вывести машину в укрытие. Ко мне подбежал командир части и написал на бумаге (я же ничего не слышал): «Постарайся вывести танк к своим – в деревню Копти». На танк положили раненых. Сложно было из стана врагов вырваться к своим. Но вот и Копти. Меня уже ждала машина из медсанбата. Живых сняли и положили в машину, а мертвых я повез дальше в тыл. Потом, когда я выздоровел, каждую ночь уезжал на передовую, вывозил наши подбитые танки. 24 июня 1944 года началась операция «Багратион». Поздно вечером наш корпус пустили в прорыв, в глубокий рейд, т.е. в тыл врага. Самолет-разведчик передавал с воздуха данные нашему комбригу, и мы громили фашистов, отходящих и тех, что шли на подкрепление. Помню числа 26 июня шла немецкая колонна, впереди восемь танков (охраняли колонну). Мы дали ей продвинуться и стремительно с хвоста врезались в нее. Ошеломленные немцы бросились удирать кто куда. Побросали свои танки, даже моторы не заглушили, но мало кому удалось спастись. А к железнодорожной станции в это время подходил состав с пушками. Командир мне крикнул: «Не дай уйти фашисту!» Мы завладели эшелонном.

На своем пути много освободили концлагерей, людей которых Угоняли. 2 июня мы подошли к Минску. Был вечер, впереди шел танк младшего лейтенанта Фроликова, за ним с дистанцией метров триста – мой. Вдруг танк Фроликова вспыхнул, лейтенант погиб. Мы остановились, а на утро вновь пошли вперед. Городом мы овладели быстро. Население нас встречало цветами. Мой танк был весь в цветах. А впереди еще ждали жаркие бои... [82]

Ковалёв Владимир Прокопьевич **Нас всего осталось от полка 33 человека**

Я родился 1 мая 1921 года в городе Великий Устюг, Вологодской области. Мой дедушка был купцом 1-ой гильдии, а отец окончил Финансово-экономический институт, и в дальнейшем был бухгалтером. До ухода на фронт я закончил ФЗУ (фабрично-заводское училище) и успел поработать фрезеровщиком и токарем на различных заводах Ленинграда: завод Сталина, завод Свердлова и

завод Ленина. До армии я попал на работу в физико-технический институт к И.В. Курчатову.

Как и где я встретил войну? В 1941 г. я уже учился в Ленинградском военном училище связи. 22 июня нас выпустили на прогулку, и мы уехали в лес, под Ленинград. Идем обратно, и все жители говорят: «Ребята, началась война!» Сначала мы не поверили, но когда пришли в училище, нам сказали, что нужно эвакуироваться в Уральск. Под Тихвином нас бомбили. Разбомбили 2 вагона с курсантами. Там их, под Тихвином, и похоронили.

Когда я окончил Ленинградское военное училище связи, меня отправили на Северо-Западный фронт, где и начал свои военные действия. Когда нас высадили в городе Осташков, мы 120 километров до фронта шли пешком. Спали мы в лесу, откапывали себе места, накрывались и спали, как медведи. А в 41-ом году зима была суровая, снегу было много. Во время походов, кушать особо было нечего, и однажды съели убитую лошадь. И с этого времени и до сих пор у меня болит желудок. Там была окружена, по-моему, 49-я немецкая дивизия, и нас направили ее ликвидировать. А в результате ликвидировали нас. Я, командир взвода, и еще 18 солдат пошли под Рамушевом. ликвидировать группировку противника, а в результате они вышли из окружения и всех нас положили. И из 19 человек, нас осталось только двое. Среди оставшихся был и я. До сих пор вспоминаю своих солдат и плачу. Там я был ранен в голову.

Пролежал я в госпитале, потом возвратился в свой полк. Доложил начальнику связи, что вернулся. А мне командир полка говорит: «А нас всего осталось от полка 33 человека». Но потом полк потихоньку пополнялся. Когда я был начальником связи артиллерийского полка, я принимал участие в Курской битве. Были напряженные бои, дивизии двигались медленно, и связи не было. А в артиллерии связь – это все. Что делать? Сыграла моя смекалка. Мы шли по железнодорожной линии, а там же везде провода. Ну, я, значит, сообразил, что надо по этим проводам дать связь. Собрал я, сколько было связистов, и сам ушел на эту линию. И в результате мы дали связь. Помню, лежу я в каком-то окопе, и слышу пушки загремели, заохали, я как заплачу. Орел взяли! За эту битву я получил орден Отечественной войны первой степени, а генерал получил орден Суворова.

Кушали мы все, что давали. Офицерам иногда давали конфеты, папиросы, а мы меняли на печенье и сухари. С детства я пою, и в

полку я организовывал различную самодеятельность. И на привале мы пели песни. Вот моя одна из самых любимых:

*Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь.
Про улыбку твою и глаза.*

Различных историй на фронте было множество. Вот некоторые из них.

Однажды я спас своего друга Кунакова. Когда его осколком ранило в артерию я ему зажал артерию, и так мы дошли до медсанбата. И так он остался жив И до его смерти мы и после войны были с ним как братья. Другой случай со мной произошел в Прибалтике. Иду я полем, а наши «Ильи» уже возвращаются на бреющем полете с фронта, и один летит почему – то на меня. Я туда, а он сюда. А оказывается в самолете стрелок – радист был раненым, и он искал место для посадки. И в результате он практически сел на меня. Но я вовремя успел спрятаться в окоп. И немного крылом меня прикрыл. Он вылез и вытащил меня. Он извинился и подарил мне свои часы, которые до сегодняшнего времени я храню как память.

С 397-ой дивизией прошел всю войну – от Старой Руссы и до Берлина. Мы воевали в составе 1-го и 2-го Белорусских фронтов. Потом освобождали Польшу и Германию.

Там я был на различных должностях: командиром взвода, командиром радио-взвода, и в конце войны я был начальником мастерских связи дивизии. Окончил войну старшим лейтенантом.

Весть о победе я встретил в Германии. Ночью на весь штаб объявили, что война закончилась. Начался салют, все стреляют из винтовок. У меня текли слезы радости. И я благодарен судьбе, что остался жив [83].

Роковое число – восемнадцать(из интервью)

Владимир Прокопьевич, помните ли вы 22 июня 1941 года – день, когда началась Великая Отечественная война?

Да, первый день войны встает передо мною, как на кинолен-

ке. Все, что связано с войной, я хорошо помню и никогда не забуду, А 22 июня, будучи курсантом Ленинградского училища связи, я отдыхал. Был выходной, светило яркое солнце... И вдруг услышали мы объявление по радио, выступление В. М. Молотова. Что мы тогда испытали! Ведь мы были выпускниками училища, а значит, нужно было готовиться к защите Родины.

С какого события началась война для вас?

В моей жизни есть, роковое число – восемнадцать. Вот именно с 18 сентября 1941 г. и началась для меня война. В этот день враги бомбили наш эшелон под Тихвином, два вагона разбило вдребезги. Так что можно считать, война началась и с ужаса похорон останков сослуживцев-одноклассников.

Запомнили ли вы свой первый бой?

Это был и первый бой, и первое боевое ранение. Нашу дивизию переправили с. Уральска на Северо-Западный фронт. Я был командиром взвода 446-го полка 397-й дивизии. Задача наша заключалась в том, чтобы не дать противнику освободить свою группу, зажатую в кольцо. Поскольку это случилось вначале войны, фашисты еще были сильны, мы, вчерашние студенты, имели лишь одни противогазы: нам не выдали даже оружия, приказали взять во время боя у погибших. Первая атака под таявший снег – грязь, месиво тел, сплошная неразбериха. И тут – бомбежка. Меня ранило осколком мины. Это было 30 апреля 1942 года.

В каких крупных операциях вы участвовали?

Наша 397-я стрелковая Сарненская Краснознаменная ордена Кутузова И степени дивизия участвовала в освобождении городов Орла (Брянский фронт). Сари, Дубровин, Столина, Пинска, Риги, Варшавы. Дивизия была в составе Белорусского, Центрального, 1-го Украинского, 3-го Прибалтийского фронтов.

Расскажите о своей первой награде.

Мы долго не могли прорвать оборону противника. И вдруг оборвалась связь. Три полка артиллерии были обесточены. Получив приказ немедленно обеспечить связь, я срочно собрал своих связистов и навел ее по железнодорожным проводам. Когда вдруг связь восстановилась, «заговорили» все арторудия, а пехота пошла и атаку, я не выдержал — заплакал. Родина впервые салютовала 6 августа, 1943 года в честь ознаменования освобождения Орла. А я получил первую награду – орден Отечественной войны II степени.

Где вы встретили день Победы?

Наша дивизия участвовала в форсировании Одера и во взятии Берлина. В канун дня Победы нас расквартировали в замке Митцельтин под Берлином, Во время отдыха, ночью мы слышали по радио сообщение о победе. Я тогда уже был начальником технических мастерских и, собрав ребят, решил сделать громкое вещание. Подключив аппаратуру, мы упивались звуками бесценных для нас слов. Известие о победе гремело на всю округу, Все проснулись, ликовали, начали салютовать в воздух.

Что же вам больше всего запомнилось из военной биографии?

Помню, все хорошо: и даты, и бои, и ранения. Особое впечатление произвели встречи с Г.К. Жуковым. Трижды мне довелось с ним встретиться. Первый раз это было а Берлине. Жуков самолично вылавливал мародеров и сходу отправлял их на передовую. Третий раз я в роли дежурного рапортовал ему во время приезда в нашу дивизию [84].

Ковалёв Сергей Ануфриевич **Служил в саперном полку**

Я родился в мае 1922 года в Смоленской области. До ухода на фронт работал в колхозе, в основном пахал на лошадях. Потом, когда война началась, меня забрали на фронт. Шли мы одиннадцать дней пеша – от Смоленска до самой Калуги. А потом уж меня направили учиться на сапера.

Служил в 141-ом саперном полку. Вот так я всю войну пробыл сапером. Потом меня ранили, а там и в госпиталь положили, а после госпиталя я попал в учебный танковый батальон и в самоходную артиллерию. Прошел Польшу, дошел до Восточной Пруссии, а там меня опять ранило. Но как-то постоянно выживал. Чудо какое-то...

Страшно было... Товарищей убивают, а ты дальше идешь. А иногда спать приходилось прямо на снегу. Расчистим снег, елок настелем, ложимся и куртками укрываемся. Мы так уставали, что сразу засыпали, не чувствовали холода. Вот так мы спали... Кормили на фронте неплохо. Обычно давали кашу перловую, пшеничную, сухарики грызли. В общем, что было, то и ели.

На войне все друг друга спасали. Например, тебя ранило, я тебе помогаю, оттаскиваю тебя в более безопасное место. Трудно было, особенно вот в саперах когда я был – и мины, и размины. Да уж. Было время...И лес валяем, и бревна таскаем. По болотам ходили, все мокрые были. А потом мокрым уснешь, встанешь, а ног нет, замерзают.

В самоходной части было по легче, потому что пешком не ходили, а на машине сел да поехал.

Друзей у меня было мало, и тех потерял в бою. Братишку моего убили. Ну, ничего не поделаешь – это война!

...А сколько радости было, когда мы узнали о Победе. Все обнимаются, эмоции переполняют... Одним словом, все были рады, что остались живы. После войны отправился я работать опять в колхоз. Работы мы не боялись. Все стремились колхозу помочь. Жизнь тяжелая была. Большие налоги стали накладывать. Вот, например, мы держали корову, нам накладывали 300 литров молока за сезон сдать в колхоз. Но жизнь потихоньку налаживалась... [85]

Козлов Вениамин Дмитриевич **На трёх лыжах**

Служил я на флоте. Был такой случай. Был приказ нанести удар по штабу немецкой дивизии в Норвегии. Задача: забраться на сопку на лыжах, определить место нахождения этого штаба, связаться с кораблями, вести корректировку огня. После разгрома штаба дивизии мы получили команду возвращаться обратно. У берега ждал катер. И спускаясь, где-то по середине сопки, я врезался в камень и сломал лыжу. Мы с другом поехали на трех лыжах. И вдруг с катера началась стрельба. Когда мы пришли на катер, нам сказали, что немцы хотели отрезать нам путь, поэтому в них начали стрелять.

С 1944 г. я стал радиометристом. Мы сопровождали конвой на Новую Землю. В пути получили сообщение о том, что на пути в районе Новой Земли замечен немецкий линкор. Я нес вахту трое суток, наблюдал за экраном. Все обошлось, и мы не встретили линкора [86].

Колбин Сергей Иванович

Каждый клочок венгерской земли отвоевывался в тяжёлых, кровопролитных боях

В августе 1943 г. мы, бойцы 2-го Украинского фронта, с боями перешли румынскую границу в Яссах. Наше соединение прошло по всей Румынии, задержавшись даже в Бухаресте только на сутки. Однако каждый клочок венгерской земли отвоевывался в тяжёлых кровопролитных боях.

В марте 1944 г. я получил возможность отдохнуть десять дней в армейском доме отдыха в маленьком городке Балашадьярмат (Венгрия). Большой, хорошо оборудованный спортзал говорил о том, что до войны здесь находилось учебное заведение. Обслуживающий персонал и музыканты были из местного населения. До сих пор не могу забыть чудесную народную венгерскую музыку и ее исполнителей, а в дни войны она нас особенно волновала.

Население городов и сел встречало нас сдержанно. Присматривались. Но, уже раз поверил, люди становились радушными и доверчивыми. Помню такой смешной эпизод. Наш штаб корпуса расположился в одном венгерском селе, с боями отбитом у немцев. Я с тремя товарищами остановился в домике на окраине. В двух комнатах – чистота, порядок. Хозяйка, приятная старушка, предложила приготовить нам обед, если надо, выполнить небольшие услуги. С двух часов дня и до позднего вечера мы не покидали домик, хозяйка часто пробегала, мимо нас очень встревоженная. И только когда стемнело и пришло время устраиваться на ночлег, выяснилась причина ее беспокойства: во второй комнатке, в шкафу, хозяйка прятала двух молодых девушек. Уходящие гитлеровцы, запугивая население, предупредили их не показываться на глаза русским солдатам. Но, так как дольше невозможно было прятаться, они, смущенные и растерянные, предстали перед нами. Смеха было много, но больше все смеялась наша хозяйка. Зато когда у нас не хватило хлеба, она нас уже безбоязненно повели на пекарню где тоже пряталось несколько молодых женщин, и предложили нам хлеба, сколько угодно и какого угодно.

А вот еще о заботе и внимании этих на первый взгляд суровых людей. Наша часть остановилась на окраине большого села. Нас пятерых двадцатилетних бойцов, отправили разведать о наличии

врага в селе. Не успели мы подойти к ближайшему дому, как нас встретил ураганный огонь из окон дома. Оказывается, враг находился в селе. Один из наших товарищей был ранен в обе ноги и остался лежать у дома. Мы ворвались в дом и уничтожили засевших в нем гитлеровцев. Немцы отступили, но нашего товарища мы не нашли там, где оставили его совсем недавно. Он был уже подобран, перенесен в дом и перевязан венгерскими друзьями.

Я пробыл в Венгрии почти год и, несмотря на все трудности и невзгоды, пережитые там во время войны, я вспоминаю венгерскую землю и ее народ с теплым чувством и большим уважением [87].

Кольцов Алексей Николаевич **Так и воевал с одним глазом**

Война застала меня в г. Ленинграде, где я учился в ремесленном училище №14, куда поступил в октябре 1940 года. Там я получил от немцев первое боевое крещение. При очередной бомбежке города, бомба разорвалась во дворе нашего общежития. Взрывной волной выбило стекла и часть осколков попала мне в лицо. В январе 1942 г. мне, после долгих приключений, по Ладожскому озеру («Дороге жизни») удалось выбраться из блокадного Ленинграда. Две недели добирался до своей родной деревни.

В ноябре 1943 г. я был призван в армию. Попал в город Щелково Московской области в школу стрелков снайперской подготовки МВО. Через 6 месяцев наша школа была переведена в г. Дмитров Московской области, где продолжалась моя снайперская подготовка.

В сентябре 1944 г. был направлен в действующую 57-ю мотострелковую бригаду 2-й Гвардейской танковой армии, которая в это время находилась на переформировании в одном из районов Польши.

14 января 1945 г. принял участие в первом бою, я был пулеметчиком. При взятии очередного населенного пункта на территории Польши был ранен в левый глаз осколком ручной фанаты, при этом поле боя не оставил. Воевал с завязанным глазом несколько дней. Во время переформировки полковник Шемардин П.З., обходя оставшихся нас в живых и увидев повязку на моем глазу, обратил-

ся ко мне; «А с вами что, товарищ боец?» Я ответил: «Ранен». Он сказал: «А как же ты воевал?». Я ответил: «Так и воевал с одним глазом». Он ткнул меня пальцем в грудь и сказал: «Наградить!». Так я получил медаль «За отвагу».

После Висло-Одерской операции была Одерско-Берлинская операция, в которой я тоже принимал участие. Уже на территории Германии со мной произошел еще один случай. Я был вторым номером станкового пулемета. Во время боя осколок от снаряда попал мне в ягодицу. Я подскочил, пробежал несколько метров, упал и сказал ребятам: «Меня ранило». А когда они посмотрели, то оказалось, что пробита одежда, и на теле легкое ранение. Ребята наложили мне повязку, после чего я продолжал бой и не стал обращаться в медсанчасть, побоявшись потерять своих боевых друзей.

Наша часть закончила войну в Потсдаме (предместье Берлина). Сразу после объявления окончания войны, со мной произошел еще один запомнившийся эпизод. Наша небольшая колонна машин совершала марш на место очередной дислокации. Я ехал в машине, крытой брезентом. Вдруг колонна остановилась, чтобы узнать, что случилось, я спрыгнул со своей машины и увидел следующее. На перекрестке наша колонна встретилась с немецкой колонной, значительно превосходившей нашу по силе и которая прорывалась к американским войскам, чтобы сдать в плен. Один из пулеметчиков немецкого бронетранспортера развернул пулемет в мою сторону и хотел выстрелить. Но другой немецкий пулеметчик ударил его по рукам, чтобы он не стрелял и все немцы после этого замахали нам руками, дав понять, что в бой вступать не будут. Им хотелось добраться до американцев без шума. Немецкая колонна уехала своей дорогой, а наша своей. Так я остался жив... [88]

Комиссаров Анатолий Гаврилович **Японцы были очень агрессивны**

В августе 1941 года меня взяли на оборонительные работы в Калинин, строить доты. Работали вместе с военными. Бомбили. Немец наступал очень быстро. Отступали мы.

Весной 1943 года был взят на фронт (было 18 лет). Была небольшая подготовка, затем направили на Волховский фронт, пу-

леметчиком. Там воевал недолго, был ранен и контужен, лежал в госпитале. После послали на курсы радистов, учился 5 месяцев, был направлен на восток, на границу с Японией.

Японцы были очень агрессивны. Были перестрелки. Японцы провоцировали нас. В 1945 году война с Германией была закончена. И войска с запада были брошены на восток. Мы перешли в наступление.

Наступал в составе Забайкальского фронта. Наступали через г. Хай Лар, Цицинар, Харбин и закончили в Чанчуне. Наше наступление было особенно трудным в барханах, пустыни. Не было воды, были большие потери. После барханов – Большой Хинган, горы. Переход – горный серпантин. Шла техника. Преодолели с боями большой Хинган. Это было трудно.

Война закончилась, Япония капитулировала, но наша армия была оставлена на уничтожение не сдавшихся частей. Это продолжалось до сентября 1946 года.

Люди были очень сплоченные. Раньше армия была многонациональная. Важно было держаться друг друга. Без этого бы не победили. Главное – чувствовать локоть товарища. Молодых берегли, старались помочь, не обижали. Благодаря сплоченности мы победили. Не было национальной вражды. К концу войны набрались опыта. Если первые годы разрозненно отступали, то потом был боевой патриотизм, боевой дух [89].

Конаков Константин Георгиевич **Товарищи пришли на выручку**

К началу войны прослужил полгода в Забайкалье, а в июне 1942 г. подразделение наше перебросили под Сталинград. Вручили солдатам медальоны на случай гибели, и сразу стало ясно, что впереди предстоит серьезное испытание. Эшелон шел быстро, разгружались уже под бомбами врага, в 70 км от города. Для советских бойцов Сталинград стал мерой испытания храбрости, мужества, любви к Родине. Немало пережил в те суровые дни и ночи. Вместе со своей ротой трое суток оборонял высотку, далеко выдвинутой от наших позиций и окруженной врагом. И когда уже из 34 защитников высоты осталось 11, когда казалось, что еще одна атака и сил для обороны уже не остается, товарищи пришли на выручку, вы-

били врага с его позиций. Тогда я и получил свою первую награду – орден Красной Звезды [90].

Эту крепость нам предстояло взять

...Это было 8 апреля 1945 года, когда наша дивизия совместно с другими частями нашей армии, прорвав сильно укрепленную оборону врага, подошла к окраине города Кенигсберга. Недаром этот город считали крепостью. И чего только не было в этой крепости: доты и дзоты, в несколько рядов колючая проволока, минные поля, искусственные рвы и ловушки. Каждый клочок земли простреливался. Огромные форты, в которых находились до 400-600 и более немцев.

И вот эту крепость нам предстояло взять. Были созданы специальные штурмотряды. К ним придавались артиллерия, танки, самоходные установки, огнеметы и другое оружие. Наша дивизия наступала с юга и вышла к водному рубежу, к реке Прегель, которая протекала в центре города. Вечером 8 апреля перед нашим штурмотрядом была поставлена задача: пред рассветом любыми плавучими средствами переправиться на тот берег и занять оборону, обеспечив переправу дивизии. После предварительной разведки на рассвете бесшумно и быстро достигли мы того берега. Отряд занял оборону. Утром фашисты, обнаружив наши части, открыли артиллерийский огонь по нашим позициям и по водной преграде. Одновременно около роты немецких солдат подходило к водному рубежу. Наш отряд принял бой. Немцы от такой неожиданной встречи в панике отступили, оставив около двух десятков трупов.

Фашисты решили стереть в порошок наш небольшой плацдарм. Они бросили целый батальон против штурмотряда. Бойцы метким огнем косили фашистов. Гитлеровцы, не выдержав мощи нашего огня, отступили, неся большие потери. После неудавшейся атаки немцы предприняли вторую атаку при поддержке трех танков. Перед атакой фашисты обрушили артиллерийский и минометный огонь на нашу оборону, а затем пошли танки и пехота. Взвод огнеметчиков под командой лейтенанта Н. Выдрины уничтожил два танка, а третий, не выдержав оборонительного огня наших огнеметчиков, повернул назад. Более двух часов отряд отбивал атаки противника. Тем временем переправились остальные наши части.

Приказ командования дивизии был выполнен. За отвагу и большое мужество, проявленные в этой операции, многие бойцы были удостоены правительственных наград [91].

***Конаков Леонид Георгиевич* Сквозь линию «Маргит»**

7 ноября 1944 года мы отпраздновали в румынском городе Плоешти, а потом двинулись в Югославию. Никогда не забуду того теплого приема, которым мы были встречены на югославской земле. А впереди были трудные бои за освобождение Венгрии. В самом конце 1944 года сводка Советского информбюро сообщила: наши войска – на Будапештском направлении. Это сплошным валом своего наступления Советская Армия начала соединять берега Дуная и Тиссы. Гитлеровская пропаганда предостерегла: толбухинцы, остановитесь, мы утопим вас в Дунае! Но наступательный прорыв нашей армии был несокрушим.

На пути к Секешфехервару в деревенской кузнице недалеко от городка Замои мы увидели на наковальнях разбитые, обезображенные головы советских солдат и офицеров. Вспомнились мне и детские трупы в кукурузнике около сожженного украинского села Максимовка, вспомнились многие другие жертвы вражеских злодеяний, которыми был усеян путь к свободе...

Название «За мной бойцы» переименовали в «Мозоль» – настолько сильная и глубоко эшелонированная оборона врага встретила нас на подступах к Будапешту, Секешфехервар дважды переходил из рук в руки – это было составное звено хорошо укрепленной «линии Маргит», воздвигнутой фашистами. Когда наши части шли берегом озера Балаток, фашисты долго не могли еще успокоиться, обстреливая с бортов озерной флотилии.

Под Будапештом был такой случай. В самом начале января наша стрелковая дивизия двигалась по направлению к городку Тата, фронт причудливо менял свои границы, и мы оказались в окружении. Когда пробивались к основным частям, попали под сильную бомбежку – весь район контролировался фашистскими бомбардировщиками. Решено было пробиваться небольшими группами – так меньше вероятность воздушного нападения. Но

кто из нас мог предположить, что в пути произойдет не одна встреча с довольно большими группами полностью деморализованных венгерских солдат, которые только и мечтали о том, чтобы поскорее сдаться в плен. Как только они, завидев нас, поднимали кверху руки, как назло появились немецкие бомбардировщики! Однако, выделив десяток солдат для конвоя, офицер приказал привести пленных в распоряжение штаба...

В начале нашего пути по венгерской земле мы прошли немало деревень, но местных жителей почти не встретили. Это настораживало. Все наши сомнения рассеялись, когда, коверкая русские слова, старый кузнец, побывавший в России еще в первую мировую, рассказал о том, как запугали венгров фашисты. Накрепко в долбили крестьянам, что у русских под касками рога, а сибиряки готовы съесть живьем каждого, кто покажется на их пути... Присмотревшись к нам, крестьяне стали выходить навстречу, усталые лица солдат, их доброта, приветливость сломала недоверчивое, настороженное отношение. Венгры приветливо кивали, пытались объяснить что-то на своем певучем языке. Стали расспрашивать про колхозы – оказалось, понятие у них о коллективном хозяйстве то же, что было у нас самих глухих, темных деревнях в первые годы коллективизации.

Помню разрушенные дома и улицы Будапешта – этого прекрасного города на Дунае. Ожесточенно сражались фашисты за каждую улицу и дом, все надеялись на подкрепление. Накрепко осталась в памяти и такая картина: вражеский самолет врезался в высокое здание, и на уровне шестого этажа торчит из стены хвостовое отделение...

...Много лет прошло с тех пор, и вот, в 1982 году, в первые майские дни, послушав чей-то добрый совет, поехал я в Москву, в парк культуры имени Горького, разыскал по табличкам свою армию, свою дивизию, постаревшую, поредевшую, и слышу: «Ты не Алеша Конаков?» (друзья меня в армии Алешей звали). Сразу узнал Сашу Королева – бывшего капитана, который устроил мое выступление на концерте армейской самодеятельности. И не где-нибудь, а в Венском оперном театре, на встрече советских воинов-освободителей и австрийских коммунистов, участников антифашистского Сопротивления. Вспомнили, как вполухутку-вполусерьез звали меня товарищи «наш Лемешев», и как аплодировала музыкальная

Вена русским народным песням. Здесь, в Вене, в ночь с 8 на 9 мая дивизионные газетчики показали нам непросохшую полосу номера, где красными буквами было напечатано: «День 9 мая считать Днем Победы над фашистской Германией».

А вначале августа сорок пятого в Вене мне посчастливилось принимать участие в торжественном параде союзных войск в честь открытия памятника погибшим советским войнам, освободившим Вену. Это был один из первых памятников войнам-освободителям на земле Европы [92].

Конин Александр Демидович **И на Тихом океане закончили поход**

Я смотрю на пожелтевшие от времени фотографии и вспоминаю себя, восемнадцатилетнего, и своих товарищей, которые были немного старше. Вот наша не полная саперная рота: в первом ряду – лейтенант Иванов, Герой Советского Союза, получил это звание за форсирование Днепра, во втором ряду – рядовой Горшков, на его выцветшей гимнастерке виден орден Красной Звезды, он тоже успел поехать на Западе. А многие из нас были призваны в 1945-м, и эти последние дни боев стали боевым крещением.

Нашу часть из-под Находки, где мы очень срочно, 4-7 августа восстановили снесенный наводнением мост, перебросили во Владивосток. Там, 9 августа, мы узнали, что Советский Союз объявил войну Японии. Тогда же стало известно, что американцы сбросили на Хиросиму атомную бомбу. Конечно, в то время мало кто из нас мог оценить значение этого события, зато сейчас мы хорошо представляем себе последствия атомного взрыва.

...В порту нас уже ожидали транспортные военные суда, когда-то спущенные со стапелей германского рейха, – эти трофейные корабли уже дошли до Тихого океана, но вели их советские моряки. Мы погрузились в трюмы и через несколько часов пути под пулями и снарядами японских солдат уже высаживались на берег порта Расин (теперь этот северно-корейский город называется Начжин). Кто бежал по трапу, кто сразу прыгал в воду, но цель была одна – закрепиться на берегу, опрокинуть оборону. Это удалось очень

легко, тем более, что перед этим уже прошла советская морская пехота, и на нашу долю выпали в основном саперные работы, хотя следовало остерегаться – недобитые японские солдаты порой совершали вероломные нападения на наших бойцов.

За соседний порт – Сейсин (ныне Чхонджи) шли более жаркие бои. Не раз читал я рассказы об отважной медсестре Маше Цукановой, которой было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Она вынесла с поля боя 52 тяжело раненных бойца, сама была ранена и попала в плен, к врагу. После зверских мучений и допросов отважная девушка погибла. О ее подвиге и героизме советских бойцов, который был проявлен при освобождении Кореи от японских захватчиков, напоминает сегодня беломраморный обелиск, увенчанный красной звездой, он установлен на самой высокой сопке Чхонджина.

Вместе с нами ввремя похода шел связной кореец, который был фактически переводчиком. Очень тепло и гостеприимно встречало нас местное население. Нелегко жилось корейцам под игом японских захватчиков: нищета, голод, болезни.

До нас доходили вести о ходе боев, которые вели наши товарищи на других фронтах. Особенно тяжелые сражения шли в Маньчжурии, там бойцы преодолевали пустыню Гоби, воевали в суровых природных условиях. Кровавопролитные бои велись за освобождение острова Сахалин, Курильских островов, которые были полностью очищены от противника к 1 сентября [93].

Константинов Дмитрий Фёдорович Мороз зимой достигал –52°С

В феврале 1943 года я пошел в армию добровольцем. В июне 43 года я попал на фронт в г. Мурманск. Наш отдельный батальон связи 408, 263-го стрелкового полка воевал в Долине Смерти и дошел до Киркинеса и Петсамо.

Тяжело было видеть смерть своих товарищей. Но к вероятности быть убитым добавлялась опасность замерзнуть – мороз зимой достигал -52° С.

Помню еще, однажды у меня со спины взрывом оторвало катушку с проводом. Самого меня контузило, но остался жив.

Однажды перевозили нас на пароходе (не помню только куда). Попали под бомбежку и пароход начал тонуть. До берега добирались вплавь. Вот тогда я и потерял из кармана гимнастерки свой комсомольский билет. Потеря документа – дело серьезное, но всё обошлось [94].

Кормилицын Фёдор Петрович Мы двое суток штурмовали эту гору

После окончания Смоленского ВПУ им. Молотова в марте 1942 г. был направлен в резерв командно-политсостава 56 армии АКФ г. Керчь. Здесь находилось уже около 1000 человек.

На Керченский плацдарм с таманского берега Кавказа перебрасывались новые войсковые подразделения. Было видно, что наше командование готовило план наступления в Крым и тем самым намеревалось оказать помощь г. Севастополю.

Но немцы разгадали план нашего командования и к концу апреля 1942 г. стянули с других участков фронта в Крым большое количество танков и самолетов и за 2-3 дня до нашего наступления нанесли внезапно сильный удар по нашим войскам.

После упорных боев 8 мая 1942 г. фронт был прорван, и наши войска отошли в сторону Керчи и Проанва.

Немцы быстро подошли к Керчи, а наш резерв сидит и ждет приказа. Когда приказ получили нас построили по-ротно и бросили на оборону Керчи в район завода Войкова. Мы пробыли в обороне одни сутки и нас сменил батальон морской пехоты. Нам разрешили переправиться на Таманский берег.

В майские жаркие дни трудно было дышать. Нет воды, люди голодные, спешат к Керченскому проливу. А когда мы пришли на берег пролива, то увидели, что сюда были доставлены многие тысячи раненых бойцов и командиров с передовой, много гражданских, семейных, детей, стариков и старух, многие утопают в проливе, но с берега пускаются многие тысячи новых «пловцов», а над ними все время самолеты с черными крестами на крыльях расстреливали людей из пулеметов. Днем и ночью над проливом стояли стоны: «Спасите! Помогите!» Вода в проливе в то время казалась красноватой от людской крови.

Но люди прибывали и прибывали, на берег пролива и гибли под вражескими снарядами и бомбами. Это был настоящий ад.

А переправы организованной не было.

Но никто не хотел сдаться в плен немцам. И на берегу пролива была большая работа за спасение своей жизни.

Люди хватали всё, что могло держаться на воде: из бочек и досок сколачивали плоты, надували автомобильные камеры. машины были без колес.

В такую работу включился и я с моими товарищами. срубили с автобуса крышу, нашли вёсла и взяли вёдра на случай отлива воды и спустили «лодку» на воду. Было вроде хорошо, но плохо то, что к нам бросилось много желающих и нам пришлось упрашивать людей, что всех забрать не можем и договорились, что «лодка» будет плавать туда и обратно. В «лодку» посадили 15 человек подряд, не разбирая офицер или рядовой и мы поплыли. Но солнце садилось и стало темнеть.

Течение пролива нас отнесло в открытое море. Мы уже не видели берегов пролива и компаса у нас не было.

Но на наше счастье появился военный катер и моряки крикнули, что мы плывем к немцам, развернитесь на 180°. Мы их просили взять нас на буксир. Они отказались и быстро скрылись. Мы развернулись и продолжали плыть.

Минут через 20-30 видим, идет баркас и он забрал нас на борт, к утру вывез к Таманскому берегу. Немецкие самолеты сильно обстреляли баркас и капитан скомандовал всем прыгать в воду. Мы прыгнули кто как мог и с трудом вышли на сушу и пошли на сборный пункт в г. Краснодар, где я и получил приказ о назначении замполитом.

В это время гитлеровцы упорно стремились к берегам юга нашей стороны – Кавказской нефти. Они главный удар решили нанести по направлению Новороссийска и Туапсе.

Наш 151-й полк формировался на Кубани, Я был назначен в 5-ую роту. Но немцы быстро наступали и нам приказали отступить на Горячий ключ, где я был назначен политруком стрелковой дивизии и наша рота была направлена на решительный штурм Лысой Горы. Мы двое суток штурмовали эту гору. Она много раз переходила к нам и возвращалась к гитлеровцам. Ее подножие покрывалось людскими трупами фашистов и советских воинов. Но в результате огромных усилий в этой кровавой бойне мы овладели высотой и закрепились, оказав тем самым большую помощь Дру-

гим подразделениям в выполнении их задач по разгрому немецких войск. Я в этом бою был 23 сентября ранен и отправлен в госпиталь № 4324, где лечился до 26.11.42 г. После лечения отправлен в резерв политсостава Северо-Кавказского фронта. 20 Декабря 1942 наша 30 Иркутская дивизия, за разгром сильной группировки войск противника, была преобразована в 55 гвардейскую дивизию.

В ноябре 1943 г. был направлен на Керченский участок фронта Дивизия входила в состав Отдельной приморской армии.

По приказу командира полка заняли исходную позицию для наступления на высоту 1645 на подступе к г. Керчь. Командир батальона для постановки задачи собрал всех командиров рот, зам по строевой, нач. штаба и присутствовал секретарь партбюро полка и я слушали задачу для наступления каждой роте. И вдруг один шальной снаряд разорвался. Комбат был убит, многие получили сильные ранения. Остальные остались невредимы.

Когда я доложил об этой трагедии командиру полка, времени до наступления оставались считанные минуты, командир полка приказал принять мне командование батальоном и выполнять боевую задачу.

Я отдал приказ командирам роты о готовности и они разошлись. В «Ч» началась артподготовка и за ней батальон должен идти в бой, но смотрю – атаки нет. Я вынужден был выскочить из окопа и крикнул: «За мной! За мной! За Сталина, вперед». Тут рота одна за другой поднялись в атаку и быстро заняли первую траншею, потом вторую, потом третью заняли с большими потерями и всю высоту. На этой высоте меня ранили. Я доложил комполка о выполнении задачи и получил от него разрешение передать командование батальоном командиру пулеметной роты.

После госпиталя вернулся в свой полк и свою 55 гвардейскую дивизию и получил свой батальон и продолжил воевать уже на Белорусском фронте под Минском [95].

Коромыслов Анатолий Степанович **Работали мастерские круглосуточно**

Во время Великой Отечественной войны состоял на штатной должности по вольному найму в действующей армии (в/ч 30195)

при 1-ой воздушной армии с 29 сентября 1942 года по 20 июня 1944 года в должности электрослесаря по ремонту электрооборудования самолетов.

Запомнилось лишь то, что забыть нельзя. Не забыть начало войны, когда после объявления по радио о начале войны, отец спрашивает двоюродного брата Михаила Лебедева: «Тебе когда?» (он был младший лейтенант запаса). Брат ответил: «Завтра, 23 июня». «А мне, – говорит отец, – 27 июня» (он был лейтенант запаса). У них было предписание, после объявления войны, явиться в военкомат, сделать отметку, что отбывают в приписанную воинскую часть в срок. И растерянную, заплаканную мать, в слезах младших сестренку и братишку. Опять война. (Отец участвовал в войне с финнами).

На забывается февраль-март 1941 года. В нашем районе командование Красной Армии проводило учение запасников, в котором участвовало большое количество личного состава из разных районов. Отец участвовал в этих учениях. И вот его слова ко мне (по секрету) после окончания учений; «Дорогой сынок, когда началась первая империалистическая война, мне было 13 лет, (он рождения 1901 г.), но мне пришлось воевать, воевал и в гражданскую войну, с белополяками, был в плену в Германии. Тебе сейчас 13 лет, знай, война начнется через месяца два, примерно в мае, но тебе воевать не придется, управимся с фашистами». Случилось так, что в сентябре 1942 года отец забрал меня к себе в часть, это были 283 стационарные авиамастерские при 1-ой воздушной армии. Работал сначала учеником, потом электрослесарем 4-го разряда по ремонту электрооборудования самолетов. В 1942 году ремонтировали самолеты Р-5, СБ-2, АР-2, ПО-2. С 1943 начали ремонт самолетов ПЕ-2, (скоростной пикирующий самолет-бомбардировщик). Работали мастерские круглосуточно, проводили ремонт и в полках.

Фронт продвигался на запад и в начале 1944 года мастерские готовились к перебазированию, а я решил пойти в летное училище, но мне в приеме отказали по возрасту (мне было 16 лет), но я поступил в техническую школу. С 20 июня 1944 г. я курсант Второй Московской авиашколы механиков спецслужб. Окончил школу в декабре 1945 года, и был направлен во 2-ую воздушную армию. Война унесла жизни многих моих близких родственников. Вернулись единицы, и то с тяжелыми ранениями, инвалидами, многие погибли в блокадном Ленинграде [96].

Коротков Михаил Дмитриевич **Бронепоезд уничтожили**

В 1942 году подошли к Ржеву из города Бронницы, из резерва, где я был командиром орудия. На другой день пришлось вести огонь по пулеметным точкам, где я получил благодарность за хорошую стрельбу. У деревни Подосиновка приказ уничтожить бронепоезд с восемнадцатью орудиями, что не давал спокойствия советским войскам. Мы подъехали ближе к линии и, когда поезд стал выходить из-за поворота, мы были готовы (потому что звук колес слышится хорошо) – первый снаряд попал в колеса, тем самым мы остановили поезд. Второй снаряд завершил дело, когда попал в паровой котел. За эту операцию я получил медаль «За отвагу». Дальше – Курская дуга. Был приказ бить по немецким танкам. Было уничтожено 32 танка. За этот бой получил орден «Красной звезды». Был в Балтике, под Румынией, в Карпатах. За взятие Берлина награжден орденом «Отечественной войны» II степени [97].

Кориунов Алексей Иванович **Первое ранение**

На фронт я попал 30 августа 1943 года, а был призван в армию в январе того же года. Воевал на 1-м Украинском фронте в 74-ой стрелковой дивизии. Прошел Курскую, Сумскую, Орловскую области. Помню тот день, когда получил первое ранение.

...Переправлялись через Десну. Недалеко была линия фронта. Редкий лес. Начали копать минометный окоп, но земля была сухой и поддавалась с большим трудом. Немцы потихоньку постреливали. По окончании работы дежурили по очереди. Утром 14 сентября 1943 года начался массированный обстрел. На опушке леса «проняли» немца и их отделению приходилось перебежать из окопа в окоп. Через некоторое время перебежало другое отделение. Кругом рвались мины «Андрюши». Когда лежал с винтовкой, осколком от разорвавшейся мины меня ранило в ногу. После обстрела пытался выбраться из окопа, но тут подоспели санитары... [98]

Косенко Андрей Фёдорович
В первые дни войны

В 1940 г. окончил Севастопольское училище. Затем был направлен в Белорусский военный округ, потом в зенитный полк в Барановичи. В марте 1941 г. направлен в другой полк в городе Кобрине (60 км от Бреста).

На 22 июня назначается парадно-строевой смотр. Командующий армией хотел посмотреть готовность войск. У границы постоянно проходили учения, стрельба. Как-то утром встали – стрельба. Подумали, что идут учения. Прибегает связной: «Боевая тревога!» Приходим в часть: пушки стоят на боевом положении.

Обстреляли самолет немцев, который летел выше пяти километров, подбили. Утром на следующий день едем к городу Бресту. Видим группу немецких бомбардировщиков. Наша батарея залпом ударила самолетам. Сбили 3 самолета, остальным удалось уйти. Мы замаскировались в лесу в ожидании нового налета. Оставшиеся самолеты противника привели 27 бомбардировщиков. Нам был дан приказ разойтись и не двигаться. Немецкие самолеты никого не заметили и улетели ни с чем.

После тяжелых боев в течение пяти дней оказались в глубоком тылу немцев. Продукты, боеприпасы, горючее для машин закончилось. Приказ: подорвать свои машины и уходить. За 10 дней прошли 520 км без еды и воды. Наконец пришли к своим войскам. Направили нас в Москву, дали новую технику. 25 июля был направлен в Дубну на прикрытие ДМЗ и ГЭС.

Начал войну командиром взвода, а здесь (в Дубне) был назначен командиром батареи. Всего прибыло на оборону плотины 3 батареи. Прошел месяц, а вражеских самолетов не было. 10 ноября 1941 г. 2 батареи уезжают, а остается только моя. В конце ноября подошла 30 армия, которая отступала от Калининграда и заняла оборону канала. Налетов все не было. В ноябре уже были слышны залпы автоматной очереди стороны города Конаково. Фронт приближался сюда. Налетов не было. Когда началось наступление под Москвой, попал в 363 стрелковую дивизию. Сбивали самолеты, стреляли по пехоте. Уже в августе 1942 г. были в Сталинграде. Закончил войну в Праге, пройдя Украину Румынию, Австрию. Моя батарея сбила 53 самолета и потеряла одного человека [99].

Кочешков Георгий Кузьмич
Страшно сейчас представить себе этот бой

У села Анновка Брянской области впервые подстерегла фашистская пуля. Летом 1942 г. Гвардейский стрелковый полк вел тяжелые бои на брянском направлении. Враг занял оборонительный рубеж у села Анновка. Впереди-ровное поле, покрытое нескошенной рожью. Лишь изредка попадались мелкие овраги. Это было единственным укрытием. Страшно сейчас представить себе этот бой. Враг ни на минуту не прекращал огонь. Во время атаки почувствовал, как нога стала тяжелой, боль свалила.

После возвращения в часть назначают командиром отделения связи. Запомнился и бой за станцию Сычовка на Калининском фронте. За четкое и своевременное наведение связи между подразделениями полка командование наградило медалью «За большие заслуги».

Осенью 1943г. Советские войска подошли к Днепру. Непокоем был Днепр в тот день. Темные тучи нависли над ним. Место для переправы связисты выбрали на участке реки, где ближе к левому берегу находился небольшой островок. Под непрерывном огнем связистам отделения все же удалось на лодке добраться до этого островка. Впереди оставался самый трудный участок. Фашисты простреливали каждый метр речной глади. В лодке двигаться невозможно. Решил – дальше только вплавь. Первый связист возьмет вперед провода и поплывет на левый берег, а второй останется здесь и будет давать слабинку.

Сам с другой группой связистов начал переправу чуть правее этого островка. Шлепают в воду пули. Вижу, как днепровская вода уносит одного товарища, другого... Скорее бы, скорее бы до берега! И вот под ногами берег. Доползли до кустов и наткнулись на немецкую рацию и сапоги. «Видно, фрицу не до рации было, раз он оставил даже свои сапоги», – шутили связисты. А через несколько минут докладывал: «Связь налажена!»

После завершения переправы в приказе командующего говорилось: «За мужество и отвагу, за находчивость и смекалку во время форсирования Днепра гвардии сержанта Георгия Кузьмича Кочеткова наградить орденом Славы III степени». Вскоре командование фронта послало на курсы политсостава 1-го Украинского фронта.

В звании младшего лейтенанта был назначен заместителем командира батальона по политчасти. В июле 1944 года в Карпатах был вторично тяжело ранен в ногу и до конца войны находился в госпитале [100].

Кочнов Иван Дмитриевич **Вперёд, на Запад!**

...Я не люблю рассказывать о войне, потому что такой рассказ неизбежно связан с волнением, а волноваться мне нельзя, сказывается контузия, полученная под Старой Руссой. И все-таки если начинаешь ворошить прошлое, непременно вспоминаешь 7 ноября 1941 года. В начале сентября 1941 года я был призван в Красную Армию.

Формирование нашего отдельного батальона проходило в Мордовской АССР в г. Рузаевка. Там мы проходили боевую подготовку. В начале октября 1941 года нас привезли в Москву на окружную дорогу на станцию «Лихоборы–Ховрино». Там мы занимались строевой и боевой подготовкой, готовились к параду на Красной площади. В самом параде я не участвовал, хотя весь наш отдельный механизированный батальон в течение двух недель усиленно к нему готовился и во время парада наш взвод патрулировал у Государственного исторического музея.

В небе над Москвой висели аэростаты воздушного заграждения. Шел снег. С трибуны Мавзолея Верховный главнокомандующий И. В. Сталин заявил, что не может быть ни каких сомнения в победе, и что Советская армия способна не только уничтожить грабительские полчища гитлеровских захватчиков, но и освободить поработанные народы Европы. Окрыленные напутствием, держа строгое равнение, прошли по Красной площади сибиряки в дубленках и полушубках. В серых шинелях шли ополченцы, скрежетали по брусчатке гусеницы танков «Т-34». По площади прошли два наших взвода, там были мои товарищи – Шаповалов, Лозунов и другие. Как известно, прямо с парада войска направлялись на фронт.

В то время мне шел девятнадцатый год, и я не задумывался над историческим значением событий, в которых мы тогда участвова-

ли. Парад на Красной площади, конечно же, был для нас большим событием, но не таким символическим он казался нам тогда, каким представляется сегодня. Сегодня все мы, кто остался в живых, обязаны помнить обо всем пережитом и хранить эту память.

В ноябре 1941 года наш батальон в составе Первой ударной Армии был направлен в район Дмитровско-Яхромской поймы. Через Абрамцево мы шли к Яхроме, где на Перемиловских высотах стягивались крупные силы наших войск для решительного контрудара. Мы оказались около Перемиловской высоты. Разместились в овраге с минометами, готовились к наступлению. Враг находился рядом, за каналом Москва–Волга.

Много памятников на земле Подмосковья. На западе, на юге, на севере области стоят вдоль дорог скромные обелиски, величественные монументы высятся на полях самых ожесточенных сражений. ...Перемиловские высоты. На самом высоком холме – фигура солдата, устремленного в неудержимом порыве на запад. Этот монумент сооружен в честь защитников столицы. Отсюда 29 ноября 1941 года наша 1-ая ударная армия нанесла контрудар по немецко-фашистским захватчикам. Не раз уже много лет спустя после окончания войны поднимался я сюда, и всякий раз слезы наворачиваются на глаза, когда вспоминаю погибших товарищей. Сколько их, моряков из Ленинграда, московских ополченцев осталось здесь, в этой земле...

С высоты открывается вид на Яхрому, что лежит в одной из складок Клинско–Дмитровской гряды. Белая церковка, красный кирпичный клуб... Трудно уже представить себе, что пятьдесят лет назад здесь земля ходила ходуном от разрывов снарядов, мин, авиабомб. На колокольне церковки был установлен вражеский пулемет. Это был один из объектов нашего обстрела.

Многие годы спустя я не раз бывал в Дмитровском краеведческом музее, где целый отдел посвящен страницам Великой Отечественной войны и боевому пути 1-ой ударной армии, много читал о событиях Великой Отечественной в мемуарах наших военачальников Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского – и тогда во всей полноте раскрывалась картина боевых действий, в которых мне довелось участвовать. А в то время мы были совсем юнцами. Хорошо помню, как начитавшись газетных очерков о героях, которые из автоматов сбивали вражеские самолеты, стали лупить по «раме» трас-

сирующими очередями, а потом чуть не погибли, потому что тем самым обнаружили свое месторасположение.

В начале декабря вели небольшие бои, а 6 декабря 1941 года Первая ударная Армия вместе с другими войсками Западного и Калининского фронтов начала стягивать крупные силы для решительного контрудара. Битва за Москву началась рано утром. Нанеся удар во взаимодействии с 30-й и 20-й армиями, мы двинулись на Клин, на Теряеву Слободу, Солнечногорск. Это произошло после разгрома немецкой группировки в районе Рогачево–Солнечногорска. 13 декабря 1941 года наша Армия подошла к Клину. Охватив город со всех сторон, мы ворвались в него и после ожесточенных боев в ночь на 15 декабря очистили Клин от противника.

В боях под Старой Руссой мы подбили вражеских танка. Тяжелый был тот бой – на моих глазах погиб санинструктор. Я получил тяжелые ожоги. Под Калинином со своей 82-миллиметровым минометом прикрывал переправу через Тверцу. За эти бои был награжден орденом Красной Звезды. И еще вспоминается мне, как в 1942 году под Старой Руссой принимали нас в комсомол. Было нас человек 20-30. Начальник штаба Чистяков вручил нам комсомольские билеты. До сих пор я бережно храню эту серенькую книжечку, на которой в свое время клялся не беречь сил и жизни для полной победой над врагом...

Так вот получилось, что тот военный парад в Москве 7 ноября 1941 года стал для нас началом трудного, сурового, но славного пути, и прошли мы этот путь с честью. Перебирая в памяти имена и даты, я думаю, что каждый из нас и все вместе мы, прошедшие по дорогам войны, старались сделать все от нас зависящее для победы. И победили. И завещаем детям и внукам ту же любовь к Родине, во имя которой погибли многие хорошие ребята, и мир [101].

Красавин Василий Петрович
**С кем довелось прибыть на фронт –
многих уже не досчитывались**

Призван в армию в 1942 году в июне, и был направлен на учебу в спецлагеря, где нас обучали ведению войны, применению отравляющих веществ и защите от них. Газы были очень сильные,

как хлор, иприт, фосген и ряд других. Условия учебы были очень плохие, питание было плохое.

После учебы в конце 1942 года, нас отправили на фронт. Под старую Руссу ехали через Москву на Бологое а оттуда много времени шли до передовой пешком, есть было нечего, только если попадетя на пути какой-либо населенный пункт и вот там чем-нибудь воспользуемся.

Придя на передовую, мы разместились в лесу. Лес был как будто бы столбы стояли без макушек от снарядов. Пришлось смириться с такой обстановкой, ничего не сделаешь – война, есть война. Кругом идет стрельба, рвутся снаряды, самолеты бомбят сверху, и снайперы стреляют с деревьев. По прибытии на место, нас пустили в пехоту стрелками. Стали ходить в наступление, бои были очень жестокие. С кем довелось прибыть на фронт – многих уже не досчитывались. Местность там была очень болотистая и кому там пришлось побывать, то говорили так: «Кто под Руссой побывал, тот водички похлебал». И вот однажды дан приказ о взятии важного стратегического пункта, за который завязывалась борьба, и в ходе этих боев я был тяжело ранен. Был перебит седалищный нерв ноги, нога была как плеть и сильный удар в голову, в следствии чего лишился глаза... [102]

Краснов Виктор Иванович
Японские смертники сражались до конца

21 ноября 1943 года меня, семнадцатилетнего мальчишку, призвали на военную службу в батальон связи 298 дивизии Забайкальского военного округа. Прибыл я на станцию Мациевская Читинской области недалеко от пограничного города Отпор, ныне г. Забайкальск. Здесь я окончил курсы радиотелеграфистов. Работал на действующих радиостанциях ПВО.

После объявления войны с Японией, 8 августа 1945 года я был приписан к 888 стрелковому полку в качестве старшего радиотелеграфиста. Поздно вечером 8 августа мы приблизились к границе. Всё было готово для выполнения приказа об освобождении северной части Китая от японских захватчиков.

9 августа в 4 часа утра была проведена мощная артподготовка по заставам и пограничному городу Манчжурия, и вскоре город был взят нашими доблестными воинами Забайкалья. После небольшой передышки двинулись на укрепленный город Хай Лар. Все подступы к городу были превращены в мощные укрепления, особенно со стороны сопков, где и находилась отборная Квантунская армия. Дорога к городу проходила между высокими сопками, хорошо просматривалась и была пристрелена самураями. Завязался жестокий бой, но нам все же удалось прорвать оборону противника и овладеть городом Хай Лар. Вот тут-то и произошла трагедия. Во время боя было много раненых солдат, которых поместили в полевой госпиталь. Военские части были уже в городе, и полевой госпиталь остался почти без охранения. Самураи воспользовались этим, ночью напали на госпиталь и уничтожили раненых бойцов и военного врача, это была женщина в звании капитана. После взятия Хай Лара все воинские части расположились на улицах города. Наша автомашина остановилась на обочине дороги напротив башни, похожей на купол церкви. Радист Чистяков остался в автомашине за радиостанцией, а я прилег на землю у машины. Наступили сумерки, стемнело. Вдруг загрохотал пулемет. По звуку я определил, что это вражеский пулемет. Я повернул голову в сторону стрельбы, было хорошо видно, как из этого купола цепочкой вылетали огненные пули на соседние улицы, где находились наши солдаты. Недалеко от нашей машины стояли самоходные батареи. Экипаж одной «самоходки» быстро среагировал и прямой наводкой уничтожил эту огневую точку. В куполе находился самурай-смертник, прикованный цепью к пулемету. Смертники сражаются до конца.

Время шло, мы упорно с боями продвигались все дальше и дальше вглубь Китая. В тот день, когда мы приблизились к одной железнодорожной станции, стояла ужасно жаркая погода. Завязался бой. В этом бою «хорошо» поработали наши танкисты. Они не только уничтожили противника, но и вывели из строя две водонапорные башни, оставив нас без воды. В этом бою погиб мой сменный радист Чистяков, земляк, одного призыва. Для меня смерть фронтового товарища была печальным случаем.

Позднее произошел еще один трагический случай. Был у нас рядовой солдат-связист 1923 года рождения (фамилию не могу

вспомнить), сам он из Белоруссии. У него была девушка тоже из Белоруссии, они переписывались. Парень ее очень любил, всегда с восхищением о ней рассказывал, радовался ее письмам и всегда повторял: «Закончится война, вернусь домой и женюсь». Но судьба распорядилась иначе. Во время одного из переходов в зарослях кукурузы он бесследно исчез: либо погиб (японцы мастерски владели холодным оружием), либо, что еще хуже, попал в плен. Прошло всего несколько дней и 2 сентября 1945 года Япония капитулировала и настал День победы... [103]

Крупский Владимир Михайлович

Я не смог не улыбнуться, увидев эту кинокомедию (из фронтовых писем)

21.07.44 г.

Здравствуй, братишка! Только что получил письмо из дома с фотокарточками всех вас. Итак, как ты уже слышал, я жив и здоров...

Могу тебе сказать, что из юнца превратился во что-то более оформленное. Не раз приходилось посмотреть в глаза смерти при всевозможных обстоятельствах. Последний раз это произошло в конце 43 г., когда мы с другом, летчиком Аркадием Ковязиным, решили «оседлать» немецкий самолет, чтобы перелететь издалека на «большую землю». Мы-таки его «оседлали», и очень удачно. Ты можешь себе представить, братишка, что было написано на их рожах, и их фигуры, согнутые в вопросительный знак, когда они увидели хвост нашего самолета. Самолета, который они только что ремонтировали. Несмотря на всю ответственность момента и серьезность положения, я не смог не улыбнуться, увидев эту кинокомедию, да и сейчас не могу без смеха это вспоминать.

Я нахожусь в Подольске, и пока ничего определенного в моем положении нет, но я думаю еще повоювать, и неплохо повоювать.

Ну прощай, братишка. Обнимаю и целую. Володя.

9.09.44 г.

Здравствуй, Мишуха! Только что прочитал еще раз три твои письма и, откровенно говоря, стало очень грустно на сердце. Ми-

лый Мишуха, ты слишком много спрашиваешь, а я могу очень мало ответить... Поговорим, когда будем сидеть за одним столом...

Свидетельствует документ

Сообщение Калининского УНКВД в НКВД СССР от 5 октября 1943 года

Из Калинина. Принято по ВЧ. Сов. секретно. Москва. НКВД СССР – тов. Серову.

В 14.00 4.10. 43 г. на территории Оленинского района Калининской области приземлился самолет марки «Штолк» (итальянский). Экипаж самолета в составе: 1) Ковягин Аркадий Михайлович, 1915 г. рождения, уроженец г. Свердловска, летчик, имел звание лейтенанта, служил в 212 авиаполку дальнего действия, попал в плен в 1941 г., когда сделал вынужденную посадку на оккупированной немецкой территории в Ленинградской области. В плену окончил школу диверсантов. 2) Крупский Владимир Михайлович, 1922 г. рождения, уроженец Ленинградской области, в Красной Армии с 1940 г., служил в 4-м стрелковом полку 93-й стрелковой дивизии в должности помощника командира взвода. В плен попал в 1941 г. под г. Невель.

Оба, будучи в плену, работали на рижском аэродроме. При приземлении задержаны постами службы ВНОС. 4.10.43 г. в 8.00 захватили указанный самолет и вылетели курсом на Иваново, из-за нехватки горючего приземлились в Оленинском районе. Самолет исправный, находится на месте посадки и охраняется командой поста службы ВНОС. Экипаж самолета направлен в Москву».

На сообщении значится: «Тов. Абакумов, заинтересуйтесь. Л. Берия. 5/10». Руководитель «Смерша» В.С. Абакумов направил письмо по инстанции с указанием «немедленно расследовать и доложить».

Из статьи журналиста Валерия Кириллова (г. Тверь) «Крылатый побег»

«...Чем завершилось расследование? Что это были за люди? Смельчаки, улетевшие из немецкого плена? Или диверсанты?

Спустя некоторое время благодаря Анатолию Крупскому (внучатому племяннику В.Крупского – ред.) мне стали известны некоторые подробности.

После окончания в 1940 г. средней школы Владимира Крупского призвали в Красную Армию. Войну он встретил в 4-й стрелковом полку 93-й стрелковой дивизии. Во время боев, оказавшись в окружении, попал в плен. Работал кочегаром на военном аэродроме в Риге. В лагере подружился с бывшим летчиком Аркадием Ковязиным (в сообщении Калининского УНКВД ошибочно указана фамилия Ковягин).

А.М. Ковязин перед войной был в Новосибирском авиаотряде. В Красную Армию его призвали в феврале 1941 г., служил в 212-м отдельном дальнебомбардировочном авиационном полку 81-й авиационной дивизии. С июня по ноябрь 1941г. экипаж Ковязина совершил 52 боевых вылета. В числе первых он бомбил Кёнигсберг, штаб генерала Гудериана возле города Почепа, под Брянском. В октябре 1941 г. Ковязина наградили орденом Красного Знамени, а 5 ноября во время ночного полета его самолет был подбит в районе Риги. При выходе из окружения экипаж нарвался на немцев. В бою получивший ранение и отстреливавшийся до последнего патрона Ковязин был захвачен в плен. Поначалу находился в концлагере «Кресты» под Псковом, оттуда его перевели в лагерь под Лугой. Летом 1942 г. Ковязин бежал, но его поймали. В 1943 году Аркадия Михайловича перевели в лагерь №350 под Ригой...

Познакомившись поближе, Крупский и Ковязин стали вынашивать дерзкий план побега. Для начала пользовавшийся доверием у коменданта аэродрома Крупский упросил того перевести Ковязина кочегаром в один из ангаров. Осуществить побег решили на самолете связи «Физлер-Шторьх-156» (в сообщении Калининского УНКВД название самолета указано неверно). Ковязин знал, что у него короткий разбег при взлете и что он прост в управлении.

Важную роль для успеха задуманного играла погода. Наконец, 4 октября 1943 г. выглянуло солнце, стих ветер. Когда технический состав ушел обедать, Крупский и Ковязин незаметно для охраны пробрались к подготовленному для полета самолету, юркнули в кабину. С первого раза завести мотор Ковязину не удалось. Заподозрив неладное, немцы отрядили к самолету велосипедиста. Приблизившись, тот поднял крик, отчаянно замахал руками. Еще мгновение – и все закончится для русских беглецов самым трагическим образом, но... мотор завелся! Остальное было делом большого летного опыта Ковязина. Через три часа самолет приземлился

ся возле деревни Липовка, в пятидесяти километрах западнее г. Ржева. Беглецы не могли сдержать своей радости. Они плакали и целовали родную землю.

Как и полагалось в таких случаях, А.М. Ковязин и В.М. Крупский были направлены на фильтрационную проверку. По запросу Анатолия Крупского, сделанному в 2010 году в Российский государственный военный архив, пришел ответ: «Регистрационный номер 26121... 12декабря 1944 г. убыл в РВК». «Проверен 16 июня 1944 г. №90».

...Свидетельством того, что проверка в фильтрационном лагере прошла для В.М. Крупского успешно, явилось то, что ему сохранили воинское звание «сержант». А решающую роль в освобождении Владимира Михайловича из лагеря сыграло взятие нашими войсками осенью 1944 г. г. Риги – только тогда спецслужбами была установлена в деталях история побега Ковязина и Крупского, подтвердившая правдивость того, что они рассказали. После этого Владимир Михайлович воевал с врагом пять месяцев. Из справки, полученной Анатолием Крупским в 2009 году из Центрального архива Министерства обороны РФ, следует, что командир стрелкового отделения 273-го стрелкового полка 104-й стрелковой дивизии Владимир Михайлович Крупский, уроженец Ростовской области, г. Таганрога, погиб 6 апреля 1945 г. в Югославии. В картотеке учета награжденных погибший не значится.

Место гибели Владимира Михайловича стало известно его родственникам из пришедшей похоронки. Осенью 1945 г. Михаил Михайлович, проходивший службу в 115-м истребительном авиаполку, базировавшемся в Венгрии, получил от командования части разрешение посетить могилу брата на краевом кладбище в городе Мурска-Собота (сейчас это территория Словении). Однако выполнить волю отца и матери не удалось: он был задержан на границе югославскими пограничниками. Шло время. Судьба брата продолжала волновать Михаила Михайловича. В 1958 г. он прочел в журнале «Огонек» очерк Г.А. Григорьева, в котором рассказывалось о героическом поступке Аркадия Ковязина и своего брата Владимира, и без промедления обратился к автору с просьбой сообщить адрес бывшего летчика Ковязина. Так получилось, что одновре-

менно Григорьев получил и письмо от сына Владимира Крупского, родившегося в 1944 г. в Риге. Работая кочегаром, Крупский встречался с местной девушкой Анной, она родила ему сына, которого он никогда не увидит...

С помощью Григорьева Михаил Михайлович разыскал в г. Свердловске Ковязина. После побега летчика долго мытарили по лагерям, в небо он больше не поднялся, довоевывал в пехоте. В мирное время работал бригадиром электрослесарей треста «Уралэлектромонтаж»... Затем удалось найти в Риге родного племянника, названного в честь отца. А в 1980-м (в тот год Ковязина не стало) Михаил Михайлович предпринял вторую попытку получить разрешение на выезд в Югославию. По этому поводу он обращался письменно к Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорному и тогдашнему лидеру Югославии Йосифу Броз Тито, но в силу сложившихся политических обстоятельств поездка не состоялась. В 2002 г. Михаил Михайлович скончался, и дело его продолжил внук Анатолий. Наведя справки в архивах, он написал обращение к президенту РФ с просьбой о представлении Владимира Михайловича к награде. Ведь если старший лейтенант запаса Аркадий Михайлович Ковязин в 1965 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6.05.1965 г. № 3541-VI был заслуженно удостоен за героический побег ордена Ленина, а затем и медали «За Победу над Германией», ему возвратили орден Красного Знамени, то Владимир Михайлович Крупский остался без награды. Скорее всего, потому, что его уже не было в живых. В своем письме Михаилу Михайловичу в 1969 г. А.М. Ковязин отмечал: «Я тоже думаю, если бы Володя был дома, то военкомат, в котором он был бы на учете, наверное, что-нибудь предпринял...» [104].

Крутиков Василий Алексеевич **Связной всегда был на ногах**

Призвали меня в 1942 году. Сначала несколько месяцев обучался за Костромой, место называлось «Песочные лагеря». Там были все рода войск, я сам – автоматчик. На этих курсах и пробыл 9 месяцев. Потом ребят, которые обучались в «Песочных лагерях», стали понемногу отбирать и посылать на фронт (тогда шел 1943 год)...

Я сам попал на передовую в августе того же года под Харьков, в место под названием Голая долина. И там, в первом же бою меня тяжело ранило. Я служил связным, всегда был на ногах. Все время приходилось куда-нибудь пробираться то ползком, то бегом, а вокруг беспрерывно свистят пули. Ранило меня осколком в голову и в глаз, ну и пробыл я в разных госпиталях около двух месяцев. За это время лежал в 5-6 госпиталях.

Ну а после того, как вылезлся, я стал уже не строевым, и меня зачислили в хозяйственную роту курса младших лейтенантов. И опять два раза был на передовой. Первый раз подвозил боеприпасы, это было уже в Венгрии, а второй раз меня поставили отвозить раненых на озеро Балотон. Мы, ездовые, ездили на лошадях, машин у нас не было. Наша часть двигалась следом за передовой; как где прорыв, так мы туда. В 1943-44 годах, когда немцев гнали из России, мы шли за передовой. Когда надо было подвозить снаряды, со мной посылали старшину, который говорил, куда надо было отвезти их. Ну и потом в 1944 году я так и находился на этих курсах до конца войны. У нас ведь как прорыв, так кого-нибудь с курсов отправляли на передовую.

Много насмотрелись на войне. И в поезде-товарняке ездили, и под бомбежки не раз попадали. Раз шли за фронтом, и наших 12 человек погибло в одной только бомбежке. И пока война не кончилась, с 1943 года так за передовой и шли.

На курсах младших лейтенантов было 4 батальона, куда брали одну молодежь. Три месяца отучат – и на передовую. Большинство было 24-го, 25-го годов рождения. Мне самому в 1942 году было 18 лет. А после трех месяцев обучения на курсах, ребят отсылали на передовую. Главное, что запомнилось, и что никогда не смогу забыть – беспрерывно взрывались мины, снаряды... [105]

Кудрявцев Григорий Михайлович **Освобождая Варшаву**

Наш артиллерийский полк, полк усиления, прозвали «кочующим», – помню, как-то в боях на Курской дуге в течение одного дня мы помогли своим огнем поочередно трем армиям. А под Варшавой остановились надолго, заняв предместье города на правом

берегу Вислы – Прагу. Горизонт был затянут дымом. «Варшава горит», – сокрушенно говорили бойцы Войска Польского, которые вместе с советскими солдатами готовились штурмовать город и идти дальше – на Берлин.

Наконец, долгожданное наступление! Много мне довелось увидеть разрушенных городов – освобождали Киев, Ковель, другие города, лежавшие в руинах, но Варшава была не то что разрушена – истолчена. Уходя, фашисты оставили множество мин, и наш полк очень медленно, вслед за саперами, двигался по каменной пустыне, бывшей когда-то прекрасным городом. Хорошо помню развалины консерватории – можно было догадаться, что когда-то это было очень красивое здание. ...Встречаясь с бойцами Войска Польского, которые вместе с нами освобождали свои родные города и шли на Берлин, видя, расцветчивались освобожденные польские города красно-белыми национальными флагами, а пожилые поляке выходили нам навстречу в заботливо сохранных военных мундирах, мы понимали, какое сильное чувство любви к Родине жило в сердцах польских патриотов. С первого и до последнего дня второй мировой войны польский народ сражался с фашистскими захватчиками, польский солдат водрузил свое знамя в Берлине, единственный из наших союзников, он участвовал в Параде Победы на Красной площади. И это братство по оружию, рожденное в боях, – завещание ветеранов сегодняшней молодежи [106].

Кудряшов Виктор Иванович **Он будет жить**

Всю войну я прошел без царапины, а тут в 43-м году ранило меня, да так ранило, что в левый бок влетело, а на спине кусок 16x16 оторвало. Очнулся в госпитале. Открываю глаза, а надо мной приятное женское лицо – это была врач майор (как она мне после рассказывала, шансов на мое выздоровления не было). И здесь она говорит: «Глаза голубые-голубые. Губы розовые-розовые. Он будет жить». Сделали мне операцию, до сих пор живу. Сколько лет прошло, забыл я и имя, и фамилию этой девушки, а лицо и слова эти до конца жизни помнить буду [107].

Кудряшов Григорий Егорович
Мы поняли, что «вляпались» здорово

Пришлось воевать в расположении противника. Командир полка полковник Юсупов получил по рации приказ сняться с боевых позиций и занять другие позиции. Это приблизительно километров сорок от старых позиций.

Это было на немецкой территории. Местность была лесная. Мы, как обычно, сняли свои пушки и вперед. Начальник штаба и командир полка на своих «дожах» вперед, мы с пушками на «студбеккерах», остановились, где нам нужно поставить пушки. Оказывается, в кустах заняли место немецкие танки.

Командир полка и начальник штаба немцев не заметили, и немцы тоже нас не ждали. А когда поняли, что заехали в расположение немецких танков, командир полка и начальник штаба дали указание занять круговую оборону. Вот здесь мы поняли, что «вляпались» здорово.

Пришлось драться, думать некогда, немцы стали бить нас, мы стали бить их. Но к нам еще въехала бригада артиллерийская, это очень было кстати. У нас сразу разбило 2 пушки и 4 машины, мы подбили 4 танка, остальных добивали наши артиллеристы из бригады [108].

Кузнецов Николай Васильевич
Запомнил весёлые, радостные лица сослуживцев

В те далекие майские дни наш полк расположился примерно в 60 километрах от Берлина. Я был уже в звании младшего лейтенанта, летал на Берлин, участвовал в воздушных боях за Трентов – парк. Накануне получил орден Красной Звезды. 7 мая в 10.00 артиллеристы из охраны аэродрома подняли стрельбу. Мы к ним: «В чем дело?» они: «Вы что, ребята? Победа ведь!». Мы бегом к себе, подняли шум, собрал нас всех замполит. Торжественно объявил о капитуляции Германии. А вечером командир полка созвал нас в столовой, поздравил с окончанием войны. Мы устроили праздник. Запомнил веселые, радостные лица сослуживцев... А служить в Германии довелось еще до 1952

года. Памятник на кладбище солдат Советской Армии и Войска Польского в городе Колобжеге. Здесь похоронено свыше 1300 человек. Польша взяла на себя обязательство содержать в порядке более 600 кладбищ, где похоронены погибшие в годы Великой Отечественной войны [109].

Кузнецов Пётр Семёнович
Последний призыв

Родился 13 июля 1927 года в деревне Рыбное первого Гавриловского сельсовета Тамбовской области. 7 июня 1941 года он закончил 7 классов местной школы. А 22 июня началась Великая Отечественная война. Продолжить обучение не удалось, хотя учился на «4» и «5». Там же деревня, Тамбовская область. И сейчас-то глубинка, а 70 лет назад тем более. Первая Гавриловская неполная средняя школа находилась от нас в 3 километрах, и мне приходилось все время ходить туда. А чтобы получить среднее образование, надо было идти в районный центр, это в 8 километрах. Жили мы бедно, и оплачивать дорогу и квартиру нам было не под силу. Пришлось идти работать в колхоз. Пахали, сажали, бороновали...

...Одного моего брата мобилизовали в 39-м. Служил он на Украине, в 8-м механизированном корпусе. И когда началась война, именно части на Украине оказались на ее пути, приняли первые бои. В августе моего брата тяжело ранили под Киевом, а потом нам пришла похоронка.

Второй брат у меня 1923 года рождения. Его на фронт взяли в сентябре, под Смоленском он рыл противотанковые рвы. А там немец как попер! Армия-то с оружием отступала, а уж эти... В 1942-м под Харьковом окружили часть армии, другая часть, где и был мой брат, начала отступать к Сталинграду. Его там ранило, и повезли его в Сибирь – лечить. А в марте 43-го года отправили на Ленинградский фронт. Там он попал в тяжелую артиллерию. Но жив остался. Они шли с боями, освобождали Прибалтику, и в 1944 году остановились в Таллинне. В 1947 году он демобилизовался.

...В колхозе я проработал с августа 1941-го по декабрь 1944-го. Последний год был секретарем комсомольской организации в деревне. А потом началась служба.

Нас увезли в Свердловскую область, на станцию Еланск. Там дислоцировалась 44-я запасная стрелковая дивизия. Я оказался в 60-м запасном стрелковом полку. Началась боевая подготовка, а 23 февраля 1945 года я принес военную присягу. Готовились на фронт. Война шла к концу, а союзники наши собирались воевать с нами после разгрома немцев.

Но и наши не дремали. Нужна была современная техника, ударная. В войсках такой техникой были танки. И вот отобрали нас 300 человек из Еланских лагерей и повезли. Военное было время, никто не знал, зачем и куда. Привезли в итоге в Челябинскую область, в город Верхний Уфалей. Там размещался 29-й учебный танковый полк. Нас распределили по специальностям, я оказался в 16-й роте, стал учиться на радиста-пулеметчика. Меня определили в экипаж командира танковой роты. Там же как было: механик-водитель ведет машину, наводчик – за орудием, он держит башню. А я рядом с механиком-водителем держу пулемет и наушники радиостанции.

После учебы сформировали две танковые роты и отправили в Нижний Тагил. Было это в начале января 1946-го, к тому времени уже закончилась война, и Великая Отечественная, и Вторая мировая. Но солдат все равно готовили к военным действиям. Через 2 месяца мы получили боевые машины, каждой роте по 10 танков. Погрузились на платформы, и нас повезли. Мы думали, что в Германию, на запад. А оказалось – в Ульяновск. Там размещалось 1-е гвардейское танковое училище. Но к тому времени все стало переходить на мирные рельсы, и наши боевые машины законсервировали, оставив на них только механиков-водителей. Я оказался в Казани, в боевой бригаде, и прослужил там с 1947 по 1949 год... [110]

Кулешов Василий Константинович **Я не был выдающимся солдатом**

В 1942 году взяли в армию, мне было 18 лет, четыре месяца проходили курсы молодого бойца. Гоняли хорошо, а кормили плохо. На это мы не обижались, потому что знали – это для фронта. Но на фронт мы старались поскорее.

Время пришло – декабрь 1942 года. Нас доставили на Юго-Западный фронт. Это были Донбасс, Ворошиловоградская область.

Сталинская область и другие области. В то время, когда наши войска окружили немцев под Сталинградом, гитлеровские войска старались помочь в освобождении своей Сталинградской группировки. И пришлось мне принимать участие в ожесточенных боях. Помню города: Краматорск, Красноармейск, Борвенково. Приходилось отбивать атаки гитлеровцев, ходить в атаки, наступать и отступать. Иногда после боя мысль была, как остался живым и невредимым, когда шквал огня артиллерии, минометов, пулеметов нависал над нашими головами. Я не могу сказать про себя, что я был выдающимся солдатом. Я выполнял, как и другие солдаты, приказы командиров и начальников, выполнял все задания командования.

Лето 1943 года. Уже был назван 1-ый Украинский фронт. Курская дуга. Наша часть находилась недалеко от Белгорода, там все было спокойно. Но после мы пошли в наступление, было немало жарких боев. Сумская область. Киевская область, Житомирская область и другие.

Я хочу остановиться на бое под Тернополем. Весной 1944 года, примерно в начале марта, на подступах к городу дорог нет. Вся техника на дорогах застряла, артиллерия, танки, только пехота месила грязь, но медленно продвигалась. Сколько мы шли, я уже не помню, дни и ночи, спали на ходу. В результате дошли до Тернополя, заняли оборону. Сколько дней просидели в обороне, я не помню. Однако, после изнурительного марша мы в окопах немного отдохнули.

Город был в руках немцев, но в основном был окружен нашими войсками. Лишь несколько километров, одна дорога, оставались в руках немцев. Все снабжение шло по этой дороге. Нашим войскам был дан приказ замкнуть окружение, взять эту самую дорогу, по которой снабжалась немецкая группировка, находящаяся в Тернополе.

В ночь, примерно 15 марта, был дан приказ о наступлении, в то время меня командир роты назначил помощником командира взвода. Нашей роте было приказано взять населенный пункт, очистить лес и на противоположной стороне леса закрепиться. К утру мы уже задание выполнили. Через несколько минут прибегает связной От командира полка и сообщает, что населенный пункт, который мы освободили ночью, опять

занят немцами, нам нужно возвращаться. Мы пошли. На подходе к населенному пункту увидели, что там полно немцев, танки.

Нам необходимо было перебраться через дорогу. Из-за угла одного дома мы посмотрели, метрах в ста пятидесяти от нас идет лавина немецких солдат по дороге. За домами находились командир взвода, человек десять солдат, в том числе и я. Командир взвода принимает решение: внезапно выбежать на дорогу, обстрелять лавину немецких солдат и тем самым перебраться на другую сторону улицы.

Взводный взял у солдата пулемет и открыл огонь. И мы за ним открыли огонь по немцам, они от неожиданности растерялись и мы нормально пересекли дорогу, потом по огородам стали отходить от села. Я немного пробежал по полю, вижу, дальше бежать невозможно – с села стреляют снайперы, я залег у маленького бугорка, окопался и пролежал целый день. Когда наступил вечер, собрались солдаты, офицеры, человек сто, и мы стали выходить из окружения [111].

Кулик Дмитрий Калистратович **Пуля в лёгком находится до сих пор**

Был призван в ряды Советской Армии в октябре 1939 года во внутренние войска МВД Ленинградского военного округа. После прохождения курса молодого бойца был направлен на курсы младших командиров (полковую школу). В феврале 1940 года был направлен на Финскую войну, где провоевал до апреля 1940 года. По окончании Финской войны был направлен на Финскую территорию в район Сартавало по охране железнодорожных мостов, где прослужил до начала Великой Отечественной Войны 22 июня 1941 года.

С первых дней войны участвовал на фронте Карело-финского направления. Был три раза ранен. Два ранения легкие, третье – тяжелое ранение в грудь, пуля попала в плечо, прошла по левой стороне грудной клетки, попала в легкое и там осталась, и находится до сих пор. С последним ранением пролежал в госпитале 4 месяца. После выписки из госпиталя воевал на фронте Петрозаводского,

Медвежегорского и Кандалакшского направлений. В 1944 году нашу армию перевели на второй Украинский фронт. В это время служил в штабе 26 армии.

Переехали мы с штабом в Румынию, город Яссы, где и начали боевые действия и прошли с боями Румынию, Венгрию и Австрию. Не дойдя 10 километров до города Вены 9 мая 1945 года война закончилась.

Демобилизовался из рядов Советской Армии в 1946 году.

Имею правительственные награды: орден «Отечественной войны» 1 степени, медаль «За отвагу», медаль «За победу над Германией» [112].

Куликов Николай Васильевич **На Курской дуге было ужасно**

На фронт я прибыл в феврале 1942, был станковым пулеметчиком. Сначала были в обороне, потом командование решило пойти в наступление. Вот как это было. Был сильный мороз. Была сильная пурга и решили наступать ночью на деревню Космариха, от Ржева 10 км (он был в руках у немца), без арт-подготовки, т.к. у нас на это не было боеприпасов. Нам удалось взять почти всю деревню, но немцы опомнились и открыли минометно-артиллерийский огонь, и мы понесли большие потери убитыми и ранеными и притом у нас закончились патроны. Мы стали отступать, я получил ранение в руки и ноги, и спасибо друзьям, что не оставили на поле боя.

Я попал в госпиталь и пролежал 6 месяцев и опять на фронт. После первого ранения я прибыл на Курско-Орловскую дугу, 5 июля противник пошел в наступление, с пятого по восьмое мы отбивали атаки противника. Это было ужасно: танки, самолеты, пехота. Это была действительно мясорубка, обе стороны несли большие потери, но, конечно, наступающая сторона несет потерь больше. Враг был измотан и мы перешли в решающий бой. Враг бежал, мы освободили станцию Поньры и продолжали гнать врага, но и мы потеряли многих: на взвод из сорока человек осталось трое. Шестнадцатого июля я был тяжело ранен... И опять на фронт [113].

Куренков Виктор Григорьевич
Я сам не знаю, как выжил в лагере

В 1940 году окончил школу младших авиаслесарей, после чего был призван, Служил в Эстонии в авиачасти. Когда немец подходил к Ленинграду, при эвакуации, я раненый, попал в плен. Так до 1945 года был в плену. Затем прослужил год и был демобилизован. Так, почти всю войну я провел в лагере под Ригой. Там было два лагеря. Один из них назвали «Лагерь смерти», но на самом деле они ничем не отличались друг от друга. Каждый день здесь умирали до 600 человек. Я сам не знаю, как выжил. Помог мне эстонец, у которого я жил некоторое время, где немного поправился.

Ушел на фронт, когда не было еще 20 лет. Было нас три брата, а вернулся я один. Служил в 30-й отдельной авиаэскадрильи Краснознаменного Балтийского флота. А о лагере вспоминать не хочу, тяжело было [114].

Кучумов Николай Григорьевич
Суп из... мухоморов

13 июня 1941 года я был призван в армию из Кимрского райвоенкомата и на следующий день нас направили из г. Кимры на пароходе в г. Горький в школу военной подготовки. В Кимрском райвоенкомате аттестовали меня командиром взвода и дали мне 64 человека в подчинение, которыми я и командовал в Горьком. Из Горького направили в школу командиров и специалистов бронетанковых войск в г. Куйбышев. На пути следования в Куйбышев, эшелон был остановлен в г. Балашове ввиду прорыва немецких войск под Москвой. Было это в ноябре 1941 года.

Служил в 25-й мотострелковой дивизии. Мой взвод принимал участие в освобождении Клина, Солнечногорска и Волоколамска. Здесь и принял первое боевое крещение. Наша часть в составе 30 или 31-й армии продолжала преследовать немцев, отступающих от Москвы, параллельно с панфиловцами. Нашей части было присвоено звание гвардейской за отважный бой и уничтожение вражеских танков и самолетов. Я был награжден медалью «За оборону Москвы» и Орденом Славы II и III степени.

Участвовал в боях по освобождению г. Вязьма Смоленской области. Работая в 35-й ОСБ, активно участвовал в работе по выявлению диверсантов и дезертиров. Наш штаб находился на передовой линии фронта в районе г. Дрогобуш Смоленской области. Я ежедневно участвовал в боевом охранении и о своих наблюдениях докладывал в ОСБ. В апреле 1942 г. я со своими подчиненными, врачом, снайпером и начхимом сделали проверку с выходом в боевое охранение и обнаружили немецкий штаб. Я приказал снайперу стрелять, и убили несколько немецких офицеров. Предотвратил переход моего ездового, укравшего пулемет, к немцам. Но были и курьезы. Как-то до меня дошли сведения, что наши бойцы и немцы боевого охранения, расположенного на расстоянии около 200 метров от нас, ходят за водой в один колодец. Как только немцы соберутся к колодцу, так предупреждают наше боевое охранение: «Рус, рус, не стрелять!»

Хочу еще выразить огромную благодарность командиру нашего взвода Салмину Ивану, с которым я жил в одной землянке и проходил военные учения на полигоне. Во время одного из боев мы проживали во временно построенной землянке в лесу. И вот, собрались обедать, а в лесу кроме мухоморов ничего и не растет, из чего можно что-нибудь съедобное приготовить. Мне командир нашей бригады и говорит: «Что ж, придется варить суп из ... мухоморов. Айда на сбор.» Все возмутились, но мухоморов все-таки набрали. Сварили суп, но есть отказались – они ж, мухоморы-то, ядовитые. Мы и говорим командиру: «Отравить нас хочешь? Ешь сам свой отравленный суп!» Ну и не стали есть, а ждали реакцию командира. Он попробовал – вкусно, говорит. И не отравился. Тогда уж и мы присоединились к обеду. Оказывается, мухоморы очень даже съедобные. Главное, варить надо умеючи.

При наступлении под Смоленском наша часть понесла большие потери в живой силе и техники, мы глубоко проникли к немцам. Я был ранен и контужен. Бойцы вытащили меня на плащпалатке из-под огня снайперов и отвезли в медсанчасть. Оттуда госпитализировали в Вязьму, а из Вязьмы в Москву, в госпиталь, где мне сделали операцию по извлечению осколков из ноги. Врач как увидел меня, сказал, ногу надо ампутировать. Потом молоденькая медсестра подсказала – не соглашайся. Далее долечивался на Урале в госпитале №421.

В марте 1943-го был комиссован по месту жительства. Тогда же райком партии назначил меня председателем Спиоровского сельсовета, где я проработал до окончания войны и получил медаль «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [115]

Лимонин Владимир Матвеевич Солдатские будни

Эвакуация

...Наступил 1941 год. Завод и поселок (завод №30 НКАП и Иваньково – ред.) продолжали строительство производственных площадей и учреждений социально-культурного и бытового назначения. Но в июне 1941 года началась война. Войну ожидали, поэтому завод работал напряженно и в строжайшей секретности, было видно: гроза надвигается, но вместе с тем война началась и неожиданно. Среди населения был подъем, энтузиазм, уверенность, что мы быстро разобьем немцев и победим. И мы, группа молодых ребят, ринулись в военкомат с просьбой отправить нас на фронт. Нам сказали: «Идите работать. Нужно будет, мы вас вызовем».

В преддверии возможных бомбардировок нам приходилось срочно копать траншеи на территории, прилегающей к заводу, для укрытия людей. Строили узкоколейку от завода в направлении леса за северной канавой для заготовки и доставки дров на завод. По мере приближения немцев к Москве нависла угроза и над районом Большой Волги. Правительством было принято решение – завод эвакуировать в глубокий тыл. Началась эвакуация завода осенью 1941 года. Подготовкой к работе в условиях военного времени и в дальнейшем к эвакуации завода в тыл руководил директор Иван Николаевич Смирнов.

Иван Николаевич оставил неизгладимый след в истории завода и в памяти тех, кто тогда работал с ним. Работал Иван Николаевич день и ночь. Вместе с нами копал траншеи, на месте решал все вопросы: хозяйственные, производственно-бытовые. Самоотверженная, напряженная работа, тяжелые условия привели к тому, что Иван Николаевич тяжело заболел. Из Министерства его направ-

ляли на лечение в санаторий, он отказался – не время. Тогда его назначили директором санатория. Он вынужден был подчиниться. Только приступил к работе, но было уже поздно – он умер.

Подготовка к эвакуации завода шла полным ходом. Немцы приближались к Москве, в том числе и с направления Завидово-Конаково, но дальше им продвинуться не удалось. Многие в то время не поехали с заводом в тыл, а были призваны в действующую армию. Я с заводом не поехал, уволился 15 октября и был призван в армию.

В боях под Москвой

Тогда, в 1941 году, господствуя в воздухе, немцы бомбили все живое и неживое, поэтому мы были вынуждены идти пешком и только по ночам. Летчики гонялись даже за одним человеком. Так, мы дошли до г. Александров, где ночью погрузились в вагоны и поездом доехали до ближайшей станции, а от нее снова пешком до Гороховецких лагерей. «Знаменитые» Гороховецкие лагеря, расположенные в лесу, километрах в семидесяти от г. Горький. Кто их только не прошел? В то время это были деревянные сооружения, вырытые в земле, покрытые землей сверху. Внутри землянки нары из бревен в два яруса. В каждой землянке располагалось по 40 человек. Пришли мы в лагеря усталые, легли не раздеваясь отдыхать и сразу почувствовали впервые прелесть лагеря. Лег я на нижний ярус навзничь и сразу ощутил падение с верхнего яруса то ли крошек, то ли мусора какого, а когда стал это смахивать с лица, то нащупал нечто ползущее – вши. Они моментально проникли в нижнее белье, и началась их «работа». Вши заели, их было так много и они так беспокоили, что нам приходилось раздеваться до гола и трясти их прямо на снег в морозы, после чего снег был серым. Кормили нас очень плохо. Бывало принесут котелок каши, успеешь задеть ложкой один раз, а второй раз полезешь в котел за кашей, а там ее уже и нет.

В декабре 1941 года шли упорные бои под Москвой. Нас усиленно готовили к отправке на фронт. Мы по ночам делали большие переходы с полным снаряжением, учились стрелять, вести рукопашный бой, и как только немцев отогнали от Москвы, нас перебросили в г. Солнечногорск для продолжения учебы и отправки на фронт.

В Москву мы прибыли в ночь с 31 декабря 1941 года на 1 января 1942 года. Ночью с 1 на 2 января нас погрузили в эшелон и отправили в только что освобожденный город Солнечногорск, где до войны примерно в километре от города был военный городок.

Зима 1941-1942 гг. была очень суровой. Перед нами предстала страшная картина разрушения. Военный городок был разрушен, двери и окна уцелевших домов были сорваны и сожжены. В доме офицеров фашисты устроили конюшню для лошадей, на стенах и потолке следы пуль, мебель поломана, частично сожжена. Водопровод, канализация, электрообеспечение не работали. Мы заделывали двери, окна чем придется, отапливались тем, что можно найти в округе.

После обучения в течение января и февраля нас погрузили в эшелон и отправили на фронт. Немного отъехав, эшелон попал под бомбежку. Были раненые и несколько человек убито. После чего мы уже добирались до линии фронта ночами пешком. Зима была снежная, техника (пушки на лошадиной тяге) пройти за нами по бездорожью не могла, отставала. Да и техники-то было мало. Продвигались мы только ночью, а днем отдыхали (прятались в лесу), где не разрешалось курить и разводить костры, чтобы не обнаружили немцы.

Питались мы в такие дни немецкой кониной. Бывало, настрогаешь в противогазную сумку конины и при удобном случае поджаришь или сваришь ее – так сытно и вкусно. Нас комиссар особенно за это ругал. При обнаружении нас противник бомбил расположение войск. Бомбардировка в лесу – ситуация не из приятных: лес трещит, горит, идет шум, треск поваленных деревьев, дым, стоны раненых, есть убитые. Прошла одна волна, заходит другая – и снова бомбежка. В бои мы вступали только ночью. Для нас это было удобнее – видимости нет, меньше потерь.

Задачей 5-й армии, куда входил и наш 515-й стрелковый полк, было перерезать шоссейную дорогу Москва – Смоленск, чтобы отрезать отступление немецких войск и соединиться с войсками 4-й армии. На пути к шоссе нам пришлось вести бои за освобождение деревень и малых городов. В одном из таких боев мы замешкались, немцы оказывали яростное сопротивление, немцев из деревни мы выбили и не заметили, как стало светло. Тут же вскоре налетели немецкие самолеты и стали бомбить деревню. Летали немецкие

самолеты низко, видно было пилотов, нам сбивать их было нечем, а они расстреливали людей из пулеметов, сбрасывали зажигательные бомбы. Многие дома горели.

На пути в ходе продвижения наших войск встал небольшой городок Велиж (это Калининская область). Попробовали взять его сходу – не получилось. Немцы, используя подвалы, сильно укрепились, отчаянно сопротивлялись. Наша часть, окружив город, двинулась дальше, оставив город в тылу наших войск.

В полковой школе нашего полка были лица разных национальностей. С целью недопущения неожиданного нападения противника командир части выставлял на посты по два человека на пост с тем, чтобы принять первыми бой и поднять тревогу. Помню, как часовым на один из таких постов назначили подчаском Папашвили. В наших условиях южному человеку приходилось еще труднее. Думаю, пропадешь с таким помощником. Обошлось.

Расположение нашей части немцы обстреливали ночью из миномета. Но огонь был неточным. Потерь не было. Перед нами стояла задача – перерезать шоссе. Для решения этой задачи мы должны были скрытно подойти к шоссе там, где противник нас не ожидал. И опять ночью пришлось нам переходить то ли ручей, то ли речку с полной амуницией, подняв винтовку вверх, дабы не замочить ее. А были мы в валенках, ватных брюках, телогрейках и шинелях. Был апрель, и вода в речке была пополам со льдом. Во время продвижения к шоссе немцы нас обстреливали наобум, более для устрашения, разрывными трассирующими пулями «бум-бум». Здесь потерь почти не было, мы вышли к шоссе уже на рассвете. Немцы оказались в тылу. Взять с ходу шоссе нам не удалось. Подошло подкрепление, и мы снова пошли в бой.

Параллельно шоссе немцы разместили проволочные петли шириной около трех метров. Такие петли-кольца, как на дамбе Московского моря в период войны, только на поле у шоссе петли были поменьше диаметром и проволока тонкая. Что это такое? Вышел из болота, мокрый, отяжелевший от воды, пересек поле, вот оно – шоссе, а на пути петли, путаешься, цепляешься, падаешь, поднимаешься, снова путаешься то винтовкой, то задеваешь противогазную сумку, падаешь, снова встаешь, а время-то идет. В это время немцы открывают шквальный огонь. Тут были большие потери, и движение войск задержалось.

Но шоссе нужно перерезать. Командир первым поднимается и командует: «Вперед, за мной!». Командира убили первым. За ним поднялся в атаку помощник командира взвода, и он упал. Атака захлебнулась. Не было еще опыта ведения войны, и командиры гибли первыми. Они шли в атаку в офицерской форме, противнику хорошо было это видно, и убивали их первыми. Так погибли младший лейтенант, наш взводный Игорь Лажский, командир роты Кабанов, помощник командира взвода Демихов и другие.

Как я себя спас? Лежу на земле, жду, как и все, команды, смотрю – около меня дзинькнула пуля, отлетели осколки земли, пуля горячая, второй выстрел, тоже рядом с головой. Большого ума не надо – снайпер. Я повернул винтовку так, чтобы коробка подающего механизма была над головой по центру. Ждать пришлось недолго. Новая пуля ударила в коробку механизма над головой, погнула пластину и сплюснулась, потрогал – пуля горячая. Следующая пуля попала в ногу, оторвала полпальца, и тут команда «Вперед, за мной!». Выскочили мы и побежали, несмотря на огонь. В это время что-то сильно ударило в левое плечо. Я упал, двигаться не могу. Посмотрел на плечо – рваная одежда, выступает кровь, меня затошнило. Подобрали санитары, разрезали рукав шинели, телогрейки, перевязали, подвязали руку на косынку и говорят: «Иди в тыл». Что делать? Пошел в тыл тем же путем. Дорогу развезло. Это было 16 апреля 1942 года.

Раненых размещали в оставшихся домах деревни прямо на полу на соломе в ожидании какого-либо транспорта для отправки в тыл. Не успел «обжиться», как налетели немецкие самолеты бомбить деревню. В наш дом бомбы не попали, хотя некоторые дома от попадания бомб загорались. Обстановка такая: антисанитарные условия, отсутствие медицинской помощи, питание плохое, находишься в ожидании очередной бомбежки.

Мы, часть ребят, собрались и направились в тыл. По дороге навстречу двигалась грузовая автомашина, мы ее остановили, выяснили, зачем она идет в направлении к фронту. Шофер сказал, что его послали за ранеными. Автомашинам было запрещено возвращаться порожняком. Они обязаны были отвозить раненых в тыл, что строго контролировалось патрулями и выполнялось. Машина развернулась, и мы были доставлены через разные пересадки и остановки в деревнях с ночевками в город Торопец. В Торопце за

несколько дней собрали раненых (900 человек), ночью погрузили в эшелон и отправили в тыл. Легкораненых размещали в госпиталях вблизи от фронта, лечили и снова отправляли на фронт. Тяжелораненых отправляли в глубокий тыл.

После лечения в ряде госпиталей я попал в госпиталь № 412 в г. Чкалов (ныне Оренбург), где излечение продолжалось до 6 ноября 1942 года. В те военные годы госпитали размещались в школах. В госпитале было хорошо налажено лечение, хорошее питание. Нас посещали артисты, шефы. 6 ноября 1942 года комиссией я был признан негодным к военной службе и по инвалидности демобилизован.

Возвращение на завод

1942 год. После лечения в госпитале №412 г. Оренбурга 6 ноября 1942 года меня демобилизовали по инвалидности. Выдали сухой паек на дорогу, одели, обули и до названной мной станции назначения «Большая Волга» выдали железнодорожный билет. Когда я доехал до Дмитрова, узнал, что поезда до Большой Волги не ходят. Железнодорожный путь разобран. Что делать? Пошел пешком. На полпути пришлось заночевать в одной из деревень, и поздно вечером 8 ноября я прибыл домой в д. Юренево Дмитрогорского с/с Конаковского района, где проживали мои родители. Почему в д. Юренево, а не в Токарево? Дело в том, что в 1940 году производилось укрупнение колхозов, и деревню Токарево перенесли в деревню Юренево... [116]

***Линдфорс Дарья Васильевна* Этот день – 9 мая**

Ночью 8 мая 1945 года в нашей части была объявлена тревога. Все заняли свои места в окопах. Вокруг – оглушительная стрельба. Два часа сидели в полной боевой готовности, и вдруг передали – война кончилась! И хотя каждый понимал, что до конца войны оставались считанные дни, это известие ошеломлю. Оказывается, и стрельба вокруг нас была салютом в честь Победы. Этот день самый-самый радостный за все трудные годы войны... [117]

Лисицын Алексей Михайлович
Ликующий май 45-го года

Я служил в разведроте 1-й механизированной дивизии 35-го механизированного полка пулеметчиком БТР. 29-30 апреля 1945 года нам дали команду не стрелять, находиться на своих боевых постах. Вскоре мы узнали о предстоящей капитуляции и уже были готовы к завершению боевых действий. Но фашисты думали по – другому: они упорно сопротивлялись; были случаи неоднократно прорыва линии обороны советских войск. Поэтому мы не расслаблялись ни на минуту.

День Победы застал меня в районе Потсдама. 7 – го мая построили наш полк, объявили об окончании войны. Как будто и новостью это сообщение не было (практически уже знали все), но нами овладело безмерное чувство радости. Потом нам разрешили отметить победу, а когда отпустили в увольнение, мы встретились с американскими солдатами, пожали им руки – поздравил с таким долгожданным событием [118].

Лихачёв Михаил Фёдорович
Этот момент я буду помнить всю жизнь

18 июня 1941 года в сельской школе был выпускной вечер. А 22 июня единственный на всю нашу деревню репродуктор сообщил, что началась война. И хотя мы мальчишки 30-х годов росли под впечатлением боев в Испании, войны белофиннами, восхищались мужеством негибаемого борца против фашизма Георгия Димитрова, хотя мы чувствовали, что война вот-вот коснется и нас, – известие было неожиданным. Когда тебе – 18 лет и ты – командир тебе доверена жизнь людей, очень важно как можно скорее перейти границу беззаботного юношества, в котором были и надежная помощь родителей, и шпаргалки соседей по парте, и снисходительность школьных учителей. Но война быстро делала людей взрослыми.

...В первом бою с танками противника мое орудие было разбито. Наши с флангов отступали. «Товарищ лейтенант, приказывай, что делать!» – повернулись ко мне бойцы. Этот момент я буду помнить всю жизнь, потому что тогда именно тогда я принял первое

в мое жизни по-настоящему серьезное решение. Мы отступили. Тогда каждый из нас, наверное, особенно остро почувствовал ответственность не только за боевые дела своего подразделения, но и за всех, кого мы вынужденно оставили.

Позже, под Сталинградом, это чувство стало еще острее. Вот так мы учились по-новому мыслить и жить, учились быстро – этого требовала фронтовая обстановка. ...На исходе был 2-ой год Великой Отечественной, 16 танковый корпус вернулся из-под Сталинграда и зимой 1943 действовал на стыке Воронежского и Брянского фронтов. Наш боевой путь проходил здесь от г. Ливны до г. Дмитриева-Льговского. В апреле мы получили пополнение в корпус – 22-ой минометный полк. Я был назначен командиром батареи.

16-ый и 3-ий танковые корпуса были сведены во 2-ую танковую армию. Армия вошла во вновь образованный Центральный фронт – северный фас Курской дуги. Оборудовав огневые позиции на фронте недалеко от с. Ольховатка, что в 12 км. Западнее станции Поньри, полк был введен в оперативный резерв. Июнь мы изучали моточасть, проводили стрельбы и ждали, что предпримет Гитлер.

1-го июля нам сообщил командир полка, что немцы начнут наступательные действия в направлении наших подготовленных позиций. Нужно быть готовыми занять их 2-го и дать фашистам отпор, 2-го июля был дан отбой: немцы перенесли дату атаки на 5 июля. Утром 5 июля полк снялся и двинулся на указанные нам позиции. Вечером мы их заняли. Машины были отправлены обратно: никто не собирался уходить с занимаемых позиций.

Наша задача была: огнем минометов отсекал от танков пехоту. Остальное – дело других. С наблюдательного пункта были хорошо видны десятки стоящих «тигров», «пантер» и др. фашистской техники.

Возможно, 6-го они ждали, что мы, не выдержав непрерывной бомбежки немецких Юнкеров, с воем сирен пикирующих на наши порядки, побежим или бросим, по крайней мере, оборонительные позиции. Но ни того, ни другого не дождались, у меня на наблюдательном пункте был ящик броневой трассирующей пули к карабину. И я непрерывно палил из карабина по «юнкерам». Трассы от пули упирались в фюзеляж, но к сожалению ни один из них не упал от этого. Время от времени на разных участках немецкие танки начинали двигаться с пехотой к нашим позициям. Мы не-

медленно открывали по ним беглый огонь. Пехоту сдувало с танков и прижимало к земле. Танки замедлили ход и поворачивали на свои позиции.

К 10-му июля «Юнкерсы» все чаще сбрасывали на наши позиции не бомбы, а пустые бочки, куски рельс и т.д. Чувствовалось, что бомбовые их запасы невелики. И вообще танковые атаки прекратились. Они стали отводить войска на исходные позиции, занимаемые до 4-го июля. И стали поджигать хаты оставляемых ими деревень, 2-ая танковая армия 15-го июля начала преследование упорно сопротивляющегося противника.

Мы продвигались в направлении г. Кромы. Батарея все эти дни Действовала активно и со своей задачей справлялась.

На Центральном фронте немцам удалось вклиниться в оборону Фронта в районе Ольховатки в первый их день наступления от 3-х до 12 км. Большого они не достигли. Со времен Курской битвы, Красная Армия стратегическую инициативу в войне с фашистской Германией и ее сателлитами не упускала.

На фронте приходилось нелегко. Но и в тылу работали в труднейших условиях, что бы обеспечить фронт всем необходимым. И я не помню такого случая, что бы нам не хватило боеприпасов или чего-то другого. Всё поколение, пережившее эту войну, кровью завоевавшее мирную жизнь, считает своим долгом донести до всех последующих поколений и героизм нашего народа, и боль утрат, и радость Победы [119].

Макаров Александр Матвеевич

В Закарпатье нас встречали с хлебом и солью, букетами цветов

Воевал на фронтах Великой Отечественной войны с октября 41-го по май 45-го года. Непосредственно в действующих армиях принимал участие в боях на Юго-Западном, Северо-Кавказском и 4-ом Украинском фронтах в должности рядового, сержантского состава. В общей сложности 728 дней и ночей.

На фронт прибыл в октябре 1943 года из города Казани в составе маршевой роты в 220-й стрелковый полк 4-ой стрелковой дивизии Юго-Западного фронта.

После оборонительных кровопролитных боев наша дивизия, потеряв почти весь свой личный состав, заново формировалась в г. Ворошиловграде (Луганске). Я был зачислен стрелком 220-го стрелкового полка, в этом же полку, в санитарной роте, закончил подготовку и стал санинструктором. Боевое крещение принял на Луганской земле, где много месяцев на линии Дебальцево – Попасная шли кровопролитные бои с превосходящими силами противника, по трупам своих солдат рвавшегося к Ворошиловграду.

Помню – это было 12 июля 1942 года в донецкой степи под Ворошиловградом – наша 4-ая стрелковая дивизия уже семь месяцев прочно удерживала оборону на Луганской земле, враг во много раз превосходил по численности и, особенно, в танках, артиллерии и авиации наши обескровленные полки. Тот день был жаркий и бой был жаркий. Немцы непрерывно бомбили и обстреливали нас из пушек и минометов, атака следовала за атакой. К концу дня был ранен командир моей роты старший лейтенант Петренко. Я оказал ему помощь на поле боя и вытащил в относительно безопасное место. В командование роты вступил политрук Еременко. К концу дня фашисты пошли в следующую атаку, которая решила исход боя. Бойцы прижались к земле, и тогда наш политрук встал во весь рост, высоко подняв пистолет, с боевым призывом «За мной! За Родину! Вперед!» увлек за собой остатки роты. Очередная атака была отбита, но наш политрук пал смертью храбрых на поле боя. Вскоре после этого боя я награжден медалью «За боевые заслуги».

Потом были оборонительные бои на Дону и Кавказе. В октябре 1942 года развернулись самые трагические события обороны г. Туапсе, где принимала участие наша 328 стрелковая дивизия, которая была сформирована в августе 1942 года в г. Буйнакске Дагестанской АССР. Я был зачислен санинструктором дивизионного учебного батальона, которым командовал майор Тарасов Николай Васильевич. В октябре немцы продолжали наступательные бои под Туапсе, 1105-й стрелковый полк дивизии, которому был придан наш учебный батальон, предпринял контратаку на высоту 618,7 и был окружен противником. Из нашего учебного батальона осталось всего 14 человек, среди них трое раненых курсантов, которым я оказывал первую помощь, и все вместе вышли из окружения на р. Пшить к своим.

За бои на Кавказе я был награжден медалью «За оборону Кавказа». Потом были наступательные бои на Кавказе, под Краснодаром и на Украине. Мне пришлось участвовать в освобождении Закарпатья в составе 1161-го стрелкового полка 351-й стрелковой дивизии 18-ой армии 4-го Украинского фронта. Наши войска, сломив сопротивление гитлеровских войск в Карпатах, в октябре 1944 года освободили города Мукачево и Ужгород.

Всегда в памяти радостные, восторженные встречи бойцов и командиров Советской армии с жителями Закарпатья. Нас встречали хлебом с солью и букетами пышных осенних цветов юноши и девушки, мужчины и женщины. Нас приглашали в дома, угощали фруктами и вином, засыпали цветами, делились последним куском хлеба.

За бои на Карпатах я был награжден орденом «Слава 3-й степени». Войну я закончил в Чехословакии [120].

Малков Михаил Иванович **Партизанская группа**

Постановлением Военного совета Брянского фронта и Орловского обкома партии в брянские леса была послана группа военнослужащих и партийных работников. Вылетели мы в район партизанских отрядов в начале апреля. Ночью выбросились на парашютах. Наша группа десантников активизировала боевую деятельность партизанских отрядов на борьбу с фашистскими оккупантами. Были созданы объединенный штаб руководства партизанским движением в этом районе, оперативная часть при объединенном штабе и в крупных партизанских отрядах, была активизирована работа подпольных организации, обновлена резидентура, направлены новые, работники подполья в районы Суража, Упечи, Стародуба и другие.

Наша группа созвала и провела партийную, а затем и общепартийную конференции, на которых стоял главный вопрос – активизация боевой работы. Была организована печатная газета при объединенном штабе руководства «Партизанская правда». Собрали материал для представления к правительственным наградам партизан и руководителей отрядов, отличившихся в боях с немецкими захватчиками [121].

Малышев Михаил Георгиевич **Иногда остаётся одно желание – жить и жить** **(из фронтовых писем)**

«...Сейчас 4 часа утра. Трое зашедших приятелей ведут разговор о женской верности, о первой любви. А я решил посвятить сегодняшнюю ночь на переписку...

Варечка! Как хочется хотя бы на минутку попасть домой! Никогда еще я так не скучал, как сейчас. Если кто получает направление в Москву, так на него смотришь, как на счастливого... У меня же виды на Москву совершенно ясные, то есть никаких видов нет.

В остальном жизнь идет по-старому: положено солдатам воевать – воюем; положено 100 граммов водки – выпиваем; не положено в театры ходить – мы и не ходим, потому что их здесь нет. Правда, ко Дню Советской Армии обещал сам театр к нам приехать, ну тогда он будет положен...»

«Мне непонятно твое недовольство, родная. В последнее время я послал тебе два письма, одно из них прямо в лирическом стиле. Я буду крепко обижен на почту, если оно затерялось. Да и второе письмо, в день получения ордена не было лишено искры вдохновения...»

«Я живу по-старому, заимел особняк в две комнаты, правда, в нем нет ни одного стекла и половины крыши, но зато полно блох. Вообще, юг способен иногда удивить изобилием. Днем жуткая жара, ночью – холод, помимо этого – тучи комаров, все какие-то пятнистые и задницами кверху. Наш северный комар куда деликатнее.»

«...Кажется, иногда остается одно желание – жить и жить. Я перед собой честен, моя дорогая Варечка, не было еще такого момента, чтобы струсил, и, конечно, конечно, я готов отдать жизнь за Родину, но черт его знает, как хочется жить!»

«Нам с тобой, Варечка, главное ничего не забыть, хотя для многих, я уверен, гораздо проще будет не вспоминать о многом, о многом. Проще и безбоязненной. Многое мне хотелось сделать не так...»

Недавно я беседовал с одним краснофлотцем, ему столько же лет, сколько и мне, но он весь седой. В одном из боев наши не успели собрать всех раненных, и немецкие танки стали прочесывать поле и давить их гусеницами. Укрыться было негде, место ровное

как стол. Выпал небольшой снежок, и черные шинели краснофлотцев отчетливо выделялись. Методично, как это умеют делать немцы, танки курсировали по полю и давили гусеницами людей, которые не могли ни укрыться, ни отползти.

Я наблюдал с другого берега реки – снаряды разрушили переправу, и мы ничем не могли помочь. Да мы сначала и не поняли, что делают немцы: думали, что они привлекают внимание нашей артиллерии, чтобы дать возможность закрепиться пехоте. А когда я понял наконец, волосы на голове зашевелились. Как такое забудешь, как простишь?»

«Ты спрашиваешь о наших трудностях? В последнее время нас чаще посещают радости – то один из ребят найдет свою жену – получит от нее письмо, то придет приказ о повышении кого-то в звании, то Мельник (помнишь, такой высокий и лысый) сделает вылазку за рыбой, наловит два ведра – он меньше не умеет, – тогда выпиваем по 100 граммов и жалеем, что нет больше».

«В последних боях мы отбили у немцев два хороших аккордеона и сейчас частенько по вечерам устраиваем маленькие концерты. За неимением «большого искусства» это доставляет много радости. В последнее время я все больше скучаю о доме. У нас большинство москвичей, и Москва буквально не сходит с языка, а пластинку «Письмо в Москву» заиграли до того, что слышится только какой-то шорох и хрип.

Знаешь, я очень ясно представляю, как вернусь, как буду ехать по любимому городу, как войду домой и увижу вас... А такой день обязательно настанет, хоть бы земля треснула пополам!..» [122]

Мальцев Алексей Александрович
Воевал в авторемонтном батальоне

Война меня застала во время прохождения лагерного сбора, который я проходил будучи призванным 11 июня 1941 года Кимрский РВК и направленным в воинскую часть, в то время расположенную в лагерях близ станции Идрица (это близ Западной границы). Нас обучали вождению мотоциклов.

Обучение закончить не удалось в виду начавшейся войны и нас расформировали по разным частям. Я попал в авторемонтный батальон, располагавшийся в Москве на одном из ремонтных заводов, где ремонтировали автомобили для установки «Катюш», которые действовали в боях под Москвой. Впоследствии участвовал и я в боях в составе 940 стрелкового полка в качестве сержанта – командира отделения на установке. Был ранен в одном из боев. Вылечившись в госпитале Иванова, был направлен в авторемонтные мастерские Белорусского военного округа. С передвижными авторемонтными мастерскими передвигались за действующей армией по маршруту Боровск – Смоленск, где неоднократно подвергались бомбардировкам... [123]

Малюшицкий Алексей Александрович
**В первых рядах защитников Заполярья
была молодёжь**

В годы Великой Отечественной войны я был призван на флот. В учебном отряде на острове Соловки получил специальность – минер-торпедист и был направлен на эскадронный миноносец «Куйбышев» по специальности – минер.

Северному военно-морскому флоту выпала трудная задача прикрывать с моря правый фланг огромного Советско-германского фронта. Нам в этом хорошо помогали подводные лодки и торпедные катера. Нам пришлось много уничтожать и отражать нападение подводных лодок противника.

Корабли Северного Флота сопровождали большие караваны союзников из Арктики в Архангельск. В первых рядах защитников Заполярья была молодежь. Северный флот оказывал огромную помощь сухопутным войскам в срыве наступления противника. Я нес службу на эскадронном миноносце «Урицкий». Я гордился и любил службу на флоте, несмотря на то, что служба была сложная и тяжелая. Прослужил на флоте с 1942 года по 1945 год.

С Кольским полуостровом связано у меня много «первого». Первая примерка военно-морской формы, первое боевое крещение, первые боевые друзья... За службу во флоте по защите Родины удостоен 12 наград [124].

Марьин Иван Сергеевич
Встреча с маршалом Жуковым Г.К.

11 февраля 1945 года. Нашей батарее, состоящей из 4 машин, был дан приказ переправиться через реку Одер и на подготовленной позиции в указанное время дать залп по немецким танкам и пехоте. По пути следования к переправе одна машина подорвалась на противотанковой мине. Погибло 3 человека, остальные были контужены. Когда подъехали к переправе через реку Одер то регулировщица пропустила нашу батарею на понтоны. Когда подъехали к переправе, нас оставила охрана и сказала, что на мосту стоит машина – что-то случилось с двигателем и ее не могут завести.

Обстановка на переправе сложилась очень сложной. Летали два немецких самолета, обстреливали и бомбили переправу. На правом и левом берегах стояли зенитные расчеты, которые состояли из девчонок и очень мужественно защищали переправу – их бомбят, обстреливают, но они не отходят от своих пушек и пулеметов. Один самолет удалось подбить, другой продолжал обстреливать и бомбить переправу. Мы были удивлены мужеству наших зенитчиц, которые не уходили в укрытие во время обстрела и бомбежки, продолжая обстреливать самолеты.

Машина на переправе не заводилась. К переправе подъехали два открытых «Джипа» и из одной машины вышел генерал в кожаном пальто с охраной и пошёл к переправе. Сапер, стоящий с нами сказал, это Жуков Г.К. Когда он проходил мимо наших машин, то мы вытянулись по стойке смирно. Он с сопровождавшими направился к переправе, подошли к оставившейся машине. О чем спорили и говорили, мы не слышали. Судя по жестам, офицер, сопровождавший машину, не давал опрокинуть машину с понтона в Одер. Охрана Жукова отвела его от машины и сбросила с моста в воду. Первыми по переправе проехали машины с Жуковым, а затем и нам разрешили переправиться на левый берег реки Одер и выполнить приказ командования [125].

Матора Иван Максимович
И на Тихом океане свой закончили поход

Войну я встретил уже в армии, под Хабаровском. Служил в Первой Краснознамённой армии Первого Дальневосточного фронта, на полевом артиллерийском складе №441. Когда мы служили в армии, японцы уже оккупировали Маньчжурию, и мы готовились к их изгнанию. Начались курсы воентехников, и мы стали проходить их, всем нужно было их закончить. После окончания курсов нас отправили на озеро Ханко, и мы стояли не далеко от границы с Японией.

До ухода на фронт мне уже было присвоено звание воентехника, и я с сослуживцами готовил военных к службе в армии, к тому, чтобы уничтожить японцев в Маньчжурии. Первого сентября 1945 г. наша армия ринулась на японцев, и я возглавил обоз Первой Краснознамённой армии. Наши бойцы уничтожили противника. Через два дня обоз направился в Харбин. К тому времени закончилась война с Японией, японцы пали. Приходилось ехать по полям сражений. Кругом были тела погибших японцев. Мы остановились не далеко от Харбина, стояли в палатках. Перевели нас в Харбин на тот случай, если японцы вдруг опять начнут атаковать. Мы пробыли там полгода и затем были отправлены под Хабаровск, к тому времени война уже закончилась, оттуда мы уже демобилизовались.

Когда стояли под Харбином в палатках, не обошлось без эпидемий. У меня началась жуткая дизентерия. Я мучился с ней месяц, просто умирал, пока один майор из соседней палатки не предложил мне помощь. Он сказал мне, чтобы вечером я ничего не ел, а утром пришёл к нему, я так и сделал. Наутро я зашёл к нему, он дал мне стакан водки и сухарик, я выпил весь стакан и закусил только сухариком, и до обеда он сказал мне ничего не есть. Уже на следующий день мне стало лучше, а через месяц я уже окреп и был полностью здоров. Я был очень благодарен тому майору за помощь. С тех пор, с помощью этой методики я справляюсь со всеми возможными желудочными заражениями, всегда помогает.

Весть о победе застала Хабаровске. Все были очень рады, кричали: «Ура!», это же Победа, Советский союз спас весь мир от фашизма и немецкого, и японского!» [126]

Стонала земля под ногами фашистских головорезов

В годы Великой Отечественной войны мне удалось участвовать в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в составе одного из партизанских отрядов на временно оккупированной территории Белоруссии. Много пришлось увидеть и пережить за время партизанской жизни. Это были грозные, незабываемые годы. Злобный враг, ворвавшийся на нашу родную землю, пытался жестокостью, коварством и угрозами задушить борьбу советского народа. Убивать, насиловать, грабить и жечь – таков был закон фашизма. Но отнять у советских людей любовь к своей Родине, к своей священной земле, погасить неукротимую ненависть к чужеземным поработителям враг не смог. Десятки и сотни советских патриотов, оставшихся в тылу врага, смело вступали в смертельную схватку с немецкими головорезами и громили ненавистных захватчиков везде, где могли.

Партизаны часто были свидетелями жестокости немецко-фашистских захватчиков. Хорошо помню небольшую белорусскую деревню на берегу реки Друть. Партизаны иногда навещали эту деревню. Жители всегда встречали их радушно и делились с партизанами всем, чем могли. Однажды вечером в деревню внезапно ворвались фашисты. Многие жители не успели убежать в лес и остались в своих домах. Это были в основном старики и дети. Немцы начали над ними расправу. То, что мы увидели, когда фашисты покинули деревню, и сейчас леденит душу. Все дома были разрушены и сожжены. На месте пожарища валялись трупы обгорелых людей. Во дворе одного дома лежало изуродованное тело пожилой женщины. Ее седые волосы были втопты в грязь, а руки тянулись к девочке с синим лицом и запекшейся на голове кровью.

...Война застала студентом. Вскоре был зачислен в отряд самообороны для борьбы с диверсантами и шпионами, а когда фашистские войска захватили их местность, стал связным одного из партизанских отрядов Журавичского района Гомелевской области, затем - партизаном. Был тяжело ранен в ногу.

Партизаны часто были свидетелями жестокости и зверств немецко-фашистских захватчиков. Хорошо помню небольшую белорусскую деревню на берегу реки Друть. Партизаны иногда навеща-

ли эту деревню. Жители всегда встречали их радушно и делились с партизанами всем, чем могли. Однажды вечером в деревню внезапно ворвались фашисты. Многие жители не успели убежать в лес и остались в своих домах. Это были в основном старики и дети. Немцы начали над ними расправу. То, что увидели мы, когда фашисты покинули деревню, и сейчас леденит душу. Все дома были сожжены и разрушены. На месте пожарища валялись трупы обгорелых людей. Во дворе одного дома возле колодца лежало изуродованное тело пожилой женщины. Ее седые волосы втопты в грязь, а руки тянулись к девочке с синим лицом и запекшейся на голове кровью.

Разве можно забыть это! Нас, партизан, называли «партизанскими мстителями». Велика была ненависть к немецко-фашистским захватчикам. За кровь и слезы наших людей мы мстили врагу. Стонала земля под ногами немецких фашистов. Партизанские пули настигали поработителей и их пособников в самом неожиданном месте. Особенно ощутимыми для немцев были партизанские удары летом 1943 года, когда ежедневно совершались крупные диверсии на коммуникациях врага. Тысячи перебитых взрывчаткой рельсов, сотни спущенных под откос поездов с жилой силой, боеприпасами и техникой – таков был результат партизанской операции под названием «рельсовая война».

В этой операции самое активное участие принимали партизаны нашего отряда. Хорошо помню, как летом 1943 года наш отряд вышел железнодорожный перегон Рогачев-Жлобин. Здесь мы устроили фашистам «большой концерт». Взрывы на железной дороге следовали один за другим, иногда они сливались в сплошной грохот, горели на всем участке дороги сторожевые посты. Только за одну ночь сгорело, было взорвано и разрушено более пяти километров железнодорожного пути.

Подобные партизанские операции вызывали, как правило у врага, настоящий переполох. Грозные послания слали фашистские главарь своим подчиненным, требуя уничтожения партизан и очистке от них территории вблизи железных дорог, но все их усилия повсеместно не достигали результата. Партизаны были неуловимы. Им активно помогало большинство советских людей, проживавшим на временно оккупированной врагом территории [127].

Мельников Александр Дмитриевич
Не могу вспоминать войну

Как рассказать, что армии я обязан многим: что она меня выучила, глаза на мир открыла... Сколько «академий» разных прошел я тогда: школа младших командиров (экстерном), комсомольская школа («без отрыва от производства»), дивизионная партшкола на помощника командира взвода, курсы стрелкового корпуса. Тут еще два события произошли: после срочной службы остался я кадровым военным, в 36-м женился на Пане (она псковская, из крестьян, и жизнью своей, верой помогает мне стоять на ногах вот уже больше полувека).

А тогда я, лейтенант Мельников, оставил свою семью (уже двое деток появились) и отправился для дальнейшего прохождения службы: и штабную работу попробовал, и укрепления строил, и в землянках ночи коротал – и все у границы. Приказы назначали, отменяли, батальоны расформировывали, формировали.

Я тогда был командирован на эстонский остров Эзель, который готовился стать военным щитом: воевать будем с сильным противником, а с кем, вы сами знаете, дело только в вопросе: когда. Так нас настроили. Вдруг 25 мая 1941 года вызывают меня в штаб и приказывают отправляться в отпуск. Я – за Паней, детишками, баян взял – и в Ивановково...

А когда из отпуска мы прибыли всей семьей (у жены вот-вот третий должен был появиться) в Таллин, возле нас остановилось такси, и водитель-эстонец, отведя меня в сторону, передал, что весь офицерский состав срочно велено доставить в штаб: война.

Остров в окружении войны

– Нет, поеду с тобой! Помогать буду! – это Паня ревет, плачет... Появились первые фашистские самолеты: бомбят Таллинский порт. Но добрались мы до острова Эзель (Сааремаа). А там чуть ли не «главные» силы – двадцать два только что закончивших училища молоденьких лейтенанта. Я тут же был зачислен помощником начальника штаба 69-го отдельного пулеметного батальона, который входил в состав III стрелковой бригады.

Оборонительные сооружения так и не успели построить... (Хорошо семью удалось эвакуировать).

Июль, август, сентябрь – он, фашист, топает по нашей земле, к Москве хочет подобраться... Наш остров в окружении, отрезан от материка. И вот они появились и у нас: здоровые, пьяные – десант с самолета: танки, артиллерия, танкетки...

Я получил задание командира бригады: в течение трех суток составом в 15 человек удержать шоссе, чтобы не дать противнику прорваться в центр. Два дня держали, хоть и самолеты бомбили по многу раз, а на третий день он совсем озлобился. Мне оторвало правую руку и раздробило левую ногу. И мысль такая: «Все... Мало я сделал».

Связь прервана, связных нет, некому сдать команду, силы уходят. Пролежал часов шесть. Потом притащили на перевязочный пункт. Делал операцию хирург, капитан-военврач III ранга с орденом за Испанию, Левин: тик-тик-тик – и руку бросил в таз. Эфиром подышал – и все. Думал: Сашка ушел на тот свет. Очнулся в чужой гимнастерке, без документов. А поутру собрали нас покалеченных, изувеченных в автобус и отвезли на запасной аэродром для эвакуации. Несколько дней спали в сарае, на полу, без перевязки, самолета все не было. А потом, 11 октября, явился он, и все мы оказались в плену. Старика фельдшера избили; все пытали: кто здесь оберкоманд, кто еврей... Над сараем они воткнули фашистский флаг.

902 дня плена

Едем по главному городу острова Сааремаа – Курессааре, все кругом выжжено до тла. Они с радостью фотографируют это. Поскольку мы все калеки, «сжалостивились», что ли, над нами, сгрузили в подвал госпиталя, на голый пол. Нас примерно 450 пленных. На всех варят 150 килограммов картошки, 5 килограммов крупы... На другой день поели немного, потом команда: «Выходить по трое», – и я понял: нас готовят к смерти. Это ощущение было почти ежедневным.

Но покатили нас дальше: был пересыльный лагерь в Таллине, везли безруких, безногих, слепых. Потом нас, инвалидов, повезли в лагерь «Тапо», там встретил того хирурга, что отрезал мне руку, – Левина. Двое из пленных решились бежать. А мне куда с костылем? И опять нас «перетасовали», надели на ноги деревянные колодки и повезли в концлагерь «Саласпилс» с пятирусными нарами. Пошел слух, что офицеров готовят в особый лагерь. Один фашист сказал: «Читу взяли», – а где Чита и не знает.

...А я заболел тифом и попал в барак, откуда живыми редко кто возвращался. Меня уже раздели, чтобы вынести в морг... Но выкарабкался из одного ада, пошел в другой – воспаление плевры. Откачали. Отправили в офицерский концлагерь «Шестой форт». На каждой станции сгружали мертвых. Потом Польша – концлагерь, Львов – тюрьма «Стрыя», Дрогобыч – крепость-тюрьма на 50 тысяч заключенных, из них 10 человек убежали. Нас разбудили ночью и с собаками погнали на станцию, чтобы опять переправить – теперь уже в Южную Баварию, где находился международный офицерский лагерь. Там, может, впервые за многие дни и месяцы забыл я о гниющей ноге, о безысходности, проснулась вера. Возле проволоки концлагеря 15 – 20 англичан, сербов, наша братва, американцев спели «Катюшу». Это было братание.

А нас, расформировав, в декабре 1944 года отправили в лагерь туберкулезников у торфяных болот на голландской границе. Это был уже одиннадцатый мой лагерь. Мы, пленные, во главе с полковником Моревым подняли восстание. И хоть пытались травить нас собаками, барак для нас дезинфицировали. В начале апреля разлилась соседняя река, из туберкулезных бараков стали выплывать по несколько рядов мертвецы. Мы ходили по стенке. Утром – тишина. Охрана бежала. И вот 9 апреля 1945 года в лагерь через проволоку врываются танки союзников... Один из их командиров тут же, на митинге, сказал: «Если бы я о таком лагере прочитал в печати, никогда бы не поверил, что такое может быть». Я тогда весил 34 килограмма, и был счастлив, что в «телятнике» без конвоя возвращался домой.

Что такое «презумция невиновности»?

Рано радовался. Хоть и Паню свою нашел, и отец, и детки были живы-здоровы... Не знаю, с чем сравнить мою жизнь, когда пленный приравнивался к врагам народа, когда нужно было доказывать... Не спал, не ел. Лучше бы, думал, там убили. Писал Сталину, Калинин у – безответно. В Кимрском военкомате тогда так и сказали: знаем мы вас – пленных. Потом-то этому чиновнику извиняться передо мной пришлось. Но на работу сначала не брали. Пастухом разрешили служить, потом налоговым инспектором (пока нога не подвела), приемщиком в сапожной мастерской, в ремонтной группе жилищно-коммунального хозяйства. И все-таки

пришел мой счастливый час: восстановили в воинском звании, а значит и в человеческих правах...

Что еще сказать? Что живу я на своей земле, что не могу вспоминать войну, что не выходит она у меня из памяти и не хочу больше всего на свете всем людям ужасов, которые повидали мы... [128]

***Миронкин Пётр Яковлевич* Нас знали только по номерам**

...22 июня 1941 г. я был у большеволжского клуба, читал на стенде газету. Это было в 12 часов дня. В газете писали, что немцы бомбят Бельгию, всякие хвалебные речи – мы же с немцами стали друзьями. И вдруг по радиодинамикам передают, что пришла война. Всех мужчин забрали в военкомат в Кимры, а я тогда только 8 класс закончил. Все женщины плачут. Как люди ушли, так многие и не вернулись. У мамы нас было трое, жили бедно, ютились в маленькой квартирке. Денег не было, мама работала одна. Было плохо. Магазины были маленькие, и не на что покупать, запасов никаких не было. Я был старшим из детей.

На фронт меня забрали в августе 1943 года. Погрузили в эшелон, выдали оружие и повезли под Курск. ...От Курска шли пешком на фронт в район Глухов – Кролевец (шли только ночью, днем было нельзя, днем отдыхали), переправлялись через реку Сейм. Первый бой в с. Казацкое. Потом бои за Конотоп, Бахмач, Нежин, Носовку (здесь большие бои, очень сильно мы пострадали, в воздухе было 30 немецких самолетов), за Козелец и Остер.

Подошли к р. Десна, переправились по мосту (был сделан нашими партизанами). 17 км. до Днепра. В районе Дымера сделали плоты, чтобы переправиться (до обеда немцы не пропускали, патронов у них много, немцы на машинах, а мы пешком). Назад нельзя только вперед. Немцу все было видно, как на ладони. Переправились на островок где сейчас Чернобыль – село Горностайполь. К этому времени осталось нас от полка 26 человек. 5 октября нас немец прижал по-настоящему.

В этом месте меня и взяли в плен. Со станции Малин через Шепетовку (военный лагерь для пленных) повезли в Германию под охраной. 51 человек в лагере пленных сразу отправили в баню,

выдали одежду, сделали прививки (я не делал ни одной, все получалось увернуться). По лагерю было два приятеля и так втроем мы были всегда вместе. Всех распределили по группам, а мы все равно трое.

Немцы «покупали» рабочую силу, русских из плена. Выбирали себе людей на работу тщательно, смотрели и проверяли все, словно товар на рынке. Меня тоже «купили». Жил я в немецкой семье. Кормили 5 раз: они ели и ты должен. Переводчик был русский – учитель истории. Все рассказывал нам о Германии – что можно, а что нет. До конца войны я жил и работал в семье. Весть о победе встретил в Германии в лагере. Потом пришли американцы и освободили нас. Они переодели в нас зеленую форму (там было написано RUS) и передали англичанам. Нас знали только по номерам. Вернулись в советскую зону оккупации. С нами обращались плохо, как с предателями. Были допросы.

После проверки я потом отслужил в армии и вернулся домой. На работу никто не брал, взяли только туда где работал до призыва на войну. Потом работал в ОИЯИ [129].

Можжев А. В боях под Москвой

Зима сорок второго года. Наша армия громила немцев под Москвой. Враг, отступая, цеплялся за каждую деревню, за каждый дом, неохотно покидая насиженные теплые «квартиры». Свежи в памяти бои нашей пехотной роты под командованием капитана Николаева на смоленской земле.

Остатки нашей роты были рассредоточены для обороны нескольких деревень. Нашей группе, около десятка солдат и одного «Максима», во главе с Николаевым пришлось держать центральную часть обороны, деревню, через которую шел большак. Под натиском наших войск немцы кидались из стороны в сторону, нащупывая слабые места нашей обороны.

Ранним морозным утром следующего дня наши дозорные подняли тревогу. Из лесочка, по большаку на нашу оборону двигались колонна немцев. Впереди в белом маскхалате шел офицер, а за ним – автоматчики и несколько пулеметчиков. Колонну завершали

минометчики, тащившие на салазках два миномета.

Мы быстро заняли свои боевые позиции, ожидая дальнейших распоряжений нашего капитана. Местные жители попрятали в подвалы и погреба. Дед, у которого мы стояли с топором в руках очутился на нашей огневой. С трудом пришлось его уговорить пойти в погреб. Настороженную тишину нарушил голос нашего командира:

– Бойцы, держитесь, без команды огонь не открывать. С пистолетом в руке, он занял позицию у крайнего дома, вблизи которого стояла ветхая баня, где был замаскирован наш «Максим», несколько автоматов, винтовки и гранаты.

Обстановка складывалась более серьезной, чем мы ожидали. Каждый понимал, что подкрепления не будет, надежда только на собственные силы. Над деревней воцарилась зловещая тишина, мы замерли в снежных окопчиках, ожидая немцев.

Расстояние между нами и немцами быстро сокращалось. Повидимому, они не знали о нашем присутствии и шли наверняка. Неприятное чувство испытывали мы, когда расстояние между нами было около сотни метров. И вот морозную тишину прорезала длинная пулеметная очередь. Немцы оказались под губительным огнем нашей засады. Несколько автоматчиков сумели миновать зону обстрела и, строча на ходу, ворвались в деревню. Но тут из-за колхозного сарая им на встречу полетели гранаты. Немцы было повернули обратно, но дорогу им преградили наши воины под командованием старшины Самсонова. Двое немцев подняли руки, остальные были ранены и убиты. А тем временем наши автоматчики и пулеметчики отрезали остальную часть колонны. Немцы открыли беспорядочную стрельбу по нашей обороне, поле боя заволокло густым дымом.

Внезапно стрельба прекратилась. Это предвещало атаку на нашу оборону. Обстановка складывалась не в нашу пользу. Раненных перевязывать некому. Все приготовились к отражению немецкой атаки. Но вскоре дым рассеялся, на дороге осталось несколько трупов и брошенное немецкое оружие. Немцы отступили: они, видимо, приняли нас за крупные силы. Отличившихся в этом бою представили к награде, а на утро мы двинулись на освобождение г. Медыни.

Зимой 1942 года, ломая оборону фашистов, наша армия освобождала деревню за деревней. Нашей роте было приказано осво-

бодить деревню близ железнодорожной станции Мятлево, где был опорный пункт немцев. На рассвете мы расположились в соседней деревне, готовясь к наступлению. Шла обычная фронтовая жизнь солдат: кто писал письмо, притулясь из вещмешке, кто чистил оружие. Вот группа солдат развела костер и торжественно водрузила над ним котелок с концентратами. Веселая, совсем не похожая на боевую, царила вокруг обстановка. Бывалый солдат с усиками рассказывал какую-то забавную историю, сдабривая ее сочными выражениями, отчего у костра раздавался громкий хохот.

Но вот к костру подошел наш командир взвода, старший лейтенант Калинин (с ним после войны я случайно встретился в г. Жуковском) и объявил, что через выступаем при поддержке трех танков. Это подняло нам боевой дух. И вот мы в полной боевой готовности ожидаем команды. На небольшой скорости к деревне подошли наши танки Т-34, которые я увидел впервые. Даже несколько растерялся, когда эти бронированные громадины остановились в нескольких десятках метров от костра. К костру подошли танкисты и не без гордости поздоровались: «Здорово, пехота!»

На это приветствие пехотинец с усиками отпустил в их адрес соленую шутку, и все дружно захохотали. Самокрутка из махорки окончательно сдружила пехоту с танкистами.

– По машинам! – раздалась команда. И танкисты быстро скрылись в люках своих машин, моторы угрожающе заревели, а мы стали продвигаться на исходный рубеж. Мне с пулеметом под прикрытием огня стрелков удалось благополучно добраться до намеченной воронки. Немцы открыли очень сильный огонь из минометов и пушки. Мы залегли, ожидая атаки наших танков. Сзади нарастал сплошной рев моторов. На большой скорости танки неслись на деревню, поднимая вихри снежной пыли. Два из них пошли в обход, а средний, маневрируя и стреляя из пулеметов и пушки, мчался на противотанковое орудие, которое било по танку прямой наводкой.

Два танка влетели в деревню. Среди фашистов поднялась паника. Мы бросились в атаку. И тут снаряд угодил в топливный бак среднего танка. Он загорелся, но, развернув башню, вторым выстрелом из пушки опрокинул орудие и прислугу немцев. Потом танк как-то неуклюже дернулся и остановился. Немцы бежали к нему, надеясь захватить танкистов. Выручка пришла вовремя. Наш пулемет ударил по немцам. А

в это время на выручку нашим танкистам с винтовками на изготовке по огородам бежали наши пехотинцы.

Немцы, отстреливаясь, стали отступать. Из открытого люка появился командир танка, ему помогли вытащить механика, раненого в плечо. Спасибо, братцы, – сказал танкист, неловко улыбаясь, и добавил, – пехота... Кто-то к его рту поднес фляжку с водкой.

Выстрели слышались все реже, уходя куда-то к лесочку, и вскоре совсем затихли. По улице вели пленных. Санитары перевязывали раненных, а наш старшина Николай Баринов из г. Коломны уже раздавал вкусную кашу и боевые солдатские «сто граммов» [130].

Мосалов Михаил Капитонович **Сам умирай, а товарища выручай**

Я воевал в морской пехоте Северного флота (254 морская бригада). 29 марта 1943 г. разведка Северного флота была окружена немцами, которые начали уничтожать людей. Т.к. боеприпасы у разведки заканчивались, они связались с командованием флота. 30 марта высадили подмогу с катеров на выручку разведчикам. Но тех, которые были высажены, почти всех расстреляли немцы. Тогда наш батальон морской пехоты подняли по тревоге, и с 30 на 31 марта наш батальон пошел на прорыв фронта, на выручку окруженной границы.

После артиллерийской подготовки в 12 часов ночи мы пошли на прорыв линии обороны. В этом тяжелом бою я был тяжело ранен в обе ноги, в левую руку и левый глаз. Лежал в таком состоянии на снегу, пока меня не обнаружили санитары. Потом увезли в санпункт. После этого я лежал в госпитале 6 месяцев. Затем меня отправили на оборонный завод. И с 1944 г. до окончания войны я работал на военном заводе 706 в Москве [131].

Мошков Николай Николаевич **«Мы воюем за право на труд, любовь, счастье...»** **(из фронтовых писем)**

Восемнадцатилетним пареньком пришел в военкомат Коля Мошков из деревни Юркино. А скоро воинский эшелон увозил его

от родного дома, почтового отделения на Большой Волге, где он работал, от ночной рыбалки на реке Дубне, которую он так любил... Когда читаешь его письма, происходит переоценка ценностей, по-новому смотришь на совершенно важное значение, и понимаешь, что самое большое завоевание человечества – это мир. Но давайте лучше вчитаемся в строки, дошедшие до нас из сороковых годов.

21.09.41 г.

Сегодня я торжественно поклялся быть преданным делу партии, храбрым, честным, дисциплинированным бойцом. Этот день – торжественный для всех бойцов и праздник части. Уже недалек тот час, когда мы по зову партии и правительства встанем на защиту своей Родины.

04.10.41 г.

Занимаемся усиленными темпами, а в выходные ходим на работу в колхозы, помогаем убирать урожай. Урожай здесь богатый, небывалый, вот только не хватает рабочих рук... А брат мой сейчас под Ленинградом – защищает город Ленина. Еще вы, вероятно, помните нашего юркинского учителя Соловьева Н.С.. Он был призван в армию зимой 40-го года, служил в Литве танкистом, командиром танка. И представьте – в Казани я его встретил. Они впервые приняли на себя удар противника и ответили на удар ударом. Несколько раз ходил Н.С. Соловьев в атаку и 5 июля был ранен. Много он рассказал интересного. А по выздоровлении опять собирается на фронт, хотя ему предлагают остаться политруком в Казани.

Ну вот и мы встретимся, быть может, если будем живы, а если погибну – погибну с честью, зная, что защищал нашу мирную жизнь, свою Родину.

11.01.42 г.

Погода здесь холодная, не знаю, какая будет числа с 17-го на 19-е, когда пойдем партизанить в леса. Ночевать будем в землянках, сами себе готовить.... Закаляемся как сталь, готовимся быть преданными и выносливыми защитниками Родины. И не так уж много осталось времени до того момента, когда мы скажем: «Гремя огнем, сверкая блеском стали, Пойдут машины в яростный поход...»

14.06.43 г.

Спасибо за весточку с края родного. Как приятно получать письма от знакомых, тем более, если их долго не было. Я ведь 10 месяцев не получал писем, когда был на фронте. Мне трудно читать строки, в которых вы пишете о двух погибших ваших братьях... И вы можете сказать Зоечке, что за ее папу я отомщу. За смерть его фашисты получают с процентами. За все – за жизнь тяжелую детей солдат убитых, за поруганную честь и независимость Родины нашей...

31.08.43 г.

Вы знаете, конечно, что я учился в Ульяновском танковом училище им. Ленина (сейчас оно гвардейское). В первых числах июня 1942 года я окончил училище на «отлично», получил звание лейтенанта и должность командира танка «КВ». Через несколько дней поехали в Челябинск и, получив там машины, выехали в Москву, где пробыли несколько дней. С 27 сентября 1942 года были уже в действующей.

В первый же день нас бомбили, но все обошлось благополучно. Все трудности мы преодолевали успешно. Приехали я и мои товарищи на Сталинградский участок фронта и встали в оборону. А 19 ноября 1942 года наши пошли в наступление, прорвав оборонительную полосу врага. На одном из участков Донского фронта я в составе –го отдельного гвардейского полка прорыва участвовал в окружении немецко-фашистской группировки под Сталинградом, 26 ноября мы завершили окружение. Я уже был в должности командира взвода танков «КВ». Наши первоклассные машины в бою вели себя замечательно. Утюжа передний край обороны противника, уничтожали врага огнем пушек, пулеметов и стальными гусеницами.

Помню один случай. В районе хутора Вертячий (его еще называли «Лагерь смерти» – там был лагерь военнопленных, которых фашисты уничтожали, где измывались над ранеными бойцами) мы в количестве четырех машин вышли на исходную и приготовились к атаке. И вдруг сигнал: «Танки противника с фронта», – а было их 26. Мы ринулись в бой. Танки у противника были только средние и легкие... Из 26 машин 20 остались на поле боя горящими факелами, а остальные развернулись и ушли... Этот бой длился всего 5 минут.

Вот так мы действовали... Погода здесь хорошая, теплая, но ветры большие. Хочется в Юркино, повидать родных и знакомых, рыбку половить... Ну ничего, вот кончим с фашистами, увидимся, а конец уже скоро... [132]

(Это письмо было последним. В боях на Курской дуге жизнь Николая Мошкова трагически оборвалась – лейтенант Мошков сгорел в своем танке.)

Мухин Павел Арсеньевич В первые месяцы войны

...Ранее воскресное утро 22 июня 1941 года. Раздается громкая команда дежурное по части: «Боевая тревога! Все по самолетам!» Лицо дежурного побагровело от волнения, стало суровым, напряженным. И невольно подумалось: «Видно, что-то случилось». Быстро одеваемся и спешим на стоянку боевых машин. Механики запускают моторы. «Немедленно рассредоточить самолеты по окраинам аэродрома!» – раздается голос командира эскадрильи майора Иванова. Все удивительно переглядываются. Раньше нас обычно собирали ночью, до подъема, и, засекая время, проверяли быстроту сбора и подготовки самолетов. Так долго тревога еще никогда не длилась. Нас по команде выстраивают на летном поле. Подошел командир.

– Отбоя нет, – говорил он, – Сегодня на рассвете гитлеровские войска вероломно вторглись в пределы нашей Родины. Фашистские самолеты бомбардировали наши мирные города, атаковали ряд аэродромов... Тут голос нашего командира немного дрогнул. Но, чуть помолчав, он сказал по-прежнему ровным тоном: «Началась война...».

Шел второй год моей службы в армии. Призван я был в июне 1940 года, после окончания авиашколы в апреле 1941 года направлен в авиационный полк, который входил в состав ВВС Балтийского флота.

Двухмоторные бомбардировщики полка по несколько раз в день совершали боевые вылеты. С нетерпением ждали мы возвращения экипажей с задания, бегали их встречать, засыпали вопросами. Тяжело переживали каждую утрату.

Вскоре наш полк оказался на прифронтовом аэродроме в Эстонии. Отсюда наши летчики наносили бомбовые удары по скоплениям войск противника. Противник прилагал все усилия, чтобы вывести наш аэродром из строя. Но это ему не удалось.

Помню, как однажды вечером собрал нас командир эскадрильи майор Иванов, чтобы объяснить создавшуюся обстановку и поставить новую боевую задачу. Его лицо было озабоченным, серьезным, сосредоточенным. На следующее утро командир в составе всей эскадрильи вылетел на выполнение боевого задания. Обратного он не вернулся. Летчики поклялись отомстить врагу за смерть своего командира, за потерю боевых товарищей.

Фронт приближался. По приказу командования в части был проведен отбор личного состава, состоявшего преимущественно из коммунистов и комсомольцев, в распоряжение флотского экипажа. Сформированные отряды направились на фронт. Получив необходимое обмундирование, оружие и боеприпасы, ночью прибыли на передовую линию обороны, а утром – в бой.

Противник вводил все новые и новые резервы. Вражеская артиллерия открывала ураганный артиллерийский огонь, десятки пикирующих бомбардировщиков под прикрытием истребителей бомбили боевые порядки наших войск. Моряки мужественно сражались с восходящими силами противника. В отражении вражеского наступления нам все время помогали корабли Балтийского флота. Частям противника удалось прорваться к шоссе к дороге, ведущей в Таллин, а отдельным вражеским автоматчикам – на окраины города.

В один из боев ко мне, командиру отделения, было дано задание с группой бойцов проникнуть и уничтожить немецких автоматчиков, засевших в одном из домов. Задание было выполнено. Но здесь я был тяжело ранен.

Раненых с помощью лодок переправляли на остров Гогланд. А фашисты все зверствовали. Бомбы свистели и здесь, на берегу, над головами беспомощных, истекающих кровью, раненых бойцов.

До наступления темноты я пролежал на носилках. Ко мне подошла группа моряков, охраняющих остров. Один из них снял с себя шинель, чтобы укрыть меня: «Ничего, братишка, потерпи немного, сейчас поможем тебе, сделаем перевязку и доставим в госпиталь», – сказал он. «Поправишься, еще будешь бить фаши-

стов», – говорил другой. Сделав перевязку, нас бережно уложили на носилки, отправили в путь. До госпиталя было далеко. Путь тяжелый, кругом скалы, крутые спуски, подъемы. Наконец, меня доставили в госпиталь.

С рассветом опять возобновились налеты вражеской авиации, теперь уже по острову в районе нахождения госпиталя. К полудню нас доставили по матросским кубрикам, чтобы отправить в Кронштадт.

Вскоре прибыли в ленинградский госпиталь. Район госпиталя постоянно подвергался налетам вражеском авиации и артиллерийскому обстрелу.

Хочется с благодарностью вспомнить тех, кто работал в неимоверно трудных условиях, спасал жизнь раненым бойцам.

В конце февраля 1942 года нас, раненых, эвакуировали на Большую Землю. С Финляндского вокзала держим путь к Ладожскому озеру. Вот она, «дорога жизни». Всюду видны следы варварских бомбардировок. Выезжаем на переправу в 11 часов дня. Сплошным потоком движутся колонны автомашин, доставляющих городу-фронту боеприпасы, продовольствие.

Не прошло и полчаса, когда колонна машин остановилась, в морозном безоблачном небе появились «мессершмитты», а затем, на бреющем полете «юнкерсы», которые начали сбрасывать бомбы. Столбы воды и дыма взметнулись над переправой. Беспорядочно сбросив бомбы, самолеты быстро удалились. Вскоре колонна автомашин тронулась, и через некоторое время мы миновали переправу.

По выздоровлении был вновь направлен в часть, принимал участие в строительстве переправ, мостов, военных дорог. Строили переправы на Днестре (в районе г. Жлобин), Березине, Висле, Одере. Строили переправы в г. Кюстрин перед началом грандиозного Берлинского наступления, на реке Шпрее. Наш долгий военный путь победоносно закончился в самом логове фашистского зверя – Берлине [133].

Неверов Иван Николаевич

Показали образцы мужества и стойкости

Наши войска на Будапештском направлении показали образцы мужества и стойкости. Наш дивизион занял огневую позицию в 30

километрах от Будапешта. Нас окружили, и двое суток длился бой, днем и ночью. Я остался и за командира орудия, и за наводчика. Ни шагу назад – таков был приказ. И мы выстояли. Передислоцировались левее Будапешта в низину Дуная. Маскироваться в таких условиях было просто невозможно. Поступил приказ приготовиться форсировать Дунай. Причем оговаривалось: не открывать огонь до тех пор, пока враг не обнаружил себя. По плану пехота переправилась через Дунай к утру. Командир дивизиона, вызывая огонь на себя, повел в наступление артиллерию. Мы заняли в результате небольшой хуторок и стали переправлять технику. Прошли уже сутки с момента атаки, нам повезло с погодой: стоял густой туман. Соорудив плоты, мы грузили технику и с помощью катеров переправляли орудия на другой берег. Заняли оборону в радиусе 3 км и успешно отбивали атаки противника.

Ожесточенно сражались фашисты. Но все же, наши войска прорвали оборону. Накрепко осталось в памяти, как в канун 1945 года вели бои за окраину Будапешта. Под Эстергомом мы вдобавок столкнулись с власовцами. Пришлось сражаться и с ними. А потом отправились мы к озеру Балатон. Там стояли во 2-м эшелоне на прорыве. Запомнилась мощная артподготовка, длившаяся почти 2 часа, перед освобождением Вены. Наш дивизион воевал на подступах к столице Австрии.

После освобождении Вены через Братиславу отправили нас на передовую – в Чехословакию. Однажды колона гаубиц налетела на вражескую засаду. Машины ехали через 50 метров, одну из них атаковали фашисты. Погиб один, трое раненых...

С 7 на 8 мая мы ждали связистов с сообщением о нашем дальнейшем передвижении. Его нет и нет. Послали узнать разведчиков на передовую – почему так тихо. Вернулись они, говорят, что в окопах никого нет, объявлено о капитуляции. Фашисты постепенно уходили, оставляя для прикрытия пехоты артиллерию. Нам приказано быстрее продвигаться вперед. До 24 часов 8 мая продолжались еще бои: мы уничтожали вражеские заслоны. А 9-го утром сели на машины – и вперед. Въезжаем в города, деревни Чехословакии – нас встречают как победителей. Плачут, лезут на машины, обнимаются с нами. А перед этим нашему дивизиону удалось захватить брошенный фашистами эшелон со сладостями, конфетами, шоколадом. Мы везде их разбрасывали, как фейерверк. Ехали

целый день, шли маршем, а к вечеру 9-го услышали сирены: это танки салютовали Победе.

Я участвовал в совместном параде 10 мая американских и советских войск. Разбили границу, а орудия поставили в парк стволами вверх, при этом испытали невероятное чувство облегчения: все, войне конец!

Но не закончилась она для меня вот так быстро. В течение месяца перебросили нас в Казахстан, далее на войну с Японией. А когда она закончилась, прослужить в Иркутске пришлось еще долгих 5 лет [134].

Невзоров Михаил Андреевич **А мне повезло, как немногим**

...Жаркий воскресный день 22 июня 1941 года. Мы, группа ребят из 23-го Московского ремесленного училища, едем на трамвае в Щукино – купаться... Надо ли говорить, что искупаться нам в этот день так и не пришлось... Столько лет прошло, а память хранит все до мельчайших подробностей: первые воздушные тревоги, сначала учебные, затем и боевые, ночные дежурства на крышах московских домов, эвакуация училища в Горький, где на заводе имени Ленина мы, 14-15-летние юнцы, делали для фронта мины.

В ноябре 1943 года я был призван в ряды Советской Армии. Новый мой адрес: город Вольск, шестая окружная школа по подготовке снайперов. Учили нас основательно: ежедневные в течение шести месяцев занятия по стрельбе, причем из всех видов стрелкового оружия. И спустя полгода, убедившись, что к боевым действиям мы, курсанты, готовы, нас отправляют в действующую армию.

Мое боевое братство – Первый Белорусский фронт, 185-я дивизия, 280-й стрелковый полк, взвод автоматчиков. Стояли мы тогда под Ковелем, готовились форсировать Южный Буг. Враг стоял насмерть. Но нас уже было не остановить – ни на берегу Южного Буга, ни в полесских лесах.

В сорок четвертом на Ковельско – Люблинском направлении мы шли форсированным маршем по лесной дороге. Переходы были долгие, изнурительные, стрелковые части с трудом успевали

за моторизованными соединениями. И вдруг в первых шеренгах почувствовалось какое-то оживление. Скоро и мы поняли, в чем дело – увидели пограничный столб. Вот она, граница! Если бы не стремление вперед, остановились бы, вспомнили о том пути, который остался за спиной... Советская Армия освободила собственную страну и теперь шла освобождать другие народы. Буду честен, тогда на переживания времени не оставалось – нас ждали новые бои, но радость была всеобщей.

После одного из таких переходов остановились мы за огородами одной из деревень. Ждали полевую кухню. Великое это для солдата наслаждение – после долгого марш-броска полежать на травке в ожидании горячего борща, послушать стрекот кузнечиков... Но тогда блаженство наше продолжалось недолго: смотрим, бежит к нам поляк средних лет. Он рассказал на ломаном русском языке, что в окрестном лесу неподалеку от деревни скрываются вооруженные гитлеровцы. Наш взвод подняли «В ружье». Поляк показывал дорогу.

В лесу оказалась большая группировка фашистов. Завязался бой. Бой в лесу – это что-то особое, его трудно описать. Пули, свои и чужие, рикошетят, ударяясь о стволы и сучья... Дорога, идущая через деревню в лес, была занята нашим обозом, и, спасаясь от преследования, немцы пролезали под колесами автомобилей и повозок. Солдаты из обоза сначала не могли понять, что происходит, но затем присоединились к нам. Около полусотни гитлеровцев мы тогда взяли в плен. Хорошую службу сослужил нам неизвестный поляк. Да и вообще по всей Польше мы встречали к себе доброе отношение местных жителей.

Те августовские дни 44-го года я всегда вспоминаю со смешанным чувством – к радости примешивается горечь. Много товарищей я потерял на этих дорогах, очень много... Часто бывало так: только завяжешь сердечную, душевную дружбу – и новый бой, после которого командир пишет похоронку на тот адрес, который друг оставил мне в записной книжке. А мне вот повезло, как немногим...

...Хотя здесь же, в Польше, закончился и мой боевой путь. До Варшавы оставалось два-три десятка километров. Фашисты, неся огромные потери, ожесточенно сопротивлялись. После длительного перехода наш полк занял оборону в одном из населенных пун-

ктов. Одно из самых моих ярких военных воспоминаний – тишина перед началом боя. Будто и нет вовсе войны. Мы окопались и стали ждать дальнейшей команды. Перед нами были поля, угодья, скопы скошенной пшеницы, уложенные в копны. Через некоторое время копны, вроде бы, зашевелились, а потом из них стали выбегать гитлеровцы.

Я в то время был в составе расчета станкового пулемета. Нам дали задание выдвинуться вперед и прикрывать наступление пехоты. Когда мы открыли огонь, на нас обрушился такой орудийный шквал, что тало темно... Но пулемет продолжал строчить. Моего напарника, подносчика пулеметных лент, ранило осколками, в несколько перебежек добрался я до пулемета, передал ленты, но на обратном пути и меня ранило в ногу разрывной пулей. А потом – прямое попадание мины в пулемет, второй номер расчета – убил, первый – ранен. Но задание было выполнено, пехота ушла вперед. Первый мой госпиталь был под Варшавой в Миньске-Мазовецком, потом перевели в Люблин.

...Сначала один госпиталь – в польском городке Миньск-Мазовецк, затем госпитали в Люблине, Гомеле, Баку... Из армии меня уволили по инвалидности. Шел ноябрь 1944 года. В этом месяце мне, рядовому Михаилу Невзорову, исполнилось 18 лет... Жизнь продолжалась [135].

Негей Иван Георгиевич
**После многочисленных бомбежек
восстанавливали связь**

О начале войны узнал одним из первых. Служил в армии в 107 авиационном полку под Смоленском (командиром эскадрильи был Николай Гастелло, с которым я лично был знаком), дежурил на телеграфе. Ещё до объявления войны в полку из пулемета, со стоящего самолёта подбили самолёт-разведчик. Он оказался именованным, подаренным разведчику самим Гитлером.

Я был командиром отделения связи. В подчинении были два гражданских механика и две девушки связистки. Обслуживали истребителей, которые воевали с немецкими самолётами, летевшими на Москву. Авиапункт стоял в Ярцево. Обслуживали и бронепоезд,

который обстреливал немцев на пути к Ярцево. После многочисленных бомбежек восстанавливали связь.

Когда немец прорвал линию фронта в Ельне, нас отправили в местечко под Вязьмой. Там пришлось выходить из окружения. Наш полк был почти полностью разбит, уничтожен был и штаб, но знамя спас старший лейтенант Зуев. Нас, оставшихся в живых, хотели расформировать, но, так как знамя было сохранено, в Бородине, формировочном пункте было принято решение пока отправить людей в Москву.

В Москве дежурили на крышах домов, сбрасывали зажигалки. Через несколько недель отправили в Бутырлино, где был временный аэродром правительства. Его мы и обслуживали. А в январе 1941 году попал на фронт под Москву в Яхрому, где налаживал связь между отрядами. Дошёл до Клина. Потом перебросили в Дятьково в штурмовой авиационный полк. Обслуживали самолёты.

Когда немцев отогнали от Москвы, боевые самолёты покинули аэродром. Появилась учебно-тренировочная эскадрилья, где обучали пополнение летать на истребителях. В Дятьково прослужил до 1946 года. О победе узнал в два часа ночи 9 мая по связи одним из первых [136].

Никашов Михаил Матвеевич
Так и прослужил на машине до конца войны

Работал до войны в НКВД механиком. Когда немец подошёл к Москве добровольно ушёл из органов и отправился на фронт. Военкомат отправил меня инструктором вождения в школу в составе 14 ой бригады, где учили шоферов водить танки. Стал проситься на фронт. Попал в 117 танковую бригаду.

Под Москвой воевал за Мятлево, освободили так же еще один поселок. Трудно было. Танков было мало, выходили из строя. Воевала под Москвой в основном пехота, а мы ей помогали. Помню, как окружили немцев под Москвой, многих взяли в плен.

Приходилось и рыть противотанковые окопы и ремонтировать танки. Сохранил красную книжку сотрудника РВК, которая давала мне право задерживать подозрительных людей, На фронте под Мо-

сквой вступил в партию. Когда пошли в наступление, меня перевели шофёром. Стал возить начальника штаба. Так и прослужил на машине до конца войны. Победу встретил в Кенигсберге [137].

Нырковский Иван Тимофеевич

Выскочили из общежития, уже бомбили

С 1939 года учился в Военном артиллерийском училище города Тула. Выпуск должен был быть в сентябре 1941 года. В начале июня нас распределили на практику. И вдруг сбор 7 июня. Причислили звание, был выпуск. Уже 14 июня прибыл в 9335 воинскую часть, автомобильный батальон в Белосток, рядом с Польшей. В ночь с 21 на 22 пришли с танцев в час ночи в общежитие части, а в три часа загорелся один из складов. И нам, как офицерам, вручили красный пакет. Белый бы означало – тревога без поднятия вооружения, синий – тревога с поднятием вооружения, а красный – война. Выскочили из общежития, уже бомбили. Потом пришлось взломать склад и раздать оружие без всяких подписей.

Наш автомобильный батальон, где я был начальником вооружения части, собирал, ремонтировал, оружие и отправлял его в воинские части. Так отступили до Москвы. Под Москвой базировались в Измайлово. Развозили боеприпасы, продовольствие по частям. В 1942 году перевели на Воронежский фронт в 271 гвардейский зенитный полк начальником вооружения.

Победу встретил в Венгрии в городе Керменд. Большинство моих наград, включая медаль: «За оборону Москвы», находятся в Сосницком краеведческом музее Черниговской области, где оформлена витрина о моем боевом пути [138].

Орелович Михаил Семёнович

Победу встретил в Саксонии

В декабре 1942 года ушел в РККА и вместе со своими сотрудниками – рабочими 2-го ГПЗ был направлен в снайперскую школу. Она поразила меня издевательским отношением командиров, в особенности сержантов, к молодым курсантам с полуголодным

рационом питания, по так называемой 3-ей форме. За целые 3 месяца такого режима, начались массовые заболевания курсантов дистрофией. После окончания снайперской школы первую группу выпускников, в том числе и меня, направили в мотострелковые батальоны 10 танкового корпуса Воронежского фронта, который вскоре был переименован в Первый Украинский фронт.

В составе мотострелкового батальона 183 танковой бригады 10 танкового корпуса я принимал участие в боях за освобождение города Киева, а после взятия Киева, 6 ноября 1943 года корпус, понесший большие потери в боях, был выведен на переформировку в Бровардский район Киевской области. Формировка была завершена летом 1944 года и в конце августа корпус был направлен на 3-ий Прибалтийский фронт. Там в боях за город Ригу, я был вторично ранен, и после излечения в госпитале направлен на 4-ех месячные офицерские курсы в город Остров Псковской области. В звании младшего лейтенанта я попал опять на 1-ый Украинский фронт, в Силезию, в город Лигниц, в Саксонию. Победу встретил в Саксонии [139].

Орлов Василий Андреевич

Снаряды бились рядом, а мы спали и не слышали

...Из деревни нас в армию призвали, не обученных. Мы были как бараны. Мы три брата были и все на фронте. Один брат без вести пропал. Второй пришел, он под Сталинградом был. Взяли меня в 1941 году. Был курсантом семнадцати лет. Потом после со 2 курса нас отправили на Калининское направление. Под Калинином был немец, потом прошли Калинин, направились подо Ржев. Там били сильные бои и несколько тысяч наших положили. Со Ржева перешли в Смоленск, Дрогобуж, Ярцево, река Днепр. Дошли до него и нас перебросили на 2-й Белорусский фронт.

В Брянских лесах были, там партизаны действовали. Освобождали некоторые районы, а в некоторых районах работали колхозы, совхозы. Их там держали партизаны. Ну, вот и выходили мирные жители с коровами, с мешками на коровах, с ребятишками, голодные. Наши части их кормили.

Потом освобождали Витебск, Минск. Были под Минском. Как раз освободили дорогу- большак Москва-Минск. Был такой рай-

онный городишко Кричев, где в большинстве жили евреи. Немец там всех евреев уничтожил. Некоторые офицеры, те которые были «двойные» и перешли на сторону немцев, были взяты под арест. Хорошо помню, как мы делали виселицу. Вот у немцев он устроился полицаем, как у нас участковым милиционер. Были старосты, как у нас сельсовет. Некоторые старосты были за нас, а некоторые – против были. Ну, вот полицай, который был, сдался немцам. Он ходил к людям и смотрел на все. Видел хорошие одежды, вещи, забирал и носил к любовнице. Как только вошли в деревню, мирные жители вышли и сказали сразу, что этот самый полицай у нее там еще спит. Его забрали, вещи, которые он забрал на улицу вынесли, сказали, чтобы люди разобрали все свои вещи. А его – на виселицу. Машина подошла, он стоит на коленках, руки связаны, петлю ему надели и машина отошла. А суд такой был – «тройка» назывался. Сразу судили, без допросов, сразу вешали. В Смоленской области наши повесили очень много, которые продались немцам. Повесят и напишут – «За измену Родине!»

В танковых частях служил. Машины очень грозные. Я был командир отделения тяжелой тяги – было 2 тягача – «Ворошиловцы». Однажды наш танк подбили, он не мог идти, а надо его эвакуировать. Днем нельзя – немец видит и бьет артиллерией. Ночью – без света. Вот зацепим. 2 тягача тянут в овраг или куда-нибудь еще. Ну а там были специальные бригады – ремонтировали их. Ложились спать, брезентом накроешься, а часовой нас охранял, нельзя же без охраны. На фронте зимой негде было погреться. Хорошо, если есть снег, ну, или лапника нарвешь, на снег положишь и спишь.

В Белоруссии были в полуокружении (подковой), никуда нельзя было проехать – кругом болото. Самолеты У-2 («Кукурузник») боеприпасы привозил. Большие снаряды на себе носили туда. Сухари привозили самолеты. А машины были полуторки. Как чуть грязь, так застряла. Это потом уже нам Англия дала машины.

Кормили так. Зимой привезут картошки, а она как грецкий орех. Ну, что с ней делать?! Повар в котел прям мороженую, а потом сварит, начистит, а она сладкая. Или капусту мороженную привозили. Хлеб привезут буханками – он мороженный, нож не брал, пилили ножовкой. Положено тебе 200 грамм – ножовкой отпилят, сколько человек – столько паек, один отворачивается, другой кричит «кому?», так и раздавали, чтобы лишний грамм не передать.

Но друг у друга хлеб никто не воровал! ни один! Не позволят даже! Даже если есть сухарь, то делят на несколько человек. Конину ели. Лошадей то много было. Из Монголии пригоняли лошадей. Ранят, кто их там лечить будет – прибьют ее и в котел кусок конины. Рожь пареную ели, немолотую, ничего. А у мирных жителей нашли рожь в сундуках, ну и сказали командиру части. Он говорит – давай в котел. Ну напарят ее. Как ни парь, а она все равно рожь есть рожь. Гнилую картошку ели. В ней крахмал остается. Вот промоют ее, наляпают, на плитку, испекут и едят. Положено было 700 грамм хлеба, а что это для молодого человека. И то не каждый день давали. По 2-3 суток не ели. С тыла нет доставки – все. Америка нам здорово помогла – технику и продукты давала. Я как сейчас помню, консервные банки колбасы – она была как сухой паек. С ней на задание отправляли.

Мечтали на фронте только об одном – лишь бы выжить! Например, у нас был один белорус. Вот освободили их район, он и попросился к семье, узнать, живы или нет. Вот отпустили его. Он пришел. Только стал землянку копать, так ему осколок в висок ударил и все, помер. Семью нашел и умер.

Когда в блиндаже накат строили, на ходу падали, уставшие были. Потом командир узнал, отвели нас на 2 километра. День хороший был, все разулись, разделись. Снаряды бились рядом. А мы спали и не слышали. Вот как устали. А однажды оставили дневального, проснулись, а он мертвый. Осколком плечо оторвало, вот и похоронили его прямо тут. А один раз наблюдательный пункт строили на самой передовой линии, а лесу не было. Нужно было вязать наблюдательный пункт, разбирали дома, сараи и делали накатную, чтобы снаряд не пробил, и ставили стереотрубу, через которую было видно все поле боя.

Победу встретили мы так. Нас в 1945 году с Белорусского фронта вызвали в Москву: в Люберцы, в Загорск отправили. А здесь ждали пополнения, новую технику, людей. В Загорске заполнили солдаты весь лес. А война то еще не кончилась. Сталин и Черчилль договорились, чтобы вместе надо нападать на Японию. Япония же против нас была. У них ось была Рим – Берлин – Токио, против России. Стали полки отправлять на фронт на Дальний Восток. А наш полк попал на юг. Тогда с Турцией хотели воевать, и мы попали на турецкую границу. Все уже было там готово. Пролив

Дарданеллы. Там турки не пропускали наши корабли и в это время связались с Америкой. Ну, вот наши начали там учения, в плен друг друга забирали, а как бомбить, так дымовые шашки бросали, потому что боевыми снарядами было нельзя. Вот война кончилась и я демобилизовался из Армении. В Дагестане был, в Армении, Грузии. В 1947 году нас отправили домой. Таким образом прослужил в армии почти 7 лет.

С войны пришел, тут карточная система. Голод тоже. Домой пришел – есть нечего. Картошки и той нет. Осталось два старика, 5 сестер. У всех мужей забрали, у всех детишки, все голодные [140].

Осипенко Борис Павлович **Мне было неполных двадцать лет**

В Крыму стало спокойно

12 мая 1944 года войсками Четвертого Украинского фронта и Отдельной Приморской армии совместно с Черноморским флотом был освобожден Крым. Вскоре основные силы, участвовавшие в освобождении, стали выводиться из Крыма для подготовки к новым операциям. Они оставили в Крыму значительное количество военной техники, которую должны были передать войскам, дислоцированным на Дальнем востоке.

Для подготовки самолетов к передаче в Крым было направлено около десятка выпускников военных школ, среди которых был и я. Летели над местами, где хорошо были видны следы ожесточенных боев. Приземлились на полевом аэродроме в степной части Крыма вблизи Сарабуза. Выйдя из самолета, мы обратили внимание на то, что на летном поле было много листовок.

Я подобрал одну из них и очень удивился, в листовке было обращение к крымским татарам, предавшим Родину. В ней говорилось, что им еще не поздно искупить свою вину, и призывалось повернуть свое оружие против немецких захватчиков. Увидев наше недоумение, встречающие рассказали, что сравнительно небольшая группа предателей запугала своих соотечественников и заставила их молчать. По ночам, пользуясь хорошим знанием местности, они занимались разбоем. За несколько дней до нашего прилета они без выстрелов вырезали взвод охраны аэродрома. Ночные рейды и

прочесывание горной местности результатов не дали, ночами они занимались бандитизмом, а днем отсыпались по домам.

К сожалению, все обращения оказались напрасными. Небольшая банда связала значительные силы, так необходимые для подготовки новых операций. Поэтому в конце мая или начале июня (дату не помню) в 6 часов утра ко всем населенным пунктам, где проживали татары, были поданы автомашины. Всем жителям было предложено сесть в них, взять с собой самое необходимое. Как стало известно позже, с ближайшей железнодорожной станции они были отправлены в Среднюю Азию, где им была предоставлена работа и крыша над головой. Скот, пашни и жилища остались под охраной войск. Через неделю стали прибывать семьи, дома которых были сожжены или разрушены гитлеровскими захватчиками. Таким образом были сохранены скот, посевы, дома. В Крыму стало спокойно. Мы сдали морякам-дальневосточникам самолеты и разъехались по своим частям, которые к этому времени были уже далеко за границами нашей Родины [141].

Памятник на горе Геллерт

Будапешт был одним из самых сильно укрепленных городов на пути к победе. Советское командование стремилось к тому, чтобы взять город ценой как можно меньших потерь, сохранив замечательные памятники зодчества венгерской столицы. Как мы потом узнали, для переговоров с гитлеровским гарнизоном были направлены парламентареры, которые должны были передать ультиматум нашего командования сдать город, не допустив бессмысленного кровопролития. Парламентареры были вероломно убиты, и начался штурм, который длился более месяца.

Все это время наш гвардейский истребительный авиационный полк стоял на окраине города. Когда-то здесь бесновались трибуны, заглушая топот коней, и яркие кафтаны жокеев сливались в стремительную пеструю ленту... Сейчас над ипподромным полем ревели боевые машины.

...В действующую армию я попал довольно поздно, боевое крещение получил недалеко от границы. Немалое разочарование мы пережили, узнав о переходе советской границы значительно позже того, как произошло это замечательное событие. И так, мы были уже на земле Европы, захваченной фашистами. Командиры

и политработники не уставали повторять, что вражеская армия и население – это не одно и то же. Такие беседы были необходимы, потому что немало бойцов горели справедливой ненавистью и жадной мщеницей, они потеряли в эту войну всех родных и близких. Помню первые встречи с венграми, их холодное, недоверчивое отношение к нам. Помню и то, что за месяц, пока мы стояли под Будапештом, это настроение значительно потеплело, потому что всем своим поведением мы старались показать, что пришли на эту землю не как завоеватели, а как освободители.

Когда мы шли по венгерской земле, мне было неполных двадцать лет. Так что до сих пор живы в памяти впечатления, окрашенные в соответствии с этим азартом. До войны я учился в далекой провинции, в Москве ни разу не был. Помню удивление, которое вызвали водопроводные краны, торчащие из земли, – разве мог я себе представить, что где-то существует водопровод для орошения полей? Огромное впечатление произвели на меня и замечательные здания Будапешта, хотя в целом он запомнился мрачным: несмотря на стремление сохранить город, приходилось выбивать фашистов почти из каждого дома...

И вот, двадцать пять лет спустя, я снова проезжаю по тем же местам и совершенно не узнаю их. Проезжаю Секешфехервар, Сольнок, проезжаю степи, которые венгры называют пустой, – и не могу узнать эти края, освещенные ярким солнцем. Тогда, в сорок пятом, они были закрыты дымовой завесой. Мне кажется, что это совершенно разные места. Я хожу по улицам Будапешта и не могу узнать ни одного дома. А потом я встречаюсь с венгерскими коллегами, и наши общие воспоминания возвращают нас в те далекие теперь уже годы, когда над Будапештом стоял дым пожаров и советские войны освобождали город от последних гитлеровских группировок.

Для молодых венгерских сотрудников, которые работают сейчас в нашей лаборатории, – это уже далекая история. Но о ней каждый день напоминает памятник освобождения на горе Геллерт в Будапеште. Эту скульптурную группу венчает фигура женщины с высока поднятой над головой пальмовой ветвью – символом мира. А ниже, почти прислонившись к верхнему обелиску, твердо упершись ногами в постамент, стоит герой освобождения – советский боец. Я смотрю на него, и мне вспоминаются замечательные наши

старшие товарищи, опытные бойцы, которые тогда казались нам стариками в свои сорок лет. Они были готовы закрыть нас, юнцов, своим телом в бою. И столько было в них доброты, что она смогла не только защитить и научить нас, молодых, но и растопила холод непонимания и недоверия у народов Европы [142].

Осокин Алексей Никанорович **Меня спас котелок**

Осенью 1941 года был взят в армию, в мае 1942 года был направлен в Рязанское пехотное училище. Я стал минометчиком 120 мм орудия. В июле 1942 года наше училище было расформировано и направлено на фронт. Я, как и все курсанты, был направлен на Волховский фронт. Пошла боевая военная жизнь. В тяжелых условиях защищали от немцев Волховскую ГЭС. Дальше с боями продвигались на Запад восточной части Ладожского озера.

Помню, был жаркий бой за железнодорожную станцию «МГА». В это время меня спас котелок в вещевом мешке – пуля попала в него, и мне ничего не повредила. Далее нас переименовали в Ленинградский фронт. Лесом и болотом продвигались к Ленинграду. Много побили немцев в направлении Пулковских высот, но досталось и нам. В одном из боев нас накрыла немецкая авиация. И в это время, в конце сентября 1942 года, осколком был ранен в левое предплечье, гангрена, ампутация... [143]

Павлов Василий Иванович **Присвоение звания**

...Зима 1943 года. Наша армия ведет горячие бои с ордами фашистских полчищ: из строя выходят командиры; бойцов заменяют вновь прибывшие бойцы; из резерва пополняют командные посты – на место выбывших выдвигают рядовых. Так случилось и со мной. Я принял командование стрелкового взвода и повел его в бой за освобождение деревни Пены, что под Старой Руссой. Бой был долгим и трудным, мы продвигались вперед, деревня была освобождена. В бою за железнодорожную станцию Лычково меня

ранило. Когда я пришел в себя, то увидел большие белые окна госпиталя. «Ну, вот и отвоевал», – пронеслась мысль. Прошел день, другой, неделя, вторая – рана зарубцевалась.

– Рядовой Павлов, – раздался однажды голос медсестры, – вас вызывает начальник госпиталя. Я очень разволновался.

«Выписываться», – подумал, но в кабинете увидел политрука своей роты, капитана Зайкина:

– Жив?! Здоров?! – сказали оба враз. Объятия, поцелуй...

«Приехал с передовой», – сказал капитан, – привез приказ о присвоении тебе офицерского звания. А вот с иголочки командирское обмундирование...».

Через несколько дней я простился с сестрами, врачами и вновь прибыл на передний край, в родную роту, которая уже вступала в жаркий бой на Курской дуге [144].

Параховатый Михаил Михайлович **После Сталинграда поверили в Победу**

Война началась для меня в августе 1941 г., когда наши войска оставили г. Днепропетровск, и немцы начали усиленно бомбить все дороги и населенные пункты от г. Днепропетровска до г. Харькова. Немецкая авиация в то время свободно летала днем и ночью. Обидно было смотреть на отступающие разгромленные и практически безоружные наши войска. Казалось, что уже никогда наша армия не сможет оказать сопротивление немцам и вернуть все утраченное.

В начале сентября 1941 года наша семья была эвакуирована в Сталинградскую область. Вскоре начались бои за Сталинград, и затем пришла и победа за этот город. Было радостно сознавать это и люди стали верить, что дальше наша армия отступать уже не будет.

В августе 1943 года я поступил в Московский Энергетический Институт и уехал в Москву. В сентябре 1944 года я был призван в Советскую Армию и направлен для прохождения службы в г. Скопин Рязанской области в Телавское пехотное училище. В марте 1945 года я был направлен в Москву, а затем на 1-ый Белорусский фронт в стрелковую дивизию 8-й гвардейской армии. Наша дивизи-

зия двигалась уже в направлении на г. Берлин и мне пришло увидеть превосходство наших войск над немцами: наши войска были прекрасно вооружены, двигались колонны новых танков, только что прибывших с заводов, новых пушек. Немецкая авиация появлялась только ночью.

16 апреля 1945 года мы прибыли под г. Берлин, а 17 апреля вступили в бой за прорыв обороны Берлина. Бои за Берлин были жесточенные. Кроме того, что город был укреплен большим количеством артиллерии и танков, немцы стреляли из каждого дома, переодетые в гражданскую одежду, а стрелять в гражданских немцев было запрещено Приказом Верховного Главнокомандующего.

24 апреля 1945 года я был тяжело ранен в грудь и направлен в госпиталь в г. Эркнер под Берлином. Хочется отметить большую заботу о раненых военных врачей и медсестер, которые заботливо и с большой добротой выхаживали и лечили раненых. О них я с благодарностью вспоминаю и сейчас... [145]

Петров Василий Андреевич **Среди защитников Ленинграда**

Война оставила свои тяжелые следы, которые беспокоят, мучают, напоминают о себе, как он говорит, перед сырой погодой. Шея, спина, руки живот и главное – голова, она вся в рубцах. Ношу в себе металл войны: осколки сидят около позвоночника и справа над ухом. Тогда не мешали, а сейчас чувствую каждое их острие, каждую их стороночку. Занозу в палец загонишь, так и та с бревна покажется от боли.

Фашистские танки и мотопехота рвались через реку Волхов, через остатки моста. Гаубичный полк, в котором служил наводчиком, получил приказ выйти на берег и прямой наводкой расстреливать гитлеровцев. Это была дуэль, это были сутки, показавшиеся годом каждому артиллеристу. Победителями вышли бойцы, мужественно отстоявшие берег Волхова. Орден Славы III степени вручили мне за это правительство.

Тяжелые дни блокады. Голод. Зверские налеты гитлеровской авиации, артиллерийские обстрелы, постоянные психические атаки. Фашисты изощрались, делали все возможное, чтобы сломить

дух советских людей, оборонявших колыбель революции. Гитлеровец днем стреляет по городу. Вечером разведка нам дает данные. Мы наносим ответный удар. На следующий день огонь режет, или совсем молчат – латаются.

Самым тяжелым испытанием было для нас, бойцов, когда приходилось ехать в город. Увидишь голодных детишек, сердце рвется на части. Ярости полна грудь. Уж наводишь орудие на врага, только наверняка, чтобы одним снарядом гада раздавить.

Тяжелой зимой 1942 года ленинградские врачи и медсестры вылечили раны полученные в одном из боев. Вернулся в полк, который готовился к прорыву на соединение с Ориенбаумским «орешком». Потом первые числа января 1944 года. Мощный артоналет на гитлеровские укрепления и наступление по всему Ленинградскому Фронту.

Закончил я войну в госпитале, не повезло мне при форсировании реки Нарвы. Как было, не помню, только вот изрешетило всего. Врачи меня сшили, и вот... жив. Самая дорогая реликвия медаль «За оборону Ленинграда»... [146]

Печерский Борис Фёдорович **Одиннадцать раз в танке горел**

Участник семи фронтов: Западный, Донской, 4-й Украинский, Южный и др. Одиннадцать раз горел в танке и одиннадцать раз был ранен.

Родился в 1922 году. К началу Великой Отечественной войны жил на латвийской границе СССР. Когда налетела авиация и начались бомбардировки, в селении перегоняли скот. Во время первой бомбежки убило пастуха. Ему оторвало голову, и одно из ушей потерялось. Бабка сказала, что так человека хоронить нельзя, и пока искали ухо, повторно налетели самолеты. Урон от этой второй бомбежки был огромен: почти вся деревня была уничтожена. Оставшимся в живым людям, в том числе и мне, пришлось срочно эвакуироваться. На границе нам выдали лошадь. Так, практически проделав весь путь пешком, добрались до Калинина.

Из Калинина попал в город Кимры, где и прожил до августа 1941 года. В этом же месяце начали бомбардировать и Кимры, а

Калинин был уже захвачен немцами. Вскоре Кимры были объявлены на осадном положении и в октябре добровольно ухожу на фронт. Путь лежал до Гороховецких лагерей. Там успешно прошел курс пулеметчика: из пяти пуль в цель попадали четыре или все пять. Москва находилась в «полукольце». Я к тому времени находился в составе 352 дивизии.

Мне было выдано особое задание в случае высадки десанта на Красной Площади, я должен был открыть огонь. Но повалил снег и десант не был высажен. Прямо с парада в Москве 7 ноября 1941г. 352 дивизия вышла в сторону Волоколамска. Там, на площади в Волоколамске, увидел виселицу, на которой было повешены восемь русских солдат. Просто звереешь, когда над тобой так издеваются. И тут вижу, что вроде третий по счету шевелится. Я его снимаю, но он, конечно, уже мертвый. Их за сутки до нашего приезда повесили.

После этого наша дивизия направилась в село Тимонино. Там были бои не на жизнь, а на смерть. Село это было как бы поделено, слева наши, а справа немцы. Мы вошли в деревню и увидели: У одного из домов к дереву был привязан человек, и он горел. Это был, как впоследствии выяснилось, партизан, прятавшийся в одном из домов, его выдала хозяйка. Тогда я выпрыгнул из танка и крикнул своим, чтобы прикрыли, подбежал к дереву и попытался распутать парня. Партизан был привязан к дереву стальным тросом. С большим трудом я спас его...

Смотрю, бежит немец и поджигает деревню факелом, а крыши то соломенные, быстро загораются. Я за ним в погоню. Загнал его на чердак, он вроде через крышу хочет вылезти, а сам застрял. Я ему гранату между ног и кинул. Немец прямо в огонь свалился. Так мы Тимонино сходу и взяли.

Далее до района Зубцова немцы пошли в отступление. К ним шла подмога. Наша дивизия попала в окружение. Тут на помощь пришли партизаны. Из окружения выйти удалось. Но немцы пошли на хитрость. Погиб весь батальон: увидели разбитую телегу с четырьмя бочками водки. Зима, холодно. Водка оказалась отравленной. Я не пил. Затем, после полученного ранения, меня перевели в танковые войска. В составе этих освобождал Венгрию, Югославию, Болгарию, Австрию [147].

...А вот еще один случай. Советские танки мчались на Будапешт. В смотровую щель я видел уже радиомачты и заводские тру-

бы. Экипажу было приказано оседлать перекресток дорог, где ожидалось скопление немецкой техники. Только успел поставить танк в укрытие, как на дороге показалась колонна вражеских автомашин. Впереди шел бронетранспортер и тащил на прицепе пушку. Я тут же навел свой танк на него. Лево́й гусеницей танк протаранил машину, следом взобрался на пушку, вдавил ее в землю и двинулся дальше по колонне. Повернув на грузовике, танк прошелся по колонне. Одних таранил, других сбрасывал в кювет, третьих разбивал в щепы. Колонна была разгромлена. Горели машины, рвались патроны и снаряды.

Далее мы обнаружили в кустарнике два орудия. После двух пушечных выстрелов танк налетел на первое орудие, вмял его в землю, затем правой гусеницей танк разбил второе орудие. На подходах к большому заводу ударили по танку пулеметы и минометы. Но танк двигался вперед, настигал фашистов, засыпал их землей, хоронил под гусеницами. И вдруг... танк остановился. От осколка снаряда загорелся мотор. Экипаж, выскочив, затушил брезентом пламя. Но тут был ранен командир танка Сергеев. Я принял на себя командование. В это время один из немцев метнул гранату. Я почувствовал, как обожгло ногу. Видя, что немцы вплотную подбираются к танку, я шел напролом, стреляя из пистолета, швыряя гранаты. Сорвав шлем я шел в полный рост... В это время на дороге показали наши танки. Преодолевая боль в ноге, я подхватил раненного командира и понес к танку, чтобы вместе с другими машинами ворваться в Будапешт.

А еще памятный случай: был участником парада победы в 1945 году на Красной площади [148].

Пискунов Михаил Фёдорович **Мы сражались не за награды**

Родился я 23 августа 1922 года в Заволжской Саратовской степи на односемейном крестьянском хуторке. Сразу же после окончания средней школы г. Энгельса в 1940 г. был призван в Красную Армию. В армию попал до призывного срока, потому что тогда вышел Указ Президиума Верховного Совета о призыве в армию окончивших среднюю школу физически здоровых парней и направлении их в военные училища.

У меня не было желания посвящать свою жизнь службе в кадровой армии. Хотелось приобрести агрономическое образование или, в крайнем случае, быть строителем кораблей или самолетов. До вызова в военкомат я получил приглашение из Краснодарского сельхозинститута на госэкзамены с предоставлением общежития.

Поскольку я до призыва в течение года обучался в аэроклубе, то был направлен в военное летно-истребительное училище г. Оренбурга. Однако в приеме в это училище мне было отказано. Не прошел медицинскую комиссию, а именно «вертушку».

Военное командование, вручив мне запечатанный пакет с документами, направило в Севастопольское училище береговой обороны. До этого училища я не доехал. В г. Саратове сошел с поезда и направился в танковое училище, в которое после экзамена был принят.

Когда началась Великая Отечественная война, проходил учебу в Саратовском Краснознаменном танковом училище. 21 июня 1941 года курсанты училища совершали ночной марш-бросок. Утром был сделан привал у какой-то речки. День был жарким. Все бросились в воду и стали купаться. Я же сначала стал стирать брюки и гимнастерку, заскорузлые от соленого пота. Тогда в учебе существовал суворовский принцип «тяжело в учении – легко в бою». В результате гимнастерки военных не выдерживали установленных сроков носки.

Повесив на кусты одежду сушиться, стал мыться в воде. Другие же курсанты, искупавшись, стали стирать свое обмундирование. В этот момент и была объявлена тревога. Командиры-преподаватели, построив курсантов в мокрой одежде, объявили о начале войны с Германией.

Начались усиленные занятия. Кроме этого курсанты занимались ремонтом подбитых танков, поступавших на ремзавод. Так мы получали хорошие технические навыки.

В октябре 1941 г. я был назначен командиром взвода бронемашин. Во взводе было пять пушечно-пулеметных броневых автомобилей. Стояли в поле, недалеко от Татищевского военного лагеря. Жили в выкопанной нами же землянке. Нас использовали только один раз, когда поручили сопровождать в качестве охраны маршала К. Ворошилова. Он с группой генералов на легковых автомашинах посещал с проверкой военные лагеря Приволжского Военного Округа.

Зимой 1941-42 гг. выполнял обязанности помощника военного коменданта г. Саратова и некоторое время находился в роте офицерского резерва. В марте 1942 г. был направлен в г. Горький, ныне Нижний Новгород, в танковую часть. В течение нескольких дней принял в подчинение личный состав танкового взвода и материальную часть -английские тяжелые танки «Матильда». Время на изучение материальной части незнакомых для меня иностранных танков, их выделения и стрельб не было. Не было времени и для знакомства с личным составом и познания их боевого умения. Танки с экипажем срочно были погружены на платформы воинского эшелона и направлены на фронт.

Привезли нас на какую-то разбитую бомбежкой железнодорожную станцию, если не ошибаюсь, где-то недалеко от г. Купянска. На этой станции не было ни одного целого здания. Деревянные строения сгорели, а кирпичные были разрушены до основания. Платформ или специальных аппарелей для разгрузки танков на станции не было.

Как только эшелон с танками остановился на этой станции, так налетели немецкие бомбардировщики. Нам пришлось под взрывами авиабомб заводить моторы, поворачивать танки поперек платформ и, разрушая их, съезжая, прыгать на землю. Выгрузившись, направились в сторону запада. Был уже вечер, когда нашу танковую колонну остановили солдаты и говорят: «Куда вы прете? Дальше стоят немцы».

Мы рассредоточились по кустарнику и невысокому лесу. Над нами висел немецкий разведсамолет «Рама». Через некоторое время налетело несколько немецких самолетов, которые сбросили бомбы на наши танки, но потерь не было. Так я попал на Юго-Западный фронт, в 36 танковую бригаду, в которой продолжал военную службу в качестве командира танкового взвода.

Весной 1942 г. Юго-Западный фронт под командованием маршала Тимошенко проводил наступательную Харьковскую операцию. Нашу танковую бригаду обычно передвигали вдоль линии фронта для поддержки пехоты в наступательных боях. Это наступление нашего фронта оказалось провальным. Тогда немцы окружили три наших армии, а затем повели наступление под Сталинград.

Тогда нас почти ежедневно бомбила вражеская авиация. При отступлении приходилось наблюдать, как горели города и посел-

ки. Вдоль некоторых дорог, кроме сгоревших автомашин и иной техники, лежали в больших количествах трупы домашнего скота, перегоняемого в тыл и погибшего от пулеметного огня и бомб немецких самолетов.

Находясь в боевой обстановке, видя колоссальные разрушения и гибель многих людей, мое нервное состояние было какое-то спокойное, не давало сбой, соображения не терял, был хладнокровен, панических настроений, боязни, трусости не испытывал, и, что удивительно, почему-то тогда о своей возможной гибели не задумывался. Думаю, что этому способствовало то, что с детства обладал очень крепкими нервами. Это сейчас, на старости лет появились случаи раздражительности. Даже иногда при виде по телевизору какого-либо эпизода человеческих страданий у меня иногда стало появляться желание прослезиться. Нервы стали ни к черту.

Следует заметить, что после ранения, испытывая мучения от боли, находясь один в окружении врагов, стал чувствовать свою полную беспомощность и бессилие, из-за которых не мог защитить себя и нанести урон противнику. И естественно, при этих условиях крепкие нервы дали сбой. Я стал понимать, что бесстрашие улетучивается, и что вместо него наплывал страх от безысходности и ожидания гибели.

Фронтальная жизнь заключалась не только в участии в боевых действиях, но и в том, чтобы совершать переходы, особенно ночные, и закапывать танки в землю.

Эх, сколько мы во время войны перекопали земли, когда выкапывали ямы для укрытия танков. Как только где-нибудь останавливались, выбирали для танков удобные позиции и лопатами рыли яму по размеру танка. Укрытие должно быть такой глубины и размера, чтобы полностью укрывало весь корпус танка. Танк загонялся в яму-укрытие таким образом, чтобы из него выглядывала башня с пушкой. Получался ДОТ. Но сколько мы ни зарывали танки в землю, сражаться в таких условиях нам не приходилось. Обычно случалось так, что только-только успевали зарыть танки в землю, как поступал приказ куда-то передвигаться и где-то вступать в бой. Копка больших котлованов для укрытия танков требовала времени и часто лишала танкистов сна и отдыха.

Участие в боевых действиях, артобстрелы и бомбежки, рытье укрытия для танков и уход за ними, а также дорожная пыль превра-

тили нас, танкистов, в похожих на шахтеров. От отсутствия водных помывок у них были грязные до черноты руки и лица. Искупаться не было возможности. Но это нас не смущало. Больше всего мучила бессонница. У всех было одно желание – найти время поспать. Однажды, во время налета немецкой авиации, я залез под танк и уснул. Авиабомба взорвалась рядом с танком, и взрывная волна выбросила меня из-под танка наружу.

Во время отступления меня чуть не поставили к стенке и не расстреляли. Дело было так. Под ударом немцев наши части отходили по наплавному мосту через р. Дон. От течения воды и, видимо, от слабости удерживающих канатов понтонный мост получил изгиб на середине реки. Когда я на своем танке передвигался по наплавному мосту, то у изгиба заглох мотор. Танк остановился, и получилась пробка в движении колонны. Механик-водитель никак не мог завести мотор, время шло. У нашего танка собралось несколько офицеров. Все они, размахивая пистолетами, подняли такую матерную брань, что, наверно, от этой матерщины покраснела броня танков. От такой ругани молодой механик совсем растерялся и как ни старался завести мотор, ему не удавалось. Подошел и наш военный батальонный комиссар Золоташко Петр и говорит мне, что командир танкового корпуса приказал, чтобы не срывать переправу войск, наш танк сбросить в воду, а экипаж расстрелять.

Я высадил механика, сел на его место и стал заводить мотор. Неожиданно для меня он сразу завелся. Выехал на берег, и тут к танку подъезжает «Виллис» с особистами. Очевидно, они должны были выполнить приказ командира корпуса. Не знаю, чем бы дело кончилось, если бы за меня не вступился комиссар Золоташко. Он стал убеждать особистов, что смысл приказа заключался в том, что сначала надо сбросить танк в воду, чтобы освободить переправу, а потом уже расстрелять экипаж. Теперь же, если вы расстреляете экипаж, то кто поведет танк? Без экипажа придется оставлять танк немцам. Не знаю, убедили ли эти доводы комиссара. Тут еще ребята из нашего танка повернули башню в сторону особистов, стали кричать, что им терять нечего и, если особисты возьмут лейтенанта, т.е. меня, они откроют огонь. Возможно, повлияло и то обстоятельство, что незадолго до этого случая я получил от этих особистов, сотрудников «Смерша» в качестве награды бутылку водки и пару банок консервов за то, что помог им задержать немецкого агента «Абвера». Обошлось.

Через много лет мои товарищи, узнав от меня об этом случае, спросили, как я оцениваю данный приказ командира корпуса о расстреле, осуждаю ли его. Ответил, что, хотя меня могли расстрелять, такой приказ командира не осуждаю, даже если он слишком суров. Такие наказания дисциплинируют личный состав, уменьшают случаи халатности и прочие нарушения. Война – не игрушки. Халатность и прочая вина должны смываться кровью. Победа возможна тогда, когда на войне каждый будет выполнять свои боевые обязанности не жалея своего живота.

За два месяца боев мне пришлось сменить два танка. Они были подбиты. Были потери и среди членов экипажа. На одной ж.д. станции (названия не помню) подбитые и неисправные были погружены на платформы. Я был назначен сопровождать эти танки до ремонтного завода на Урале. Я выбрал одну платформу с танком и устроился для поездки. Сажу и жду, когда мне поднесут из штаба сопроводительные документы и командировочное предписание. Вижу, подходит к платформе мой командир батальона. Говорит мне, что в батальоне людей мало, а воевать надо, а ты будешь железо сопровождать на ремонтный завод. Его и без тебя довезут. Слезай, пойдем, я тебе дам нормальный танк с экипажем и выделю тебе в подчинение танковый взвод.

Я согласился с комбатом, что лучше воевать, чем сопровождать подбитые танки до Урала, и возвратился с ним в подразделение. Правда, за этот поступок пострадал много лет спустя, когда служил в органах госбезопасности. Дело в том, что в военных архивах сохранился лишь один приказ об окончании службы, а именно о моем откомандировании с фронта в танковую промышленность. Поскольку других приказов не было обнаружено, то как бы в действительности я с того времени, как ушел с платформы, не воевал и больше в армии не служил. Поэтому и дальнейшая военная и фронтовая служба в тройном размере в выслугу лет мне не засчитывалась и не оплачивалась.

Лучше всего в моей памяти сохранились первый и последний бой. О них и расскажу. Первый бой, в котором участвовал, произошел на территории Харьковской области, и как мне не изменяет память, возле села Непокрытое. Утром по расположению нашего танкового батальона немцы из крупнокалиберных орудий вели беспокоящий огонь. Комбат собрал офицеров для постановки зада-

чи на предстоящий наступательный бой. Мы окружили его. Возле нас упал тяжелый снаряд, который не разорвался. Болванка снаряда скользнула по склону высотки и осталась лежать на земле.

Комбат подошел к снаряду и пошевелил его ногой, а потом сел на него, подозвал всех к себе. Он начал разъяснять боевую задачу, его слова мною плохо воспринимались, я думал, смотря на снаряд, когда же он рванет. Почему так поступил комбат, объяснить не могу, может, он нас необстрелянных приучал к опасностям.

В предстоящем бою танкам предстояло поддержать нашу наступательную пехоту. Немцы занимали оборону за мелкой речушкой по небольшим высоткам. По этой речушке шириной три-четыре метра и глубиной по колено саперы ночью сплывали бревна и из них сделали настилы для перехода танков. Так как берега речки заросли мелким кустарником и осокой по кочкам, то бревенчатые настилы трудно было заметить. Когда танки в развернутом строю дошли до речки и, не увидев настилы, остановились, немцы открыли по танкам артогонь. Я смотрел в прицел и не мог разглядеть настилы и понять, откуда стреляют немцы. Открыв люк, высунув голову, стал осматривать местность. Тут же рядом с танком разорвался снаряд. Я почувствовал сильный удар по голове, пришлось нырнуть в башню. После этого удара не смог натянуть на голову танкошлем. Оказалось, что от взрыва с земли отлетел камень, от удара которого на макушке образовалась крупная шишка.

Когда снова высунул голову из люка, то увидел пожилого солдата, который что-то кричал и делал знаки рукой, чтобы следовали за ним. Поехали. Он вывел наш танк к бревенчатому настилу. Он бежал впереди танка до настила и по настилу, и, когда мы оказались на другом берегу, немцы сразили его из пулемета.

Его гибель глубоко отпечаталась в моей памяти. Как только речь заходит о Великой Отечественной войне, вижу в воспоминании этого солдата, одетого в пропитанную от соленого пота гимнастерку, с небольшим вещмешком за спиной, в ботинках с обмотками, с винтовкой в руке, бегущего по настилу из бревен и махавшего нам рукой, чтоб не отставали от него. На войне мне приходилось видеть гибель многих, среди которых были и сослуживцы – члены танковых экипажей. В действиях этого солдата вижу самопожертвование и великий подвиг. Он не пожалел сво-

ей жизни, для того, чтобы открыто под вражеским огнем указать путь наступающим танкам. Он беззаветно служил Отчизне и отдал жизнь Родине.

В этот день наши подразделения, почему-то без артиллерийского прикрытия, пытались прорвать оборону немцев. Наш танковый батальон, сопровождая наступающую пехоту, вел огонь по пулеметным и артиллерийским огневым точкам. Стреляли мы и по немецким окопам, чтобы прикрыть наших наступающих солдат. Однако, прибывшие из глубокого тыла, из Средней Азии, необстрелянные бойцы под немецким огнем залегали и отползали назад, скрываясь в складках местности. Так, в движении, то вперед, то назад, прошел целый день.

Вечером перед заходом солнца меня вызвал к себе комбат и дал задание – танковым взводом, в указанном им месте, продвигнуться к немецкой обороне и выявить наличие артиллерии. Сказал мне: «Сынок, как только немецкие пушки начнут бить по вас – возвращайся». Выполняя приказ, подошли к немецкой обороне. Солнце зашло, и стало темнеть. Мы прошли первую линию немецких окопов, но они пушечного огня не открывали. Стреляли из противотанковых ружей. Заметил, как на левоидуший танк залезли немцы. Мне пришлось их срезать пулеметными очередями. Пока этим занимался, на корме нашего танка появился огонь. Видимо, немцы бросили бутылку с зажигательной смесью. Кричу механику, прибавь скорость – может, этим собьем огонь. Танк рванул и через некоторое время полетел вниз. По темноте механик не заметил глубокого оврага. При падении танк перевернулся и, на наше счастье, грохнулся на гусеницы. От падения огонь на корме потух. Выключили сразу двигатель. Прислушались -вроде тихо, лишь где-то раздавались выстрелы. Вылез из танка, осмотрелся. Гусеницы на месте. Овраг оказался очень глубоким и широким. Зарос кустарником и кое-где высокими деревьями. Наступившая темнота нас скрывала. Решил дождаться рассвета. Велел экипажу отдохнуть. Через пару-тройку часов у меня глаза стали слипаться. Разбудил башенного стрелка и велел ему дежурить, а сам прикорнул. По какому-то чувству тревоги вдруг проснулся и увидел, что все спят сладким глубоким сном, и кто-то даже храпел.

У нас запор люка башни танка был сломан. Любой немец мог бы тогда открыть люк и без труда уничтожить сонный экипаж, на

это хватило бы одной гранаты или пару очередей автомата. Начиная рассвет. Вылез из танка и, пройдя метров двести, обнаружил пологое место оврага, из которого можно было выехать. Мы так и сделали. Завели мотор. Танк тронулся. Все нормально. При возвращении к своим обнаружили ДЗОТ, который уничтожили. Вернувшись к своим, мы снова повели наступление на оборону немцев. И мы сумели ее прорвать благодаря прибывшим к нам на подмогу батальонам автоматчиков.

Что касается последнего боя, то для меня он произошел, когда наши войска отступали к г. Сталинграду. Рано утром 12 июля 1942 года моя танковая бригада пошла в контр наступление. Нашей танковой роте была поставлена задача прикрыть левый фланг бригады. В роте оставалось 4 танка, в числе которых был танк комроты и мой взвод в составе 2 танков. Двигаясь мы пересекли железную дорогу под ж.д. мостиком, под которым проходила полевая дорога. Затем, свернув с дороги влево, прошли паханым и незасеянным полям пару километров и вышли на высотку. С нее в 300-400 метрах увидели дорогу, по которой на восток, в сторону Сталинграда, двигалась немецкая механизированная колонна. Автомобили и бронетранспортера с солдатами, орудия на мех. тяге занимали всю дорогу от горизонта до горизонта.

Мы развернулись и, двигаясь к дороге, открыли из пушек огонь по немецкой колонне. От нашего огня на дороге все смешалось, подбитые автомобили и иная техника образовали затор. Головная часть быстро ретировалась на восток. Другая часть колонны, теряя технику от нашего артогня, стала расползаться как тараканы в разные стороны дороги. Ведя огонь по немцам, мы не жалели боеприпасов, т.к. их у нас было много. Снарядами мы загрузили все свободные места в корпусе танка и башне. Мы даже на пол, под свои ноги, наложили снарядов. Для двух имевшихся у нас пулеметов имелось более 12 тысяч патронов.

Немецкие солдаты из подбитых автомашин стали прятаться по кустарнику, растущему вдоль дороги и занимать брошенные нашими войсками окопы, вырытые перпендикулярно дороге, фронтом на запад. Они также маскировали и разворачивали без боя уцелевшие орудия. Их них они не успели открыть огонь, как на нашу роту налетели немецкие бомбардировщики. Их было около двух

десятков. Самолеты организовали карусель, став друг за другом пикировать на наши танки и сбрасывать бомбы.

От взрывов немецких авиабомб ясное солнечное утро практически превратилось от поднятой взрывами земли в ночь. Несмотря на авиабомбежку наши танки продолжали маневрировать и вести артогонь по немцам.

Авиабомбами первым был подбит танк командира роты, затем подбит второй танк, двигавшийся рядом с танком командира роты. От взрыва авиабомбы потерял ход и мой танк. Командир рядом идущего со мной танка лейтенант Алексеев по радио сообщил мне, что мой танк видимых повреждений не имеет, гусеницы на месте. Он предложил отбуксировать мой танк с голого бугра в кустарник, в укрытие, где можно снаружи его осмотреть и возможно отремонтировать. Я дал согласие. Танк Алексеева, продолжая вести огонь по противнику, подъехал к моему танку, а наш башенный стрелок стал тащить к нему буксирный трос. В это время на нас стал пикировать очередной бомбардировщик. Я с башни стал кричать Слепцову Петру, чтобы он спрятался под танк. А он стоит, держит в руках трос, оглянулся на меня и как будто ничего не слышит. Падает бомба. Взрыв. Где стоял Петр, образовалась глубокая воронка. Он исчез, не осталось никаких следов. Все превратилось в прах. Погиб же он недалеко от своей родной деревни. Танк Алексеева в ходе дальнейшей бомбардировки тоже потерял ход, но продолжал вести огонь по противнику.

Я тоже продолжал стрелять из пушки по немецкой колонне и по немцам, которые заняли наши окопы, находившиеся от меня не более чем 150-200 метров. Делал это для того, чтобы они не нагнали и не стреляли из противотанковых ружей и пулеметов.

После того, как «Юнкерсы» отбомбились и улетели, по моему танку и танку Алексеева немцы стали вести стрельбу из уцелевших орудий.

На английских танках «Матильда» имелась крепкая броня, которая доходила в лобовой части башни и корпуса до 200 мм. Поэтому при прямом попадании немецкий снаряд не всегда пробивал броню. Я до сих пор хорошо помню серный запах от взрывчатки снарядов, попавший в танк, который вместе с воздухом затягивался вентилятором внутрь.

После попадания очередного снаряда по танку заметил внизу корпуса дневной свет. Механик доложил, что дневной свет появился от того, что взрывом снаряда был отогнут кусок броневых листа. Наше противоборство с немцами продолжалось, но вдруг в этом месте, где появился дневной свет, разрывается снаряд. От осколков этого снаряда гибнут механик-водитель и радист. Я же ощущаю сильнейшую боль в правой ноге, как будто бы ее вживую выдернули.

Судя по пробоине в металлическом листе башенного механизма размером около 8 см понял, каким осколком был ранен. Не будь на его пути металлического листа, осколок отрезал бы мне ногу, а так, обессиленный, он лишь раздробил мне кости. Выше колена жгутом перетянул ногу. Пока этим занимался и не стрелял, немцы решили, что мой танк окончательно уничтожен. Смотрю в прицел и вижу, что они на плащпалатке стали осторожно тащить окоп лампасника-генерала. У него вся голова была перевязана бинтом, на котором виднелись следы крови. Это я его ранил, когда по окопам, где находились немцы, стрелял из пулемета. Видя, что из моего танка прекратилась стрельба, немцы подняли генерала на руки и быстрым шагом, почти бегом устремились в тыл. Я тщательно прицелился и всю эту группу с генералом в количестве 8-10 человек уничтожил очередями из пулемета. Никто из них не ушел, все остались лежать на земле.

Надо сказать, что из танкового и стрелкового оружия я стрелял очень хорошо. Однажды в бою, даже в бегущего немца попал бронебойным снарядом. В 1945 г. на Всесоюзных стрелковых соревнованиях занял пятое место по снайперской стрельбе.

Гибель генерала немцам пришлось не по вкусу. Они снова стали обстреливать мой танк. Им удалось повредить пулемет и заклинить башню, в результате я не смог ее вращать в круговую. Кроме того, они с двух сторон направили к моему танку по 6-8 человек автоматчиков, развернутых в цепь. Крутнул башню влево, до левой цепи башня не поворачивается, стрелять не могу. Крутнул башню вправо, прицел орудия уперся в самого крайнего солдата. Выпустил по нему пару снарядов – цепь залегла. Смотрю в левую цепь – и здесь немцы залегли, хотя по ним я не стрелял.

Воспитанием было вписано в крови – не оставлять врагам исправное оружие. Поэтому вынимаю из пушки стреляющее при-

способление и выбрасываю его из танка. Сейчас все это кажется смешным. Кладу в карман гранаты Ф-1. Для себя наружу выбросил автомат-пистолет «Томсон».

Через люк днища танка вылезти не мог, днище касалось земли, поэтому выкарабкался через люк башни. Немцы хоть и стреляли, но не попали. Очнувшись на земле, осмотрелся, автомата не заметил. Пополз к соседнему танку и возле него увидел механика-водителя. У него одна нога по колено была оторвана (по виду как бы отрублена топором) и была перехвачена ремнем. Вторая нога тоже имела такой же вид, но голень держалась на куске кожи. Кроме того, у него во лбу торчал осколок снаряда. По его словам, ноги ему отрубил люк, сорванный взрывом попавшего снаряда. Я ему перетянул ногу ремнем, что уменьшило кровопотерю. Он мне говорит: «Зря ты это делаешь, лучше пристрели меня, чтобы я меньше мучился». Ему отвечаю, что его просьбу выполнять не буду. Сам его дотащить не могу, так как не обладаю силой по случаю ранения. Предложил ему полежать, пока я постараюсь кого-либо найти, чтобы его вытащить.

Только я отполз от него к соседнему танку метров на сорок, как у раненного механика появились четыре немецких автоматчика. Один из них прикладом автомата ударил раненного по голове, а затем они что-то вытащили у него из карманов комбинезона. Я лежал, не двигался и смотрел в их сторону. Заметив меня, они что-то стали кричать по-немецки, видимо, предлагали подойти к ним. Я продолжал лежать. Тогда они все четверо стали стрелять в меня из автоматов. От их расстрела пули рвали землю вокруг меня, но ни одна не попала. Только с левой петлицы распахнутого воротника пулями были оторваны два кубика – знаки воинского звания лейтенанта. Расстреляв по рожку, немцы разошлись, двое пошли куда-то в сторону, а двое направились в мою сторону.

Сразу понял, что идущие в мою сторону немцы меня добьют. А что оставалось делать в моем положении? Сильно хотелось пить, а надвигалась смерть, и другой альтернативы не было. Вытащил из кармана две гранаты-лимонки, отогнул у их лапки у чек и, потянув за колечки немного, их вытянул. Подготовил, как говорится, на «Товсь». Решил, что, как только немцы подойдут, подорву себя с ними. До сих пор ярко помню, что после этого решения посмотрел на небо! Оно было голубым, таким глубоко голубым, на нем не

было ни одного облачка. Небо было таким прекрасным, красивым, а внизу поле брани, погибшие люди. Такого неба в своей жизни я больше не видел. Помню, как мне подумалось, что такую природную красоту и свою жизнь придется покинуть.

Немцы приближались и о чем-то между собой переговаривались. Чем ближе они подходили, тем сильнее вздрагивали руки, держащие гранаты. Сил у меня было мало, а потому, как только они близко подошли, я дрогнул и, против своей воли выдернув чеку, слабой рукой швырнул гранату. Видел, как она покатилась к ногам немцев. Взрыва не видел и не слышал, на некоторое время я отключился – потерял сознание. Когда очнулся, то увидел, что будто бы один из немцев шевелится и, как мне показалось, ползет ко мне.

Собрав последние силы, я быстро пополз. Наткнулся на вдавленный в грунт танковый гусенечный след, по которому продолжал ползти. Часа через два или три меня заметили немцы, занявшие позиции в кустарниках слева от меня. Они из миномета стали обстреливать меня. Причем они долго охотились за мной. Думаю, что они стреляли ради интереса: попадут или не попадут. Как только где-нибудь выползу на пригорок в зону их видимости, они начинают стрельбу из миномета. Стреляли они очень хорошо, метко. Одну мину они уложили рядом возле меня. От взрыва мины мой левый бок был поражен осколками. В левую руку впилось около трех десятков мелких осколков. Сейчас ношу часть не вынутых осколков в левой ноге, левой руке и голове. Если бы не препятствие в виде войлочного рубца танкошлема, осколок мог бы более глубоко проникнуть в мозг.

В середине дня, когда полз, носом уткнулся в баклажку. Такую стеклянную, обшитую брезентом. В баклажке была жидкость, стал с жадностью ее пить. После того, как выпил, понял, что в баклажке была водка.

К вечеру увидел, как бежит человек, по которому немцы стреляют из пулемета. Он падает и снова делает перебежки. Я окликнул его, он подбежал и упал возле меня. Это оказался радист танка командира роты. Он мне говорит, что вот думал, что в живых из роты остался только он, но нашел еще одного живого, т.е. меня.

Он стал мне помогать ползти, пробовал нести меня на своей спине, но кончалось тем, что немцы начинали стрелять из пулемета. Иной раз их пули рвали землю у его ног, ему приходилось

падать, от чего я испытывал сильнейшие боли. Решили, что он побежит к своим за помощью.

Солнце уже заходило за горизонт, и я с высоты увидел, что, как только радист подбежал к дороге, что проходила под ж.д. мостиком, как там вдруг появился танк. Радист остановил его, а затем забрался на него, и они направились ко мне. Подъехав, танк прикрыл меня от немцев своим бортом и открыл по ним стрельбу из пушки и пулемета. Меня водрузили на броню танка и отвезли в расположение нашего батальона.

Комбат спросил меня, смогу ли я сидеть в кабине грузовика «Студебекер», которые доставили топливо и боеприпасы и сейчас уходят в тыл. Я согласился. Меня из танка перенесли в кабину «Студебекера», и мы поехали. В пути попали в большую дождевую лужу, и автомобили, хотя и относились к классу вездеходов, в ней застряли. Хотя и было темно, но немцы открыли минометный огонь по застрявшим автомобилям.

Появилась откуда-то советская полуторка «ГАЗ», которая без помех преодолела грязевую лужу, в которой мы застряли. Водители двух «Студебекеров» стали кричать солдатам на «Газике», чтобы они взяли меня. Меня перенесли и положили в кузов полуторки, и в это время немецкая мина попадает в кабину «Студебекера», в которой я находился. Водитель полуторки, увидев этот взрыв», так рванул, что мы по темноте некоторое время ехали на большой скорости. Ехавшие на полуторке солдаты, стали спрашивать меня, знаю ли я дорогу в тыл. Дорогу-то я знал, но знал и то, что она ранее обстреливалась немцами.

Чтобы не нарваться на немцев или по темноте не застрять, предложил подождать до утра. Остановились, а рано утром указал, где находится дорога. Полуторка ехала по дороге, и немцы нас почему-то не обстреливали. Солдаты везли меня почти целый день в Северном направлении, пока не попался санбат. Врачи ножницами разрезали мои хорошие хромовые сапоги и штатнину. Открылась рана, вижу, из нее торчит что-то белое. Вытянул его рукой – это оказался приличный осколок трубчатой кости. Положили ногу на лангет и, погрузив в санитарную автомашину, повезли дальше. В одном селе, вечером, внесли в колхозный амбар и положили на носилках на пол. На полу лежало тяжело раненных человек двадцать, доносились стоны.

Вижу, медсестра прогоняет от дверей старушку с девочкой, которые принесли еду для раненных. Я, наверное, около трех суток ничего не ел и, будучи голодным, ругнулся на медсестру. Она пустила бабушку с внучкой ко мне, и они стали меня кормить картошкой, яйцами, пирожками и молоком. С жадностью, по-волчьему ел все, а они с удовольствием кормили меня своими припасами.

Когда они ушли, я осмотрелся и понял, почему медсестра прогоняла бабушку. Дело в том, что в углу амбара стоял стол, заваленный продуктами сельчан. Во время войны жители советского государства ничего не жалели, чтобы оказать помощь солдатам. Мне приходилось в прифронтовой полосе иногда ремонтировать обувь или одежду. Зачастую, и мастеровская, и частники отказывались брать деньги за ремонт. Иногда даже за продукты денег не брали. Народ, чем мог, тем и помогал фронту. Сдавали ценности, теплые вещи и деньги. Отправляли на фронт посылки. Вязали для фронтовиков теплые варежки и носки. Собирали деньги на самолеты и танки. Каждый старался помочь фронту. Когда я вернулся из госпиталя домой, мне было назначено пособие по инвалидности. Это пособие я ни разу не получал, т.к. отказался в пользу фронта.

После Сталинградского сражения к нам в маленький дом в г.Энгельсе стали на временный простой 7 человек солдат и сержантов, защитников указанного сражения. Моей матери они принесли ведро жира лярда и сказали, что у них больше ничего нет для питания. Мать стала им варить и жарить картошку. Кроме того, у нас имелись три кадки с солеными огурцами, помидорами и квашеной капустой. С этими припасами, да еще когда они в домашнем корыте обмылись и обстирались, для них наступила веселая жизнь. Через неделю она стала еще лучше. Они получили крупу, макароны, хлеб и консервы, которые появились на общем столе.

На утро меня из амбара снова повезли, ехали весь день, а ночью в сельской школе, где обосновался госпиталь, мне сделали операцию. Уложили меня на стол, под столом у стен классной комнаты стояли корзины, наполненные кровавыми бинтами, ватой, конечностями рук и ног. От этого, что увидел, в голове появились грустные мысли.

Подошел молодой врач-хирург и кистью своей руки стал постукивать по ноге от раны и выше колена. Я же стал думать, что это он определяет, сколько нужно отрезать от ноги. Тут же хирург попросил

медсестру налить ему в кружку спирт, который он выпил. Я ему говорю, почему сам выпил, а раненому не даешь. Он меня спросил, ты, наверное, танкист. Даю положительный ответ. Он продолжает рассуждать, почему это все танкисты просят выпить. Сестра налила мне почти половину кружки спирта, который я выпил.

Операция прошла успешно, рану прочистили, наложили гипс. Из руки и ноги вынули минные осколки. Остался я с целой ногой. Правда, после операции чуть не погиб. Положили меня на носилках в палатку, где лежали раненные. Там я встретился с товарищем Дьячковым, с которым учился в танковом училище. Он лежал рядом со мной. Мы перекинулись несколькими фразами, потому что он с трудом мог говорить.

Рано утром немецкие бомбардировщики совершили налет на госпиталь. От разрывов бомб наша палатка была испещрена осколками. Дьячков погиб, осколок попал ему в голову. Мне же повезло. Из этого палаточного госпиталя меня перевезли в г. Воронеж. Я лежал в классной комнате одной школы на втором этаже. В это время шли бои за этот город. Раненых стали эвакуировать в глубокий тыл. Медсестрами в госпитале были молоденькие девушки, некоторые из них – старшеклассницы. По своему физическому складу тогда я весил около 90 кг. И когда медсестры брались за мои носилки, чтоб перенести, то тут же в виду тяжести их оставляли, говоря, что вынесут мужчины.

Вывезли всех раненных, остались лишь в школе на классном полу на носилках я и один солдат, у которого вес был более моего. Видимо в спешке о нас забыли. Мы лежим. В школе наступила тишина. Вдруг солдат стал периодически громко со всей силы кричать. Его крик услышали на улице, а затем мы слышали топот идущих по коридору людей. Я подумал, вот черт возьми, может, это идут немцы. Тогда ведь полгорода было захвачено немцами. Открывается дверь, и первое, что я вижу, – появляется нога в ботинке и обметках. Ух, это наши. Вошли два солдата и спрашивают, что кричите. Отвечаем, что нас забыли. Они вынесли нас на носилках на улицу, а потом остановили идущую грузовую автомашину. Погрузили в кузов. Водитель грузовика вывез нас из города к какому-то железнодорожному разъезду. Поставили носилки на травку. Ждем. Железнодорожники притормозили идущий санитарный поезд, на который погрузили нас.

Приехали в г. Саратов, там меня отвезли в военный госпиталь. Там попросил одну медсестру отправить моей матери телеграмму. В г. Саратове находился несколько суток, после чего меня и других тяжело раненных стали из госпиталя вывозить за город и складировать на носилках вдоль железнодорожного полотна.

Лежу и думаю, жаль, что не увижу свою маму. Потом обращаю внимание, как одна женщина идет вдоль длинного ряда носилок и рассматривает раненых. Приближается ко мне, вижу – это моя мама. При виде меня она заплакала и стала говорить, что она рада, что я остался живым. Она сидела возле моих носилок, кормила меня и других раненных своими продуктами, пока не подошел за нами санитарный поезд. Так я оказался на излечении в таджикском военном госпитале. Больше в армии не служил и на фронт не попал.

Я подсчитал, что на фронте, в боевой обстановке, под огнем противника провел всего 74 дня, в течение которых мне повезло, по счастливой случайности удалось выжить. Считаю это очень и очень большим сроком. И когда слышу, как некоторые утверждают, что на фронте они пробыли от первого и до последнего дня войны – не верю.

Могли служить в армии всю войну, но провести всю войну в окопах или участвовать в атаках или иных боевых операциях – это практически невозможно.

В заключение своих воспоминаний отдаю должное тому, что наш народ сражался насмерть с фашизмом, когда вся Европа лежала под ним и ему помогала. Мы победили. Слава нашей армии и народу!

История с наградами

В 1951-52 гг., когда я был слушателем академии, я был задержан на улице г. Москвы офицерским комендантским патрулем и доставлен в комендатуру. Там мне предъявили обвинение в нарушении ношения военной одежды, выразившейся в том, что на кителе не было планочек от наград или самих медалей и орденов.

Сотруднику комендатуры заявил, что я не имею правительственных наград, поэтому мое задержание является не законным. Он же после этих слов обвинил меня еще и во лжи.

Вы, говорит он, носите погоны капитана, а капитанское звание присваивают через 7-8 лет службы. Следовательно, вы служили в период Великой Отечественной войны и, как все военнослужащие,

получили медаль «За победу над Германией», а также могли быть награждены и другими медалями за выслугу лет и в связи с 40-летием Красной Армии.

Меня отпустили и сказали, что о моем нарушении Уставных требований и за дачу ложных объяснений они сообщат командованию Академии.

Действительно, через некоторое время меня вызвал на ковер зам. нач. Академии и ознакомил с поступившим из комендатуры письмом. Я ему объяснил, что правительственных наград действительно не имею, а потому изложенные в письме обвинения не основательны.

Зам. начальника приказал принести ему мое личное дело. Полистав его, задумчиво говорит: «Действительно воевал, был тяжело ранен, а положенных наград не имеет». Под конец разговора пообещал направить представление в наградной отдел, чтобы меня наградили медалью «За победу над Германией».

Проходит некоторое время, он меня снова вызывает и с сожалением сообщает, что в 1950 году вышел Указ Президиума Верховного Совета об окончании награждения выше указанной медалью.

Проходит примерно лет тридцать со времени окончания Отечественной войны, как мне вручают орден «Красной Звезды» за героизм, проявленный на фронте. После этого проходит еще лет десять, как мой шеф-генерал вызвал к себе и дал мне лист для ознакомления. На листе бумаги был напечатан Указ Президиума Верховного Совета СССР. В нем указывалось, что за участие в Великой Отечественной войне и проявленный героизм награждается ряд лиц медалью «За победу над Германией». В этом указе были перечислены фамилии около десятка генералов и одна моя фамилия полковника. Вот какие были перипетии с награждениями меня медалью «За победу над Германией».

После более чем тридцатилетней службы в органах госбезопасности вышел на пенсию. И вот однажды жена моего брата прислала мне из г. Саратова вырезку из газеты с заметкой «Награда ищет героя». В ней говорилось, Пискунов, с моими биографическими данными, награжден орденом «Боевого Красного Знамени». Написал письмо в наградной отдел Министерства обороны, и вскоре мне в торжественной обстановке вручили орден. Прошло около 50 лет, как эта награда нашла владельца.

Во время войны мы сражались не за награды, да о них совершенно не думали. Не помню случая, чтобы в нашей танковой бригаде кого-либо награждали. Тем более, что это происходило при оборонительных боях, при которых мы отступали. За что можно было награждать? Это подтверждается следующим. Однажды в каком-то источнике прочитал, что за первый год войны было награждено всеми видами наград около 30 тыс. военнослужащих. На многомиллионную армию это был мизер. Когда же наша армия стала побеждать немцев, были установлены новые ордена: «Победы», «Суворов», «Кутузов», «Александр Невский», «Богдан Хмельницкий», «Отечественная война», «Слава» и многие медали за оборону, взятие и освобождение городов, а также медали для партизан. За храбрость и мужество в последние победные годы войны были награждены миллионы солдат и офицеров.

Мне захотелось узнать, за какой конкретно воинский подвиг я был удостоен высокой награды ордена «Красного Знамени». Написал краткий запрос в армейский архив г. Подольска. Примерно через полтора-два года получил ответ. Вот что в нем сообщалось: «В наградном листе к приказу войскам Сталинградского фронта №43/н от 26.9.42 г., по которому Пискунов М.Ф. награжден орденом Красного Знамени записано: «В бою за д. Татьянавка проявил мужество и отвагу. Своим танком подавил противотанковое орудие и два пулеметных гнезда вместе с прислугой. Прямым попаданием снаряда его танк был подбит, механик-водитель и командир орудия были убиты. Тов. Пискунов, будучи тяжело раненным, продолжал вести огонь по противнику, уничтожив до 10 немецких солдат».

Все, что описано в наградном листе, меня удивило. В бою у д. Татьянавка все было так, как описано в наградном листе, за исключением того, что танк был подбит, а я был ранен. Мое ранение произошло позже, в бою возле железной дороги (название станции не помню). Тогда наша танковая рота, хотя вся погибла, в живых кроме меня остался радист командира роты, но ценой своей гибели врагу нанесла очень большой урон. Было также прервано продвижение противника.

Думаю, что об этом конкретном бое руководство бригады могло и не узнать подробностей. Так как я по случаю ранения о нем не докладывал, а выживший радист, находясь в танке и не имея окон и перископов, подробностей не наблюдал, поэтому описать, как про-

исходил бой, он не мог. Поэтому, как я думаю, штабные работники в наградном листе за бой у д. Татьянавка приписали мне ранение, полученное в другом бою.

За это я не в обиде на штабных работников. В бою, в котором я был ранен, нашей танковой ротой было уничтожено много боевой техники и вражеских солдат из походной колонны немцев. Главным же для меня является то, что тогда после ранения мне удалось уничтожить германского генерала и группу штабных офицеров. Этим я доволен и имею удовлетворение от этого до сих пор. Вот, оказывается, какие бывают случаи с наградами... [149]

Писулин А.В. **Неожиданная атака**

...Мне, как участнику Великой Отечественной войны, хочется поделиться впечатлениями о боевом пути нашей гвардейской танковой бригады в 1941-1943 гг. Фашисты к Москве скинули внушительную наступательную технику, отборные войска. Под Москвой нашим воинам приходилось нелегко, но мы выстояли. Бригада участвовала в боях на дальних и ближних подступах обороны Москвы. Мне не забыть тяжелых боев, в дни наступления на Волоколамском направлении. Наша бригада вела бои за станцию Снегири, где закрепились гитлеровцы. Несмотря на крайне невыгодные позиции, советские бойцы выбили врага со станции Снегири и продвинулись на 20 километров вперед. В этих боях бойцы и командиры бригады проявили образец мужества и героизма. Несмотря на отчаянное сопротивление фашистских войск, оборона была прорвана и освобождены города Волоколамск, Шаховская, Зубцов, и мы подошли вплотную к гор. Ржеву.

Вспоминается такой случай, когда на Рогачевском направлении три наших танка вели бой с двадцатью фашистскими танками, подожгли девять, а остальных обратили в бегство. За прорыв немецкой обороны и взятие городов командование армии, после пополнения боевой техники и личного состава, назвало нашу танковую бригаду – гвардейской.

После продолжительных боев за освобождение Ржева наша бригада, получив пополнение, была направлена в район города Ка-

лача, откуда повела вместе с другими воинскими подразделениями наступательные операции. Бригада участвовала в наступлении на Украинском фронте в районах: Сватово, Красный Лиман, Лисичанск, Славянск, Северодонецк, Краматорск и Красноармейск.

В одном из боев я был ранен осколком мины в плечо. Получил медицинскую помощь, стал работать связным при штабе. Особенно бригада отличилась в боях при взятии города Красноармейска. Здесь наши войны в ночном бою прорвали оборону врага у гор. Краматорска и за ночь прошли путь с боями 80 км, освободив город Красноармейск.

В один вечер немцы предприняли контр наступление на деревню около Красноармейска, где находился наш штаб. Танк, поставленный для обороны штаба, стоял замаскированным. Вдвоем с механиком, на глазах у немцев, мы завели машину и, стреляя по фашистам, вырвались из окружения. Так была спасена боевая машина.

После Красноармейской операции наша бригада вела бои в окрестностях Северного Донца, где я получил тяжелое ранение и был эвакуирован в тыловой госпиталь.

Нельзя не вспомнить и боевые действия гвардейского тяжелого самоходного артиллерийского полка. Полк участвовал в боях на Прибалтийском фронте в районах: Вайноде, Шауляй, Балдоне и других. Полк был обеспечен отличными тяжелыми самоходными орудиями. Эти орудия являлись грозой для всех фашистских танков, включая «тигры».

Полк принимал непосредственное участие в прорывах обороны немцев и, не раз её прорывая, уходил в тыл фашистов, нанося чувствительные удары по фашистским войскам. Вспоминается один боевой эпизод полка в тылу немцев.

По распоряжению командования армии полку дали задание: ночью тылами противника выйти на Рижское шоссе и на рассвете принять участие в наступлении с основными войсками на гор. Балдоне. Полк в ночном переходе, по ошибке, вышел на тыловую дорогу немцев в гор. Балдоне и, оказавшись в 1,5 км от города, принял решение произвести налет с тыла на вражескую оборону города. Командир полка принял решение повести наступление на город своими силами на два часа раньше общественного наступления.

Все боевые машины тут же получили боевое задание выйти на окраину и вести огонь прямой наводкой. Атака была настолько стремительна, что фашисты даже не могли опомниться. От неожиданного налета фашистские войска не успели развернуть даже свои полевые орудия, как наши самоходки ворвались в город и уничтожили все их огневые средства...

Мы видели, как из штаба гитлеровцев, который размещался в двухэтажной каменной школе, фашисты прыгали в нижнем белье со второго этажа и бежали без оглядки. За находчивость и отвагу, проявленные в этом бою, верховное командование объявило благодарность нашему полку особым приказом. Большая группа воинов, в том числе и я, была награждена орденами и медалями... [150]

Платонов Константин Захарович **И вдруг взрыв**

В 17 лет призван в армию. В 1943 г. попал в роту истребителей танков. В этом же году присвоили звание младший сержант, после этого послали на фронт в 549 отдельный саперный батальон в штурмовую роту. В одно время меня заставили снимать минное поле. Я нашел мину, взял ее в руки, а в 7-8 метрах от меня работал другой солдат и вдруг взрыв, Я думал, сто это у меня, но нет, это у того солдата. Он выжил. Летом попал в роту связи в Белоруссии. Я стал связистом. 16-18 апреля мы форсировали Одер. Немцы взорвали плотину, а мы вплавь переносили связь. Там мы встретили конец войны [151].

Погосян Самвел Теванович **Какой институт? Война началась!**

Весть о войне я узнал от моего однокурсника по институту в Тбилиси – Сергея Антоняна. 22 июня 1941 года в 8 часов утра я пришел к нему, чтобы вместе отправиться в институт для выполнения лабораторного задания по гидравлике. Я зашел во двор дома Сергея и крикнул:

– Сергей, я уже пришел, давай, выходи – поедem в институт.

Сергей вышел на балкон и ответил:

– Какой институт? Война началась!

– Какая война? О чем ты говоришь? – спросил я.

– Да, война! Что, ты не знаешь? С 4-х часов утра уже идет война, подымайся ко мне – послушай радио...

На самом деле. Один за другим передавалось по радио выступление Молотова о вероломном начале войны, заканчивающееся словами: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

Первоначально я не верил своим ушам. Ведь всего два года назад был заключен «Пакт о ненападении» между СССР и Германией. Однако, факт уже на лицо. Мы еще не осознали всю серьезность новой ситуации и решили направиться в институт. Студенты и преподаватели были еще в обычном настроении и занимались своими обычными делами. Выполнив лабораторное задание, мы вышли из института и пошли по улицам города. Примерно в середине дня на улицы вышли грузовые машины ГАЗ-АА, на кузовах которых стояли представители военкоматов и через громкоговорители призывали всех записаться добровольцами для защиты Родины. Таких машин было много также как и добровольцев. Тем не менее все это происходило спокойно, без какой-либо суеты. Вечером мы с Сергеем зашли в центральный парк культуры, там кругом царило обычное веселье, на нескольких эстрадах звучала музыка и с прежней беззаботностью танцевала молодежь. В начале первого ночи я вернулся домой. Сразу же ко мне подошла мать, строго и взволновано спросила:

– Где ты был до сих пор?

– С Сергеем ходили по городу.

– А что случилось? – спросил я.

– Мы получили повестку – Ерем (мой старший брат) должен явиться на сборный пункт завтра в 8 часов. Мы сели за стол для прощального ужина и до сих пор ждем тебя, а тебя нет и нет...

Это обращение матери ко мне стало моим первым шоком. Всю ночь мы не спали и пытались угадать судьбу брата, рассеять тревожные мысли. Утром всей семьей пошли на сборный пункт, откуда вскоре всех призывников повели по направлению к центральному сборному пункту в Мухете (18 км от Тбилиси). С колонной призывников

также шли их родные, в том числе и мы – мои родители, сестра и я. По прибытии на место, призывников посадили в пульмановские вагоны и отправили на фронт. Мы вернулись домой, навстречу вышла соседка и вручила телеграмму из Грозного от моего среднего брата Ефрема о том, что в этот день он по мобилизации ушел на фронт.

За первые несколько дней были направлены на фронт также все мои двоюродные братья и близкие с нами молодые ребята. Мне тогда было 23 года. От призыва я был освобожден в связи с тем, что был студентом института инженеров железнодорожного транспорта. Однако вскоре 30 студентов этого института, в том числе и я, явились в райвоенкомат и отказались от предоставленных нам льгот, изъявив желание добровольно вступить в ряды Советской Армии и сражаться вместе с нашими братьями. Желания наши были удовлетворены, и я был направлен на фронт.

Участвовал в обороне Москвы и во взятии Берлина. В 1947 окончил Ленинградскую Военно-Транспортную Академию и прослужил в Советской Армии до 1957 года. Ушел в отставку в чине майора.

Братья мои погибли на фронте. Ерем – в 1942 году в Керчи, а Ефрем – в августе 1941 года под Харьковом [152].

Поздеев Дмитрий Николаевич **От этой семьи ничего не осталось**

Воевал на Юго-Западном фронте в пятой танковой армии. С декабря 1941 года по декабрь 1942 года был командиром строевого взвода 52-ой морской бригады. Был во взводе командир, а вместе с ним служили два его сына. Старший был заряжающим, младший подносил снаряды, а отец стрелял из пулемета. Меня он тоже считал за своего сына. Этот командир был украинцем, но из Сибири. Он говорил нам: «Вот кончится война, женю вас всех и буду вами радоваться!» И тут я сказал: «Я отойду на минутку...», но не отошел и на 20 метров, как в этот пулемет попала мина, и от этой семьи ничего не осталось, все погибли.

На этом же Юго-Западном фронте меня почти сразу же и ранило в ногу осколком. На лечение направили в госпиталь в город Омск.

После лечения попал на 2-й Прибалтийский фронт в 14-й стрелковый корпус 3131 стрелковой дивизии. Там был разведчиком. Несколько раз приводил «языка». С декабря 1942 года по декабрь 1943 года был командиром строевого взвода стрелкового полка.

В 1942 году был участником операции против 6-ой немецкой армии под командованием фельдмаршала Паулюса. Контрнаступление началось 19 ноября 1942 года мощной артиллерийской подготовкой, затем в бой были введены танковые и механизированные части. Значительная группировка немецких войск оказалась в окружении... [153].

Попков Василий Иванович

Каждый, погибая, взрывал ещё один танк

Служил в составе Черноморского флота с мая 1939 года по март 1948 г. В действующем флоте находился с 22 июня 1941 года по 19 сентября 1944 года.

С 19 июня 1941 г. корабль находился в повышенной готовности К2 (приказ НК ВМФ). 21 июня 41-го около 23 часов на корабле введена боевая готовность №1 (самая высокая), на палубу были поданы боевые снаряды и приказано усилить наблюдение. Обстановка была напряженная. Весь личный состав почувствовал серьезность обстановки и повысил организованность и решительность. 22 июня в 3 часа 30 минут командир передал сообщение о налете авиации на г. Севастополь.

В 3 часа 50 минут налет авиации на корабли и береговые объекты г. Вилково с артобстрелом. Вся система ПВО – кораблей и береговой обороны встретила противника на предельной дистанции. Орудие израсходовало 82 снаряда. На наших направлениях было сбито три фашистских самолета. Наш корабль не пострадал. Авиация и группа кораблей флота с 23 июня 41-го ежедневно наносила по противнику бомбовые и артиллерийские удары.

С 22 июня по 26 июня было несколько попыток противника занять десантом плацдарм на левом берегу Дуная. Но все их атаки были отбиты всеми видами оружия с тяжелыми для немцев потерями.

26 июня 1941г. на корабль приняли десант моряков и войска 95 молдавской дивизии и 25 дивизии им. В. И. Чапаева. Много при-

шлоось видеть и участвовать в артобстрелах, но до сих пор этот артиллерийский огонь по врагу с кораблей и берега остался в памяти из-за своей массивности. Берег противника перемешивался взрывами бомб и снарядов. Десант был успешно высажен на берег и закрепился на нем, а затем расширили до 70 квадратных километров. Это был первый десант, высаженный на территорию противника.

До 19 июня 1941 г. наши войска держали этот плацдарм, не позволяя противнику форсировать Дунай. Наш корабль поддерживал десант артиллерийским огнем орудия 130 мм (5 дм) и ежедневно отбивал воздушные атаки. Только по приказу командования наши войска организованно переправлялись обратно на левый берег и начали отход, а корабли взяли курс на г. Одессу. Вот так началась для меня Великая Отечественная война.

А вот один эпизод из обороны г. Севастополя. 7 ноября 1941г. (день 24-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции) группа истребителей танков из 18 батальона морской пехоты в составе: Николай Фильченков – политрук и красноармейцы: Василий Цибулько, Иван Красносельский, Юрий Паршин и Дании Одинцов (добровольцы) – со стрелковым вооружением и пулеметом заняла огневую позицию на перевале, севернее поселка Дуванкой.

Ждать врага долго не пришлось. К позиции моряков приближалось семь немецких танков. Василий Цибулько снайпеской пулеметной очередью по смотровой щели остановил головной танк, а два были подожжены Иваном Красносельским и Юрием Паршиным с помощью бутылок. Остальные танки и пехота повернули вспять.

Но вскоре ринулось на них пятнадцать танков. Василий Цибулько сумел остановить еще один танк пулеметной очередью, а затем, израсходовав все ленты, будучи тяжело раненным, подорвал гранатой другой танк. Иван Красносельский успел гранатой подорвать танк, но пал под свинцовыми струями. Фильченков, Паршин и Одинцов прикрывали товарищей от немецких автоматчиков и истребляли винтовочным огнем гитлеровцев, выскакивающих из горящих танков.

Оставшееся у них оружие решили использовать так, чтобы оно сработало наверняка. Политрук Николай Фильченков, прикрепив гранату к поясу, первым бросился под приближающийся танк.

Вслед за ним сделали то же самое краснофлотцы Даниил Одинцов и Юрий Паршин. Каждый, погибая, взрывал еще один танк. Подоспевшая помощь заставила врага отойти. Десять немецких танков осталость полыхать на крошечном пятачке.

Все пятеро: Н.Д.Фильченков, В.Г.Цибулько, И.М.Красносельский, Ю.К.Паршин и Д.С.Одинцов были посмертно удостоены звания Героя Советского Союза. Подвиг пяти показал, на какую безграничную самоотверженность способны советские моряки, вставшие на защиту Родины [154].

Попов Юрий Михайлович
И жизни своей не жалели
за счастье родимой страны!

В годы Советской власти защита Отечества была священной обязанностью каждого гражданина СССР. А труд – делом чести, делом славы, делом доблести и геройства. Красная Армия была любимицей народа и служба в армии самым почетным делом. И в Красную Армию мы все молодые шли с радостью и гордостью.

Уже в последних классах школы учащиеся имели хорошую военную подготовку. Делом каждого старшеклассника являлась сдача норм на значок ГТО (Готов к труду и обороне), а это предусматривало: бег на 100 метров за 13,5 секунды 1000 метров-3,5 минуты, прыжок в длину-4,5 метра, в высоту-120 сантиметров, метание гранаты-25 метров. На значок «Ворошиловский стрелок» при стрельбе в мишень с дистанции 50 метров нужно было набрать 45 очков из 50-ти и знать винтовку. Кроме того был и значок «ГСО» (Готов к санитарной обороне и противохимической обороне).

Помимо академических часов по военному делу, мы по своему выбору занимались в секциях спортивных обществ, которых было около 10 и даже в аэроклубе. Почти каждая школа имела свой не большой тир. Например в моей школе стрельбой в тире руководил парень – член комитета комсомола. В его распоряжении имелось 7 малокалиберных винтовок, цинковая банка с патронами, масленка, мишени и др. Все это хранилось в шкафчике с фанерными дверцами, запиравшимися на маленький ключик. Милиция наш тир не проверяла. За годы моей учёбы в школе не было какого-либо

ЧП – пропажи винтовок, патронов и пр. Стреляли мы практически неограниченно. Только надо было собирать стреляные гильзы и сдавать их руководителю стрельбы. Стрельба в тире, занятия в секциях спортобществ, в аэроклубе было бесплатным.

Мы – нас было 5 человек энтузиастов, занимались в аэроклубе и совершив прыжки с парашютом с самолета У-2 получили значки «Парашютист» и по школе ходили почти героями.

В спортобществах выдавали бесплатно спортивную форму: трусы, майку тапочки и спортивный инвентарь. Например, в своем обществе «Медик» (самое близкое от моего места жительства) я получил на сезон теннисную ракетку и 6 мячей. В парках культуры и отдыха (в Ташкенте их было 5) устанавливались парашютные вышки для тренировочных прыжков.

С большой охотой шла молодежь в военные училища и школы. В 1938 г был выдвинут лозунг: «Дадим Родине 100 тысяч летчиков!» Я как раз оканчивал среднюю школу и решил добровольно поступать по спецнабору ленинского комсомола в летную школу Красной Армии. И велико было моё огорчение, когда на медкомиссии не прошёл в лётную школу по зрению (левый глаз 0,8) и был направлен в техническую школу младших авиаспециалистов.

После окончания школы младших авиаспециалистов я служил в западной Белоруссии мотористом на самолётах У-2, Р-5, И-15 и поэтому к началу войны стал довольно опытным авиамехаником. В начале июня 1941 года нам приказали снять с самолётов оружие и слить горючее, так как скоро должны получать новые истребители ЛАГГ-3 и ЯК-1, но в июне их получить не успели.

Наш полк стоял в 1941 году не далеко от границы и можно было наблюдать поведение немцев. Они вели себя нахально. Фашистские самолеты-разведчики часто нарушали воздушную границу, а нашим лётчикам запрещалось их сбивать и даже перелетать свою границу, преследуя их. Как стало ясно позже, фашисты хорошо изучили дислокацию наших аэродромов и войск.

16 июня командиры заволновались. В эфире наблюдалась какая то активность. Срочно собрали всех радистов и приказали им записывать морзянку неизвестных радиостанций. Через несколько часов все стихло. Командиры не удомевали – что это? Впоследствии выяснилось, что немцы перед нападением на нашу страну так проверяли свою связь. В отличии от нашей радиосвязь у них

она работала отлично. А на наших истребителях, устаревшей конструкции, радиосвязи вообще не было. Рации имели только И-16.

Об этом факте – проверке немцами своей радиосвязи за несколько дней до нападения на СССР, даже после войны, нигде не сообщалось, а ведь это было явное указание на то, что враг готовился к нападению, подтверждая многочисленные сведения, что война начнётся. Это важное свидетельство того, что наш враг готовился к нападению заведомо. Разглагольствования о том, что СССР первый развязал войну – наглая ложь врагов нашей Родины. Внезапное, вероломное нападение 22 июня 1941 г. фашистов явилось величайшим потрясением для нас. Ну и ещё успокаивало сообщение ТАСС от 14 июня, что с Германией у СССР мирный договор и она его не нарушает.

21 июня 1941 года я был назначен в наряд – дежурным по эскадрильи. Вечером, почти весь лётный состав, средние командиры и техники уехали за 110 километров на спортивный праздник. После развода караула я с дневальными заступил на дежурство. В 3 часа ночи, как положено по уставу: не раздеваясь и не снимая сапог, расстегнув воротник гимнастерки и отложив в сторону противогаз, я прилёг на койку. Мне показалось, что только закрыл я глаза, как разбудил рев моторов и взрывы бомб. Я соскочил с койки. Сперва подумалось, что это очередная учебная боевая тревога, которые довольно часто объявлялись каждое воскресенье, но только после обеда. А тут...?

Кричу: «Тревога, в ружье!» Но уже без того все поднялись. Выбежали из подразделения и видим на месте стоянки самолётов взрывы, стрельба из пулемётов, самолёты горят. Над аэродромом проносятся самолёты с противным пульсирующим звуком и еще плохо видимыми чёрными крестами и жёлтыми консолями на крыльях. В голову пришло: Это война!

Мы отбежали в лес. Посмотрел на часы – на них без нескольких минут 4 часа. Нас собралось 21 человек – все сержанты, младшие сержанты и ефрейторы. Ждем командиров, но никого из них нет. Постепенно количество людей в лесу увеличивалось. Примерно часа через два, привезли самозарядные винтовки Токарева (СВТ) – с магазином на 10 патронов, со штыком-кинжалом., патроны в цинковых банках по 600 штук, ручные гранаты РГД-33 и Ф-1 («Лимонки»), запалы, детонаторы и противогазы «Боевые се-

кретные». Все это было очень необходимо, так как наши подсумки были пустые, а некоторые бойцы были без винтовок. Появился лейтенант с красной звездой на рукаве (что означало принадлежность к политсоставу), с автоматом, который мы увидели впервые.

Над нами на большой высоте пролетали на юго-восток двухмоторные бомбардировщики с пульсирующим звуком. Летели они (девять самолетов по три в ряд) их было много. Нас они не бомбили, видимо имели другое задание. Зато над нами часто появлялся двух фюзеляжный с двумя киями фашистский разведчик. Позже мы узнали, что это «Юнкерс-187», который через несколько дней солдаты стали называть просто «Рама».

Последовала команда – выходить на шоссе, а в небе опять явился немецкий разведчик и через полчаса прилетели одна за одной две девятки одномоторных «Юнкерсов» – пикирующих штурмовиков с неубирающимися шасси. Их потом наши солдаты прозвали «Лапотники». Мы отбежали от шоссе в рассыпную. Вели винтовочный огонь по самолетам, но не одного стервятника сбить не удалось. Впервые там я почувствовал, что такое бомбежка. Волнение и напряжение испытываешь большое при бомбежке, особенно, когда с воем летит бомба, то кажется, это она летит прямо на тебя и нет спасения. Невольно вжимаешься в землю. Но вот рванула бомба, хотя и близко, и земля под тобой дрожит, а ты остался жив, значит не твоя!

Через несколько километров перешли по уцелевшему мосту через небольшую речку. Заняли оборону и опять прилетела эта надоедливая «Рама», а через какое-то время опять появились несколько «Лапотников» и пикируя бомбили нас.

Занимая оборону, мы выискивали удобную лоцинку или бугорок, так как насыпать перед собой хотя бы маленький бруствер или окопчик не могли -саперных лопаток не было. Появились танки с крестами на бортах, с пехотой, шедшей за ними. Бой продолжался очень долго. Танки фашистов прорвались по шоссе и по мосту, а нам пришлось оставить свою не выгодную позицию. Стало ясно, почему немцы не бомбили мост – берегли для себя.

У немцев автоматы, бьют миномёты, а у нас нет даже ручных пулемётов «ДП» (Дегтярев пехотный с круглым диском.). Мы отходили, но вели бой до вечера. Когда начало темнеть немцы прекратили атаки. Так закончился наш первый день войны. Ночью со-

вершили марш в сторону города Минска. На шоссе ревели моторы танков и машин врага. На просёлочной дороге встретили колонну из полуторок, грузовиков «ЗИС-5» с укрепленными на задних бортах белыми листами бумаги, чтобы машины не столкнулись темноте. Фары нельзя было включать. Передали команду: «По машинам!» Многим места не хватило. В них уже были бойцы. Чтобы не отставали те кто шел в пешем строю колонна двигалась к Минску медленно.

И так было день за днём. Завидев наши голубые петлицы бойцы со злостью спрашивали: «Где ваши самолёты?» Мы и сами недоумевали – «Где? Где танки, где артиллерия?» Мы тогда еще не представляли размеры той катастрофы, которая постигла нашу авиацию. Она в прифронтовой полосе была почти вся уничтожена. Под частыми бомбёжками, танковыми атаками, и под постоянным артобстрелом 26 июня мы вышли на автостраду Москва–Минск между городом Борисовым, ближе к Минску. Шли по обочине автострады. Минск горел.

Но вот со стороны Минска стала приближаться огромная лавина людей движущихся во всю ширину дороги. Шли женщины с детьми, старики со своим скарбом, толкая тележки, детские коляски, с узлами в руках и на спинах. И вдруг на огромной скорости над этой бегущей в страхе толпой, проносятся «Мессершмидты» и расстреливают несчастных беженцев, заходя повторно на шоссе. Мы открыли по ним огонь из винтовок. Ведь фашистские летчики, идя на бреющем полёте не могли не видеть, что это не военные люди. На наших глазах совершалось чудовищное зверство и это еще больше ожесточило нас. В этом трагическом эпизоде, начавшейся войны, проявилась звериная сущность германского фашизма. Война велась на уничтожение нашего народа.

На реке Свислочь опять занимали оборону. Вели бой с каким-то авангардом врага, отбили его без особого труда. Однако чувствовалось отсутствие должной организованности и твердого руководства в наших действиях. В лесах скапливалось много военных, перемешались все рода войск, но не видно было артиллерии и танков. Очень редко пролетали истребители И-16. 26 июня на наших глазах «Мессершмидты» буквально расстреляли два тихоходных четырехмоторных бомбардировщика ТБ-3 (скорость у них 220 км.) Для немцев это были летающие мишени. В первый период

войны у нас на допотопных машинах погибли многие опытные, и умелые лётчики, штурманы, что явилось невосполнимой потерей для авиации, Какой умник отдал приказ бомбить врага самолётами ТБ-3?

После боя на реке Свилочь, 28 июня мы вышли к реке Березина у местечка Березино, к историческому месту, где в 1812 году русские гусары, едва не пленили Наполеона, убежавшего из России. Перед мостом нас остановил полковник с автоматом. Он приказал помочь перекачивать на руках орудия по полувзорванному мосту. Кто-то из отступавших впереди нас в панике пытался взорвать мост но сорвали только верхний настил. А перед мостом, в лесу, были брошены без тяги пушки даже большого калибра.

Из выловленных досок из реки, восстановили настил, перекачали на левый берег 45-ти мм. противотанковые, 76-ти мм. пушки (трехдюймовки). В моем отделении осталось 11 авиаторов. Мы с охотой перекачивать эти пушки, и радовались что впервые за июньские дни отступления встретили артиллеристов. На другом берегу реки Березины командовал капитан-артиллерист с привинченным к гимнастерке орденом Ленина. В наших глазах он был Героем. Кто то сказал, что орден его за финскую войну. Он приказал: «Ребята, занимайте оборону на берегу. А сейчас помогите сделать лестницу вот на эту сосну» и показал на большое дерево с толстыми ветками. Нашлись пила, топор и гвозди. Быстро напилили перекладыны на ступени, и приколотили их к жердям. Капитан с артиллерийской оптической «Панорамой» залез на сосну и стал диктовать координаты целей своим помощникам.

Мы же заняли оборону – нашлись штыковые лопаты. Я насыпал в лощине, в 10 шагах от крутого берега, бруствер. Выровнял его, замаскировал хвоей свежий песок, и положил под винтовку пилотку. Набрали во фляги воду и прекратили движение на берегу. Через какое-то время на противоположном берегу появились немцы.

Березина в том месте по ширине, как наша Дубна в нижнем течении. Было очень жарко, немцы высыпали к воде с засученными рукавами, вели себя нахально – громко хохотали и плескались водой, видимо считали, что нас полностью разгромленными, не заботясь о разведке и охране. Поступила команда: «Без сигнала огонь не открывать!» Капитан, видимо был опытный и ждал, когда

немцев соберется больше. И вот в эту нахальную ватагу фрицев, ударил залп из орудий. Внезапный и точный огонь. Было хорошо видно, как от немцев «полетели клочья». Такую впечатляющую картину мы видели впервые за эти кошмарные дни боёв. Затем артиллерия перенесла огонь дальше вглубь берега. Мы тоже вели огонь из винтовок.

Но вот в небе появилась проклятая «Рама», а через некоторое время больше десятка двухмоторных «Юнкерсов». наших истребителей в небе не было. Немецкая артиллерия тоже открыла огонь. На дороге на мост танки, но наши саперы успели его взорвать. А в небе появились новые самолёты, бомбившие нас. Мы несли большие потери, и удержать свою позицию не смогли. Поступила команда на отход в сторону Могилева. Куда-то делись автомашины и мы продолжали движение в пешем строю.

В лесу перед Могилёвым нам привезли бутылки с зажигательной смесью «КС» для борьбы с немецкими танками. В бутылках была смесь, похожая на мёд, сверху залитая керосином. Это было в тот момент нашим единственным оружием против танков. Бутылки разобрали сразу, а от бутылок с двумя большими спичками длиной 25-30 см, примотанными изолентой позже отказались, так как прежде, чем бросить бутылку в цель, нужно зажечь теркой спички. Но ведь немец в танке не дурак, ждать не будет. С бутылками испытывали большое неудобство, так как их надо держать постоянно в руках, чтобы ненароком не разбилась. Тогда и сам сгоришь. Но бойцы приспособились. Пovyбрасывали из сумок противогазы, большое отделение набивали патронами, их часто не хватало, а в малое отделение ставили бутылку или набивали сухарями, если предоставлялась такая возможность.

Превосходство немцев в танках вызывало танкобоязнь, что учитывали наши враги. Для психологического воздействия, чтобы имитировать работу танковых двигателей, они сняли глушители с автомашин и мотоциклов. А когда, видимо у них не хватало авиабомб, сбрасывали с самолётов пустые бензиновые бочки с пробитыми в них отверстиями. При падении бочки издавали огромной силы воющий звук, имитируя падение тяжелой бомбы.

К городу Могилеву подошли 4 июля. Не доходя моста через реку Днепр нас встретил интендант 2-го ранга (с темно-зелеными петлицами и с 2-мя такими же «кубарями»). Наша группа, хотя

имела потрепанный вид – некоторые были оборванные и не бритые, но зато все в полной форме со знаками различия и с оружием. Техник-интендант приказал встать на мосту и никого через него не пропускать за Днепр. Много неорганизованных отступающих шли за Днепр. Мы их стали направлять по мостовой дороге, идущей в гору по направлению к церкви. Танки и артиллерия, несмотря на нас, переходили за Днепр. Через какое-то время, прямо на нас артиллеристы катили на руках противотанковое орудие. Уставшие бойцы остановились. Я попросил сержанта-командира расчёта, встать с нами на мосту, чтобы не пропускать технику за Днепр.

Зарядного ящика у артиллеристов не было, но пушка была заряжена последним снарядом. После того, как развернули пушку на шоссе, все, идущие на мост, увидя нас и пушку, стали беспрекословно выполнять команду: «Поворачивать в город!» Ближе к вечеру техник прислал к нам кухню с обедом, что было кстати. Ведь последние дни мы питались одними сухарями.

В нашей команде на мосту было 15 человек. На следующий день, 5 июля, техник сменил нас другой командой и направил к церкви: «Будете в моей распоряжении!» Мы сидели на ступеньках церкви и ждали распоряжений. Напротив церкви на улице видели разбитые магазины, на тротуаре валялись какие-то обувные коробки и женские разбросанные туфли, а мужики несли мешки, видимо с награбленным.

Но вот над нами появился У-2, сделал круг и сбросил газеты с речью И.В. Сталина 3 июля. Прочтя его речь, поняли всю глубину трагедии, обрушившейся на нашу страну и вместе с тем появилась уверенность, что мы победим. Что бы сейчас не говорили теперешние клеветники о Сталине, он пользовался абсолютным авторитетом у нас. Приехавший техник спросил: «Попали ли нам газеты с У-2?» Мы ответили, что речь товарища Сталина прочитали. Затем он направил нас в здание педагогического института, находящегося неподалеку на площади, вымощенной булыжником. В это здание направляли всех отступающих занимать комнаты и не выходить наружу, чтобы не обнаруживать себя немецким самолетам-разведчикам. Площадь казалась безлюдной, но в здании уже набралось много людей и прибывали новые. Назначали из младших командиров-сержантов со знаками различия (средних командиров не было) старшими по комнатам. Я передал им команду

техника-интенданта: «Немедленно составить списки, примерно по 40 человек в комнате с указанием звания и рода войск». Я доложил технику о выполнении задания по составлению списков. Техник сказал: «Очень нужен хлеб!» Дал наряд с красной полосой, выделил двух бойцов и машину-полуполторку и приказал: «Найди хлебозавод и привезти хлеб!» А еще раньше техник послал команды в арсенал за оружием и обмундированием.

Среди находящихся в здании бойцов было немало полураздетых и без оружия. Я даже видел нескольких человек босых, без гимнастерок, в одних шароварах. Кроме того были посланы команды за другим продовольствием. Мы расспросили у жителей, где находится хлебозавод и нашли его на краю города. Подъезжаем. Видим такую картину: ворота и двери в цеха открыты, нет ни одной души, а в весовой стоят этажерки с горячим хлебом. Развернули брезент, нагрузили полуполторку буханками в несколько рядов. Что делать дальше? Никого нет из заводских. Время не ждет. Расписался в наряде в получении 1,5 тонны хлеба, положил его на платформу весов, прижал гирькой, и мы уехали с завода.

В здании института шла кипучая работа – выдавали обмундирование, подсумки, под расписку винтовки, смазанные солидолом патроны, по одной гранате, саперные лопатки, круглые котелки и другое снаряжение. Выдавали даже сигареты, а на каждое отделение по котелку сахарного песка.

С хлебом, что мы привезли, произошёл конфуз. На заводе мы его грузили, еще горячим, не охлажденным. Раскрыв брезент, увидели, что много буханок помято, верхние корки оторвались. Нас поругивали, но бойцы, выдававшие хлеб, прикладывали сверху буханок корки и «конфликт» был улажен. Изголодавшиеся бойцы были рады этому душистому свежему хлебу. А потом наша группа привезла, уже без меня, еще хлеб и даже мясные консервы и сигареты. А мне техник поручил проверить списки, составленные по комнатам.

В помещениях еще долго стоял гвалт – меняли обувь и гимнастерки. Но самое удивительное было то, что кроме техника-интенданта 2-го ранга не было строевых командиров. Наш техник был талантливым организатором с выдающимися способностями строевого командира. Он не растерялся, действовал исключительно энергично, использовал «на всю катушку», себе на помощь, нас

сержантов. Но самое удивительное – отсутствовали особисты (сотрудники НКВД – ред.), нередко встречавшие нас на дорогах при отступлении. В эти первые июльские дни, немцы Могилев не бомбили, хотя в небе появлялась «Рама». Почему? Это до сих пор с моей «высоты» сержанта остается загадкой.

И вот ночью прозвучала команда: «Подъем! Выходи строиться!» Мы не раздевались и вышли на площадь, построились быстро. Все еще командовал техник. Мы – авиаторы, вместе с танкистами окапались на левом фланге, всего человек 30. Ночи все еще были светлыми, но сколько всех было в строю, разглядеть не мог. На площади стояли легковые «ЭМКИ»(М-1), рядом с ними видны фигуры неизвестных нам командиров. Старший техник доложил приехавшему начальству, передал списки и его отодвинули в сторону. К моему великому сожалению, и огорчению я не знаю его фамилии. В этот тяжелейший период начала войны он был подлинным Героем!

Стали вызывать по родам войск: пехотинцев, артиллеристов, саперов, связистов. К нам на левый фланг подошли два командира: танкист-капитан Костюченко и старший лейтенант Лезейников. Капитан сказал, что мы все танкисты и авиаторы поступаем в распоряжение штаба мехкорпуса. Поедем на машинах за Днепр. Так началась наша служба под командованием этих командиров. Мы делали шалаши для начальства, палаток не было, охраняли штаб корпуса, который 16 июля размещался не далеко от железнодорожной станции Чаусы, восточнее Могилева. Видимо из тыла подошли наши войска.

Артиллерия вела сильный огонь. Над Чаусами стоял столб дыма. Штаб менял позицию. Мы попали под огонь немецких танков и мотоциклистов. На поле густой поспевающей ржи нас окружили немцы. Машины штаба успели уехать. Капитан Костюченко приказал занять круговую оборону, пересчитать патроны и гранаты, разделить поровну, примкнуть штыки и приготовиться к атаке на прорыв. А бой у Чаусов усиливался. Немецкая авиация непрерывно бомбила станцию. Слева из тыла, примерно в двух километрах, вела огонь наша артиллерия. Находясь в высокой ржи, мы не имели обзора прилегающей местности. Капитан Костюченко и старший лейтенант Лезейников заняли позицию на холме. Капитан приказал прекратить огонь, беречь патроны и ждать команду.

День был жаркий, фляги давно пустые, а вода далеко в лесу. Мы изнывали от жары. Немцы на наше поле не наступали, весь удар наносили на Чаусы. К вечеру бой стал стихать, и Костюченко приказал по-пластунски двинуться к лесу. Мы ползли, а немцы огонь прекратили. Мы вышли к лесу без выстрелов. И первое что сделали – это касками черпали коричневую болотную воду и с жадностью пили.

Бой у станции также затихал. Костюченко вызвал меня к себе: «Компас у тебя есть?» Я показал наручный компас на правой руке. «Вот смотри» (нас накрыли плащ-палаткой), капитан посветил фонариком карту – «Железная дорога справа, а слева шоссе. Ты пойдешь по азимуту на межлинейные ориентиры. Впереди заметь болото и ручей. Лезейников пойдет в середине группы, а я замыкающим. Ясно?»

А спереди и сзади, справа и слева горели деревни. На шоссе ревели моторы немецкой техники. Костюченко объяснил всем задачу: «Идем на прорыв, соблюдать тишину, не курить!» Я шёл впереди точно по азимуту по намеченным ориентирам. Компас был со светящимся циферблатом. К стати, он сохранился у нас до сих пор как наша семейная реликвия и как память о войне.

Шли всю ночь. Несколько раз сверяли направление движения с картой капитана. Ближе к рассвету предстояло пересечь шоссе, но на нем непрерывно двигалась вражеская техника. Капитан дал команду: «Приготовить гранаты! Выделил передовую группу с гранатами, затем указал направление атаки. Выждал, когда шли груженные автомашины. Передовая группа внезапно вырвалась на шоссе, забросав машины гранатами. Остальные открыли стрельбу, перебежали дорогу и скрылись в ближайшем лесу. Я в бою был ранен в бок – пуля скользнула по ребру.

Для немцев наша атака была столь внезапной, что они не преследовали нас. Уже засветло вышли на дорогу к большой деревне, где нас встретил отряд Особого назначения. Костюченко, завидя его, нас остановил и сказал: «Говорите как шли и с боем прорывались только через шоссе и кто вами командовал». Мы были очень измотаны, устали от марша по лесу и болоту, по воде без еды. Но все были в полной форме с петлицами, знаками различия и оружием. Особисты допросили капитана, старшего лейтенанта и меня. А какой-то подполковник приказал занимать оборону прямо на до-

роге. Наша группа увеличилась, примерно до 120 человек, в том числе появилось несколько средних командиров. Часа через два, приехала кухня. Нас накормили, сняли с дороги, и направили на формировочный пункт.

В штаб корпуса мы больше не попали. Из нас сформировали стрелковую роту. Отступали до реки Сож, в районе города Кричев. Занимали оборону, вели бой. Фашисты бомбили часто нас и железнодорожный мост. Но мост, пока мы были в том месте, разрушен не был.

Через несколько дней авиаторов и танкистов отозвали на формировочный пункт. Меня назначили командиром отделения. Подошли к дороге на Рославль. Сперва дали команду идти на Смоленск, но потом отменили. На формировочном пункте в лесу наше отделение расположилось на открытом бугорке (меньше комаров) и родничок внизу. Однако в небе появилась «Рама». Я приказал ребятам отойти в лес на 300 метров с этого места. Они меня плохо слушались и ругали за то, что привел на съедение комарам, под ногами вода и мох. Нарубили лопатками жерди, привязали, кем-то брошенным телефонным кабелем, к деревьям, сделали настил из веток, чтобы можно было, хотя бы сидеть. В лесу духота, хочется пить. Послал одного бойца с котелками к нашему родничку за водой.

Немцы, видимо, обнаружили скопление войск и стали бомбить лес. Только через час пришёл боец с водой (не полными котелками). Спрашиваю: «Почему мало воды?» «А я лежал с котелками под бомбежкой. Пойдем, что я тебе покажу!»- сообщил он. Пришли и я увидел, что вместо нашего бугорка и родника воронка от бомбы, наверно от «Сотки». На дне уже набралась вода. Я сказал бойцу: «Иди, зови всех сюда с котелками!»

Когда ребята пришли и увидели воронку, я скомандовал: «Снять головные уборы над братской могилой!» На них воронка произвела сильное впечатление, ведь они не хотели уходить с бугорка. После этого случая я отдавал команду вполголоса, больше просил, ребята слушались меня и всё выполняли беспрекословно.

Начиная, с конца июня и на протяжении всех месяцев войны фашисты забрасывали нас листовками с призывом уничтожить комиссаров и сдаваться в плен, так как, якобы, наша Красная Армия полностью разбита. В августе сбросили листовку с фотографией,

где был изображён сын Сталина Яков, в кругу смеющихся немецких офицеров. Это был фотомонтаж. Мы не верили этим листовкам. У нас, авиаторов были хорошие командиры. Никогда, даже в окружении в тяжелейшем положении не думали сдаваться. Помнили о присяге и бились с врагом на смерть. Боялись только в случае ранения попасть в плен живыми. Мы, остро переживали наши поражения. Первые месяцы войны я не видел ни одного улыбающегося лица. И в то же время немцы как то в одной из листовок написали: «Русский Иван! Мы вас научим воевать, а один из наших солдат сказал прочитав: «А мы вас отучим воевать!» При всех военных невзгодах силу духа сохраняли.

В июне-июле 1941 года мы отступали. Шли через белорусские деревни. Вспоминается такой эпизод. Начало июля, отступаем мелкими дезорганизованными группами. Стоит страшная жара. Немцы часто бомбят. Наши фляги давно опустошены. На краю деревни видим колодец с «журавлём». Просим у хозяйки ведро. Она дала ведро. Мы достали воду и стали с жадностью пить. Крестьянка со слезами говорит: «Сынки, а на кого же вы нас покидаете?» Нам было нестерпимо стыдно. Не поднимая глаз что-то бормотали, что не уходим совсем, мы ещё вернемся. А старик в белой посконной рубахе, сидевший на крыльце сказал: «А мы в первую войну перед немцами не отступали.» Эти слова старого солдата были как удар палкой. Мы испытывали страшное унижение и свою вину перед этими людьми. И пошли по посёлку дальше в полном молчании.

Капитана Костюченко и старшего лейтенанта Лезейникова с танкистами вскоре увезли в танковую часть. Нас же авиаторов направили в начале августа в район города Погар, что на Десне. За нами приехал авиационный командир. В Погаре была табачная фабрика, делавшая знаменитые погарские сигары. Когда мы в нее вошли, там не было не души (как на хлебозаводе в Могилеве), двери открыты настежь, коробки с сигарами разбросаны. Ребята-курильщики набрали в сумки сигары и щеголяли ими. Я взял себе только две штуки, на всякий случай кого-либо угостить.

На берегу нашли две лодки без весел. Выломали из забора доски, вместо весел и переправились на левый берег Десны. Там уже были штабные машины, радиостанция «РАФ» и много комсостава. Командовал начальник парашютно-десантных войск Красной Ар-

мии полковник Зигаев, красивый, статный командир. В то тяжелейшее время – потери во многих частях управления, отсутствия вооружения, материальных средств, порой нашего панического отступления Нарком Обороны, Ставка направили на передовую часть своего руководящего состава для наведения порядка в войсках, и организации устойчивой обороны. Так и он попал на фронт.

Нас построили в две шеренги и полковник объявил, что поступаем в распоряжение штаба ВВС 13-й Армии. Я подал ему список с указанием звания и специальности. Среди нас был один радист, его сразу же взяли в экипаж фронтовой радиостанции, установленной на автомашине «ЗИС-6». Остальные должны были обслуживать самолеты-истребители – ЛАГГ-3 и ЯК-1. Я их не знал и меня назначили на обслуживание У-2 (позже стали называв ПО-2(Поликарпов). Но самолета ещё не было, да и находились мы в густом Брянском лесу.

Начальник оперативного отдела штаба, майор Сивопляс дал задание захватить языка. 15 человек, и в том числе и я, 14 августа направились на Погарский берег. Мне и ещё 5 бойцам командир поручил замаскироваться в стогах сена, что были на берегу и прикрыть отход нашей группы. Наша основная группа захватила 6 фрицев, спавших в транспортере. Это была немецкая разведка. Транспортёр, упершись в воду Десны, остановился и, вероятно, тоже уставшие, но окончательно уверовавшие в свою победу, вели себя нагло, утратили бдительность.

Захват сразу 6 пленных, был большой удачей. Немцы в первые месяцы войны попадали в плен редко. Первых пленных я увидел только теперь. Непросто было их переправить на другой берег. Две лодки не вмещали больше 4-х человек. Мы опасались, что немцы хватятся пропажи своей разведки, начнут ее искать, и тогда не избежать неравного боя. Нам, сидящим в стогах сена, нельзя себя обнаруживать, да и ускорить переправу ничем не могли. Время тянулось мучительно медленно. Нервы напряжены до предела. Ну – вот, наконец, закончилась переправа пленных. С того берега, как черепахи, медленно движутся к нам лодки. Мы садимся в них и гребём уже оттесанными под весла досками. Кто-то лежит вдоль борта и ладонью, что есть силы, гребёт в помощь гребцам. Наша лодка перегружена, почти черпает бортом, другой отчерпывает воду из лодки каской. Лодка была прекрасной мишенью для нем-

цев. На этот раз обошлось без стрельбы. За эту операцию группа получила благодарность полковника Зигаева.

23 августа нас построили и комиссар зачитал нам приказ Сталина о расстреле генерала армии Павлова и с ним группы генералов, как изменников Родины. Они впоследствии были реабилитированы.

В начале сентября штаб ВВС-13-й Армии разместился в местечке Локоть, не далеко от станции Брасово, командующим был генерал-майор авиации Емельянов Федор Емельянович. Начальник штаба полковник Бегунов. Я был в группе из 3-х младших авиаспециалистов по обслуживанию на аэродроме штабного У-2 с командиром экипажа, летчик старший лейтенант Борис Ракитянский. Однажды во время налета немецких самолетов получил ранение начальник пункта сбора донесений штаба и пока он находился в лазарете, меня как грамотея, так выразился майор Сивопляс, после подробного инструктажа назначили на его место. На фронте с последних дней августа возникло затишье. Немцы перестали наступать. На узловой станции Брасово стояли эталоны. Немцы совершали налёт и подожгли состав с боеприпасами с последнего вагона. Возникла угроза, уничтожения железнодорожного узла. Все железнодорожники разбежались.

Полковник Бегунов приказал всем из obsługi штаба немедленно с винтовками сесть в машину ЗИС-5. На станции полковник приказал без его команды на перрон не выходить. Несмотря на взрывы, он нашёл сбежавшего машиниста, под пистолетом заставил его влезть на паровоз. Паровоз стоял под парами. Сам полковник, рискуя жизнью, отвинтил сцепление за два вагона от рвущихся боеприпасов, махнул фуражкой машинисту, сел на буфер вагона. Машинист оттянул состав далеко от рвущихся боеприпасов. Мы не видели всего этого, так как стояли с другой стороны станции. Железнодорожный узел Брасово был спасён. Вечером того же дня на наш аэродром прилетел командующий фронтом. Нас – весь штаб построили и перед строем генерал отвинтил со своей гимнастерки орден Красного Знамени, после короткой речи, прикрепил орден на грудь полковника Бегунова под наше дружное Ура!

30 сентября 1941 г. наши лётчики обнаружили колонну фашистских танков и другой техники длиной около 20 километров. А 2-го октября немцы перешли в наступление и прорвали фронт

нашей 13-й общевойсковой Армии. Нашему штабу пришлось покинуть Локоть. Шли тяжелейшие бои. Половина 13-й Армии попала в окружение. Но половине удалось вырваться из него. В том числе и штабу ВВС-13 Армии.

Немцы захватили Карачев, Брянск, Орёл и мы через станцию Касторное, сперва оказались в Воронеже, а потом в городе Задонске, что не далеко от города Ельца.

Возникла смертельная угроза Москве. Примерно в ноябре из всех безлошадных младших авиаспециалистов, так называли тех, у кого не было самолетов, артиллеристов без пушек, танкистов без танков, пехотинцев без своих частей, ездовых, писарей, связистов, саперов сформировали в лыжный батальон. Началась суровая зима. Нам выдали зимнюю одежду: полушубки, валенки, шапки-ушанки, меховые и трехпалые рукавицы, каски, маскхалаты, лыжи, автоматы ППД, гранаты. Когда выпал снег, стали тренироваться ходьбе на лыжах, в метании гранат и тактике борьбы с танками и метании бутылок «КС». Командиры и политработники объявили задачу и поставили цель наступления. 5 декабря выдвинулись из Задонска на исходную позицию для наступления. 6 декабря еще затемно началось наступление на город Елец. Мы шли параллельно шоссе, на котором были немцы. Я впервые за все мучительные месяцы и дни отступления видел такую массу наших войск. Куда не глянешь, видны движущиеся безмолвно, в предрассветной полутьме, идущие в наступление люди. Мы испытывали необыкновенный подъем. Наконец-то дадим фрицам по зубам!

По сигналу ракеты повернули не шоссе и с криком Ура! пошли в атаку. Артиллерия вела интенсивный огонь, а танки громили на шоссе немцев, и двигались вперед. Когда достигли шоссе, там уже было всё кончено. Нам оставалась только зачистка. Передовые части захватили немногочисленных пленных. Все шоссе было забито сотнями разбитых автомашин, транспортеров, артиллерий. Чтобы продолжать наступление по шоссе, танки спихивали в обочину разбитую немецкую технику.

Наш батальон продолжал: наносить удар вдоль дороги, не отставая от танков. Немцев отбросили к Ельцу. На третий день боев ворвались в Елец, штурмовали тюрьму. Мороз крепчал, но наступление продолжалось. Освободили районный центр Чернаву. На базарной, площади увидели виселицу с повешенными советски-

ми людьми – девушкой лет 18-ти, рабочим лет 40-ка и дедом с седой бородой. Мороз больше 20 градусов. На ветру раскачивались повешенные. Мы сняли каски и молча стояли, потрясенные этой жуткой виселицей. Комиссар сказал: «Посмотрите направо, там в церкви фашисты сожгли женщин, детей, стариков.» Мы повернули головы и увидели закопченную сгоревшую церковь. А стоявший рядом, мой друг, трубач духового оркестра, Саша Овечкин, ставшим рядовым бойцом батальона в полголоса сказал: «Ну, Юрка, теперь я фрицев живыми в плен брать не буду!» Эти слова в возникшей тишине, слышали многие, стоявшие в глубоком молчании, потрясенные бойцы. Дай Бог, чтобы нашей молодежи никогда не пришлось видеть ничего подобного.

После Чернавы освободили районный центр Козлаки и много деревень. Перед Ливнами у деревни Успенка, возник кратковременный, ожесточенный бой. Сходу ворвались по мосту через речку Ливенку в город. Немцев отбросили, примерно на 10 километров от города, на Запад. На этом наше наступление прекратилось, не хватало боеприпасов, отстали тылы. Стояли лютые морозы. Мы были изрядно измотаны, спали в лесу под елками. Нас спасали полушубки и валенки, однако больше 3-х–4-х часов спать на морозе не могли. Но что интересно, обмороженных не было и никто не болел.

Сегодня мы знаем, что в таких экстремальных условиях, огромного напряжения физических, моральных сил, включаются в действие резервные силы человеческого организма.

В конце декабря батальон расформировали и мы снова оказались в распоряжении штаба ВВС 13-й Армии. В мои обязанности в пункте сбора донесений входило также составление строевой записки до 23 часов 30 минут ежедневно. Это значило, что надо составить точные сведения из донесений от всех частей дивизии по фактическому наличию личного состава всех категорий, боевой техники и материального обеспечения. Приходилось переписывать много из донесений, было много повторов, запись получалась на нескольких листах, на что уходило много времени. Работа ответственная, сведения должны быть точными. Стал думать, как ускорить и упростить выдачу итоговых данных. Достал лист ватмана, разрезал на 3 части, расчертил на соответствующие графы, чернилами написал, что положено по штату, а текущие сведения

записывал простым карандашом. Первые два дня записывал дробив: первый в числителе, второй в знаменателе. На третий день резинкой стирал данные первого дня, если они изменились и вписывал новые и соответственно изменял итог. За последние два дня все данные с итогами были на виду. Не надо было писать лишние бумаги и терять время. Когда майор требовал сведения, я выдавал их мгновенно. Даже если какие-то донесения запаздывали, то всё равно общая картина была на лицо. Это «рационализаторское предложение» очень понравилось начальству и меня меньше стали отвлекать на другие дела, закрепили за пунктом сбора донесений.

На участке фронта 13-й Армии продолжалось относительное затишье. Однако по ночам через город выдвигались на передовую многочисленные резервы. Однажды в апреле мне приказали срочно узнать на железнодорожной станции, есть ли на подходе эталон с боеприпасами. Я быстро прибежал к коменданту вокзала. На мой вопрос, он сказал, что ни каких сведений об этом эталоне нет. Побежал обратно в штаб и вдруг вижу своего товарища по школе младших авиаспециалистов Колю Полторака. Он стал уже лейтенантом, с двумя медалями, а я только старший сержант. Мы обнялись, кратко обменялись сведениями о себе. Коля сказал: «Хочешь, расскажу тебе анекдот!» Я ему ответил: «Какой анекдот, приходи вечером в штаб, у меня есть кое-что во фляге, тогда и расскажешь. А сейчас бегу, мне приказали срочно узнать о боеприпасах! Положение плохое!» Не успел отбежать один квартал, как налетела на станцию пара «Мессеров», сбросили не большие бомбы и ушли с набором высоты. Я подождал за углом, смотрю, а на том месте, где остался Коля, ещё не улеглись дым и пыль. Вернулся, а там воронка. Прямое попадание. Нашёл только руку с рукавом гимнастерки и планшет. Быстро вернулся в штаб, сдал планшет и сообщил о случившемся. После этой трагедии долго не мог ни чего-есть, только пил воду.

С апреля по июнь ожидали наступления противника, но его всё не было. 13 июня получили приказ: «Срочно перебазироваться восточнее города!»

В эти июньские дни немцы вели активную воздушную разведку. И вот на рассвете 28 июня немецкая тяжелая артиллерия стала обстреливать, а авиация бомбить город Ливны. Получил задание развести пакеты в полки. Приказ выполнил без задержки, получил

подписи на конвертах о получении приказа. От полков никаких поручений не было. Мы с водителем издалека слышали канонаду над городом. Но вскоре всё стихло. Решили ближе подъехать к Ливнам. У тюрьмы оставил машину и водителя, а сам пошёл в город. За мостом дома были разрушены. Дорога загромождена поваленными столбами с перепутанными проводами, обломками домов. У одного дома обвалилась вся наружная стена. Были видны на этажах кровати, шкафы и другая утварь, а на булыжной мостовой убитые и детская кукла. Меня так поразила эта картина, что я невольно остановился. Я всей своей кожей ощутил всю чудовищную жестокость развязанной немцами войны, то горе, которое она несёт нашим людям.

Пошёл в сторону вокзала. Опять налетели «Юнкерсы» и стали бомбить город. В районе станции по ним била залпами наша зенитная батарея. От многих домов остались только бревна. Под одной грудой бревен услышал женские голоса. С большим трудом удалось разгрести не большой проход к подвалу, заполненному до отказа перепуганными стариками, женщинами и детям. Бомбы рвались ближе.

Когда бомба летит даже в стороне, то кажется она летит на тебя. Попытался влезть в подвал, но из этого ничего не получилось. Пришлось лечь за бревна разрушенного дома. А между разрывами бомб ясно слышалась стрельба наших зениток. Совсем рядом, в подвале истово молилась пожилая женщина: «Микола-угодник! Порази ты, этих супостатов мечем огненным!» Разорвалась бомба совсем близко. Меня подбросило и оглушило. Сколько пролежал, не знаю. Медленно стал приходить в себя. Правым ухом совсем оглох. Кажется снова прилетели «Юнкерсы». Но теперь ведёт огонь только одна зенитка и то редкими выстрелами. Видимо в расчёте остался один артиллерист. Он заряжал орудие и вёл огонь. Я подумал с восхищением: «Вот крепкий парень, настоящий боец!» Вскоре всё стихло и только иногда рвались снаряды тяжёлых орудий немцев.

Из подвала люди боялись выходить. Я крикнул: «Кто может идти со мной, выходите у тюрьмы стоит машина». Вышли 6 человек взрослых с 3-мя детьми. Взял чей-то узел и чемодан, и повел их через горящий город к машине. К счастью тюрьму не бомбили. Водитель, заждавшись и натерпевшийся страху сказал, что уже не

думал увидеть меня живым и собирался уезжать. Женщин и детей увезли в близ лежащие деревни и вернулись в штаб.

Майор меня отругал, почему так поздно приехал, но я соврал, что барахлил мотор машины. Этим и обошлось. Но голова шумела и сильно болела. Поздно вечером, после сдачи очередной строевой записки, признался, что был в Ливнах, и попросил его разрешения взять машину и попытаться помочь людям выбраться из города, от немцев подальше. Водитель согласен. Майор подумал, посмотрел на меня внимательно, еще подумал и сказал: «Ну, давай, только не зарывайся!»

Мы ехали не включая фар, ночь была лунная. От моста через Ливенку саперы уже прочистили дорогу. Мы приехали к высокой церкви, не далеко от железнодорожного моста. В большом подвале скопилось много людей. Я громко сказал: «Кто может, идите к машине, она рядом. Развезём в деревни!» Не сразу, но набралось человек 15 с вещами. Всех посадить в кузов полуторки не смогли. Сказал: «Приедем за вами!» Развезли всех за 15 километров и вернулись к церкви. Затем приехали в третий раз. Начинало светать. Пока грузились, пришла колонна танков. Танки и машины стояли впритык друг к другу и проехать наша машина не могла. Просил танкистов пропустить. Они в ответ сказали: «Нет приказа.» Но тут оказался их командир, он приказал развернуться двум танкам и мы проехали. Когда мы уже выезжали из города, то услышали работу танковых двигателей. Они пошли через мост. Мы проехали тюрьму и опять налетели «Юнкерсы». Как я узнал позже, это была бригада полковника Катуква (будущего маршала танковых войск). Она благополучно перешла по мосту и укрылась в лесу по дороге на Кромы, избежав бомбёжки. Приехали в штаб засветло. Поставили машину за сараем. Пошёл в штаб. Полковник Бегунов накричал на меня: «Где ты болтаешься?» «Я тут, товарищ полковник, ожидаю команду». «Гони машину сюда срочно и грузитесь!» Оказывается, южнее г. Ливны, за рекой Сосной, немцы прорвали фронт и штабу надо переезжать на новое место.

Всё лето полки 205-й дивизии вели воздушные бои и сопровождали то штурмовики ИЛ-2, то бомбардировщики Пе-2, прикрывая Воронеж, Елец и Задонск, откуда мы наступали зимой 1941 года.

В июле нам был зачитан приказ Сталина № 227 «Ни шагу назад!» В октябре Воронеж горел, а в Сталинграде немцы вышли к

Волге. Вопреки наглому вранью болтуна Веллера, Суворова-Резуна, Солженицына, клеветующих не только на тех, кто сложил свои головы в боях за Родину, но и на тех, кто добыл Победу и остался живым, мы шли в бой с бутылками «КС», но не под дулом автомата, помнили о присяге, о своих близких. ... Меня по-прежнему майор Сивопляс, привлекал для работы в пункте сбора донесений. Самолётов всё еще было мало. Но новые истребители Як-1 и ЛАГГ-3 стали поступать чаще. На фронте наступила тишина. Артиллерия с немецкой и нашей стороны постреливала редко. Авиация не бомбила. Пехота окопалась и заняла прочную оборону. Впервые наступила относительно спокойная обстановка. На комсомольском собрании накануне Нового года, меня избрали секретарем комсомольской организации штаба ВВС-13-й Армии. Для меня это было совершенно неожиданно, но вместе с тем означало большую ответственность.

Новый 1942 год встретили с обычным ужином, подняли тост «За Победу», а второй «За Сталина» (разделили свои боевые 100 грамм на два тоста). К Новому году выпустили «Боевой листок» с заметками о передовиках в боевой службе, в том числе и в наступлении в составе батальона. Отзвучали взаимные поздравления и пожелания (конечно, только ПОБЕДЫ!).

Я вышел из жарко натопленного помещения. Ночь была ясная, морозная, звезды по кулаку и вдруг заработала фронтовая установка с мощными динамиками. На весь город зазвучало знаменитое танго довоенного времени. Пел известный певец Бунчиков, обладавший замечательным баритоном. В морозном воздухе зазвучали слова:

*Моя любовь не струйка дыма, что тает там в сияньи дня,
Но Вы прошли с улыбкой мимо и не заметили меня...
И возвращая Ваш портрет, я о любви Вас не молю,
В моем письме упрёка нет, я Вас по-прежнему люблю!*

Эта музыка, чудесный голос, четкое звучание динамиков произвели на меня неизгладимое впечатление. После долгих месяцев кровавой войны как-бы возвратили на короткое время, в теперь уже недостижимую мирную жизнь. В феврале-апреле все еще на передовой постреливали пушки, разведчики захватывали языков.

12 октября 1942 года я подал заявление и был принят кандидатом в члены ВКП(б). А в конце месяца меня направили на переучивание на новую материальную часть в Харьковское авиационно-техническое училище, бывшее в то время в Сталинобаде, теперь Душанбе (что значит в переводе – Вторник). В ноябре меня избрали заместителем комсорга училища, а комсоргом был пехотный младший политрук. Мы, будучи курсантами, хорошо изучили ИЛ-2, Пе-2, Ла-5, особенно двигатели этих самолётов АМ-40, АШ-82 семейства сотых от 102 до 107.

Весной 1943 г. 20 отличников-выпускников во главе с инженером-преподавателем послали из Душанбе в район железнодорожной станции Грязи на полевой аэродром. Самолеты Пе-2 и ИЛ-2 перегоняли с заводов.

Их надо было тщательно проверить и устранить дефекты и недостатки. Недоделок было много, а начальство нас торопило и мы работали по 11-16 часов в сутки. Потом нас не транспортнике вновь привезли в училище.

Вскоре выпускников стали направлять в действующие части. Я оказался 15-м отдельном авиаразведывательном полку. Наши лётчики летали на разведку. Появились и разведчики немцев. Однажды в апреле 1943 г. наш лётчик-истребитель Виктор Барковский на «Яке» баражировал вдоль линии фронта и встретил 2-х моторный «Хенкель-111». Барковский стал преследовать врага. Но тот уходил в облака, то старался уйти на большой скорости с снижением. Преследуя «Хенкель-111». Виктор израсходовал весь боекомплект. Противник был опытным, умело маневрировал, стал уходить. Но как можно дать уйти безнаказанно врагу? У каждого лётчика есть самолюбие бойца. И Виктор решается на таран. Маневрируя самолёты оказались в зоне нашего аэродрома и на виду у всех, кто там был, он таранит в хвост фашиста. Но в горячке боя, Виктор не рассчитал скорость и врезался в хвост, проскочил в центроплан фашиста. Видимо, от удара потерял сознание и вошел в пикирование.

Фриц же сумел посадить свой самолёт на наш аэродром с убранными шасси (на брюхо). Механики и мотористы с винтовками побежали к самолёту. Не добегая примерно 100 метров услышали выстрел и залегли. Разглядели одинокую фигуру фрица. Выстрелов больше нет. Подбежали и увидели: почти двухметровый

рыжий немец одной рукой поднимает радиста, у него при посадке сломались ноги, а рядом лежит застрелившийся штурман-эсэсовец. Пилот-фельдфебель с двумя крестами. Как стало известно позже, на допросе он заявил, что он летел на разведку от Белой церкви и сегодня он очень не хотел лететь, испытывая плохое предчувствие, а кресты у него за Париж и Белград.

Боевому летчику, не пожалевшему своей жизни в бою с врагом и за воздушный таран было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза.

В апреле наш командующий генерал Федор Емельянович Емельянов заболел. Это совпало с реорганизацией ВВС. Авиацию, как и танки вывели из непосредственного подчинения общевойсковым армиям. Были созданы Воздушные Армии. Мы оказались во Второй Воздушной Армии (2-ая ВА), командующий генерал Красовский. Наши полки свели в 205-ю Истребительную Дивизию. 20 апреля командование принял подполковник Евгений Яковлевич Савицкий, прибывший с Дальнего Востока. Будущий маршал авиации, отец космонавта Светланы Савицкой, дважды Героя Советского Союза. Савицкий был лётчиком-истребителем неимоверной храбрости. Вопреки указаниям начальства, сам часто летал – водил в бой группы самолётов. Один из первых освоил осенью 1942 года истребитель «Лавочкин -5». Он имел огромный авторитет у лётного состава и у всех нас.

В течение зимних месяцев на участке фронта 13-й Армии проводились операции местного значения. Полки дивизии пополнялись новыми истребителями ЯК-1, они в этих операциях сопровождали штурмовиков ИЛ-2 и пикирующих бомбардировщиков ПЕ-2. Хотя и их еще было мало, но обстановка в небе резко отличалась от той, что была в летние месяцы 1941 года. Эти самолёты не только не уступали немецким, но и превосходили их по лётно-тактическим качествам. Однако немцы всё ещё господствовали в воздухе.

В 1944 году, мне помнится, на лицах наших солдат было выражение сосредоточенной уверенности в победе. Война катилась дальше, на запад, и каждый стремился своим ратным трудом поскорее приблизить желанный час окончания войны, час мира. Летчики нашего краснознаменного полка в составе дивизии прикрывали с воздуха наступления 1-й ударной армии... Летчик нашего

полка Иван Мавренкин сбил в одном бою два вражеских самолета. Леонид Корнаков – командир звена на протяжении 70 километров вел перспективное фотографирование линии фронта разведывательными целями с высоты 100-150 метров, подвергая машину огню из всех видов оружия. Возвращаясь на свой аэродром после выполнения задания командования, он встретил четверку вражеских истребителей и, вступил в воздушный бой, вместе со своим напарником сбил один самолет. Помню, как командир дивизии вручал им в тот же день именные часы...

...В 1944 г. наша дивизия в составе 2-го Прибалтийского фронта освобождала Прибалтику. Когда штурмовали Ригу, летчики полка постоянно были в воздухе, не давая врагу при отступлении взорвать город. Необыкновенный подъем был в войсках. Нам же, встретившим войну в первые ее дни, прошедшим трудными боевыми дорогами отступления, потерявшим многих своих товарищей, всегда будут памяты не только победы, но и первые горькие дни, и самые первые радости... 22 июня 1941 года я встретил в городе Лида. Этот город принял на себя один из первых ударов вражеской авиации, а потом были тяжелые месяцы отступления. Все это прекрасно описано Константином Симоновым.

В мае 1945 г. дивизия участвовала в боях по уничтожению курляндской группировки фашистов, штурме Кёнигсберга. Энтузиазм был огромен, мы понимали, что до конца войны оставались считанные дни. Наша дивизия в отличие от 1941 г. господствовала в воздухе, нанося по противнику удар за ударом. В 3 часа ночи 7 мая командир 50-го истребительного авиаполка сообщил нам, что враг капитулировал. нас все охватила непреодолимая радость. Началась стрельба из всех видов оружия. Стрелял и я из пистолета. Вся передовая светилась от ракет бесчисленных трасс. Наши оружейники залезли в самолёты и строчили из пушек и самолетов. Зенитчики, охранявшие аэродром, гвоздили из своих огромных пушек, буквально глушили нас. Конечно, в полку никто не спал. Мы смотрели друг на друга и не верили, что остались живыми в этой кровавой войне.

Но вот отгремели выстрелы, что греха таить, выпили всё, что можно было выпить под тосты о ПОБЕДЕ! Даже гидросмесь (90% спирта, 10% глицерина) антиобледенительных бацков. Чем будем

заниматься в дальнейшем? Что нас ждет впереди? Но постепенно все успокоилось и угомонилось. Боевую готовность, приказано не ослаблять.

И я, изрядно обалдевший, ясным, весенним и прохладным вечером 10 мая (на 3-й день после войны) сел за стол, наспех сколоченный из 3-х не струганных досок, достал свою заветную тетрадь. В нее заносил сведения о самолётах английских, американских и конечно немецких. В тетради осталось несколько чистых листов, и вдруг на меня что-то нашло вроде вдохновения. Очень любил поэзию Есенина, но сам до этого стихов не писал, хотя мы все в юности пытались писать стихи. И вот что у меня получилось:

*Вечер. Сгущаются тени. Прохладный Курляндский закат.
Ветви цветущей сирени в последних лучах горят.
Отгремели победные выстрелы.
На фронте теперь тишина...
Сегодня впервые мы выспались, какая же ждет нас судьба?!
Сегодня не будет полётов, легко и светло на душе.
Наши «Батя» – любимец пилотов, прислал нам канистру «НЗ»!
И то было кстати, к обеду, собрался весь полк, все друзья.
Подняли мы тост «За Победу!» и трижды гремело УРА!
Нам выпала честь большая, за что мы не ждали наград.
Громить и громить беспощадно тех фрицев, что жгли Ленинград.
На каждом РСе, на Илах, на бомбах красавцев Пе-2
Писали механики мелом: «За муки и смерть ленинградцев».
Мы счёт предъявили сполна!
В полку у нас не было трусов, а полк, как большая семья!
Мы помним друзей в бою павших,
Мы помнить их будем всегда!
Отважные были ребята, с врагами сражались, как львы,
И жизни своей не жалели за счастье родимой страны!
А вечер...Прозрачные тени, майский пурпурный закат
И ветви душистой сирени под солнцем ПОБЕДЫ блестят!*

...Окончил я службу в Красной Армии, тогда она ещё не называлась Советской Армией, в качестве начальника отдела кадров

315-й Истребительной Авиационной Рижской дивизии, входившей в состав 14-го Смешанного Корпуса (Истребительная на Ла-5 и ЯК-1, штурмовая на ИЛ-2, бомбардировочная на Пе-2 дивизия), 15-й Воздушной Армии (15-я БД), 2-го Прибалтийского фронта 6 июня 1946 года в городе Тукумсе [155].

Ракаев Сергей Иванович Охота за «Языками»

Я был мобилизован в Советскую Армию в октябре 1941 года и направлен в Гороховецкие лагеря (Горьковская область), где был зачислен в 11-ю танковую бригаду 9-го танкового корпуса. Дислокация которого находилась на ст. Боголюбове, Владимирской обл. Усиленно занимались военным делом до февраля 1942 года. В феврале 1942 года наша часть была переброшена в район боевых действий под г. Смоленск. Бои шли под знаменитой в то время, «Заячьей горой», по которой проходило Варшавское шоссе, единственно важная автомагистраль в условиях сплошного бездорожья Смоленщины.

Принял первое боевое крещение в середине февраля 1942 года. В апреле 1942 года получил первое ранение (осколочное) в правую руку. Находился на излечении в госпитале до августа 1942 года. С сентября был направлен в 688 стр. полк 163 СД помощником командира взвода автоматчиков.

В районе боевых действий я участвовал в боях Орловско-Курской дуги с июля 1943 года по август 1943, где был вторично ранен. После излечения участвовал в боях за Днепр. Был ранен третий раз в левую руку в конце октября 1943 года в районе г. Лоев Гомельской обл., ранение тяжелое, была перебита локтевая кость. На лечение был направлен в Читинскую обл., ст. Карымская. После лечения был зачислен в Забайкальский Военный округ под командованием ныне покойного Маршала Советского Союза Малиновского Родиона Яковлевича. Участвовал в боях с японским империализмом.

Опишу один из многочисленных случаев. После форсирования Днепра, в августе 1943 г. наша часть была отведена с линии фронта на кратковременный отдых, т.е. для пополнения личного состава и вооружения.

Немецкая артиллерия методично обстреливала наши позиции во время принятия пищи, т.е. завтрака, обеда, ужина. Командир части вызвал нашего командира роты разведки, дает ему задание, уничтожить немецкую дальнюю артиллерию, срок трое суток. Для выполнения задания было отобрано 10 человек, в том числе в эту группу был зачислен и я. Попутно, на обратном пути надо было взять «языка». На сборы было отведено 5 часов. Как обычно наше вооружение было: нож разведчика и граната Лимонка Ф-1. Перешли линию фронта без особых приключений под покровом ночи. Днем мы отсиживались в лесах, ночью шли вперед. На вторые сутки пошли к цели. Это была обширная поляна. На опушке леса были две палатки, около был часовой, мы его бесшумно сняли. В одной из палаток спали немцы, в другой находилось горючее для заправки тягачей. Мы быстро распределили свои роли и с помощью ножей уничтожили всю оружейную прислугу. Немцы были во хмелю, был слышен запах шнапса, во второй палатке опрокинули бочки и вылили бензин на землю. Сами орудия стояли на поляне, замаскированные зеленым кустарником. Были с них сняты оружейные замки и уничтожены.

Выполнив задание мы двинулись обратно к линии фронта. Но мы знали, что задание полностью не выполнено. Не был захвачен «язык».

На третьи сутки, при подходе к линии фронта, мы обнаружили немецкий блиндаж, скрытно приблизились к нему. К блиндажу тянулись два провода, которые мы перерезали. На крыше блиндажа выступала часть печной трубы, в которую мы спустили гранату лимонку Ф-1. Последовал взрыв, мы ворвались в блиндаж и обнаружили трех немецких офицеров. Двое из них были убиты, один сильно ранен. Не могло быть и речи его доставить в часть. Пришлось его прикончить, захватив ценные документы и три парабеллума, мы поспешили затемно перейти линию фронта в условленном месте, что было и сделано. «Языка» мы взяли при выполнении следующего задания... [156].

Решетов Василий Иванович
Мы и тогда были уверены в победе

Когда мы в 1941 году ехали на фронт, под Куйбышевым по эшелону был передан приказ: «45 минут на разгрузку!». Построились

в пригородном лесу, получили новое обмундирование, и командиры сказали: нам представлена честь отпраздновать 24 годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. В 10 утра на центральной площади Куйбышева нас провожали в бой и напутствовали М.И. Калинин и К. Е. Ворошилов. На все годы войны хватило воспоминаний о том параде в ноябре 41-го.

В 1942 году я вступил в партию. На моем боевом пути были Москва, Сталинград, Воронеж, Ельня и самый радостный день – День Победы. В мае 45-го я был в Киеве, куда меня направили из Германии. В ту ночь мы поднялись не по тревоги – просто невозможно было спать, получив известие о долгожданной победе. Город лежал в развалинах, но ярко светило майское солнце и сияли улыбки на лицах киевлян. Ордена и медали блестели на наших гимнастерках. Вот когда можно было до глубины души почувствовать любовь народа к своим защитникам, к победителям! Нас обнимали, целовали, приглашали в гости.

...А тогда, в 1941 году, – воспоминания вновь и вновь обращаются к этому драматическому периоду в истории нашей родины – эшелон шел за эшелонами на Москву. По грязи, бездорожью перекатывали мы нашу «45-миллиметровку» с позиции на позицию... Мы и тогда были уверены в победе. Потому что безграничная преданность родине была у солдат и офицеров, у молодежи и людей пожилых – у всех, кто в нелегкие для страны годы встал на ее защиту [157].

Русаков С.
На Одере встречали победу

Боевые воспоминания о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. всегда будут жить в моем сердце. Мне как участнику войны с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. трудно что-либо выделить, настолько все живо сохранилось в памяти. Помнится мой первый бой. Это было в районе границы с Финляндией. В ночь на 23 июня отряд, которым мне пришлось командовать, был брошен на помощь пограничным войскам. Утром враг бросил большие силы. Мы вступили в бой, а затем перешли в атаку, враг был разгромлен. Бойцы всего отряда проявили большое мужество и героизм.

Надо сказать, что в первое время трудно было нашим войскам. Враг был силен и коварен. Приходилось оставлять занятые позиции, соблюдая боевые порядки и управление войсками. Но были случаи, когда отходили и без всякого приказа. Помню приказ Верховного главнокомандующего И.В.Сталина: «Ни шагу назад!» В связи с этим приказом в армии проводилась большая разъяснительная работа.

Постепенно стало стабилизироваться положение на фронтах. Враг был почти на всех направлениях остановлен, в том числе и на Карельском фронте. Наши войска перешли к прочной обороне и готовились к наступательным боям.

Очень хорошо запомнилась мне весна 1944 года. Был получен приказ о прекращении огня. Начинались переговоры с финнами. Война на Карельском фронте окончилась. Мы были очень рады. Но на остальных фронтах война еще продолжалась. Наша армия двинулась на Запад.

Стрелковая дивизия, в которой я служил, вошла в состав 2-го Белорусского фронта. Дивизия с боями освобождала Польшу. Сильные бои были на подступах к польскому порту Гдыне. Наша рота прикрывала шоссеюную дорогу. Бой был очень упорным, были уничтожены три вражеских танка.

Наша армия прошла от северных лесов, болот, Карельских озер до берегов Одера. Здесь и встречали мы победу [158].

Рыжов А.

Наше дело правое, и мы победили

В 1938 году я был призван в Советскую Армию. Окончил полковую школу, и меня направили на Финский фронт, где прямо на передовой линии занимался ремонтом оружейных и оптических приборов. Участвовал в штурме «линии Маннергейма» и во взятии города Выборга.

Началась страшная война с фашистами. Она застала меня в городе Варной, Литовской ССР. Под натиском превосходящих сил противника наши войска отходили на восток, сражаясь за каждую пядь земли. Мне запомнился такой эпизод. В первые же дни войны отступая, наши саперы не успели взорвать склады с оружием и бо-

еприпасами, эвакуировать которые не было никакой возможности. Меня вызвал к себе командир полка и поручил взорвать оставленные склады. Хорошо зная местность, ночью я пробрался к складам. Кругом хозяйничали фашисты, из домов на окраине неслись их пьяные крики и песни. Я вскрыл несколько гильз, насыпал на пол порох, из стоящей поблизости машины взял бензин и разлил его, где мог, затем раздобыл тол, бикфордов шнур, зажег его и побежал к лесу. Раздался сильный взрыв, и на месте складов с боеприпасами остались одни развалины.

Затем была оборона Ленинграда. Тяжелые бои под городом, за которые нашему полку было присвоено звание гвардейского. Затем командование направило меня на курсы по обслуживанию гвардейских минометов. Учеба на курсах, ночные работы по разгрузке боеприпасов, работы по сборке ручных пулеметов, и, наконец, в звании гвардии младшего техника-лейтенанта снова на фронте. Снова бои, но уже с другим оружием. Гитлеровцы на всю жизнь запомнили русские «Катюши». По официальным данным на каждого солдата и офицера, служившего в нашем полку, приходилось по 100 убитых немцев. Жестоко поплатились оголтелые вояки за кровь и слезы наших отцов и матерей, братьев, сестер и детей. После тяжелых оборонительных боев – долгожданное наступление.

Наша часть освобождала города: Псков, Тарту, Таллинн и Ригу. Потом мы освобождали Польшу, Чехословакию, Румынию, Венгрию и Болгарию. Например, чешский город Брно наш полк удерживал три дня, расстреливая фашистов прямой наводкой из «катюш», но так и не дал контрактирующим гитлеровцам войти в город. Наше дело правое, и мы победили. Светлая память о бойцах, погибших в войне с гитлеровскими захватчиками вечно с нами [159].

Рябиков Григорий Иванович

Осталось наследство – три десятка осколков в моем теле

Призван в армию 10.01.43 г. и попал в 36-й запасной стрелковый полк. Долгими или короткими были эти месяцы учебы не помню, но на всю жизнь сохранились жаркие августовские дни сорок третьего года. Тогда предстоял решительный бой под городом

Духовщиной Белорусской ССР, вблизи деревни Заволочиха, которую заняли фашисты.

Потрепанные в боях боевые подразделения были пополнены новичками, в числе которых был и я. Какие чувства испытывал перед боем? Да они были противоречивыми: страх и решимость испытать себя. До сегодняшнего дня помню имя коммуниста Бычкова. Пулеметной очередью этого солдата был сражен не один десяток фашистов, таким же отважным он был и в этом бою.

Отражая атаки фашистов, я отчетливо слышал стройную четкую очередь пулемета Бычкова. Это придавало уверенность, я не сразу почувствовал боль в левой руке, но когда она стала нестерпимой, попросил, товарища перевязать мне рану. Но вдруг я замер, чаще забило сердце, обернулся. Почему прервалась эта яростная, как барабанная дробь, пулеметная музыка, к которой я так постоянно прислушивался. Почему больше не слышу её? Когда своими глазами увидел мертвое тело Бычкова, вытирая с закопченного лица слезы, схватился за пулемет. Теперь уже его оружие было грозой для врага, достойным быть убитого коммуниста.

Вся оставшаяся часть дня прошла как в тумане, уже не было страха, тошнотой подступившего к горлу. Мной овладело одно непреодолимое желание сделать так, чтобы этих метавшихся, ненавистных, одетых в коричневое фигурок, становилось все меньше и меньше, и я делал все возможное. В этот день было отбито семь атак противника, вечером я был тяжело ранен в ногу, ночью – доставлен в полевой госпиталь.

После августовского боя 1943 года еще не раз заботливые руки врачей возвращали меня в строй, а когда война близилась к концу, прошел трудный бой с озлобленным, отступающим врагом под городом Кенигсберг, после него (5 марта 1945 года) я снова попал в госпиталь, где и пролежал полгода. Осталось наследство до трех десятков осколков, разбросанных по всему телу [160].

Савичев Николай Николаевич

Мы были спокойны: знамя в безопасности

...1926 год, Ленинград. Здесь я был призван на службу в Красную Армию и направлен в г. Старую Руссу, в стрелковый полк. Для

имеющих высшее, среднее и среднее техническое образование была организована отдельная рота краткосрочников-одногодичников. Командиром роты был грамотный и культурный офицер, наш земляк Г. Н. Терентьев. Но вскоре его отозвали на учебу в Москву. У меня сохранилась фотография всей роты 1927 года. Мы сфотографировались на память перед отъездом нашего командира ставшего в годы Великой Отечественной войны генерал – лейтенантом.

В грозный 1941 для страны и народа год я работал на строительстве Угличской гидростанции на Волге. В начале сентября был призван в армию и после окончания трехмесячных инженерных курсов усовершенствования командного состава направлен в действующую армию на Калининский фронт.

В начале 1943 года наша часть вошла в состав танковой армии под командованием М.Е. Катюкова и оставалась в ней до конца войны. Боевые действия этой армии хорошо известны. Наша инженерно-саперная часть в период боевых действий обеспечивала продвижение войск, строя мосты, переправы, ставя, снимая, по мере надобности, минные поля. Строительство мостовых переправ всегда дорого обходилось нам. Взять, например, такую переправу, как через р. Вислу.

При строительстве этой переправы авиация противника совершала до 18 налетов в день. Бывали случаи, когда при отсутствии пехоты саперы отбивали прорвавшего оборону противника. Во время взятия Берлина наша часть вместе с другими боевыми подразделениями участвовала в штурмовых группах и за свои боевые действия получила звание гвардейской, а на ее знамя были прикреплены ордена Красной Звезды и Александра Невского. А теперь несколько эпизодов военного времени.

Минные поля на Курской дуге

Летом 1943 года танковая армия вела бои на Курской дуге. Наша часть обеспечивала продвижение танков и другой техники. Однажды корпусный инженер приказал установить минные поля в районе лесного массива и перекрыть несколько полевых дорог. С группой минеров направили меня. Дождавшись темноты и погрузив мины на «полупорку», мы направились к месту. Не доезжая метров 700 до опушки леса, мы оставили машину в укрытии, а мины на ремнях понесли с собой. Пройдя метров 300, мы увидели непонятное для нас зрелище. Наши «У-2», пролетая над головами, бомбили опушку

леса, то есть то место, где нам приказано установить минное поле. Мы залегли и стали советоваться, что делать дальше. Решили установить минное поле немного дальше от опушки, перекрыв полевою дорогу, идущую к лесу. После этого были установлены другие минные поля, намеченные по заданию. При возвращении нас заметил противник и обстрелял минометным огнем, но все обошлось благополучно. Прибыв в расположение части, я доложил, что минное поле у опушки леса установить не удалось в связи с бомбежкой этого участка нашими самолетами. Командование части связалось со штабом армии и установило, что обстановка за ночь изменилась: район леса был занят противником. Узнав об этом, мы в душе благодарили летчиков, которые предупредили нас об опасности.

Зимой 1943 года боевые действия армии развернулись в районе Винницы. Нашими частями был взят крупный железнодорожный узел. Казатин и другие населенные пункты. Но положение изменилось, когда противник получил сильное подкрепление. Разгрузив в Виннице прибывшие танки, он, бросая их навстречу нашим наступающим частям. Одно время было такое положение, когда мы были почти окружены, и для выхода из окружения оставалась горловина шириной около 5 километров.

Бой завязался на окраине в не деревни, из штаба корпуса был получен приказ о выезде. Наша штабная машина, выйдя из общей колонны, по полевой дороге направилась в другую деревню, находящуюся в 4-5 километрах, из которой мы выехала накануне. В кабине с шофером сидел зам. командира части, а я с несколькими офицерами находился в машине.

С нами было в знамя части. Проехав километра 1,5-2 машина остановилась, и мы услышали взволнованный голос зам. командира части: «Знамя». Я схватил знамя и выскочил из машины, за мной – часовой при знамени и один или два офицера. Мы увидели впереди себя горящую машину и человека, махавшего вам рукой и, наверное, кричащего: «Куда вы едете!» По полю врассыпную шли танки противника и стреляли из пушек и пулеметов. Никто из вас не знал, что деревня, из которой мы накануне выехали, была занята противником. Вражеские танки двигались нам навстречу, мы залегли в борозде. Наша машина несколько минут покрутилась на месте, развернулась и на большой скорости стала удаляться по направлению общего потока отступавших частей. Увидев это, мы

с часовым выскочили из борозды и быстро побежали к ближайшей деревне, через которую проходили наши части. Осколки снарядов и пули свистели со всех сторон. Добежав до деревни, я совсем выдохся, но здесь встретил командира взвода, которому передал знамя, и тот бегом нес его до встречи со штабной машиной. Мы были спокойны: знамя в безопасности.

Переправа через Одер

Одной из больших водных преград на пути к Берлину была река Одер. Нашей части довелось участвовать в строительстве мостовой – переправы через Одер, в 5 километрах ниже г. Кюстрин. Один из эпизодов мне очень хорошо запомнился. Мостовая переправа была утверждена штабом инженерных войск фронта на свайных основаниях. Сваи, как правило, забивались вручную деревянной «бабой». Но забивке свай все время мешали артналеты противника. Как только саперы начнут забивку свай, сразу же в район переправы летят снаряды противника. Так было чуть ли не через каждые полчаса – час. Нам стало ясно, что у противника где-то есть наблюдательный пункт. Осмотрев близлежащую местность, мы увидели в одном из населенных пунктов высокую колокольню и предположили, что там засел наблюдатель противника. Нужно было только уточнить это и освободиться от наблюдателя. На помощь пришло одно из наших самоходных орудий, проезжавших мимо. Сообщив командиру орудия наши предположения, мы попросили его сделать несколько выстрелов по колокольне. С тех пор можно было спокойно работать. Задание командования было выполнено в срок. По мостовой переправлялись войска [161].

Садовников Пётр Иванович

Удержали высоту до прихода основных сил

Призван в армию в 1942 году Кимрским райвоенкоматом и направлен в училище сержантов, после его окончания направлен на Орловско-Курскую дугу в 380 дивизию, 1260-й полк.

В 1944 году был ранен – нет правой ноги. За время войны форсировал четыре водные преграды: реки Десну, Пронь, Сош, Днепр. На передовой находился 11 месяцев Освобождал город Орел.

В 1944 году участвовал в операции «Багратион» по освобождению Белоруссии. На следующий день, 27 июня 1944 г. был ранен.

Вот один эпизод из фронтовой жизни. Я был в роте с противотанковым ружьем Дегтярева. По приказу командира роты был передан стрелковой роте, т.е. пехоте для охраны. Нас было 5 человек, 2 ружья, гранаты. В этой роте был командир роты и его адъютант, т.е. их было 2 человека и нас 5, т.е. всего 7 человек. Командир роты боялся, что его накажут за потерю роты, и довел сведения в штаб полка, что у него в роте 40 человек. В полку оказалось, что в нашей роте больше людей, чем в других. Поэтому командир полка дал приказ нашему командиру роты взять высоту. Вызвал нас командир роты, объяснил обстановку. Днем, часов в 12, когда немцы отдыхали, а у землянок стояли только часовые, мы незаметно подползли, сняли часового, ворвались в землянки, и при помощи гранат и автоматов уничтожили немцев. Постепенно освободили высоту и удержали ее до прихода основных сил. Потерь не было, остались живы все 7 человек. За это командир был награжден орденом Красной Звезды [162].

Саенко Алексей Петрович **Так воевали подводники**

Перед войной я был студентом и Горьковского политехнического института, а во время войны стал, подводником. Условия ведения боя, в подводном флоте сложнее. Нам приходилось воевать в северных водах – шторм 5—12 баллов, снежные заряды, минные поля. Но ничто не могло остановить нас. В базы прорывались по узким фиордам, через минные поля, противолодочные сети. Судьба лодки и экипажа решалась смелостью, выдержкой и отличным знанием моряками механизмов и тактики.

...29 мая 1944 года, выходя из Порсангер-фьерда, в 10 часов 54 минуты, акустик Березовский доложил о шуме винтов. Подвсплыв под перископ, вахтенный офицер штурман А.А. Мицкевич обнаружил три немецких тральщика, шедшие уступом. Они | тралили фарватер. Объявили торпедную атаку. В 11 часов 24 минуты из носовых аппаратов выстрелили 4 торпеды. Через несколько секунд прогремели 4 взрыва. Подняв перископ, командир Н.П. Нечаев и

старпом П.Ф. Лигвинский увидели, что 2 тральщика исчезли с поверхности моря, а третий сильно накренился. Наконец-то и к нам пришла победа. В этот радостный день 29 мая 1944 года мне исполнился 21 год. Таких побед у подводной лодки С-130 было много [163].

Сайкин Л. **По дорогам войны**

Осень 1941 года. Замкнуто кольцо ленинградской блокады. Наша часть заняла оборону на Неве, в районе Невской Дубровки. Почти непрерывно шла обоюдная перестрелка из орудий и минометов. Наши части стреляли все реже и реже, чувствовалась нехватка боеприпасов, на каждый залп наших орудий враг отвечал десятками залпов.

Враг каждый день по несколько раз бомбил Ленинград. Были сожжены продовольственные склады города. Продовольственные пайки резко уменьшились не только для населения, но и в армии. Наступала суровая зима, а вместе с ней – зловещий голод и холод. Я служил и работал в те дни шофером. Поэтому мне часто приходилось бывать в эти суровые дни в Ленинграде.

Зима, как нарочно была очень холодной и снежной. Стояли на улицах трамвая, их заваливало снегом. Нечем было отапливать дома. Нахватало хлеба, продовольствия, от голода люда слабели и умирали даже на улице. А те, кто мог еще ходить, и днем я ночью продолжали ковать оружие для фронта, для обороны Ленинграда.

В декабре 1941 года через Ладожское озеро была открыта ледовая трасса, которая связала защитников осажденного Ленинграда с тылом. Эту дорогу ленинградцы называли «Дорогой жизни». Мне много раз приходилось ездить по этой трассе. Враг без конца бомбил и обстреливал ее с самолетов и из береговых пушек, но мы непрерывно, днем и ночью, колонна за колонкой перевозили грузы и людей. Не всем шоферам удавалось возвращать на свои базы, много моих товарищей ушло вместе с автомашинами под лед, да и мне однажды пришлось выкупаться в ледяной воде озера.

Весна 1942 года. Немцы сделали несколько попыток прорвать пашу оборону, но каждый раз откатывались назад. Это их видно

очень обозлило. Оки усилили обстрел и бомбежку наших позиций, а здесь еще с оттепелью стали подниматься грунтовые воды, заливать наши землянки и окопы, и случилось так, что нам негде было укрыться даже от осколков. Немцы, конечно, знали все эти трудности, которые мы переживали. В своих листовках, которыми стали засыпать нас, они то угрожали, что перемешают нас в этой болотине вместе с лягушками и ни одного солдата не оставят в живых, то призывали нас прекратить сопротивление и переходить на их сторону, обещая нам свободу и сытую жизнь.

В те трудные дни я и многие мои товарищи вступили в ряды Коммунистической партии. В свободное от основных обязанностей время ходили со снайперской винтовкой на передний край на охоту за фрицами.

Зимой 1942–1943 годов наша стрелковая бригада совместно с другими частями участвовала в ожесточенных боях по прорыву блокады Ленинграда. В эти дни и нам, шоферам, было очень жарко. Мы не выходили из кабины, обеспечивали всем необходимым наши наступающие подразделения.

В начале января 1944 года войска Ленинградского фронта перешли в наступление. Через несколько дней после упорнейших боев наша дивизия освободила Гатчину (за эту победу наша дивизия была награждена орденом Красного Знамени, ей было присвоено звание «Гатчинская стрелковая дивизия»).

Тяжелые дни были для нас под Нарвой. Плацдарм оказался слишком заболоченным, в землю зарываться не было никакой возможности. Немцы каждый день, с утра до вечера, обстреливали нас из орудий и минометов. А с воздуха пикирующие бомбардировщики засыпали нас бомбами.

Наш плацдарм, или «пяточок», как мы тогда его называли, был связан с «Большой» землей понтонным мостом, который почти ежедневно разбивался противником. Поэтому движение по этому участку проходило только ночью и, конечно, совершенно нельзя было пользоваться светом фар.

Наши части не только удерживали этот плацдарм но даже значительно расширили и подготовили условия для нового большого наступления, которое летом 1944 года осуществили. Прорвав линию обороны противника, прошли с боями по всей Эстонии, освободили Таллин.

Из Эстонии нашу дивизию перебросили в Литву. И вот перед началом нового наступления было приказано нашей дивизионной разведке разведать силы противника. Доставить разведчиков на передний край приказано было мне. Выехали мы с таким расчетом, чтобы прибыть на конечный пункт вечером. Доехали до места без особых происшествий, если не считать небольшой артиллерийский обстрел, под который мы попали.

Обратно ехал долго. Стало рассветать, а вокруг никаких признаков город. Я понял, что сбился с маршрута. Скоро кончился бензин в баках. К счастью, недалеко виднелся небольшой населенный пункт. В деревне я встретил женщин, но узнать мне ничего не удалось: они не знали русского языка. Потом одна из них побежала куда-то по деревне и через некоторое время возвратилась со стариком, который знал немного русский язык. Я ему объяснил свою просьбу, спросил, далеко ли отсюда до Мариямполь, он с подозрением посмотрел на меня и сказал, что такого города в Польше нет. Город Мариямполь находится в Литве. Я был удивлен и, признаваясь, немножко напуган эти сообщением. Старик, видимо, заметил мое замешательство, поспешил успокоить, что, мол, немцев в этом местечке уже нет, они еще вчера ушли.

Поляки оказались очень добрыми, они пригласили меня в избу, накормили, а пока я ел и разговаривал с дедом, одна из женщин по его указанию привезла к моей машине бензин. После заправки дед объяснил мне дорогу, сожалел, что не может проводить, т.к. болят ноги, боится обратно не дойдет. Он поговорил с женщинами и одна из них села ко мне в кабину. Я искренне поблагодарил деда, и мы поехали. По пешеходным тропинкам мы добрались до большой дороги, я дружески простился со своей проводницей и поехал. Через несколько часов я был уже в своей части.

Осенью 1944 года вместе с дивизией, в которой служил, участвовал в освобождении городов Кельце, Ченстохов и других и вышел на Одер. После завершения Одер-Нейсенской операции нашей дивизии было приказано взять курс на Чехословакию, в направлении Праги. В начале мая мы перешли границу Чехословакии. Как нас встречали чехи и словаки, трудно описать. Во всех населенных пунктах, где мы проходили, жители, от детей до стариков, выходили на улицы, бросались к нам на шею, обнимали и целовали, смеялись и плакали, тащили нам всевозможные угощения, приглашали

в свои дома и в квартиры, где угощали нас всем, что только имели. Хотя мы не знали языка, но хорошо понимали друг друга.

В ночь с 8 на 9 мая около 3 часов нас разбудила невероятная стрельба на улице. Хватаем свои автоматы и выбегаем. И какова была наша радость, когда мы узнали, что Германия капитулировала, что кончилась война. Я и мои товарищи подняли свои автоматы и тоже выпустили все патроны из дисков. Потом начали обниматься, целоваться, сами смеемся, а из глаз слезы льются. Чехи тоже вышли из своих квартир. Появились гармошки и начались танцы, пляски и песни. Так мы веселились до 6 часов утра.

А в 6 часов утра объявлена боевая тревога. Быстро привели свое оружие в боевое состояние и двинулись в наступление. Оказалось, что немецко-фашистская группировка в Чехословакии не признала капитуляцию Германии, не сложила оружие и продолжила сопротивляться. Весь день 9 мая наши части вели сильные бои на подступах к Праге. Только к концу дня был освобожден от немецко-фашистских оккупантов этот замечательный город. 10 и 11 мая добивали разрозненные группы фашистов в окрестности Праги. И так, мы кончили воевать только 11 мая 1945 года, а вернулся домой я только в апреле 1946 года... [164]

Самойлов Иван Андреевич **Охраняли небо над Волгой**

...Стерлись из памяти многие даты и события, трудно припомнить уже всех, с кем был в одном орудийном расчете, но хорошо помнится главное – как в едином порыве бойцы Красной Армии и труженики тыла были полны решимости не отдать врагу нашу столицу. Сначала наш дивизион был направлен под Иваново – мы охраняли меланжевый комбинат от налетов вражеской авиации, и не дали стервятникам сбросить ни одной бомбы, разбивали колонны штурмовиков, рвавшихся к Москве. В тех жарких боях хорошо показала себя противовоздушная оборона столицы. После этого часть перебросили на Большую Волгу, во втором эшелоне обороны.

Очень напряженная обстановка сложилась в то время на фронте. Враг занял Калинин, Клин, шли боя под Конаково. Каждый

день батареи поднимались по воздушной тревоги – колонны штурмовиков летели на Москву, пытались сбросить бомбы на дамбу, ГЭС, шлюз. Конечно, эти объекты охранялись особо, так как имели стратегическое значение: мы не могли допустить, чтобы в столь напряженное время столица осталась без воды. Дамба Ивановского водохранилища была закрыта со стороны фарватера противоторпедной сетью – на случай, если враг подойдет от Калинина; саперы заминировали часть дамбы, чтобы преградить путь вражеским танкам. На эшелонах из Москвы прибывали сибиряки и направлялись через канал в сторону Конаково. Из школьников старших классов и женщин формировались истребительные батальоны, которые прочесывали лес в поисках вражеских лазутчиков.

Однажды невдалеке от пристани показался наш самолет – обычный «кукурузник». И кто мог подумать, что за штурвал его сидит враг. Он подлетел к пристани, сбросил 3 бомбы, одна из которых попала в дебаркадер. Это был единственный случай, когда враг смог приблизиться к охраняемым объектам.

В то трудное время большую работу проводили политруки – от них мы узнавали об обстановке на фронтах, с ними обсуждали все военные новости.

В клубе на Большой Волге устраивали концерты самодеятельности, танцы. Жизнь шла своим чередом, и не только одни боевые тревоги составляли ее содержание. Бойцы получали из глубокого тыла посылки с кисетами, набитыми табаком, теплые шерстенные рукавицы, носки, и такая забота совсем незнакомых людей, которые, может быть, отрывали от себя последнее, согревала в трудную минуту в буквальном и переносном смысле.

А зима встала холодная, тревожные морозные закаты спускались на замерзшую Волгу. И однажды мы услышали радостную весть: враг отброшен от Москвы, бежит, преследуемый нашей армией. Вскоре после этого мы поехали в Клин на трофейную базу за пулеметами. На снежных полях за Конаково увидели вдалеке какие-то странные столбики. Взял бинокль, присмотрелся – все полу было усеяно окоченевшими трупами, их подняли, чтобы не замело снегом. Такие вот шли здесь упорные бои...

Потом нас передислоцировали под Торопец и дальше, на запад. В Торопце было множество военных госпиталей, шли жаркие бои, фашисты не хотели отходить от Москвы, не могли смириться

с сокрушительным поражением, которое потерпели они у стен советской столицы.

А после войны вернулся я на Большую Волгу, где еще осенью 41-го работал на токарном станке – командование направило нескольких токарей в мастерские, где точили корпуса для мин. Так я вернулся в эти края, с которыми свела война [165].

Сатылбаев Махмуд Садыкович **Умелый командир**

Я всегда восхищался смелостью, умением воевать наших боевых командиров. Запомнился мне случай проявленного героизма майором Гриненко.

Наш полк в составе 2-го Белорусского фронта на территории Польши в 1945 году преследовал отходящего противника. Отряд из ста человек должен был отрезать путь большой группе отходящего противника, для этого наша группа до назначенной точки пробиралась по бездорожью болотом. Таким образом опередила намного километров отступающего противника, устроила засаду и встретилась с ним, завязался неравный бой. Данной боевой операцией командовал майор П. Гриненко. Он и руководил боем, и одновременно сам в нем участвовал. В результате его активного участия и умелого командования отрядом в сто человек было уничтожено более тысячи солдат вражеской группировки, было захвачено много трофейного оружия, боеприпасов, транспорт [166].

Свешников Борис Николаевич **У меня одна мысль, одна цель – выгнать немецкую гадину (из фронтовых писем)**

24 марта 1942 г.

Здравствуй, дорогие мама, папа, Коля!!! Целую вас крепко. На днях получил от вас 2 письма. Очень рад, что вы живы-здоровы, живете нормальной трудовой жизнью! Я живу хорошо. Сейчас учусь больше летать. Морозы еще большие, несмотря на то, что

уже март. В воздухе температура колеблется от -50° до -20° , прохладно. Евгений три месяца уже ничего не пишет, я ему посылаю подряд 3 письма.

Я спокоен. У меня одна мысль, одна цель – выгнать немецкую гадину. Я подал заявление о вступлении в кандидаты ВКП(б). На днях думаю окончательно оформиться. Желаю вам лучших успехов и счастливой трудовой жизни.

Почему молчит Коля? Мне ваши письма очень приятны. Особенно приятно, что папа дома, что вы пока обеспечены необходимым. Как у вас с хлебом? С питанием у нас нормально. Живем весело. Имею замечательных товарищей Иннокентия и Дмитрия Петровича. Живу с ними как с братьями. Они шлют вам привет, Митя из Украины. Вероятно, семья его осталась у немцев – 6 месяцев ничего не слышит. Иннокентий – сибиряк.

21 октября 1943 г.

...Сообщаю вам, что жив и здоров как бык. Живу хорошо. Теперь ношу 2 ордена. Мне кажется странно, да и вам, наверное, – не ожидали вы от вашего бестолкового Борьки. Напишите, как живете. Как пишет Колька? Новостей в моей жизни нет. С Днепра немцы гонят. Зима также его не помилует. Дело его проиграно совсем...

20 марта 1944 г.

Простите, что долго не писал вам, да и долго не получал от вас ничего. Видимо, пока доберется почта по украинской грязи, придет май. Живу прежней жизнью, как всегда, очень радуют победы Красной Армии и наши под командованием Жукова. Весна тоже радует своей прелестью. Как живет Коля? Что он пишет? Я от него ничего не получал. Получил письма от Алексея Волкова, Николая Зайцева – они радуют меня. Расстался с товарищем по службе – замполитом. Грустно. Он был чудесный человек. И вообще очень тяжело и трудно расставаться с теми, с кем вместе дерешься с немцем, все переживаешь. Напишите, как у вас дела? Как ваше хозяйство? Выжило ли в условиях зимы? Как живет колхоз и Волга?

25 июня 1944 г.

Здравствуй, мои дорогие! Сегодня у меня радостный день. Получил письма от вас по новому адресу, а по старому адресу при-

слал Серозудтдинов. Теперь я вполне успокоился. Хочется очень часто слышать о вас, о Николае – становится радостно и приятно.

...Наступило самое интересное время перед последней жестокой бурей. Ясно, что она будет короткой. Мне вполне понятна работа папы. Я знаю его характер, трудолюбие и прочее. Часть я унаследовал от папы – честность, порядочность – я горжусь этим, горжусь своим отцом...

21 января 1945 г.

Каждый день прибавляет нам радостные вести – о новых успехах Красной Армии. Чувствую вашу радость, ликование. На стали дни последних побед. Ясно, что и мы радуемся не меньше. Приеду 1 мая праздновать домой в Дубну – в Россию. Соскучился по России – родной земле... Как приятно вспомнить о Москве, Киеве, Курске – русских городах, родных людях. Скоро на Родину!

6 февраля 1945 г.

...Радуюсь нашим победам. Сегодня, 6 февраля, передали, что наши войска форсировали Одер. Папа как стратег поймет, что это значит и что за геройство Красной Армии. Живу по-прежнему. Скучаю о самолете. Посылаю вам фото. Снят с Василиев Малаховым в декабре 44-го. Он сейчас летает. Как видите, порядочек... [167]

(Б.Н. Свешников, штурман авиации, погиб в Австрии в 1945 году.)

Сизов Иван Васильевич

В этот день я заступил дежурным по полку

В 1944 году под Москвой, в Нахабино, был создан Первый запасной учебный полк подготовки младших специалистов инженерной техники. С самого начала я командовал учебным взводом, поскольку к этому времени прослужил в Красной армии пять лет и, в сущности, стал кадровым офицером.

День Победы застал меня в Нахабино, и так случилось, что в этот день я заступил дежурным по полку. 9 мая с утра расположение полка начал покидать командный состав: командир полка, его

заместители, начальник штаба, командиры батальонов... За ними потянулись командиры рот, взводов, так что вскоре не осталось никого из офицеров. Разбрелись сержантский и рядовой состав в близлежащий город Тучково... В военном городке осталась лишь караульная рота. В это время прибыл эшелон с имуществом и продовольствием для полка. На разгрузку прибывших вагонов пришлось собирать по ближайшим окрестностям уже празднующих военнослужащих.

А в Москве – грандиозный салют, отблески которого были видны за несколько десятков километров у нас в Нахабино [168].

Симаков Павел Васильевич **На войне бывало все**

В армию был призван в январе 1943 г. Был зенитчиком, воевал на Ленинградском фронте. Там же получил первое ранение в руки и ноги. После этого был направлен в госпиталь, где пролежал три месяца. После лечения направлен на передовую.

Почему-то вспоминается случай, произошедший с товарищем. Было это уже в Германии, под Дрезденом. Охранял их расчет штабной пункт. А обстановка была такова, что продвижение по территории разрешалось только в ночное время, т.к. днем обстреливали немцы. И за едой (до кухни было где-то около километра) ходили только ночью. Однажды кухня почему-то задержалась, а солдаты уже все были в распределении, и, так иногда бывало, что совсем оставались без еды, т.к. кормили два раза. На следующее утро один товарищ не выдержал, вышел на улицу по надобности. Через некоторое время он со стоном заполз в землянку. Ему попало разрывной пулей в ягодицу. Вот было и такое... [169]

Смоляков Фёдор Тарасович

Об огнях, пожарищах, о друзьях, товарищах

На Финской войне

В октябре 1938 года Брянским райвоенкоматом я был призван в Рабоче-крестьянскую красную армию и оказался в городе Опоч-

ка под Ленинградом, в дивизионной саперной школе. Место знаменитое, еще Пушкин прославил его в своих стихах. В результате года учебы освоил саперное дело, получил два треугольника на петлицы – стал младшим командиром. А в это время был призыв в армию старших возрастов, вот так в моем отделении оказалось одиннадцать «новобранцев» под тридцать лет! Все, чему нас обучали в течение года, старался передать им. Но это продолжалось недолго.

Вскоре начались военные провокации со стороны белофиннов, и меня направили в 203-й саперный батальон 155-й стрелковой дивизии. Едва успели стать на довольствие – и сразу в бой. Маршрут нам был указан до Порос-озера, что за Медвежьегорском. Условия, помню, были адские, морозы стояли сорокаградусные, а на пути следования часто встречались незамерзающие озера и болота. Для преодоления этих преград, переброски войск и снаряжения нам, саперам, приходилось в ледяной воде наводить переправы, гати... Много было боевых заданий по минированию и разминированию рубежей. После финской кампании в марте 40-го года вернулись в Барановичи, в Белоруссию. Назначили меня отсекром – освобожденным секретарем комсомольского бюро в звании заместителя политрука (четыре треугольника в петлицах и звездочка на рукаве гимнастерки).

Польская граница, отступление

В июне 1941 года капитан Корнеев приказал мне выехать в саперную роту, которая строила укрепления на советско-польской границе, в районе города Остров Мазовецкий, для укрепления политико-воспитательной работы. Здесь я познакомился с заместителем начальника погранзаставы – молодым политруком, и мы быстро наши общий язык. На воскресенье, 22 июня, был намечен матч по волейболу между пограничниками и саперами. В субботу, 21-го, я прибыл в роту, и мне отвели место в землянке в три наката.

В четыре утра проснулся от разрывов мин и снарядов, вылез из землянки и увидел немецкие самолеты, которые на бреющем полете расстреливали заставу из пулеметов. Команда «в ружье» – бегом на заставу, где нам сообщили о начале войны. Отвели роте участок для обороны. Шесть часов вели бой, а потом был дан приказ отходить через Белосток в Барановичи. Рота была уже непол-

ной. Мы старались не попадаться на глаза противнику, и это нам удалось. Потом были трудные дни отступления в составе 13-армии под командованием генерала Пухова, которому удалось сохранить и вывести армию в тяжелейших условиях. Таким военачальникам надо было памятники при жизни ставить. Кстати, это был единственный командарм, похороненный на Новодевичьем кладбище.

Наш саперный батальон насчитывал в это время до сорока человек. По пути к Смоленску был приказ уничтожать за собой все важные объекты. В один трудный момент мы оказались в таком плотном окружении, что спаслись буквально чудом: если бы не глубокий овраг, встретившийся на пути, этот бой для всех был бы последним. Мы скатились в этот овраг и затаились. Немецкие собаки лают наверху, а мы лежим не шелохнувшись... Дождались ночи. Надо бы выходить, а куда? Комбат Великанов сориентировался по карте – недалеко река Березина, надо идти к ней. А как? Ночь, огонь не зажжешь, кругом немцы. И послал он меня с младшим сержантом Пашкой Гордеевым в деревню на разведку. Добрались мы до первого дома на краю деревни, стучим в двери. Тишина. Постучали погромче – открывает хозяйка. Увидела форму нашу – обрадовалась. А в доме собралось человек тридцать, все вповалку. «Немцы в деревне есть?» – «Есть, но на другом конце», – еще одно везение. – «А как пройти к Березине?» – «Путь только через болота». – «А болото глубокое?» – «Местами по грудь, но пройдете прямо к реке». Вернулись мы в свой овраг, взяли с собой все, что при нас: «Ну, пойдем!..». И так, след в след, потихоньку, шаг за шагом, шли сквозь кромешную ночь по болоту, пока не вышли на высокий берег Березины. Уже утро встало, и такая красота на берегу!

Снова вдвоем идем в разведку по скошенному полю, немцев не видно. Походим к копне, и вдруг: «Стой, кто идет?» Оказалось, наши здесь оборудовали заставу для встречи таких, как мы, окруженцев. Переправили наш батальон на подготовленных плавсредствах, а на другом берегу уже ждут нас объятия товарищей по оружию и чугуны с дымящейся картошкой... Так мы окончательно вышли из окружения и двинулись к Смоленску. Бои по обороне этого города были тяжелые, он неоднократно переходил из рук в руки. Потом армии дали команду сместиться к Брянску и Бежецку. Там поставили новые задачи.

На берегах Десны

На одной из железнодорожных станций нашей группе из пяти человек поручили взорвать основные объекты, но сделать это, как говорится, под самым носом у немцев. Заминировали здания, ждем. Поздно вечером показались вдалеке вражеские мотоциклисты. Приготовились. Они – ближе. Пока надо сидеть в укрытии тихо. Звучит команда: «Объекты – взорвать!». С помощью динамо-машины и проводов, подключенных к зарядам, это делается быстро. Рядом – река Десна, куда мы отходим после выполнения задания. Комбат ставит новое задание – взорвать деревянный мост через реку. Но у нас уже нет ни бикфордова шнура, ни провода – все ушло на предыдущую операцию. Тогда ставим заряды в расчете на детонацию, и последний – с коротким шнуром. Вырываю для себя окопчик, поджигаю шнур – и мощный взрыв застает меня в последнем прыжке... За эту работу я получил свою первую награду – медаль «За боевые заслуги», с выбитым на ней номером, поскольку их еще немного тогда чеканилось.

Еще со времен выхода из окружения «везло» мне с разведкой. Под Бежецком после отступления на другом берегу реку оставили наши много боевой техники. Комдиву майору Лосько было приказано за ночь переправить всю эту технику на нашу сторону, а меня вместе с командиром батальона послали верхом на лошадях к реке осуществить рекогносцировку на местности. С другого берега врезали по лошадям из пулеметов – такого ураганного огня мне больше испытать не довелось. Кое-как отползли к железнодорожной насыпи. Кто же так среди бела дня под ураганный огонь в разведку посылает? Ночью на всех подручных средствах вывозили технику с поля боя...

Сорок лет спустя однополчане встретились в Курске. И бывший комбат, уже генерал-лейтенант, вспомнил такой эпизод их тех времен. «Товарищ комдив, – докладывал он, – технику переправили!» – «А сколько орудий?» – «Три, четвертое в реке затонуло», – «Пока все не переправите, не возвращайтесь!» Всю ночь ныряли, но вытащили...

Станция Касторное. Из тех многих боевых операции, в которых мне приходилось участвовать в период Великой Отечественной войны, мне ярко запомнилась Воронежско-Касторненская операция, которая явилась новым свидетельством возросшего военного

мастерства наших войск, высоких морально-боевых качеств советских воинов. ...Воронежско-Касторненская операция, которая преследовала своей целью окружить и уничтожить вражескую группировку противника, началась наступлением наших войск 24 марта 1943 года. Участники войны хорошо помнят, что зима 1943 года была холодной. В отдельные дни января мороз достигал 28-30 градусов. Большие снегопады и метели в конце января осложняли ведение боевых действий, если при этом учесть, что наступать нашим войскам приходилось в условиях бездорожья. А имевшиеся дороги в связи с глубоким снежным покровом и заносами на отдельных участках были труднопроходимыми не только для автотранспорта, но и для танков.

Нередкими были случаи, когда артиллерию, поддерживающую стрелковые части, приходилось в прямом смысле слова переносить на руках с одной огневой позиции на другую. Если к этому добавить то яростное сопротивление, которое оказывали обороняющиеся немецко-фашистские войска, зная замысел советского командования об окружения группировки, то можно себе ясно представить сложные и трудные условия, с которыми встретились наступающие советские войска.

...Однако несмотря на все трудности, наше соединение успешно выполнило боевую задачу и 29 января овладело гор. Касторное, тем самым отрезав пути отступления немецко-фашистским войскам в данном направлении. ...Комдив наш Лосько проявил себя в этих боях как умелый и храбрый командир. Началось наступление, подошли вплотную к станции: «Дивизия, на штурм!» А там у немцев скопилось несколько эшелонов техники в расчете на наступление. Богатые трофеи взяли, даже целый состав из нескольких цистерн со спиртом был, ну, к нему, конечно, специальную охрану поставили... Вспомнился сейчас наш политрук Воробьев, который меня долго опекал. Он стал поднимать полк в атаку и погиб...

Немцы отступали толпами. Дороги были забиты танками. В деревне Куликовка оставили наши стрелковую роту, и отступавшие немцы ее заблокировали – всеми родами войск. Лосько дал команду двинуть на Кулировку танковый батальон из резерва. Такого я еще не видел!.. Танки буквально смели с лица земли оборону противника, и наша рота была спасена. Илья Эренбург, который оказался в этой деревне, пообещал: «Обязательно назову свой ма-

териал «Куликовская битва». Пленных вели через Касторное, и вид их был так неказист, что я подумал: «Ну и вояки!». Их же еще в Воронеже сильно потрепали, да и в Куликовке добавили.

В нашей дивизии был фотограф, сын полка Анатолий Сошников. Я ему комсомольский билет вручал. И много лет спустя подходит ко мне в Дубне мужчина, спрашивает: «Федор Тарасович, не узнаете?» – Присмотрелся я. – «Нет, не узнаю...» – «А помните Касторную, трофейный автомобиль, на котором я вас тогда сфотографировал?» – «Анатолий!» Вот так много лет спустя встретились в Дубне однополчане. Сошников сделал после войны три альбома со своими фронтовыми фотографиями, один подарил музею в Курске, второй – мне, а третий оставил у себя. Хорошая память осталась...

...В успешном выполнении боевой задачи большую роль сыграл моральный дух солдат, сержантов и офицеров частей соединения. В этом большую роль необходимо отвести партийно-политической работе, которая проводилась среди воинов накануне наступления. Командиры, политработники, партийные и комсомольские организации воспитывали у личного состава чувство советского патриотизма и ненависти к врагу, готовность преодолеть многие трудности в бою. Основное внимание в партийно-политической работе было обращено на пропаганду боевого опыта, накопленного Советской Армией в период контрнаступления под Сталинградом. ...Воронежско-Касторненская операция вписала ряд новых страниц в историю Великой Отечественной Войны советского народа. ...С ликвидацией воронежского выступа и разгрома обороняющей его группировки противника были созданы необходимые условия для проведения новых наступательных операций советских войск на Курском и Харьковском направлениях.

Ольховатка – Поньри

Потом на направлении Ольховатка – Поньри, где дислоцировалась дивизия, у саперов много работы было. Командование приняло решение перейти в жесткую оборону. Соорудили две оборонительные полосы, одних траншей семь с половиной километров, на каждой – противотанковые узлы. Ждали «пантер» и «тигров», а у них лобовая броня 8-10 сантиметров. Жуков никогда не приезжал на позиции с пустыми руками: поступала новая техника, 152-миллиметровые орудия, почти всех бойцов оснастили автома-

тами ППШ, все закапывалось в землю, оборонительные сооружения очень мощные воздвигли... Разведка доложила, что немецкое наступление начнется 5 июля 1943 года. Утром все офицеры политотдела дивизии, в том числе и я, были уже в частях. Я оказался в своем родном 1023-м стрелковом полку, который оборонял Поньри. Рокоссовский решает в четыре утра открыть массированный огонь по позициям противника. Артиллерия, авиация, минометный огонь – все обрушилось, как ураган... В какие-то минуты, стоило поднять голову, – в небе до четырехсот наших и немецких самолетов... Наступление немецких частей на Ольховатку захлебнулось, и в бой пошли наши. Порядок был такой: сначала 15-20 тяжелых танков, потом самоходные орудия, пехота на БТР, легкие танки... 7 июля на этом направлении сосредоточились еще большие силы, чтобы развить успех операции.

К нашему комдиву Еншину, которого в своей книге «Воспоминания и размышления» очень положительно охарактеризовал маршал Жуков, приехал Константин Симонов, побывал на позициях... В это утро в районе Поньрей все так грохотало, что не поймешь, что, где и как. Примерно так описал он увиденное в своей газетной статье, а Рокоссовский в книге «Долг солдата» уже восстановил ход событий как военный стратег... На железнодорожной станции уцелела только водонапорная башня, на которой размещался наблюдательный пункт нашего полка. Она удерживалась силами роты, а когда немцы подошли близко и окружили НП, лейтенант Рябов вызвал огонь на себя... Эту битву мне никогда не забыть. Жуков в своих мемуарах очень высоко оценил роль 307-й дивизии. И я всегда рассказывал об этом жене и детям, с которыми мы не раз проезжали эти места.

После освобождения Новозыбково, что в Брянской области, дивизии присвоили наименование Новозыбковской, потом на этом месте в ее честь памятник соорудили. Наши ветераны там после войны побывали, написали мне об этом в письме, прислали фотографии. А когда дивизия входила в этот городок, отступающие немцы вместе с местными полициями организовали несколько специальных команд, которые поджигали дома. Трех немцев и двух полицаяев удалось схватить, и военный трибунал приговорил их смерти. Тут же, на центральной площади, приговор привели в исполнение.

В Москву, на учебу

В октябре 1943 года заместитель начальника политотдела дивизии мне сказал: «Собирай вещмешок, поедешь учиться в Москву» – «Как учиться! А воевать кто будет?» – «Сегодня утром должен быть в политуправлении второго Украинского фронта»... Вот так образовался для меня небольшой перерыв в боевых действиях. В академии встретил я свою будущую жену Нину, вскоре мы поженились...

8 мая 45-го: Победа!

В 44-м году направили меня в 35-й гвардейский корпус в Румынию на должность инспектора политотдела. Потом была Венгрия, взятие Будапешта, Австрия... 8 мая в политотделе получаю очередное задание, и вдруг все заговорили: война закончилась. До командира корпуса Горячева это известие не сразу доходит, а когда доходит, он сразу поручает адъютанту: «Ну-ка, проверить!» Оказывается, это телефонистки первыми узнали об акте капитуляции и растрезвонили радостную весть. Получили официальное подтверждение... Теперь я понимаю, почему командир сразу так отреагировал. Столько лет шла тяжелая кровопролитная война – и вдруг! – вот так, в один день и одну ночь все закончилось... Правда, и в Будапеште, и в некоторых австрийских городках еще несколько недель очищали кварталы от последних вражеских стрелков... [170]

Соболев Николай Кузьмич

Много было памятных операций за годы войны

Наше наступление продолжалось в направлении Клин–Солнечногорск. В упорных кровопролитных боях 12 декабря освободили Солнечногорск, 15 декабря штурмом овладели Клином. Освобождая шаг за шагом родное Подмосковье, мы, советские воины, становились свидетелями зверств немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной территории. В деревне Гордино заживо были сожжены наши попавшие в плен тяжело раненые воины. В другой деревне, полностью сожженной, осталась лишь школа-семилетка. Фашисты согнали в нее все население, заперли двери, облили бензином и подожгли. Тех, кто пытался вы-

браться из огня,- расстреливали. Все это нам пришлось увидеть своими глазами. Гитлеровцы думали, что жестких террор породит страх у советских людей, поможет привести к покорению.

Памятным событием для нас, воинов, был приезд М. И. Калинина. Он встретился в освобожденном Клину с бойцами и командирами I-ой ударной армии, выступил на митинге. Это выступление еще больше подняло боевой дух в борьбе за освобождение от фашистов нашей Родины!

После разгрома немецко-фашистских войск под Москвой 1-ая ударная армия, в которую входила 2-ая Московская стрелковая дивизия, прибыла на Калининский фронт, а затем на Северо-Западный, совершив более 200-киллометровый марш в пургу по бездорожью и глубокому снегу. Приближаясь к району сосредоточения, дивизия входила в прорыв, совершенный соединением 1-ой и 2-ой гвардейских стрелковых корпусов, с целью его расширения.

С боями продвинулись на три-четыре километра в глубь, расширить эту территорию оказалось делом трудным. Но вскоре пришла радостная весть, 1-ый гвардейский стрелковый корпус в районе деревни Залучье, соединился с войсками 3-ей ударной армии. Это было одно из первых в начале войны окружений крупных сил противника. Для прорыва к окруженным войскам противник создал сильную группировку, одновременно большие группы транспортных самолетов в сопровождении истребителей днем и ночью перебрасывали окруженным подкрепление, боеприпасы и продовольствие. Лишь ценой больших потерь фашистским войскам удалось выйти из окружения.

Много было еще памятных операций за годы войны. Все более мощными становились удары наших войск. Хорошо помню как в ночь, под Новый, 1943 год наша дивизия штурмовала фашистские укрепления. Первые выстрелы по вражеской обороне сделали «Катюши». Вслед за «Катюшами» в сопровождении артиллерийского и минометного огня 177-й танковой бригады мы в составе 518-го стрелкового полка бросились штурмовать Цемена. Фашисты отбили атаки. В течение 12-15 суток мы вели бой и вышли затем из окружения и соединились с частями дивизии. А 23 мы штурмом овладели Цеменом, форсировав затем реку Ловать. Мы продолжали теснить фашистов до тех пор, пока не была окончательно разгромлена Демьянская группировка фашистов [171].

Соболев Пётр Ефимович **Защищая столицу**

Боевое крещение

Первое боевое крещение наша часть приняла в районе гор. Молодечно. С тяжелыми оборонительными боями отступали мы вместе с нашими войсками в глубь страны. В октябре 1941 года фашистские полчища стояли уже под Москвой. Нависшая опасность не сломала волю нашего народа. По стране от края до края несло: «Мы с тобой, родная Москва!» На помощь столице пришла вся страна. И как бы ответом с фронта было: «Выстоим!»

23 октября вместе со 2-й Московской стрелковой дивизией мы заняли оборону на подступах к столице по линии Раздоры – Одинцово – Прокшино – Петрухино – Воробьево – Щукино – Раменки и др., а на второй день вступили в ожесточенные бои. У многих из нас не было ещё ни боевого опыта, ни военной закалки, но у всех было горячее желание защитить столицу. С винтовками и гранатами героически дрались с фашистами, сдерживая их натиск.

4 ноября 1941 года в дивизию поступил приказ из штаба военного округа, в котором говорилось, что наша дивизия будет участвовать в праздничном параде на Красной площади в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Это сообщение вызвало у всех бойцов и командиров огромный патриотический подъем. Не все воины дивизии участвовали в параде, многие остались на оборонительных рубежах, но мне посчастливилось участвовать в параде. И хотя строй наш, помню, был неровный, а шаг не чеканный, на наших плечах лежали лыжи, дивизия представляла грозную силу и доказала это в последствии в боях.

В середине ноября 1941 года фашисты прорвали оборону севернее Волоколамска и вышли на Ленинградское шоссе в районе Завидова. В помощь оборонявшим Клин войскам был направлен наш штурмовой лыжный батальон 2-й Московской стрелковой дивизии. Мы заняли оборону по берегам рек Сестра и Липня. На наш батальон возлагалась задача занять оборону на северо-западном фланге от Клина. В течение двух суток мы зарывались в землю, отрыли противотанковый ров и окопы полного профиля, установили около двух десятков бетонных колпаков. Днем 22 или 23 ноября 1941 года враг начал атаку. Вначале показались танки с автоматчи-

ками, за ними – пехота. Танкисты на большой скорости пытались прорваться через нашу линию обороны.

На фоне белоснежных полей неслись по шоссе черные с белыми крестами на бортах два фашистских танка. Навстречу им выскочил из укрытия комсомолец Саша Климатов. Он добежал до кустарника рядом с шоссе и залег. Когда передний фашистский танк поравнялся с кустарником, в него полетели гранаты. Машина развернулась на одной уцелевшей гусенице и остановилась. Над ней поднялись клубы черного дыма. Вражеские автоматчики бросились врассыпную, ведя бесприцельный огонь. Второй танк немедленно повернул обратно. Фашистские пехотинцы продолжали наступать.

Завязался ожесточенный бой. Фашисты подбирались к нашим окопам. Здесь мы встречали их огнем из винтовок и автоматов. Это боевое крещение мы выдержали с честью, более чем на двое суток задержав продвижение вражеских войск. В конце ноября наша дивизия заняла оборону на других рубежах. Это Поведенки, Шапово, Афанасьевы, Грязново, Лианозово другие населенные пункты. Положение на фронтах в это время ещё более осложнилось. Фашисты подошли в некоторых местах до 25 км к Москве. Наш лыжный штурмовой отряд был переброшен в оборону на канал Москва-Волга и Дмитровское шоссе.

27-28 ноября мы заняли оборону в районе Перемилово и Семашки. В ночь танки противника захватили Яхрому, мост через канал и начали наступать на наши боевые порядки. В течение суток проходили ожесточенные бои за Перемиловские высоты и канал Москва-Волга. На рассвете 29 ноября фашисты были разгромлены и остатки их частей отброшены за канал. 6 декабря началось общее наступление под Москвой. Вместе с 1-й ударной армией мы полностью освободили гор. Яхрому, затем освободили деревни Яковлево, Астрецово, Ново-Карцево, обратив фашистов в бегство. Много моих друзей и товарищей по оружию сложили свои головы в этих боях и сейчас лежат в братских могилах за Перемилово и в г. Яхроме.

Продолжая наступление

Наше наступление продолжалось в направлении Клин – Солнечногорск. В упорных кровопролитных боях 12 декабря освободили Солнечногорск, 15 декабря штурмом овладели Клином.

Освобождая шаг за шагом родное Подмосковье, мы, советские воины, становились свидетелями невиданных зверств немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной территории. В деревне Гордино заживо были сожжены наши попавшие в плен тяжело раненные воины. В другой деревне, тоже полностью сожженной, осталось лишь школа-семилетка. Фашисты согнали в нее все население, заперли двери, облили помещение бензином и подожгли. Тех, кто пытался выбраться из огня, – расстреливали. Все это нам пришлось увидеть своими глазами. Гитлеровцы думали, что жестокий террор породит страх у советских людей, поможет привести к покорству.

Памятным событием для нас, воинов, был приезд на фронт М.И.Калинина. Он встретился в освобожденном Клину с бойцами и командирами 1-й ударной армии, выступил на митинге. Это выступление еще больше подняло боевой дух в борьбе за освобождение от фашистов нашей Родины!

После разгрома немецко-фашистских войск под Москвой 1-я ударная армия, в которую входила 2-я Московская стрелковая дивизия, переименованная затем в 129-ю стрелковую дивизию, вскоре прибыла на Калининский фронт, а затем – на Северо-Западный, совершив более чем 200-километровый марш в пургу по бездорожью и глубокому снегу.

Приближаясь к району сосредоточения, дивизия входила в прорыв, совершенный соединениями 1-го и 2-го гвардейских стрелковых корпусов, с целью его расширения. Это был узенький «коридор» юго-восточнее озера Ильмень. С боями продвинулись на три-четыре километра вглубь, расширить же эту территорию оказалось делом трудным.

Но вскоре пришла радостная весть – 1-й гвардейский стрелковый корпус в районе деревни Залучье соединился с войсками 3-й ударной армии. В кольце с центром Демянск оказалось около 70 тысяч солдат и офицеров 16-й армии врага под командованием генерала фон Буша – бывшего начальника отдела Генштаба немецкой армии. Это было одно из первых с начала войны окружений крупных сил противника. Для прорыва к окруженным войскам противник создал сильную группировку, одновременно большие группы транспортных самолетов в сопровождении истребителей днем и ночью перебрасывали окруженным подкрепление, боепри-

пасы и продовольствие. Лишь ценой больших потерь фашистским войскам удалось выйти из окружения.

Много было еще памятных операций за годы войны. Все более мощными становились удары наших войск. Хорошо помню, как в ночь под новый, 1943 год наша дивизия штурмовала фашистские укрепления. Первые выстрелы по вражеской обороне сделали «катюши». Вслед за «катюшами» в сопровождении артиллерийского и минометного огня 177-й танковой бригады мы в составе 518-го стрелкового полка бросились на штурм Цемена. Фашисты отбили атаки. При этом они окружили наш 1-й батальон (командир-капитан П.М. Смутьский, ныне полковник в отставке, проживает в гор. Симферополе) В течение 12-15 суток мы вели бой и вышли затем из окружения и соединились с частями дивизии. А 23 февраля мы штурмом овладели Цеменом, форсировав затем реку Ловать. Мы продолжали теснить фашистов до тех пор, пока не была окончательно разгромлена демянская группировка фашистов [172].

Соколов Константин Александрович **С «Катюшей» от Калинина до Вены**

Я родился 14 марта 1924 года в деревне Вонтря Талдомского района Московской области (до революции Калязинский уезд Тверской области). Она стоит на берегу реки Дубна, на стыке 3 губерний. Наша д. Вонтря на правом берегу, а деревня Глинки на левом берегу Дубны. А за деревней протекает приток р. Дубна речка Свистушка, которая разделяет Тверскую губернию с Владимирской. За Свистушкой д. Аймусово. Это всё очень близко. После революции вся эта территория была включена в административное деление Московской области, в Талдомский район. Начальную школу я закончил в 1936 году и поступил в среднюю школу д. Запрудня. В 1939 году после ее окончания поступил в школу АРЕ при ГРЭС №3 им. Классона посёлок Электропередача Павловского Посадского района Московской области – ныне г. Электрогорск. В 1940 году, отучившись год и три месяца, нас досрочно выпустили, присвоив квалификационные разряды электриков-подстанционников и направили на работу на авиазавод №219 в посёлок Первомайский, ныне г. Балашиха. Дали общежитие, комнату на 6

человек в 3-х комнатной квартире. В других комнатах проживали семьи из 4-х и 2-х человек.

Я был направлен на работу электриком по эксплуатации электрооборудования литейно-формовочного цеха. Дежурили по 12 часов бригадами по 5 человек две смены в день – с 20.00 до 20.00 и две смены в ночь с 8 до 8 утра. В ночь с 21 на 22 июня я сменился в 8 утра. Ничего не предвещало плохого, был теплый солнечный день. Только я пришёл с работы, хотел отдохнуть, как в 12 дня по радио объявили о начале войны. В этот же день опустели прилавки магазинов. Выходные у меня были большие, и я примерно в месяц раз ездил к родителям в деревню, а после начала войны старался поехать каждый выходной. Есть-то стало нечего, а в деревне и молоко своё и картошка. Ездить стало трудней, через Москву с Курского вокзала на Савеловский. Несколько раз воздушная тревога заставляла в трамвае. Как только объявляли воздушную тревогу и начинали выть серены, трамваи останавливались и всех пассажиры бежали в ближайшее бомбоубежище. Один раз меня застала воздушная тревога недалеко от площади Пушкина, где редакция газеты «Известия». В бомбоубежище набилось полно народа, спать почти никто не спал, были слышны разрывы бомб. Утром после отбоя воздушной тревоги, когда мы вышли из бомбоубежищ, на улице стояла дымка, пахло гарью от зажигательных бомб. На площади Пушкина, на перекрестке, было несколько направлений рельсовых путей. Одна бомба попала в узел рельсов, и рельсы были вырваны метров на 100, но уже работали восстановительные бригады, рельсы укладывали и заливали асфальт.

Где-то в конце сентября мои поездки на выходные прекратились, и уже с транспортом стало хуже, и на заводе неразбериха пошла. В одну из поездок было трудно возвратиться и меня сразу же мобилизовали на оборонные работы. Много тогда с нами не разговаривали. Если кто не хотел под ружье, то из района приходило мобилизационное распоряжение снарядить столько-то человек со своими инструментами, со своими харчами. В одну из таких бригад я и попал. Нас направили на рытье окопов в деревню Притыкино (напротив Ратмино). Копали мы по берегу волжского залива реки Ситмиш, а другие бригады копали по берегу Волги. Норма была шесть погонных метров, глубина 1,6 м, низ 60 см, верх 80. Возвратились мы с работ самовольно. Когда закончились продук-

ты, старшие сказали нам: «Мотайте-ка ребята домой». И мы пошли голодные, грязные берегом родной нашей реки Дубны. Где-то по пути, у какой деревушки не знаю, сделали привал, забили гуся, завернули его в портянки, закопали в землю, развели хороший костер над ним. Потом без соли и хлеба подкрепились им и снова в путь.

Немцы всё ближе и ближе приближались к Москве. Москву каждую ночь бомбили, и ночью в ясную погоду были видны лучи прожекторов, и даже иногда было видно, как в пересечение прожекторов попадали немецкие бомбардировщики. Их по пути следования перехватывали другие прожекторы. Всё слышнее и слышнее раздавались взрывы снарядов. Огромное зарево пожаров было видно в ночное время – горел город Рогачев. Враг подходил к Москве. Через нашу и другие деревни гнали на восток в Ярославскую область стада колхозного скота – коров, гнали из Завидовского района и других. Это было уже в ноябре. В тот, 1941 год, снег выпал рано и так ни разу не растаяв. Зима была очень снежная и суровая. Через нашу деревню со стороны Талдома бесконечно шли из-за Урала дальневосточные войска. Они переправлялись железной дорогой. Где они сгружались, мы не знали, но шли день и ночь, делая остановки для кормления и пойки лошадей, везли сани полные снарядов. Остановивших на привал солдат в деревне кормили. Мать моя в день два раза печь топила, варила солдатам картошку.

Совершались и одиночные полеты немецких бомбардировщиков. Один самолет бомбил железную дорогу в районе Великого двора, это между Талдомом и Савелово, один самолет бомбил, сбросив три бомбы на комсомольскую МТС, это село Ново-Никольское. Но бомбы ни куда не попали.

После разгрома немцев под Москвой, когда фронт отошел на Запад, нас мобилизовали на лесозаготовки. Недалеко от станции Вербилки пилили дрова для Москвы. Из Москвы прибыло много женщин, среди которых были и студентки. Легко одетые и обутые, не приспособленные к таким работам они работали в лесу вместе с нами. Норма на человека была 2,5 кубовых метра. Чтобы они не замерзли, по деревням им собирали валенки, а жили они по домам. После рабочего дня нам выдавали по одному кг хлеба, от которого пахло дымом, видимо муку мололи из подгоревшего зерна. И так до весны 1942 года.

С наступлением лета нас, ребят 1924 года рождения, приписали в Талдомском райвоенкомате. Была организована 200-часовая армейская подготовка с недельной мобилизацией, а в начале августа призвали и велели быть готовым идти на фронт. Повесток ждать пришлось не долго. Я получил повестку на 20 августа. В этот день из Талдомского района в числе первых, с образованием не ниже 7 классов, отправляли 200 человек. Из нашей деревни пошли двое. Я и Суворов Юрий. У него уже была получена похоронка на отца, бывшего председателя нашего колхоза Григория Артемьевича Суворова, а позднее был призван брат, Николай Суворов 1926 года рождения, который тоже погиб. Юрий остался в живых, жил в Дмитрове.

Для нас в пассажирском поезде, пришедшем со стороны Савелова, было специально выделено два свободных вагона. Трудно описать, что творилось на вокзале. Это ужас. Стоял вой и крики матерей, что на бойню везут последних. Но мы еще не последние были. В январе 1943 года призвали 1925, а 1944 – 1926 год, а в 1945 последний призыв 1927 года рождения, который на фронт попасть не успел.

20 августа прибыли в Москву. С этого дня началась моя воинская служба. Разместили нас в бараках эвакуированного завода «Прожектор». Разбили нас по подразделениям, появились командиры, позже состоялась поездка в баню. Одели с иголки в новое обмундирование, и с утра до вечера на стадионе шли занятия по строевой. Утром на завтрак каша перловая, на обед бурда из капусты, вечером селедка и ржавая теплая московская вода из колонки. У многих с такой кормежки началась «кишечная революция». В общем, за неделю измотались начисто. К счастью, довольно быстро перевели на улицу Казарменная дом 14, откуда дня через три нас, 90 человек, зачислили в воинскую команду для отправки на фронт. Мы получили сухой паек на 5 дней и под командованием ст. лейтенанта с Ленинградского вокзала поехали поездом до города Кувшиново, Калининской области. В г. Кувшиново, из нашей команды 50 человек оставили. Как нам сказали, для несения гарнизонной службы. Какова была их дальнейшая судьба нам неизвестно.

Наш лейтенант назначил меня старшим этой второй группы – 40 человек, передал продовольственные аттестаты на всю коман-

ду (которые в дальнейшем пути отоварить так и не пришлось) и определил маршрут дальнейшего следования: вокзал Кувшиново, грузовым поездом до г. Торопца. Сказал, что там нас встретят. Ехали очень медленно. Паровоз вместо угля топился дровами. Дорога шла в основном лесами и машинист с кочегаром, увидев в лесу поленицу, пополняли тендер березовыми дровами. Так мы прибыли в Торопец. Действительно нас встречали два офицера на двух машинах. Рассадили нас по 20 человек на машину и к вечеру, как я потом узнал, нас привезли в штаб оперативной группы гвардейских минометных частей Калининского фронта. На другой день 20 человек выехали на пополнение в одну часть, а другая группа, в которую попал я в другую на пополнение в 106 отдельный гвардейский минометный дивизион. Сюда мы попали 11 сентября 1942 года.

Дивизион располагался под г. Холм, близ деревни «Мошонки», примерно в пяти километрах от передовой линии по берегу речки «Малый Тудер» – притока р. Ловати. К тому времени здесь сложилась довольно интересная ситуация. 31 декабря 1941 года, г. Холм был взят нашими войсками и об этом уже было сообщено по радио в сводке Совинформбюро, но так как Холм находился на важном стратегическом участке, то немцы уже после этих победных репортажей сумели выбить наши войска из города. И на этом наступление наших войск на этом участке фронта прекратилось, наступило длительное затишье, войска окопались, зарылись в землянки и начались бои местного значения. Сам город Холм в основном состоял из деревянных построек и в результате этих боев весь сгорел, осталась лишь одна кирпичная тюрьма.

Я попал служить во взвод управления дивизиона в отделение связи. Здесь меня выучили на радиста, и в этой должности я и провоевал до Победы. Управление дивизиона располагалось в землянках по берегу Тудера. Боевые машины «Катюши» смонтированы были на танках Т-40 или Т-60. Вместо башен на них установили направляющие в два ряда по 12 направляющих в ряду. Итого 24 направляющих, значит 24 снаряда на установке, а установок в дивизионе было 8. Таким образом один залп дивизиона равнялся 192 снарядам 80 мм калибра. В составе дивизиона еще была авторота и взвод противоздушной обороны – это зенитная автоматическая пятизарядная пушка, смонтированная на трехосном автомобиле

ЗИС. Во время наступательных боёв от г.Калинин до Холма она сбила 13 немецких самолетов. В последующих боях под Великими Луками при артобстреле взвод противотанковой обороны, и взвод противовоздушной обороны, были немцами уничтожены и в дальнейшем восстанавливались.

Находясь длительное время в обороне мы не бездействовали. На наблюдательном пункте находились и наши разведчики обеспеченные радио и проводной связью. Она часто нарушалась от взрывов снарядов и мин и ее приходилось восстанавливать. Жили в землянке, которая освещалась по ночам телефонным проводом. Кусок провода прикреплялся к потолку, снизу поджигался и медленно горел до потолка. Когда он прогорал то поджигали другой. В помещении стояла гарь, поэтому носы наши были забиты копотью.

С наблюдательного пункта в стереотрубу постоянно велось наблюдение за противником. Засекались его огневые точки, их скопление и они потом уничтожались. Наши установки периодически выезжали по ночам, по одной – по две, и с разных огневых позиций наносили залповый удар по разведцелям. Их называли кочующими установками – давали залп и «смывались» на выжидательные позиции. Эти наши выпады, то есть внезапные залпы, очень досаждали немцам и уже с утра, если способствовала ясная погода в воздухе, появлялся немецкий самолет разведчик Хенхель (его фронтовики прозвали «Костыль» так как у него крылья были скошены к заду). Иногда появлялся и двухфюзеляжный разведчик – корректировщик «Фоке-Вульф», прозванный «Рамой».

Ему дважды удалось обнаруживать наши выжидательные позиции после ночных рейдов. Командир дивизиона приказал зенитчикам открыть огонь. Этим они обнаружили себя, вызвали огонь, чем и похоронили почти весь личный состав зенитчиков. Командир взвода, ст. лейтенант, погиб. Наводчик, ст. сержант Цикало Василий Капитонович, украинец с Великой Лепетихи Херсонской области был ранен, награжден орденами Красного Знамени и Красной звезды. Потом он был старшиной второй батареи и участвовал в Параде Победы.

В феврале наш дивизион был снят с довольно длительных позиций переведен под Великие Луки, где готовилось наступление позахват у немцев дорогу Великие Луки – Холм. К передовой была подтянута пехотная дивизия из молодых бойцов 1925 года.

Вид у бойцов был не важный, не как у нас, уже закаленных. Да и одеты мы были в полушубках, а они в шинелях. Новые у них были только автоматы. Наступление началось со стороны болота. Зима была суровая и болото промерзло. Снег местами ветром сметен и кругом красные кочки от клюквы. Солдаты разу напали есть клюкву. Лейтенанты с трудом оттаскивали их ведь нужно было идти вперед занимать позиции для наступления. Наступление было безуспешным. Потом мы услышали, что во время этого наступления при взятии деревни Чернушка совершил подвиг рядовой Александр Матросов.

Мы вернулись через болото на другие выжидательные позиции, в болотистое лесистое место, около проселочной дороги ведущей на городок Плоскош, до которого было 20-25 км. На этом месте мы простояли до сентября 1943 года. Разведчик «Хенхель» осыпал передний край наших войск листовками, в которых солдатам предлагалось сдаваться к немцам в плен. Было строго запрещено читать их листовки, но всё равно втихаря читали их гнусную пропаганду.

При каждой части была контрразведка «Смерш». Когда мы прибыли в часть, в дивизионе был ст. лейтенант Попов, потом появился капитан Синяев. Присутствие Попова я не ощутил, а Синяев пытался меня завербовать. Через месяц отстал, но взял подписку, что бы я об этом молчал. Потом он мне отомстил, когда после переформировки в Москве, мы ехали на фронт направлением на Полтаву. На одной из остановок я не заметил его, сплюнул из открытого вагона и попал ему на фуражку. Он мне дал трое суток ареста. Двое уже сидели. Гауптвахта была в кузове ЗИЛ-5. Я забрался туда, меня увидел наш замполит, бывший комиссар. Спросил, как я туда попал? Я объяснил. Он скомандовал: «А ну марш сейчас же на место, в свой вагон.» Так я был вызволен из-под стражи.

Итак, в конце сентября 1943 г. мы снялись с фронтовых позиций и отправились на погрузку в железнодорожный состав в г. Торопец. Через день прибыли в Москву, в Бирлюево. Сдали свои установки, получили новые М-13 («Катюши») на базе американских автомобилей и несколько транспортных автомашин, небольшое пополнение личного состава. На станции Москва-Товарная погрузились в вагоны и платформы и поехали на фронт направлением на Полтаву, на форсирование Днепра.

Выгрузились в Кобелках, толи это поселок, толи городок. А дальше уже своим ходом в подчинение командования 18 танкового корпуса, ранее входившего в 5 танковую армию маршала Ротмистрова. После боев на Курской дуге 18 танковый корпус был преобразован в 18 танковую дивизию (отдельную) в состав которой входило 3 танковых бригады – 110, 172, 180, артиллерийский полк 120 мм гаубиц, полк 120мм тяжелых минометов. Все на американской автомобильной тяге – «Студобеккерах».

32 мотострелковая бригада, автобатальон, батальон связи, наш дивизион и другие вспомогательные подразделения, назывались дивизией прорыва. При дивизии был штаб артиллерии под командованием полковника Синицина, которому мы и вошли в подчинение. Вступили в бои при форсировании Днепра где то между г.Кременчугом и г.Черкассами. Через Днепр переправлялись в течении двух ночей по наведенному понтонному мосту. Одну ночь на остров, другую ночь на берег. Днем было переправляться невозможно, постоянно летала вражеская авиация.

Переправившись через Днепр остановились в районе большого украинского села Мишуриин Рог, расположенного на склонах большой балки. Между склонами была довольно обширная долина, на которой были и фруктовые деревья большое и поле с кукурузой, а в кукурузе тыквы. Это видимо были частные участки, которые все были изрыты и ископаны. Вот в этой долине и располагался наш дивизион, ожидая дальнейших указаний от руководства дивизии.

Вражеская авиация вела постоянные налеты на переправу. Немецкие бомбардировщики шли прямо на нас. Флагманский самолет вдруг выбросил дымную ракету, это был сигнал начала сброса бомб, и они сразу посыпалась. Наше расположение попало в центр бомбежки. Это невозможно описать. Наши боевые машины были не укрыты, личный состав, кто успел, спрятался в окопах и бойницах, остались живы. В боевые машины прямых попаданий не было, но осколками были побиты колеса автомашин. Всего было убито 18 человек, в их числе наш командир взвода капитан Молотков. Его разыскали мы на второй день в бойнице, заживо заваленного землей. Бомба взорвалась рядом. Всех похоронили в братской могиле в Мишурином Рогу. Сейчас там после построенной Кременчугской гидроэлектростанции плещется море. Перенесена была братская могила или нет, узнать не удалось.

Командира дивизиона Морашева начальство убрало, и какова его дальнейшая судьба никто не знал. Нам прислали другого командира Калугина Алексея Николаевича, награжденного орденом Боевого Красного знамени за бои под озером Хасан. Поскольку наш дивизион вошел в состав 18-танковой дивизии, прибыла ремонтная походная база и всё примерно за 10 дней было отремонтировано.

Наступление продолжилось по направлению на город Кривой Рог. Он взят не был, но один танк прорвался туда, много помесил вражеской техники, сумел возвратиться. За этот подвиг экипаж получил звание Героя Советского Союза. На правобережной Украине мы были привлечены к временному закапыванию погибших воинов. Под трупом подкапывали канавку, сваливали его туда и засыпали землей. Потом уже похоронные отряды хоронили их в братские могилы.

После неудачного наступления на Кривой Рог, мы двинулись на Знаменку, а в январе взяли Кировоград, Смелу и окружили Корсунь-Шевченковскую группировку немцев. В одну из ночей немцы предприняли попытку вырваться из окружения, пытались пробиться к своим. Не помню названия населенного пункта, но там к ним на подмогу шло подкрепление. Нам пришлось отражать атаки с двух сторон, нанеся из своих установок несколько залпов. Атаки были отбиты, но до нас потом дошли слухи, что на соседнем участке группе немцев всё же удалось пробиться к своим. В этом бою у деревни Комаровка группировка в основном была уничтожена. Много погибло живой силы врага, а технику они побросали в балках. Много немцев сдались в плен.

По окончании разгрома нас отвели в большое село Хутор, где простояли недели две. Когда мы туда ехали, то видели на фоне снега огромное поле, черное от немецких трупов. А после отдыха, мы двинулись в наступление на г. Умань. Мы снова проезжали этот участок, который был усеян трупами врагов. Здесь уже работали похоронные отряды, это пожилые нестроевые солдаты с лошадьми. Они стаскивали трупы в огромные кучи, обливали бензином и поджигали. г.Умань мы взяли с ходу. Немцы даже не успели взорвать мост через Буг. Через этот железнодорожный мост мы переправились, но дальше продвигаться было очень трудно. Вся дорога была забита брошенной вражеской техникой, автомашинами, тяга-

чами, минометами, которые мы увидели впервые. Это у них было сильное оружие – за один раз 6 мин летят в нашу сторону.

Дальше мы уже преследовали фашистов в быстром темпе по территории Молдавии: через г. Рыбница, Бельцы, Кодима. В начале марта наш участок Второго Украинского фронта прошёл государственную границу и мы вступили на территорию Румынии. В конце апреля наступление на г. Роман застопорилось. Мы отошли потом в г. Пашкани и уже до 20 августа, до начала наступления готовились к новым боям. Подготовка была длительная, наша дивизия получила пополнение танками. И вот наступило 20 августа, в 7 утра по сигналу залпов «Катюш», началась артподготовка, которая продолжалась 40 минут. После над нашими головами полетели штурмовки. И когда передовые части двинулись в наступление, то почти не встретили на нашем участке серьезного сопротивления. Вслед за передовыми частями и мы двинулись вперед. При пересечении линии обороны противника увидели впечатляющее зрелище: это было сплошное месиво из живой силы и техники.

В результате соединения наших двух фронтов была окружена Яско-Кишиневская группировка. Мы продвигались вглубь Румынии. В пригороде г. Хуши одна из группировок противника, прижатая войсками 3-го Украинского фронта вышла в тыл нашего расположения. Нам пришлось вступить в бой. Мы залегли вдоль дороги, и почти в упор из автоматов расстреляли их. И они стали дружно поднимать руки, побросав оружие – сдались. В этом налете на нас был тяжело ранен наш командир дивизиона Колугин Алексей Николаевич – пуля попала в рот, пробив язык и вылетела, не задев мозг. В это время я с радиостанцией и со вторым радистом на автомобиле был прикреплен к командиру дивизиона, шофером был на «Додже» Мартынов Яков. Мы погрузили его на машину и поехали искать госпиталь. Встретили полковника нашего корпуса и он сказал, что должен прилететь самолет. При дивизии была эскадрилья П-2. Наш командир был в сознании, писал записки – просил остановить кровь, но как мы могли остановить во рту. Действительно прилетел самолет и мы его погрузили на заднее сиденье. Командир остался жив, но остался инвалидом. Он вернулся к семье в г.Ейск, после длительного лечения и впоследствии мы с ним поддерживали связи.

Командование дивизионом временно принял на себя начальник штаба дивизиона Братанов, а в скором времени прибыл вновь

назначенный командиром майор Ягулов, под руководством которого мы возобновили дальнейшее наступление на г. Бухарест. Враг сопротивления почти не оказывал. Но нам была команда в Бухарест не вступать. Мы остановились в пригороде, привели себя в порядок и в один из дней ездили по Бухаресту. Потом был фильм о наступлении наших войск в Бухарест, который я увидел через несколько дней. Оказалось, что Румыния капитулировала, 23 августа 1944 г. вышла из войны с нами.

Через несколько дней отдыха 18-танковая дивизия, огибая Карпатские горы тронулась, через г. Бершадь, г. Крайова (бывшая столица Румынии). г. Плоешти остался слева. Прибыли близко к границам Венгрии – в г. Арад. Немного выходили на территорию Югославии, в район Субботицы, но потом снова оказались в Венгрии.

В ноябре 1944 г. уже началось наступление на Будапешт. Мы были преданы танковому батальону из одной бригады и участвовали в танковом рейде. В одном из рейдов мы напоролась на немецкие танки «Тигры». Мы были замаскированы ночью на кукурузном поле, а они стояли в километре и нас обнаружили. Танками были уничтожены две боевые машины «Катюши» и две транспортные машины с боеприпасами. Вместе с одной боевой машиной погиб весь расчет. В этом обстреле я был ранен в левое предплечье и в грудную клетку и попал в госпиталь в г.Сегет (Венгрия). Был там 3 месяца, а в начале апреля меня выписали и нас человек 100 повезли в г.Субботица.

...Когда мы приехали в запасной полк, уже на территории Венгрии я попросился в свою часть. Сопровождающий офицер ответил: «Пойдешь в учбат». И я решил сбежать. Рядом шоссе, шлагбаум, и старшина дежурит.

Он: «Куда, солдат? Иди сюда».

Я: «Иду в свою часть».

Он: «Не может быть такого. Показывай документы».

Я подал документы, он внимательно прочитал и вдруг: «Земляк! Как ты? Какими судьбами?» Мы разговорились. Старшина оказался тоже родом из Талдома. Он знал, что я должен остаться здесь, но решил мне помочь. Остановив машину, он приказал шоферу подвезти меня до штаба фронта. Три дня мы тряслись, я не подходил близко ни к одному КПП, встречающихся в пути.

Наконец, на попутках Я добрался до своего дивизиона уже на Австрийскую территорию под г. Вену, а мог бы попасть и штрафной батальон как дезертир, ведь во время моего отсутствия дивизион постоянно находился в боях. Увидел БТР, по их номерам «вычислил» принадлежность к нашей танковой бригаде... Это приключение запомнил навсегда.

...Когда меня ранило, оставалось 4 машины, а когда вернулся из госпиталя, снова 8. После взятия Вены наступление продолжалось на г. Линц, но потом наступление приостановилось, иссякли резервы и мы в километрах 15 от линии фронта были отведены, укрылись от бомб и снарядов.

...День Победы начался для нас с первых чисел мая, 1-2-го мы наступали и вышли из боев для пополнения. Наши дивизионы находились от передовой примерно на расстоянии 12 км. Мы выкопали рвы, аппарели, оборудовали жильё, построили нары. Думали, что надолго. Но 5-го мая ночью подняли по тревоге: приказ – вперед. Снялись и поехали. ...Немцы, почуяв своё поражение, побросав оружие, побежали сдаваться в плен к нашим союзникам. Миновали линию обороны немцев, едем день – никого. Спрашиваем, куда девались фашисты – никто не знает. По дороге встречали груды сожженного оружия, брошенную технику. Едем вперед и 7-го слышим, наконец, что идут переговоры о капитуляции. Это было в Австрии, в Штейре. На марше мы уже по радио слышали, что 8 мая был подписан акт о капитуляции. Затем мы услышали уже официальный приказ. Наши танкисты встретились с американцами. И уже 9 мая мы отмечали Победу. Затем нас отправили на отдых. Мы расположились на хуторах, пили молоко, ели вдоволь хлеба.

Месяца 2-2,5 нам дали отдохнуть, потом наш дивизион переехал в г. Гайнбург, что на берегу Дуная. До июня 1946 года я служил в Австрии, в этой красивой сказочной стране, потом передислоцировали нас и расформировали. В июле 1946 года наше подразделение переехало в Винницкую область на Украину, в г. Тульчин, где весной 1947 года военную технику сдали на склады в г. Каменецк. В феврале 1947 г. вышел приказ о демобилизации 1923-24 гг.

Домой прибыл 13 апреля 1947 года и как раз на Пасху. Запомнился мне этот день на всю жизнь. Люди бедствовали, страдали, голодали. Удивительным было мое появление с хлебом (я получил

поек) – его не видели давно, питались «тошнотиками», собранным с полей картофелем. Вернувшись домой, сразу включились в работу, нужно было восстанавливать хозяйство страны [173].

Сорокин Николай Иванович **Случай под Прохоровкой**

У нас в роте было 5 танков Т-34 и 18 бронемашин. Я был водителем бронемшины. Было раннее утро 12 июля 1943 года. Наша резервная 5-ая гвардейская танковая Армия вступила в бой на Орловско-Курской дуге. У меня был связной – рядовой Миша, ему было, как и мне, 18 лет. И вот 12 июля 1943 года нам был дан приказ доставить в район Прохоровки в зенитную дивизию пакет (конверт запечатан сургучом). Наша задача – держать подвижную связь с частями 5 гвардейской танковой армии.

Проехав 5 км, въехали в Прохоровку. В селе тишина и никого не видать. Спросить, где штаб 60-ой дивизии не у кого. По дороге я говорю: «Миша, смотри в оба. В случае чего – пулемет на взводе». Мой Миша сидит и смотрит по сторонам. Свернули влево от деревни и, проехав 500 метров, по бронемашине загремела автоматная очередь. Я вижу, немцы в 100 метрах и вот они нас возьмут в кольцо. Я кричу: «Миша, видишь, немца? Прячь голову». И сам разворачиваю броневик и обратно в деревню. Остановились. Я ему и говорю: «Ты что, косопузый, не стрелял? У тебя пулемет?» А он мне: «Ты сказал, прячь голову, я и спрятал».

Так я этот эпизод на всю жизнь запомнил. Это был первый обстрел 18-летних, еще не нюхавших пороха. А потом все наладилось, научились, как нужно воевать [174].

Сосульников Владимир Егорович **На защите подмосковных рубежей**

Родился 13 ноября 1924 года, Воронежская (Тамбовская область) область, Ржаксинский район, село Богданово. В июне 1941 года окончил 1-ый курс строительного техникума имени Моссовета. В августе 1941 года добровольцем был зачислен в Комсомольско-

молодежный полк по охране города Москвы от немецко-фашистских войск. Полк формировался при Таганском Райвоенкомате. Личный состав полка – в основном – молодежь 1924–1925 гг. рождения: учащиеся, ФЗУ и ремесленных училищ.

Москву в августе и сентябре немцы очень сильно бомбили. Деревянная старая Москва каждую ночь горела. Мы получили обмундирование: гимнастерка, брюки и брезентовый костюм пожарника (роба). На наш взвод 25 человек назначили вышедшего из госпиталя командира – раненого лейтенанта. Взвод имел винтовку и пистолет «ТТ» лейтенанта. Район нашего действия – за Крестьянской заставой, – «Новые дома». Жили мы в каменном четырехэтажном доме – в подвальном помещении библиотеки имени Фурманова. Питались в столовой мясокомбината имени Микояна. Наши объекты: заводы Динамо, Шарикоподшипник, Велосипедный, Мясокомбинат, и вся деревянная жилая часть вокруг нас. Гасили немецкие зажигалки и все, что горело вокруг них.

16 октября 1941 г. Наш взвод был на разгрузке дров (Рогожская Застава). Поступила команда:

– Взвод, погрузиться в машину и ехать к мясокомбинату имени Микояна. Оказать помощь охране и 2-м милиционерам прекратить грабеж комбината.

Когда мы подъехали к воротам комбината, там стояло около 20 грузовых автомашин – очередь на загрузку машин. Лейтенант поставил часового с винтовкой у ворот, отобрал у шоферов документы, объявив им, что они мобилизованы в армию, и мы стали помогать вылавливать «старших получателей» продукции комбината. Вскоре прибыла нам на помощь милиция.

Из штаба полка приезжали к нам и зачитали приказы по г. Москве и приказ по нашему полку: «Полк расформировать и отправить в город Куйбышев на авиазавод». Кто не желал покидать столицу – Таганский Райком формировал танко-истребительный батальон. Наш взвод во главе с лейтенантом подался в танко-истребители.

В этот же вечер мы познакомились с командиром танко-истребительного батальона капитаном Зайцевым. Кавалерист, чуть выше среднего роста, стройный, немногословен, всегда подтянут и чисто выбрит (мы потом всегда удивлялись – при огромной нагрузке, как командир батальона, он всегда тщательно следил за со-

бой. Когда этот офицер успевал делать все это?!). Но ему хотелось подражать! Отмечу еще. Его у нас прозвали «Малиновый звон». Когда он проходил мимо, то от его шпор слышался очень нежный звон. Поэтому его и называли «малиновый». Его уверенность в себе говорила нам «С таким командиром не пропадем!!!».

Прежде чем идти воевать, мы прошли специальные занятия. Они включали в себя занятия: внешний вид танка, его сильные и слабые стороны; зажигательные бутылки с «КС», противотанковые гранаты, винтовка и ручной дзгтяревский пулемет и т.д. Мне все было понятно, кроме одного: зачем я должен пропускать танк через свой окопчик – яму и бросать на танк бутылку по инструкции с «КС» сзади?? Наверяд ли при температуре 800° С мог бы высесть кто – то в танке!

В ночь на 10 ноября 1941 года прошла команда «По машинам». Через 5 часов батальон уже занимал позицию в березовой рощице под городом Серпухов. Под утро я откопал окоп – круглая тесная яма выше моего роста, и стал его маскировать. К моему окопу подошел командир Зайцев и сказал, что я передаюсь подошедшей группе для выполнения другой задачи. А задача группы: раненых перенести в тыл к палаткам, где работают врачи (переносить их обязательно с его оружием). Нам с напарником достался тяжело-раненый, но мы его донесли до палаток, где шла перевязка. Забрезжило, слышался гул мотора самолета. Раненый боец сказал: «Это летит «Костыль» – немецкий корректировщик артогня. Сейчас начнется артобстрел». Не далеко разорвался снаряд. Меня как – будто кто – то ударил по левому бедру молотком и там, где было больно, стало тепло. Я понял, что это течет кровь. Рядом с палатками были отрыты окопы, где при обстреле находились медики. Оттуда пришла медсестра и перевязала меня. Медсестра сказала: «Ранение легкое. Кость не перебита. Поедешь с 1-ой машиной в Москву до «нашей» школы (теперь она госпиталь), там тебя перебинтуют лучше».

Так начинался день 10 ноября 1941г. Батальон окопался в березняке, скоро готов будет завтрак, но мы должны на машинах проскочить открытое место, на котором будут охотиться за машинами «Мессеры», поэтому шофёры спешили проскочить это место затемно. Нам повезло, к обеду мы добрались в Московскую школу. Я сдал по списку раненых и меня положили в класс легко ране-

ных. Когда привозили в школу – госпиталь раненых, то от группы ко мне забегали ребята и рассказывали новости с передовой. Нам дали пополнение. Были очень большие потери. Наши солдаты, танко – истребители уже все имели винтовки от раненых.

13 ноября был самый тяжелый день. Батальонов, занимавших оборону под Серпуховом, больше не существовало. Оба батальона погибли. Автомшины сдали завхозу госпиталя, капитану, потому что автомшины больше к передовой за ранеными не пропускали. После обеда наш старший группы доехал до Таганского Райкома партии и доложил о трагической судьбе танко – истребительного батальона. Осталось нас, которые перевозили раненых, 10 человек, и я раненый 11-ый. Хозяйство старшины: одеяла, простыни, 3 ящика с бутылками КС. Медсестра со своим скарбом, который должны были позднее подбросить на передовую и еще 4-е красноармейца. А было в батальоне около 200 бойцов.

Нас 11 человек утром 14 ноября передали в воинскую часть №9903 разведотдела штаба Западного фронта к командиру Спрогису Артуру Карловичу. Я попал в разведовательно – диверсионную группу Рахманина Михаила Александровича. Опять занятия, но теперь изучаем мины. В основном наши, гранаты и оружие, чем вооружены были немцы. Изучали хождение по азимуту. Получили специально сделанные для нас лыжи: как охотничьи, но легкие и удобные и чуть меньше моего роста.

4 декабря 1941 г. наши войска пошли в наступление. Отступление фашистов было беспорядочным, этим фактором наше командование воспользовалось. Наши диверсионные группы выбрасывались на все шоссейные дороги отступления немцев. И фашистам преподнесли сюрприз: мины с часовым механизмом. Ее поставишь, но разрядить нельзя. Она обязательно взорвется. Очень много немецких саперов подорвались на наших минах.

Обычно наша группа на лыжах обгоняла по лесной целине немецкую колону. Затаивалась и в удобный для себя момент устанавливали 4-5 мин на шоссе и рядом в лесу. Немецкие танки сваливали свои автомшины с дорог в кюветы и рвались к большим населенным пунктам, там была малейшая надежда заправиться горючим. Немцы бежали, драпали на Запад.

Я, как солдат, начал войну в 1941 году под Москвой, а закончил ее в Манчжурии уже с японцами. Признаюсь – я не убил ни одно-

го японца как бил я фашистов! Такова, наверное, моя солдатская судьба!

Демобилизовался в мае 1948 года. И сразу же поступил учиться в техникум.

Выписка из военного билета:

Участие в боевых действиях, боевых походах и партизанских отрядах (где, когда и в какой должности)

Западный фронт: Партизанский отряд особого назначения минер – партизан – позднее 1-ый номер ручного пулемета с 25.10.1941 года по 10.10.1943 года.

2-ой Белорусский фронт: Лыжный батальон 65 гвардейской стр. дивизии – разведчик с 29.10.1943 года по 1.1944 года.

2-ой Прибалтийский фронт: Лыжный батальон 65 стрелковой дивизии – разведчик с 1-го 1944 года по 12.1944 года.

1-ый Бронетанковый ремонтный эвакуационный центр ДВФ: Аппаратчик с 9.08.1945 года по 13.09.1945 года.

Дважды ранен (в партизанах был контужен фугасом).

P.S. Фотокорреспондент заснял освобождение Волоколамска, и там была показана виселица. Эта фотография была растиражирована газетами и ее можно часто встретить в книгах о битве под Москвой. Это была повешена вся разведовательно-диверсионная группа в/ч 9903. Группа была в основном сформирована из комсомольцев и молодежи завода («Серп и молот»). Командиром группы был Костя Пахомов. Наши ребята ездили на опознание погибших. Группа приняла бой на городском кладбище, кончились боеприпасы. Повешены фашистами были не только раненые, но и мертвые. [175]

Становов Василий Иванович На войну пошёл, ещё не было 18

На войну пошел еще не было 18 лет, но на фронт сразу не попал. Попал в Московское Артиллерийское училище. Через 6 месяцев командиром взвода, направили меня на Волховский фронт.

Однажды попали в окружение. С боем вышли из окружения всего 4 человека, в том числе и я. Я тогда был ранен, и ребята на руках меня притащили. После этого 2,5 месяца пролежал в госпитале. Оттуда направили меня на Сталинградский фронт. Там полу-

чил второе ранение. После Сталинградской группировки направили нас на 3-ий Белорусский, под командованием Черняховского. Прошли мы Смоленск, Витебск, Минск. Участвовал во взятии Кенигсберга. Там получил ранения и попал в госпиталь в Загорск. Убежал из госпиталя и вместе со своей дивизией ушел на Дальний Восток. Там был командиром взвода артиллерийской разведки. Передавали нашей артиллерии сведения, координаты куда бить. После взятия Порт-Артура вернулись во Владивосток [176].

Столяров Александр Данилович **Из 500 танков осталось 30**

Воевать начал в 1942 году, на Юго-Западном фронте. Заняли плацдармы на Дону – 2 больших села, с. Урыв и с. Селявное. Удерживали плацдармы до 12 января 1943 года. Прилагали немцы очень много усилий: бомбежки, артобстрелы. Обороняли плацдармы с августа 1942 года. 12 января был ранен. Был на излечении до 27 апреля 1942 года. Далее – Орловско-Курская Дуга. Там шли особенно ожесточенные бои. Форсировали Днепр. В конце октября корпус вывели на формирование. Из 500 танков осталось 30.

В конце 1944 года корпус своим ходом совершает марш в Восточную Пруссию. Там в районе Гайда в Нешталупине немецко-фашистские войска потеснили наши. Восстановив там положение, корпус, танки на платформах, артиллерия и личный состав совершает марш на Сандомирский плацдарм для дальнейшего наступления. Корпус освобождает Краков и другие польские города, окружает Бреслау, потом сразу форсирует р. Одер. Далее берем города Кант, Бауцин, Бунцлау с задачей взять Дрезден и соединиться с союзниками. 2 мая пал Берлин, 3-я и 4-я танковые армии сходу ведут наступление на Чехословакию и наш корпус присоединяется к ним [177].

Сторожев Михаил Михайлович **В бой шли артиллеристы**

...Закончил 7 класс в 1939 году. Тогда мне уже было 17 лет. Я решил поступить на работу. В это время в Иваньково вступил

в строй завод №30 МАП и начал набор рабочей силы. ...Работавшая тогда в отделе кадров Августа Георгиевна Малышкина, узнав, что у меня образование – 7 классов, посоветовала мне оформляться чертежником. Я согласился и 21 августа пришел в завод.

...В ночь с субботы на воскресенье 22 июня я ночевал у сестры на Большой Волге. Утром мы сидели за столом и завтракали, а из динамика, который висел над столом, раздавался голос В. М. Молотова. Началась война. Зять работал шофером. У него в военном билете была отметка о явке в военкомат немедленно в случае чрезвычайного положения. Он сразу же начал собираться.

На территории завода в первые дни войны прошел митинг, на котором было принято обращение ко всем работникам завода по умножению усилий всех работающих и ускорению изготовления гидросамолетов для фронта, об укреплении трудовой дисциплины.

Я уже выполнял более сложные задания и приказом по ОКБ главного конструктора И.В. Четверикова был переведен на должность чертежника-конструктора. И все же я считал, что мое место на фронте. Очень хотелось быть летчиком. Эта мечта не покидала меня после просмотра кинофильма «В. Чкалов», который произвел на меня очень сильное впечатление. Я обратился в райвоенкомат города Кимры с целью поступления в летное училище, но мне отказали в связи с имеющимся запретом на нашем заводе (бронью).

С первых дней войны на заводе сформирован истребительный батальон из числа комсомольцев. Нам выдали винтовки австрийского производства. С ними мы ходили на работу и брали домой, уходя с работы. Ложась спать, я клал винтовку под подушку. Еще до начала войны многие из нас сдали нормы на значки ГСО и ПВХО. В истребительном батальоне мы научились хорошо стрелять и нам, в том числе и мне, были вручены значки «Ворошиловский стрелок». Вечерами и в выходные дни мы занимались боевой и строевой подготовкой. По ночам, начиная с десяти часов вечера, три раза в неделю несли дежурство по улицам поселка – «Северного городка»: ул. Ленина, Новоподберезской, Стахановской (улицах, ближе всего расположенных к заводам). Следили, чтобы соблюдалась светомаскировка в окнах домов, чтобы никто не появлялся на улицах после одиннадцати часов вечера, чтобы не зажигали спички и не курили на улицах. Дежурили на лодочной переправе через Волгу, у плотины, у пулеметов на крышах гаража

и котельной на случай налета вражеских самолетов. По ночам во время дежурства, при налетах фашистских самолетов на Москву наблюдали зарево от прожекторов и разрывов снарядов зенитных орудий.

Наступила осень. Война приближалась и к нашему поселку. Был получен приказ об эвакуации завода в город Чкаловск Горьковской области. Начался демонтаж заводского оборудования и погрузка его на баржи, которые стояли у дамбы. Это была очень тяжелая работа. Трудились днем и ночью. В основном вся работа велась вручную. Но вот погрузка закончена. Личный состав ОКБ, и я, в том числе отплыли 13 октября 1941 года.

...Мы приплыли в город Чкаловск. Но как выяснилось, никто нас там не ждал. Площадей для размещения ОКБ и завода там не оказалось. Запомнилось посещение музея В.П. Чкалова, где мы увидели много интересного из его жизни: самолет, на котором он летал, его личные вещи. Посетили места, где он провел свои детские годы Великий летчик нашего времени. В этой обстановке мы с Сашей Перетягиным приняли решение: вернуться в свой военкомат для отправки на фронт.

Мы имели на руках эвакуационные удостоверения и, поэтому на вокзалах и поездах при проверке документов у нас проблем не было. На одном из вокзалов ночью, во время сна, у нас украли личные вещи: у меня – чемодан, у Саши – мешок. В них находилось вся одежда, белье, обувь. От станции Савелово до деревни добирались пешком. Пришли в деревню Ларцево поздно вечером, голодные, грязные, вшивые. Мама нас хорошо накормила, и Саша пошел в Ивановково. После войны его сестра Тамара рассказывала, что шел он через лес по глубокому снегу, а затем – по дамбе, ориентируясь по звездам. На войне он был пулеметчиком и погиб в боях за город Калинин.

После этого случая я три дня отдыхал, отмывался и очищался от вшей. На четвертый день отец отвез меня на санях в райвоенкомат города Кимры. В военкомате был сформирован отряд. Несколько дней шли пешком. Ели один раз в сутки вечерами, когда останавливались на ночлег в частных домах. Но в дома, располагающиеся рядом с большой дорогой, по которой мы шли, нас не пускали. Приходилось сворачивать на 2-3 километра в сторону, где нас встречали более дружелюбно: пускали на ночлег и кормили.

Затем мы сели в поезд и прибыли в местечко Вурнары Чувашской республики, где располагался седьмой запасной артиллерийский полк. Ускоренным образом был сформирован учебный дивизион, и первая батарея, в которую я был зачислен. В ней началась учеба на командиров орудий.

Вскоре наш полк был срочно переброшен в город Бронницы Московской области. Здесь мы и закончили учебу. Обучение проходило с семи часов утра до одиннадцати часов вечера. Нам присвоил звания младших лейтенантов. Было очень голодно. Мы просили, чтобы нас быстрее отправили на фронт. Сначала нас разместили на территории санатория имени Герцена, недалеко от аэродрома в Кубинке. Стали готовить к высадке в сражающуюся в тылу у фашистов Армию генерала Белова. Каждую ночь, в течение недели, на нескольких самолетах улетали наши товарищи. Последний самолет вернулся пробитый пулями в некоторых местах, несколько человек были ранены. Высадка прекратилась, так как место приземления было обнаружено немцами.

Я и оставшиеся товарищи вошли в состав вновь формировавшегося 992-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка РГК (Резерва Главного Командования). Зачисление в полк велось очень тщательно. С каждым беседовали командир полка Пупков (герой войны на Халхин-Голе) и комиссар. Женщин в полк не брали. Формировался полк недалеко от Рублевского шоссе в Сосновом бору. Полк вооружили 45 пушками. Каждый оружейный расчет состоял из шести человек. Возили американские пушки «Виллисы». Такую пушку я увидел впервые. После короткого ее изучения и знакомства с оружейным расчетом, полк двинулся на передовую. Ехали днем. По пути следования в небе появился фашистский самолет-разведчик «Рома», а затем и бомбардировщики «Юнкерс». Раздавалась команда «Воздух», и мы разбегались по обочинам: прятались, кто, где мог. Так продолжалось несколько раз.

Когда одна группа самолетов, сбросив бомбы, улетала, другая – сразу же бомбила снова. Уже во время движения полк потерял несколько орудий и более десятка убитых и раненых. Я считаю, что это была ошибка командования, которое дало указание двигаться к линии фронта днем.

Прибыли мы на одну из опушек леса. Это место также было засечено немецким самолетом. Не успев закопать автомашины и ору-

дия, как начался артиллерийский обстрел. Люди расположились, кто, где мог. Я с товарищем сели за автомашиной и стали переобуваться. Неожиданно раздался сильный взрыв перед машиной. Взрывной волной нас отбросило, и я увидел товарища с окровавленной грудью. Он был мертв, а я контужен и поэтому несколько дней плохо слышал. Так печально был отмечен первый день прикрития на передовую линию.

После нескольких дней передышки и пополнения техникой и людьми, полку была поставлена задача: прикрывать наступающие пехотные подразделения и подавлять мешающие продвижению огневых точек фашистов. Наша пушка сумела подавить 7 пулеметных точек. Мы помогли освободить город Волоколамск. Дальнейшее наступление проходило по освобождению Московской и Смоленской областей. При наступлении особенно тяжело было ощущать свою беспомощность перед немецкой авиацией. То и дело появлялась «Рама», а после налетали бомбардировщики и истребители.

В 1941–1942 гг. превосходство немецкой авиации было подавляющим. В связи с этим мне вспоминается такой случай происшедший со мной. Наш полк остановился в одной полностью сожженной деревни. Орудие закопали ночью. С утра началась бомбардировка. Одни «Юнкерсы» отбомбившись, улетели, другие прилетали. Наводчик орудия неосторожно высунулся, и в него угодила пуля снайпера. Было пробито плечо, зацепило шею. Его срочно требовалось доставить в санчасть полка, а она находилась в лесу, в километре от передовой. Недолго раздумывая, я положил его на шинель и потащил через открытое поле до леса. Неожиданно появился «Мессершмит». Он заметил меня и начал пикировать. Пули ложились рядом. «Мессер» начал разворот для второго захода. Оставив раненого товарища в небольшом укрытии, я стал бежать навстречу пикирующему самолету, и тогда пули пролетали позади меня. Так за несколько перебежек мне удалось доставить раненого товарища до санчасти.

Полк продолжал наступление, придерживаясь небольшого расстояния от наступающей пехоты. На пути был город Рославль Смоленской области. Остановились в 2-3 километрах от города. Ко мне подошел посыльный и сказал, что срочно нужно явиться к командиру полка. Когда я к нему прибыл, то увидел, что у него уже находился помощник начальника штаба полка по разведке капи-

тан Хоботов. Они знали мою гражданскую профессию, и что я помогу выполнить задуманное задание. Командир полка сказал, что через два дня начнется наступление на город Рославль. Необходимо узнать, где размещаются огневые точки противника. От меня требовалось начертить расположение немецкого переднего края на листе ватмана и нанести на нем, по возможности, огневые точки. Мы вместе с капитаном должны подползти как можно ближе к немецкому переднему краю, вызвать огонь на себя и нанести на схему различные огневые точки. Командир полка предупредил, чтобы мы были очень осторожными и не высовывали головы, иначе получим «дырки во лбу». Мы подползли настолько близко, что даже слышали немецкую речь. На палочках высовывали головные уборы. Немцы стреляли, а я наносил на схему эти места. Мы быстро переползали на новые места укрытия и снова продолжали то же самое. По нам даже было выпущено несколько минометных снарядов. Задание было выполнено. Мы, к счастью, не пострадали.

Через два дня город Рославль был освобожден. Мне из своей пушки удалось разбить две пулеметные тачки и один танк. Нашему полку, в числе других частей принимавших участие в этом бою, была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего. Командиром полка мне была вручена благодарность от его же имени. Кроме того, я был награжден медалью «За отвагу». Нашему полку было присвоено звание «Рославльский».

Много еще было боев за освобождение Белоруссии. Наш полк, в том числе и я, принимали в этом непосредственное участие. В Белоруссии из трех противотанковых полков была сформирована тридцать девятая Отдельная Истребительно-противотанковая бригада. В нее вошли наш Рославльский, Гомельский и Севастопольский противотанковые полки. 45 миллиметровые пушки были заменены 76 миллиметровыми. Из этих пушек мы вели огонь из закрытых позиций по более дальним целям. Цели и огонь по ним корректировали с наблюдательных пунктов. Но с этими пушками мы воевали недолго. Уже в конце освобождения Белоруссии их заменили на 57 миллиметровые противотанковые пушки. У этих пушек были термитные снаряды, которыми прожигалась любая броня. И это было сделано очень своевременно.

Бригада остановилась на передышку в лесу, недалеко от границы с Литвой. Раздался сигнал о тревоге. Все быстро повскакали на

«Студебокеры», которые возили эти пушки, и поехали в направлении на город Шяуляй Литовской ССР. Бригада была передана первому Прибалтийскому фронту, который прижал немецкие войска к Балтийскому морю. Им некуда было деваться и поэтому, сконцентрировав много танков в одном из направлений, немцы прорвали нашу оборону. Бригаде была поставлена задача: остановить прорвавшиеся танки и не дать возможности вырваться из окружения вражеским войскам. Выехавшая вперед разведка вернулась и доложила: «Танки близко».

Мы быстро развернули пушки, не успев окопаться. Навстречу двигалась колонна танков. В секторе моего обстрела двигались три танка. Каждая секунда была дорога, как на дуэли, кто кого. Я командовал: «Огонь!». И один за другим сделали два выстрела, и оба танка загорелись. Третий танк успел выстрелить по нашей пушке. Но и этот танк не прошел, его подожгло соседнее наше орудие. Бригада выполнила задание. Прорыв был ликвидирован. Из моего расчета четверо погибли, а я – второй раз контужен. За этот бой я был награжден второй медалью «За отвагу».

Пока наши войска были направлены на освобождение Смоленской области и Белоруссии, господство самолетов в воздухе изменилось в нашу пользу. Уже постоянно во время наступления нас сопровождали истребители Ла-5 и Як-3, а перед каждым наступлением передний край противника прочесывали штурмовики Ил-2. Я уже в начале упоминал, что при каждой, даже короткой передышки автомашины и пушки приходилось закапывать, а для командования и штаба полка – рыть блиндажи, пилить бревна и укладывать их в несколько накатов. Такая уж участь артиллеристов. Не столько приходилось стрелять, сколько копать и кидать землю. За время войны было перекидано горы земли, перепилено, перетащено и уложено сотни кубометров бревен.

Немало было случаев, когда мы занимали выкопанные немцами блиндажи и различные укрытия. Отрицательной стороной их было то, что входы в них были направлены в западную сторону. Приведу лишь один такой пример, когда это могло стоить нам жизни. Во время очередной передышки начался артиллерийский обстрел. За несколько минут до этого мы ушли с котелками за обедом на кухню. Передвигались ползком, так как снаряды падали невдалеке, а когда подползли к землянке, где мы располагались, с ужа-

сом увидели, что она разворочена и все наше имущество превратилось в клочья. Снаряд попал внутрь укрытия со стороны входа.

В сентябре 1944 года, после пополнения полка пушками и личным составом, мы принимали участие в освобождении населенных пунктов и городов Литвы и Латвии. Во время освобождения города Шяуляй с чердаков некоторых домов по нам был открыт пулеметный огонь. Пришлось срочно развернуть пушки и расстрелять места, откуда раздавались выстрелы. Моя пушка уничтожила два таких места. С чердаков вели огонь не немцы, а литовские солдаты, воевавшие на стороне немцев.

После освобождения Литвы и Латвии от немецких захватчиков у нас был отдых более двух месяцев. В начале января 1945 года наш полк, в составе бригады, снова были переброшены на первый Белорусский фронт. Начались бои за освобождение Польши. При форсировании через реку Вислу наша пушка едва не ушла под лед. К счастью, это было не очень далеко от берега. Мы услышали треск льда и быстро выскочили из машины, отцепили пушку «Студебекер» и выбежали на берег. Колеса пушки уже были полностью подо льдом. Подтащив трос и зацепив пушку (наматывая трос на лебедку), вытащили ее на берег. Бригада заняла плацдарм на западном берегу Вислы около мест Пулавы. Немецкое командование пыталось сбросить нас с этого плацдарма, были предприняты танковые атаки, но все они были отбиты. Даже мое орудие подбило один танк. Наша бригада отличилась при освобождении городов Томашов и Калиш и стала именоваться 39-ой Томашовской ОИП-ТАБр. Приказом Сталина бригаде были объявлены благодарности: за Томашов – приказ №233 от 19 января 1945 года, за Калиш – приказ №250 от 24 января 1945 года. Две благодарности были вручены и мне.

После короткого отдыха началось наступление на Варшаву. В этот период нашим орудиям очень редко приходилось сталкиваться с танками. Наступление было стремительным. Больше приходилось помогать пехоте и расстреливать пулеметные точки.

В это время вторая гвардейская ударная танковая армия второго Белорусского фронта начала наступление в сторону Балтийского, в направлении на город Штеттин. Был получен приказ о придании нашей бригады этой Армии, и мы должны были поддерживать эту Армию и вести наступление вместе с ней. Мы намного опе-

режали общевойсковые части. Немецкая армия не успевала даже организованно отступить и разбегалась по сторонам. Нам встречались брошенные автомашины и танки. Население в панике бежало, оставляя в домах все имущество и даже недоеденную еду на столах.

Сейчас вспоминается такой случай. Наш полк остановился на ночь в городе Грайфенберге. В эту же ночь в город вошла отступающая немецкая воинская часть. Завязалась ночная схватка, в которой у нас были потери, но немцы потеряли больше. В коридоре квартиры я столкнулся с одним немцем и успел уложить его из автомата, опередив своими действиями на несколько секунд. Настигали мы и удирающие танки, а один успели расстрелять. Наш полк отличился при овладении городов: Штаргард, Наугард, Польцин. За эту операцию наша бригада была удостоена благодарности Верховного главнокомандующего И.В. Сталина. Приказом №290 от 15 марта 1945 года мне была вручена (уже четвертая по счету) благодарность.

После выхода наших войск к Балтийскому морю, наша бригада получила право на отдых. Нам заменили 57 миллиметровые пушки более мощными – 105 миллиметровыми противотанковыми. Затем мы были снова переброшены на первый Белорусский фронт, на захваченный нашими войсками плацдарм на западном берегу реки Одер, в район города Франкфурт на Одере. Во время переправы по возведенному нашими саперными частями мосту, налетели бомбардировщики и начали сбрасывать бомбы. Вскоре появились наши истребители и сбили на наших глазах два из них, а остальные улетели. Началась подготовка к последней операции в Великой Отечественной войне против фашистской Германии – штурму Берлина.

С утра и до вечера немецкие бомбардировщики прилетали в сопровождении «Мессершмитов» и сбрасывали бомбы на территорию плацдарма и на переправу. Часто появлялись и наши истребители. В воздухе завязывались воздушные бои. С помощью бомбардировок немцы пытались сбросить нас с занятого плацдарма. Мы спасались в вырытых углублениях на отвесном берегу реки Одер. Чтобы «выкурить» нас из этих «пещер» бомбардировщики сбрасывали мелкие бомбы-лягушки (так мы их называли), которые при ударе о землю вначале подпрыгивали, а затем на определенной

высоте взрывались. Некоторые из них попадали и в наши укрытия. Помимо бомбардировок, для уничтожения паромных переправ, немцы применяли самолеты-снаряды и плавучие мины, но разрушенные паромные мосты быстро восстанавливались. Так продолжалось в течение всего марта и длилось до 14 апреля.

В этот период времени, в полку и в нашей батарее, партийными и комсомольскими организациями проводилась большая партийно-политическая воспитательная работа (по подготовке к завершающей Берлинской операции) среди личного состава. Больше стало вступающих в ряды компартии. (Очевидно, что победители желали совершить этот отважный шаг в историческом месте и в историческую дату.) Говорили о том, что каждый коммунист обязан быть всегда впереди наступающих, и личным примером увлекать за собой бойцов. Все члены партии достойно исполняли эти обязанности. Следует сказать, что и в течение всей войны с фашистской Германией Коммунистическая партия сыграла решающее значение в победе над самой сильной в те времена армией в мире. В каждой воинской части, в том числе и в нашем полку и батарее были созданы партийные и комсомольские организации. Были назначены в начале войны – комиссары, а в 1943 году – заместители командиров по политической части и заместители политруков из сержантского состава.

Зимой 1942–1943гг. я временно исполнял обязанности зам. политрука. Наш полк получил приказ о поддержке наступления одного из пехотных полков, который находился километрах в двадцати в стороне от нашего расположения. Необходимо было доставить в штаб этого полка какой-то важный документ. Я получил приказ о сопровождении. Точного места нахождения штаба мы не знали. Была очень темная ночь. Сначала мы шли лесом. Неожиданно раздался голос: «Стоять, кто идет?!» Мы ответили: «Свои». Пароль мы не знали, поэтому часовой приказал: «Положите оружие и отойдите на десять шагов назад!» Часовой взял наше оружие и повел в землянку, где находился штаб какой-то воинской части, но не тот который нам был нужен. Нам отдали оружие, и мы пошли дальше. Вышли на чистое поле и обнаружили, что оно заминировано. Мины были закопаны в снег, но благодаря сильному ветру они были видны. Это были немецкие противопехотные мины. Дальше идти было опасно. В это время мы почувствовали запах жженого,

а затем увидели дым, поднимающийся из землянки. Там находились два связиста полка, который мы искали. Они сказали, чтобы мы шли, держась за провод, и ни на шаг не отступали в сторону. К счастью, нам повезло, и мы не подорвались на минах. К рассвету дошли до штаба этого полка и вручили важный документ. Когда мы вернулись в свой полк и доложили о выполнении задания, то зам. начальника штаба сказал нам, что не ожидал увидеть нас живыми. Значит, не судьба нам погибнуть, решили мы.

Перед каждым наступлением проводились партийные и комсомольские собрания, постоянно выпускались боевые листки. В нашей батарее я был секретарем комсомольской организации. Во время боев по освобождению Смоленской области в нашей батарее погиб зам. политрука, и я некоторое время выполнял его обязанности. И всегда политрук, и его заместитель находились на самых опасных и ответственных участках боевых действий.

Берлинская операция началась с разведки боем, которая проводилась 14–15 апреля. В ней уточнялись места нахождения огневых точек противника. И чтобы немцы решили, что началось главное наступление Советских войск, и чтобы они подтянули на передний край больше живой силы и техники, и чтобы во время главного наступления уничтожить их артиллерийским огнем и авиацией.

В четыре часа утра 16 апреля командир батареи и политрук собрали весь личный состав и зачитали обращение за подписью маршала Жукова и члена Военного Совета Телегина. В нем говорилось, что это последнее сражение в Великой Отечественной войне, что час расплаты за все злодеяния фашизма наступил, и что после взятия Берлина наступит окончание войны.

Ровно в 5 часов утра началась артиллерийская подготовка дальнобойной артиллерии с восточного берега Одера. Полетели снаряды «Катюш», минометов. От вспышек выстрелов стало светло. Особенно нас удивили неожиданно вспыхнувшие огни прожекторов. Они осветили передний край, ослепляя противника. За всю войну такое наблюдалось впервые. Ровно полчаса длилась артподготовка. После ее окончания двинулись вперед наши танки, а за ними пехота. Мы пошли вслед за пехотой и там, где появлялись огневые препятствия, разворачивали пушки и расстреливали их прямой наводкой. Как мне помнится, по достижении окраин Берлина мы из своей пушки расстреляли три пулеметные точки

и одно самоходное орудие. С воздуха наступление поддерживали истребители и штурмовики. Когда наши танки и передовые части пехоты ворвались в Берлин, нам был дан приказ стрелять по окнам домов, откуда наблюдались выстрелы засевших в них фашистов, и мы это делали.

29 и 30 апреля с перерывами, во время ультиматума о прекращении сопротивления, и их отказе, был дан приказ стрелять по Рейхстагу из всех видов орудий. Вели обстрел Рейхстага, и мы из своих 105 миллиметровых орудий. Утром 1 мая мы увидели красный флаг над зданием Рейхстага, а 2 мая нам сообщили, что Рейхстаг пал. Радость была огромная. Мы поняли, что война для нас закончилась. 5 мая мы подъехали к зданию Рейхстага на «Студебекере» и оставили свои подписи на нем. Расписался и я: «Я из Иванькова. М. Сторожев».

За взятие Берлина нашей бригаде была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Приказом №359 от 2 мая 1945 года мне была вручена благодарность. Кроме того, я был награжден орденом «Красная Звезда». 6-7 мая наша бригада была отведена в сосновый лес в девяти километрах от Берлина к озеру Штериц. Здесь, у этого озера 9 мая мы и отмечали День Победы. День был солнечный, теплый, радости не было предела. Мы стреляли вверх из своих автоматов, офицеры из пистолетов до полного выпуска патронов из обойм. На зимние квартиры мы были отведены в бывший немецкий гарнизон в город Борна. Этот город был спокойный. Его не тронули ни наши, ни союзнические войска. Хочется сказать и еще об одной стороне деятельности партийной организации полка и бригады. По ее инициативе на протяжении всего времени войны у нас действовала художественная самодеятельность. Во время каждой передышки мы собирались и репетировали, исполняли разные песни. Много раз, когда мы собирались вечерами на репетиции, начинался артобстрел, и тогда приходилось разбежаться по укрытиям, а по окончании обстрела снова собираться. Когда появились в печати слова и ноты Гимна Советского Союза, наш руководитель познакомил нас с ними. Мы много раз ходили по батарее и исполняли его под аккомпанемент гармошки. Принимали нас всегда очень хорошо. Особенно хорошая возможность заниматься художественной самодеятель-

ностью появилась в городе Борна. Для этого было достаточно свободного времени. У нас в кружке появился хороший аккордеонист, он же и пианист.

Летом 1945 года в группе оккупационных войск в Германии прошел смотр художественной самодеятельности во всех соединениях Советских войск для отбора на заключительный концерт. В кружке нашего полка прошла песенка «Сторонка родная» в моем исполнении. Заключительный концерт состоялся в городе Веймара. Мы были очень взволнованы, когда нам сообщили, что на концерте будет присутствовать маршал Г.К. Жуков. Перед началом выступления мы выпили по 100 грамм для смелости и стали наблюдать из-за кулис. И вдруг мы увидели, что в сопровождении генералов вошел Г.К. Жуков. Они сидели на первом ряду и были хорошо нам видны. После окончания концерта он поблагодарил нас за выступления.

Недалеко от Берлинского парка, в котором мы находились, на одной из улиц, валялись несколько велосипедов. Я поднял один из них и начал учиться ездить на нем по дорожкам парка.

В августе, во время нахождения в летнем лагере у озера Штериц, мне предоставили отпуск на Родину. До вокзала меня довезли на «Додж 3/4». Я прихватил с собой и велосипед. Но у вокзала было так много людей, что приобрести билет на пассажирский поезд было невозможно. Я встретил там отпускника танкиста. Он был тоже с велосипедом. Он ехал в отпуск в город Рязань. Мы с ним решили ехать на первом попавшемся товарном поезде, следовавшем на восток. На первой остановке мы дождались пассажирского поезда. В переполненные отпусниками вагоны нас не пустили. Тогда мы влезли с велосипедами в тендер паровоза, где хранился каменный уголь. Не доезжая до города Калуги, мы сошли, чтобы привести себя в порядок, почиститься от угольной пыли и умыться. От Калуги до Москвы мы благополучно доехали на пассажирском поезде. Мой попутчик уехал в город Рязань. Так, вместе с велосипедом я приехал на побывку домой.

В начале лета 1946 года 39-ая Томашовская ОИПТАБр была расформирована, и все, кто не подлежал демобилизации, в том числе и я, были переведены в 40-ю ОИПТАБр, находившуюся в городе Наумбурге. Там я заболел. У меня обнаружили язву желудка

и 12-ти перстной кишки. Лечение проходил в военном госпитале города Наумбурга. 23 ноября я был демобилизован. Всю ночь мы шли из Наумбурга в город Веймар, под духовой оркестр, где был сформирован эшелон. Перед погрузкой в вагоны прошел митинг, и нам были вручены благодарности за подписью маршала СССР Соколовского и члена военного Совета Макарова. 29 ноября наш эшелон тронулся на Родину... [178]

Сурминов Иван Фёдорович В бригаде траления

С марта 1945 года и до окончания войны во время ликвидации Восточно-Прусской группировки, наша бригада траления была временно передана в оперативное подчинение 1-му Прибалтийскому фронту. В ее задачу входило: очистить фарватер от мин и под тралом сопровождать десантные корабли. Десант состоял, в основном, из сухопутных войск, частью которых была морская пехота.

И вот произошел такой случай.

Отступая, немцы заминировали все водные пути, оставив чистой лишь узкую полоску фарватера, чтобы эвакуировать свои последние корабли из северных районов Балтики, наши катера с малой осадкой, меж тем, прошли незамеченными по минному полю и со стороны Пилавской косы заминировали эту полоску. В результате этого множество немецких кораблей при выходе подорвалось. Итогом проведенной операции стала ликвидация более стотысячной прусской группировки, пытавшейся прорваться через Померанию в зону американской оккупации. При этом 88 тысяч немцев было взято в плен, а остальные убиты и ранены.

Плененное командование группировки попросило показать им советские корабли, те, что не давали им покоя. Просьбу удовлетворили. Увидев наши малые «коробки», немецкий командующий сказал, что это не корабли, а тараканы, что русские берут их не силой, а напором. А у нас, действительно, были одни катера «Ярославцы», «Костромичи», десантные «бронетанкера», а также малые «Канонерские лодки» и «Тендеры». Помощь советских моряков-тральщиков и десантных судов была высоко оценена командованием 1-го Прибалтийского фронта [179].

Сытенков Михаил Александрович От Дмитрова до Бреслау

Перед нападением фашистской Германии на нашу Родину я закончил первый курс техникума в Дмитрове и 22 июня 1941 года был на учебной практике, когда всех нас собрали в клубе техникума и заявления Советского правительства мы узнали о начале войны. Тогда мы, пятнадцатилетние юнцы, еще не осознавали всей беды, нависшей над страной, и тем более не предполагали, что война будет длиться четыре года...

Старшекурсники проходили производственную практику, а нас, первокурсников, 27 июня еще раз собрали в клубе, рассказали об обстановке, сложившейся на фронтах, и предложили записываться в отряды строительства оборонительных укреплений. Записались почти все, и в скором времени мы уже были в Смоленской области.

Получили лопаты, кирки, ломы и принялись за работу. За день-два у всех на руках появились кровавые мозоли, болели спины. Работали от темна до темна. Спали в сгфгаях. Домой вернулись только в октябре.

Много потом пришлось пройти дорогами войны, спать и бодрствовать в грязи и снегу, на дожде и морозе, под снарядами и пулями, но первые дни войны, глина и камни выкопанных противотанковых рвов и окопов запомнились навсегда.

В ряды Советской Армии я был призван Дмитровским райвоенкоматом 9 января 1943 года. Три месяца находился на обучении в полковой школе под Казанью, а потом направили на фронт, на Орловско-Курскую дугу.

Об этой битве написано много. Помню только круглосуточный грохот на протяжении нескольких месяцев. Вначале оборона, потом наступление. Начал бои минометчиком, а в наступление пошел пехотинцем: минометы были разбиты и оставшиеся в живых расчеты перешли на передовую, в пехоту.

После короткого наступления нашу дивизию (если так можно назвать оставшиеся от нее сотни, две человек) перевели на отдых. Дней пять-шесть отдохнули, получили пополнение – и снова в наступление, до Днепра, вначале на Брянском фронте, а затем на 1-м Белорусском.

С тяжелыми боями, потерями, принимая новое пополнение, вышли к Днепру и после кратковременной подготовки форсировали его, заняв плацдарм, который впоследствии был расширен и послужил хорошим трамплином для последующего наступления.

На Днепре меня перевели в полковую разведку, и в одном из рейдов в тыл врага, около реки Припять, я был тяжело ранен в обе ноги. Обрато товарищи выносили меня на плащ-палатке. Три месяца провел в госпиталях да еще столько же долечивался в запасном полку. В полковую разведку был переведен в день, когда мне исполнилось 18, а уже через два месяца из-за ранения попрощался с однополчанами, и встретиться больше не пришлось.

Из запасного полка попал в инженерно-саперную бригаду, где месяц командовал взводом, а потом был назначен комсоргом отдельного батальона. С этим батальоном я и прошел путь до конца войны – по Белоруссии, Польше, Германии и Чехословакии.

Победу встретили в Бреслау, куда нашу часть перевели из Чехословакии. В бреслау была окружена большая группировка немецко-фашистских войск, в том числе предателей Родины – власовцев. 2 мая пал Берлин, а в Бреслау фашисты и власовцы продолжали упорное сопротивление. Приходилось с боем брать не только каждый дом, но и каждую комнату в доме. И только через два дня после Победы эта группировка капитулировала.

В ночь с 8 на 9 мая не находившиеся на задании солдаты и командиры нашего батальона, расквартированные в садовых домиках пригорода Бреслау, слышали грохот выстрелов зенитного полка, располагавшегося по соседству. Вначале мы подумали, что фашисты выполняют свое обещание оказать помощь группировке, окруженной в городе, но шума самолетов не было слышно, не было видно и лучей прожекторов. Я побежал к зенитчикам. В ответ на мой вопрос: «Что случилось?» – группа артиллеристов подхватила меня и стала подбрасывать в воздух, крича: «Победа! Победа! Фашисты капитулировали!». Я вырвался и бегом устремился к своим, стреляя вверх из пистолета и крича то же самое. Так в эту ночь никто уже больше и не спал.

Через день мы возвращались в свою бригаду в Чехословакию. В составе группы советских войск служил в Чехословакии, Венгрии и Австрии... Был секретарем комсомольского бюро отдельного инженерно-саперного батальона. Демобилизовался в июле 1950 года.

Памятью о военных годах остались боевые награды – орден Славы и медали, в том числе «За взятие Берлина», «За освобождение Праги» [180].

Талтанов Егор Васильевич
Польшу с боями прошли пластом

Призван 24.01.43 г. (в 17 лет). На фронт направили в ноябре 1943 г. под Смоленск. От Смоленска двое суток шли пешком, ночью пришлось переходить речку. А я был бронбойщиком, мы несли противотанковое ружье (24 кг). Дали отдых 3 часа. Нас завалило снегом, пока мы спали.

В бой вступили мы со своей частью (18-й гвардейский полк). Все были 18-ти лет, не старше. Комвзвода (старшина) испугался и ночью сбежал. Наступление началось: пошли танки, пехота поднялась за ними (взвод 48 чел.) и передо мной друг, был вторым номером бронбойщика Иван Курилов, его разорвало на части. Меня тяжело ранило в левое плечо.

Лежал в госпитале, потом снова отправили на фронт в 205 дивизию химразведчиком. Часть наша была в Польше, с боями ее прошли (Польский коридор) пластом. В апреле 1944 года нас направили в тыл к немцам для постановки химдымовой завесы, чтобы они не уехали на кораблях. Это было под Данцигом. Конец войны застал меня на посту 8 мая 1945 г.

Кончилась война 9 мая, но мы еще были направлены в Данию для эвакуирования немцев с острова Бронхольм. Наша часть стояла там до февраля 1946г., когда эвакуировались оттуда наши корабли, подорвались на минах [181].

Тарасов Василий Фёдорович
Воевал мальчишкой

В 14 лет добровольцем поступил на фронт. В мои обязанности входила почта. Первое боевое крещение было под Витебском. Пять русских танков застряли в болоте и оказались под налетом фашистов. Также в бедственном положении оказалась

и рота, шедшая с танками. Рота не могла отступить без приказа и нужно было послать человека.

Так как двух связных убили, выбор пал на меня. Вначале я испугался, но командир обругал меня и назвал трусом. Я двинулся к роте, все кругом взрывалось, а я двигался все дальше и дальше, думая о ребятах, которые находились под налетом. Я благополучно добрался до роты, передал приказ и рота отступила.

Последний бой 11 мая 1945 года, ночью под Прагой. Группа влаоовцев и эсэсовцев из 300 человек прорвалась к американцам. Все были уничтожены. Так для меня закончилась война [182].

Тихомиров Александр Филиппович
Решающий бой

Я был призван в армию 20 августа 1942 года. Тогда мне было 17 лет. Меня отправили в минометно-гвардейское училище, где нас учили всего-навсего неделю. Однажды было приказано собраться на построение, где нас стали вызывать из строя и вызвали, как я прикинул, 75 человек. Нас построили, посадили в трамвай и повезли на окраину Москвы на станцию «Обераловка». Тут нас построили, привели оркестр, прибыл генерал. Сюда же прибыли три эшелона из средней Азии (казахи, киргизы, чувашаи возрастом от 40 до 60 лет). Когда они тоже выстроились, оркестр сыграл и тут стали выкрикивать фамилии. Вот вызвали меня, дали пулемет и в бой. Мне в расчет попали два таджика, два чуваша, крымский татарин и турок, из них по-русски говорил один татарин, да и то плохо.

До Наро-Фоминска нас довели на поезде. Мы расположились на холмах Заревой горки, причем немцы были на холме, а мы в низине. Мне дали участок и сказали; «Вот ваше место», – правда гнездо пулеметное уже было вырыто. Также нам был дан приказ: «Без приказа не стрелять, из-за нехватки патронов». Но я был не очень дисциплинирован и горяч. Тут я заметил, что как только кто-нибудь из нас вылезал из окопа, то над нами начинали свистеть пули. Поэтому я догадался, что место немцами пристреляно, и я стал присматриваться, откуда стрелял немец, тогда уже наступила ночь и выстрелы были видны. Когда немец

в очередной раз попытался убить кого-то из нас, я дал по нему пулеметную очередь, тут прибежал командир и стал распекать меня по поводу стрельбы.

Из-за этого случая этой ночью нас послали на нейтральную территорию, чтобы утром поддержать огнем нашу атаку, И тут я первый раз увидел, как стреляют «Катюши» – они дали два залпа: один прямо перед нами, ощущение было жуткое, так как в нескольких десятках метров от нас земля горела после падения туда снарядов; второй – в тыл немцам. И вот после этого рано утром я услышал сзади «Ура!» – это подняли нашу пехоту, ну я припал к гашетке и давай поливать огнем немецкие позиции. Когда пехота добежала до нас, я увидел командира, он поблагодарил меня и приказал двигаться вперед.

Мы с татаринном взяли пулемет, а остальная часть моего расчета бежала сзади, сбившись в кучу, Как я ни кричал им разбежаться, они не слушали, и тут прямо у них под ногами разорвалась мина. Так мы остались вдвоем. Ко всему прочему, нас начали бомбить, и я увидел воронку от взрыва бомбы, ну мы залезли в эту воронку, поставили пулемет и лежим. Вот тут и начался сущий Ад: танки, самолеты, люди, грохот, взрывы – все смешалось. А мы лежали на дне воронки, ничего не видели и не слышали. Не знаю сколько мы так пролежали, но я увидел сквозь дым, туман, грязь, людей, бежавших к нам. Татарин сразу сказал, что это немцы пошли в контратаку. Ну я лег за гашетку и дал по ним очередь, немцы исчезли в тумане.

Так они появлялись несколько раз и я истратил на них одну ленту. Когда я вставил вторую и немцы снова появились, татарина ранило в ногу. Я его перевязал и сказал лежать тут, но он все твердил: «Моя ранен, моя тыл.» Вот снова появились немцы, я стал стрелять, а татарин пополз в тыл и его убило разрывом мины, так я остался один. После того, как кончились патроны, я вытащил замок из пулемета и побежал. Не помню, сколько я бежал, но оказался на старых позициях и увидел командира. Тут мне дали три пулемета и несколько человек в помощь. После этого мы, перебегая от одного пулемета к другому сдерживали немцев до 11 часов вечера.

После чего я принял решение отступить, когда мы дошли до своих, к нам подбежал старший лейтенант и спросил: «Кто коман-

дир?» А мы стоим все 6 человек, указали на меня. И тогда он стал меня благодарить, ведь мы своими действиями позволили окопаться новой линии обороны... [183]

Толписов И.А. Удачная операция

Зимой 1943–44 годов мне было приказано со взводом разведки тов. Сандовского выйти в район г. Пустоши – Опочка, где гитлеровцы строили вторую линию обороны. Днем работали они, возводя доты, дзоты, ходы сообщения, проволочные заграждения и прочее, а ночью – мы, советские разведчики, тщательно нанося на карту-схему все, что строилось днем. Каждую неделю двое связных отправлялись в бригаду с донесением. На день мы уходили в глубь леса в районе деревень Маковейцево и Усадище и отдыхали.

Прошло полтора месяца таких «работ», и я получил приказ вывести людей на базу партизанской бригады для отдыха. И вот, когда 18 января мы отдыхали в лесу после ночи, меня разбудил часовой и доложил, что в деревню Маковейцево приехал вражеский обоз, фашисты грабят население. Тут же разбудили наших людей и устроили совет. Решение было единогласным: наказать мародеров.

Дорога между этими деревнями была нам хорошо известна и здесь, на небольшой поляне и решили устроить засаду. Волновались: не знали численного состава обоза, да и могло случиться так, что гитлеровцы рассредоточат подводы, возьмут дистанцию, а значит на поляне одновременно будет не больше 3 – 5 подвод. Но, распаленные грабежом, враги забыли об осторожности.

Сначала на поляне появился фельдфебель в сопровождении ефрейтора. Мы пропустили их. В 50 метрах за ними шли подводы, вплотную, одна за другой. В них по два солдата, большинство лежниво лежали на сене... Когда все подводы вышли на «поляну» была дана команда «огонь!» Бой был коротким. 19 января мы были уже в расположении бригады, где и доложили обо всем, сдав в вражеское оружие и добытые в бою документы [184].

Бои на подступах к Сталинграду были ожесточенные

На рассвете 22 июня, находясь в палатке, слышали артиллерийскую стрельбу. Со сна не поймешь, что происходит. Бужу командира роты лейтенанта Федоренко, говорю война, он мне ответил: «Это наши камни рвут». Тут же последовал сигнал боевой тревоги. Дежурная рота первая заняла огневые позиции и вступила в бой.

Мы получили приказ и в полной боевой готовности, двинулись к государственной границе, которая от нашего лагеря находилась в 7-10 км, где вели ожесточенные бои наши пограничники с передовыми отрядами немецкой армии. При занятии нами огневых позиций мы также вступили в бой с передовыми отрядами фашистских войск. За день отбивали по несколько атак, ходили сами в контратаки и немцев отбрасывали от двух до трех километров. Окраины местечка Раво-Русская неоднократно переходили из рук в руки. Шли ожесточенные бои. Город Львов немцы заняли на 3-й день после начала войны, а мы продолжали упорно сопротивляться.

И в конце июня, по приказу командира дивизии, стали с боями отходить на восток по направлению не на Львов, а на Тернополь, Хмельницкий, Бердичев, Сквир. Белая Церковь, при отходе так же вела бои. В результате боев за населенный пункт Строково, не доходя г. Сквир, где немец применил танки и авиацию, и мы понесли большие потери, в этом ожесточенном бою был ранен осколком снаряда в правую руку и правую ногу. Это было примерно в начале второй половины июня, и был направлен в санбат и полевой госпиталь, который располагался в школе.

Затем был направлен на станцию Пириятино Киевской области, в выздоравливающий батальон, оттуда был направлен в штаб харьковского военного округа в отдел кадров. Оттуда был направлен в 10-ую запасную бригаду 31 стрелкового полка, который формировался под Харьковом. Инструктором от роты Коммунистического батальона. Это было в начале августа 1941 года.

В августе 1942 года был сформирован из маршевых рот 9 особый батальон противотанковых ружей, где я был назначен командиром 2 роты. 20 августа 1942 г. на паромах нас перебросили на правый берег Волги. На рассвете на машинах двинулись к линии

фронта юго-восточнее Сталинграда в распоряжение 38 стрелковой дивизии. Командир получил приказ о занятии обороны. Не успев нас распределить по полкам, как показались немецкие танки и пехота.

Мы сходу вступили в бой с атакующими танками и пехотой, сходу подбили 3 танка. Неожиданно на быстром ходу на передовой появились наши «Катюши» и дали несколько залпов. Немцы стали отступать, оставив на поле боя сгоревшие танки и трупы немецких солдат. Атака отбита, оборона восстановлена, с нашей стороны также были потери, особенно в 1 роте. Все попытки атаковать наши позиции немцам не удалось.

Станция была сожжена. Надо отметить, что бои на подступах к Сталинграду были ожесточенные. Изо дня в день приходилось отбивать по несколько атак. Приказ был «Ни шагу назад! За Волгой для нас земли нет!» Авиация в начале имела превосходство в воздухе. Как начинается день с утра и до вечера самолеты буквально висели в воздухе, один эшелон отбомбит, следом делает налет второй, и так продолжается до позднего вечера, при пикировании включают сирену. При ближнем полете строчит из пулемета. Не было часа, чтобы не била его артиллерия. В таком крошечном аду трудно было выжить, но мы выжили. Одно спасение – зарываться глубже в землю. Оборона на нашем участке была организована стабильно. В случае прорыва все резервы бросали на ликвидацию прорыва. Не было ни паник, ни беспорядка.

Основную роль в обороне сыграли наши знаменитые «Катюши», они своими залпами уничтожали все живое, в том числе танки. Они наводили на немцев ужас и панику. Немалую роль в обороне сыграла противотанковая артиллерия, которая била по самолетам и в случае танковой атаки била по танкам. Наши ночные бомбардировщики не давали покоя немцам, действовали постоянно и наносили удары по скапливающимся войскам.

В одном из боев 9 сентября 1942 г. Я был ранен вторично, разрывной пулей в голень правой ноги, потерял много крови. Меня подобрала минометчики и отправили на своей повозке в санбат, где обработали рану и сделали перевязку. И ночью на пароходе переправили на левый берег Волги в полевой госпиталь села Заплавное Сталинградской области. В результате гангрены в конце сентября мне ампутировали правую ногу. В виду плохого состояния здоро-

вья меня не могли эвакуировать в глубокий тыл. И только в начале ноября я был эвакуирован в город Ташкент, где мне пришлось перенести еще две операции и был выписан из госпиталя в начале октября 1943 года со снятием с воинского учета [185].

Тулаев Борис Петрович
Я успел пережить очень многое...

...С июня 1942 года, то есть практически с момента призыва в армию, и до января 1944 года, когда после ранения под Винницей я попал в госпиталь, моя судьба была связана со 183-й ордена Ленина Краснознаменной орденов Александра Суворова и Богдана Хмельницкого Харьковской стрелковой дивизией. Это дивизия овеяла себя славой, героически сражаясь в боях за Москву и под Прохоровкой, за освобождение Белгорода и Харькова, Винницы и других городов. За время службы в ее рядах я успел пережить очень многое – от горьких дней обороны, когда не хватало самого необходимого, до неудержимого наступления советских войск в 44-м, когда все уже – и друзьям нашим, и недругам было ясно, что победа будет за нами. Трудно забыть атмосферу тех дней, когда казалось, одна мысль владела всеми – Вперед, только вперед, несмотря ни на какие трудности.

Я вспоминаю мартовские дни 44-го, когда наша дивизия освободила Винницу. Был уже занят железнодорожный вокзал, и дивизия продвинулась по направлению к центру города до реки Южный Буг. Однако здесь пришлось остановиться: мост через реку был взорван. Тогда группа разведчиков во главе со старшим сержантом Федором Алениковым, получила задание перебраться на другой берег, разведать огневые точки фашистов. В это время там уже шла массовая переправа наших войск, и разведчики чуть было не угодили под огонь своих, спасло их только Красное знамя, которым они стали размахивать из машины. А затем они пробрались к старой башне и, несмотря на то, что башня была заминирована, сумели подняться на нее и водрузить советский флаг. В это же время другой группой был водружен Красный флаг на развалина здания, где раньше был горком. И когда шел бой за освобождение центра город, в нем уже развевались два красных флага [186].

Устенко Евгений Петрович
Война – это тяжелый, изнурительный труд

В ряды Красной Армии я был призван 16.09.1941 года. Был направлен в школу подготовки пилотов – Киевская ШПОП, которая трижды эвакуировалась вплоть до Алтая, г. Абакан. В конце концов приказом Главнокомандующего весь персонал школы был направлен в Иркутскую школу авиационных механиков. Ее я и окончил в 1943 году в звании старшего сержанта. И так, род войск – авиация. Воинская специальность – авиационный механик. Участвовал в боях в составе 2-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов. Освобождал Калининскую и Волгоградскую области. Штурмовал цитадель Восточной Пруссии – Кенигсберг. После объявления победы над фашистской Германией принимал участие в уничтожении вражеской группировки в районе городов Либава (Лиенае) и Тукумс. Воевал в составе 909-го Кенигсбергского авиационного истребительного полка до 1945 года. Все время было тяжело, все время предел напряжения – это когда боевые будни. Передышки только в нелетную погоду. Запомнился контрудар немцев под железнодорожной станцией Няндома (возле Вологды). Конечно, запомнился штурм Кенигсберга. Наш полк отличился. Боевые вылеты – от зари до зари, без передышки, до изнеможения техники и людей – по семнадцать вылетов за световой день.

Война – это прежде всего тяжелый, изнурительный труд почти до полного забвения себя. Если каждый делает свое дело не щадя сил, не думая о смерти, то эффект, как правило, не может быть отрицательным. В бою, как на ладони, видно все – и хорошее, и плохое. Но главное – это коллективизм, взаимовыручка, взаимопомощь. На аэродроме после налета фашистских «мессеров» один из стоявших в шеренге самолетов, подготовленных к вылету и снаряженных бомбами, загорелся. Наш моторист, младший сержант, вскочил в горящий самолет, запустил двигатель и вырулил на другой конец аэродрома. Когда он отбежал от самолета на 50-70 метров, взорвались бомбы, и горящими осколками забросало почти половину аэродрома. Но все обошлось благополучно, моторист остался цел и невредим, целыми остались и 28 самолетов эскадрильи, которые он спас. Все это заняло не более 4-5 минут... А парень был такой, что никогда бы не подумал, что он способен на такое [187].

Фёдоров Иван Иванович
Я был наводчиком орудия

...Я принимал присягу дважды. Второй раз – в ту памятную осень 41-го, когда фашисты подошли вплотную к Москве. Мы, зенитчики, торжественно клялись: из Москвы – ни шагу! Слова клятвы были отпечатаны на машинке на листах писчей бумаги. Газеты доносили до нас тревожные сообщения Совинформбюро и рассказывали о подвигах защитниках столицы, о широкой волне народного гнева и возмущения бесчинствами фашистов... Произнеся клятву, каждый ставил свою подпись – скрепляя стремление и готовность стоять за Москву до последней капли крови.

Железная дисциплина была в рядах зенитчиков: когда стремительно росли летящие сверху смертоносные черные капли – авиабомбы, никто не трусил, не пасовал. Я был наводчиком орудия. Спросите меня в те минуты, когда я поймал цель и «веду» ее, как меня зовут, – не отвечу. Потому что весть там, в небе, в азарте боя. И тут, уж, не до страха.

Но настоящие серьезные бои с противником были еще впереди, а пока наша батарея стояла в резерве на окраине. Москва и мы учились работать на своих 37-миллиметровых зенитных орудиях, которые совсем недавно поступили на вооружение. По ночам в перекрестке лучей прожекторов вспыхивали серебристыми точками вражеские самолеты и падали горящими факелами. Как в то время мы завидовали тем, кто наводил на врага зенитное орудие, посылая заряд за снарядом. Помню ночную Москву, ошестинившуюся противотанковыми ежами, с аэростатами воздушного заграждения, темную, сторгуя, настороженную, с патрулями на безлюдных улицах. Мы ехали на грузовике за зенитным орудием. Это было одно единственное свидание с военной Москвой – в увольнение мы не ходили.

В декабре 1941 года, когда началось контрнаступление советских войск, нашу часть направили в город Осташков Калининской области, где включили в состав 4-й ударной армии. В эту морозную зиму приходилось нелегко, особенно тяжело было по бездорожью тянуть орудия – тягачи не проходили по глубокому снегу. И когда надо было бежать, едва хватало сил, чтобы заставить себя передвигать ноги.

В полутора метрах от городка наша батарея сбила три «Юнкерса-88» – средних двухмоторных бомбардировщика. Это была первая большая удача. А в конце войны на лафете нашей 37-миллимитровки красовались 11 звездочек – 11 сбитых самолетов противника, больше чем по одному на каждого из восьми членов боевого расчета орудия...

...Мои внуки ...в детстве любили спрашивать: «Дедушка, за что у тебя это?» – показывая, например, на медаль «За Оборону Москвы». И снова оживали в памяти трудные дни, и снова будто бы перекрещивались в черном тревожном небе лучи прожектора, звучала команда – «Воздух!» Слышались разрывы бомб, орудийная канонада. Это забыть не возможно [188].

Федуков Степан Васильевич
Фронтное братство

В 30-е годы каждый комсомолец знал, что ему придется сражаться с оружием в руках с врагами Советского государства как на Западе, так и на Востоке, и вес комсомольцы усиленно изучали военное дело в учебных заведениях, кружках и клубах Осавнахима. Такая подготовка оказалась очень полезной, особенно в первые месяцы войны, когда много молодежи 18-летнего возраста западных районов страны, без предварительной подготовки в войсках, вступило в бой с немецко-фашистскими захватчиками. Эти юные герои, подавляя страх и презирая смерть, с винтовкой, гранатой и бутылкой горючей смеси уничтожали танки и живую силу фашистов. Они стояли насмерть.

...Начал я воевать 3-го июля 41-го года, были тяжелые испытания, отступление началось для меня под Оршей, а вышел я из него под Калугой, провоевал два с половиной года, пришлось увидеть и радость побед 43-45 года. Война, на мой взгляд, – это очень тяжелый и очень опасный труд, и хорошо, когда воины профессионально подготовлены, нравственно и морально подготовлены, а мы были, по-моему, в 41-м году... «сыроваты» в этом смысле. Воевали до последнего патрона, много сдавались тогда в плен, потому что были ранены – и я всю войну относился с пониманием к военнопленным, которых тогда считали изменниками, я считал,

что это честные люди, которые прежде, чем им пришлось сдаться в плен, сделали все, что могли.

Наш полк состоял из студентов институтов и техникумов Смоленской области. 4 июля 1941 года в сумерках занял оборону на Оршанском направлении (Белоруссия). Окопались мы на ржаном поле, хорошо замаскировались, над нами пролетали немецкие самолеты, но нас не заметили. Вокруг горели города и села. 5 июля нас усилили пулеметами, гранатометами, бутылками с зажигательной смесью. Впереди слева шел бой, который затих поздно вечером. К концу дня мы закончили окопные работы, замертво уснули, кроме боевого охранения. 6 июля перед восходом солнца услышали команду: «Приготовиться к бою, огонь открывать только по команде!» Я огляделся, слева, ближе к дороге, заметил противотанковое орудие (сорокапятку). Обрадовался, значит ночью подошло подкрепление. Я и мои соседи были спокойны, смотрели с любопытством в сторону шоссе. Солнце поднялось, стало теплее. Страх не было, но душевное состояние было похожее на то, когда ждешь опаздывающий поезд. Слышно было шум танковых моторов и мотоциклетную трескотню. Мотоциклисты приблизились вплотную, и в просветах ржи были видны их головы и отблеск солнца на их касках. Они слева и сзади, значит немецкая разведка нас не заметила, и мы внезапно нанесли удар по колонне. На душе стало легче, мышцы расслабились, тело отдыхало. Высоко в небе пели жаворонки, в лесу разливались соловьиные трели, глаза увидели мелких букашек, ползущих по брустверу окопа, и капли росы на колосьях ржи. «Это все родное, и это родное надо защищать дорогой ценой – своей жизнью». Вскоре появились танки, ожидание закончилось. Время остановилось. Заряжаю фанаты капсюлями и при этом коснулся комсомольского билета, который был зашит вместе с паспортом и зачетной книжкой во внутреннем кармане гимнастерки, и понял, что буду бить врага нещадно, до последнего вздоха. Наконец голова немецкой колонны подошла вплотную к нашей линии обороны. Артиллеристы открыли огонь. На дороге загорелись сразу три танка. Танки сошли с дороги в рожь вправо и влево, продолжая двигаться на нас. С машин посыпалась пехота и, прикрываясь танками, бежала на наши позиции. Немцы открыли по нам ураганный огонь из танков и минометов. От разрывов гудела земля, непрерывно жужжали осколки, на голову падали комья

земли и песка. Метрах в 200-х от меня вспыхнул еще один танк. Танки стали отползать назад, а пехота пыталась атаковать нас, но не выдержала нашего огня и отступила. Первая атака была отбита. Мы познали свою силу и убедились, что немцев мы можем бить, и бить неплохо.

Потушив горевшую рожь, поправив траншею и почистив оружие, готовимся к отражению очередной атаки. Вскоре принесли завтрак, но он был сорван. Налетели пикировщики и бомбили нас жестоко. Самолетов было много. Сбросив бомбы, они снижались, поливая нас из пулеметов. Раненных и убитых у нас было больше, чем при отражении танков. Еще дымились воронки от бомб, как немцы стали обрабатывать нас артиллерией и минометами. Потом снова пошли танки и пехота. Артиллеристы открыли огонь по танкам, но интенсивность их огня была слабее, чем раньше, наверное, сильно пострадали при бомбежке. Один из танков быстро продвигался в сторону нашего взвода. Навстречу ему поползли гранатометчики, во главе с командиром взвода, и стрелки с гранатами. Перебили гусеницы, а потом подожгли горючкой, экипаж был уничтожен. Пулеметчики остановили пехоту, а стрелки бросились в контратаку и вынудили немцев отступить. Третья атака, как и предыдущие атаки немцев, была отбита.

Во рту было горько от гари, дыма и песка. От жажды язык распух, губы потрескались и кровоточили, ноги и руки дрожали от усталости. Принесли обед, но есть не было сил. В голове одна мысль; выдержим ли следующую атаку, ведь нас осталось мало. Я решил биться до предпоследнего патрона, последний оставить для себя, это будет лучше, чем фашистский плен. Солнце скатилось к закату. У нас стояла тишина. Далеко слева послышалась канонада. Значит немцы решили прорваться там. Мы стали хоронить погибших товарищей. Часа через полтора бой слева затих, значит соседи не выдержали. Вокруг братской могилы построили полк. Командир полка, пожилой седой майор, сказал нам: «Спасибо ребятки. Родина вас не забудет!», сказал это так проникновенно, что у нас на глазах выступили слёзы, и мы гаркнули: «Ура!», вместо «Служим Советскому Союзу». Встав на колени, поклонились погибшим товарищам, дали салют. Отступаем на новый рубеж.

...Наш батальон с тяжелыми боями отступал в глубь страны. Однажды большая группа немцев рано утром (это было под го-

родом Дзержинском Смоленской области) предприняла психическую атаку на позиции нашей роты. Рота, подпустив фашистов на близкую дистанцию, открыла сильный прицельный огонь. Какое-то мгновение немцы закрутились на месте, а потом побежали назад. Мы дружно поднялись и с криком «ура» громили гитлеровцев. Мало кому из фашистов удалось тогда уйти.

С 1942 года я воевал в зенитно-артиллерийских частях. ...Зенитная артиллерия в Отечественную войну была грозным оружием не только против авиации противника, но и против танков и пехоты. Наша зенитная дивизия за успешные боевые действия награждена орденом Кутузова и ей присвоено наименование «Ясская». Мы охраняли боевые порядки войск в наступлении, обороне, на марше, в момент переправы через водные преграды, наступали в боевых порядках пехоты, вели бои с наемным противником и при отсутствии прикрытия нашей пехоты.

Наша батарея состояла в основном из комсомольцев. Благодаря высокой дисциплине, отличному знанию техники и бесстрашию личного состава, батарея всегда выходила победителем в единоборстве с воздушным и наземным противником.

Снайперский расчет коммуниста Грачева (из Москвы) сбивал самолеты противника 6-12 выстрелами из автоматической пушки. Этот расчет первым открыл боевой счет сбитых дивизией самолетов. Снайперский комсомольский расчет комсомольца Макушина (тоже москвич), кавалера орденов «Слава» 2 и 3 степеней и трех боевых медалей, за два года боев сбил 11 самолетов противника. За 4 дня боев на Днестре (у Переяслав-Хмельницкого) батарея сбивала 7 самолетов противника, расчеты дивизии заставили немецких летчиков подняться на предельную высоту и отказаться от прицельного бомбометания.

...Я расскажу о фронтовом братстве, о взаимовыручке. Был такой случай под Полтавой. Сняли нашу батарею с передовой для обороны штаба армии. И вот часов в одиннадцать видим, как два немецких самолета «зажали» наш истребитель Як-7 и ведут его к вражеской территории. Летчик, видно, молодой, боекомплект расстрелял, и никак от немцев не может отвертеться. Надо выручать товарища! Орудие – к бою. Но хорошо, если немцев задену, а ну как в своего попадешь? Судить будут! Но решил, если придется отвечать, сам и отвечу. Навел 37-милли-

метровую пушку и выстрелил. Смотрю, один немец начинает в сторону заваливаться, может быть, даже задело его. Тогда даю команду стрелять всей батарее. Немцы – врассыпную, отстали. Спасенный летчик нам благодарно крыльями помахал и повернул к своему аэродрому. На следующий день он снова над штабом появился, уже в паре. И два круга над батареей сделал – дескать, спасибо, ребята, за выручку!

...Теперь выдержки из своего личного дела. «В октябре 43-го года при налете вражеской авиации при переправе через Днепр взвод под руководством лейтенанта Федукова сбил 4 самолета противника... В мае 44-го, сопровождая колонну автомашин, попал под бомбежку вражеской авиации и не смотря на то, что был контужен, вывел все машины из-под бомбежки в целости... В августе 44-го года под руководством лейтенанта Федукова уничтожено до 600 человек пехоты противника, взято в плен 70 человек... Удостоен ордена Отечественной войны II степени».

При охране танковой колонны на марше (после прорыва обороны немцев под Яссами) расчеты батареи, не отцепляя пушек от тягачей, сбивали двух «фоккеров», пикировавших на танки. Танкисты нас очень благодарили и щедро поделились трофеями. Во время уличных боев в Яссах нас за помощь благодарил пехота. Пехотинцы нам указывали цели, а мы их уничтожали.

В районе Хуши (Румыния) батарейцы-зенитчики преградили путь фашистам, пытавшимся прорваться в Карпаты. За 4 дня боев были уничтожены сотни гитлеровцев и свыше 10 тысяч взято в плен. При обороне переправы через реку Нитра (г. Нитра в Чехословакии) на подступах к переправе нами было сбито два немецких самолета, остальные сбросили бомбы, не долетев до переправы. Трудно было отправлять раненых в госпиталь. Они требовали оставить их в строю. Можно привести очень много примеров мужества и бесстрашия моих боевых товарищей.

...Бои в Венгрии носили ожесточенный характер. Гитлеровцы и салашисты делали все, чтобы задержать победное наступление Советской Армии. Непрерывные холодные дожди и непролазная грязь затрудняли наступательные действия наших войск. Были моменты, когда приходилось самим тащить и пушки, и машины. Противник, скапливая силы на узких участках фронта, довольно часто пытался наносить нам контрудары.

Наша 27-я Ясская ордена Кутузова зенитно-артиллерийская дивизия в составе 2-го Украинского фронта принимала активное участие в боях за освобождение Венгрии и ее столицы Будапешта. Личному составу дивизии объявлено 5 благодарностей в приказах Верховного Главнокомандующего за отличные боевые действия по освобождению Венгрии.

Можно было бы привести много примеров мужества и стойкости советских воинов. В районе Сарваша прорвавшиеся танки и мотопехота противника расчленили нашу дивизию. Ряд батарей оказались без прикрытия. Никто не отступил, и бой шел до полного уничтожения прорвавшегося противника. В районе Алпара полк на марше встретился с танками врага. Наша батарея, немедленно расцепив пушки, вступила в бой с танками, что позволило другим нашим батареям занять позиции. Танки были остановлены. В районе Ньиредьхаза батарея за один день сбила три самолета противника ФВ-190...

Когда задумываешься над всем этим, удивляешься, откуда у советского человека, падавшего от усталости в стужу и в дождь, зачастую не успевавшего поесть, брались такая сила, упорство и воля к победе. Наверное, эту силу в нас воспитала многовековая борьба наших предков за независимость Родины, борьба наших дедов и отцов с царизмом и интервентами! Эту силу мы черпали в стойкости сражающихся рядом старших товарищей – коммунистов, которые еще в более тяжелых условиях смогли победить голод, тиф, разруху.

И еще одно качество советского человека проявилось в этой смертельной схватке с фашизмом – широта души. Зверства гитлеровцев на нашей земле не ожесточили советских воинов. Не щадя своей жизни, не думая о себе, они проявляли искреннюю заботу о населении воюющей с нами страны, принимали все меры для сохранения материальных и культурных ценностей, свято уважали национальные чувства.

Каждый из нас был готов на все, чтобы не допустить страданий населения Будапешта и разрушения исторических ценностей, создававшихся веками трудолюбивым венгерским народом. Окруженные в Будапеште фашисты отвергли гуманные условия капитуляции и зверки убили советских парламентариев – капитанов М. Штейнмица и И. Остапенко.

В период боев в Будапеште мы были полуголодными, потому что почти все продовольствие отдавали детям, женщинам и старикам, укрывавшимся в бункерах и подвалах. Много своих товарищей мы навсегда оставили в венгерской земле. Они отдали свою жизнь, чтобы навеки покончить с фашистской чумой и войнами, ради вечной дружбы советского и венгерского народов. Будем же всегда помнить об этом и будем делать все возможное для укрепления дружбы и мира на нашей прекрасной планете.

...Мое пожелание молодежи: не забывать подвига своих отцов, спасших Родину от фашистского рабства, своим трудом крепить мощь нашего социалистического государства, быть готовыми, если потребуется, повторить подвиг своих отцов и старших товарищей. А ветераны войны должны быть примером всюду и всегда [189].

Филимонов Александр Иванович **Живу с пулей в сердце**

В 1942 году первый бой, 14 ноября в 6 часов утра пришел приказ: «В наступление». Был в пехоте, командир стрелкового взвода, 18 лет. Уже 25 ноября не стало полроты. Ранение. 11 января 1943 года в Сталинграде добились остатки дивизии, из 40 человек осталось 7 или 8. Немцы перешли в контрнаступление под Харьковом, нас перебросили на Курскую дугу. На Донце стояли до конца. Враг окружил кольцом на правом берегу Днепра, на излучине (если бы нас оттуда сбили, никого бы не осталось), Прорыв из кольца на третий день. 14 марта 1944 года ранение – живу с пулей в сердце. До 44 года прошел с автоматом и винтовкой, от Сталинграда до Чехословакии [190].

Филимонов Иван Иванович **В октябре месяце 41-го мы пошли в первый танковый бой**

Был призван в армию в 1941 году 12 июня, в 14-ый мотоциклетный запасный полк города Москвы. Там я получил специальность мотоциклист – связист, и прибыл в этом полку до октября

месяца. А в октябре нас перевели в город Ногинск, где мы пробыли 5 суток и нас направили в 22-ю отдельную танковую бригаду. Командовал ею полковник Ермаков.

Формировалась она в деревне Акулино Наро-Фоминского района. И в октябре месяце мы пошли в первый танковый бой с танками Гудериана под городом Боровск Калужской области. Там, конечно, нас разбили и нам пришлось отступить до станции Пучково, Там мы стояли в засаде на Москве-реке, и оттуда нас перевели в Кубинку, там мы тоже стояли в засаде и формировались. Получили подкрепление – людей и технику, 7-го декабря 1941 года пошли в наступление по Волокаламскому шоссе и стали гнать немца. Освободили деревни, г. Истру, село Лотошино, г. Волокаламск и дальше пошли к Смоленску, заняли село Серета, взяли г. Гжатск и в декабре месяце вышли на переформирование в г. Петушки. А дальше Калининский фронт, Ржев, Воронежский фронт, Орловско-Курская дуга. Первый Украинский и Первый Белорусский фронты. Первая Гвардейская танковая армия, которой командовал генерал-полковник Катюков М.Е. [191]

Фирсов Алексей Иванович **В технической службе**

1941 год. Мне 20 лет. Я кадровый военный. После окончания с отличием в ноябре 1940 г. Военно-морского авиационно-технического училища им. Молотова в г. Пермь по специальности техник авиационный по вооружению, я был направлен для работы и прохождения службы в г. Севастополь в летно-испытательный институт авиации ВМФ (ЛИИ) на должность младшего техника-испытателя. Лучшего и желать нечего было.

До этого, будучи курсантом 2-го курса училища, зимой 1939 года нас тренировали в Перми работать в экстремальных условиях (температура до -39°) по подготовке вооружения самолетов к боевым вылетам. А затем, в феврале 1939 года, мы были направлены на стажировку в 124 полк Авиации Балтийского флота, который базировался в п. Котлы Ленинградской области и участвовал в войне с белофиннами. Вот там мы узнали, что такое техническая служба авиации в зимних условиях (работа на морозе -39° и жизнь

в деревянных бараках с отоплением печками «буржуйками»). Севастополь был для нас настоящим раем. Город жил полнокровной жизнью: в театре флота выступала с оркестром Эди Рознера молодая Клавдия Шульженко, в городском театре на гастролях была Одесская оперетта.

Летно-испытательный институт, работая над испытанием новых типов гидросамолетов и вооружения к ним на морском и сухопутном полигонах Севастополя, с весны 1941 года вел работу по перебазированию в г. Осипенко (Бердянск) на Азовском море. Причина – невозможность испытательных полетов гидросамолетов в Севастопольской бухте из-за перегруженности бухты кораблями Черноморского флота. Кроме того, чувствовалось приближение войны.

Ранним утром 22 июня 1941 г. Севастополь был подвергнут бомбардировке немецкой авиацией, а Севастопольская бухта – минированию. Флот потерь практически не понес, т.к. корабли находились на рейде, а техника и испытательное оборудование ЛИИ уже было перебазировано в г. Осипенко. Началась Великая Отечественная война.

Находясь в городе Осипенко ЛИИ, испытывая новые образцы авиационного вооружения, занимался по заданию командования Черноморского флота довооружением катеров ЧФ и Азовской флотилии новой техникой.

Захват немцами Донбасса вынудил ЛИИ перебазироваться в г. Астрахань. В Астрахани испытательная работа чередуется с командировками в действующие авиационные части по внедрению и освоению новой авиационной техники.

Так в сентябре 1942 года я был командирован на 2 месяца во 2-ой гвардейский смешанный полк ВВС Северного флота в качестве инструктора по применению и пользованию парашютными авиационными гранатами конструкции нашего института. Кроме инструктажа участвовал в подготовке вооружения самолетов полка к боевым вылетам.

С ноября 1942г. до конца войны ЛИИ находился в г. Баку. Я участвовал в подготовке самолетов авиации Каспийской военной флотилии к боевым вылетам при битве за Кавказ.

Окончание войны и день Победы встретил в Крыму в составе испытательной бригады ЛИИ (испытывали самолет ТУ-2 конструкции ОКБ Туполева в варианте торпедоносца) [192].

Фомичёв Иван Ильич
На безымянной высоте

19 мая 1944 года начался бой за взятие высоты с отметкой 226, западнее станции Лиозно, которая господствовала над окружающей местностью и позволяла немцам вести обзор и обстрел наших войск на большую глубину. После 30-й минутной артподготовки наше подразделение пошло в атаку на противника с целью овладения указанной высотой, Благодаря умелым действиям и героизму советских воинов противник был выбит со своей позиции. Боевая задача была выполнена. В течение двух недель они предпринимали попытки обратно взять высоту. С помощью авиации и артиллерии немецкая пехота шла в наступление. Но советские войска успешно отбили все контратаки противника. Убедившись, что высота окончательно потеряна, немцы прекратили свои атаки. В этих боях особенно ярко проявились моральное и боевое превосходство советских бойцов, их верность присяге и Родине, Здесь я получил свое первое боевое крещение, был тяжело ранен. После выздоровления продолжал боевую службу еще длительное время [193].

Чебурков Юрий Тимофеевич
Мы сбили его и спасли летчика

В 17 лет мама меня проводила на фронт. Отца уже взяли давно. Меня привезли на Ленинградский фронт (ликвидация блокады Ленинграда). Участвовал в третьем Сталинском ударе. Брал г. Выборг. Стояли с зенитными пушками на дорогах. Было приказано стрелять только в танки. В немецкие самолеты стрелять было нельзя, чтобы не демаскироваться. Увидели, что самолет «Ил-2» летит с линии фронта в нашу сторону, у него за хвостом шлейф дыма. За ним идет «Фоккевульф-187», пытается догнать и расстрелять. Командир нашей батареи Боборыкин приказал стрелять по самолету немца. Мы сбили его. Этим мы спасли жизнь летчика «Ил-2». Все это было под Ленинградом [194].

Черкунов Александр Иванович
Первый бой, он трудный самый

Призван в армию в 1943 году в Забайкальский военный округ, в 13 полк связи, который обслуживай штаб 36 армии.

В 1945 году 8 августа началась война с Японией. Наш полк вместе с другими частями перешли границу с Маньчжурией. На шестой или седьмой день я с напарником был передан в распоряжение штабной роты охраны, для выполнения секретного задания. В последствии я узнал, что мы должны связаться с отрядом Мао Цзедуна.

Сначала мы ехали на машине, потом ехать было нельзя. Основные силы остановились и дальше мы с одним взводом двинулись пешком. Установили телефонный аппарат. Мой напарник тянул катушку с проводом, а я шел с телефонным аппаратом. Из вооружения у нас были одни карабины. Пройдя с километр, мы наткнулись на японцев. Завязалась перестрелка. Поскольку мы отстали от взвода, так как надо было маскировать провод, было довольно страшновато.

После небольшого затишья я позвал напарника, чтобы идти дальше, но он не ответил. Я подполз к нему, но он был уже мертвым. Мне пришлось и с катушкой, и с проводом, и с телефонным аппаратом ползти одному. Навстречу мне был послан связной, который сказал, чтобы я срочно связался с ротой и попросил помощи. Дрожащими руками подключил аппарат и вызвал ком. роты лейтенанта Гатина. После переговоров продвижение было закончено. Это было первое боевое крещение [195].

Черкунов Иван Маркелович
Нам пришлось вести жестокий бой

...14 июля 1941 г. я был призван в Советскую армию в звании старшины. С июля по сентябрь 1941 года наша стрелковая дивизия формировалась в г. Ярославль поселок Карабиха. Мне на период формирования досталась очень тяжелая должность: старшина-писарь управления дивизии, где мне пришлось очень много работать, напряженно. По окончанию формирования погрузились в военный эшелон, наш эшелон прибыл на Волховский фронт, станция разгрузки Гряды в районе г. Малая Вишера.

По пути следования наш эшелон немцы уже сильно бомбили в районе Любани, а при выгрузке эшелона на станции Гряды, были большие налеты немецкой авиации, были потери личного состава и материальных ценностей. После выгрузки наша дивизия шла маршем в полном снаряжении только в ночное время, днем двигаться было невозможно, без конца были налеты немецкой авиации. По прибытии на место дислокации наша 288 стр. дивизия заняла оборонительные рубежи от г. Гудова и далее по реке Волхов. Я в то время служил в должности старшины АХГ управления дивизии.

Позднее был назначен заведующим делопроизводством управления 288 стр. дивизии. Позднее был направлен на офицерские фронтовые курсы которые были при 44-й армии Волховского фронта. По окончании курсов присвоено звание «младший лейтенант» и направлен для прохождения службы обратно в 288-й стрелковую дивизию, где был назначен начальником артиллерийского снабжения отдельного лыжного батальона 288-й стр. дивизии. Во время зимы 1943-1944 года, наша 288 стр. дивизия участвовала в боях в районах городов: Сольцы и Дно, за что дивизии было присвоено звание 288 стрелковая «Дновская» дивизия – за освобождение города Дно и узловую станцию.

Трое суток 20,21,22 февраля 1944 года наша 288 стрелковая дивизия в составе 1012, 1014, 1016 стр. полков 834-го артиллерийского отдельного лыжного батальона и саперного батальона в районе города Медведь в направлении к городу Новгород. Ночью 22 февраля 1944 года командир отдельного лыжного батальона, фамилию не помню, капитан только что прибыл к нам в батальон, собрал весь состав командиров и объяснил нам боевой приказ командира дивизии 288 генерал-майора Колганова. Сегодня 23 февраля 1944 года в 5.00 часов наш батальон в полном боевом составе должен выйти на исходный рубеж и следовать в направлении деревни Нанково, затем село Большое Тресно и оседлать дорогу Рига-Псков, по которой немцы отступают, наш батальон с коротким боем в этот момент вышел на шоссейную дорогу, по которой было большое движение техники немцев и видимо тыловые части.

В этот момент завязался бой почти рукопашный, так как у немцев были превосходящие силы, поэтому нам пришлось выходить из боя с большим напряжением, немцы нам преградили выход из боя – окружили.

Нам пришлось вести жестокий бой, при выходе из окружения наша группа батальона захватила одного немца в плен, которого мы впоследствии сдали в особый отдел дивизии. Надо сказать, что наш батальон имел большие людские потери в людской силе и материальной части, но свою боевую задачу мы выполнили, задержали отступление немцев. Наши части с левого фланга захватили большое количество пленных немцев и много техники и разных трофеев. В момент выхода из окружения у меня лично был перебит автомат ПППШ так что автомат я выбросил. В боях бывает и такое.

Наш лыжный батальон в течение зимы 1943–1944 гг. был значительно потрепан и расформирован. После чего я был назначен начальником военно-технического снабжения 1014 стр. полка 288 стр. дивизии. К этому времени наша 288 стр. дивизия и наш 1014 стр. полк уже участвовали на территории Латвийской ССР.

В августе месяце 1944 года наша 288 стр. «Дновская» дивизия вела наступательные бои и освободила г. Валмиера Латвийской ССР. В боях за освобождение г. Валмиера отличились наш 1014 стр.полк, 834 арт.полк, саперный бат и другие подразделения нашей дивизии. Взвод разведки нашего 1014 стр.полка под командованием лейтенанта Кузнецова зашел в тыл к немцам, и немцы в панике бежали и оставили в г. Валмиера большие трофеи. Я в это время продолжал движение со 2 эшелонном полка и саперным батальоном. Ночью мы отклонились от главного направления дивизий. На пути какой-то хутор – большой дом, мы решили зайти в дом, а здесь, оказалось, отдыхали немцы, видимо какая-то группа заграждения. И вот в коридоре этого дома завязалась рукопашная борьба без выстрелов и крика, только различали по обмундированию. У немцев было гладкое, а наше грубое. Немцы уходили из дома через двор на опушку леса, у них там были огневые точки. Они открыли по нам огонь, но мы отошли от хутора обратно. Остановились для разбора случившегося, оказалось, у меня был сильно порезан подбородок где и до настоящего времени большой рубец.

По возвращении обратно в 288 стр. дивизию был назначен зам. начальника военно-технического снабжения управления 288 стр. Дновской дивизии, где и служил до конца войны. Демобилизовался из рядов Советской армии 18.02.1946 г. в военном звании «старший лейтенант». Кроме того был контужен 17.10.1941 г. в районе г. Малая Вишера деревня Веретье [196].

Черняев Георгий Алексеевич
Пейте вино! Я разрешаю! Война кончилась!

Конец апреля 1945 года. На Западе наши войска окружили Берлин и вышли на Эльбу, где встретились с союзниками. На Юге наш 3-й Украинский фронт взял австрийскую столицу и рвался теперь к южным границам Германии. Было ясно, что развязка близка, что скоро наступит день, когда уже не нужно будет копать окопы, тянуть связь, стрелять, прятаться от бомбежек, видеть перед собой не просто горы, долины, леса, реки, а местность, занятую противником, хоронить погибших, отправлять в тыл раненых и делать множество других дел, без которых не может обойтись война.

Казалось, что день этот будет каким-то особо торжественным, воображение рисовало какие-то трибуны, парады, гром оркестров и еще что-то из ряда вон выходящее.

Но на самом деле все получилось неожиданно и просто.

В последних числах апреля наш арtpолк был выведен из состава войск наступавших в сторону южной Германии и спешно направлен куда-то назад. Не останавливаясь нигде ни на минуту, мы промчались по шоссе Линц-Вена, заваленного обломками немецкой техники, пересекли австрийскую столицу и двинулись дальше. Остановились мы только километрах в двадцати южнее Вены в маленьком городке Баден и здесь только узнали, что западнее этого городка, практически в тылу наших наступающих войск, осталась крупная группировка немцев, которая время от времени наносит удары по нашим тыловым коммуникациям и нам теперь предстояло здесь без пехоты и танков отбивать эти удары.

Строения городка рассыпались в долине с трех сторон окруженной высокими горами, поросшими сосновыми лесами. Где-то там и скрывались немцы.

Далеко внизу поблескивала речка, выбегавшая из горной расщелины. Выше реки склон долины был расчерчен квадратами виноградников. Две дороги, покрытые камнем, пересекали долину с запада на восток, которые и должны были теперь прикрыть нашу батарею, командиром которой был я.

Самое подходящее место для установки орудий была опушка соснового леса на склоне долины и мы незамедлительно начали готовить огневую позицию.

Еще одну батарею командование полка поставило внизу, около речки, а остальные подразделения были переброшены куда-то южнее.

Таким образом вся оборона городка и находившегося за ним полевого аэродрома стала состоять теперь из двух артиллерийских батарей – восьми 75 мм пушек.

Положение, отсутствие впереди каких-либо других частей, было не из приятных. Ночью над вершинами гор непрерывно взлетали ракеты, которыми немцы, боясь нападения, разгоняли ночную тьму. Еще больше, пожалуй, боялись их ночного нападения мы, а потому тоже не жалели ракет и на ночам батарея в полном составе дежурила у пушек, отсыпаясь кое-как лишь днем.

Несколько суток провели мы в этом тревожном ожидании, однако ничего за это время не произошло. Только изредка по окраине городка и по нашей опушке немцы постреливали из минометов, да по утрам из горного распада выползала немецкая самоходка, которая, сделав два, три выстрела куда попало, тут же убиралась. Чтобы не обнаружить себя раньше времени, мы по ней не стреляли.

Наступила обычная и ничем не примечательная ночь с 8-го на 9-е мая. Солдаты, как всегда, сидели у пушек, рассказывая, чтобы не спать, разные забавные истории, а я, почти выведенный из строя приступом малярии, валялся в блиндаже, пытаюсь хоть ненадолго уснуть.

Из состояния полузабытья меня вывел голос телефониста: «Товарищ лейтенант, Вас срочно к телефону!» Часы показывали начало первого ночи. Пройдя в блиндаж телефонистов, я взял трубку. По голосу я узнал телефонистку полка Тамару Павловскую. Значит по какой-то надобности меня вызывал штаб полка. У Тамары я попытался выяснить кому и зачем я понадобился среди ночи. «С вами будет говорить товарищ седьмой. Подождите, он сейчас подойдет».

Голос Тамары показался мне каким-то необычно взволнованным и сама она, любительница потрепаться на разные темы, сейчас молчала, хотя после сказанного ею уже прошло минуты три, а в трубке, кроме ее прерывистого дыхания, ничего слышно не было.

Седьмым по нашему коду именовался командир полка майор Михневич. Ничего хорошего разговор с ним не сулил. Скорее всего это означало, что сейчас я услышу приказ о перемещении куда-то или еще что-либо в этом роде.

Мысль о том, что сейчас он скажет об окончании войны мне и в голову не пришла. «Как обстановка?» – услышал я наконец знакомый хрипловатый голос. «Обстановка прежняя», – ответил я, – батарея дежурит в полном составе, немцы ведут себя вроде бы спокойно. «У тебя вино есть?» – услышал я вдруг вопрос, показавшийся мне довольно диким. «Как не быть. Есть вино» – несколько смешавшись ответил я. «Ну вот, что я тебе скажу,» – и я услышал в трубке короткий смешок нашего командира. «Выставь-ка на всякий случай хороший пост у пушек и пейте вино! Я разрешаю! Война кончилась! В Берлине акт о капитуляции подписан!»

Я не знаю, что произошло в моем организме после этих слов, но от малярной одури мгновенно не осталось и следа. С диким воплем – «Братцы! война кончилась!» – я вылетел из блиндажа и тут же был окружен сбежавшими сюда солдатами. Еще мгновение и я оказался высоко подброшенным в воздух. Рискуя сломать шею, несколько раз взлетал я вверх и еле отбил от солдатских рук. Потом, обалдевшие от радости, качали командиров орудий, телефониста и всех, кто подвернется под руку.

Видимо, сговорившись, потирая намятые бока, ко мне подошли все четверо командиров орудий. «Товарищ лейтенант. Разрешите нам по этому -случаю дать салют!»

Я не сразу догадался о чем идет речь, а когда понял, махнул рукой, хотя и чувствовал, что у меня могут быть различные неприятности. «Валяйте ребята! По два снаряда на орудие! Да наводите в сторону немцев!» «Мы бронбойными, чтобы было красивее!» – сказал кто-то.

Тотчас загремели снарядные ящики, щелкнули затворы орудий. Первое готово! Второе готово! – как сотни раз до этого прокричали командиры орудий: «Батарея! По случаю победы! Стрелять без цели! Огонь!» – заорал я.

Грохнули выстрелы. Зеленые трассы прочертили черное южное небо и впились в далекую гору. Еще и еще раз, без всяких команд, звонко ухнули пушки. Наши шустрые наводчики и заряжающие вместо двух, выпустили кто по пять, кто по семь снарядов.

Наконец канонада смолкла. Несколько секунд царил тишина и вдруг в той стороне, где находился аэродром, застучали зенитные пушки и высоко в небе засверкали разрывы зенитных снарядов. Присоединяясь к ним залпом ухнула наша батарея, стоявшая

у реки, затрещали автоматы впереди – это начал салютовать не знавший еще ничего взвод управления нашей батареи, выдвинутый в боевое охранение.

Схватились за автоматы и карабины и мы и долго не прекращался в эту ночь треск никому уже не страшного оружия.

Таким вот самодельным салютом встретили мы 9-го мая 1945 года – долгожданный день Победы [197].

Чесноков Михаил Филиппович **Так освобождали Кухари**

В декабре 1943 года нашей 20-й отдельной разведроты 16-й гвардейской дивизии 11-й гвардейской Армии Второго Белорусского фронта было приказано разведкой с боем занять населенный пункт «Кухари». Это возможно только в ночное время, так как все подступы были блокированы немцами. Под городом Витебск нами велось выявление огневых точек противника. Наступил час действий. Мы заметили летящие искры из трубы. Это был огневой дзот. Подползли вдвоем, я бросил в трубу гранату Ф-1 – прогремел взрыв. Наша «Катюша» дала несколько фугасных снарядов по Кухарям, вспыхнул пожар, стало светло, как днем. Мы видели, как немцы удирали, но не все!

К пяти часам утра населенный пункт был нами освобожден и пехота заняла оборону. При отходе из Кухарей мы в блиндаже услышали крик: «Камрат!». Когда спустились в дзот, увидели трех убитых немцев, четвертый был ранен в обе ноги. Он оказался оберлейтенантом (штрафник-летчик). В штабе дивизии он дал ценные сведения. Так мы, освобождая Кухари, захватили и языка! Всех нас наградили орденами [198].

Чистяков Николай Петрович **На нашу пушку было выброшено 204 снаряда**

Когда началась война в 1941 году, я работал на Савеловском авиационном заводе, и во время перекуров в цехе, мы говорили между собой, что нам и повоевать-то не придется, т.к. у нас была

броня, а немцев скоро разобьют. И я не поехал в эвакуацию завода, а пошел добровольцем на фронт. Потом досыта пришлось повоевать.

Мой военный маршрут: Курская дуга, Киев, Белая Церковь, Умань, Румыния, Карпаты, Трансильвания, Чехословакия, Венгрия и деревня Шваберица в Чехословакии, где мы и услышали, что пришел конец войне.

А теперь расскажу об одном случае. Я служил в 76 батарее связистом, стояли мы весной 1943 года в деревне Обуховка на Курской дуге. Наша единственная пушка после зимнего наступления, сделала единственный выстрел для пристрелки. Это было вечером.

Утром следующего дня летит прямо на нас так называемая «рама» и начинает корректировать свою батарею 105 мм пушек. Откорректировала одну батарею, начала корректировать еще одну, а потом был так называемый огонь на поражение. В итоге на нашу пушку было выброшено 204 снаряда, это было точно подсчитано потом. В это время я, как дежурный связист, находился в 10-15 м от той пушки, на которую немцы обрушили огонь двух батарей. Один из снарядов все-таки попал в сошник пушки и при этом был поврежден прицел. Ну а расчет был цел и находился в землянке и никто из людей не пострадал, если не считать нервного потрясения – ноги плохо слушались [199].

Шалаевский Матвей Рафаилович **Меня посчитали погибшим**

Я, Шалаевский Матвей Рафаилович, родился 12 декабря 1925 года в Вологодской глубинке. Через две недели после семнадцатилетия был призван защищать Родину. Ростом был 147 см, весом 47 кг. В запасном полку был подготовлен воевать снайпером. За время непосредственного нахождения на передовой с 5 октября 1943 года до 12 июля 1944 года на Калининском и Первом Прибалтийском фронтах много раз «жизнь висела на волоске». Пешком и ползком измерил территорию от ст. Кресты в Калининской области до земель Литвы. В нашем батальоне вместе с русскими воевали украинцы, белорусы, казахи, евреи, узбеки и представи-

тели других национальностей. Здесь я попытаюсь рассказать о самых острых, непредвиденных случаях.

На пути к передовой шли по обочине дороги, по которой грузовики везли всё необходимое войскам. Под дождём и по грязи, с полной выкладкой, торопились быть в срок на месте. Поскользнувшись, я полетел под задние колёса грузовика. Винтовка сорвалась с плеча и оперлась прикладом на землю, а дулом на борт кузова. В тот же миг водитель, увидев это в зеркале заднего вида, ударил по тормозам. Падая, я схватился за винтовку, и повис над колеёй. Товарищи помогли мне подняться, а командир взвода приказал всем подстраховывать друг друга.

6-го октября 1943г в составе 801 полка 235 дивизии в наступлении попал под огонь немецкого самоходного орудия «Фердинанд», в немецких окопах. Свиста снарядов не было, так как скорость полёта снарядов превышала скорость звука. Спасая жизни, солдаты, в том числе и я, пытались укрыться, кто где мог. Мне удалось попасть в немецкий блиндаж. И в это время налетели «Юнкерсы». От близкого взрыва бомбы я оглох на левое ухо. Впоследствии выяснилось, что пострадала барабанная перепонка.

В ноябре шли бои местного значения, однако, линия фронта продвигалась на Запад. В декабре в лесистом районе противник на выгодных позициях создал линию обороны. Мы отрыли окопы, как временные на 2-3 человека. В нашем окопе было четверо, когда начался миномётный обстрел. Я присел как можно ниже. Когда мина взорвалась сзади меня, я почувствовал сильный удар в левую лопатку. Справа сидевший боец уронил голову на грудь. Двое не пострадавших вытащили его, и понесли к санинструктору. Я – за ними. Санинструктор завернул мне на голову всю одежду, и нашел в одежде осколок мины. Подавая его мне, он сказал: «Ты, сынок, в рубашке родился». Оказалось, что осколок мины пробил бруствер окопа, маскхалат, телогрейку, гимнастёрку и тёплую рубаху. Второй и третий осколки разорвали шапку над головой и над ухом.

Перед Новым 1944 годом при наступлении в лесистой местности потерялся один взвод. Мне и связному комбата Гаврилову приказали найти взвод, и установить связь. На нас были белые маскировочные халаты. Снайперскую винтовку сдал, и получил автомат ППШ. А дело было поздно вечером, снег лежал по шиколотку. Когда мы вышли на опушку леса, увидели вдали поля огонёк. По пути

к нему пересекли широкую дорогу. Огоньком оказалась горевшая немецкая машина. Около неё были военные из другой части, которые нам сказали, что не видели других военных.

В это время послышался нарастающий гул со стороны немцев, это двигался танк. Мы с Гавриловым поспешили обратно, и он успел перебежать дорогу. Танк остановился, из него взвилась ракета, и начался пулемётный обстрел вдоль шоссе. Когда ракета погасла, а вторая взлетала, я метнулся через шоссе. Сразу же лёг на снег и замер, но был замечен немцами, они перенесли огонь на меня. Автомат был через плечо и его приклад выступал над спиной. Я полз и видел, как пули рикошетом от земли разлетались веером. Вдруг раздался щелчок, и огонь прекратился, перебежками я достиг леса. Кричать и звать Гаврилова побоялся, а направился к штабу батальона. Наступило уже утро, когда я доложил парторгу о результатах. Его лицо побагровело: «Вы не выполнили приказ, Вы пойдёте под суд Трибунала» – кричал он на меня. В этот момент Саша Мальков показал парторгу на расколотый приклад автомата. К этому времени вернулись и Гаврилов и потерявшийся взвод. Парторг успокоился, и послал меня в хозвзвод сдать автомат.

В январе 1944 года линии наших и немецких фронтов стабилизировались. Парторг послал меня за почтой в штаб полка, расположенном в километре от передовой. Тогда солдат снабжали выпусками карманных изданий, в которых были карикатуры художников Кукрыниксов, Бориса Ефимова, короткие юморески, стихи, новые песни. Парторг и комсорг получали газеты «Правда», армейскую газету, письма бойцам этой части, на которые обычно отвечал Саша Мальков.

Возвращаясь с почтой, на ходу читал карманные издания, и так увлекся, что упёрся в ограждение минного участка. Пригнулся и, продолжая чтение, сделал три – четыре шага, как боковым зрением засёк проволочные растяжки. И замер, стоя на одной ноге. Меня словно током ударило, бешено заколотилось сердце. Не теряя равновесия, ступая в свои следы, вышел за ограждение. И дальше в этот день, и позднее стал намного осторожнее.

23 июня 1944 года началось грандиозное наступление двух фронтов, Первого Прибалтийского и Третьего Белорусского, названное «Операция Багратион». Наш второй батальон 801 полка сделали штурмовым. Всех, штурмовавших первую линию оборо-

ны, снабдили броневыми щитками, защищавшими тела от осколков, pistolетных пуль и автоматных пуль с расстояния около 100м. После прорыва немецкой обороны все солдаты щитки побросали. Следовавшие за нами хозяйственники их собрали для использования в других наступлениях. Перед наступлением солдаты заучивают адреса, и договариваются друг с другом: выживший сообщает родным о гибели их сына или родственника. В роте автоматчиков был мой друг, Вася Иевлев, из г. Кадом Рязанской области. В атаке мы старались держаться поблизости друг от друга. Но в этот раз всё вышло по-другому.

Наш батальон штурмовал узловую железнодорожную станцию Шумилино. После мощной артподготовки мы рванули с криками «Ура!», «За Родину!», «За Сталина!», и перед станцией попали под артналёт своих батарей. По расчётам штаба нас там еще не должно было быть. Все бросились врассыпную, я попал в большую глубокую лужу, подняв винтовку над головой. Когда выбрался, своих не увидел, подошла вторая волна наступления. Это был 215 полк 179 дивизии, в котором встретил своего напарника, снайпера Каллина, чуваша, родом из Канаша, ровесника моего отца, обладавшего даром предвиденья. Очень скоро для меня он был «батя», а я для него «сынок».

Наступление продолжалось при поддержке танков и САУ (самоходных артиллерийских установок). У деревни Дмитриевка, отступая, немцы оставили «Фердинанда», пулемётчика и снайпера. В наступавшей цепи я был на левом фланге рядом с командиром роты. Немецкие пулемётчик и снайпер открыли огонь. По приказу комроты «уничтожить снайпера», решил стрелять из ближней избушки. Броском через дорогу достиг входной двери, и вошёл. В оконце разбил стекло, просунул ствол винтовки, и через оптический прицел увидел цель. Среди кладбищенских холмиков, не маскируясь, «работал» немец. В тот миг, когда я выстрелил, и вскочил, чтобы выбежать, ударил снаряд «Фердинанда» в правый верхний угол избы. Стена рухнула, потолок из плахи и льянной костры обвалился. От пыли потемнело, а по спине получил удар плахи, и успел выскочить в сенцы. Изба вспыхнула, над ней поднялся столб огня и дыма. Но я уже был спасён. У входа обнаружил лежавшего без сознания майора, и оттащил подальше.

Продолжая наступление, рота вышла к реке Западная Двина. Солдаты разобрали оказавшийся поблизости сарай. Из брёвен и досок соорудили плоты, и столкнули их на воду. Всё вооружение и одежду погрузили на плоты. Многие не умели плавать, поэтому держались за плот. Когда вода подхватила плот, возникла у них паника. Они полезли на плот, и перевернули. В результате утонуло оружие, одежда и несколько человек.

В запасном полку летом 1943 года нас научили, как на подручных средствах преодолевать водные преграды. Я на берегу растелил плащ палатку, от сарая принёс соломы, уложил на плащ палатку, и концы её связал брючным ремнём. Погрузил на этот плотик винтовку, патроны, гранаты, лопатку и одежду. Поясной ремень пряжкой захватил за узел, и вошел в реку. Когда погрузился по грудь, конец ремня взял в зубы, и поплыл. После дневного напряжения и жары было очень приятно искупаться. Выбрался на берег, когда уже стемнело, а там никого, и пошёл «на огонёк», где собрались пострадавшие. У некоторых не было оружия, снаряжения, части одежды. Вспоминали и сожалели утонувших на переправе.

Сокрушив оборону противника, наши армии развернули стремительное наступление. Механизированные части продвигались на многие десятки километров, и пехоте приходилось догонять, постоянно вступая в бои с разрозненными немецкими частями. Потери личного состава были огромными, и на территории Литвы от батальона осталось меньше роты. На одном из привалов я спросил «батю», какова моя ближайшая судьба. Не сразу, но дня через три он сказал: «Тебя сынок очень крепко ранит».

11 июля 1944 года остатки батальона по численности меньше роты пытались овладеть дорогой, по которой отступали немецкие войска, но натолкнулись на ожесточенное сопротивление, и понесли потери. 12 июля немецкие пулемётчик и снайпер обстреливали наши порядки. По приказу комроты выбрал удобную позицию, и заставил снайпера замолчать. В 10 часов остатки роты попытались отбросить немцев с дороги, но безуспешно. А рота распалась на две не равные части, и меньшая часть оказалась вне видимости комроты. Он приказал мне найти, и вернуть их в состав роты. Винтовку пришлось оставить связному, и ползком по старой, как желоб выбитой дороге доползти к правому флангу. Пулемётчик располагался на возвышении относительно этой дороги, и заметил дви-

жение. Прижимаясь к самой низине дороги, дополз до высохшего ручья, на дне которого лежал огромный валун. За ним местность возвышалась и на ней росла рожь.

Сжавшись как пружина, прыжком метнулся за камень, и услышал, как пули рикошетили от камня. Выждав несколько минут, метнулся в рожь, и видел, как падают срезанные пулями колосья. Обманывая пулемётчика, повалился на землю. Рядом с полем росли ольха и ивы. Под ними оказались остатки взвода, всего трое.

В это время поднималась огромная иссиня тёмная туча, надвигалась гроза. Я передал приказ комроты, и поспешил к нему с докладом. Дождь хлынул, как из ведра, когда я подбежал к месту, где надеялся увидеть комроты. Там оказалась небольшая избушка, я встал под навес крыши. Рядом была отрыта большая яма. Минут через пять немцы начали артиллерийский налёт перед штурмом наших позиций. Мины и снаряды рвались по всей площади около домика. Я отбежал от него, и получил сильнейший удар по левой голени. Как позднее оказалось, осколок перебил артерию и раздробил среднюю часть большой берцовой кости. Очень быстро кровь заполнила объём между голенью и «штаниной». Я достал медицинский пакет, оторвал часть бинта, и поверх «штанины» перетянул ногу выше ранения.

Собравшись с силами, на четвереньках дополз к яме. В этот момент подбежал санинструктор, и перевязал рану, разрезав «штанину». Почти одновременно подошёл «батя», и предложил отнести меня на сколько можно в той обстановке. Он присел на корточки, я с трудом забрался к нему на спину, обхватив руками его шею. От потери крови терялось сознание. Через 30-35 метров он оставил меня. К счастью, недалеко были санитары, и на носилках вынесли меня к подводе. На ней лежал раненый офицер, меня перекатали к нему, и лошадь рысью увозила нас с передовой. Привезли к огромной риге, на полу солома накрытая брезентом. По свободному проходу девушки-санитарки переносили на носилках раненых. Они лежали с обеих сторон прохода, ожидая очереди на операционный стол.

Как только меня положили, я уснул глубоким сном. Ночью, полусонного меня перевалили на носилки, и перенесли в операционную, огромных размеров, палату. Яркий электрический свет заливал столов 5 или 6, у которых, молча, трудились хирурги с медсестрами. По существу это был конвейер спасения людей,

побывавших в мясорубке войны. После операции меня отнесли обратно, и я снова уснул. Рано утром на носилках девушки понесли к санитарной машине. Когда поднимали, я потерял сознание от большой потери крови.

В промежуточном госпитале снова положили на операционный стол, тщательно искали осколки раздробленной кости. Затем девушки стали лепить гипсовый сапог. По правилам стопа, относительно голени, должна быть под прямым углом. Одна из девушек попыталась это сделать. Но дикая боль вызвала состояние шока. С момента первой операции прошло несколько дней. Большая берцовая кость была раздроблена, и обломки относительно друг друга стабилизировались. Переглянувшись, девушки загипсовали ногу до половины бедра.

Дальше раненых везли на бортовых машинах, возвращавшихся за очередным грузом для фронта. На полу кузова была не густо набросана соломка, на которую клали с ранениями ног. Раненые в руки стояли у борта около кабины водителя. Проезжая по наплавному мосту реку в Полоцке, машины поднимались на крутой берег. Даже лежавшие раненые видели дотла выгоревший город. Нас доставили в Великие Луки, в сборный распределительный госпиталь.

Помещение для этого госпиталя было построено специально для приёма больших количеств раненых. Трёхъярусные деревянные сдвоенные ряды типа нар с двух сторон простирались метров 50, а может и более. Меня положили на первом ярусе. Обслуживали женщины не молодого возраста.

На другой день я услышал знакомый визгливый голос, очень похожий на голос моего друга Васи. На клочке бумаги я написал всего три слова «Вася это ты?» и Матвей. Попросил санитарку передать эту записочку тому крикливому раненому. Я приподнялся, и увидел, как Вася вскочил, поднял руки, и закричал диким голосом «Матвей!». Да, это был мой друг, Вася Иевлев, тоже раненый в ногу. По нашей просьбе нас положили рядом. Он сразу же сказал: «Пиши домой письмо, я написал, что ты убит». В действительности убит был другой, похожий на меня боец. Штабной писарь послал «похоронку» моим родителям, но искажил моё отчество. Дальше нас с другом повезли поездом через Москву, в Горьковскую область. С вокзала в Горьком на машинах отвезли в деревню Филиповка Борского района, бывшую помещичью усадьбу. Госпиталь № 2834 занимал двухэтажный особняк.

Моя нога в гипсовом сапоге «окостенела», и когда его через месяц сняли, суставы не работали. А рана не заживала, и дважды оперировали, пока не появилась у врачей надежда на выздоровление. Под Новый 1945 год Васе дали инвалидность и отправили домой. Меня признали годным к строевой службе, выписали из госпиталя с незажившей раной. Я, с направлением отправился пешком в Борский райвоенкомат. Пока был в пути, рана открылась, для перевязки бинтов не было. Меня направили в Горьковский пересыльный пункт, где заболел рожистым воспалением ноги с высокой температурой. Пять суток валялся в изоляторе, пока отправили в городской госпиталь. Через месяц признали годным к нестроевой службе, и направили в 177 Отдельный Строительно-монтажный батальон в г. Богородске Горьковской области. В звании ефрейтора стал писарем штаба ОСМБ. В мае 1947 года в месте ранения образовалась флегмона. После операции и лечения в госпитале г. Брянска, был демобилизован из рядов Красной Армии.

В заключение привожу интересный документ – выписку из «Книги Памяти» Бабушкинского района Вологодской области:

№№ n/n 2162

Фамилия: Шалаевский Имя Матвей Отчество Рафаилович

Год рождения: 1925 г.

Воинское звание: рядовой

Место жительства семьи: д. Харино, Городокский р-н, Тимановский с/с

Дата гибели: 23.06.1944

Захоронение: д. Заболотника Витебская обл.

Вот так вот бывает... [200]

Шастов Николай Ильич

Война наложила отпечаток на всю мою жизнь

...День 22 июня 1941 года врезался в память на всю жизнь. Была теплая солнечная погода, и мы с мальчишками беззаботно гоняли в мяч. Мне было тогда 16 лет, жил в деревне Притыкино, на

берегу Дубны. Но все вокруг как будто потемнело, когда пришло страшное известие о начале войны. Много слез тогда было пролито, один за другим уходили на фронт мужчины. Ушел и мой отец – для него это была третья война: он воевал и в империалистическую, и в гражданскую, а теперь, в 41-м, ушел защищать дорогой всем город – Ленинград.

Те, кто остались в деревне, – женщины, старики, подростки, работали до изнеможения, не жалея сил. Помню, как помогали все строить переправы через реку Дубну, когда наша армия продвигалась по направлению к Калинин через Кимры и Горицы. Срочно надо было сделать два моста, один рубили деревянный, другой намораживали. Надо было для этого заготовить много материалов, чтобы по мостам смогли пройти наши войска, танки, артиллерия.

В декабре, когда в Подмоскovie шли ожесточенные бои за столицу, я вместе с моими товарищами возил на лошадях к переднему краю боеприпасы, продовольствие, а с фронта – раненных. Когда вспомнишь сейчас эти дни – грохот артиллерии, огонь вокруг – становиться тяжело, а какого тогда нам, подросткам! Было, конечно, и страшно, но сил прибавлялось от того, что знали: «И мы помогаем бить врага!»

17 августа 1942 года меня призвали в армию – пришло время защищать Родину. с оружием в руках. Я попал во 2-ю Московскую учебную бригаду, располагавшуюся в районе Костромы. Так окончил школу младших командиров.

Свое первое боевое крещение и первую боевую награду – медаль «За отвагу» я получил в 1943 году. Тогда я был командиром отделения ПТР, воевал в составе 16-й Литовской дивизии. На подступах к Великим Лукам наша дивизия встретила упорное сопротивление фашистов, но и мы их «угостили», мощные артиллерийские установки, авиация, танки пробивали дорогу нашей пехоте. Когда мы вошли в Великие Луки, то увидели страшную картину разрушительного, истерзанного города.

В конце 1943 года я был ранен, пролежал в госпитале три месяца, потом – снова на фронт, в 47-ю Невельскую ордена Суворова стрелковую дивизию. Участвовал в освобождении Невеля – бои за этот город шли трудные, мы потеряли много боевых друзей. За участие в этой операции я был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги».

Хорошо сохранился в памяти июньский день 1944 года, когда мы подошли в Белоруссии к Городку. В 4 часа утра началась артиллерийская подготовка, наши самолеты были хозяевами неба. В 8 часов взвилась красная ракета, и мы пошли в атаку на врага. Оборона противника была прорвана, на месте боя осталось много вражеской военной техники.

После тяжелого ранения я уже не смог возвратиться на фронт, но и работа в тылу была не легче. В составе 229-го отряда разминирования под командованием полковника Чаунана очищал от мин и снарядов поля и леса на Псковщине у Ноовосокольников, Великих Лук, Пустошки. Чувствовалось, что уже близок конец войны, и на душе становилось радостнее – скоро на освобожденной, очищенной от следов войны земле смогут сеять, восстанавливать разрушенное, строить новые дома.

Уже столько лет прошло, как отпраздновали мы тот долгожданный День Победы, но и сейчас, встречаясь с фронтовыми друзьями – Василием Петровичем Леоновым, Федором Михайловичем Воробьевым (а мы дружим еще с мальчишеских лет, вместе уходили на фронт, во многом схожи наши судьбы) почти всегда вспоминаем войну. И комок подступает к горлу, когда вспоминаешь как горела земля, как гибли люди... Война наложила отпечаток на всю мою жизнь – во время войны я стал комсомольцем, на фронте был принят кандидатом в члены партии.

Мне хочется сказать нашей молодежи такие слова: сделайте все, чтобы война не повторилась! Берегите нашу землю, своим трудом делайте ее богаче. Мы не подвели наших дедов и отцов, воевавших за революцию; – победили фашизм, а вы будьте достойны тех, кто воевал в Великую Отечественную, кто погиб, защищая Родину [201].

Шафранов Михаил Дмитриевич **Колёса японских пушек**

В январе 1943 года из десятого класса был призван в ряды Советской Армии. В составе воинской части я был переведен на Дальний восток для дальнейшего прохождения службы. Армия приступила к формированию новых и укреплению существующих

частей 1-го Дальневосточного фронта. Я был назначен старшиной батареи гаубичного полка корпусной артиллерийской бригады. В полку на вооружении находились 122 мм пушки-гаубицы образца 1938 года.

Военные действия против Японии начались 8 августа 1945 года. Я не буду говорить о военных действиях нашей бригады. Скажу только, что за успешное выполнение заданий командования бригада была награждена орденом Александра Невского.

Расскажу лишь об одном случае.

После очередной операции, бригада передислоцировалась на новое место. Август, прекрасная солнечная погода. Я сижу на крыле машины, любуюсь окрестными живописными местами Северной Кореи.

Нужно заметить, что в результате длительной эксплуатации, передвижению по каменистым дорогам начала рваться и отлетать клочьями резина колес пушек. Это грозило проблемами невозможности транспортировки и потерей боевых качеств наших орудий. Мы могли полностью лишиться наших пушек. Как старшина батареи, я, наряду с командиром, нес ответственность за сохранение материальной части и ее боеспособность.

Батарея покидала один из населенных пунктов. Вдруг на его окраине я увидел оставленный неприятелем артиллерийский парк. Комбат в это время был далеко от нас, уехав вместе с командованием полка. Я попросил водителя автомашины, моего хорошего друга, остановиться, чтобы осмотреть японские пушки, надеясь использовать их колеса для наших орудий. Мы осмотрели и частично обмерили их. Оказалось, колеса имеют меньший диаметр, чем нужно, однако их можно приспособить к нашим пушкам. Я доложил комбату о результатах рекогносцировки, вместе с моим другом он поехал посмотреть на японскую артиллерию. Я же приступил к непосредственным старшинским обязанностям: размещением личного состава, организацией питания, караульной службой.

После возвращения комбат обо всем доложил командованию полка, и через некоторое время на наших орудиях стояли колеса японских пушек. Я получил моральное удовлетворение за то, что помог сохранить боеспособность орудий [202].

Шванев Вениамин Семёнович **Решение задачи было найдено**

Ломая отчаянное сопротивление противника на промежуточных рубежах, дивизии 49-го стрелкового корпуса весной 1944 года вышли к р. Реут на территории Молдавии. Предстояло укрепиться на занятых рубежах и перейти к обороне. Началась активная подготовка к Яско-Кишиневской операции. Маршал Р. Я. Малиновский, уточняя роль 53-й армии в этой операции, оказал: «Сила армии – в высокой подвижности». Опрокидывая резервы обороны, 53-я армия, в состав которой входил и 49-й корпус, закончила освобождение Молдавии и вышла на границу с Румынией. Наступательный марш корпуса был стремителен. Немецкие части, выходящие из окружения, спешили вывести остатки потрепанных частей из-под удара войск 2-го и 3-го Украинского фронтов. В воздухе немецкие самолеты от простого наблюдения за движением колонн 49-го корпуса перешли к налетам на колонны. С каждым разом число налетающих самолетов увеличивалось.

Надо было отказаться от марша днем. Но ночью скорость наступательного марша снизится, а этого в данной обстановке допускать нельзя. Чем глубже выйдем мы в тылы противника, тем меньше будет рубежей, которые надо рвать и перед которыми надо будет снова накапливать силы. Но как сохранить, а еще лучше – увеличить скорость наступательного марша ночью? В первую империалистическую войну Румыния получила от России, как своего союзника, большое количество конского состава. «Интересно было бы посмотреть на потомков бывших русских коней. Может, сохранили они донскую, кубанскую, тамбовскую и орловскую резвость, может, не разучились еще понимать русскую речь?» — подумал я, и решение задачи было найдено.

На следующую ночь дивизии корпуса уже мчались по асфальтированному шоссе на запряженных в повозки конях. Маршировали по 70-90 километров в ночь. Ломая и нарушая управление армии противника, захватывали его тыловые базы, громили подходящие немецкие резервы. 49-й стрелковый корпус, выполняя поставленную задачу, продолжал стремительно наступать вперед. Днем немецкие самолеты-разведчики искали 49-й корпус, исходя из темпов его движения в 35-40 километров в сутки «И, не нахо-

Шешунов Всеволод Михайлович
Трудно забыть те первые дни войны

дили его. След 49-го стрелкового корпуса определился сначала на восточных в потом на западных окраинах Бухареста. 31 августа 1944 года наше радио передало приказ Верховного Главнокомандующего, в котором говорилось, что войска Украинского фронта в результате стремительного наступления освободили Бухарест. В ознаменование одержанной победы, говорилось в приказе, соединения и части, наиболее отличившиеся в боях с фашистскими захватчиками на подступах к Бухаресту, представить к присвоению наименования бухарестских и к награждению...

Развивая удар, 49-й стрелковый, теперь Бухарестский, корпус продолжал стремительное наступление по румынской долине Валахии в направлении Турно-Северин к знаменитым Железным Воротам. Справа – отвесные скалы Трансильванских гор, слева – многоводный Дунай, а между отвесными скалами Альп и Дунаем, на протяжении 20 километров, узкая (8-10 метров ширины) лента дороги. По берегу Дуная оборона противника. Огонь прямой наводкой и пулеметный огонь прочно закрыли движение по единственной дороге к Железным Воротам. Что делать? Темной ночью по узкой ленте дороги, прижимаясь к отвесным скалам Трансильванских Альп, воздушно-десантная дивизия корпуса проскочила к Железным Воротам и на рассвете внезапной атакой захватила их. Огонь батарей по югославскому берегу Дуная завершил операцию. Дорога свободна. Корпус продолжал наступление в направлении города Лугож, а после овладения им повернул на запад. Тяжелые бои развернулись за город Тимишоара. Но ничто уже не могло остановить наступательного порыва наших войск.

Дальнейший путь корпуса – Венгрия. Перед нами открылась Венгерская равнина с густой сетью подготовленных противником траншей, заграждений из колючей проволоки.

Особенно упорное сопротивление части корпуса встретили на рубежах Орошхаза, Корцаг, Хайдудорог, Шальготарьян, в горах Матра. В период боев за Карпат 49-й корпус взаимодействовал с кавалерийским корпусом генерала Плиева, снова встретились мы с ним в боях за переправу на р. Тиса. Кавалерийский корпус Плиева ночной атакой ворвался в Дьендьеш и открыл нам дорогу на Пасто. Тяжелые бои за Пасто с применением обходного маневра, и вот – Шальготарьян, в непосредственной близости от которого граница Чехословакии [203].

Авиация была первым увлечением многих моих ровесников. Её популярность в 30-е годы можно сравнить разве что с космонавтикой после первого полета Юрия Гагарина. До сих пор в памяти – незабываемое ощущение первого полета на планере, легкости свободного парения. И как это оказалось несравнимо с захватывающим дух бреющим полетом на скоростной машине... Как следствие – учеба в военном авиационном техникуме, потом – в авиационном училище.

Военная служба пришлась на 1939–1945 годы. Это и участие в трех военных парадах на Красной площади (первый для меня – в 1937 году, тогда еще на трибуне Мавзолея стояли так внезапно исчезнувшие потом первые маршалы СССР). Это и малая «зимняя война» с белофиннами. Свое назначение получал в штабе Северо-Западного фронта, который размещался в Смольном. Тогда, в январе 1940-го в ветер и 40-градусный мороз, надо было поддерживать в круглосуточной боевой готовности самолеты, чтобы обеспечить поддержку наземных частей, пытавшихся прогрызть эшелонированную линию дотов – линию Маннергейма. Доты эти не могли пробить даже наши 150-килограммовые авиабомбы...

Так что к реалиям грядущей войны мы, кадровые военные, хотя бы психологически были уже подготовлены. Приближение войны в армии все более ощущалось. Правда, не понятно, почему за несколько месяцев до ее начала (а в нашем округе было уже введено особое положение) приказом наркома маршала Тимошенко летному и техническому составу, расквартированному в Западном особом военном округе, надо было по четыре часа в день заниматься строевой подготовкой вместо того, чтобы осваивать новую технику – пикирующие бомбардировщики Пе-2.

...20 июня 1941 года нашу эскадрилью направили в г. Уральск на химические учения. Но 22 июня началась ВОВ, мы получили приказ вернуться в свою часть. Поезда шли только до Гомеля, дальше добирались на грузовиках. Как сейчас помню, стоял жаркий солнечный день. Пустынное шоссе Гомель – Бобруйск.

Не доезжая до реки Березины, на другом берегу которой расположен Бобруйск, навстречу появились толпы беженцев с малыми детьми и домашним скарбом. А по сторонам от шоссе неорганизованно двигались сотни и тысячи военнослужащих без оружия и без техники. В этом их безмолвном движении было что-то тревожно-зловещее, как предчувствие большой беды. Внезапно со стороны реки появились самолеты. Резко снизившись, стали обстреливать наши машины, шоссе. Лежа в придорожной канаве, вжавшись в землю, слыша свист пуль, каждое мгновение ожидая, что они прошьют меня, я впервые увидел на крыльях пронесившихся над нами самолетов, черные кресты. Это была первая встреча с немецкими мессершмитами. К счастью она закончилась без смертей. В конце этого дня мы добрались до своих самолетов, но в течении очень короткого времени все они были потеряны в неравных воздушных боях.

Трудно забыть те первые дни войны. На моих глазах в течении нескольких дней на восток в беспорядке шли в направлении Бобруйск – Гомель тысячные толпы пехоты без командиров, техники и личного оружия. А над шоссе проносились, стреляя из пулеметов, «мессеры», да юнкерсы беспрепятственно сбрасывали бомбы в местах скопления беженцев.. Только посередине шоссе у реки одиноко стоял армейский генерал с пистолетом в руке, останавливая всех идущих. 28 июня к Березине подошли полки Московской пролетарской дивизии, чтобы задержать на месяц продвижение фашистских войск...

После драматических событий начала войны, когда полк был дислоцирован в город Бобруйск и был практически уничтожен на аэродроме ударом немецких штурмовиков, мы с остатками летнего и технического экипажей на грузовиках добрались до Гомеля. Оттуда на товарных поездах добрались до Москвы (она уже была необычно пустой и тихой). Трудно забыть события тех дней. Эшелоны, до отказа забитые оборудованием, шли на восток, образуя заторы на железнодорожных путях. На станциях вагоны осаждал толпы беженцев В небе то и дело появлялись «мессеры» Снижаясь до бреющего полета, они сеяли панику и смерть. Затем – непрерывные налеты немецкой авиации, бомбежки эшелонов, особенно на узловых станциях. Пожары, разрушенные здания, людское горе...

Утром 30 июня эшелон доехал все же до Москвы. Несмотря на раннее время, сразу почувствовалась внутренняя напряженность обстановки. Не было суеты, оживления, непривычно строго выглядели московские улицы. Строем полк проследовал к Академии Военно-Воздушных Сил им. Жуковского, где должна была решиться наша дальнейшая Судьба. И уже 3 июля я в составе группы товарищей с Центрального аэропорта вылетел в глубокий тыл с заданием: ознакомиться и быть готовыми к освоению нового пикирующего бомбардировщика, который должен был поступить на вооружение ВВС.

Необычным, контрастным по сравнению с Москвой показался нам далекий большой город. словно мы снова очутились в мирном времени: шумные оживленные улицы, смех, в парках громко играет музыка, яркое освещение города в вечерние время. Огненное дыхание войны еще не докатилось до этих мест. Здесь для нас начались напряженные дни и ночи в цехах завода, где создавалась боевая машина.

3 июля на самолетах «Дуглас» вылетели в город Казань, где на авиационном заводе изучали с летным и техническим экипажами пикирующий бомбардировщик Пе-2. И вот 12 августа мы снова вылетели в Москву. 14 августа на «Дугласе» прилетели в Москву и на московском заводе, который еще не был эвакуирован, получили с десятком этих новых бомбардировщиков Пе-2.

И тут же началось боевое крещение с аэродрома станции Кратово (примерно 40 км от Москвы) На одном из подмосковных аэродромов требовалось укомплектовать две эскадрильи: новые самолеты были получены с московские авиазаводов, уже готовившихся к эвакуации на восток. Началось освоение машины, подготовка экипажей к боевым полетам. А положение на фронтах все усложнялось, враг приближался к Москве.

В чем оно выражалось: немцы готовили наступление под кодовым названием «Тайфун» – операция по захвату Москвы.. Первое генеральное наступление немцев на Москву началось 30 сентября 1941 года с целью захватить город Тулу. Наш полк должен был бомбить и штурмовать танковые колонны немцев, которые двигались на Тулу.

28 октября 1941 года начались ночные бомбардировки Москвы. 28 октября у меня день рождения, поэтому этот день

особенно запомнился. Более 70 немецких бомбардировщиков с разным курсом стремились к Москве. ПВО Москвы вели заградительный огонь. Каждая батарея бомбила свой квадрат неба. Было повсюду зарево зенитных залпов, а мелкие осколки зенитных снарядов словно струйки дождя, шумно падали на окружающие деревья.

Фашисты после неудавшейся фронтальной попытки прорваться к столице го повили фланговый охват Москвы. Задачей нашей эскадрильи было поддержать наземные войска и сорвать планы танковых соединений противника перерезать шоссе Серпухов–Тула с целью их захвата с выходом и тыл Москвы. Одновременно, желая выйти на Загорск, немцы усилили свои действия на направлении Яхрома–Дмитров.

В те дни успешные действия экипажей бомбардировщиков эскадрильи Павла Дельцова, Василия Бучавого, Василия Леонтьева, Петра Козленок о – впоследствии Героев Советского Союза – значительно ослабили давление немецких танковых частей на оборону наших войск на линии Серпухов–Тула.

Я отвечал за боевую готовность самолетов, то есть вооружение, навигационное оборудование, электро- и радиооборудование. Работа не имела понятия день или ночь, жара или стужа. Всегда машина должна быть готова к вылету, ее ждут на земле войска. Часто маскировали самолеты ветками, сами старались найти защиту от пулеметных очередей у земли-матушки: в канаве или траншее. На технический экипаж парашюты не предусмотрены загорания машины погибал весь экипаж. Технический состав принадлежал машине (он от нее никуда). Машина всегда должна быть готова к вылету. Зимой всегда нужно прогревать моторы.

Когда летному составу приходилось вылетать на штурмовку без сопровождения истребителей, тогда их и атаковали «Мессеры». Были большие потери экипажей и машин. Зимой 1941 года в один из вылетов на штурмовку немецких танков у экипажа летчика Челпанова был подбит зенитным огнем один мотор. Зная, что на одном моторе не уйдешь, Челпанов направил машину прямо в центр немецкой колонны. Так он стал первым Героем Советского Союза в нашем полку. А всего за войну в нашей эскадрильи было 9 Героев Советского Союза.

К зиме 1941 года немцы близко подошли к Москве. Проверя рацию, услышал сообщение немецких дикторов на русском языке о том, что виден Кремль в бинокль и фюрер готов принять парад немцев на Красной площади. План немцев не осуществился – наши войска отстояли Москву.

В декабре 1941 года наш полк, входивший в состав войск Брянского фронта, бомбардировал скопления войск и техники врага, а так же вел воздушную разведку и фотографирование в ближнем и глубоком тылу за линией фронта.... Потом были Воронежский, Брянский, Центральный и 1-й Белорусский фронты. Знамя полка украсили боевые ордена.

...Последний свой боевой вылет наш полк сделал 30 апреля 1945 года на центр Берлина. 9 мая в коридоре общежития школы асов Геринга, где мы располагались, в 2 часа ночи раздалась автоматная очередь и пронзительный, но радостный крик дневального: «Победа!» Все вскочили с коек, радостно обнимались, жали друг другу руки. А буквально накануне у эскадрильи был боевой вылет, наш экипаж с трудом вернулся на аэродром: пилоту раздробило руку, держать штурвал «пешки» он не мог, и, если бы не штурман, который помог посадить самолет, вряд ли б они узнали о капитуляции гитлеровцев. Это была последняя военная операция на германском фронте...

Все выскочили из помещения раздетые и босиком и началась стрельба из всех видов оружия. Неповторимое ликование. Обнимались, целовались, качали друг друга, до хрипоты кричали «Ура».

Через полчаса мы уже в Берлине, я подошел к Рейхстагу. Самое сильное впечатление на меня произвели рыцари (скульптуры, некогда стоявшие в архитектурных нишах): на своем месте оставался только один, второй был повержен, валялся на полу как символ полного развала и гибели немецкой армии...

По контрасту вспомнилось лето 1941 года: мы тогда стояли в Бобруйске, и я, возвращаясь из командировки, глядя на отступающих красноармейцев, не мог избавиться от ощущения, что армия на грани развала. И здесь, в Берлине, ощущение то же, только уже глазами воина-победителя...

Днем на аэродроме был митинг полка. Выступали со слезами на глазах, говорили о войне, мире, победе. В скорбном молчании отдали дань памяти погибшим за эту победу [204].

Щербаков Юрий Александрович **От Вислы до Одера**

...В 1942 года, когда шли ожесточенные бои под Сталинградом, я жил в Саратове, работал там на военном заводе и очень хотел попасть в армию, на фронт. Попросился в танковое училище, но в приеме туда мне отказали: молод. Тогда обратился в горком комсомола, и меня направили комсоргом в роту, потом я стал комсоргом батальона, а заканчивал войну уже комсоргом дивизиона. Таким образом, в военные года я продолжал заниматься любимой комсомольской работой. И, во-вторых, на фронте я получил специальность радиотехника. Эти два направления работы и определили всю мою дальнейшую жизнь. Кроме того, конечно, большое влияние оказали на меня фронтовые друзья, люди высокого мужества, с которыми постоянно сталкивалась работа.

...Январь 1944 г. За полтора месяца боев, прикрывая передовые части 4-й танковой армии, наша 68-я зенитно-артиллерийская дивизия прошла 600 километров и приняла участие в освобождении около четырех сотен населенных пунктов Украины и Польши.

...Закрепившись на Сандомирском плацдарме, армия начала подготовку к дальнейшему наступлению. Мы получали танки, пушки, боеприпасы, новое пополнение приходило в наши передовые после Львовской операции ряды. Рыли землянки, готовились к зиме. Командующий Четвертой танковой Дмитрий Данилович Лелюшенко готовил войска к последнему, решительному удару по фашистской Германии. Он вызвал всех знавших немецкий язык, в том числе и меня, и поставил задачу подготовить полевых переводчиков. Начался новый 1945 год – и мы были уже в своих частях.

12 января развернулось грандиозное сражение в центре Польши. Снег, туман, слякоть – погода была нелетная, но ничто не могло помешать началу наступления. После грандиознейшей артиллерийской подготовки, сокрушившей оборону врага, части нашего фронта двинулись на запад. Впереди были польские города Лодзь и Ченстохов. Однако противник сосредоточил мощные танковые силы в районе города Кельцы. Завязалось грандиозное танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовало более тысячи машин. Наша дивизия попала под удар вражеских танков, но зенитчики не дрогнули, а развернули орудия на прямую наводку, и 32 не-

мецких танка остались подожженными на поле сражения... Полк, в котором я в то время служил Командиром радиовзвода, получил наименование Келецкого.

Наша армия освободила Краков. Всеми миру стало известно, каким чудовищным злодеяниям фашистских извергов подвергались узники Освенцима. У советских воинов сжималось сердце от ненависти к врагу. Они не щадили своих жизней, свыше 600 тысяч советских людей полегло на полях Польши. Без сна и отдыха, под снегом и дождем шли с боями бесстрашные воины-освободители. 72 бойца нашей танковой армии получили звания Героев Советского Союза за освобождение Польши.

Вспоминается ночь перед форсированием реки Варта. Три дня шли проливные дожди. Согреться негде – едва завидев малейший огонек, враг открывал бешеный артиллерийский огонь. Нашли заброшенное кладбище, залезли в разбитые гробницы, развели костры и парились, нежились, словно в бане. А потом – снова в бой...

Наша армия первой вышла на берега реки Одер. Вот и логово врага, перед нами. Зенитчики прикрывали переправу танков через Одер. Наводчики орудий, словно на дуэли, сражались с пикирующими бомбардировщиками вермахта, и каждую их победу над врагом танкисты встречали с восторгом... Наш зенитный полк на пять минут оторвался от передовых частей, механизированного корпуса – надо было собрать отставшие пушки. И вдруг – атака полусотни самолетов. Уцелела лишь одна из 24 пушек. И в довершение ко всему в результате контрудара врага мы попали в окружение. В это время севернее нас немцы нанесли танковый удар по другим нашим полкам. Погиб командир дивизии. В глухом лесу, сотни раненых. Командир полка майор Киваев принял решение вынести из окружения знамя полка и привести помощь. «Нет, Щербаков, от тебя пользы, все твои рации разбиты, пришли», – кивнул мне командир. И я пошел впереди, одевшись в немецкую форму. Когда мы добрались до своих, оказалось, что части штаба армии тоже в окружении, помощи ждать неоткуда, «Наградить бы тебя надо за наш поход, – сказал мне командир, – но с другой стороны, судить тебя надо – ни одна станция не работает. Иди назад, выводи наших раненых на дорогу». Вывел, догнали своих, стали искать свои пушки, то и дело вступая в стычки с группами противника. Подошли наши тыловые части, мы получили орудия – и снова в бой...

А потом наша танковая армия была переброшена под Бреслау. Горели города, танки шли в огненных коридорах между полыхающими стенами, за которыми нас подстерегали фаустники... В этих боях был очищен от врага район Верхней Силезии, снабжавший вермахт техникой, а наша армия получила наименование гвардейской. Перед нами стоял теперь последний оплот фашизма – Берлин. Началась подготовка к его штурму.

...Наиболее ярко запомнилась операция по штурму Берлина, особенно конец апреля 1945 года, когда наша часть стояла за Берлином в окружении фашистских войск и сдерживала с одой стороны натиск гитлеровцев, отходивших от Берлина, а с другой – пытавшихся прорваться к нему. Наша часть входила тогда в состав 4-й гвардейской танковой армии под командованием генерала Д.Д. Лелюшенко, а фронтом командовал маршал И.С. Конев, блестяще прошедший операцию по окружению столица фашистской Германии.

И еще остаются незабываемыми дни освобождения Праги, когда по приказу командования наша армия двинулась к Праге и рано утром 9 мая мы вступили в столицу Чехословакии. То, как встречали нас чешские друзья, было лучшим искуплением тех тягот, которые пришлось перенести за годы войны. Большой радости я не помню [205].

Яковлев Иван Михайлович Открыл огонь и сбил вражеский самолет

1 мая 1941 года был призван в армию. Прошел всю войну. Был пулеметчиком. Участвовал в боях на Кольском полуострове. Воювал на 2-ом Белорусском фронте в 97 стрелковой дивизии.

28 февраля 1943 г., сидя в окопе за зенитной установкой, следил за обстановкой в небе. Объект был секретным (т.к. это был штаб командования, и во что бы то ни стало открывать огонь первым не разрешалось, чтобы себя не обнаружить). И вот начался бомбардировочный обстрел. Пролетел один самолет, другой, а вот третий налетел, уже что-то заметя, на меня. И тут я, не выдержав, открыл огонь и сбил вражеский самолет. От мин, сброшенных ранее, осколками ранило в ноги и руку. А один осколок прошел в легкое, он по сей день там и находится... [206]

Источники

I. МНЕ ЭТОТ БОЙ НЕ ЗАБЫТЬ НИПОЧЕМ...

1. На основании личных рассказов В.И.Кравченко и публикаций в прессе подготовил Прислонов Н.Н.
2. По материалам газеты «За коммунизм». 1968 г., 21 февраля и 1975 г., 9 мая и сайта <http://nnow.ru/p/?id=15243>. Подготовили к печати Соловьева С. и Прислонов Н.Н.
3. Газета «За коммунизм» 1975 года 9 мая 1975 г. Записала Гиршева А. Подготовлено к печати Марковым М.
4. Из очерка В. Воробьева Огненная переправа. – <http://www.tverlife.ru/news/62061.html>
5. <http://nasledie.dubna.ru/itemprint.asp?iditem=152>
6. Газета «За коммунизм». 1974г., 20 декабря. Подготовлено к печати Мусихиной И.
7. Газета «За коммунизм». 1975 г., 10 января. Подготовлено к печати Мусихиной И.
8. Газета «За коммунизм». 1975 г., 1 мая. Подготовлено к печати Мусихиной И.
9. Газета «За коммунизм». 1975 г., 25 мая. Подготовлено к печати Мусихиной И.
10. Материал подготовлен М.И. Булановым. <http://nasledie.dubna.ru/itemprint.asp?iditem=141>

II. МЫ ЗЕМЛЮ НА ЗАПАД ВЕРТЕЛИ НАЗАД

1. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М.:1999.
2. Подготовлены к печати Прислоновым Н.Н. на основе личных воспоминаний ветерана.
3. Воспоминания записала и подготовила к печати Еременко О. Апрель 2010 г.
4. Газета «За коммунизм». 1965г., 8 мая. Записано В.Русаковым. Подготовлено к печати Завьяловым А.
5. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М.:1999.
6. Там же.
7. Подготовлено к печати Н.Н. Прислоновым на основе личных воспоминаний ветерана и статьи в газете «Площадь Мира», 2011 г., 4 мая.
8. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
9. Воспоминания записаны и подготовлены к печати Г.Галкиной.
10. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я.Шимон. Дубна, 1999 г.
11. Там же.
12. Там же.
13. По материалам газеты «Дубна: наука, содружество, прогресс» 9 мая 1985 г. и 21 июня 1995 г. Подготовлено к печати Смеловой А. и Кочешковой В.
14. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 2005 г., 7 мая.
15. Газета «Дубна: наука, содружество и прогресс». 1989 г., 9 мая. Подготовил к печати Куманичкин А.

16. Записано и подготовлено к печати Бондарь И.
17. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Отв. за выпуск И.Я. Шимон. М.:1999.
18. По материалам газеты «Вперед» 8 мая 1980 г.и сборника «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М.:1999.
19. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Отв. за выпуск И.Я. Шимон. М.:1999.
20. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс».1985, 1 мая. Подготовлено к печати Самаревой Н., Горячевым М.
21. Записано и подготовлено к печати Бондарь И.
22. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М.:1999.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Подготовлено к печати Н.Н. Прислоновым.
27. Воспоминания записала и подготовила к печати Городняя А. Апрель 2010 г.
28. Воспоминания записала и подготовила к печати Бондарь И. Апрель 2010 г.
29. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. 1999.
30. Там же.
31. Там же.
32. Там же.
33. Подготовлено к печати Алексеевой Д.
34. Газета «За коммунизм».1975г., 21 апреля. Подготовлено к печати Ясько П.
35. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М.:1999.
36. Там же.
37. Газета «Дубна: Наука, Содружество, Прогресс». 1985 г., 13 февраля. Записал Молчанов Е. Подготовлено к печати Комаровой А.
38. Газета «За коммунизм».1965г., 7 мая. Записала Антонова В.Подготовлено к печати Руденко Н.
39. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
40. Там же.
41. Газета «За коммунизм» 1960 г., 19 ноября. Подготовил к печати Казаков В.
42. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
43. Подготовлено к печати Н.Н. Прислоновым.
44. Газета «Встреча». 2004 г.. 6 мая. Записал Ю.Козлов. Подготовила к печати Цыганок А.
45. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
46. Там же.

47. Там же.
48. Там же.
49. Подготовлено к печати на основе личных воспоминаний ветерана и статьи в газете «Дубна: наука. Содружество и прогресс» 24 февраля 1988 г. Н.Н. Прислоновым и А. Куманичкиным.
50. Газета « Вести Дубны». 2000 год, 5 мая .Подготовила к печати Кунченко Н.
51. По материалам газет «За коммунизм» 24 января 1975 г. и « Дубна: наука, содружество, прогресс» 4 мая 1983 г. Подготовлено к печати Аксеновой Е. и Кочешковой В.
52. Газета «За коммунизм».1975г., 6 мая. Подготовлено к печати Тереховым А.
53. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М.:1999.
54. Воспоминания записала и подготовила к печати Бондарь И. Апрель 2010 г.
55. По личным воспоминаниям ветерана и материалам газеты «За коммунизм» 8 мая 1965г. Подготовлено к печати Руденко Н.и Алексеевой Д.
56. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
57. Там же.
58. Газета «Площадь Мира», 2011 г., 4 мая.
59. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
60. Записала и подготовила к печати Городняя А. Апрель 2010 г.
61. По материалам газет «Дубна: наука, содружество, прогресс» 9 мая. 1990 г., «Встреча» 5 марта 2005 г., 9 мая 2007 г. и газеты «Площадь Мира» 10 мая 2007 г., Подготовлено к печати Козловой В., Свириденко Д., Шагиной Ю., Цыганок А.
62. Газета «За коммунизм» 1963 г. Подготовила к печати Горюнова. Е.
63. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М.:1999.
57. Там же.
65. Подготовлены к печати Роговцевой М. и Прислоновым Н.Н.
66. Написано ветераном 7 апреля 1999 г.Подготовил к печати Н.Н. Прислонов.
67. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
68. Там же.
69. Газета «Площадь Мира», 2005 г. 15 апреля. Подготовила к печати Хомякова Т.
70. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
71. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1995г., 9мая. Записала В. Волкова. Подготовлено к печати Шалимовой Д.
72. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
73. Газета «За коммунизм». 1976 г .9 января. Записал . Ф.Сотников. Подготовлено к печати Соловьевой С.
74. Подготовлено к печати Нежалской И.
75. Воспоминания записаны и подготовлены к печати Галкиной Г.

76. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

77. По материалам газеты «За коммунизм» 11 апреля 1975 г. и сборника «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М.:1999. Подготовлено к печати Власовой А. и Прислоновым Н.Н.

78. Газета «За коммунизм».1975г., 24 января. Подготовлено к печати Аксеновой Е.

79. По материалам воспоминаний ветерана и статьи в газете «Площадь Мира», 2011 г., 4 мая. Подготовлено к печати Гулиной А. и Прислоновым Н.Н.

80. Газета «За коммунизм».1975г., 18 апреля. Подготовлено к печати Кузьмичевой А.

81. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс».1985, 8 мая. Газета «За коммунизм». 1975г., 18 апреля. Подготовлено к печати Самаревой Н., Горячевым М.

82. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

83. Воспоминания записала и подготовила к печати Ямкова А. Апрель 2010.

84. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1995 г.,1 февраля. Записано Волковой В., Подготовлено к печати Шакель К.

85. Записала и подготовила к печати Ямкова А. Апрель 2010 г.

86. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

87. Газета «За коммунизм».1965г., 3 апреля. Подготовлено к печати Косаревой К.

88. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

89. Там же.

90. Там же.

91. Газета «За коммунизм». 1965г., 8 мая. Подготовлено к печати Рохлецовой А.

92. Газета «Дубна: Наука, Содружество, Прогресс». 1985 г., 13 февраля. Записал Е. Молчанов. Подготовлено к печати Комаровой А.

93. Газета «Дубна: Наука, Содружество, Прогресс». 1985 г., 21августа. Подготовлено к печати Комаровой А.

94. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

95. Там же.

96. Там же.

97. Там же.

98. Там же.

99. Там же.

100. Газета «За коммунизм». 1965г., 12 мая. Записал Т. Хлапонин. Подготовлено к печати Завьяловым А.

101. По материалам газет « Дубна: наука, содружество, прогресс» 4 ноября 1981 г. «Встреча» 20 февраля 1998 г.и сборника «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999. Подготовили к печати Кочешкова В. и Афанасьева А.

102. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

103. Там же.

104. Газета «Советская Россия». 2014 г., 10 июля.

105. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

106. Газета «Дубна, наука, содружество, прогресс». 1985 г., 16 января. Подготовлено к печати Жуковой В., Толмачёвым А.

107. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

108. Там же.

109. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1995 г., 9 мая. Подготовили к печати Сысоева О.А., Суворова М.И.

110. Газета «Площадь Мира». 2013 г., 8 мая. Записано О. Евдокимовой. Подготовлено к печати Прислоновым Н.Н.

111. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

112. Там же.

113. Там же.

114. Там же.

115. Там же.

116. Газета «Встреча». 2003 г., 11 и 18 июня, 16 июля. Подготовлена к печати Н.Н. Прислоновым, А. Цыганок.

117. Из статьи «Вам принимать эстафету». Газета «За коммунизм». 1975г., 8 мая. Подготовлено к печати Власовой А.

118. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1995 г., 9 мая. Подготовили к печати Сысоева О.А., Суворова М.И.

119. По материалам газеты «Дубна: наука, содружество, прогресс», 1980 г., 9 апреля, и Сборника «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999. Подготовила к печати Кочешкова В.

120. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

121. Газета «За коммунизм».1970 г., 8 мая. Подготовлено к печати Чистовым И.

122. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

123. Там же.

124. Там же.

125. Подготовлены к печати Роговцевой М. и Прислоновым Н.Н.

126. Воспоминания записала и подготовила к печати Городняя А. Апрель 2010 г.

127. Газета «За коммунизм». 1975 г., 21 февраля и 9 августа. Подготовили к печати Соловьева С., Аксенова Е.

128. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1988, 5 мая. Запись С. Мазеиной. Подготовлено к печати Куманичкиным А.

129. Записала и подготовила к печати Коровенкова Е. Апрель 2010 г.

130. Газета «За коммунизм». 1965г., 24 февраля. Подготовлено к печати Григорьевым А.

131. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

132. Газета «За коммунизм». 1975 г., 22 апреля. Публикацию подготовил Е. Молчанов. Подготовлено к печати Кузьмичевой А.

133. Газета «За коммунизм». 1975г., 11 марта. Подготовлено к печати Кривовой Т.

134. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1995 г., 22 марта. Записала В. Волкова. Подготовлено к печати Дурасовой Т.

135. По материалам газет «Дубна: наука, содружество, прогресс» 20 января 1985 г. и «Встреча» 7 мая. 2002 г. Подготовила к печати Цыганок А.

136. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

137. Там же.

138. Там же.

139. Там же.

140. Воспоминания записала и подготовила к печати студентка кафедры «Социальная работа» Пескина Е. Апрель 2010 г.

141. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

142. Газета «Дубна: Наука, Содружество, Прогресс». 1985 г., 13 февраля. Записал Е. Молчанов. Подготовлено к печати Комаровой А.

143. Газета «За коммунизм». 1959 г., 21 февраля. Подготовил к печати Казаков В.

144. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1995 г., 22 марта. Подготовлено к печати Нетеребской Е.

145. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

146. Газета «За коммунизм». 1965г., 12 мая. Записал Ю. Туманов. Подготовлено к печати Кондротовой Ю.

147. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

148. Там же.

149. Подготовлено к печати Прислоновым Н.Н.

150. По материалам газеты «За коммунизм» 12 мая 1965 г. и 20 февраля 1970 г. Подготовлено к печати Завьяловым А. и Логиновой А.

151. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

152. Там же.

153. Там же.

154. Подготовлено к печати Прислоновым Н.Н.

155. Подготовлено к печати Поповой З.А. и Прислоновым Н.Н.

156. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

157. Газета « Дубна: наука, содружество, прогресс». 1980 г., 2 апреля. Подготовила к печати Кочешкова В.

158. Газета «За коммунизм». 1970 г., 3 марта. Записала И. Мельниченко. Подготовлено к печати Соколовой А.

159. Газета «За коммунизм». 1965 г., 8 мая. Подготовлено к печати Качкундр А.

160. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

161. Газета «За коммунизм». 1975 г., 9 августа. Подготовила к печати Соловьева С.

162. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

163. По материалам газеты «За коммунизм» 8 мая 1975 г. и сборника «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999. Подготовлено к печати Власовой А.

164. Газета «За коммунизм». 1965г., 28 апреля. Подготовлено к печати Руденко Н.

165. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1981 г., 30 сентября. Подготовила к печати Кочешкова В.

166. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

167. Газета «Дубна: наука, содружество и прогресс». 1987 г., 11 марта. Подготовил к печати Куманичкин А.

168. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1998 г., 30 апреля.

169. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

170. Подготовлено Н.Н. Прислоновым по материалам опубликованным в газете «За коммунизм», 1970 г., 7 мая, и в газете «Дубна: наука, содружество и прогресс», 2005 г., 29 апреля (автор – Е. Молчанов).

171. Газета «За коммунизм», 1975 г., 14 июля. Подготовила к печати Соловьева С.

172. Газета «За коммунизм». 1975г., 14 и 18 февраля. Подготовлено к печати Черепаниной Н.

173. Подготовлены к печати студенткой Роговцевой М. и Прислоновым Н.Н.

174. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

175. Подготовлено к печати Богатыревой А. и Прислоновым Н.Н.

176. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

177. Там же.

178. Подготовлено к печати Прислоновым Н.Н.

179. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

180. Газета «Дубна: наука, содружество и прогресс». 1985 г., 31 июля. Подготовил к печати Куманичкин А.

181. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

182. Там же.

183. Там же.

184. Газета «За коммунизм». 1974 г., 5 августа. Подготовила к печати Соловьева С.

185. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

186. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1984 г., 9 мая. Подготовила к печати Кочешкова В.
187. По материалам газеты «За коммунизм», 8 мая 1975 г., и сборника «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999. Подготовлено к печати студенткой кафедры «Государственное и муниципальное управление» Власовой А.
188. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1981 г., 14 октября. Подготовила к печати Кочешкова В.
189. Подготовлены к печати Логиновой А., Смелова А., Ясько П., Прислоновым Н.Н. на основе материалов газеты «За коммунизм» 1970 г. 3 марта – «Комсомольцы 30-х годов»; 1975 г. 4 апреля – «Ради жизни на земле» и газеты «Дубна: наука, содружество, прогресс» 1995 г. 21 июня. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
190. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
191. Там же.
192. Там же.
193. Там же.
194. Там же.
195. Там же.
196. Подготовлено к печати Прислоновым Н.Н.
197. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
198. Газета «Встреча». 1998 год, 20 февраля. Подготовлено в печати Афанасьевой А.
199. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
200. Подготовили к печати Нежальская В. и Прислонов Н.Н.
201. Газета «За коммунизм». 1975г., 18 февраля. Подготовлено к печати Аксеновой Е.
202. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.
203. Газета «За коммунизм». 1975 г., 4 июня. Подготовила к печати Соловьева С.
204. По материалам газет «Дубна: наука, содружество, прогресс» 3 декабря 1986 г., 19 мая 1990 г., «Площадь Мира», 2010 г., 5 мая, и сборника «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999. Подготовлено к печати Куманичкиным А, Козловой В. и Свириденко Д.
205. Газета «Дубна: наука, содружество, прогресс». 1985 г., 30 января и 7 мая. Подготовили к печати Куманичкин А. и Кочешкова В.
206. Сборник «О путях-дорогах фронтовых. Воспоминания дубненцев, участников Великой Отечественной войны. Ответственный за выпуск И.Я. Шимон. М., 1999.

Содержание

От составителя	3
Свидетельства Великой эпохи и Великого подвига народа.....	6
МНЕ ЭТОТ БОЙ НЕ ЗАБЫТЬ НИПОЧЁМ... ..	9
<i>Герой Советского Союза</i>	
<i>Кравченко Владимир Ильич</i>	
Быть всегда впереди	11
<i>Герой Советского Союза</i>	
<i>Стрельченко Владимир Игнатьевич</i>	<i>19</i>
Сквозь огненное кольцо	20
<i>Герой Советского Союза</i>	
<i>Толстов Василий Никанорович</i>	<i>22</i>
Высота отважных	23
<i>Герой Советского Союза</i>	
<i>Травкин Иван Михайлович</i>	<i>24</i>
Огненная переправа	25
Кавалер орденов «Славы»	
<i>Кукушкин Александр Филиппович</i>	
Три подвига – три «Славы»	26
<i>Военачальник Великой Отечественной войны,</i>	
<i>генерал-лейтенант Терентьев Гурий Никитич</i>	
Трудные дороги войны.....	29
В Великой Отечественной войне	
я шёл только вперёд (из автобиографии)	37
МЫ ЗЕМЛЮ ВЕРТЕЛИ НА ЗАПАД НАЗАД	61
<i>Абросимов Владимир Никитич</i>	
Народ нельзя поставить на колени	63

<i>Авдеев Владимир Николаевич</i>	
Не было ни капли страха от этого ада	64
<i>Акимкин Николай Сергеевич</i>	
Взаимовыручка, дружба и братство среди солдат навсегда остались в памяти	67
<i>Акимов Алексей Семёнович</i>	
Фронтвые дороги	68
<i>Алексеев Леонид Романович</i>	
Бой после Победы	69
<i>Антошин Василий Степанович</i>	
Шли на таран	70
<i>Анцупов Павел Сергеевич</i>	
Линию обороны фашисты не перешли	70
<i>Байков Николай Егорович</i>	
Некоторые стали молиться и даже плакать	72
<i>Бананов Владимир Иванович</i>	
Солдатский путь	72
<i>Басов Иосиф Николаевич</i>	
В окружении	73
<i>Башилов Владимир Яковлевич</i>	
Первый бой	74
<i>Белл Давид Натанович</i>	
Минёр ошибается только один раз	74
<i>Беляков Анатолий Александрович</i>	
Ленинград жил и боролся	75
<i>Бирюков Валерий Александрович</i>	
Возвращение домой отложилось еще на год	77
<i>Богданов Валентин Амвросиевич</i>	
Как молоды мы были!	78
<i>Богомаз Владимир Данилович</i>	
Во время войны было очень трудно	80
<i>Борисов Иван Васильевич</i>	
Очень трудно было, когда преодолевали барханы	82

<i>Боровиков Николай Михайлович</i>	
Ни шагу назад	83
<i>Братолюбов Виктор Аркадьевич</i>	
В операции «Багратион»	84
<i>Буздавин Пётр Александрович</i>	
Песня на фронте	84
<i>Бузавин Николай Иванович</i>	
Под Будапештом тяжело было	85
<i>Буланов Василий Иванович</i>	
Попали в самое пекло	89
<i>Васильев Александр Фёдорович</i>	
Сколько раз смерть была рядом	89
<i>Васильев Николай Павлович</i>	
Пришлось переплывать Днепр	91
<i>Величко Иван Иванович</i>	
Вой сирен и прощальные залпы орудий долго не смолкали в воздухе	92
<i>Вельможин Владимир Егорович</i>	
В первые дни было страшновато, но потом привыкли	93
<i>Веселов Павел Александрович</i>	
Корабельная жизнь, на катерах-охотниках была яркой	97
<i>Викторов Юрий Петрович</i>	
Каждый день был как подвиг	98
<i>Виноградов Николай Петрович</i>	
Держался за ведущего	98
<i>Власов Константин Михайлович</i>	
Третья мина моя	99
<i>Власов Николай Петрович</i>	
Снайперов расстреляли	99
<i>Воеводов Евгений Андреевич</i>	
И я пошёл воевать вместе с отцом	100

<i>Волков Вадим Васильевич</i>	
Солдат каждую секунду жил между жизнью и смертью.....	101
<i>Воробьёв Евгений Дмитриевич</i>	
Не было у нас лучшей школы, чем та, которую мы прошли	106
<i>Ворона Андрей Гордеевич</i>	
Дежурили почти круглосуточно, отдыхали мало	107
<i>Воронин Алексей Борисович</i>	
Дисциплина была строгая	108
<i>Востриков Пётр Дмитриевич</i>	
Подарок старого Матиаша.....	109
ВСПОМИНАЮТ СТРОИТЕЛИ-ФРОНТОВИКИ.....	110
<i>Вутто Григорий Афанасьевич</i>	
По началу было, конечно, страшно	114
<i>Гаврилов Краснослав Александрович</i>	
Первая попытка уйти на фронт закончилась безуспешно	114
<i>Ганкин Михаил Наумович</i>	
Никто под пулеметы нас не таскал, мы сами шли в бой	115
<i>Гертман Яков Матвеевич</i>	
Я чудом остался жив	116
<i>Гоголев Александр Яковлевич</i>	
Меня спас простой бронешиток.....	116
<i>Голговский Владимир Петрович</i>	
Надо быть человеком в любой обстановке	118
<i>Голованов Василий Егорович</i>	
Вперед за Родину, за Сталина!	120
<i>Горбань Анатолий Васильевич</i>	
Тяжёлая утрата.....	121

<i>Горшков Николай Иванович</i>	
Подвигов не совершал, а служил, как все воины нашей армии.....	122
<i>Гошев Александр Алексеевич</i>	
Видеть стал через полмесяца	123
<i>Гребеннюк Григорий Фёдорович</i>	
Минеры всегда впереди	123
<i>Грибков Николай Николаевич</i>	
Служили два друга	127
<i>Григоращенко Валентин Степанович</i>	
Злая шутка.....	129
<i>Григорьев Е.Д.</i>	
Первые восемь месяцев блокады Ленинграда, забыть невозможно.....	133
<i>Губарев Михаил Андреевич</i>	
От Сталинграда до Берлина	135
<i>Гусишный Иван Михайлович</i>	
Немцы охотились за каждой нашей «Катюшей»	135
<i>Дегтярев Борис Васильевич</i>	
Немцы сражались яростно и фанатично	136
<i>Деднев Павел Алексеевич</i>	
По барханам и безводью – к Победе.....	142
<i>Дементьев Александр Данилович</i>	
Солдатские откровения.....	142
<i>Демин Борис Николаевич</i>	
Чудесное спасение.....	162
<i>Диденко Александр Иванович</i>	
В спецназе	165
<i>Дидык Юрий Константинович</i>	
Это было в разведке	167

<i>Добрынин Александр Михайлович</i>	
На фронте работал на радиостанции.....	167
<i>Дубовенко Андрей Афанасьевич</i>	
Как мы всё это выдержали	168
<i>Епимахов Николай Никифорович</i>	
Перед нами была река Свирь	179
<i>Ерусалимцев Пётр Михайлович</i>	
Мы не испытывали	
к раненым немцам неприязни	180
<i>Жарков Василий Дмитриевич</i>	
Всю войну прошёл на танке	183
<i>Жданов Владимир Михайлович</i>	
Из штрафбата в разведку	184
<i>Жохов Михаил Сергеевич</i>	
Я верил и твердил – я буду жить!.....	187
<i>Жуков Николай Васильевич</i>	
В отступлении.....	191
<i>Задорожный Михаил Григорьевич</i>	
Бой на кукурузном поле.....	192
<i>Звара Иво</i>	
Была своя война и своя победа.....	193
<i>Иванцов Степан Фёдорович</i>	
Огонь был страшный – головы не поднять.....	198
<i>Игнатьев Сергей Михайлович</i>	
Война измерялась километрами	
проложенного кабеля	198
<i>Иконников Сергей Николаевич</i>	
Написал строчек пять	
на имя Верховного Главнокомандующего	200
<i>Ильинов Сергей Николаевич</i>	
Наступала грозная броня.....	203

<i>Исаев Пётр Степанович</i>	
На Днепре нас оставалось	
в живых слишком мало	204
<i>Кайнов Геннадий Ксенофонович</i>	
Лесная война.....	208
<i>Каленов Михаил Николаевич</i>	
В танковом полку.....	209
<i>Калинин Михаил Иванович</i>	
Так сражались танкисты	
под Сталинградом и Курском	210
<i>Качалов Михаил Макарович</i>	
Встречали нас как освободителей	214
<i>Киселёв Фёдор Матвеевич</i>	
Всегда на переднем крае.....	216
<i>Ключев Александр Иванович</i>	
Первое боевое крещение	218
<i>Кнотек Олдржих</i>	
Сражались в одном строю	219
<i>Кобачев Николай Титович</i>	
На счастье почувствовал ноги.....	220
<i>Ковалёв Владимир Прокопьевич</i>	
Нас всего осталось от полка 33 человека.....	222
Роковое число – восемнадцать (из интервью)	224
<i>Ковалёв Сергей Ануфриевич</i>	
Служил в саперном полку	226
<i>Козлов Вениамин Дмитриевич</i>	
На трёх лыжах	227
<i>Колбин Сергей Иванович</i>	
Каждый клочок венгерской земли	
отвоевывался в тяжёлых,	
кроваполитных боях.....	228

<i>Кольцов Алексей Николаевич</i>	
Так и воевал с одним глазом.....	229
<i>Комиссаров Анатолий Гаврилович</i>	
Японцы были очень агрессивны.....	230
<i>Конаков Константин Георгиевич</i>	
Товарищи пришли на выручку.....	231
Эту крепость нам предстояло взять.....	232
<i>Конаков Леонид Георгиевич</i>	
Сквозь линию «Маргит».....	233
<i>Конин Александр Демидович</i>	
И на Тихом океане закончили поход.....	235
<i>Константинов Дмитрий Фёдорович</i>	
Мороз зимой достигал –52°С.....	236
<i>Кормилицын Фёдор Петрович</i>	
Мы двое суток штурмовали эту гору.....	237
<i>Коромыслов Анатолий Степанович</i>	
Работали мастерские круглосуточно.....	239
<i>Коротков Михаил Дмитриевич</i>	
Бронепоезд уничтожили.....	241
<i>Кориунов Алексей Иванович</i>	
Первое ранение.....	241
<i>Косенко Андрей Фёдорович</i>	
В первые дни войны.....	242
<i>Кочешков Георгий Кузьмич</i>	
Страшно сейчас представить себе этот бой.....	243
<i>Кочнов Иван Дмитриевич</i>	
Вперёд, на Запад!.....	244
<i>Красавин Василий Петрович</i>	
С кем довелось прибыть на фронт – многих уже не досчитывались.....	246
<i>Краснов Виктор Иванович</i>	
Японские смертники сражались до конца.....	247

<i>Крупский Владимир Михайлович</i>	
Я не смог не улыбнуться, увидев эту кинокомедию (из фронтовых писем).....	249
Свидетельствует документ Из статьи журналиста Валерия Кириллова (г. Тверь) «Крылатый побег».....	250
<i>Крутиков Василий Алексеевич</i>	
Связной всегда был на ногах.....	253
<i>Кудрявцев Григорий Михайлович</i>	
Освобождая Варшаву.....	254
<i>Кудряшов Виктор Иванович</i>	
Он будет жить.....	255
<i>Кудряшов Григорий Егорович</i>	
Мы поняли, что «вляпались» здорово.....	256
<i>Кузнецов Николай Васильевич</i>	
Запомнил весёлые, радостные лица сослуживцев.....	256
<i>Кузнецов Пётр Семёнович</i>	
Последний призыв.....	257
<i>Кулешов Василий Константинович</i>	
Я не был выдающимся солдатом.....	258
<i>Кулик Дмитрий Калистратович</i>	
Пуля в лёгком находится до сих пор.....	260
<i>Куликов Николай Васильевич</i>	
На Курской дуге было ужасно.....	261
<i>Куренков Виктор Григорьевич</i>	
Я сам не знаю, как выжил в лагере.....	262
<i>Кучумов Николай Григорьевич</i>	
Суп из... мухоморов.....	262
<i>Лимонин Владимир Матвеевич</i>	
Солдатские будни.....	264
<i>Линдфорс Дарья Васильевна</i>	
Этот день – 9 мая.....	269

<i>Лисицын Алексей Михайлович</i>	
Ликующий май 45-го года	270
<i>Лихачёв Михаил Фёдорович</i>	
Этот момент я буду помнить всю жизнь	270
<i>Макаров Александр Матвеевич</i>	
В Закарпатье нас встречали с хлебом и солью, букетами цветов	272
<i>Малков Михаил Иванович</i>	
Партизанская группа	274
<i>Мальшиев Михаил Георгиевич</i>	
Иногда остаётся одно желание – жить и жить.....	275
(из фронтовых писем)	275
<i>Мальцев Алексей Александрович</i>	
Воевал в авторемонтном батальоне.....	276
<i>Малюшицкий Алексей Александрович</i>	
В первых рядах защитников Заполярья была молодёжь	277
<i>Марьин Иван Сергеевич</i>	
Встреча с маршалом Жуковым Г.К.	278
<i>Матора Иван Максимович</i>	
И на Тихом океане свой закончили поход.....	279
<i>Милькович Владимир Ефимович</i>	
Стонала земля под ногами фашистских головорезов	280
<i>Мельников Александр Дмитриевич</i>	
Не могу вспоминать войну	282
<i>Миронкин Пётр Яковлевич</i>	
Нас знали только по номерам.....	285
<i>Можжаев А.</i>	
В боях под Москвой	286
<i>Мосалов Михаил Капитонович</i>	
Сам умирай, а товарища выручай.....	289

<i>Мошков Николай Николаевич</i>	
«Мы воюем за право на труд, любовь, счастье...».....	289
(из фронтовых писем)	289
<i>Мухин Павел Арсеньевич</i>	
В первые месяцы войны	292
<i>Неверов Иван Николаевич</i>	
Показали образцы мужества и стойкости	294
<i>Невзоров Михаил Андреевич</i>	
А мне повезло, как немногим.....	296
<i>Негей Иван Георгиевич</i>	
После многочисленных бомбежек восстанавливали связь	298
<i>Никашов Михаил Матвеевич</i>	
Так и прослужил на машине до конца войны.....	299
<i>Нырковский Иван Тимофеевич</i>	
Выскочили из общежития, уже бомбили	300
<i>Орелович Михаил Семёнович</i>	
Победу встретил в Саксонии.....	300
<i>Орлов Василий Андреевич</i>	
Снаряды бились рядом, а мы спали и не слышали	301
<i>Осипенко Борис Павлович</i>	
Мне было неполных двадцать лет	304
<i>Осокин Алексей Никанорович</i>	
Меня спас котелок	307
<i>Павлов Василий Иванович</i>	
Присвоение звания	307
<i>Параховатый Михаил Михайлович</i>	
После Сталинграда поверили в Победу	308
<i>Петров Василий Андреевич</i>	
Среди защитников Ленинграда	309
<i>Печерский Борис Фёдорович</i>	
Одиннадцать раз в танке горел.....	310

<i>Пискунов Михаил Фёдорович</i>	
Мы сражались не за награды	312
История с наградами	328
<i>Писулин А.В.</i>	
Неожиданная атака	331
<i>Платонов Константин Захарович</i>	
И вдруг взрыв	333
<i>Погосян Самвел Теванович</i>	
Какой институт? Война началась!	333
<i>Поздеев Дмитрий Николаевич</i>	
От этой семьи ничего не осталось	335
<i>Попков Василий Иванович</i>	
Каждый, погибая, взрывал ещё один танк	336
<i>Попов Юрий Михайлович</i>	
И жизни своей не жалели за счастье родимой страны!	338
<i>Ракаев Сергей Иванович</i>	
Охота за «Языками»	363
<i>Решетов Василий Иванович</i>	
Мы и тогда были уверены в победе	364
<i>Русаков С.</i>	
На Одере встречали победу	365
<i>Рыжов А.</i>	
Наше дело правое, и мы победили	366
<i>Рябиков Григорий Иванович</i>	
Осталось наследство – три десятка осколков в моем теле	367
<i>Савичев Николай Николаевич</i>	
Мы были спокойны: знамя в безопасности	368
<i>Садовников Пётр Иванович</i>	
Удержали высоту до прихода основных сил	371
<i>Саенко Алексей Петрович</i>	
Так воевали подводники	372

<i>Сайкин Л.</i>	
По дорогам войны	373
<i>Самойлов Иван Андреевич</i>	
Охраняли небо над Волгой	376
<i>Сатылбаев Махмуд Садыкович</i>	
Умелый командир	378
<i>Свешников Борис Николаевич</i>	
У меня одна мысль, одна цель – выгнать немецкую гадину (из фронтовых писем)	378
<i>Сизов Иван Васильевич</i>	
В этот день я заступил дежурным по полку	380
<i>Симаков Павел Васильевич</i>	
На войне бывало все	381
<i>Смоляков Фёдор Тарасович</i>	
Об огнях, пожарницах, о друзьях, товарищах	381
<i>Соболев Николай Кузьмич</i>	
Много было памятных операций за годы войны	388
<i>Соболев Пётр Ефимович</i>	
Защищая столицу	390
<i>Соколов Константин Александрович</i>	
С «Катюшей» от Калинина до Вены	393
<i>Сорокин Николай Иванович</i>	
Случай под Прохоровкой	405
<i>Сосульников Владимир Егорович</i>	
На защите подмосковных рубежей	405
<i>Становов Василий Иванович</i>	
На войну пошёл, ещё не было 18	409
<i>Столяров Александр Данилович</i>	
Из 500 танков осталось 30	410
<i>Сторожев Михаил Михайлович</i>	
В бой шли артиллеристы	410
<i>Сурминов Иван Фёдорович</i>	
В бригаде траления	423

<i>Сытенков Михаил Александрович</i>	
От Дмитрова до Бреслау	424
<i>Талтанов Егор Васильевич</i>	
Польшу с боями прошли пластом	426
<i>Тарасов Василий Фёдорович</i>	
Воевал мальчишкой	426
<i>Тихомиров Александр Филиппович</i>	
Решающий бой	427
<i>Толписов И.А.</i>	
Удачная операция	429
<i>Точилин Василий Иванович</i>	
Бои на подступах к Сталинграду были ожесточенные	430
<i>Тулаев Борис Петрович</i>	
Я успел пережить очень многое	432
<i>Устенко Евгений Петрович</i>	
Война – это тяжелый, изнурительный труд	433
<i>Фёдоров Иван Иванович</i>	
Я был наводчиком орудия	434
<i>Федуков Степан Васильевич</i>	
Фронтное братство	435
<i>Филимонов Александр Иванович</i>	
Живу с пулей в сердце	441
<i>Филимонов Иван Иванович</i>	
В октябре месяце 41-го мы пошли в первый танковый бой	441
<i>Фирсов Алексей Иванович</i>	
В технической службе	442
<i>Фомичёв Иван Ильич</i>	
На безымянной высоте	444
<i>Чебурков Юрий Тимофеевич</i>	
Мы сбили его и спасли летчика	444
<i>Черкунов Александр Иванович</i>	
Первый бой, он трудный самый	445
<i>Черкунов Иван Маркелович</i>	
Нам пришлось вести жестокий бой	445
<i>Черняев Георгий Алексеевич</i>	
Пейте вино! Я разрешаю! Война кончилась!	448
<i>Чесноков Михаил Филиппович</i>	
Так освобождали Кухари	451
<i>Чистяков Николай Петрович</i>	
На нашу пушку было выброшено 204 снаряда	451
<i>Шелаевский Матвей Рафаилович</i>	
Меня посчитали погибшим	452
<i>Шастов Николай Ильич</i>	
Война наложила отпечаток на всю мою жизнь	459
<i>Шафранов Михаил Дмитриевич</i>	
Колёса японских пушек	461
<i>Шванев Вениамин Семёнович</i>	
Решение задачи было найдено	463
<i>Шеиунов Всеволод Михайлович</i>	
Трудно забыть те первые дни войны	465
<i>Щербаков Юрий Александрович</i>	
От Вислы до Одера	470
<i>Яковлев Иван Михайлович</i>	
Открыл огонь и сбил вражеский самолет	472
ИСТОЧНИКИ	473

Литературно-художественное издание

Нам дороги эти позабыть нельзя

Часть I

Составитель **Прислонов** Николай Николаевич

Ответственный за выпуск Диваков С.В.
Подготовка оригинал-макета Дмитриева Н.А.

Подписано в печать 24.04.2015. Формат 60х90/16.
Объём 31 усл. печ. л. Тираж 300 экз. Заказ №

ООО «Издательство Волга»
170002, г. Тверь, ул. А. Завидова, д. 24, оф. 21
Тел.: (4822) 48-30-60; e-mail: info@ivolga.tv; www.ivolga.tv

Отпечатано в ООО «Тверская фабрика печати»
170040, г. Тверь, пер. Беляковский, д. 46.